XX век
в документах и исследованиях

Национальная политика в странах формирующегося советского блока

1944-1948

НАУКА

inslav

XX век
в документах и исследованиях

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES

inslav

20th Century in Documents and Research

National policy in the countries of the forming Soviet bloc

1944-1948

MOSCOW NAUKA 2004

inslav

XX век в документах и исследованиях

Национальная политика в странах формирующегося советского блока

1944-1948

МОСКВА НАУКА 2004

inslav

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)
Н 35

Серия "XX век в документах и исследованиях" основана в 2001 году

Ответственный редактор
доктор исторических наук *В.В. Марьина*

Научно-организационная работа:
кандидат исторических наук *Л.Б. Милякова*

Рецензенты:
доктор исторических наук *К.В. Никифоров*,
доктор исторических наук *А.А. Улунян*

Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948 / Отв. ред. В.В. Марьина; Ин-т славяноведения. — М.: Наука, 2004. — 551 с. — ISBN 5-02-009864-7 (в пер.)

Книга — первое в российской историографии конкретно-историческое исследование национальной политики в Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии, Чехословакии, Югославии в 1944–1948 гг. В ней при опоре на большой массив документального материала, в том числе архивного, а также на современную историческую литературу освещены недостаточно изученные, дискуссионные и мифологизированные вопросы. Особое внимание обращено на те из них, которые в настоящее время являются актуальными и политически острыми: выселение немцев из Чехословакии, Польши, Венгрии после войны, политика в отношении венгерского меньшинства в Чехословакии, взаимоотношения между народами бывшей Югославии, проблема албанцев в Косово, политика в отношении еврейского населения, советское воздействие на формирование национальной политики в исследуемых странах, реакция общественно-политических сил Германии, Австрии, Венгрии, Чехословакии, Польши и других на эту политику сегодня. Имеется документальное приложение.

Для историков, политологов и широкого круга читателей.

ТП 2004-II-№ 262

ISBN 5-02-009864-7

© Коллектив авторов, 2004
© Российская академия наук и издательство "Наука", серия "XX век в документах и исследованиях" (разработка, оформление), 2001 (год основания), 2004

inslav

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 7

Глава 1

"РЕГИОН МНОЖЕСТВА НАРОДОВ И НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ" В ПОИСКАХ ЕДИНЫХ ПРИНЦИПОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ЗАЩИТЫ ПРАВ МЕНЬШИНСТВ 15

Глава 2

МАССОВЫЕ ДЕПОРТАЦИИ В СССР 68

Глава 3

ЧЕХИ И СЛОВАКИ В ВОЗРОЖДЕННОЙ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ 113

Глава 4

ВЫСЕЛЕНИЕ НЕМЦЕВ ИЗ ЧЕХОСЛОВАКИИ 153

Глава 5

ПРОБЛЕМЫ ВЫСЕЛЕНИЯ ВЕНГРОВ ИЗ ЧЕХОСЛОВАКИИ 211

Глава 6

ВЕНГЕРСКОЕ МЕНЬШИНСТВО В ЧЕХОСЛОВАКИИ И СЛОВАЦКОЕ – В ВЕНГРИИ: РЕШЕНИЕ УЧАСТИ 285

Глава 7

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА В ПОЛЬШЕ В 1944 – 1948 гг. 310

Глава 8

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В ПОЛЬШЕ 341

Глава 9

ТРАНСИЛЬВАНСКИЙ ВОПРОС В ОТНОШЕНИЯХ ВЕНГРИИ И РУМЫНИИ В 1940-е ГОДЫ. 358

inslav

Глава 10

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ЮГОСЛАВИИ 443

Глава 11

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В БОЛГАРИИ В 1944 – 1947 гг. 482

Глава 12

ГУЛКОЕ ЭХО ПРОШЛОГО. ПОСЛЕСЛОВИЕ 497

ПРИЛОЖЕНИЕ 524

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 543

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 547

inslav

ПРЕДИСЛОВИЕ

В качестве объекта исследования предлагаемой читателю книги избрана национальная политика, проводившаяся в Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии, Чехословакии и Югославии в первые послевоенные годы. Почему? Думается, ответ на этот вопрос достаточно очевиден. Конец прошлого, XX столетия показал весьма сильное напряжение именно в области человеческих отношений, касающихся решения национальных проблем. Последнее десятилетие ушедшего века принесло много, на первый взгляд, неожиданного в вопросе межнациональных отношений, свершился ряд "бархатных" и менее "бархатных", шумных, а иногда с кровавыми последствиями, "национальных разводов". Регион, который в работах историков и политологов в настоящее время имеет разное наименование (Центральная и Юго-Восточная Европа, Восточная Европа, Центральноевропейские страны, страны Центральной и Восточной Европы, страны Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы и т.д.), являлся и является поныне средоточием постоянной конфликтности и нестабильности — тем "нервическим узлом" Европы, где национальный вопрос в последние полтора столетия приобрел особую остроту. Частые "национальные сшибки", короткие или длительные, иногда имевшие более мирные, а иногда и кровавые формы, оставляли рубцы "на теле" народов этого региона, в их душе, их исторической памяти, что, несомненно, сказывается на их взаимоотношениях в настоящее время. Чтобы понять истоки конфликтности в области национальных отношений, её причины, часто своими корнями уходящие в глубокое прошлое, необходима помощь ученых-гуманитариев и прежде всего историков. С точки зрения изучения национального вопроса и национальной политики как инструмента его решения данный регион представляет для исследователей особый интерес.

Несколько слов о том, почему для рассмотрения избран хронологический период 1944—1948 гг.? Это чрезвычайно короткий по историческим меркам, но весьма сложный и политически насыщенный отрезок истории указанных стран. Раньше в историографии он именовался периодом народно-демократи-

inslav

ческих революций, а сегодня характеризуется как время "ограниченной", "лимитированной", "управляемой", "регулируемой" и пр. демократии. И прежде, и теперь эти годы расценивались как переходный период: прежде — от капитализма к социализму, теперь — от тоталитарного режима правого толка к лево-тоталитарному строю советского образца. Кроме того, следует иметь в виду, что это было время перехода стран региона от войны к миру, время включения их в сферу советского влияния, время формирования советского блока. Это, естественно, накладывало свой отпечаток на все происходившие в них политические процессы, в том числе и на политику в области национальных отношений. Общество, формально покончившее с фашистскими, профашистскими, авторитарными, военно-диктаторскими и прочими режимами, но не успевшее еще избавиться от их черт, начало в силу особенностей своего внутри- и внешнеполитического развития уже приобретать черты нового, коммунистического тоталитаризма. Одновременно в связи с плюралистичностью политической системы, оформившейся в виде Национальных (народных) фронтов, имели место и попытки направить развитие стран региона по демократическому пути, в скором времени закончившиеся крахом.

В сложнейших условиях послевоенного времени и началось решение национального вопроса, которое, казалось, должно было привести, если не к снятию его с повестки дня, то хотя бы положить начало этому. Политики прошлых лет, сохранившие более или менее прочные позиции после войны, надеялись при этом опереться на опыт межвоенного двадцатилетия, естественно, намереваясь учесть все допущенные тогда промахи и ошибки. Пришедшие во власть коммунисты, вынужденные, с одной стороны, идти на компромисс с партнерами по национальным фронтам, а с другой — оглядываться на Москву, пытались выстроить свою линию в национальной политике, нередко прибегая к советам "кремлевских друзей" и все более подчиняя её задачам развития революции, а затем строительства социализма. Естественно, что опыт 1944—1948 гг. не мог не отразиться на попытках "окончательного" решения национального вопроса в период развития стран рассматриваемого региона по социалистическому пути советского образца. Но при опоре на идею пролетарского интернационализма и идеологему "дружбы народов" "окончательного" решения не получилось, что и продемонстрировало последнее десятилетие XX века. Каждая из стран региона имела в этом плане свои проблемы, но особенно остро они проявились в Югославии и Чехословакии. И та, и другая федерации окончили своё существование: первая, распавшись на несколько государств, вторая — на два самостоятельных государства. В других странах региона также про-

inslav

изошло обострение национальных взаимоотношений. В чем причина? Повлияли ли на это ошибки в решении национального вопроса на предшествующих этапах исторического развития указанных стран или дело было в чем-то другом, например, в естественном и непреодолимом стремлении их народов к созданию собственных национальных государств? А может быть к этому стремились лишь политически амбициозные лидеры и элиты этих народов? Каковы были особенности национальной политики в Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии и как решение или соответственно нерешенность проблем межнациональных отношений отразились на современном положении в этих странах? Таковы вопросы, на которые предстоит дать ответ, и, возможно, не сейчас и не сразу, а постепенно разгадать причины феноменальной конфликтности, свойственной сегодня исследуемому региону.

Несколько соображений относительно самого понятия "национальный вопрос". Как определить его содержание? Ответ на это, как представляется, уже дан: только с помощью конкретно-исторического подхода. На различных этапах исторического развития вообще и каждой страны в отдельности он имел свое содержание, свои особенности. Нередко возникая как сугубо внутренний, он зачастую выходил за государственные рамки, а одно время приобрел черты глобальности (национально-колониальные войны, национально-освободительные движения).

Что касается внутренней сути национального вопроса в исследуемом регионе в 1944—1948 гг., то для нее характерна многоаспектность. Он включал вопросы о границах, о политике в отношении национальных меньшинств, о депортациях и репатриации населения, где они имели место, о взаимоотношениях между "титульными" нациями или народами, создавшими федеративные государства, о выравнивании уровней культурного, экономического развития отдельных народов в рамках одной страны и т.д. Все это входило в понятие "национальный вопрос", который в разных странах в разное время оборачивался то одной, то другой своей стороной.

В одной книге поставить сразу все вопросы и ответить на них невозможно, особенно учитывая недостаточную изученность национальной проблематики в странах региона, а также идеологизированный и политизированный подход к ее освещению в недавнем прошлом. В центре внимания авторского коллектива находилась национальная политика в вышеуказанных странах, определяемая расстановкой политических сил в каждой из них, существовавшими традициями и национальной структурой, поведением национальных меньшинств в годы войны, отношение к которым, как представляется, было одним

inslav

из центральных пунктов программ "народно-демократических правительств".

Исследование национальной политики ведется в книге по двум магистральным направлениям. Во-первых, это концепции, программы по национальному вопросу, выработанные различными политическими силами к концу второй мировой войны, их воплощение в государственной политике, вылившееся в конкретные законодательные акты и соглашения, наконец, практическая их реализация. Во-вторых, это — советский фактор в решении национального вопроса в странах, оказавшихся в сфере влияния СССР. Что здесь имеется в виду? Непосредственное вмешательство, указание, давление Москвы, если таковые имели место; использование или отрицание опыта строительства многонационального советского государства; отношение различных политических сил к лозунгу о праве наций на самоопределение вплоть до отделения, который советские коммунисты рассматривали как подчиненный в решении задачи развития мировой пролетарской революции; влияние конкретной практики осуществления советской национальной политики, в частности депортаций отдельных групп населения (немцев Поволжья, крымских татар, калмыков, чеченцев, ингушей и т.д.). В годы второй мировой войны и первые послевоенные годы именно массовые депортации в СССР стали характерной чертой его национальной политики. Поэтому было сочтено целесообразным включить в книгу главу об этом. Чешский историк Я. Ваннер был приглашен в качестве ее автора, поскольку, опираясь на работы российских и украинских ученых, он осветил вопрос комплексно, а не только отдельные его аспекты.

Выделение магистральных направлений исследования не означает, что в книге не ставятся и не рассматриваются попутно другие важные вопросы, в частности интересные в общетеоретическом плане, например, о месте и роли в исторической ретроспективе и на современном этапе лозунга права нации на самоопределение; о корреляции национального и конфессионального вопросов, где это было актуально; о роли национальной элиты, в частности интеллигенции, в выработке представлений о формах и способах решения национального вопроса; о поведении нации, превращающейся из ведомой в ведущую и т.д.

В книге имеются главы, касающиеся как общерегиональных вопросов, так и страноведческой проблематики, т.е. рассматривающие национальную политику в Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии, Чехословакии, Югославии. Порядок расположения страноведческих глав определялся степенью остроты национального вопроса в каждой из стран региона в указанный период. При этом всячески приветствовался выход авторов на

inslav

современность. Решения по национальному вопросу первых послевоенных лет, особенно выселения немцев из Чехословакии и Польши, политики в отношении венгерского населения в Чехословакии, в настоящее время по-разному оцениваются политиками и учеными. Ведутся дискуссии в интересах как достижения определенных политических целей, так и получения новых научных результатов. В связи с этим книга завершается главой о современном политическом резонансе решений, принятых после войны в отношении национальных меньшинств.

В монографии в ряде случаев представлен взгляд нескольких авторов на один и тот же вопрос, что позволило сделать стереоскопичным его освещение. Например, вопрос о выселении из Польши немцев рассматривается И.С. Яжборовской и Р. Бекером (Польша), о выселении украинцев — И.С. Яжборовской, Л.Б. Миляковой и Р. Бекером, они же касаются и политики в отношении польского еврейства; о выселении немцев из Чехословакии говорится в главах В.В. Марьиной и И.С. Яжборовской, о судьбе венгерского меньшинства в Чехословакии — в текстах Б.Й. Желицкого, Х. Носковой (Чехия) и И.С. Яжборовской, и т.д. Каждому из авторов была предоставлена возможность делать свои суждения и выводы.

Действительно научное изучение проблемы, находящейся в центре внимания авторского коллектива, по существу только начинается как в отечественной историографии, так и в историографии стран, входивших после второй мировой войны в сферу советского влияния. Что касается оценок, существовавших в литературе до развала советского блока, то они были связаны с политическим заказом власть предержащих, т.е. с заказом правивших в СССР и странах исследуемого региона коммунистических партий. Как правило, утверждался тезис об общей правильности проведенной национальной политики с указанием на некоторые, якобы частные, ее недостатки и ошибки, нередко приписываемые "врагам народа", политическим противникам коммунистов, "буржуазным националистам", проникшим в ряды самих компартий и т.д. Политическому заказу соответствовали подбор и оценка фактического материала. Налицо были политизированность и искаженное изображение многих аспектов сложнейшей национальной проблематики. И все же можно сказать, что определенный массив фактического материала, в том числе и архивного, но соответствующим образом подобранного, был введен в научный оборот еще в период вхождения стран исследуемого региона в сферу советского влияния.

По мере ослабления тоталитарных общественно-политических систем интерес к исследованию национального вопроса и национальной политики в указанных странах усиливал-

inslav

ся, и особенно там, где, несмотря на все попытки представить вопрос как решенный, национальные противоречия давали о себе знать с большей или меньшей силой (Югославия, Польша, Чехословакия). В эмигрантской литературе в прошлые времена тоже наличествовал элемент политизации, только с обратным, по сравнению с коммунистической, знаком: зубодробительной критике подвергалась вся национальная политика и ее результаты. После краха общественно-политических систем, руководимых коммунистами, историки стран региона вновь обратились к изучению вопросов национальной политики. В первую очередь начали подниматься архивные материалы, относящиеся к данной проблематике и отдельным ее аспектам. Публикуются сборники документов, написано немало книг и еще больше статей. Их названия читатель найдет в сносках к отдельным главам. Актуальными и политически острыми являются вопросы выселения немцев из Чехословакии и Польши после второй мировой войны, судьба венгерского населения Словакии и словацкого в Венгрии, история решения вопроса о Трансильвании, участь украинского населения в Польше, взаимоотношения между народами бывшей Югославии, проблема албанцев в Косово, политика в отношении еврейского населения, о чем прежде не говорилось, и др. Национальная проблематика нашла отражение в публикациях документов из отечественных архивов[1].

Активно занимаются проблемами национальных отношений и национальной политики в странах региона Институт славяноведения РАН и все его подразделения. В частности, несколько лет назад состоялся весьма интересный "круглый стол" на тему "Национальный вопрос в Восточной Европе: прошлое и настоящее". Сборник под тем же названием, вышел в 1995 г.[2] Уже в нем были частично затронуты вопросы, которые рассматриваются и в настоящей книге. Отдел современной истории и социально-политических проблем, в котором подготовлена настоящая книга, тоже обратился к ней в последние годы. В 2001 г. был проведен "круглый стол" на тему "Национальный вопрос и национальные меньшинства в Восточной Европе. 1944—1948 гг."[3] Сотрудники Института, используя материалы российских архивов, выступали с докладами по национальной проблематике региона за рубежом[4].

Члены авторского коллектива при написании книги опирались на достаточно широкий круг документальных материалов, обнаруженных в отечественных (Архив внешней политики Российской Федерации, Российский государственный архив социально-политической истории, Государственный архив Российской Федерации) и зарубежных архивах. Изучены и проработаны, насколько это позволяют состояние российских библиотек и

inslav

личные контакты авторов, опубликованные как в СССР (России), так и за рубежом, сборники документов и новейшая литература по проблеме. В отечественных и зарубежных научных изданиях напечатан ряд статей членов авторского коллектива. Сноски на эти работы имеются в соответствующих главах.

Опираясь на ранее неизвестные материалы, авторы попытались обозначить новый поворот в исследовании проблемы, избавиться от многих априорных, схематичных, субъективистских ее деформаций, с позиций сегодняшнего дня оценить состояние национального вопроса в странах региона в первые послевоенные годы и проводимую в это время национальную политику. Переосмыслению и переоценке подвергся тезис о "правильности" марксистско-ленинской теории по национальному вопросу. Сделана попытка выявить альтернативные, если таковые были, варианты решения национальных проблем, показать, почему оказались принятыми одни и отвергнуты другие программы. По возможности, прослежено влияние советской национальной политики военных и первых послевоенных лет на политику в данной области в странах формирующегося советского блока, а также реакция Запада на эту политику.

В позициях авторов обнаружились отличия, а иногда и несхожесть мнений по тем или иным вопросам, что, несомненно, должно послужить их дальнейшему осмыслению. Ответственный редактор книги, даже в случае несогласия с той или иной авторской позицией, не препятствовала ее опубликованию. Как и предполагалось, были затронуты не только конкретно страноведческие вопросы, но также имеющие бесспорно методологическое и теоретическое значение. Среди них, например, соотношение идеологии и реальной политики в решении национальных проблем; влияние общественного мнения на выбор политической линии и ее реализацию; оценка лозунга о праве наций на самоопределение и возможности осуществления этого права на практике; вопрос о коллективном праве национальных меньшинств; суть и особенности сталинской концепции национального вопроса и т.д. В связи с рассмотрением проблем межнациональных отношений, вставших перед отдельными странами региона, поднимались и вопросы, которые ранее по тем или иным причинам либо замалчивались, либо просто не привлекали внимание исследователей. В частности, были сделаны попытки на польском материале выяснить причины антисемитских настроений в стране в послевоенный период, показать особенности решения в ней украинского вопроса. Однако работа по изучению до сих пор малоисследованных вопросов только начинается. Перед учеными, обращающимися к поднятым в книге проблемам, в связи с масштабным расширением источниковедческой базы открывается широкое поле деятель-

inslav

ности. Главный урок, который может быть извлечен из уже имеющегося знания о решении национальных проблем в странах рассматриваемого региона в 1944—1948 гг., пожалуй, заключается в оценке как бесплодных и иллюзорных тех скороспелых попыток разрешения межэтнических противоречий, которые не способствовали нейтрализации деструктивных представлений о национальной исключительности и противостоянию насилию. Только терпеливые поиски путей формирования многонационального сообщества на основе взаимных компромиссов и общих демократических принципов дают возможность коренным образом разрешить проблему[5].

В написании книги принимали участие сотрудники Института славяноведения РАН: доктора исторических наук Е.Ю Гуськова, Б.Й. Желицки, В.В. Марьина (ответственный редактор), кандидаты исторических наук Ю.Ф. Зудинов, Л.Б. Милякова (бригадир труда), А.С. Стыкалин; сотрудник Института сравнительной политологии РАН доктор исторических наук И.С. Яжборовская; чешские историки Я. Ваннер и Х. Носкова; польский историк Р. Бекер. Авторами отдельных глав являются: предисловие — В.В. Марьина, гл. 1 — И.С. Яжборовская, гл. 2 — Я. Ваннер, гл. 3 — В.В. Марьина, гл. 4. — В.В. Марьина, гл. 5 — Б.Й. Желицки, гл. 6 — Х. Носкова, гл. 7 — Л.Б. Милякова, гл. 8 — Р. Бекер, гл. 9 — А.С. Стыкалин, гл. 10 — Е.Ю. Гуськова, гл. 11 — Ю.Ф. Зудинов, гл. 12 — В.В. Марьина, И.С. Яжборовская. Перевод глав Я. Ваннера и Х. Носковой с чешского языка осуществлен В.В. Марьиной, перевод главы Р. Бекера с польского языка — Л.Б. Миляковой. В главе 12 использован материал Б.Й. Желицкого. Авторский коллектив благодарит рецензентов труда и всех участвовавших в его обсуждении.

[1] Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг. Т. 1: 1944—1948 гг. М.; Новосибирск, 1997; Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг. Т. 1: 1944—1948 гг. Документы. М., 1999.

[2] Национальный вопрос в Восточной Европе: прошлое и настоящее. М., 1995.

[3] *Стыкалин А.С.* Национальный вопрос и национальные меньшинства в Восточной Европе: 1944—1948 годы (Материалы круглого стола) // Славяноведение. 2001. № 5. С. 90—105.

[4] См. в частности: The Journal of Communist Studies and Transition Politics. Special Issue: Forced Migration in Central and Eastern Europe, 1939—1950. Essex (England)-Portland (USA). 2000. N 1—2: *Volokitina T.V.* The Polish-Czechoslovak Conflict over Teschen: The Problem of Resettling Poles and the Position of the USSR. P. 46—63; *Murashko G.P.* The Fate of Hungarian Minorities in Slovakia after the Second World War: Resettlement and Re-Slovakization: Moscow's Position. P. 83—95; *Noskova A.F.* Migration in Germans after the Second World War: Political and Psychological Aspects. P. 96—114.

[5] *Стыкалин А.С.* Национальный вопрос... С. 105.

inslav

Глава 1

"РЕГИОН МНОЖЕСТВА НАРОДОВ И НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ" В ПОИСКАХ ЕДИНЫХ ПРИНЦИПОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ЗАЩИТЫ ПРАВ МЕНЬШИНСТВ

В меняющемся современном мире складывается новая система международных отношений. Во взаимоотношениях России с соседними государствами нельзя недооценивать важности учета геополитических реалий в восточной части Центральной Европы и в Юго-Восточной Европе, находящихся в настоящее время в стадии переструктурирования геополитического пространства. Ликвидация "социалистического содружества" открыла поле для билатеральных соглашений и оформления отдельных региональных образований, например Вышеградской четверки и др.

Новая геополитическая ситуация потребовала расчистки десятилетиями старательно камуфлировавшихся исторических завалов, снятия накопившихся проблем и противоречий. Существенным компонентом выбора европейского ориентира было приближавшееся вступление ряда стран региона в Европейский Союз, а это предполагало в перечне обязательных условий приема соответствие европейским стандартам, в том числе урегулирование национальных отношений, снятие пограничных разногласий и т.д.[1]

Это требование с неизбежностью возвращает нас к истории национального вопроса и национальных меньшинств в Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европе, особенно на завершающем этапе второй мировой войны и в первые послевоенные годы. Оно предполагает определение и осмысление геополитических параметров этого явления, сложного переплетения международных факторов его возникновения и динамики существования, учета правовых аспектов и т.д.

Закладывание основ международной системы защиты прав национальных меньшинств

Регион многочисленных малых и средних народов Европы, о котором идет речь в этом очерке, получил от истории весьма непростое наследство. На его обширных территориях народы были перемешаны, немалые их части раздроблены и рассеяны

inslav

по просторам многонациональных империй — Австро-Венгерской, Германской, Османской и Российской, в которых периодически возникали и многократно обновлялись структуры различных национальных меньшинств, порождая все новые противоречия и конфликты.

Как только запускались механизмы глобальных антагонизмов XX века, эти территории оказывались в эпицентре мировых катаклизмов на стыке интересов супердержав, передела территорий и сфер влияния. Происходили существенные перемены в межгосударственных разграничениях и судьбах многочисленных национальных меньшинств. Масштабы и направления изменений в их положении и во времена первой мировой войны, межвоенного периода, и в годы второй мировой войны зависели не только от текущей международной ситуации, но непосредственно обусловливались спецификой региона, его историческими условиями и всем комплексом взаимодействующих факторов. В их числе первостепенную роль играли внешняя политика и взаимоотношения могущественных соседей — Советского Союза и Германии.

Многообразные и противоречивые процессы регулирования межнациональных отношений в свою очередь в значительной степени зависели от состояния и развития международного и внутреннего права, прежде всего от обязательств, вытекавших из системы договоров и билатеральных трактатов, а также от односторонних деклараций.

Существо и характер проводимой национальной политики, как правило, варьировались в зависимости от общественного строя и политического режима того или иного государства, от особенностей его внутренней и внешней политики. Они предопределялись идеологическими установками и политической мыслью, а также личностями их лидеров и движений, непосредственно участвовавших в формировании и реализации национальной политики.

В период формировании новых независимых государств на рубеже новейшей истории национальные меньшинства не играли приоритетной роли. Но ряд из них быстро попал в поле зрения мирового сообщества, поскольку в ходе послевоенного урегулирования они стали важным элементом международной политики.

Прогресс в этой тогда весьма значимой для мирового сообщества области оказался, увы, отнюдь не прямолинейно-поступательным. Версальская система мирных договоров коренным образом перекроила карту данной части Европы согласно необыкновенно популярному в тот момент принципу права наций на самоопределение. Однако он применялся избирательно, преимущественно к народам, проживавшим на территории

inslav

противника. Одни из них обрели свои собственные государства и возможность ускорения национального развития, другие — нет. Национальный вопрос не потерял своей актуальности и после раскраски политической карты Европы в непривычные цвета новых государств. Ни одно из них не соответствовало эталону моноэтнического, свободного от национальных противоречий и конфликтов.

Версальская система, решая в первую очередь геополитические задачи великих держав, в силу множественности трудных проблем не смогла обеспечить комплексной оптимизации межэтнических, межнациональных отношений. Ряд кардинальных проблем не был решен, появились новые запутанные ситуации и антагонизмы. Сохранилось множество территорий со сложной национальной структурой, на которые претендовали соседние государства. Новые политические границы, проложенные по территориям со смешанным населением, на практике почти нигде не совпали с этническими размежеваниями.

Смена очертаний границ создавала атмосферу постоянной нестабильности, напряженности, конфликтов и угроз со стороны соседей, имевших в пограничных районах свои представленные национальными меньшинствами форпосты. Но как бы не менялись границы, те или иные меньшинства сохранялись, либо к ранее существовавшим анклавам добавлялись новые, что опять порождало или поддерживало ощущение временности и тревоги. Наличие этнических, национальных, языковых и религиозных меньшинств непрестанно антагонизировало межнациональные и межгосударственные отношения в регионе. Вполне справедливо суждение, что очаги напряженности "в конечном счете превратили послевоенный мир в двадцатилетнюю мирную передышку между двумя мировыми войнами"[2]. Однако впервые вышло на первый план и получило достаточно мощный толчок решение проблемы создания международной системы защиты прав меньшинств при помощи коллективных договорных гарантий. Оформлявшаяся система охватила (по разным подсчетам) от 30 до 50 млн человек, половину европейских государств и меньшинств Европы, треть членов Лиги Наций. Поскольку она касалась только результатов изменений на карте Европы (Великобритания была против распространения этой системы на колониальные народы), защита прав меньшинств не стала нормой международного права и не нашла как таковая отражения в Статуте Лиги Наций (1919 г.). Однако созданный ею Комитет новых государств и защиты меньшинств включал в проекты мирных договоров базовые обязательства согласно Версальскому мирному договору от 28 июня 1919 г., в том числе специальные положения о национальных меньшинствах.

inslav

Всего с такими типовыми положениями было заключено около двух десятков многосторонних и двухсторонних соглашений. Регулировалось положение немцев, украинцев, евреев и литовцев в Польше, немцев, евреев, русинов, русских и венгров в Чехословакии, венгров, чехов, саксонцев, русских и болгар в Румынии, болгар, немцев и венгров в Югославии, турок в Болгарии, словаков в Венгрии, греков и представителей "славянских меньшинств" в Албании и т.д. В Польше меньшинства включали 36,7% населения, в Чехословакии (если условно отнести словаков при подсчете к меньшинству) 52,1%, в Румынии — 26,6%, в Албании — 17,8%, в Болгарии — 14,6% и т.д.[3] Таким образом, первые три страны не достигали грани этнополитической стабильности, которая предполагает наличие 70—95% основного этноса и способствует интегрированию населения. Смягчение межэтнических проблем достигалось при помощи учета в той или иной мере специфических условий и нужд меньшинств. В ряде договоров содержались и специальные положения, касающиеся особого статуса отдельных меньшинств. Польша и Чехословакия, имевшие на своей территории больше всего национальных меньшинств, выдвинули условие, учтенное в резолюции Совета Лиги Наций от 5 сентября 1923 г. о приемлемости петиций: они не должны были содержать требование о разрыве политических отношений меньшинства с государством проживания[4]. Оно должно было обезопасить их от возможных германских территориальных притязаний.

Особый случай представляла собой весьма тщательно проработанная польско-немецкая конвенция о Верхней Силезии, действие которой (1922—1937 гг.) касалось лишь плебисцитарной территории. Она детально регулировала политические права населения, а также предполагала возможность обжалования, создавая целую сеть специальных организаций — управления по делам меньшинства и в польской, и в немецкой части Верхней Силезии, смешанные комиссию и арбитражный трибунал во главе с представителями третьих стран. Меньшинства имели право индивидуально или коллективно обращаться прямо в Совет Лиги Наций, в специально созданный постоянный трибунал в Гааге для разрешения споров Польши или Германии с одним из членов Совета Лиги Наций. Определенные обязательства брали на себя при вступлении в Лигу ее члены.

Перечень обязательств государств перед меньшинствами, подпадавший под гарантии Лиги Наций, включал защиту права на жизнь и личную свободу без различия происхождения, национальности, расы, языка и религии, на равенство перед законом, на равный доступ к общественным учреждениям и профессиям, на свободу пользования своим языком в частной, хозяйственной и религиозной жизни, в прессе и школьном деле,

inslav

а также на свободу совести и собраний. Было обещано содействие в использовании в суде родного языка и т.д. Эти обязательства получали преимущество перед любыми противоречащими им законами и подзаконными актами. При неоспоримых достоинствах введенной в жизнь международной системы защиты прав национальных меньшинств явным недостатком возникших под эгидой Лиги Наций документов было то, что в них оговаривались права отдельных их представителей, но не миноритарной группы в целом. Хотя достаточно широкую и эффективную систему контроля за соблюдением прав меньшинств в рамках Лиги создать не удалось, она продвинула вперед дело международно-правовой защиты прав меньшинств, создания системы международных институтов не только по контролю, но и по арбитражу и санкциям.

В ходе недолгого процесса послевоенной, во многом эфемерной демократизации общественно-государственных структур стран региона, с расширением политических свобод и особенно свободы слова, немедленно заявил о себе целый ряд бесправных национальных меньшинств. Обнажились застарелые претензии, распри и ссоры, давнишние территориальные споры. Перед каждым государством встали новые, как правило, трудно разрешимые проблемы, поскольку возродившиеся автократические традиции перекрывали пути к созданию эффективных механизмов их решения.

Утверждение военно-авторитарных режимов почти во всех вновь созданных государствах (кроме Чехословакии) сопровождалось усилением стихийной ксенофобии, враждебности и агрессивности, учащением проявлений дискриминации национальных меньшинств, интенсификацией агрессивных националистических движений, нередко эволюционировавших в направлении фашизации.

В новых государствах тяжелый климат давних антагонизмов сопутствовал взаимоотношениям бывших таковыми и ранее или только что приобретших такие качества угнетенных и угнетавших наций. В них переплеталось национальное и классовое угнетение (словаков угнетал венгерский помещик, поляков — немецкий помещик и фабрикант и т.д.) — то есть угнетавшая нация одновременно была нацией господствовавшей, именно из нее преимущественно формировались имущие классы. Это прочно фиксировалось в исторической памяти целых поколений. Например, получив независимость, болгары сохранили в своей памяти ненависть к туркам-османам, перенеся ее на турецкоязычное национальное меньшинство, в том числе на помаков-мусульман. Ввиду особой остроты национальных противоречий на Балканах была предпринята попытка, взяв за образец обмен населением в приграничных районах согласно ту-

inslav

рецко-болгарскому договору 1913 г., провести аналогичным образом переселение, урегулировав его двусторонними договорами — греко-болгарской конвенцией (Нейи, 1919 г.) и греко-турецкой конвенцией (Лозанна, 1923 г.). Поскольку масштабы понесенных при этом населением и странами различных потерь оказались чрезмерно велики, международное сообщество признало применение этого метода недопустимым.

Политика мадъяризации в дуалистической Австро-Венгрии обернулась глубокой неприязнью к венгерскому меньшинству, когда по мирному Трианонскому договору 1920 г. значительная часть исторических венгерских земель и треть населения оказались за пределами Венгрии: 1,5 млн человек на территории Румынии, сотни тысяч венгров в Чехословакии и Югославии. В глубинных пластах сознания жителей региона укоренились предубеждения: поляков и чехов к немцам, прибалтов, поляков, украинцев и белорусов — к русским, украинцев и белорусов — к полякам и т.д. Превратившись в национальные меньшинства, представители бывших угнетавших наций вынуждены были платить за грехи прошлого — за дискриминацию и преследования других народов.

Неизбежные и все более глубокие национальные конфликты, подогреваемые еще большим обострением отношений между господствующей нацией и дискриминируемыми меньшинствами, в той или иной мере и форме присутствовали повсюду. Одной из самых главных причин повсеместной живучести, неизбывности этнофобии, распрей и конфликтов состояла в том, что государственные границы повсеместно прокладывались силой, вопреки воле и в ущерб многим народам. Этос сопротивления и борьбы против захватчиков (аннексий, оккупации и репрессий) был ориентирован на приоритет борьбы за национальные цели и задачи, на изменение границ, на минимизацию масштабов проблем не сравнимого ни с каким другим регионом мира множества меньшинств. Свойственный региону взрывной рост национального сознания все более превращал его в Новый Вавилон, сопровождаясь быстрым распространением националистической идеологии.

Нацистская пропаганда нещадно эксплуатировала пущенную Гитлером в оборот хлесткую фразу: немцев лишили их законных земель "под дулом пистолета". Опираясь на массированную кампанию о преследовании немецкого национального меньшинства в Чехословакии, раздувая претензии со стороны разогретых реваншистскими настроениями судетских немцев и воспользовавшись попустительством участников Мюнхенского сговора, Гитлер распространил передел постверсальского мира вслед за Австрией и на чехословацкую территорию.

На очереди была Польша, также ставшая объектом масси-

inslav

рованных нападок по поводу положения немецкого национального меньшинства. А между тем, его существование, как было упомянуто выше, имело тщательно проработанную правовую базу, взятую за основу регулирования межнациональных отношений. Согласно версальским установлениям, половина из 2,2 млн немцев покинула польскую территорию добровольно, другая половина стала привилегированным с юридической и материальной стороны меньшинством. Оно получило право основывать на принадлежавших ранее Германии территориях школы при наличии в конкретной местности более чем 40 детей немецкого происхождения, создавать воспитательные, благотворительные и религиозные институты. По двусторонней Верхнесилезской конвенции гарантировалось равноправие, свободное развитие культуры и языка, отправление религиозных обрядов, организация и поддержка этнических школ, объединений и союзов. Совместная декларация 1937 г. определяла свободное пользование родным языком в деятельности хозяйственных и культурных объединений.

Очень скоро немецкое меньшинство развернуло при огромной помощи "третьего рейха" (на Польшу приходилось более половины средств, предназначенных для зарубежных землячеств) широкую политическую, культурную и просветительную деятельность. Функционировали научные общества, государственные и частные всеобщие, средние и профессиональные школы, библиотеки и театры. Начали энергично действовать несколько политических партий и организаций, печаталось множество немецких изданий. Оказывая постоянное давление на польские власти в сторону расширения своих возможностей, немецкие миноритарные организации засыпали Лигу Наций жалобами. Польское правительство со своей стороны считало, что немецкое меньшинство имеет значительно больше прав, чем другие категории населения страны (в которой, в отличие от Чехословакии, господствовал военно-авторитарный режим).

С приходом к власти Гитлера и интенсивным распространением на польскую территорию национал-социалистской пропаганды усилились реваншистские настроения. Укоренялась установка, гласящая, что преданность фатерланду несовместима с лояльным отношением к стране проживания — Польше. Результатом этой деятельности была усилившаяся идентификация с интересами фашистской Германии немецкого национального меньшинства[5]. Его руководство выступило в марте 1939 г. с требованием расширения прав вплоть до автономии. Целью были пресечение выезда немцев в Германию, сохранение германской земельной и промышленной собственности, а также немецкого духа, пересмотр версальских границ. В гото-

inslav

вую к реализации программу была заложена расистская концепция "расширения жизненного пространства". Таким образом, предоставленные немецкому меньшинству весьма широкие права прямо использовались во вред государству пребывания — Польше. Дальнейшее раскручивание спирали межнационального противостояния вскоре вылилось в кровавые столкновения[6].

Мировое сообщество не было готово противостоять нагнетанию ксенофобских настроений, распространению негативных образов соседей и интенсивному раскручиванию проблем национальных меньшинств — прежде всего составлявших наибольшую угрозу миру в регионе проблем немецкого меньшинства, а также притязаний располагавшего лишь некоторыми возможностями поддержки нацистского союзника венгерского меньшинства. Между тем именно они превращались в рычаг реализации намерений гитлеровского фашизма — раздувания и расширения нового пожара мировой войны.

Эволюция ориентиров и методов реализации советской национальной политики

Трактовка национального вопроса в ленинской партии, особенно после смерти вождя, была сложной и неоднозначной. Ее эволюция привела в советской национальной политике последних лет межвоенного периода к таким результатам, которые негативно сказались на судьбах народов и национальных меньшинств региона в период второй мировой войны и первые послевоенные годы.

Наличие мощных автократических традиций в российской политической культуре изначально накладывало свой отпечаток на этот чрезвычайно запутанный в многонациональной Российской империи процесс. Были попытки просто уйти от поисков политического решения вопроса. Когда первая мировая война резко обострила национальные отношения и усилила поиски методов их урегулирования, группа сторонников концепции "империалистического экономизма" сконструировала мифологему, гласящую, что якобы близкое "глобальное решение проблем производства" снимет политические проблемы, вопросы границ и поиски методов решения других аспектов национального вопроса.

Ленинская национальная политика базировалась на понимании необходимости последовательного учета интересов наций и народов, значимости демократического решения национального вопроса при опоре на комплекс правовых и политических проблем. В.И. Ленин полагал, что преодоление на деле, а

inslav

не на словах, наследия ненависти и недоверия со стороны угнетенных народов обеспечит возможность их свободного объединения. С этих позиций он и строил политику партии как в апреле 1917 г., так и позже. "Декларация прав народов России", как и ряд других аналогичных документов советской власти, провозгласили равенство и суверенитет народов, право на самоопределение вплоть до отделения, "свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России", недопустимость "каких-либо национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений"[7].

Ленин много и тщательно работал над решением проблемы соотнесения социального и национального, не допуская догматизма, торопливости и прямого администрирования. Ключевая проблема достижения классового единства во имя победы мировой социалистической революции определенное время рассматривалась им сквозь призму примата классового начала, принесения в жертву тех или иных требований национальных окраин. Однако в ходе теоретических дискуссий в партии, прежде всего полемики с И.В. Сталиным, он все большее значение придавал национальным проблемам, расширяя и уточняя трактовку национального вопроса, его соотнесения с проблемами власти.

Сталинские представления в области национального вопроса, не столько теоретические или хотя бы теориеподобные, сколько идеологические, идейно-политические, и особенно реальная практически-политическая линия со всеми ее многочисленными конъюктурными вариантами, строились по-другому. Методы познания, какими он владел, вынесенная из опыта межнациональных отношений логика его мышления вносили в складывавшиеся идейно-политические установки определенные коррективы. А в силу относительной самостоятельности идеологии они обретали неизбежную независимость, отрыв от реальности и некую застойность. Это неоднократно проявлялось в неизбывной внутренней противоречивости сталинского подхода к сфере идеологии, касающейся межнациональных и межгосударственных отношений (а крен он всегда делал в сторону идеологических квалификаций).

В его трактовке нации и национального вопроса примат классового начала не просто преобладал, но практически вытеснял национальные проблемы по линии противостояния классового и национального начала. Национальные интересы и требования он замечал лишь постольку, поскольку они, в принципе выражая, по его мнению, буржуазную идеологию, все же могли при определенных условиях продвинуть вперед развитие классового сознания пролетариата. Равным образом, по его представлениям, национально-освободительное движение, бу-

inslav

дучи препятствием на пути этого процесса, при некоторых обстоятельствах могло бы ему и поспособствовать.

В ключевой сталинской работе "Национальный вопрос и социал-демократия", в дальнейшем возведенной в ранг советской идеологической классики под еще более претенциозным названием "Марксизм и национальный вопрос", определение нации не базировалось на достаточно четком теоретическом осмыслении исходных понятий и не выражало в должной мере ее существо[8]. В ней не нашлось места для проблематики национальных интересов, развития нации, роста ее национального сознания и самосознания, повышения ее статуса и образования национального государства. Сталин исходил из концепции, что революция обеспечит такое преобразование России, которое снимет проблемы наций и национальных меньшинств. Заставлявший задуматься других социал-демократов вопрос: что это будет за режим и гарантирует ли он ликвидацию национального угнетения или хотя бы дискриминации на самом деле, "чудесного грузина" со всей очевидностью не волновал. Тем более, что в нем все четче обнаруживались черты пресловутого "обрусевшего инородца".

После Версаля в демократизировавшемся мире нации и народы Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы довольно интенсивно самоопределялись, хотя и не следует преувеличивать масштабы применения в то время принципа права наций (и народов) на самоопределение. В видении Сталина доминировала проблема не направленности и значимости этого процесса, не его оптимальной для данного этапа завершенности в условиях революционных преобразований, но вопросы политической целесообразности и интересы власти.

В период работы под программой партии на ее VIII съезде (1919 г.) Сталин форсировал замену формулы "самоопределение наций" формулой "самоопределение трудящихся". Но Ленин в статье "О советской власти на Украине" и в выступлении на IX партийной конференции (1920 г.) отстоял принцип права наций на самоопределение как важнейшее программное положение[9]. На X съезде (1921 г.) Сталин вновь настаивал на утверждении, что с вопросом о самоопределении наций большевики "распростились уже два года"[10] и на первое место должно быть поставлено право рабочего класса на свою власть, на ее укрепление[11].

Принципиальное методологическое значение приобрела полемика вокруг ленинской работы «К вопросу о национальностях или об "автономизации"», в которой автор противопоставил сталинскому одностороннему пониманию классового подхода конкретно-исторический анализ и констатацию того, что классовое единство может быть достигнуто только путем учета

inslav

требований национальных районов страны, что укрепление советской власти достижимо путем учета интересов национальных меньшинств: интернационализм "должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически". Он полагал, что идти на уступки национальным меньшинствам в определенных пределах необходимо, а в вопросах обеспечения их политического представительства "лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить"[12].

В течение нескольких последующих лет в партии продолжалось противоборство двух линий в национальном вопросе. Возникла система национально-государственных образований как форма реализации помощи отсталым национальностям. Сталин видел в ней путь к ликвидации национальных противоречий и перегородок, ассимиляции различных национальных культур более развитой культурой. А между тем в условиях революции и Гражданской войны, кровавого раскрестьянивания и жесткой индустриализации, ускоренной национально-государственной интеграции с изменением административно-территориального деления, в обстановке "подстегивания" "социалистического строительства" и трансформации режима в тоталитарный просто не могло не быть многообразных этнонациональных конфликтов. Эта ситуация требовала особого внимания и такта. И если ленинская национальная политика позволила решить ряд узловых проблем и легла в основу создания СССР, то проводимая через Наркомат по делам национальностей сталинская практика ее все более деформировала.

Как справедливо констатировали А.И. Родионов и В.В. Мунтян, Сталин "на долгие годы навязал партии представления, которые уже тогда, в 1923 г., утратили свою актуальность"[13]. Собственно, еще в июне 1923 г., во время заседания Четвертого (и последнего) совещания ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей были прорисованы основы такой сталинской национальной политики, в которой стремление к решению национального вопроса списывалось на "национализм" как аналогичное меньшевизму проявление буржуазной идеологии[14], требующее "организационных выводов". В 1923 г. прошел первый фальсифицированный судебный процесс Султан-Галиева.

С этого времени Сталин реализовал свою национальную политику негласно, не предоставляя националам возможности публично высказываться в защиту их прав, добиваться принятия демократических решений. И, как подчеркивает А.П. Ненароков, "сколько бы верных резолюций не принималось, пре-

inslav

творение их в жизнь целиком зависело уже от взглядов группы, которую Сталин привел к руководству партией и страной. Сторонникам Ленина казалось, что они контролируют положение. Но все уже было предопределено"[15]. Ни первые декреты Советской власти, ни ленинская концепция национальной политики в целом не были оптимально использованы ни в СССР, ни в международных отношениях межвоенного периода, ни при формировании национальной политики "стран народной демократии". Советский Союз не принял на себя предписываемые Лигой Наций обязательства в отношении защиты прав меньшинств и не создал соответствующие многосторонние организационные, правовые и материальные механизмы для такой защиты. Пока международные документы носили рекомендательный характер, определяющим оставался внутренний правопорядок и еще более — практика применения права.

Сталинская национальная политика по инерции некоторое время еще прагматически создавала образцово-показательные условия для меньшинств, что должно было служить убедительным пропагандистским аргументом для зарубежных трудящихся. Проводилась "коренизация" органов власти (с учетом национального и социального происхождения кадров). Для работы с меньшинствами были созданы специальные органы (национальные отделы) на уровне республик, краев и областей. В 20-е годы и в начале 30-х сеть национальных районов и выделенных для меньшинств сельсоветов функционировала по всей стране. Орган Совета Национальностей ЦИК СССР журнал "Революция и национальности" сообщал в 1935 г. о достижениях в этой области следующее: в РСФСР было 2930 национальных сельсоветов и других структур; в УССР к июню 1935 г. существовали 28 национальных районов — 9 русских, 8 немецких, по три еврейских и болгарских, один польский, а также функционировали 1078 национальных сельсоветов. В БССР имелся один польский национальный район, действовали 29 польских, 24 еврейских, 15 русских, 6 украинских, 4 латышских, два немецких сельсовета и один литовский сельсовет[16].

При помощи создания национально-территориальных образований разного масштаба решались многие политические, экономические и культурные проблемы меньшинств, их развития. В привилегированное положение попали национальные районы "бывших угнетенных национальностей", которые, как принято считать в современной российской историографии, в то время "являли собой наиболее массовую форму самоопределения национальностей в СССР"[17]. Происходило повышение статуса национально-территориальных объединений, которое воспринималось как непрерывный процесс государственного саморазвития национальностей в направлении от низших к вы-

inslav

сшим ступеням. Однако увеличение роли местных руководителей-националов имело серьезные идейно-политические и организационные последствия. Проведение этого курса ввиду форсирования Сталиным линии на усиление идеологического нажима и подчинение национальных кадров исчислялось месяцами. При формировании долгосрочной национальной политики возобладал сталинский проект, соответствующий его тоталитарной модели общества.

Весьма показателен проводившийся в русле зигзагов сталинской национальной политики того периода эксперимент по советизации, а затем ликвидации как компактного образования польского национального меньшинства в СССР. Начав организацию польских национальных районов, советское руководство использовало для адаптации польского населения Украины и Белоруссии к новой действительности активных участников Октября — "польских интернационалистов". В их задачу входила нейтрализация украинского и белорусского "национализма", а также создание противовеса тяге местного польского населения в национальное государство, т.е. в Польшу. Оптимизация развития польского меньшинства обеспечивалась созданием западнее Киева и северо-западнее Житомира особого польского Мархлевского района (1925—1935 гг.). Готовилось образование на Украине в 1930 г. и другого польского национального района — между Бердичевым и Проскуровым. Когда широкие массы рабочих, солдат, военнопленных и беженцев в большинстве своем вернулись на родину, в Польшу, социальный состав польского национального меньшинства в СССР резко изменился: в нем стало преобладать крестьянство.

Строительство польской автономии некоторое время продолжалось, поскольку с подписанием в 1932 г. двустороннего договора о ненападении советско-польские отношения улучшились. В Белоруссии был образован польский Дзержинский район (1932—1936 гг.). Планировалось создание такого же административного образования восточнее Вильнюса, в районе Лепеля.

В рамках эксперимента, имевшего целью оказать мощное воздействие на трудящихся Польши, в созданных национальных районах на всех административных уровнях, включая милицию и суды, был введен польский язык. В Конституции Белоруссии этот язык был зафиксирован как один из государственных. Там, где польское население насчитывало не менее 500 человек, создавались польские сельсоветы. Развернули работу более 670 начальных и средних школ, семь специальных школ с занятиями на польском языке, два вуза (минский Польский педагогический институт и киевский Институт социального воспитания). В нескольких вузах Украины и Белоруссии были созданы польскоязычные отделения. Были открыты три профессио-

inslav

нальных польских театра, 16 районных и 6 республиканских газет, а также одна общесоюзная газета. Ежегодно издавались сотни польских книг, по радио шли передачи на польском языке. В составе республиканских Академий наук функционировали польские научные институты[18]. Все это открывало богатые возможности для самовыражения и роста национального сознания польского населения[19].

Однако процесс стимулирования развития польского меньшинства был недолгим. Его пресечению способствовали провал коллективизации в польской деревне, устойчивая религиозность ее населения, нежелание расставаться с привычным образом жизни. Самоуправление национальных районов оказалось реальным препятствием на пути форсирования экономических преобразований в городе и деревне, внедрения все более жестких, автократических методов централизации власти.

В соответствии со сталинскими установками вольнице был положен конец, социальный и политико-административный статус этнических меньшинств коренным образом изменился. Национальные районы были быстро ликвидированы вместе с различными формами местного управления, включая национальные сельсоветы, с национальными вузами и школами, книгоизданием, газетами и театрами. Нельзя не признать правоту Е.Н. Мощелкова, констатировавшего: когда управление процессом национально-государственного строительства целиком перешло в руки Сталина, он "видел свою задачу в создании такого государственного режима, где не оставалось бы места для каких-нибудь серьезных форм самостоятельности, а наоборот, главным принципом государственной политики стали жесткая централизация и унификация всей общественной жизни, директивное подчинение нижестоящих инстанций вышестоящим"[20].

В идейно-теоретической области, особенно на страницах журнала "Революция и национальности", вяло продолжалась начатая до первой мировой войны полемика против "переоценки значения национальных проблем" у О. Бауэра и концепции "поглощения мелких национальностей крупными" у К. Каутского. В начале 30-х годов когда еще имели хождение ленинские установки начала 20-х годов об особой опасности великодержавного шовинизма и пренебрежения национальным вопросом, эта полемика приобрела форму противостояния как "великодержавному шовинизму", так и "местному национализму", однако именно второй все чаще становился объектом беспощадной критики. Велась борьба с "местным национализмом" в Белоруссии и Украине. XVII съезд партии уравнял различия между ним и великодержавным шовинизмом, а после 1934 г. особо опасным был объявлен первый. Его главным источником были признавались две названные выше республики.

inslav

Вторая половина 30-х годов принесла с собой качественные идеологические подвижки. Прежние концепции слились в идею трактовки их как общего контрреволюционного потока, в новую мифологему, объявлявшую о возрастании угрозы национализма со стороны нерусских народов. Был сконструирован противовес этому в виде идеологемы окончательного решения национального вопроса и ликвидации национальной отсталости в СССР, ускоренного сближения и полного слияния наций, интернационального единства на классовой пролетарской основе. Под этим идеологическим прикрытием уничтожались или реорганизовывались национальные районы и сельсоветы. О них не оказалось никакого упоминания ни в Конституции СССР (1936 г.), ни в принятых вслед за нею конституциях союзных и автономных республик.

В итоге, подчеркивает А.И. Вдовин, «интересы наиболее крупной нации объективно противопоставлялись интересам всех остальных народов, а интересы "коренных" наций, имевших "свои" национально-территориальные образования, не могли не вступить в конфликт с интересами национальных меньшинств»[21]. Свертывались все формы работы с ними. Была ликвидирована установка на получение ими образования на родном языке. Как суммирует свои исследования В.М. Алпатов, насаждавшаяся Сталиным языковая политика «по сути во многом стала похожа на дореволюционную, а принудительность в насаждении русского языка возросла по сравнению со временами, когда "инородцев" просто игнорировали»[22].

В пропаганде формировались стереотипы "общесоюзной культуры", всемерного укрепления интернационального единства народов внутри СССР, проявилась тенденция не только "наполнить старые формы новым содержанием" в области национальной культуры, но и преодолеть ее "старые формы". Возобладала мифологема об отсутствии в стране проблем межнационального характера. В этих клише видна прямая связь между представлениями о решении национального вопроса на путях социально-экономического переустройства страны, декларациями о широкомасштабном и всеобъемлющем преображении облика ее народов с ранними сталинскими концепциями в этой области.

Подобные "новации" журнал "Революция и национальности" публиковал в контексте круга представлений, порожденных приходом к власти Гитлера, его отношением к негерманцам, в том числе к национальным меньшинствам[23]. В этом находило отражение (на что указывает А.Х. Абашидзе) "официальное психологически отрицательное отношение к проблемам меньшинств"[24].

inslav

Трудно не заметить определенную, может быть поверхностную, но отражавшую явное отклонение от демократической магистрали национального развития концептуальную перекличку. Ее наличие констатировал и Ненароков: «Сталинизм с момента возникновения, пусть неосознанно, но вполне естественно вписывался в процессы, которые шли в это время в Европе, где в Мюнхене пробовал силы в "пивном путче" Адольф Гитлер, где в Италии пришел к власти Бенито Муссолини»[25]. Сходные соображения высказывал также В.П. Булдаков, отметивший, что "в сталинскую эпоху" большевизм и нацизм в трактовке достижения "некоего метаисторического идеала" "сблизились"[26].

Национальные руководители разных уровней были репрессированы по обвинению в переходе от "интернационал-коммунизма" к "национал-коммунизму", в буржуазном национализме. Этот ряд понятий специально изучался М. Агурским, увидевшим в стереотипе "интернационал-коммунизм" другое явление — "национал-большевизм". Анализируя книгу Агурского "Идеология национал-большевизма", имеющую в английском варианте название "Третий Рим", А.Г. Дугин видит в национал-коммунизме тенденцию стремившихся к независимости национальных окраин России адаптировать "коммунистические идеи" к "конкретному национальному контексту", а в "национал-большевизме" — линию тоталитарного, "сверхэтнического" "имперства", его "единонеделимчества", великорусский вариант единого централизованного государства, соотносимого с фигурой Сталина[27].

Обвинения в адрес национальных кадров сопровождались жестким противодействием любым проявлениям национальных интересов, росту национального сознания и самосознания, самоопределению в сторону повышения статуса национально-территориальных единиц и т.д. Этот курс стал одним из источников, одной из составляющих утверждения в различных частях страны личной власти Сталина и ее расширения. Представителям национального партийно-государственного слоя, а также национальной интеллигенции преднамеренно инкриминировалось распространение национализма, проводились политические репрессивные акции, в ходе которых всегда находился способ арестовать нужных людей и разыграть очередную политическую карту. Большинство национальных лидеров погибли.

Из приводившихся выше установок и вытекали методы, которые вскоре — во время надвигавшихся второй мировой и Великой Отечественной войн, а также в первые послевоенные годы — были взяты политическим руководством на вооружение. В основном успешно развивавшиеся до этого национальные

inslav.

меньшинства были насильственно депортированы, выселены с мест компактного проживания в места "весьма отдаленные". Они вывозились "залповым", форсированным методом в основном на северные и восточные окраины страны, в иноэтническое окружение, в котором принудительно рассеивались. Создание новых моноэтнических "сгустков" считалось крайне нежелательным.

Потеряв почти все свое личное достояние, отторгаемые чуждой расовой и национальной, этноконфессиональной, культурно-лингвистической и другой средой с иными стереотипами и моделями поведения, представители национальных меньшинств были поставлены в вопросах жизни и смерти в полную зависимость от местных властей.

В национально-государственных конфликтах важнейшим субъектом выступало государство и его властные структуры, проводившие в пределах этноареала административно-территориальную унификацию и разрешавшие силовыми методами вопросы о власти, о земле и границах, об экономических и политических правах. Стали широко применяться насильственное подавления протестов населения, запрещение национальных организаций, принудительное переселение и форсированная ассимиляция. Искусственно провоцируемая антагонизация межнациональных отношений во внимание не принималась. Брался курс на преднамеренное дробление, рассредоточение и ликвидацию этнических меньшинств.

Поляки, например, подверглись депортации с начала 1933 г., а в особенно массовом порядке, целыми деревнями, — осенью 1936 г., оставляя в местах исторического проживания обезлюдевшие территории, подлинные "зоны пустыни". Они, как и другие репрессированные народы, рассеивались, будучи перемещаемы (в чем явственно прослеживаются элементы экоцида) в непривычные, чрезвычайно суровые климатические условия с малой возможностью трудоустройства, адаптации и выживания — с Украины в Казахстан, из Белоруссии — в Коми и Сибирь.

Насильственные действия, в том числе практика регулирования внутренних миграционных процессов самыми драматическими методами, превращались в привычный элемент национальной жизни все новых этносов, выбрасывавшихся в слабо обжитые или вообще неосвоенные районы. Такие меры становились обыденными, выливаясь в маргинализацию меньшинств, сковывание их социальной мобильности и принудительную ассимиляцию. Положительный опыт нескольких лет всестороннего развития меньшинств, социально-политического, правового и прочего регулирования межэтнических отношений оказался безвозвратно утерян.

inslav

Еще раз вернемся к рассуждениям А.Г. Дугина о национал-большевизме, о сходстве его национальной политики и применяемых им методов с методами нацистов. Эти рассуждения имеют под собой анализ эволюции крайних форм германского национализма, ставших обостренной реакцией ущемленного имперства на поражение в первой мировой войне, выражением шовинистической идеологии тотального реванша, с указанием на сочетание неортодоксального социализма с национальной идеей и позитивным отношением к СССР у крайне левых национал-социалистов. Они приводят автора к выводу об определенной параллели между национал-большевизмом в России и Германии. Итог его размышлений: национал-большевики действовали "на периферии фашистов и коммунистов"[28]. Неверно было бы счесть этот итог неплодотворным и полностью отвергнуть. Он, несомненно, заслуживает внимания и дальнейшей более тщательной проработки в контексте исследования тоталитаризма.

К национальному вопросу в идейно-политических устоях Коминтерна накануне и в начале второй мировой войны

Через большевистское ядро руководящих органов Коминтерна в него систематически внедрялись идеологические устои сталинской национальной политики и ее практически-политические основы. Все увереннее овладевая ситуацией в этой международной организации, Сталин и его окружение закрепляли за собой право формулировать "единственно верные" и обязывавшие установки по национальному вопросу. Когда практически исчерпала себя политика форсирования второй волны мировой революции, призванной "заодно" решить и национальные проблемы, на V Конгрессе (1924 г.) были предприняты попытки использовать национальные противоречия и мобилизовать их на "революционизирование" масс при помощи оптимизации линии на реализацию права наций на самоопределение. В резолюции комиссии по национальному и колониальному вопросу это право трактовалось с вульгарно-классовых позиций как политический лозунг в ряду тех, которые олицетворяют взятый курс на пролетарскую революцию. Его реализация в форме автономии расценивалась как реформизм и защита империалистических границ.

Ссылаясь на расхожие идеи "великого вождя" и отвергнув попытки делегатов Конгресса вернуться на почву установок К. Маркса, руководивший комиссией верный сталинец Д.З. Мануильский не внял призывам чехов, словаков и бельгий-

inslav

цев конкретно определять задачи каждой партии и находить адекватные лозунги для решения национального вопроса сообразно ситуации каждой страны, а не в контексте задачи форсирования мировой революции[29]. Он не прислушался и к протесту польского делегата А. Варского против предлагаемого выдвижения лозунга права наций на самоопределение для немцев той части Верхней Силезии, где не было территорий с преобладанием немецкого населения[30].

В отвергнувшую лозунг автономии как непременное условие решения национального вопроса резолюцию по чехословацкому вопросу был отдельным пунктом вписан тезис о "теснейшем союзе" борьбы за национальное освобождение с борьбой "за свержение власти капитала и за диктатуру пролетариата"[31]. Демократическая суть правового принципа была подменена упрощенной идеологемой революционно-классового содержания. В резолюции "Национальные вопросы Средней Европы и Балкан" трактовка принципа права наций на самоопределение прямо предписывала волюнтаристскую перекройку карты региона, передел границ, выделение из многонациональных государств угнетенных народов и земель, соединение национальных меньшинств с государствами данной национальности — с перспективой использовать обострение национальных отношений для подстегивания мировой революции.

9 июля 1924 г. Н.И. Бухарин говорил на VII Балканской коммунистической конференции, что основными лозунгами по национальному вопросу "должны быть, по возможности, самые радикальные: отделение, независимость всех республик и т.д., так как нам необходимо поддерживать национальные конфликты. Впоследствии мы разберемся"[32]. Таким образом, политическая ситуация на Балканах «была дополнительно осложнена вследствие деятельности РКП(б), Коминтерна и ряда местных коммунистических партий, которые, руководствуясь теорией мировой революции, стремились инициировать здесь "революционный процесс"»[33].

К VI Конгрессу Коминтерна (1928 г.) надежды на быстрое развитие мировой революции поиссякли, и во время подготовки при участии Сталина проекта программы Коминтерна из него были вычищены ссылки на право наций на самоопределение. Однако скромное упоминание об этом праве благодаря усилиям представителей чешской, французской и некоторых других делегаций в программе все же оказалось[34].

Возобладало полное подчинение национального (этот термин часто пренебрежительно брался в кавычки) классовому и интернациональному началу. Укрепляя свои позиции и усиливая властные функции, Сталин обнаружил свои амбиции стать "признанным теоретиком" и опубликовал замечания на проект Н.И. Буха-

inslav

рина (который пожаловался Л.Б. Каменеву, что он "программу во многих местах мне испортил"), а также возжелал сам прочесть на пленуме доклад о программе. Бухарин, по его словам, "насилу отбился"[35]. Но в речи на пленуме ЦК ВКП(б) 5 июля 1928 г. Сталин жестко отверг возражения против "слишком русского" характера программы, которые "оказывается, имеются в кое-каких кругах около Коминтерна", и категорически не принял, в частности, предложение детально проработать национальный вопрос[36]. Во втором варианте программы были закавычены и "своя" национальная буржуазия, и ее "отечество"[37].

Программа формировалась как в первую очередь идеологический, а не политический документ и отражала деформирование под идеологическим прессом межнациональной и внешней политики. Был значительно усилен императивный и интегрирующий характер все более узко трактуемых интернационалистских традиций, выражением которых стала считаться прежде всего "поддержка международным пролетариатом первого в мире социалистического государства". Эти традиции, требующие, как и всякие другие, обстоятельной верификации их содержания и функций, постоянного переосмысления и актуализации, обогащения на каждом конкретном историческом этапе, на деле — вне соотнесения с динамикой национальных вопросов — устаревали, переживали себя и нередко использовались неверно. Особенно это стало обнаруживаться во время и после VII конгресса Коминтерна (1935 г.).

Прорыв VII Конгресса в направлении защиты национальных интересов, суверенности и независимости стран перед лицом угрозы гитлеровской агрессии обещал формирование новой стратегии. В числе ее качественно обновлявших установок наряду с монтированием народных и национальных фронтов было предложение Г. Димитрова развернуть борьбу в защиту нацменьшинств, против национального угнетения неполноправных народов. Он предлагал внести уточнения и в идеологические клише, в частности указывая на необходимость более продуманной трактовки чрезвычайно заостренной дилеммы "социальное — национальное"[38].

На этом этапе предложение Димитрова вызвало в коммунистических партиях — прежде всего в партиях как Центрально-Восточной, так и Юго-Восточной Европы — определенный резонанс, который, однако, не получил ожидаемой поддержки у сталинского руководства. Компартии региона пошли по пути попыток объединения патриотических национальных сил на борьбу с фашизмом, однако такой консолидации сил не произошло.

В предвоенном мире нерешенные проблемы территорий и национальных меньшинств не только сохранялись, но и еще более обострились. Оптимальных для меньшинств решений от

inslav

авторитарно-тоталитарных режимов ожидать не приходилось. Тем более что мир приближался к жесточайшему противостоянию этих режимов, готовых или способных декларировать и практиковать, либо же реализовать без лишних деклараций свои далеко идущие планы по части ломки устоявшихся за предыдущие десятилетия временных и пространственных внутри- и внешнеполитических укладов.

Прагматизм сталинской внешней политики и непоследовательность национальной политики Коминтерна не давали гарантий демократического решения вопроса о правах наций и народов, практически не обещали защиты прав национальных меньшинств. Например, попытка компартий Западной Украины и Западной Белоруссии выдвинуть лозунги самоопределения этих земель в целях присоединения к Советским Украине и Белоруссии обернулась для них репрессиями с обвинением в желании поссорить СССР с соседями. А уже вскоре, с изменением геополитических реалий в результате заключения пакта Молотова—Риббентропа пресловутый "освободительный поход" 17 сентября 1939 г. и раздел Польши завершились присоединением этих территорий к соответствующим советским республикам.

Живучесть проблемы национальных меньшинств стала предлогом как для положившей начало второй мировой войне территориальной экспансии "третьего рейха", так и для силового "снятия" национальных антагонизмов на западных территориях СССР. Для понимания вопроса невозможно обойти ситуацию в международном коммунистическом движении и единственный систематически излагающий суть сталинской позиции документ.

Еще в июле 1939 г. немецкие коммунисты, наблюдая за развертыванием в германских прессе и радио мощной антипольской кампании с обвинениями в преследовании нацменьшинств, обращались к Д.З. Мануильскому с предложением совместно с Наркоминделом решить вопрос о разоблачении "фашистской лжи". После нападения Германии на Польшу руководство нескольких компартий готово было помочь Польше защищать свою независимость при помощи создания интернациональных бригад. Компартия Норвегии, клеймя, как и другие коммунистические издания, политику нацистов, 2 сентября в газете "Арбейдерен" назвала Гитлера безусловным агрессором, который «метал громы и молнии по поводу "несправедливости" Версальского мира, "гонений" на национальные меньшинства...», а теперь "еще раз пытается добиться своего: уничтожить другие нации и закабалить другие народы"[39].

Обращение в первые дни сентября за "непосредственной помощью и советом" к Сталину для выяснения линии руковод-

inslav

ства принесло неожиданные результаты. В известной дневниковой записи Г. Димитрова о беседе 7 сентября 1939 г. со Сталиным, Молотовым и Ждановым обычно не привлекают внимания моменты возврата к прежним идеологемам, перечеркивающие принятые VII конгрессом Коминтерна стратегические установки развертывания антифашистской борьбы, защиты национальных интересов попавших под удар со стороны фашистской Германии государств. Сталин, согласно этой записи, не только раскрыл свои тактические устремления натравить группировки империалистов друг на друга, дабы "они подрались хорошенько и ослабили друг друга" — "лучше разодрались".

Он подчеркнул, что для него все воюющие страны суть развязавшие войну империалисты, и если он готов признать, что "до войны противопоставление фашизму демократического режима было совершенно правильно", то теперь оно "потеряло прежний смысл". Народный фронт Сталин трактовал как явление вчерашнего дня, а "стоять сегодня на позиции вчерашнего дня (единый народный фронт, единство нации) — значит скатываться на позиции буржуазии". Поэтому "этот лозунг снимается"[40].

Выстраиваемая Сталиным аргументация имела свою идеологическую логику, призванную переубедить одного из главных авторов стратегии народного (и национального) фронта Г. Димитрова. В ней изначально присутствовали привычные стереотипы борьбы империалистов за господство над миром, как и клише противопоставляемой ей борьбы за "уничтожение рабства" — за мировую победу пролетариата. Использовалась и идеологема борьбы с фашизмом, но фашизм теперь олицетворял уже не Гитлер (который, "сам этого не понимая и не желая, расшатывает, подрывает капиталистическую систему"), но Польша, о которой Сталин привычно рассуждал в контексте известной марксистской традиции поддержки польского освободительного движения. Это она — "теперь фашистское государство". Ему трудно было быть точным в этой материи, поэтому он увязывал защиту польского народа в прошлом с тем, что якобы это государство "раньше (в истории) было национальным. — *И.Я.*) государством" и "поэтому революционеры защищали его против раздела и порабощения". Ему было невдомек, что это государство подверглось разделам и было порабощено значительно раньше, в XVIII веке, а Первый Интернационал вел речь уже об освобождении польского народа. В тот момент он увязывал проблему характера актуально существовавшего польского государства с национальным вопросом в контексте гитлеровского обоснования нападения на Польшу и его оправдания необходимостью защиты немецкого национального меньшинства. Разумеется, место немецкого меньшинства в сталинском рассуждении заняли украинцы и белорусы...

inslav

В финале беседы прозвучал исключавший какие-либо возражения революционный клич, призвавший распространить социалистическую систему на новые территории и население, в данном случае на разгромленную Польшу. Он должен был заставить учащенно забиться сердце лидера коммунистического движения: "Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше!"[41] Таким образом, революционная риторика прикрыла как антидемократическую сущность сталинской имперской стратегии, так и ее прагматизм и непоследовательность, а то и явную противоречивость в трактовке глубочайшего геополитического противоречия Германии и СССР в Европе середины XX века.

В ходе осуществления "новой великой победы советской власти" под маркой заверения в ее "освободительном" характере была проведена ломка и социальной, и национальной структуры присоединенных территорий, сопровождавшаяся как целенаправленной антагонизацией межнациональных отношений, так и искусственной унификацией населения методом массовых "зачисток" и депортаций, умышленным созданием новых или уничтожением старых национальных меньшинств. Так, из Западной Украины и Западной Белоруссии было принудительно вывезено 316—325 тыс. чел. Среди них преобладали поляки — около 200 тыс. чел., а также было более 70 тыс. евреев, 25 тыс. украинцев и 20 тыс. белорусов. Арестованы были 108 тыс. чел., которые, кроме убитых в 1940 — июне 1941 г., также были вывезены в трудовые лагеря в глубь СССР. Среди них поляки составляли 40%, евреи — 22%, украинцы 22,5%, белорусы 7,5%[42]. Беженцы и эвакуированные (вместе с пленными) насчитывали около 250 тыс. чел.[43] Не избежали этой судьбы и чехи с Волыни. Все они вымирали как в ходе перевозок, так и в местах расселения, где нередко оказывались в несовместимых с жизнью условиях. По признанию Л.П. Берии, в 1940—1941 гг. только в пути скончались 11 тыс. депортированных[44]. Поляки, в частности, были рассеяны на слабо обжитых территориях в 14 республиках, 20 краях и областях СССР — в 586 спецпоселках[45].

В числе принудительно выселенных оказались и свободные от обвинения в "провокации" рядовые польские коммунисты, об освобождении которых как честных, преданных и полезных "для будущей работы" руководитель Коминтерна Г. Димитров напрасно пытался хлопотать перед НКВД[46].

Проведенный российскими, украинскими, белорусскими и польскими учеными, в том числе в совместных исследованиях, анализ "освободительного похода" 17 сентября 1939 г. и "новой великой победы советской власти" привел к общему выводу, что Польша, Западная Украина и Западная Белоруссия стали объек-

inslav

тами манипулирования политических лидеров СССР и Германии, что ими были навязаны пагубные для народов решения[47].

Эти характеристики вполне адекватно определяют состояние правового сознания и практический опыт сталинской национальной политики, наработанные в СССР и Коминтерне к началу 40-х годов. Следует также отметить целенаправленное использование метода подрыва норм мирного этнонационального сожительства и соблюдения принципов лояльности к государству проживания.

Депортации и перемещения населения в ходе и после военного противостояния. Выселение немцев и обмен венгров

Реализуя планы передела мира и установления мирового господства, Гитлер тщательно изучил специфическую остроту национального вопроса на востоке Европы. Он ловко использовал взаимные претензии стран этого региона, обещав и оказав им помощь в создании укрупненных национальных государств по образу и подобию Великой Германии — за счет югославских и греческих земель — Великой Болгарии, за счет территории Чехословакии (затем и Словакии), Югославии и Румынии — Великой Венгрии, а также методом территориальных приращений в последнюю очередь, за счет СССР, — Великой Румынии.

Порабощение было уготовано многим странам и народам. Для дестабилизации обстановки и создания предлога для агрессии фашистская Германия в ряде стран (Чехословакии с ее более чем 35% меньшинств, Польше — соответственно более 30%, и т.п.[48]) опиралась на немецкое меньшинство. Немалая часть этого 10-миллионного меньшинства, насчитывавшего 3,3 млн в первой из них, свыше 1 млн во второй и т.д., оказалась податливой на идеи национал-социализма и ревизии Версальского мира, пренебрегая принципом лояльности к странам проживания. Прикрытию сути нацистского "расширения жизненного пространства" служила идеологема "восстановления исторической справедливости", "исторического права" и т.п.

Для ряда стран региона вторая мировая война, в качестве предлога для которой использовался постулат защиты национальных меньшинств, на деле несла в себе ни с чем не сравнимый заряд этнофобии, расизма и человеконенавистничества. Она обрушила его на народы и этнические группы, жившие между жаждавшими реванша за Версаль державами, руководство которых сговорилось о разделе "сфер влияния" и территорий. Нравы и обычаи войны определялись как нацистскими гло-

inslav

бальными целями установления мирового господства, так и характером и политической практикой других тоталитарных или авторитарно-тоталитарных режимов. Правовая основа международного общения, существовавший уровень гражданских прав были подорваны. Даже ограниченная международная система защиты прав меньшинств перестала действовать.

Вслед за ликвидацией Чехословакии и разделом Польши последовала дележка между Германией, Италией и Венгрией территории Словении. Они, а также Болгария и Албания расчленили и другие территории Югославии. В созданное под патронатом "третьего рейха" Независимое государство Хорватия были включены Босния и Герцеговина и сербский Срем. Многим анклавам меньшинств была уготована судьба лакомой добычи и роль разменной монеты во взаиморасчетах союзников.

Новая фаза мирового противостояния стала временем ни с чем не сравнимой эскалации насилия, всяческих форм дискриминации народов и меньшинств. "Война, обостряя и вынося на поверхность деление по национальному признаку, сформировала специфическую форму национального сознания, — пишет К. Керстен. — Угроза для нации становилась повсеместно доминирующей категорией мышления, основной связью и главным объектом действия"[49].

В водоворот преследований и уничтожения по национальным мотивам были силой втянуты гигантские, многомиллионные массы людей. Огромные насильственные перемещения народов и национальных меньшинств под оптимизацию размещения немцев и их союзников вызвали бесконечную череду гигантских тектонических подвижек. Государственный террор захлестнул почти все страны региона и подавил протесты беззащитного населения. Депортации населения стали повсеместными. Официальная политика выпустила на свободу мощные глубинные этнические конфликты, а их проявления приобрели самые разнузданные, звериные формы. Ставшие повседневными проявления крайней жестокости сопровождались неизбежным в таких условиях нагнетанием этнонациональных конфликтов, нередко принимавших чудовищный облик геноцида. Уничтожались как рассеянные, так и компактно проживавшие этнонациональные сообщества (евреи, цыгане, поляки и др.).

Например, в 1943 г. на Волыни и в Западной Украине немцы, спекулируя на противоречиях украинских и польских интересов, сознательно антагонизировали украинско-польские отношения. Украинские националисты, продолжив кровавую практику решения споров в первые месяцы войны, уничтожили 80—100 тыс. поляков, потеряв при этом 30 тыс. сородичей[50]. На юге региона аналогичный пример ксенофобского экстремизма продемонстрировало Независимое государство Хорва-

inslav

тия, которое потворствовало истреблению усташами около миллиона сербов и представителей других национальностей. Кровавые преступления не только закрепили в сознании негативные стереотипы соседей, но породили множество новых, еще более отталкивавших, сеявших ужас.

* * *

В лагере антигитлеровской коалиции почти с самого момента его создания рассматривался вопрос о послевоенном будущем Европы, вызревали планы послевоенного урегулирования, передвижки границ и пересмотра гитлеровских насильственных перемещений населения. Президент Чехословакии Э. Бенеш изначально обговаривал воссоздание своей страны в довоенных границах со сведением численности судетских немцев "до минимума". Эти планы получали все более явную поддержку советской стороны, с расширением их на Польшу (ввиду актуальности вопроса об ее будущих западных и северных территориях и границах), с привлечением к этому проекту американских и английских союзников. На конференциях "большой тройки" Сталин отстаивал необходимость скорейшего перемещения немецкого населения из Чехословакии, Польши и Венгрии в Германию[51].

На Тегеранской конференции в предложении У. Черчилля от 1 декабря 1943 г. в контексте смещения польских границ с востока на запад оговаривалось, что "окончательное проведение границы требует тщательного изучения и возможного расселения населения в некоторых пунктах"[52]. В парламенте же он прямо указывал на выселение немцев как метод ликвидации "национальной мешанины". На Крымской (Ялтинской) конференции (4—11 февраля 1945 г.) этот вопрос уточнялся и в английской "пересмотренной формуле для Польши" говорилось о том, что "немцы из указанных районов должны быть репатриированы в Германию", а "все поляки в Германии должны быть по своему желанию репатриированы в Польшу"[53]. При этом Черчилль формулировал свою позицию двойственно: лично он не опасался переселений, но должен был учитывать настроения тех кругов в Англии, "которых пугает мысль о выселении большого количества немцев". Сталин как бы снимал проблему, утверждая, что "в тех частях Германии, которые занимает Красная Армия, немецкого населения почти нет". Это вызвало реплику Черчилля: такая ситуация "конечно, облегчает задачу"[54].

После окончания военных действий, на Берлинской (Потсдамской) конференции (17 июля—2 августа 1945 г.) настало время принятия практических решений в отношении германской территории и немецкого населения. Трумэн настаивал на

inslav

соблюдении договоренности об отнесении всех частей Германии в ведение четырех держав. Но ко времени проведения конференции вопрос об очистке переходивших к Польше земель фактически уже был закрыт, что Сталин охарактеризовал так: "... немецкое население ушло вслед за отступающими германскими войсками на запад. Польское же население шло вперед, на запад..." Американский представитель выразил было готовность обсудить вопрос о восстановлении немецкой администрации на этих территориях. Сталин настаивал: "Когда мы пришли в ту зону, которая предназначалась для приращения польской территории, там из немцев никого не осталось, остались одни поляки. Вот как обернулось дело"[55].

Черчилль выступил за баланс перемещаемых немцев и поляков в рамках 3 — 4 млн человек, а не переселение 8 млн немцев, как получилось в реальности, и даже за поощрение немцев "вернуться обратно". Прибывшая в Берлин делегация польского Временного правительства во главе с Б. Берутом на заседании министров иностранных дел фактически поддерживала сталинскую позицию, высказавшись за скорейшее заключение соглашения о западных границах Польши, дабы польское правительство "получило возможность скорее переселить поляков из-за границы, для того, чтобы они могли принять участие в восстановлении Польши", она же "стала бы государством, в котором не было бы национальных меньшинств"[56].

После беседы с Берутом и выяснения, что в Польше еще оставались 1,5 млн немцев, Черчилль 25 июля вновь поднял не стоявший в повестке дня вопрос о планомерном, организованном и гуманном переселении немцев и из Польши, и из Чехословакии. Сталин уточнил, что поляки временно используют немцев для уборки урожая, а затем они будут эвакуированы из страны (на что последовала реплика Черчилля: "Я считаю, что этого не следовало бы делать")[57].

При рассмотрении главами держав вопроса о перемещении 2,5 млн судетских немцев Сталин заверил, что "дело идет": "чехи предупреждают немцев, а затем выселяют их". При исполнении данного министрам иностранных дел поручения "разобраться" государственный секретарь США Д. Бирнс призывал "регулировать это дело", "чтобы не допускалось внезапного выбрасывания всего немецкого населения одновременно"[58].

Была создана Контрольная комиссия и на основе англо-американского предложения подготовлено рассмотренное главами 31 июля решение. В нем предписывалось перемещение "организованным и гуманным способом" в Германию "немецкого населения или части его, оставшегося в Польше, Чехословакии и Венгрии". Ввиду уже легшего на оккупационные власти с прибытием большого количества немцев бреме-

inslav

ни Контрольному совету в Германии рекомендовалось обратить особое внимание на их справедливое распределение по всем зонам оккупации. Представители в Контрольной комиссии обязывались доложить своим правительствам "так скоро, как это возможно, о количестве, в каком указанное население уже прибыло в Германию из Польши, Чехословакии и Венгрии, и дать предложение о времени и скорости, с какой дальнейшее перемещение населения могло бы производиться, принимая во внимание существующую ситуацию в Германии". В нем потребовало согласования поставленное под сомнение советской стороной указание на конкретные организационные меры: информирование об этом чехословацкого и польского Временного правительств, а также Союзной Контрольной комиссии в Венгрии и рекомендацию "воздержаться от дальнейшего выдворения немецкого населения вплоть до рассмотрения соответствующими правительствами доклада их представителей в Контрольном Совете"[59].

Сталинские возражения прозвучали так: "Дело не в том, что немцев прямо берут и выгоняют из этих стран. Не так просто обстоит дело. Но их ставят в такое положение, при котором лучше уйти из этих районов. Формально чехи и поляки могут сказать, что нет запрещения немцам жить там, но на деле немцы ставятся в такое положение, при котором жить им там становится невозможно. Я боюсь, что если мы примем такое решение, оно не даст сколько-нибудь серьезных результатов"[60]. Под давлением союзников Сталин согласился на включение такого положения, завершившего протокол: "XIII. Упорядоченное перемещение германского населения"[61].

20 ноября 1945 г. Союзный Контрольный совет принял специальное постановление об организации перемещения немецкого населения из Чехословакии, Польши и Венгрии в оккупационные зоны Германии. Оно было явно запоздалым. Поднятая глобальным противостоянием с самых мрачных глубин исторической памяти агрессивность, крайняя напряженность разрушительных эмоций в зонах сгона меньшинств сыграли свою пагубную роль в формировании имевшего политическую обусловленность стремления использовать межэтническое "сведение счетов". Разумеется, после бесчисленных военных преступлений гитлеризма было невозможно рассчитывать на быструю нормализацию межнациональных отношений. Немецкому народу, немецкоязычному населению война принесла за них горькую расплату. Их исход произошел значительно раньше[62]. Сталин вносил в решение проблемы свою немалую лепту, например при продвижении Красной Армии "в порядке очистки прифронтовой зоны" вывезя в Донбасс около10 тыс. силезских горняков[63], и т.д.

inslav

Пойдя на принятие решения о депортациях немецкого населения, и Черчилль, и Трумэн видели в них адекватную расплату за преступное поведение нацистов на оккупированных территориях и умиротворение пострадавшего населения. Важным мотивом считалось предотвращение возможной угрозы немецкого реванша, повторного выступления агрессора "в защиту интересов" немецкого меньшинства в соседних странах. Сталинское руководство усматривало в этом решении возможности для форсирования широкомасштабных политических акций, не чураясь применять к народам и национальным меньшинствам жесткие методы. Вместо урегулирования межэтнических отношений на первый план вышло настойчиво проводимое на встречах, в ходе переговоров, в переписке и в итоге поддержанное союзниками сталинское намерение провести насильственными, "хирургическими" методами формирование "однонационального", или "моноэтнического" государства[64]. Вряд ли можно спорить с оценкой А.Х. Абашизде и А. Даниэля этой обретшей международно-правовые качества позиции как не отличавшейся демократичностью[65].

Жесткие антинемецкие настроения возобладали, особенно в конце войны. В частности об этом свидетельствует Кошицкая программа Национального фронта чехов и словаков, принятая весной 1945 г. Неконтролируемый взрыв ненависти к немцам еще более усилил национальную несовместимость. Помещенных в концлагерь в Терезине немцев охранники-бывшие заключенные брили, как каторжников, и рисовали на спинах огромную свастику. Через год К. Готвальд сформулировал твердое мнение: "Мы не будем фиксировать в конституции никаких прав меньшинств. Это бесспорный вопрос"[66].

Масштабы проблемы и демографическая ситуация в Чехословакии были иными, чем в Польше, где депортации ускорялись ввиду большого перенаселения деревни и обилия свободных рабочих рук. Выезд немцев из чешского приграничья страны был более организованным и ритмичным, так что уже в 1947 г. их число уменьшилось с 28,8 % до 1,8 % и эту территорию постепенно обживали чехи, частично словаки и переселенные согласно декрету о трудовой повинности венгры. В Судетах расселяли выехавшую в основном в 1945—1946 гг. из СССР, согласно договору с правительством Чехословакии, 31 тыс. волынских чехов и др.[67] По переписи 1950 г. чехи в собственно Чехии составили 93,8 %. В Словакии немногочисленное немецкое меньшинство сократилось в 1945—1947 гг. до 0,1%[68].

В связи с особым, господствующим положением венгерского меньшинства в годы войны Э. Бенеш потребовал выселения из южной Словакии и 550 тыс. венгров как военных преступников и их пособников. Его замысел сделать Чехословакию чисто

inslav

славянской страной Великобритания и США не поддержали. Советское руководство, которое Г. Димитров посчитал нужным предупредить, что применяемые в Словакии методы депортации могут иметь негативные последствия, маневрировало, перебирая варианты (Сталин подсказывал венграм вариант забрать себе соотечественников из Чехословакии). Оно поспособствовало заключению 27 февраля 1946 г. двустороннего соглашения об обмене населением и использовало свою роль арбитра в этом чрезвычайно сложном деле (в количественном отношении словацкое и венгерское меньшинства были несопоставимы и венгры соглашались на обмен только вместе с территорией проживания) "для влияния, как отметили Г.П. Мурашко и А.Ф. Носкова, на внутриполитические процессы в Чехословакии и Венгрии"[69]. Приводимый ими материал отечественных архивов показывает, как межнациональные противоречия и игра на них использовались сталинским руководством для создания пирамиды межгосударственно-межпартийных отношений, включая Информбюро.

В итоге из Словакии выехали меньше 1/5 венгров, остальные составили основное меньшинство (10—12% населения)[70]. Они были лишены гражданских, национальных и политических прав, восстановление которых произошло только осенью 1948 г. Власти Чехословакии в духе беспощадного времени применяли по отношению к венгерскому меньшинству помещение в концентрационные лагеря, конфискацию имущества, депортации, принудительный труд. Прекратилось преподавание на венгерском языке, издание книг и газет, и т.п. В 1949 г. лица венгерской национальности репрессировались по классовым мотивам — как кулаки, буржуи и т.п. Несколько сот тысяч венгров сменили национальность. Подвергались преследованиям и венгерские коммунисты. В реализации этой программы участвовали все политические партии страны. Исключение составляла только часть духовенства.

По свидетельству И. Мольнара, в течение трех лет после окончания второй мировой войны в Словакии запрещалось в церковной жизни употреблять венгерский язык. Словацкая евангелическая церковь объявила себя национальной. Ее венгерская часть, использовавшая во время обрядов свой язык, преследовалась. Священники заключались в тюрьмы, изгонялись из страны. Реформатская церковь, объявленная венгерской, была поставлена на грань ликвидации, лишившись государственных дотаций и оказавшись в зависимости от властей в деле назначения священнослужителей. Их число подверглось ограничению, а в немалой части венгерских приходов служба велась на словацком языке[71]. Подобная ситуация существовала также в румынской Трансильвании и сербской

inslav

Воеводине, где культурные и конфессиональные традиции венгерского населения были подчинены православию как официальной религии.

В целом, однако, в Чехословакии процессы выселения и преследования "военных преступников и их пособников" носили значительно более спокойный характер, чем в Польше. Перемещение польской границы на Запад повлекло за собой эвакуацию, бегство вслед за отступавшими германскими частями и удаление с новой польской территории около 8 млн немцев. С наступлением Красной Армии и Войска Польского жители многих городов и деревень вытеснялись ими за Одру. Мужское население Западного Поморья было согнано в лагеря, о чем уполномоченный польского правительства при командующем 1-го Белорусского фронта и сообщил председателю Крайовой Рады Народовой (КРН) Б. Беруту. Эта практика была принята на вооружение. Немцы повсеместно изгонялись, помещались в лагеря военнопленных и тюрьмы. Репрессированные в годы войны демократические силы немецкого национального меньшинства пытались обращаться за защитой к представителям Советской Армии. Однако последние, заявляя об "особых государственных интересах", избегали открыто влиять на ход и методы депортаций. Немецкие коммунисты могли восстановить свои партийные организации только нелегально и на время[72].

В июне 1945 г. генеральным уполномоченным правительства для воссоединенных земель были разосланы инструкции и планы выселения немецкого населения (городских жителей предполагалось вначале использовать на уборке урожая). Выселение проводилось в 24 часа с правом взять с собой ручную кладь. Прочее имущество передавалось полякам. В случае надобности могли быть несколько задержаны лишь необходимые специалисты. Структурами министерства общественной администрации предлагалось осуществление еще более жестких мер: введение для немцев опознавательных знаков и удостоверений личности, запрет для них свободного перемещения и изменения места жительства без согласия властей. Нарушение этого порядка каралось тюремным заключением. Польское социальное законодательство не распространялось на немецкое население. Его окончательное выселение предваряли меры по максимальному использованию принудительного труда. По достижении 14 лет каждый немец должен был трудиться согласно установленной дневной норме. Заработная плата устанавливалась по самым низким ставкам, вводились многочисленные поборы. Освобождения по болезни выдавались лишь в случае температуры выше 38 градусов.

Польские власти на низовом уровне проводили выселение с огромным размахом и с опорой на воинские части, по ночам до-

inslav

ставляя в тюрьмы тех, чье немецкое происхождение было доказано. Официальные лица, как правило, не очень вчитывались в инструкции, тем более что депортация получила в Польше юридические основания только осенью 1946 — весной 1947 г. Повсеместный раздел оставшегося после выселения немцев имущества, замещение немецкого населения переселяемыми из СССР и из центральных воеводств Польши поляками создавали нездоровый ажиотаж и крайнее ожесточение. Преследованиям автоматически подвергались и славяне-автохтоны, которые нередко теряли свое имущество раньше, чем успевали пройти установленную центральными властями верификацию с целью установить, кто является немцем по происхождению, а в ком из говоривших на немецком языке и местном польском диалекте течет славянская кровь. Им по письменному заявлению, подтвержденному представителями польских организаций и бесспорными поляками, а позже — рассмотренному специальными комиссиями (включавшими представителей Польского западного союза, милиции, органов безопасности, польских политических партий и учительства) давалась справка о принадлежности к польскому народу, предлагалось окончить курсы по изучению польского языка и истории Польши. Однако сомнения в достаточности доказательства их польского происхождения при помощи знания польского диалекта и практика истребления всего немецкого ставили под удар само их пребывание на земле предков[73].

Славян-автохтонов, согласно подготовленному в июле 1945 г. по поручению генерального уполномоченного правительства Э. Охаба рапорту, было 90% среди населения Мазур, 20% — Вармии, 30% — Гданьского Поморья, 80% — Опольской Силезии, 20% — Нижней Силезии. Их "реславянизация" была нацелена на то, чтобы "сохранить перед лицом биологической катастрофы ... каждую каплю польской крови, чтобы она не подпитывала германского гада". Политика "национального либерализма" по отношению к "негерманскому элементу западных земель" была призвана доказать миру, что "требование границы по Одре является следствием не тупого империализма, но воли местных жителей. Она вместе с тем будет доказательством правильности нашей политики уступок на востоке в пользу братских народов — белорусов и украинцев"[74].

Даже самые лояльные по отношению к Польше и заслуженные немцы лишались всяких прав. Старики, женщины и дети перед перемещением в Германию находились в трудовых лагерях, под надзором органов безопасности. Бездумная жестокость, многочисленные проявления мести, голод и антисанитарные условия косили их в таких масштабах, что местные органы отказывались регистрировать случаи смерти в опасении

inslav

перед проверками. Катовицкий епископ С. Адамский в обращении к министру общественной администрации признал методы выселения немцев "страшными и компрометирующими Польшу и ее власти перед заграницей"[75].

Подобные методы все более распространялись на испытывавших враждебность нового окружения и терявших свое достояние автохтонов. В начале 1946 г. в Познани вводились повязки со свастиками и другие опознавательные знаки для немецкоязычного населения, которые исключали его из торговых операций с поляками, из пользования общественным транспортом и т.д. Подобные попытки предпринимались и в Варшаве. В других местах у администрации рождались идеи выселить эти категории населения из квартир и переместить в лагеря, депортируя вместе с немцами за пределы страны автохтонов, домогавшихся возврата имущества, отказывавшихся участвовать в польских богослужениях и т.д. Предлагавшиеся насильственные меры адаптации весьма напоминали гитлеровскую политику в отношении еврейского населения. Поэтому директор политического департамента министерства общественной администрации констатировал, что "ношение опознавательных знаков и создание замкнутых районов противоречит духу демократического государства"[76].

"Реполонизации" в запланированных масштабах не получалось. Напуганное террористическими акциями властей большинство автохтонов, особенно в Силезии, заявило о намерении выехать в Германию. В связи с этим катовицкий воевода генерал А. Завадский, прошедший в межвоенный период и в годы войны выучку в Москве, домогался, чтобы эта кампания проводилась силовыми методами. В Гливицах был создан трудовой лагерь для тех, кто отказался от полученного польского гражданства, публично пользовался немецким языком и не посылал детей в польскую школу.

Среди локальной администрации все популярнее становилось требование юридически оформить применение репрессий за демонстрацию привязанности к немецкой культуре. В распространенных министерством общественной администрации в конце 1947 г. анкетах многие чиновники высказались за более жесткие меры — за принудительную высылку автохтонов в Германию или перемещение к восточным границам, откуда "изымались" украинцы, за расселение молодых людей поодиночке в польской среде для ассимиляции. Они выступали за ужесточение национальной политики, лишение гражданства и конфискацию имущества, за запрет свободного перемещения, даже за передачу сирот на воспитание полякам, и лишь немногие из них — за облегчение признания гражданства автохтонам, неприменение жестких кар за "отступничество".

inslav

Противоборство этих двух тенденций по мере унификации политической системы, налаживания функционирования тоталитарного режима и форсирования социально-экономических преобразований завершилось победой жесткой линии. Польская общественность — политические силы, профсоюзы и другие организации — дружно уничтожала в сознании сограждан следы многовекового пребывания немецкого начала, в том числе стирая немецкие надписи с топографических указателей, со стен церквей, часовен и могильных памятников. Это вызвало глухое сопротивление славян-автохтонов. До сих пор считающийся местом проживания половины немецкого меньшинства всего региона район г. Ополе населен прежде всего именно ими, по-прежнему ориентирующимися на Германию.

Попытки послевоенного урегулирования межэтнических и межнациональных отношений при помощи создания гомогенных государств

Из-за военной перекройки свойственной региону этнической чересполосицы он нес на себе и недавние, и новые, свежие раны и рубцы, отразившие огромные территориальные, этнические, демографические (количественные и структурные) перемены.

Претворению в жизнь демократических принципов послевоенного устройства была призвана служить Организация Объединенных наций (ООН). С завершением войны антигитлеровская коалиция, занятая процессом справедливого мирного урегулирования, практиковала в регионе двоякий подход. Закрепленные на договорной основе отношения дружбы, сотрудничества и взаимной помощи СССР, Чехословакии, Польши и Югославии способствовали взаимоприемлемому разрешению спорных вопросов с учетом национальных интересов и задач укрепления мира и безопасности, а также урегулированию связанных с ними судеб меньшинств.

В основу интенсивных повторных переселений в регионе был положен принцип гомогенного, мононационального государства, позволявшего, как представлялось, силовыми методами избавиться от национальных противоречий и связанных с этим проблем, облегчить регулирование задач межнациональных отношений. Новые государственные границы во многих случаях совпали с рубежами этнического расселения, меньшинства значительно сократились, а этноконфессиональное приграничье качественно преобразилось.

Титовская Югославия встала на путь не гомогенного государства, а политической реинтеграции страны на принципах

inslav

равноправия, сплотив народы в огне освободительной борьбы, не устраивая нового коренного передела территорий и населения. Национально-территориальные проблемы федерации решались вариативно-прагматически. Сербию и Хорватию отделила друг от друга созданная по регионально-историческому принципу Босния и Герцеговина. Это в сочетании с развертыванием демократических социально-политических и иных преобразований позволило тогда избежать обострения межэтнических столкновений[77]. Существовало представление, что расширение применения принципа федеративного устройства на соседние государства обеспечит снятие национальных противоречий[78].

Мирные договоры с Болгарией, Венгрией и Румынией были подписаны 10 февраля 1947 г. В них было закреплено обязательство обеспечить соблюдение прав человека без какой-либо дискриминации на основе расы, пола, языка или религии. Они аннулировали изменения карты Европы периода войны и восстановили (с небольшими изменениями) довоенные границы. Венгрия лишилась приобретений 1938—1939 гг., вернулась к границам начала 1938 г. Четверть венгров осталась в соседних государствах, составляя в каждом из них значительное меньшинство, потерявшее немалую часть прав. Румыния вновь оказалась без Бессарабии и Северной Буковины[79].

Метод встречных переселений и этнических чисток, который стал восприниматься как вполне приемлемый, использовался для снятия одних антагонизмов за счет появления других, нередко ценой нового ущемления прав меньшинств. Так, когда в период завершения войны встал вопрос о принадлежности Македонии, Г. Димитров пожелал "сплотить еще больше и Югославию, и Болгарию" и выдвинул задачу "бороться за то, чтобы на Балканах ликвидировать остатки Османской империи"[80].

Особенно масштабными и показательными новые перемещения населения были в Польше, где они наиболее полно соответствовали сталинским установкам и советско-польским договоренностям. Деятели созданной в оккупированной стране Польской рабочей партии (ППР) не забыли включить в первое программное воззвание, датированное январем 1942 г., демократический лозунг "За нашу и вашу свободу!" Оно гласило, что в Польше не останется места для национального угнетения, "будет существовать равенство и братское сожительство всех народностей"[81]. Однако находившиеся в СССР польские коммунисты вскоре должны были взять на вооружение сталинистско-коминтерновскую логику и методы силового "снятия" национального вопроса, превращения послевоенного государства в гомогенное, "однонациональное".

inslav

Процесс унификации национального состава населения пошел особенно интенсивно, когда поляки с получением в качестве компенсации за Западные Украину и Белоруссию так называемых Воссоединенных земель стали огромными массами перемещаться с востока на запад, где немцы освобождали земли до Одры и Нысы Лужицкой. Его основные принципы, изложенные в декларации КРН от 1 января 1944 г., указывали на этнический принцип разграничения: польские земли будут принадлежать Польше, украинские, белорусские и литовские — соответствующим советским республикам. "Июльский манифест" Польского Комитета Национального Освобождения (1944 г.) провозгласил равенство всех польских граждан без различия расы, вероисповедания и национальности, одновременно потребовав взыскать с Германии и немцев нанесенный во время войны ущерб. Сформулированные в нем принципиальные установки были положены в основу всего послевоенного законодательства и по сути дела кроме декларации равенства перед законом, повторенной в Малой Конституции 1947 г., не гарантировали меньшинствам нормальной жизни.

Национальные меньшинства не учитывались в переписях населения, не предусматривавших вопросы о национальности, родном языке и вероисповедании. Практика оказалась весьма противоречивой и еще более дискриминационной. С одной стороны, в декабре 1945 г. был обнародован декрет, предписывавший строго наказывать за разжигание вражды на национальной или религиозной почве. Продекларировав установление равноправия, но приняв на вооружение идеологическую концепцию "однонационального государства", польские власти стали проводить в жизнь ограничение прав меньшинств, их изоляцию и подготовку депортаций. Восторжествовала модель не уважения прав народов и конфессий, а обеспечения привилегий для титульной нации в ущерб другим этнонациональным группам или сообществам.

Сталинский план предусматривал проведение на завершающем этапе войны и сразу после нее в продолжение инкорпорации Западной Украины и Западной Белоруссии кампанию по обмену находившихся в СССР после 1939 г. поляков и польских евреев на проживавших в Польше украинцев, белорусов и литовцев, взяв за основу этнические принципы разграничения. Это позволяло за счет национальных меньшинств соседней страны восполнить советские демографические потери и в то же время нейтрализовать раскрученные с осени 1939 г. межэтнические антагонизмы. Правительствами УССР и БССР 9 сентября 1944 г., а 22 сентября правительством Литовской ССР были подписаны почти идентичные соглашения с Польским Комитетом Национального Освобождения (ПКНО). Власти обес-

inslav

печивали встречный поток репатриантов на основании соглашения с Польшей от 6 июля 1945 г.

Первые два соглашения предусматривали регистрацию желающих выехать, а затем до 1 февраля 1945 г. должно было осуществляться само перемещение. В отношении Литвы регистрация намечалась на срок от 1 октября до 31 декабря 1944 г., а переселение — с 1 декабря по 1 апреля 1945 г. Предусматривались аннулирование всех недоимок по поставкам, налогам и страховкам, а по месту размещения — освобождение от них на 1944 и 1945 гг., компенсация за оставленный государству урожай, пятилетний денежный кредит, предоставление земельных участков на принципах аграрной реформы. Разрешалось брать с собой имущество весом 2 тонны на семью. Остальное должно было оцениваться и компенсироваться на новом месте.

Практика была различной, хотя переселенцы нигде не торопились регистрироваться и расставаться с "малой родиной", так что сроки неоднократно переносились. Если украинские власти спешили избавиться от польского населения, скорейший отъезд которого стимулировался запугиванием вплоть до арестов и террором подполья, то белорусское и литовское руководство всячески ограничивали (кроме Вильнюса) сроки и размеры перемещения. Между тем, желание выехать у литовских поляков, в том числе с Ковенщины и других мест, на которые соглашение непосредственно не распространялось, вскоре проявилось весьма четко.

В итоге до 1947 г. в Литве зарегистрировались на выезд 382—383 тыс. чел., а смогли выехать 45—51% (из Вильнюса — 80%). На Украине число зарегистрировавшихся достигло почти 860 тыс. чел., из которых выехали 90—92% (в том числе 40% из городов, 60% из деревни). В Белоруссии были зарегистрированы 496—520 тыс. чел., а переселены из них 53%. На 15 января 1946 г. были выселены из Бреста 70%, из Пинска 60%[82]. Советские власти более спокойно оформляли выезд городского населения, но чинили препятствия на пути переселения сельской рабочей силы. Выселялись наиболее активные носители польского начала соответствующих социальных категорий. Принцип самоопределения игнорировался.

На территории Польши экспатриантам предназначались оставшиеся после перемещения немцев, а также населенные украинцами и белорусами земли.

Белорусы, о которых здесь пошла речь, жили преимущественно на передаваемой Польше территории в районе Белостока, где лишь на них и могла опираться новая польская власть. Они составили большинство местной администрации, милиции, органов безопасности и кадров ППР, связывая свое будущее, реализацию своих этнокультурных, материальных и про-

inslav

чих потребностей со своей "малой родиной". Продолжали работу существовавшие с осени 1939 г. белорусские школы, число которых достигло в конце 1944 г. 115[83]. Действовали центры национальной культуры. И полномочный представитель ПКНО, и воеводское руководство были склонны обеспечивать белорусскому меньшинству условия для национального развития: готовить учителей и учебники по новым программам и т.д.

Советские уполномоченные констатировали (о чем Берия немедленно донес Сталину), что население отказывается выезжать в разоренную войной Белоруссию, "местные власти слабо оказывают помощь по переселению", а польские правительственные органы "в некоторых случаях" оказывают ему противодействие[84].

"В порядке очищения тыла советских войск" была воспроизведена схема депортаций 1939—1940 гг. Операция проводилась при помощи чекистских оперативных групп, поддерживаемых несколькими дивизиями войск НКВД и подчиненных СМЕРШУ оперативно-войсковых групп, под руководством уполномоченных НКВД и НКГБ СССР В.С. Абакумова и Л.Ф. Цанавы, направленных из Белоруссии нескольких сотен советских и партийных работников, а также партийного аппарата 2-го Белорусского фронта. Лица, оказывавшие противодействие переселению белорусов, украинцев, русских и русинов из Польши в Советский Союз подвергались арестам и другим репрессиям. Польские силовые структуры формировались в постоянном взаимодействии с "соответствующими структурами СССР" — с органами НКВД СССР, роль которых в становлении польской службы безопасности была решающей[85]. Собственно, постановлением Государственного комитета обороны от 18 декабря 1944 г. организация охраны тыла и коммуникаций действующей Красной Армии при помощи шести дивизий НКВД была распространена, кроме Восточной Пруссии, Польши и Чехословакии (со сроком исполнения 25 января 1945 г.) на Венгрию и Румынию (где назначался срок 25 февраля).

Эта практика обеспечивала проведение в том или ином объеме соответствующей национальной политики, фильтрацию и "изъятие" "враждебных элементов" различных национальностей. В этой ситуации центральные партийно-государственные инстанции Польши в связи с обязывавшим логунгом "польского государства без национальных меньшинств" должны были отвергнуть инициативы, регулировавшие их положение, в том числе наделение помещичьей землей. Белорусское меньшинство оказалось под мощным давлением с двух сторон. С одной стороны, польское подполье стало не только грабить и облагать данью, но в связи с опасениями по поводу возврата белосто-

inslav

кских земель Белоруссии уничтожать целые деревни, вынуждая беззащитное население покидать свои земли. С другой стороны, власти, которые из-за нехватки продовольствия тоже увеличили обложение белорусов обязательными поставками, одновременно под давлением советских уполномоченных принимали участие в эвакуации — сначала добровольной, под флагом обещаний предоставить землю и посевной материал вне пределов Белоруссии, а затем и принудительной.

С территорий, где белорусы составляли меньшинство и не могли защищаться от нападений банд, население пыталось бежать — в основном на север и запад Польши. В других местах, чтобы не дать оторвать себя от дома и как-то вернуться к нормальной жизни, оно стало применять мимикрию: не только перестало соблюдать белорусские национальные обычаи или выдвигать постулаты сохранения своей культуры, но заявляло о польской национальной принадлежности и всячески демонстрировало самоассимиляцию. Местные власти пытались найти разумный выход из явно тупиковой ситуации, созданной бездумным, неконструктивным курсом в сфере национальной политики[86].

Идеологическая поддержка официального курса складывалась из нескольких элементов: белорусы перестали трактоваться как особая группа; вообще отрицалось существование в Польше такого этноса. Члены белорусских организаций, даже участники художественных ансамблей, репрессировались как коллаборационисты. Работники администрации должны были говорить только по-польски; в документах проставлялась лишь польская национальность. Только соответствие требованию говорить по-польски и сокрытие белорусского происхождения давали возможности делать карьеру. Если выехавшие в СССР белорусы возвращались в Польшу, они получали оставленные хозяйства как лояльные ее граждане. Считалось, что оставшиеся (а таких оказалось 125 тыс. на 38 тыс. выехавших[87]) чувствуют себя поляками и должны считаться ими.

Принимая широко декларировавшийся принцип равенства в рамках польского ареала, белорусскому меньшинству пришлось расстаться с национальными устремлениями. Оно не имело во второй половине 40-х годов ни одного печатного издания. Под предлогом смягчения этнических противоречий были ликвидированы школы с белорусским языком преподавания (в декабре 1947 г. их насчитывалось всего шесть[88]). Все было сделано для ассимиляции белорусов, которые лишались возможности формировать свои национальные кадры, воспитывать интеллигенцию. Эту цену пришлось заплатить, чтобы остаться у себя дома.

Украинцам это не удалось, хотя из 650—700 тыс., населявших польские земли в новых границах на момент освобожде-

inslav

ния, в 1948 г. в Польше оставалось только 140 тысяч[89]. Политика их вытеснения реализовалась значительно более жестко — как пытавшихся силовыми методами осуществлять высокие национальные притязания и разжегших национальные антагонизмы. Украинская повстанческая армия (УПА) продолжала активно действовать по обе стороны польско-украинской границы, вопрос о которой некоторое время оставался открытым. Устанавливая договоренности с УССР об обмене населением, польское руководство изначально стремилось любой ценой и как можно быстрее, не очень полагаясь на принцип добровольности выезда, избавиться от украинского меньшинства как источника постоянных межнациональных распрей. Были закрыты действовавшие в период оккупации школы и уволены учителя. Крестьянам было отказано в получении наделов по аграрной реформе. Зато увеличивались налоги и обязательные поставки, которые отменялись только при условии согласия на выезд в Советский Союз.

Принятие осенью 1945 — весной 1946 г. силового варианта переселения предопределило дальнейший ход событий. На резкое обострение ситуации шли все стороны конфликта, взаимно антагонизируя друг друга. Органы безопасности, поддерживаемые армией, силой сгоняли украинцев с мест их исторического проживания. Вначале по довоенному законодательству жителям предписывалось покинуть населенные пункты в течение 14 дней. Затем по известной советской модели для обеспечения полного выселения составлялись списки, население собиралось в одно место, выслушивало распоряжение собрать за считанные часы ручную кладь и под конвоем вывозилось на Украину. Польское вооруженное подполье действовало в том же направлении еще более крутыми методами. Оно уничтожало жителей целых деревень, вынуждая украинское меньшинство очищать территорию. Отряды УПА, в свою очередь, нападали на уполномоченных Совнаркома УССР и обеспечивавшие переселение подразделения Войска Польского, пытались сделать спорные территории непригодными для проживания поляков, сжигая деревни и запугивая репатриантов. Юго-Восточная Польша была усеяна тысячами трупов. Сотни тысяч украинцев спасались бегством. Часть смещалась на запад, подделывая документы, меняя национальность и вероисповедание, отказываясь от родного языка. Многих прятали родственники-поляки[90].

Попытки найти конструктивные решения не давали результатов. Не помогала активизация украинских левых сил, готовых вступать в ППР и энергично содействовать власти в борьбе с подпольем. Правительству пришлось отказаться от намерения согласовать с представителями украинцев условия прожи-

inslav

вания их в Польше. Чтобы похоронить их надежду на достижение компромисса, к этой группе деятелей был применен показательный арест. Советская сторона всячески понуждала ускорить перемещение украинского населения. Отказавшийся призвать его выезжать на Украину пшемысльский епископ униатской церкви Ю. Коцыловский был арестован и передан советским властям. Эта церковь, к которой принадлежало большинство верующих украинцев, была запрещена.

К началу 1947 г. закончилось действие соглашений об обмене населением. Большинство украинцев были выселены, на местах остались в основном смешанные семьи. Однако "зачистку" решено было продолжить и генеральный штаб провел через политбюро ЦК ПРП по согласованию с правительствами СССР и Чехословакии проведение дальнейшей, уже внутренней депортации на освободившиеся в результате выселения немцев земли. За основу брался принцип рассеивания украинцев по территории нескольких воеводств. В каждом пункте расселения они не должны были превышать 10%, жить не менее чем в 50 км от границы и в 30 км от берега моря.

Выселение под кодовым названием "Висла" проводилось с 28 апреля 1947 г. в течение трех с лишним месяцев, со стопроцентным соблюдением национального признака и включением членов семей других национальностей, в том числе поляков. Под депортацию подпадали и партийные деятели, и милиционеры, и сотрудники органов безопасности, и семьи военнослужащих Войска Польского. Для изоляции наиболее активных элементов, которые могли действовать "во вред польскому государству", НКВД и министерство общественной безопасности задействовали в очередной раз как "центральный трудовой", работавший с января 1945 г. бывший филиал немецкого концентрационного лагеря Аушвиц-Биркенау Явожно, через который были пропущены 3,8 тыс. украинцев — учителя, врачи, православное и униатское духовенство, деревенские жители всех возрастов и т.д.[91] Представители украинского меньшинства, которое как таковое потеряло право на существование, вырывались из привычной среды, попадали под запрет свободного перемещения и в основном превращались из мелких крестьян в рабочих госхозов. Их ускоренную ассимиляцию предопределяли отсутствие школ с родным языком преподавания, украинских книг и периодических изданий, запрещение всякой культурно-просветительной деятельности. Попытки возвращения в отчий дом жестко пресекались.

Количественное и качественное, лишающее меньшинства организованности, их сокращение, существенная унификация особо сложных и многообразных в полиэтническом, многонациональном обществе социально-политических и гражданских

inslav

структур резко ограничивали системы и механизмы функционирования политической жизни, возможности самоорганизации населения. Польские государство и общество в результате повышенной мобилизационной активности массовых органов насилия и длившихся несколько лет репрессий потерпели очень существенный урон, нанеся во имя принудительной ликвидации национальных меньшинств ни с чем не сравнимый (в условиях мирного времени) ущерб себе и немалой части своих граждан. Искусственно подогреваемые элементы внутренней "межнациональной войны" способствовали тому, что в стране тлела и периодически разгоралась гражданская война, а зачатки демократии не смогли оптимально развиться и были быстро растоптаны.

Несколько иными были результаты советско-польских договоренностей по урегулированию обмена населением в отношении двух других национальных меньшинств — литовского и словацкого. Стараясь избежать репрессий, литовцы последовательно демонстрировали властям свою лояльность и готовность выполнять любые гражданские обязанности. При значительном развитии национального сознания и культурно-просветительных учреждений они не демонстрировали интереса к национальной культуре, к обучению языку и следованию традициям. Формально добровольный, обмен быстро стал делом силовых структур, более того — прямого привлечения подразделений НКВД и передачи на советскую сторону нескольких тысяч литовцев, в частности возвратившихся вслед за Красной Армией на свои постоянные места проживания (в 1941 г. литовское население выселялось по советско-германскому соглашению). Однако часть сумела избежать вывоза и вполне успешно, методом самосегрегации сохранила общение и обучение на литовском языке, стойко храня свои культурные традиции, хотя официальная система обучения на литовском языке, как и служба на нем в костелах, не функционировали под предлогом скорого выезда населения в Литву. Попытки ассимилировать избежавшую депортации часть литовского населения, хотя и мешали полноценному национальному развитию, но оказались обречены на неудачу.

Пример польской национальной политики интересен и тем, что при строгом соблюдении договоренностей с тремя республиками СССР о ликвидации меньшинств путем "взаимозачета", урегулирование проблемы словацкого меньшинства в Польше и польского меньшинства в Чехословакии проходило иначе, при другой, более партнерской тональности межгосударственных отношений. Проблема польско-словацкого пограничья со смешанным населением, принадлежности части Спиша и Опавы восходила к закончившейся компромиссом

inslav

делимитации границы в 1918—1925 гг. После Мюнхена спорные территории перешли к Польше. В ходе второй мировой войны Словакии были переданы и ранее принадлежавшие Польше северные части тех же земель. Советская сторона избегала прямого вмешательства в решение вопроса об этих спорных территориях, нацеливая на его двустороннее договорное урегулирование (Сталин и здесь видел возможность перемещения тешинских поляков в Польшу)[92].

По польско-чехословацкому соглашению в мае 1945 г. была восстановлена граница 1920 г., и словацкое меньшинство вновь оказалось в пределах польского государства. Как локальные польские власти, так и польское духовенство (словацкие священники были высланы) взяли курс на ассимиляцию словацкого населения. Однако взрыв национального самосознания, вызванный созданием в 1939 г. словацкого государства и формированием сети образовательных и культурных институтов, вылился в активное сопротивление этой политике. Отказы от обучения детей в польских школах и посещения богослужений на польском языке стали массовыми. Группы словаков разоружали милицию и брали под свой контроль целые территории, признавая лишь установленную немцами границу. Предпринималась безуспешная попытка провести референдум о принадлежности спорных земель.

Силовое давление местных польских властей (реквизиции скота, изъятие продовольствия, одежды и обуви), равно как и действия польского подполья по изгнанию тысяч словаков вызвали официальные протесты со стороны Чехословакии. Следует отметить, что эта демократическая республика в межвоенный период реально обеспечивала национальным меньшинствам как сообществам права в области культуры, языка, школьного образования и администрации, создавала условия для их развития. В продолжении такой политики по отношению к значительно более многочисленному польскому меньшинству в соседней стране польское правительство было весьма заинтересовано. Чехословакия выбирала более гуманные решения, активно осуществляла помощь соотечественникам за рубежом. Была достигнута устная чехословацко-польская договоренность о взаимности в подходе к меньшинствам, которая в марте 1947 г. получила закрепление в двустороннем договоре о дружбе и взаимопомощи с указанием на обеспечение для них возможностей национального, политического, культурного и хозяйственного развития. Конструктивное взаимодействие двух сторон позволяло обеспечить дальнейшее налаживание отношений на пограничных территориях[93].

Этот положительный пример, к сожалению, оставался известным исключением. Даже Чехословакия со свойственными

inslav

ей в межвоенный период большей открытостью, богатой общественной жизнью, проявлениями уважения к правам сограждан поступалась в период противоборства разнонаправленных послевоенных тенденций рядом демократических достижений прошлого. Соглашение о возврате к домюнхенским границам было достигнуто лишь в 1958 г.

В 40-е годы согласно договоренностям с Францией, Югославией и Чехословакией в Польшу репатриировались несколько сотен тысяч поляков и получили политическое убежище около 15 тыс. жителей Греции и Македонии.

Польские ученые считают, что трудно говорить о единой и последовательной линии государства в отношении меньшинств, поскольку на нее сильно влияли и внутренние, и внешние факторы[94]. Это явление прослеживалось в регионе повсеместно.

Новая геополитическая конфигурация региона и складывание элементов международно-правовой защиты меньшинств

Послевоенное урегулирование этнонациональных и межгосударственных отношений в изменившейся геополитической обстановке сопровождалось постепенным становлением международно-правовой системы, центром которой стала ООН. Созданная в рамках Лиги Наций международная система защиты прав меньшинств не смогла сделать эти права частью обязывающего все государства общего международного права, будучи лишь дополнением к Версальской системе договоров и по сути дела не приобрела ни всеобщего, ни регионального характера. С прекращением в начале войны деятельности Лиги Наций (формально — с ее роспуском в 1946 г.) не оказалось таких эффективных международно-правовых устоев, которые безусловно запрещали бы дискриминацию по этнонациональному признаку и гарантировали равноправие наций, народов и меньшинств, а тем более обеспечивали бы меньшинствам определенные льготы, которые позволяли бы сохранить и развивать культурные особенности, язык, религию и т.д. Хотя в годы войны неоднократно раздавались голоса международной общественности в защиту не только народов, но и национальных меньшинств, злоупотребления гитлеровцев и их союзников, прикрывавших под маркой защиты своего меньшинства грабительские требования и оправдание собственной агрессии, отодвинули в тень постулаты воссоздания и утверждения прав миноритариев и их сообществ. Это было связано в первую голову с особой ролью американцев в формировании послевоенного миропорядка. А они, как известно, предпочитали либеральную концепцию прав человека.

inslav

Несмотря на принудительные депортации и миграции беженцев в ходе войны, изгнание со значительной части территорий региона немецкого населения, экспатриацию в послевоенный период польского населения из СССР, а украинского — из Польши, встречные перемещения венгерского и румынского населения и т.д., вопреки стремлению создать монолитные в этнонациональном отношении государства везде остались территории с меньшинствами и со смешанным населением. А это означало, что сохранила актуальность и приобретала все большее значение проблема жизнеобеспечения и защиты прав меньшинств, в том числе перед лицом новых этнических антагонизмов и конфликтов, — поляков в Чехословакии, Литве, Белоруссии и на Украине, венгров и немцев в Трансильвании и в сербской Воеводине, немцев, украинцев и белорусов в Польше, венгров и украинцев в Словакии и т.д. Эта проблема отнюдь не снимала, но наполняла новым содержанием постулаты юридических средств и гарантий для мирного развития и гармоничного сожительства с титульными нациями. Она высвечивала требования, которые предполагали конституционное закрепление прав национальных меньшинств, начиная с равенства и предотвращения дискриминации вплоть до таких, как представительство в выборных органах власти, равноправие в профессиональной области, доступ к работе в государственных учреждениях и др.

Однако послевоенная политическая жизнь, с исковерканными жесточайшей из войн социально-психологическими устоями, с реанимацией в послеялтинском мире автократических традиций и целенаправленными или подсознательными спекуляциями на антагонизмах прошлого не могла сколько-нибудь быстро и конструктивно перетекать в правовое поле. Послевоенное законодательство отдельных стран, как правило, декларировало лишь равенство всех граждан без различия расы, вероисповедания и национальности. Права национальных меньшинств не конкретизировались и не защищались, запрет дискриминации не приобрел даже таких определенных и ясных черт, какие были обозначены в Версальской системе договоров. На ряд репрессированных народов этот запрет вообще не распространялся, как и общий принцип равенства.

Окончание второй мировой войны вначале сулило странам региона освобождение от наследства гитлеровского террора и насилия, развертывание процесса стабилизации на базе демократических преобразований. Однако образовавшееся в условиях послевоенной разрухи и дезорганизации всех общественных систем специфическое переплетение нерешенных социально-политических и национальных проблем в немалой мере способствовало усилению нестабильности демократии и меша-

inslav

ло укоренению основ правового общества. Не были выработаны и задействованы механизмы юридически грамотно оформленных и последовательно проводимых процессов ликвидации причин и урегулирования этнических конфликтов. Они подменялись сочетанием прямого давления в сторону отказа меньшинств от национальных притязаний и ускорения их ассимиляции с настойчивым внедрением пропагандистских интернационалистских идеологем.

Последовательное оформление международно-правовой системы защиты прав меньшинств требовало усилий и времени. Уже в первых документах ООН были закреплены минимальные международные стандарты — основные права человека и свободы для всех без различия расы, пола, языка, конфессии. В Уставе ООН (1945 г.), где они были перечислены, дважды упоминается право наций на самоопределение, но ни разу — национальные меньшинства. Признавая право на освобождение из-под чужого доминирования, ООН не указывала на них. Возобладало представление, что эта проблема является частью общей проблемы защиты прав человека (ст. 55). Работа Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств, начатая в 1947 г., потребовала длительных усилий. Всеобщая декларация прав человека (1948 г.) констатировала, что все люди имеют одинаковую защиту от какой-либо дискриминации, но вопреки мнению делегаций Югославии, СССР и Дании ввиду сложности проблемы, различий в подходе к ней и невозможности выработать единую систему правил было проигнорировано право национальных меньшинств. Упоминание об этих правах содержится только в одновременно принятой резолюции от 10 декабря 1948 г. о "судьбе меньшинств", констатировавшей, что объединенные нации не равнодушны к ней, но не видят возможности принять "единообразное решение" (217С/III/ 1948). Ряд юристов пришли к выводу, что регулировать права национальных меньшинств должно государство проживания на основе внутреннего права.

Принципиально важным стало одобрение резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 г. (260А/III/) Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него. Она указывала на коллективные права меньшинств, их защиту от физического уничтожения и организацию контроля за осуществлением их прав. Оптимальной разработке и внедрению единой системы прав человека, защиты прав национальных меньшинств помешало начало "холодной войны".

В международно-правовой защите нуждались права и других меньшинств, в том числе религиозных. Результатом неоднократной перекройки границ и кампаний по ассимиляции на-

inslav

циональных меньшинств явилось новое деструктивное переплетение этнических и религиозных проблем и конфликтов. За одними из них часто скрывались другие, поскольку сложились стереотипы, отождествлявшие те или иные этносы с определенными религиями. Немцы-католики часто считались протестантами, поляки воспринимались католиками (что чаще всего действительно было оправдано), белорусы — православными, а принявшие ранее католичество, хотя и говорившие по-белорусски, стали называть себя поляками. Нередко загнанные внутрь этнические конфликты проявлялись как религиозные. Весьма драматичные формы в ряде стран принимали конфликтные отношения римско-католической, греко-католической и православной церквей, накладывавшиеся на непростые межнациональные отношения. Отсутствие открытости в политике местной администрации, ее нежелание считаться с межконфессиональными проблемами нередко усиливали национальные антагонизмы.

Процессы нормализации общественной жизни, взаимодействия складывавшихся политических систем, социально-экономических преобразований, выстраивания межнациональных и межгосударственных отношений развивались в регионе весьма противоречиво. Накал освободительной борьбы и возможности демократического обновления были в каждой из стран весьма различны, что вытекало не только из принадлежности к той или иной из воюющих сторон, но и из традиций каждой из стран. В ряде случаев они стимулировали бурный рост национального сознания и самосознания, готовность консолидироваться вокруг строительства новой жизни. Хотя этот процесс не был свободен от проблем и наслоений, вынесенных из горького опыта военного лихолетья, стремление урегулировать внутренние отношения на новой, справедливой основе, с восстановлением принципов этнонационального сожительства пробивало себе дорогу. Так, имели место в целом не удавшиеся попытки достичь большего равноправия в чешско-словацких отношениях. Улучшились, хотя лишь на время, польско-белорусские отношения. Препятствием на этом пути стала концепция мононационального государства. В Болгарии расширялись права консолидировавшегося турецкоязычного меньшинства. Количество школ и "малых гимназий" возросло в 1944—1948 гг. на четверть и достигло почти тысячи. В 1947 г. окончивших среднюю школу представителей этого меньшинства принимали в вузы без экзаменов.

Разделенная во время войны на части Словения, народ которой был превращен в национальные меньшинства на территориях трех стран, воссоединилась и самоопределилась, войдя в состав новой Югославии. Хорватия в качестве пути нацио-

inslav

нального развития также предпочла федерацию с другими югославянскими народами. Пройдя через горнило совместной освободительной борьбы, межэтнические отношения в Югославии, казалось, постепенно налаживались. Положение народов и меньшинств улучшалось, что ускоряло развитие этой страны.

Однако в целом в послевоенные годы межнациональные отношения выстраивались неоднозначно. Чувство повышенной опасности, порождаемое соседством с меньшинствами, олицетворявшими вчерашнего противника или угнетателя, тормозило установление новых, конструктивных связей. Различные политические силы титульных наций видели в возрождении национальной и религиозной жизни меньшинств угрозу своим государственности и суверенитету. Сохранялась податливая почва для использования направленной против национальных меньшинств ксенофобии в своих политических интересах. Под маркой упрощения полиэтнических и многонациональных структур, ликвидации проблем и противоречий нередко искусственно разрывались социальные связи, подогревались антагонизмы. Это облегчало ускоренное форсирование масштабных социальных преобразований, начавшихся в первые послевоенные годы с восстановления экономики и демократизации политических отношений, но обернувшееся сменой социально-экономического строя и политической системы, монтированием авторитарно-тоталитарных режимов. В рамках ялтинско-потсдамской системы, формировавшегося единого советского блока общественная жизнь кардинально менялась, все более решительно и последовательно сводимая к общему знаменателю при поддержке идеологемы "равенства" и "дружбы народов". Решающую роль играла в этом активность советской державы, стремившейся распространить на этот блок порядки и обычаи своего политического режима, свои принципы этнонациональных и межгосударственных отношений.

Интернационалистское идеологическое прикрытие на время закамуфлировало пороки свойственной советскому блоку национальной политики, во многом ограничившей развитие национальных меньшинств, изолировавшей их от стран-"прародителей" и т.д. Постепенно заглушались, загонялись внутрь достигшие особой остроты на приграничных территориях национальные и религиозные конфликты. Это был очень непростой процесс, ибо повсюду национальные чувства были весьма ущемлены — в одних случаях, у особенно сильно пострадавших во время войны народов, они были уязвлены новыми переделами и потерями, в других — поражением и связанными с ним унижениями, с кардинальным изменением статуса народов и религий. Каждая этническая группа, то превращавшаяся в

inslav

большинство, то вновь терявшая этот статус, всеми силами старалась вернуть прежнее равновесие межнациональных отношений и улучшить позицию, добиться более справедливого отношения к себе, демонстрируя свои экономические, социальные и культурные достижения. С нормализацией ситуации все громче заявляло о себе требование национальных и религиозных меньшинств проявлять к ним уважение.

Для демократической части политических сил отношение к меньшинствам, к гарантированию уважения их прав было проверкой движения к стабильному и безопасному обществу, к подлинным ценностям цивилизации. Демократическая общественность с течением времени заново открывала для себя богатства культурного общения и многовекового взаимодействия с соседями, взаимопроникновения обычаев, языка, литературы, архитектуры, возможностей взаимопонимания и сотрудничества в новом послевоенном мире. Однако это требовало немалых времени и усилий, освобождения от подогретой войной инерции насилия, которым были заражены и новые режимы, не торопившиеся отказываться от политики дискриминации национальных и религиозных меньшинств, от их сегрегации или ассимиляции[95]. Эта инерция препятствовала созданию правового общества и развитию правового сознания в исследуемых странах.

[1] См.: *Яжборовская И.С.* Центрально-Восточная и Юго-Восточная Европа: историческое наследство и новый этап урегулирования межнациональных отношений // Форум 2002. Время перемен. М., 2002.

[2] Версаль: опыт истории: (Вместо предисловия) // Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996. С. 11.

[3] *Абашидзе А.Х.* Защита прав меньшинств по международному и внутригосударственному праву. М., 1996. С. 43.

[4] Подробнее см.: Там же. С. 35—50.

[5] *Kotłowski T.* Położenie mniejszości niemieckiej w Polsce w latach 1918—1939 // Mniejszości narodowe w Europie a wybuch drugiej wojny światowej. Zielona Góra. 1998. S. 56—65.

[6] См.: *Янсен К., Векбеккер А.* Ополчение в "идеологической войне": "Самозащита лиц немецкого происхождения" в Польше в 1939—1940 гг. // Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1996.

[7] Образование СССР: Сб. документов. М.; Л., 1940. С. 20. О ленинской национальной политике в отношении меньшинств см.: *Костюшко И.И.* Польское национальное меньшинство в СССР (1920-е годы). М., 2001. С. 28—33 и др.

[8] См.: *Вдовин А.И.* Национальная политика 30-х годов (Об исторических корнях кризиса межнациональных отношений в СССР) // Вестник Москов. ун-та. Сер. 8. История. 1992. № 4. С. 19—20.

[9] *Ненароков А.П.* Семьдесят лет назад: национальный вопрос на XII съезде РКП(б) // Отечественная история.1993. № 6. С. 115. См. также: *Он же.* Развитие программных представлений большевиков о праве наций

inslav

на самоопределение // Октябрьская революция. Народ: ее творец или заложник? М., 1992.

[10] *Сталин И.В.* Соч. Т. 5. С. 42.

[11] См.: *Родионов А.И., Мунтян В.В.* Поиск путей решения национальных проблем в первые годы Советской власти (1917—1923 гг.) // Советская этнография. 1990. № 3. С. 36.

[12] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 359, 360.

[13] *Родионов А.И., Мунтян В.В.* Поиск путей... С. 40.

[14] См.: Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9—12 июня 1923 г. (Стенографический отчет). М., июнь 1923.

[15] *Ненароков А.П.* Семьдесят лет назад. С. 116.

[16] Революция и национальности. 1935. № 9. С. 104.

[17] *Вдовин А.И.* Национальная политика... С. 36.

[18] *Iwanow M.* Pierwszy naród ukarany. Polacy w Związku Radzieckim 1921—1939. W-wa. 1991. S. 57—58.

[19] Подробнее см.: *Костюшко И.И.* Польское национальное меньшинство в СССР.

[20] *Мощелков Е.Н.* Национально-государственная проблема в переходном процессе: опыт России (1917—1922 гг.) // Вестник Москов. ун-та. Серия 12. Политические науки. 1996. № 1. С. 31.

[21] *Вдовин А.И.* Национальная политика... С. 33.

[22] *Алпатов В.М.* Языковая политика в СССР в 20—30-е годы: утопия и реальность // Восток. 1993. № 5. С. 124.

[23] См.: *Никитин Д.Н.* Журнал "Революция и национальности". Теория и практика национального строительства в СССР (1930—1937 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 12.

[24] *Абашидзе А.Х.* Защита прав меньшинств... С. 11. Свой вывод А.Х. Абашидзе подкрепляет ссылками на публикации И.Д. Левина.

[25] *Ненароков А.П.* Семьдесят лет назад. С. 116.

[26] *Булдаков В.П.* Национальная правая прежде и теперь: Историко-социологические очерки // Отечественная история. 1994. № 3. С. 205.

[27] *Дугин А.* Метафизика национал-большевизма // Элементы. Евразийское обозрение. 1996. № 8. С. 8—9; *А.Д.* "В комиссарах дух самодержавья" (о книге М. Агурского "Идеология Национал-Большевизма" // Там же. С. 72.

[28] *Дугин А.* Метафизика национал-большевизма. С. 12. О проблеме соотнесения большевизма и национализма см. также: *Романенко С.А.* Судьба Югославии в современном сознании россиян // Общественные науки и современность. 1996. № 6.

[29] Российский государственный архив социально-политической истории. (Далее: РГАСПИ). Ф. 492. Д. 209. Л. 30, 32.

[30] Там же. Л. 33.

[31] Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала: Стенографический отчет. М., 1925. Ч. II. С. 129.

[32] *Гришина Р.П.* Балканы в планах Коминтерна (1924 год) // Славяноведение. № 5. С. 12.

[33] Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: В документах центральных российских архивов начала — середины 1920-х годов. 2000. Ч. I. С. 4.

[34] РГАСПИ. Ф. 493. Оп. 1. Д. 79. Л. 12; Д. 80. Л. 17 и др.

[35] Цит. по: *Ватлин А.Ю.* Троцкий и Коминтерн. М., 1991. С. 43.

[36] *Сталин И.В.* Соч. Т. 11. С. 150.

inslav

[37] Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. М., 1929. Вып. 3. С. 192.

[38] VII конгресс Коммунистического Интернационала в борьбе против фашизма и войны: Сб. док. М., 1975. С. 191.

[39] Коминтерн и вторая мировая война. М., 1994. Ч. 1: До 22 июня 1941 г. С. 104, 106.

[40] *Димитров Г.* Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София, 1997. С. 183.

[41] Там же. С. 183–184.

[42] *Гурьянов А.Э.* Репрессии против поляков и польских граждан: Исторические сборники "Мемориала". М., 1997. Вып. 1. С. 77–113, 121 и след.

[43] *Żaroń P.* Ludność polska w Związku Radzieckim w czasie II wojny światowej. W-wa, 1990. S. 131; Przesiedlenie ludności polskiej z Kresów Wschodnich do Polski 1944–1947. Wybór, opracowanie i redakcja dokumentów Ciesielski S. W-wa, 1999. S. 11.

[44] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3024. Л. 157.

[45] *Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2001. С. 119.

[46] Коминтерн и вторая мировая война. С. 398–400.

[47] Польща та Україна у тридцятих–сорокових роках XX століття. Невідомі документи з архівів спеціальних служб. Польське підпілля 1939–1941. Т. 1. Львів; Коломия; Стрий; Золочів; Варшава; Київ, 1998. С. 11, 14; *Mironowicz E.* Białoruś. W-wa, 1999. S. 113, 114, 130–131; *Міранович Я.* Навейшая гісторыя Беларусі . Беласток, 1999. С. 108–110, 119–121,126–127 и др. См. также: Polska-Ukraina. Trudne problemy. W-wa, 1999. T. 4; Wrocław, 1999. T. 5.

[48] *Chałupczak H., Browarek T.* Mniejszości narodowe w Polsce 1918–1995. Lublin, 1998. S. 28–29.

[49] *Kersten K.* Polska – państwo narodowe. Dylematy i rzecywistość // Narody. Jak powstawały i jak wybijały się na niepodległość? W-wa, 1989. S. 462.

[50] *Jagiełło M.* Partnerstwo dla przyszłości. Szkice o polityce wschodniej i mniejszościach narodowych. W-wa, 2000. S. 258–262.

[51] Подробно см: *Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Национально-территориальный вопрос в контексте послевоенных реальностей Восточной Европы. 1945–1948 гг. (по новым документам российских архивов // Национальный вопрос в Восточной Европе: прошлое и настоящее. М., 1995. С. 228–236.

[52] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. II: Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.): Сб. док. М., 1978. С. 167.

[53] Там же. Т. IV: Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М., 1979. С. 159–160.

[54] Там же. С. 127, 159–160.

[55] Там же. Т. VII: Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). М., 1980. С. 118, 119, 121.

[56] Там же. С. 177.

[57] Там же. С. 178, 194–199.

[58] Там же. С. 194, 200.

inslav

[59] Там же. С. 261—262, 376—377, 429.
[60] Там же. С. 261.
[61] Там же. С. 497.
[62] См.: *Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Национально-территориальный вопрос... С. 235—236 и др.
[63] Из Варшавы. Москва, товарищу Берия...: Документы НКВД о польском подполье 1944—1945 гг. М.; Новосибирск, 2001. С. 363.
[64] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. ... Т. VII: Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав ... С. 174, 177.
[65] Право народов на самоопределение: идея и воплощение. М., 1997. С. 196.
[66] Там же. С. 231, 232, 237.
[67] *Jagiełło M.* Partnerstwo dla przyszłości. S. 465.
[68] *Eberhardt P.* Między Rosją a Niemcami. Przemiany narodowościowe w Europie Środkowo- Wschodniej w XX w. W-wa, 1996. S. 133, 136.
[69] Подробно см.: *Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Национально-территориальный вопрос... С. 239—245; *Murashko G.P.* The Fate of Hungarian Minorities in Slovakia after the Second World War: Resettlement and Re-Slovakization: Moscow's Pozition // Forced Migration in Central and Eastern Europe, 1939—1950. London; Portland (Oregon), 2000. P. 86—96 и др.
[70] См.: Sčitani lidu a soupis domů a bytů v ČSR. Státní Úřad Statistický. Praha, 1951; Etnické minority na Slovensku: história, súčasnost, súvislosti. Košice, 1997.
[71] *Molnar I.* Powiązania identyfikacji narodowej i religijnej w życiu Węgrów w Czechosłowacji w latach 1918—1993 // Materiały Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej. T. IX. Trudna tożsamość. Problemy naukowe i religijne w Europie Środkowo-Wschodniej w XIX i XX wieku. Lublin, 1996. S. 85.
[72] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 884. Л. 116 об.—119. Подробно см. также: *Noskova A.F.* Migration of the Germans after the Second World War: Political and Psychological Aspects // Forced Migration... P. 108—112.
[73] *Berlińska D., Madajczyk P.* Mniejszość niemiecka w Polsce // Mniejszości narodowe w Polsce. Praktyka po 1989 r. W-wa, 1998. S. 83.
[74] Цит. по: *Mironowicz E.* Polityka narodowościowa PRL. Białystok, 2000. S. 72, 73.
[75] Ibid. S. 74.
[76] Ibid. S. 79.
[77] См.: *Marko J.* Der Minderheitenschutz in jugoslawischen Nachfolgestaaten: Slowenien, Kroatien und Macedonien sowie die Bundesrepublik Jugoslawien mit Serbien und Montenegro. Bonn, 1996.
[78] О предлагаемых, но не реализованных вариантах федеративного устройства послеялтинского мира в Юго-Восточной Европе см.: *Романенко С.А.* Югославия, Россия и "славянская идея": Вторая половина XIX — начало XXI века. М., 2002.
[79] См.: *Georgeoff P.J.* National Minorities in Bulgaria. 1919—1980 // Eastern European National Minorities 1919/1980. Lilleton (Colorado), 1985; *Illyés E.* Nationale Minderheiten in Rumänien. Wien, 1991; *Kocsis K., Kocsis-Hodosi E.* Hungarien Minorities in the Carpathian Basin. Toronto; Buffalo, 1995.
[80] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 884. Л.16 об.—17.
[81] Polska Partia Robotnicza. Dokumenty programowe 1942—1948. W-wa. 1984. S. 52, 54.
[82] Przesiedlenie ludności polskiej. S. 23—24, 29—31, 48—50.
[83] *Mironowicz E.* Op. cit. S. 41.

inslav

[84] Из Варшавы. С. 70, 85, 351—352.
[85] Там же. С. 28, 71, 357 и др.
[86] См.: *Sosna G.* Sprawy narodowościwe i wyznaniowe na Białostocczyźnie (1944—1948) w ocenie władz Rzeczypospolitej Polskiej: Sytuacyjne sprawozdania Wojewody Białostockiego w Białymstoku oraz Powiatowych Starostów Białostockiego, Bielskopodlaskiego i Sokólskiego w latach 1944—1948. Ryboły, 1996.
[87] *Mironowicz E.* Op. cit. S. 40.
[88] Ibid. S. 61.
[89] Ibid. S. 51, 62.
[90] Цит. по: Ibid. S. 58; Из Варшавы. С. 278—279.
[91] *Tomaszewski J.* Mniejszości narodowe w Polsce XX wieku. W-wa, 1991. S. 49.
[92] О путях нахождения компромисса между Польшей и Чехословакией и позициях Сталина и Молотова см.: T. V: Volokitina. The Polish-Czechoslovak Conflikt over Teschen: The Problem of Resettling Poles and the Pozition of the USSR // Forced Migration... P. 53—54.
[93] См.: Slezsko v československo-polských vztázich 1918—1947. Opava, 1991.
[94] Mniejszości narodowe w Polsce. S. 16, 17, 19.
[95] О формах национальной дискриминации и общих принципах защиты меньшинств см. также: *Мартынова М.Ю.* Политика государств Европы в сфере защиты прав этнических меньшинств // Этнические проблемы и политика государств Европы. М., 1998. С. 19—20, 37.

inslav

Глава 2

МАССОВЫЕ ДЕПОРТАЦИИ В СССР

Депортации населения, проведенные во время второй мировой войны в СССР[1], можно с определенной степенью упрощения разделить на две группы. Первая включала перемещение целых народностей, прежде всего немцев, крымских татар, северокавказских народов, калмыков и др. Вторая — переселение по причинам социально-политического характера, что касалось прежде всего польского населения областей, аннексированных Советским Союзом в 1939—1940 гг., Прибалтики и Украины. "Правовой основой" насильственного переселения при этом служили указы Верховного Совета СССР и соответствующие постановления Совета Народных Комиссаров СССР. Коллективная ответственность за деяния отдельных лиц при этом подразумевалась сама собой, но никогда эти документы не опирались ни на один конкретный аргумент. Указ Президиума Верховного Совета СССР "О переселении немцев Поволжья" от 28 августа 1941 г. исходил, например, лишь из гипотетической возможности антисоветского вооруженного восстания немецкого меньшинства. В 1943—1944 гг. вышеупомянутый Президиум издал еще четыре указа о депортациях целых народов. 12 октября 1943 г. появился указ о ликвидации Карачаевского автономного округа и изменении управления его территорией; 27 декабря 1943 г. — указ о ликвидации Калмыцкой автономной советской социалистической республики и создании Астраханского округа в рамках РСФСР; 7 марта 1944 г. — указ о ликвидации Чечено-Ингушской автономной советской социалистической республики и административном устройстве ее территории; 8 апреля 1944 г. — о переселении балкарцев, населяющих Кабардино-Балкарскую автономную советскую социалистическую республику и переименовании Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую АССР. Во всех этих документах репрессии обосновывались предательством Родины, оказанием помощи оккупантам, деятельностью в вооруженных формированиях, организованных немцами, и активной борьбой "банд" против Советской власти[2].

Для советской системы характерно, что некоторые из упомянутых указов, касавшиеся депортаций чеченцев и крымских

inslav

татар, были опубликованы с огромным опозданием. Газета "Известия" опубликовала соответствующие документы с обширным комментарием лишь 25 июня 1946 г., т.е. спустя более чем два года после происшедшего. Аргумент о сотрудничестве с оккупантами, приводимый в отношении как крымских татар, так и чеченцев, при этом не имел смысла, поскольку территория Чечни (в отличие от Крыма) не была полностью оккупирована немцами. Более того, сообщение совершенно игнорировало факт, что вместе с чеченцами были депортированы также ингуши, о которых ничего не говорилось. Удивительным было утверждение, что крымские татары создавали банды в тылу Красной Армии, хотя наказание последовало после того, как Крым снова оказался в советских руках. Принцип коллективной вины ("основная масса населения") был применен и на этот раз, хотя никак не мотивировалось, почему из этой массы автоматически исключалось русское население наказанных республик и, напротив, почему карались женщины и дети и даже те чеченцы, ингуши, татары, которые сражались в рядах Красной Армии за пределами своего региона и имели советские награды.

Как следует из анализа известных до сих пор документов, решения о всех депортациях в военные годы принимались Государственным Комитетом Обороны СССР (ГКО). Затем следовали соответствующие инструкции и приказы для НКВД, и только затем принимались указы Верховного Совета СССР. Решение ГКО о ликвидации Чечено-Ингушской АССР было принято 31 января 1944 г., соответствующий приказ для НКВД был отдан 21 февраля и только 3 марта было принято постановление Верховного Совета СССР. Менее ясна процедура до создания ГКО, что касается депортаций 1939–1940 гг. Формально это было решением Совета народных комиссаров СССР, но нет сомнения в том, что речь шла об обеспечении исполнения ранее принятого решения Политбюро ЦК ВКП(б). На практике же речь шла об узком круге ближайших соратников Сталина, к которому наряду с Берией и Молотовым относилась лишь горстка высших партийных и государственных функционеров. Решения при этом принимались быстро, без участия судебных органов. И те, кто депортации проводил, не представлял, например, идет ли речь о мероприятиях временного или долгосрочного характера. Только в постановлении Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 г. о ссылке, высылке и спецпоселениях констатировалось, что депортация немцев, калмыков, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, турок, курдов, армян, крымских татар, болгар и греков является окончательной[3].

Области, предназначенные для вынужденных переселенцев, в целом характеризовались неблагоприятными климатическими условиями. Их экономическое использование хотя и бы-

inslav

ло желательным, но иным, нежели насильственным, путем привлечь сюда рабочую силу было невозможно. На практике речь шла о северных территориях европейской России, Сибири, Казахстана и Узбекистана. В исследуемый нами период наибольшая часть депортированных направлялась в Казахстан, где в 1945 г. "спецпоселенцы" составляли почти 39% всех жителей. На втором месте стоял Узбекистан с 8%. Такой приоритет Казахстана был обусловлен, с одной стороны, большими демографическими потерями этой республики в 30-е годы, с другой — ее экономическим развитием именно в годы войны[4].

В начале 1945 г. на территориях, определенных для размещения депортированных лиц, насчитывались 2 230 500 человек. Конкретно речь шла о Казахской ССР, Узбекской ССР, Красноярском крае, Киргизской ССР, и Кемеровской, Томской, Свердловской и Молотовской областях. Значительное влияние на конкретное размещение при этом имели хозяйственные ведомства и Комитет по учету и распределению трудовых ресурсов при Совете Народных Комиссаров СССР, которые обращались со своими просьбами к органам безопасности. Окончательное слово и в этом случае было за ГКО, который, например, направил в апреле 1944 г. по просьбе Наркомата строительной промышленности 1 тыс. калмыцких семей в Иркутский округ и в Якутскую АССР. На практике, однако, часто оказывалось, что местные власти не могли создать для переселенцев даже самых элементарных условий существования, и тогда выделенный "паек" рабочей силы снова делился и дополнительным решением направлялся в другое место[5].

Одновременно с депортацией переселенцы теряли все или почти все имущество, т.е. дом или квартиру, оборудование, живность, хозяйственный инвентарь, большую часть одежды, библиотеки и иные культурные ценности, драгоценности и финансовые сбережения. В местах вынужденного переселения в чрезвычайно сложных условиях они начинали таким образом строить свою жизнь абсолютно с нуля. Специальные оперативные группы органов безопасности, поддерживавшие связи с местными партийными и государственными органами, а также с милицией, занимались прежде всего предотвращением сопротивления переселенцев, их транспортировкой и недопущением возможных побегов, а не обустройством мест их проживания, где часто умирало больше людей, чем во время их перевозки.

При эвакуации поляков из западных областей Украины и Белоруссии еще было разрешено брать с собой скарб весом до 500 кг на одну семью, но при транспортировке переселенцев из Прибалтики этот лимит был уже снижен до 100 кг. Это, видимо, зависело от возможностей транспорта, поскольку лимит 100 кг

inslav

был экстраполирован и на карачаевцев, в то время как при транспортировке крымских татар, чеченцев и ингушей лимит опять был поднят до 500 кг, а при эвакуации меньшинств из Грузии даже было разрешено брать с собой 1500 кг на семью. Аналогичные отклонения можно было отметить и в численности людей, приходившихся при перевозках на один вагон, где цифры колебались от 25 до 45 человек. Отличались, понятно, на разных этапах войны и продовольственные нормы, в целом же они исходили минимально из увеличенных гражданских норм на срок 15 дней, чтобы "рабочая сила" прибыла к месту использования в пригодном виде. То же следует сказать и об обеспечении по крайней мере минимальной медицинской помощью. Однако все приведенные данные основаны на официальных сообщениях и эвакуационных планах, в то время как воспоминания потерпевших говорят часто о несравненно более горькой реальности[6].

Самыми тяжелыми для переселенцев были первые месяцы и годы их пребывания на новых местах. Суровые условия существования, нехватка пригодного для жизни жилья, голод и эпидемии, а также тяжелый труд подрывали сами биологические основы существования этой части населения. До 1945 г. из северокавказских переселенцев умерли 44 652 человека, а родилось лишь 2230 детей; среди переселенцев из Крыма было зарегистрировано 15 997 смертей и лишь 1099 случая родов; у калмыков эти цифры составляли соответственно 3735 и 351, у поволжских немцев — 6930 и 1914. Советское Министерство внутренних дел еще в 1953 г. само признало, что с начала депортации до начала 50-х годов скончалось 23,7% переселенцев с Северного Кавказа, 19,6% из Крыма, 17,4% из Калмыкии, 14,6% из Грузии и т.д. Точная верификация этих данных уже невозможна, поскольку статистика не делала различия между детьми привезенными и рожденными во время депортации. Тем не менее остается фактом, что смертность грудных и малых детей была очень высокой[7].

Если сравнить данные ставших известными к настоящему времени источников официального характера и многочисленные воспоминания депортированных, то на передний план выступает главное принципиальное различие между правительственными директивами, уже и без того жесткими и абсолютно сомнительными с правовой точки зрения, и реальной ситуацией, когда эти директивы зачастую либо негативно редуцировались, либо вообще игнорировались. Сегодня уже трудно выяснить, насколько это было следствием объективных материальных и финансовых обстоятельств, а насколько речь шла просто о неразберихе, о неспособности организаторов или о нежелании привлекать к себе внимание начальства "созданием лишних проблем". Согласно существующим директивам, каждая

inslav

семья, например, имела право претендовать на одну комнату из расчета 3 кв. метра на человека. На практике, однако, зачастую давали лишь 1,2 кв. метра, а из 31 тыс. семей, депортированных в Киргизию, 5 тыс. семей должны были обходиться совершенно без крыши над головой. Положение с жильем, крайне напряженное уже перед войной и ухудшенное прекращением жилищного строительства в военные годы, было настолько плохим, что местные власти во многих случаях даже не пытались переселять местное население, а вновь прибывавших прямо размещали в хозяйственных постройках, палатках и т.д. Если удавалось найти для 10 человек закрытое помещение площадью 10—12 кв. метров, то это рассматривалось как окончательное решение вопроса[8].

Берия уже в 1940 г. информировал Сталина и Молотова о том, что жизненные условия так плохи, а нехватка насущных вещей (обуви, рабочих инструментов, семян для посева и пр.) так велика, что в принципе ставят под угрозу эффективность труда депортированных поляков, но центральные органы в большинстве случаев в ответ лишь отделывались поставками некоторого оборудования и материалов, рассчитывая в остальном на "самопомощь" местных административных и партийных органов. Давление в направлении максимальной эксплуатации принудительно используемой рабочей силы во время войны непрестанно нарастало по мере того, как местное население уходило в армию, но условия существования переселенцев существенно не улучшались.

Остались без решения и проблемы внутринациональных связей, которые особенно сильны были у восточных народов. Но, что было препятствием для взрослых, обернулось настоящей бедой для детей. Если они и доживали до 6—7 лет, то не могли вообще рассчитывать на обучение на родном языке, а лишь на скверное образование на русском языке. Единственным исключением были поляки, которые благодаря своему исключительному положению могли организовать сеть собственных школ, функционировавших на советской территории вплоть до 1946 г. Для остальных детей все образование низводилось до обязательного низшего, поскольку из-за ограниченности места пребывания они могли лишь в исключительных случаях поступить в какую-нибудь среднюю школу более низкой ступени. Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 26 июня 1944 г., которое разрешало обучение чеченских, ингушских, карачаевских, балкарских и татарских детей лишь на русском языке в местах проживания, таким образом, только узаконивало существующее положение[9].

О каких-либо национально-культурных институтах не могло быть и речи. Издание книг на языках депортированных на-

inslav

родов было прекращено, библиотеки постепенно закрыты и с ликвидацией политико-административных единиц территории прежнего их заселения русифицированы. Заместитель Берии И.А. Серов и заместитель наркома госбезопасности В.Н. Меркулова Б.З. Кобулов ограничили зоны дозволенного передвижения переселенцев так, чтобы можно было лишь осуществлять элементарное снабжение и исполнение трудовой повинности, так что связи с другими анклавами той же народности были невозможны. Парадоксальной при этом была ситуация тех переселенцев, которым было сохранено членство в ВКП(б). Если собрание парторганизации проходило вне определенной зоны пребывания, то они направлялись на него под вооруженной охраной, что практически исключало более серьезные контакты "на партийной почве"[10].

Основной заботой переселенцев поэтому было не улучшение условий существования, а постоянная борьба с угрозой попасть в еще более худшие условия. Учитывая к тому же, что для большинства из них конкретная работа была определена директивно, невыполнение норм грозило не только снижением зарплаты и продовольственных пайков, но и тюремным заключением, дальнейшим увеличением норм за нарушение "трудовой дисциплины" и, наконец, переводом на худшие условия отбывания наказания. То, кто и как будет вознагражден, понятно, не зависело только от действительных результатов труда, но также от произвола контролирующих работу хозяйственных надзирателей и служащих госбезопасности, которые имели право не только налагать штрафы и подвергать непродолжительным тюремным заключениям, но могли подвести человека под категорию беглеца, контрреволюционера или антисоветчика. Это автоматически означало (без возможности апелляции) перевод в исправительно-воспитательную колонию ГУЛАГа. Фактически это было абсолютным произволом органов надзора, которые часто компенсировали свои не особо хорошие материальные условия хотя бы притеснением тех, кто не мог оказать им даже малейшего сопротивления. Формальная дискриминация была таким образом еще усугублена и моральным ущемлением. Местному населению переселенцы представлялись как изменники, предатели или даже как дикари, и его предостерегали от каких-либо контактов с ними.

Надежды, что это бесправное положение может когда-нибудь кончится, не существовало. В 1949 г., например, выяснилось, что в ходе массовых депортаций из Грузии было "ошибочно" выселено 26 тыс. человек, которые не относились к наказанным народностям. Совет Министров СССР решил проблему, однако, постановлением об их оставлении в тех специальных поселениях, куда они были направлены во время Великой Отечест-

inslav

венной войны. Свое решение он мотивировал тем, что речь шла также о "сочувствующих немцам" и что они уже длительное время живут на новом месте. Попытки потерпевших обратится с личными и коллективными письмами прямо к Сталину окончились безрезультатно, а их авторы были за оказание сопротивления партийным и государственным решениям осуждены как "враги народа" к тюремным заключениям на срок до 25 лет[11].

Депортации польского населения

Оккупация восточных областей довоенной Польши Советским Союзом, которое было следствием советско-немецких договоров от 23 августа и 28 сентября 1939 г., с самого начала сопровождалось целенаправленным национальным и социальным нажимом, целью которого была принципиальная трансформация прежних политических, экономических и социальных условий. При этом террор использовался как инструмент репрессий и возмездия. Сразу после оккупации начались аресты офицеров, полицейских, жандармов, "бывших помещиков, фабрикантов и чиновников" и не в последнюю очередь "членов разных контрреволюционных и повстанческих организаций и прочих контрреволюционных элементов". Со временем советские органы безопасности подготовили новые списки подлежащих аресту, которые касались не столько представителей довоенного режима, сколько потенциальных врагов советской власти вообще. Польское население, которое до того принадлежало к господствующей нации, в одночасье оказалось чужеродным элементом, и поляки стали называться "колонистами" или "переселенцами"[12].

Традиционная ненависть украинских и белорусских крестьян к полякам, которая проявилась уже в ходе наступления советских войск в виде убийств и грабежей, направлялась, однако, отчасти украинскими националистами и имела также сильный антисемитский характер. Все это необходимо было теперь канализировать в направлении "потребностей классовой борьбы". Советские власти при этом хорошо понимали, что из 2,5 млн поляков сюда переселилось в межвоенный период только немногим более 70 тыс. человек. На заседании Народного собрания Западной Украины во Львове в октябре 1939 г. поэтому предложение о массовом выселении поляков из-за возражений некоторых украинских коммунистов (М. Олексюка, М. Кравчука) было несколько смягчено подходом к решению вопроса на основе "классовой дифференциации"[13].

За такое же решение высказалось и одновременно заседающее в Белостоке Народное собрание Западной Белоруссии. По-

inslav

становление Совета Народных Комиссаров СССР от 5 декабря 1939 г. предусматривало также выселение лишь "колонистов". Берия дал письменные инструкции о проведении всей операции народному комиссару внутренних дел Белорусской ССР Л. Цанаве и народному комиссару внутренних дел Украины И. Серову, однако Сталин стал лично вмешиваться не только в подготовку списков выселяемых, но и в определение мест поселения депортируемых[14]. 9 января 1940 г. Берия назначил особую комиссию во главе с В. Меркуловым, которому в целях проведения данной операции были подчинены Цанава и Серов, а также все их "оперативные группы". 25 января было завершено составление списков депортируемых и планы их транспортировки, причем стало ясно, что под давлением Москвы и радикально настроенных украинских коммунистов, нацеленных на быструю национализацию сельскохозяйственной земли, банков, торговли и промышленности, списки по числу выселяемых существенно превысили первоначально объявленные лимиты. В этой связи возникли даже определенные технические трудности, поскольку местные железнодорожные вагоны были приспособлены к широкой советской колее с опозданием, и депортация должна была сначала осуществляться по ранее подготовленному графику перевозок[15].

Депортация началась на Украине 8, а в Белоруссии 10 февраля 1940 г. в условиях суровой зимы (температура упала аж до минус 40 градусов по Цельсию). Поскольку часть лиц, подлежавших депортации в последнюю минуту либо попряталась, либо оказала сопротивление, эшелоны были пополнены без разбора схваченными местными поляками, чтобы цифры не расходились, и сотни поездов отправились под надзором так называемых конвойных отрядов НКВД на восток. 17 января Берия подписал инструкцию об "отлове" и отправке на сборные пункты всех уклонившихся от эвакуации. Вместо первоначально запланированных 139 794 человек в 21 области депортаций оказалось таким образом свыше 143 тыс. человек. Более всего поляков было направлено в район Архангельска и Коми АССР, далее в район Свердловска, под Тюмень, Томск и Новосибирск в Западной Сибири, а также в Казахстан. Как свидетельствовали списки, составленные на местах, достаточно хаотичный характер всего переселения имел и еще одну пикантную черту. Поляков в них было всего 81,68%, примерно пятую часть составляли украинцы, белорусы, немцы и др. Следствие показало, что работники НКВД включили в списки просто всех служащих управления лесным хозяйством, будучи уверенными, что речь идет исключительно о поляках[16].

В новых местах проживания поляки имели статус "спецпоселенцев", что органы надзора в принципе приравнивали к по-

inslav

ложению примерно 1 млн "трудопоселенцев", к которым относились кулаки, депортированные преимущественно в 1930—1931 гг. Из этого следовала и трудовая нацеленность главным образом на лесные работы (только небольшая часть была направлена в распоряжение народного комиссариата цветной металлургии и других ведомств по переработке сырья). Хотя распоряжение о функционировании "спецпоселений" было издано уже 29 декабря 1939 г., сибирские власти исполняли его "гибко" и пополняли вновь прибывающими лагеря, специализирующиеся на лесоповале, в то время как переселенцы имели право на более мягкое обращение[17].

На западе между тем возникла новая проблема. Дело в том, что на территорию, находящуюся под советским контролем, постепенно прибывало из областей, контролируемых Германией (Генерал-губернаторство), все увеличивавшееся количество беженцев, особенно евреев. В ноябре 1939 г. их было, по сведениям советских властей во Львове, более 80 тыс., к апрелю 1940 г. это количество увеличилось до 300 тыс. В соответствии с советско-немецким соглашением о репатриации населения от конца декабря 1939 г. претендовать на переселение в СССР могли лишь украинцы и белорусы, что касалось 14 тыс. человек, но их переселение, несмотря на продление срока до 15 мая 1940 г., окончилось полным провалом, поскольку заявления подали лишь 200 человек. В обратном направлении наоборот движение было более сильным (66 тыс. человек), и к удивлению немецких властей, познакомившись с советскими реалиями, обратно возвратились даже 1600 евреев. Тем беженцам, которые остались в районах под советским контролем, либо было предоставлено советское гражданство, либо они были тоже депортированы на восток. Это касалось 80 653 человек; их депортация началась в ночь с 28 на 29 июня 1940 г. Учитывая, что Москва отказалась признать континуитет польского государства и, следовательно, польского гражданства, эти беженцы получили также лишь статус "спецпоселенцев", но были размещены в особых поселениях, и им были запрещены контакты с жителями других польских поселений. Обращались с ними немного лучше, поскольку они не рассматривались в качестве активных врагов Советской власти[18].

Другой особенностью "беженцев" был большой процент интеллигенции среди них, в том числе врачей, высококвалифицированных специалистов и научных работников, которые вместе с семьями были направлены в распоряжение промышленных ведомств. Но, по сведениям НКВД, кроме врачей эти силы не были использованы адекватно, а нищенское существование ничего другого и не позволяло. Хотя распоряжение НКВД от 21 сентября 1940 г. должно было обеспечить этим ли-

inslav

цам хотя бы возможность пережить приближавшуюся зиму, но от физического труда они пока не были освобождены. Вопреки этому, судьба не только указанной группы, но и всех "беженцев" была относительно лучше, поскольку смертность среди них составляла 2,3%, в то время как среди "поселенцев" — 7,4%. Однако после 1941 г. смертность в обеих группах возросла, а именно — до 17,58% в 1942 г. Сложным было и правовое положение "беженцев", поскольку в их личных документах, как правило, отсутствовало решение о депортации, которое определяло статус потерпевших семей[19].

Чрезвычайно трагична была судьба польских военнопленных, особенно офицеров, которые оказались в абсолютном правовом вакууме. СССР, хотя и подписал часть Женевских соглашений о военнопленных от 27 сентября 1929 г., ключевые документы, которые подтверждали действительность и расширяли толкование ранее принятых Гаагских соглашений, Москва не ратифицировала. Поляки поэтому рассматривались только как лица, задержанные с оружием в руках на советской территории. В ноябре 1939 г. все лагеря военнопленных были таким образом переданы Красной Армией НКВД. Речь шла главным образом о 4500 офицеров в Козельске, а также о 3900 офицерах и 50 — 100 гражданских лицах в Старобельске. Третий лагерь в Осташкове был создан только в начале 1940 г., в нем находилось 6570 человек; здесь были сосредоточены прежде всего задержанные полицейские, служащие пограничных застав, резервисты и офицеры, находящиеся на пенсии, судьи и т.д. Речь шла сначала о 15 070 лицах, но некоторые из них по разным причинам со временем из лагеря "изымались", а вновь задержанные прибывали. До начала марта 1940 г. общее количество лиц в трех указанных лагерях снизилось до 14 700 [20].

Наряду с этим в тюрьмах в западных областях Украинской и Белорусской ССР содержалось еще 10 685 поляков, рассматривавшихся в качестве "шпионов", "диверсантов", "полицейских агентов" и т.д. Когда в начале марта 1940 г. было принято решение о ликвидации польских лагерей для военнопленных, одновременно обдумывался и вопрос о форме устранения всех политически опасных лиц польской национальности. Согласно информации советских органов безопасности пролондонское польское подполье начало формироваться также и в районах новой западной границы, и можно было ждать попыток проникновения его представителей в лагеря. Насколько такие опасения были мотивированы, трудно проверить, но факт, что в лагерях, например, распространялись слухи о предполагаемых англо-французских авианалетах на Баку. Такую информацию пленные могли получать лишь извне, и парадоксально, что из нее зачастую делался вывод о грядущем улучшении положения

inslav

по мере того, как Москва вынуждена будет ослаблять сотрудничество с Германией. Однако в действительности подобные представления лишь повредили им, поскольку 5 марта 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло предложение Берии о ликвидации большинства поляков, содержавшихся в западноукраинских и белорусских тюрьмах, а также в лагерях для военнопленных. В первом случае решение было реализовано на месте, и 7305 человек были расстреляны. Оставшиеся были направлены в тюрьмы центральной России[21].

Что касается военнопленных, то существовали опасения, что казни в лагерях могут привести к бунту. Поэтому было решено подготовить пленных к эвакуации и провести их ликвидацию по пути, в намеченных пунктах. Первым в очереди стал Козельск, эвакуация из которого была осуществлена еще в марте 1940 г. Места пленных тут заняли примерно 2500 поляков, интернированных в Литве (лагерь Козельск-2). Во время погрузки в эшелоны была проведена "селекция", и меньшая часть офицеров была направлена в тюрьмы Москвы. Транспорты из Старобельска отправились после аналогичной процедуры в начале апреля 1940 г., причем группа офицеров во главе с подполковником З. Берлингом была переправлена в лагерь Павлищев Бор, а позднее — Грязевец. Тогда упомянутая группа насчитывала уже 432 человека. Эвакуация лагеря Осташков осуществлялась также с начала апреля 1940 г., но в отличие от вышеупомянутых лагерей эшелоны направлялись не на Восток, а на Север[22].

Что произошло потом, до сих пор точно не известно. Доказано лишь то, что 14 апреля 1940 г. один из старобельских эшелонов был задержан недалеко от Харькова и что весной 1943 г. немцами были обнаружены в лесу у Катыни недалеко от Смоленска массовые захоронения офицеров из Козельска. Пленных из лагерей в Старобельске и Осташкове никто не обнаружил ни живыми, ни мертвыми, но, как вытекает из многих последующих расследований, их участь была аналогичной. Москва свою ответственность за эти массовые убийства отрицала вплоть до времени "перестройки", но даже и потом открыла лишь документы, касающиеся только технической подготовки всей "операции". Мотивы решения неясны до сих пор. Наряду с опасениями контактов с польским подпольем вероятно сыграло значительную роль решение польского эмигрантского правительства в Лондоне от 29 января 1940 г. оказать во время советско-финской "зимней войны" активную помощь Финляндии. Маршал К. Г. Маннергейм польское предложение официально принял, и 9 февраля 1940 г. началась подготовка к отправке на фронт польской экспедиционной бригады. И хотя до ее участия в военных действиях дело не дошло, поскольку

inslav

13 марта бои на финском фронте завершились перемирием, но сообщения об этом, несомненно, значительно повлияли на отношение Сталина к польскому офицерскому корпусу.

Москва, очевидно, считалась и с возможностью возобновления войны с Финляндией, и советские опасения полностью не исчезли даже после падения Франции. Сталин должен был брать в расчет и вероятность англо-немецкого сговора, а потому с августа по ноябрь 1940 г. советские представители вели переговоры с некоторыми польскими офицерами о возможности формирования просоветски настроенной польской воинской части. Но для большинства из них условие открытого разрыва с польским правительством в Лондоне было неприемлемо, и таким образом к 22 июня 1941 г. так называемая коллаборационистская группа сократилась всего до 13 офицеров. Остальные были снова возвращены в тюрьмы и со своими семьями, эвакуированными в большинстве своем в Казахстан, воссоединились только в конце 1941 г. при совершенно иных политических обстоятельствах[23].

После упомянутых страшных событий в отношении военнопленных поляков наступил новый перерыв до весны 1941 г., когда ЦК ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров СССР 14 мая 1941 г. приняли совместное решение ликвидировать в находящемся под угрозой западном пограничье все оставшиеся лагеря с неблагонадежными элементами. 21 мая Берия подписал соответствующие приказы, и уже в тот же день начались новые депортации из Западной Украины, а 20 июня также и из Белоруссии. Последние из этих эшелонов уже застигла война, и части переселенцев во время немецких бомбардировок района Минска удалось бежать. Тем не менее вывезено было 94 896 человек, которые в пунктах назначения (Алтай, Красноярск, Новосибирск, Казахстан) получили статус "ссыльнопереселенцев" с ограничением времени пребывания 20 лет.

Если попытаться суммировать количество депортированных лиц с вновь аннексированных территорий в течение 21 месяцев, то не возникнет сомнения в том, что речь действительно шла о массовых переселениях, насчитывавших сотни тысяч людей, тем не менее, с первоначальными оценками, сводящимися к тому, что только до ноября 1940 г. оттуда было эвакуировано почти 1, 2 млн человек, нельзя согласиться. Известные на сегодняшний день документы дают возможность определить нижнюю оценочную границу, а именно — 200 тыс. поляков, 70 тыс. евреев, 25 тыс. украинцев и 20 тыс. белорусов. Уже из этого ясно, что в данном случае речь не могла идти о ликвидации целых национальных коллективов (депортировано было 4,5% поляков, проживавших в так называемых кресах, а кроме того, 0,5% украинцев и 0,9% белорусов) и что вместе с предста-

inslav

вителями так называемого польского национализма наказание понесли также украинские и еврейские националисты[24].

После подписания польско-советского соглашения в Лондоне 30 июня 1941 г. и последовавшего за ним заявления Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г. положение поляков в СССР радикально изменилось, и первым шагом, понятно, стало выяснение того, скольких людей касаются собственно эти новые отношения и где, в каком реальном положении пребывают эти люди. На повторные просьбы польского посла С. Кота советский комиссариат иностранных дел сообщил 14 октября 1941 г., что в стране насчитывается 387 932 "бывших польских гражданина", которые находятся в тюрьмах, лагерях и разного типа переселенческих поселениях. Поскольку в вышеупомянутом заявлении от 12 августа 1941 г. говорилось об их незамедлительной амнистии, в тот же самый день Политбюро ЦК ВКП(б) и Советом Народных Комиссаров СССР были приняты решения об освобождении поляков и выдаче им временных документов. Это вызвало бурные протесты представителей хозяйственных органов, и 19 августа последовало другое решение, в соответствии с которым переселенцы не должны выдворяться, "если хотят временно остаться на месте своей работы"[25].

В соответствии с модифицированными советскими представлениями поляки должны были остаться в поселениях, особым комиссиям надлежало их регистрировать, и затем предполагалось их постепенное замещение и отъезд. В действительности же большинство поляков (91,1% — 265 248 депортированных) использовало первую возможность и до конца октября 1941 г. покинуло места поселения, направившись либо в уже известные пункты, где функционировали польские сборные органы, либо, по крайней мере, в районы с более благоприятным климатом, где можно было лучше пережить приближавшуюся зиму. На советском транспорте такое незапланированное "движение" вызвало многочисленные проблемы, и В. Меркулов издал 24 января 1942 г. распоряжение о блокировании отъезда оставшихся поляков. Под разными предлогами, таким образом, существовавшие польские поселения ликвидировались, и на грани 1941 — 1942 гг. 36 500 формально амнистированных поляков были насильственно перемещены из Узбекистана в Казахстан, а 21 500 других направлены из Казахстана в Киргизию. Практическим результатом этого явились не только чрезвычайные продовольственные проблемы и распространение эпидемических заболеваний, но и сведение на нет результатов усилий польских репатриационных органов по поискам работы для поляков. 1 сентября 1942 г. Берия неожиданно заявил, что 389 041 человек, которые значились в списках бывших

inslav

польских граждан, уже на свободе и что в тюрьмах и лагерях остался только 341 поляк[26].

Если вспомнить то обстоятельство, что не всем полякам по разным причинам удалось установить контакт с так называемыми делегатурами, то станет ясно, почему с начала 1942 г. существовали явные несоответствия в данных НКВД и оценках польского представительства в Москве. Последнее считало, что в СССР находится 620 тыс. польских граждан. В польскую армию, формирующуюся в Советском Союзе, пока вступило лишь 50 тыс. человек, еще 470 тыс. были, дескать, расселены в Центральной России, на далеком Севере, Сибири, Кавказе, Казахстане и в Средней Азии. Еще 20 тыс. человек должны были находиться где-то на Дальнем Востоке, 30 тыс. служили в строительных частях РККА, а оставшиеся 40 тыс. должны были еще пребывать в лагерях, тюрьмах и спецпоселениях.

В течение 1942 г. стали ясны две вещи. Так называемые списки Берии по количеству в общем совпадали со списками лиц, которые составили польские делегатуры и которые уже трудно было опровергнуть. Количество людей в лагерях возможно было несколько больше (50 тыс.), поляков, мобилизованных в так называемых кресах в трудовые лагеря насчитывалось гораздо больше (75 тыс.). Все прочее было предметом спекуляций. Хотя первоначальные оценки были явно преувеличены, благодаря тому что в них были включены все довоенные польские граждане, а не только этнические поляки. Такие действия Москва решительно отвергла, тем не менее принципиальные различия оставались и позже. Польско-советские отношения резко обострились, после того как 9 февраля 1943 г. советская сторона попыталась разрешить проблему путем насильственной "паспортизации". Всем имеющим до того времени лишь временные документы, были навязаны советские паспорта, и амнистированные поляки опять превратились в граждан. Хотя многие из них отказались сдать временные документы, но это повлекло за собой лишь особые наказания. Всего, согласно сообщениям НКВД от начала 1943 г., это касалось 356 077 человек[27].

Но все же в положении большинства поляков произошло одно существенное изменение — они были приравнены к другим советским гражданам и вместо принудительного труда на лесоповале могли найти работу в сельском хозяйстве, промышленности и даже в лабораториях. В связи с возникновением Союза польских патриотов и подготовкой альтернативного политического представительства под советским патронатом начали снова меняться и политические подходы, но материальные условия продолжали ухудшаться. Неурожай 1943 г. повлек за собой 21 ноября того же года дальнейшее ограничение норм выдачи продуктов, что создало совершенно критическую ситу-

inslav

ацию прежде всего в семьях, которые на грани 1943—1944 гг. все еще работали на крайнем Севере. Следующий удар был нанесен новой мобилизацией в обновляемую польскую армию в СССР, которая отняла у семей оставшихся трудоспособных мужчин. На этот раз важность ситуации признали и советские власти, которые в апреле и мае 1944 г. оказали польским семьям особую одноразовую помощь ("сталинский паек")[28].

Союз польских патриотов понимал, что должен хотя бы в минимальной степени проявить себя и внутриполитически, и после длительных переговоров 5 апреля 1944 г. получил согласие советского правительства на перемещение польских семей из сибирских и северных областей РСФСР в европейскую часть федерации. Акция проходила с мая по сентябрь 1944 г. и коснулась 26 500 человек. В конце июня Президиум Союза польских патриотов просьбу повторил с тем отличием, что на этот раз польские семьи должны были перемещаться из Средней Азии на Украину. 11 июля 1944 г. было получено согласие с этим Совета Народных Комиссаров СССР. Но все поляки и далее формально оставались советскими гражданами. Эта проблема была разрешена лишь польско-советским соглашением от 6 июня 1945 г. "о праве изменения советского гражданства и эвакуации лиц польской и еврейской национальности, проживающих в СССР". В противоречии с существовавшей советской аргументацией было, таким образом, право на репатриацию распространено и на польских евреев, если они имели на 17 сентября 1939 г. польское гражданство[29].

Юридическим курьезом было то, что военнослужащие так называемой Народной польской армии и члены их семей имели польское гражданство уже с лета 1944 г. на основе указов Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня и 14 июля того же года. Для остальных сначала был установлен конечный срок регистрации до 1 ноября 1945 г., но он оказался нереальным, и поэтому был продлен сначала до 1 января 1946 г., а затем до 15 июня 1946 г. Всего до 1949 г. домой вернулись 266 тыс. человек, но в 1955—1959 гг. последовали новые волны репатриантов, которые увеличили их количество до 415 тыс. человек. Это было результатом сложных и длительных переговоров между Москвой и Варшавой, детали которых до сих пор мало известны[30].

Насильственное переселение советских немцев

Немецкие колонисты прибывали в Россию уже начиная с XII века, но особенно существенный скачок в этом плане произошел во второй половине XVIII века, когда до того преимущественно городское население (врачи, ученые, военные, ре-

inslav

месленники и т.д.) пополнилось крестьянами. В 1897 г. тут проживало уже согласно переписи населения 1,8 млн немцев, однако они все еще рассматривались как инородный элемент. Это особенно заметно проявилось во время первой мировой войны, когда с Волыни было эвакуировано царскими властями при приближении фронта 150 тыс. немцев (значительная часть их замерзла во время транспортировки). Во время Гражданской войны немцы воевали с обеих сторон, тем не менее поведение главного центра немецких сельскохозяйственных колонистов в Поволжье было расценено как настолько удовлетворительное, что тут 6 января 1924 г. в рамках РСФСР была образована Автономная Советская Социалистическая республика немцев Поволжья.

Хотя количество лиц немецкой национальности несколько снизилось (согласно переписи 1926 г. до 1 238 549 человек), но их сосредоточение в отдельных областях оставалось прежним. В Поволжье проживало тогда 379 630 немцев, в Крыму — 43 631, в Саратовской области — 41 214, в Казахстане — 51 102 немца и т.д. На грани 20—30-х годов немцы, однако, весьма потерпели от "раскулачивания", и под давлением германского правительства Москва даже в декабре 1929 г. согласилась на частичную репатриацию. Она коснулась приблизительно 6 тыс. человек, которые в большинстве проследовали через Германию далее в Северную и Южную Америку. Индустриализация снова изменила профиль немецкого населения в СССР, что было связано с его усиленной миграцией в города. Этому содействовал и голод в Поволжье, жертвами которого до 1937 г. стали примерно 80 тыс. немцев. После 1938 г. началось постепенное ограничение самоуправления и закрытие немецких школ, но с присоединением Прибалтики, восточных областей Польши, Северной Буковины и возвращением Бессарабии численность немцев в советских границах опять выросла. Москва решила быстро избавиться от них соглашением с Берлином от августа 1940 г., на основании которого страну покинули 76 857 немцев из Эстонии и Латвии, 51 049 — из Литвы, 136 463 — из бывших польских областей, 93 329 — из Бесарабии и 95 770 — из Буковины[31].

После 22 июня 1941 г. опять усилились опасения в недостаточной лояльности советских немцев, и, несмотря на то что сначала никаких доказательств не существовало, Молотов и Берия еще в июне 1941 г. создали в г. Энгельс (ранее Покровск, центр Поволжской Автономной республики) следственную комиссию, которая до 10 августа приняла решение об аресте 145 "шпионов", "террористов", "контрреволюционных элементов" и т.д. 12 августа ЦК ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров приняли решение выселить немцев из Поволжья. 28 августа 1941 г. был издан соответствующий указ Президиума Верховного Со-

inslav

вета СССР, в котором говорилось о "десятках тысяч" шпионов и диверсантов, готовых проводить по сигналу из Германии саботажные акции. Но еще перед изданием указа, 20 августа, началась депортация немцев из Крыма, и одновременно проводилось выселение немецкого и финского населения из предместий Ленинграда. В первом случае речь шла о 50 тыс., во втором о 132 тыс. человек. Фактически же из-за быстрого приближения фронта из Ленинградской области было выселено лишь 11 тыс. немцев[32].

Отправка из Поволжья была подготовлена гораздо лучше; ее проводили более 8 тыс. служащих НКВД и РККА в Поволжье и около 3,5 тыс. красноармейцев и милиционеров в районах назначения Саратовской области. Депортации подлежали также члены ВКП(б) и комсомола немецкой национальности, исключение составляли смешанные семьи, главой которых не был немец. В освободившиеся деревни были поселены беженцы и переселенцы из прифронтовых зон. Депортация немцев началась 3 сентября и продолжалась до 20 сентября 1941 г., когда Берия заявил о переселении 446 480 лиц. Но уже 7 сентября 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ о ликвидации Автономной ССР немцев Поволжья и разделении ее территории между прилегающими административными единицами. Однако с ликвидацией республики репрессии против советских немцев не прекратились. В период с 6 сентября до 22 сентября 1941 г. на основе решения Государственного комитета обороны СССР было проведено выселение немцев не только из других европейских частей РСФСР, но и из Закавказья, так что до конца 1941 г. свои первоначальные места проживания покинули 799 459 человек. Советские власти при этом расценивали их как ценную и квалифицированную рабочую силу, так что между отдельными ведомствами начались споры по поводу ее распределения. Однако ни один из хозяйственных институтов не смог обеспечить необходимого размещения, и в результате 90% депортированных немцев оказалось в колхозах. Условия ведения хозяйства тут были гораздо хуже не только из-за климата, но и из-за отчаянной нехватки рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря, оставшихся в местах прежнего жительства.

В течение 1942 г. депортация немцев продолжалась, но уже в меньших масштабах. Исключение составляли немцы из Краснодара и Ростова, переселенные на основе постановления Государственного Комитета Обороны СССР от 29 мая 1942 г. в Омскую и Красноярскую области. Причиной снова стало продвижение фронта. Что касается немцев, которые в начале войны в ходе мобилизации попали в ряды Красной Армии, то с 28 сентября 1941 г. они были сосредоточены в строительных ча-

inslav

стях. Затем это было распространено на всех советских граждан немецкого происхождения, которые призывались в армию в дальнейшем. Постановлением ГКО СССР от 10 января 1942 г. в так называемые трудовые батальоны зачислялись и все немцы, женщины и мужчины, в возрасте от 17 до 50 лет (7 октября 1942 г. возрастные границы были расширены и составляли соответственно 15 и 55 лет), что означало резкое ухудшение условий существования (трудовые батальоны подчинялись комиссариату внутренних дел и комиссариату транспорта)[33].

Работа в рудниках, на предприятиях цветной металлургии, на строительстве железных дорог и т.д. при 12—14 часовом рабочем дне и удвоенных трудовых нормах неизбежно должна была вести к повышенной смертности. Из 1300 человек, доставленных в феврале 1942 г. в лагерь Бубел под Молотовым, остались в живых к весне 1943 г. только 300 человек, из 1 тыс. немцев, привезенных в начале 1942 г. в лагерь Тимшер, в живых осталось к концу года менее 200 человек. Известен был и чрезвычайный случай, когда из "трудовой армии", насчитывавшей 2 тыс. единиц, остался в живых один единственный человек. При этом известно, что в "стройбатальонах" находились 949 829 лиц немецкой национальности.

Когда война шла к концу, начались последние депортации советских немцев, которые не были завершены в первые месяцы боев на территориях, оккупированных нацистами. В этом случае достаточно было лишь приказа НКВД от 7 февраля 1945 г., но из допросов вытекало, что с отступающими частями немецкой армии отошли и действительно сотрудничавшие с оккупантами, которые оценивались вообще как наиболее опасные. Правдой является и то, что некоторые советские немцы находились в освобожденных концентрационных лагерях, но их судьбы решались уже позднее. Согласно приказу НКВД от 11 октября 1945 г., все немцы, "репатриированные" из Германии и Австрии, направлялись сразу в специальные лагеря. Немцы, отпущенные после войны из трудовых лагерей, теоретически должны были возвратиться в те места, куда были переселены в 1941—1944 гг., но в действительности зачастую они включались в трудовые списки там, куда доезжал их поезд. Курьезом было и то, что под режим спецпоселений НКВД подпадали и те немцы, которые еще с царских времен жили в Сибири, на Урале, в Казахстане, на Дальнем Востоке. Единственным улучшением в конце концов оказалось то, что большинство немцев избавилось от смертоубийственных условий трудовых батальонов и перешло в "объединенную" категорию жителей специальных поселений. Это касалось на 1 октября 1948 г. 1 012 754 советских немцев[34].

Первые более массовые возвращения из изгнания произошли в 1954 г. Постановление Совета Министров СССР от 13

inslav

августа 1954 г. разрешало освободить так называемых местных поселенцев и часть поселенцев из категории ранее мобилизованных на трудовые работы. Отчасти это касалось и советских немцев, которые, согласно некоторым источникам, составляли в 1953 г. 44,5% всего населения специальных поселений. На основе указа Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г. была освобождена часть немцев из категорий "выселенных" и "репатриированных". В целом это распространялось на 695 216 лиц. В последующем избавление от статуса жителя специальных поселений хотя и продолжалось, но не было никоим образом связано ни с полным восстановлением в гражданских правах, ни с правом возвращения в места прежнего проживания. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 г., хотя задним числом и признавал, что доводы, приводимые в постановлении от 28 августа 1941 г. не имеют под собой оснований, но одновременно утверждал, что немецкое население уже "укоренилось в новых местах проживания" и поэтому должно участвовать в развитии местной экономики и культуры. Ограничение избрания места проживания было отменено только указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 ноября 1972 г., но и он не восстановил национальную автономию, потерянную в 1941 г. Указ того же органа от 14 ноября 1989 г., хотя теоретически и возвращал немцам все национальные права, но никаких практических шагов в этом плане не предусматривал. Когда двумя годами позже Советский Союз распался, возник вопрос, насколько новая власть будет чувствовать себя связанной этими документами[35].

Насильственные переселения из Литвы, Латвии и Эстонии

Секретный протокол к советско-немецкому договору о ненападении от 23 августа 1939 г. хотя и определял северные границы Литвы за линией взаимного разграничения сфер интересов, но уже последующие секретные протоколы, приложенные к советско-германскому договору о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г., изменили ситуацию. В советскую сферу влияния была включена и вся Литва, и Прибалтика таким образом оказалась полностью под контролем Москвы.

Первой советской мерой было обеспечение военно-морских и военно-воздушных баз (договоры с Эстонией от 28 сентября, с Латвией от 5 октября и Литвой от 10 октября 1939 г.). После падения Франции в этих странах произошла принудительная смена правительств, завершившаяся 18 июня 1940 г., а затем 14—15 июля 1940 г. было проведено фарсовое голосова-

inslav

ние за присоединение к СССР. Но еще до этого были депортированы ведущие политики всех трех стран. Литовский премьер А. Меркис (Merkys) и министр иностранных дел Ю. Урбсис (J. Urbsis) были первыми, потом наступила очередь латышского президента К. Ульманиса и эстонского президента К. Пётса. Депортации в Сибирь избежал лишь литовский президент А. Сметона, который перебрался на немецкую территорию[36].

Массовыми арестами всех государственных и политических деятелей руководили представители Комиссариата внутренних дел СССР во главе с И. Серовым, но параллельно с этим уже строился и аппарат местных органов советской безопасности, который проводил чистки его среднего и низшего звена в целях избавления от потенциальных "врагов народа". Министр внутренних дел Литовской ССР издал, например, в связи с этим в ноябре 1940 г. соответствующую инструкцию, и во всех республиках были созданы особые штабы, которые под руководством офицеров должны были руководить депортациями. Они проходили в период с 14 июня по 26 июня 1941 г., так что последние эшелоны были отправлены уже в первый день войны.

Надежные данные о том, сколько людей было казнено на месте, а сколько депортировано, до сих пор отсутствуют. Для Эстонии, например, приводятся данные о 2 тыс. убитых и 19 тыс. депортированных, но некоторые авторы говорят о более чем 63 тыс. депортированных. Согласно данным, использованным позднее немцами, из Латвии было вывезено 14 693 человека, но есть сведения и о 37 500 лицах. Более надежные материалы существуют только по Литве, где в 1941 — 1942 гг. работала так называемая Информационная канцелярия литовской взаимопомощи, которая относительно аккуратно составляла списки без вести пропавших. Она пришла к выводу, что из страны депортировали 22 161 человека. Но и это число ставится под сомнение, и утверждается, что насильно до июня 1941 г. было вывезено 30 тыс. человек. Анализируя известные к настоящему времени документы НКВД (списки так называемых конвойных отрядов отдельных эшелонов), современные российские исследователи называют цифры для Литвы 12 682, для Латвии 9 236, для Эстонии 3 668 депортированных.

Все они квалифицировались как классовые враги, причислялись к категории "ссыльнопоселенцев" и были направлены в климатически весьма суровые северные области. Учитывая, что последние эшелоны отправлялись в спешке, некоторые переселенцы были дополнительно означены как чрезвычайно опасные и в условиях ссылки, и по прибытии на место подлежали казни. К хаосу приводило также стремление НКВД очистить одним ударом Прибалтику не только от "антисоветских элементов", но также от "антиобщественных и криминальных

inslav

элементов". Из-за этого в эшелонах очутились проститутки, убийцы и т.д., позже переправленные в лагеря с более мягким режимом[37].

Как показал период немецкой оккупации, процесс советизации Прибалтики носил лишь поверхностный характер, и влияние коммунистического подполья и советских партизан было вплоть до возвращения Красной Армии минимальным. При восстановлении советской власти нельзя было исходить лишь из ситуации 1941 г., необходимо было сначала сломить сопротивление некоммунистического подполья и вооруженных групп. Генерал Круглов*, например, сообщал, что только до 15 марта 1945 г. отряды НКВД во взаимодействии с армейскими органами провели в Литве 2 257 операций, в которых было убито 5 364 и пленено 10 923 "бандита". Наряду с этим были арестованы 11 412 участников националистического подполья, десятки тысяч "дезертиров" и пр. Несмотря на то что аналогичные акции проводились также в Латвии и Эстонии, среди вновь депортированных вплоть до 1949 г. преобладали литовцы. Это подтверждается и списками вновь прибывавших в лагеря ГУЛАГа. Причиной этого была не только бóльшая численность населения этой республики, но и то обстоятельство, что из Литвы по разным причинам эмигрировало меньше лиц, имевших твердые национальные и политические убеждения.

Генеральный прокурор Литовской ССР Ф. Гирко уже осенью 1944 г. обратился к Берии с просьбой, чтобы в соответствии с существующей практикой из Литвы были ускоренно депортированы и семьи "участников антисоветского подполья". Эти эшелоны в составе 6 320 человек были отправлены двумя потоками (24 апреля — 2 мая и 17 июля — 3 сентября 1945 г.). На основе этих распоряжений депортации продолжались и в 1946 г., поскольку, по мнению МВД СССР, обстановка в Литве оставалась неспокойной, и 10 декабря 1946 г. были изданы новые директивы об "усилении борьбы с бандитизмом и создании особой оперативной группы по подготовке материалов о семьях, назначенных для переселения". Плоды этой "работы" были использованы только в 1948 г., когда Совет Министров СССР принял решение о депортации "семей бандитов и их пособников в Литве". После 27 мая 1948 г. были вывезены еще 39 482 человека, направленные главным образом в Бурят-Монгольскую АССР. В середине 1950 г., согласно статистике органов безопасности, в специальных поселениях находились 45 299 депортированных литовцев[38].

Усиление всеобщей напряженности в Прибалтике весной 1949 г. усугублялось коллективизацией деревни, которая не

* В 1945 г. — первый заместитель главы НКВД (*примеч. пер.*).

inslav

только вызвала сопротивление кулачества, но сопровождалась и новым оживлением националистических настроений. Сопротивление снова должны были сломить депортации, проведенные по постановлению Совета Министров СССР от 29 января 1949 г. Их пик пришелся на март 1949 г., а масштабы превзошли все, что до этого прибалтийские республики пережили. Из Литвы снова было вывезено 31 917 человек, из Латвии — 42 149, а из Эстонии — 20 173 человека. О беспощадном характере всей этой операции свидетельствовало и чрезвычайно большое количество депортированных нетрудоспособных лиц (одиноких стариков, инвалидов и т.д.). Это, естественно, повлияло и на высокую смертность среди вывезенного контингента. Массовые депортации из Латвии и Эстонии затем прекратились, а из Литвы продолжались и в 1950—1951 гг., когда в Красноярскую и Томскую области было отправлено еще 20 357 лиц. В начале 1953 г. в спецпоселениях находилось более 168 тыс. человек из прибалтийских стран, которые были депортированы в 1945—1952 гг., т.е. уже после окончания войны.

Советские органы затем провели "реклассификацию" и снова перевели литовцев, латышей и эстонцев из категории "ссыльные" в категорию "высланные" и "ссыльнопоселенцы", на этот раз уже невзирая на время их прибытия. Однако действовало общее правило, что лицам, подозреваемым в приверженности к национализму, "политическое перевоспитание" продлевалось на как можно больший срок, и в первый период "оттепели" поэтому были освобождены лишь единицы. В отличие от калмыков, балкарцев, чеченцев и ингушей после 1956 г. также не была подвергнута сомнению "законность" репрессий против прибалтийских националистов. Это означало, что в лучшем случае наказанные могут быть амнистированы, но не реабилитированы. Иным выходом из тупика была жалоба на то, что потерпевший по разным причинам был включен в списки депортированных "по ошибке". Практика показала, что это был путь наиболее проходимый, и только в 1957 г. комиссия Президиума Верховного Совета Литовской ССР приняла решение освободить на этой основе 18 899 человек. Таким образом, количество литовцев, латышей и эстонцев, находившихся в специальных поселениях, сократилось в 1958 г. на 45 541 человек[39].

Дальнейшее сокращение было результатом указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 мая 1958 г., который, по сути, административным путем снижал общее количество специальных поселений, и указа того же органа от 7 января 1960 г., которым из поселений освобождались некоторые категории осужденных. Освобожденные "прибалтийские националисты", однако, могли вернуться на свою родину лишь в случае, если с этим выражал согласие исполнительный комитет соответствующего

inslav

совета в месте прежнего их проживания. Таким курьезным способом была завершена глава, повествующая о том, какая участь постигла в 1940—1952 гг. более 200 тыс. человек. Хотя с точки зрения общего числа это была лишь небольшая часть населения соответствующих стран (3,6% латышей, 2,6% эстонцев, 4,7% литовцев), но тогдашние депортации коснулись значительной части интеллектуальной и политической элиты своего времени[40].

Трагедия кавказских народов

Царская Россия овладела северокавказскими областями, собственно, уже после поражения имама Шамиля в конце 50-х годов XIX века и черкесов в 1864 г. Административно-политические меры и оживление взаимных противоречий между местными этническими группами, хотя и повлекли за собой временное снижение сопротивления, но характерной чертой менталитета этих народов, сохранивших религиозное, историческое и культурное родство, была явная антирусская направленность. В мае 1918 г. горцы использовали подходящий момент для провозглашения Северокавказской республики, но белогвардейская армия генерала Деникина в 1919 г. снова ее ликвидировала. Летом 1920 г. в регионе появилась Красная Армия, которая немедленно провозгласила создание двух республик (Дагестанской и Горской), но, как оказалось, это было лишь началом дальнейшего маневрирования. Горская республика была затем разделена, и ограничение политической автономии сопровождалось борьбой с религией и местными культурными традициями. Насильственная коллективизация сельского хозяйства привела в 1930—1932 гг. к открытому восстанию, которое было подавлено с использованием авиации и артиллерии. В 1937—1938 гг. последовала новая волна репрессий, которые должны были уничтожить "контрреволюционных и националистических активистов" особенно в Чечне и Ингушетии, однако вооруженные группы действовали тут и в дальнейшем[41].

Начало войны активизировало здесь сопротивление настолько, что советское командование должно было даже снять временно некоторые части с фронта для борьбы с партизанами. По данным НКВД в 1941—1943 гг. на Северном Кавказе было ликвидировано 963 повстанческие группы, которые насчитывали в общем 17 563 человека. Немцы приблизились к неспокойной области в ходе летнего наступления 1942 г. 24 июля пал Ростов-на-Дону, 5 августа — Ставрополь, 11 августа — Краснодар, а 28 августа немецкие горные стрелки водрузили флаг Германии на Эльбрусе. 25 октября немцам удалось еще занять Нальчик, но затем наступление было остановлено, и в начале ноября

inslav

агрессоры перешли к обороне. Вне зоны немецкого наступления остались лишь части Северной Осетии, Кабардино-Балкарской АССР, Карачаевского автономного округа и почти вся Чечено-Ингушская АССР и Дагестан. Советские органы реагировали на угрозу оккупации таким образом, что политических заключенных либо эвакуировали, либо расстреливали. Результатом этого, естественно, было лишь усиление сопротивления, однако возникали и локальные антинемецкие группы, состоявшие из подвергавшихся наибольшей опасности работников партийного и государственного аппарата. Это относилось в основном к Кабардино-Балкарской АССР.

У немцев не было никакой единой, а тем более долговременной политики в отношении местного населения, но они немедленно согласились с восстановлением мусульманских святынь, роспуском колхозов, защитой частной собственности и т.д. В карачаевской столице Микоян-Шахарце (Карачаевске) был, например, создан "национальный комитет" во главе с Кади Байрамуковым, который руководил ликвидацией колхозов, налаживанием снабжения и т.д. В Нальчике, центре Кабардино-Балкарской АССР, функционировал аналогичный орган под руководством Селима Зедова, и немцы допускали создание вооруженных отрядов местной милиции[42].

Ситуация, однако, никоим образом не была идиллической и носила признаки гражданской войны, особенно в случаях когда пронемецкие отряды милиции принимали участие в борьбе с советскими партизанами. Это относилось и к Чечено-Ингушской АССР, где немцев хотя и не было, но число антисоветских акций значительно возросло. Советские органы, однако, контролировали ситуацию настолько, что могли похвастаться тремя успешно проведенными "добровольными мобилизациями" в Красную Армию (август 1942 г., январь и март 1943 г.). Все это сигнализировало о том, что после отступления немцев "нормализация" будет чрезвычайно суровой и станет осуществляться под лозунгом окончательной ликвидации вражеских "банд". До середины 1944 г. НКВД заявил о ликвидации еще 145 вооруженных групп, насчитывавших 3 144 человека, но другие пока действовали. Поэтому на заключительном этапе войны было принято решение о полной депортации четырех народов — карачаевцев, чеченцев, ингушей и балкарцев. Карачаевцы жили преимущественно в пределах Карачаевского автономного округа (в 1939 г. — 30% населения округа или 75 737 человек), балкарцы составляли аналогичное меньшинство в рамках Кабардино-Балкарской АССР (в 1939 г. из 359 690 жителей республики их насчитывалось 42 666). В Чечено-Ингушской АССР проживало 407 690 чеченцев и 92 074 ингушей, которые вместе составляли неполных 60% населения республики.

inslav

Вышеупомянутые указы от 12 октября 1943 г., 7 марта 1944 г. и 8 апреля 1944 г. при этом не только ликвидировали существовавшие институты автономий, но были направлены на депортацию всех лиц данной национальности, невзирая на возраст, пол, профессию, вину или заслуги. Национальное сообщество, таким образом, понесло наказание за деяния части своих членов. Основные депортации проходили с ноября 1943 г., когда началось выселение карачаевцев, до ноября 1944 г., когда были вывезены балкарцы. А затем последовало "выкорчевывание" представителей наказанных народов по всей территории СССР, так что Берия завершил все дело только в мае 1945 г., когда в его руки были переданы последние офицеры и солдаты, служившие в Красной Армии. Однако последнее не привело к существенным количественным изменениям, поскольку в донесении Берии Сталину, Молотову и Маленкову от июля 1944 г. говорилось о переселении 602 193 жителей Северного Кавказа в Казахстан и Киргизию, в то время как в списке НКВД 1949 г. значится 608 749 человек этого контингента. Смертность кавказцев и для советских условий была очень высокой (до 1948 г. умерло 23,7% переселенцев), помимо прочего и вследствие эпидемии тифа, которая началась еще во время переезда[43].

Местные власти в ходе войны уже полностью исчерпали резервы и не могли обеспечить вновь прибывавшим даже того недостаточного прожиточного минимума, который был дан переселенцам предшествовавшей волны депортаций. Не хватало буквально всего, и власти Казахстана уже в январе 1945 г. вынуждены были обратиться в ЦК ВКП(б) с просьбой о помощи, поскольку 130 тыс. теоретически трудоспособных лиц находились в состоянии совершенного физического истощения, главным образом вследствие малярии и тяжелых форм дистрофии. Аналогичные сообщения приходили и из других областей, но существенной помощи из Москвы в этот раз из-за общего трудного положения получено не было. Естественный прирост населения у северокавказских переселенцев был отмечен только в 1949 г.

Все это были трагические события, которые едва ли могли содействовать какому-то "примирению". Из до сего времени известных советских документов ясно, что в Учкулаевском районе Карачаево-Черкесского автономного округа в ноябре 1943 г. бои с "бандитами" велись буквально параллельно с депортацией карачаевских семей. До конца 1943 г. тут было ликвидировано 65 вооруженных групп, насчитывавших 1416 человек. Точно то же проводилось и в Чечне, где тоже имелось большое число лиц, уклонявшихся от службы в Красной Армии и от работы в трудовых батальонах. Они скрывались в горах и предпочитали активное сопротивление преследованиям за это.

inslav

Реальную картину происходившего сегодня трудно представить, поскольку НКВД в связи с запросами свыше чрезвычайно легко фальсифицировал необходимые "доказательства", а сталинское руководство зачастую свои шаги аргументировало иначе, чем было в действительности. О выселении чеченцев Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение, например, уже 11 января 1943 г., главным образом по причине чрезмерно больших воинских сил, которые в 1942 г. были направлены на "чистку" горных областей. Официально же чеченцы были обвинены в активном сотрудничестве с оккупантами, хотя такое даже технически, как правило, не могло произойти. Государственный Комитет Обороны СССР подтвердил решение Политбюро 31 января 1943 г., а Президиум Верховного Совета СССР — своим указом от 7 марта 1943 г., фактически уже в ходе проводимых депортаций. Без сомнения, особенно большое значение придавалось ликвидации чеченцев, поскольку 20 января 1944 г. именно в Грозном состоялась встреча Берии, Серова, Мамулова и Кобулова, т.е. почти всего руководства тогдашних органов безопасности. В их распоряжении находились 19 тыс. работников аппарата НКВД, НКГБ и СМЕРШа, а также 100 тыс. солдат и офицеров НКВД.

Выселение жителей областей, лежащих в низинах, проходило относительно спокойно, но при переходе в горы начались трудности. Некоторые люди, не желавшие покидать свои дома, были расстреляны на месте, другие бежали в горы; было конфисковано 20 тыс. единиц стрелкового оружия. Однако отправка массы населения, в конце концов, при колоссальном напряжении сил, по словам Берии, прошла "нормально". Хотя "доселение" русского населения началось уже летом 1944 г., но предшествующая ситуация с экономической точки зрения так и не была восстановлена. Часть хозяйств была ликвидирована уже вследствие насильственной депортации, другие были разорены в последующий период "нормализации"[44].

Особой главой кавказских депортаций было решение Государственного Комитета Обороны СССР от 31 июля 1944 г. о выселении так называемых турок-месхетинцев, курдов и армян мусульманского вероисповедания из пяти пограничных районов Грузинской ССР. Всего речь шла о 86 тыс. человек, депортированных в Казахстан, Узбекистан и Киргизию. Эта мера мотивировалась необходимостью "улучшения условий для охраны государственных границ", а поскольку в это же время появились первые статьи о советских территориальных претензиях в отношении Турции, подобную меру можно рассматривать как составную часть эвентуальных военных приготовлений. Переселение проходило с 15 по 26 ноября 1944 г., и число переселенцев вопреки первоначальному плану увеличилось до

inslav

91 095 лиц. К вышеуказанным народам были присоединены еще местные азербайджанцы, турки, аджарцы и др.[45]

Некоторые изменения для жертв депортаций 1943—1944 гг. принес лишь 1956 год. Указом Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 г. статус специальных поселенцев был отменен для балкарцев, турок-месхетинцев, курдов и армян, 16 июля такой же указ был принят в отношении чеченцев, ингушей и карачаевцев. В обоих случаях не были восстановлены ни национальные права этих групп, ни получено разрешение на возвращение домой. Постановления не предполагали также возвращения конфискованного имущества. Условием освобождения из поселений было даже подписание потерпевшими письменного заявления о том, что они отказываются от всех дальнейших претензий. На практике, однако, это условие не соблюдалось, поскольку 43% поселенцев из Киргизии, например, просто отказались подписывать документ и вопреки запрету самовольно стали возвращаться в свои старые жилища.

Советские власти колебались, но затем все же решили уступить. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 г. Кабардинская АССР была снова переименована в Кабардино-Балкарскую АССР, а указы от 8 апреля 1944 г. и от 28 апреля 1956 г. аннулированы. В тот же день были изданы и указы о восстановлении Чечено-Ингушской АССР и преобразовании Черкесского автономного округа в Карачаево-Черкесский автономный округ. 31 октября 1957 г. был отменен и указ Верховного Совета СССР о депортации грузинских азербайджанцев, но поскольку их дома оказались уже заселенными, они получили право переселиться в Азербайджанскую ССР.

Все эти шаги не могли искупить, даже чисто формально (а тем более фактически), страшную обиду, нанесенную кавказским народам. Наряду с человеческими жертвами депортации были сопряжены также с колоссальными потерями материальных и главным образом культурных и духовных ценностей. Заявление Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 г., сделанное на склоне существования советского государства, хотя и признавало злодейский характер и бесправность сталинских репрессий, но реальность сложилась уже настолько иной, что прежние права могли бы восстанавливаться снова путем насилия. Более того, эти старые и новые конфликты были настолько взрывоопасны, что поставили под угрозу и системы, построившие свое существование на отрицании советского прошлого[46].

inslav

Калмыцкая "одиссея" и депортации из Крыма

Незадолго до депортации карачаевцев и накануне выселения трех других кавказских народов жертвой массовых репрессий стали калмыки. Согласно переписи населения 1939 г. их насчитывалось 134 271 человек. Основным местом их проживания являлась при этом Калмыцкая АССР, преобразованная в 1936 г. из Автономного округа. В республике проживали 220 684 человека, но калмыки составляли лишь 48,6% всего населения (107 250 человек). В 30-е годы эта республика пережила волну репрессий, которые были связаны не только с коллективизацией сельского хозяйства, но и с ликвидацией патриархально-родовых отношений и борьбой против буддизма. Предположительно уже тогда из региона было вывезено или ликвидировано на месте 10% калмыцкого населения. В период "ежовщины" практически истребили всю калмыцкую интеллигенцию, которая была обречена на гибель в самых северных областях России (около 20 тыс. человек)[47].

С началом войны 20 тыс. калмыков в течение восьми месяцев были призваны в ряды Красной Армии в рамках мобилизации, еще 18 тыс. взяты в "ополчение", но уже в конце 1941 г. были сформированы две другие "добровольческие" дивизии. Опыт их использования в боевых условиях был противоречивым. Некоторые части оправдали себя, другие характеризовались слабой дисциплинированностью и с трудом подчинялись армейскому командованию. Поэтому Государственный Комитет Обороны СССР в марте 1942 г. принял решение о включении калмыцких полков в более крупные русские соединения. Летом 1942 г. на территории Калмыцкой АССР появились немцы, которые заняли столицу республики Элисту.

Это, понятно, пробудило надежду на смену существующих порядков, и в степи стали возникать антисоветские отряды, отчасти усиленные дезертирами из Красной Армии. Под патронажем офицера абвера Отто Долла (собственное имя Отмар Виерба) в Элисте была создана временная администрация во главе с Б. Куглиновым, а калмыцкие эмигранты в Германии создали Калмыцкий национальный комитет во главе с Ш. Балиновым. Новые органы власти занялись ликвидацией колхозов, новым разделом пастбищ, восстановлением калмыцких школ, изданием газет и журналов и т.д. Долл в 1943 г. получил задание сформировать так называемый калмыцкий кавалерийский корпус, но до лета 1943 г. в него вступили только 2 200 добровольцев. Хотя с отступлением частей вермахта к нему присоединились все те, кто опасался восстановления Советской власти, но и впоследствии в нем состояло самое большее 5 тыс. человек. Корпус использовался при проведении разных "усмири-

inslav

тельных" акций на советской и польской территориях и "прославился" своей жестокостью.

Известно, что сколько-нибудь широкая активизация калмыков против Советской власти не удалась и что активно участвовало в коллаборационизме (вопреки пропаганде о создании Великой Калмыкии) лишь меньшинство населения, тем не менее антирусские настроения были настолько сильны, что вызывали у местных русских опасения за свою жизнь. Секретарь окружного комитета ВКП(б) П.Ф. Касаткин, например, еще в августе 1943 г. жаловался на "политическую несознательность" калмыков и их легкое подчинение "буржуазному национализму", но центральные органы согласились с этой точкой зрения лишь в конце 1943 г. 27 декабря 1943 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ о ликвидации Калмыцкой АССР, мотивируя это тем, что большинство калмыков не только сотрудничало с врагами, но и активно сопротивлялось восстановлению Советской власти. 28 декабря аналогичное решение принял и Совет Народных Комиссаров СССР, который одобрил немедленное выселение 25 тыс. калмыков на Алтай, по стольку же в Красноярскую и Омскую области и 20 тыс. — в Новосибирскую область. Это свидетельствовало о тщательной предварительной подготовке акции, включая эвакуацию[48].

До 10 февраля 1944 г. были выселены 92 983 калмыка, остальные скончались либо бежали по пути. Оставшиеся калмыцкие семьи выселялись в начале июня 1944 г. Как это было и в случае с северокавказскими народами в конце войны, не были забыты при переселении и те, кто до этого времени находился либо в рядах Красной Армии, либо в трудовых батальонах. Общее количество потерпевших перевалило за 105 тыс. Калмыки в большинстве случаев направлялись в колхозы, но их физическое состояние было настолько плохим (30% не имели обуви, постельного белья и т.д.), что сам Берия в декабре 1944 г. обратился к правительству с просьбой о помощи им. Хотя оно один раз и выделило минимум продовольствия, но одеждой не располагало. Вследствие этого уже во время первой зимы умерло 9% переселенцев. Список, датированный 1 октября 1948 г., свидетельствовал, что с февраля 1944 г. до середины 1948 г. скончались 16 594 депортированных калмыка.

Естественный прирост среди них был зафиксирован только в 1949 г., но в то время количество взрослых мужчин у выселенных калмыков сократилось на 28%. Хотя к 1953 г. число лиц, причислявших себя к этой национальности, увеличилось до 79 тыс. человек, большинство представителей молодого поколения уже испытывало проблемы при общении на родном языке. Несмотря на то, что Президиум Верховного Совета СССР 17 марта 1956 г. снял с калмыков клеймо специальных поселен-

inslav

цев, но вернуться на родину им не было позволено. Хотя 9 января 1957 г. было признано право калмыков на автономию, но только в 1958 г. была формально восстановлена Калмыцкая АССР. Государство при этом никак не позаботилось об их массовом переселении на прежнее место жительства[49].

Вскоре после депортаций северокавказских народов аналогичная участь постигла крымских татар. Крымская АССР существовала уже с 1921 г., но согласно переписи 1939 г. татары составляли лишь 25% всего населения, насчитывавшего 1 127 тыс. человек. Остальные относились к русским, украинцам, немцам, грекам, болгарам, армянам и т.д. Специфика положения татар состояла в том, что уже с конца 20-х годов жертвами репрессий пали и представители местных коммунистов, которые возражали против введения кириллицы и отстаивали сохранение латиницы в качестве приводного ремня к турецкой и вообще дореволюционной культуре. Затем начались репрессии против кулаков, и после так называемого голодомора 1931–1933 гг. от Крымской автономии осталась лишь фикция[50].

Гитлеровцы проникли на Крымский полуостров уже осенью 1941 г., но НКВД сумел еще провести масштабную тактику сожженной земли и казнить многих татар в местных тюрьмах. Поскольку Севастополь держал оборону еще несколько месяцев, наиболее важные арестанты содержались в крепости вплоть до заключительной эвакуации и были расстреляны в последнюю минуту вместе с семьями. Все это не могло не породить соответствующего отклика. Иллюзии об "освободительной роли" немецкой армии усилились настолько, что из рядов 51-й Красной армии дезертировало во время ее отступления более 20 тыс. татар. Хотя среди нацистской верхушки имели место существенные разногласия по вопросу будущности Крыма, но оглядка на Турцию привела военное управление как минимум к временной, в ущерб другим народам, преференции в отношении татар, к поддержке их культурной и национальной жизни и т.д. Однако немцы избежали более широких политических обязательств.

Первая военная мобилизация татар касалась так называемой самообороны и вспомогательной полиции, задачей которых была главным образом борьба против советских партизан. Во время оккупации их членами стали примерно 20 тыс. татар. В ноябре 1941 г. были созданы самоуправляющиеся мусульманские комитеты, прикрытием для которых, однако, являлся Татарский национальный комитет в Симферополе во главе с Д.А. Абдурашидовым. Комитет претендовал на управление всем полуостровом, и в него входили также люди, которые стремились к созданию действительно самостоятельного госу-

inslav

дарства. С другой стороны, местные татары составляли 16% всех входивших в состав просоветских партизанских отрядов, существовали и чисто татарские партизанские группы, и немцы в связи с этим в начале 1944 г. сожгли более ста татарских деревень.

Но Москва узнавала о происходившем в Крыму преимущественно от командиров русских партизанских отрядов,в большинстве считавших татар самым организованным коллаборационистским элементом и отдававших приказы о "пацификации" татарских деревень, на которые опиралась пронемецкая милиция. С этой оценкой, однако, не были согласны подпольные органы ВКП(б) Крыма, руководящий комитет которых 18 ноября 1942 г. посчитал такую оценку лживой. Более всего настроения татар не в пользу немцев начали меняться тогда, когда все предложения о самостоятельном государстве были отправлены в корзину и большинство политически ангажированных татар начали понимать, что были просто использованы немцами. Генерал фон Клейст попытался еще переломить это развитие предложением о создании местного правительства из представителей всех народов полуострова, но было уже поздно. 8 апреля 1944 г. Красная Армия снова вернулась в Крым, и в немецких руках остался только Севастополь[51].

После изгнания оккупантов начались масштабные репрессии против действительных и мнимых коллаборационистов, но прежде всего против татар. 13 апреля 1944 г. Берия и Меркулов издали совместный приказ об "очищении Крымской АССР от антисоветских элементов", выполнением которого также совместно занимались их заместители И.А. Серов и Б.З. Кобулов. В их распоряжении имелись 5 тыс. работников аппарата НКВД и НКГБ и 20 тыс. военнослужащих внутренних войск. Две недели продолжался необузданный террор. Для немедленного расстрела достаточно было, чтобы два свидетеля обозначили кого-то как коллаборациониста. Затем по приказу Сталина на полуостров прибыл лично Берия, чтобы руководить арестами. Они проводились сначала в городах и деревнях, а потом в горах и лесах (7 739 задержанных). Поскольку одновременно было изъято много оружия, все руководители органов безопасности договорились об ускоренной массовой депортации татар. 7 мая 1944 г. Серов и Кобулов информировали Берию, что подготовку к ней можно завершить до 18—20 мая 1944 г., а всю операцию — до 25 мая 1944 г. 10 мая 1944 г. Берия направил соответствующее предложение Государственному Комитету Обороны СССР, который уже на следующий день дал свое согласие. Было лишь перенесено начало всей акции, а именно в ночь с 20 на 21 мая, а дата окончания отнесена на 1 июля 1944 г. Депортированные должны были направляться преимущественно в Узбе-

inslav

кистан и Марийскую АССР. Татарам тогда было предъявлено обвинение не только в сотрудничестве с оккупантами, но и в преследовании лиц нетатарской национальности, а также в стремлении отторгнуть Крым от СССР.

Примечательной деталью являлось то, что ГКО СССР отложил всю операцию по тем мотивам, что местные органы республик назначения должны получить хотя бы немного времени для подготовки к принятию переселенцев и получения необходимого материала с центральных складов, но Серов и Кобулов приняли решение это распоряжение игнорировать и придерживаться первоначального "графика", поскольку уже имели разработанные и согласованные планы прибытия эшелонов для дальнейших депортаций. Тот, кто располагал хотя бы малейшим представлением о загруженности советских железных дорог во время войны и о нехватке вагонов, не мог не оценить такое решение как "рациональное" и оправданное, что, в конце концов, и произошло. Из донесений Серова и Кобулова даже следовало, что эвакуация 191 014 лиц была завершена уже 20 мая, что неизбежно означало ухудшение условий содержания не только в ходе самой транспортировки, но и в местах назначения[52].

В Крыму тем временем происходила последовательная ликвидация всех следов татарского пребывания (запахивание кладбищ, сжигание библиотек, переименование городов и улиц и т.д.). Одновременно с этим уничтожалось и то, что осталось после греческих, немецких и армянских колонистов, которые отчасти были уже "прикреплены" к татарским эшелонам. Официальная волна "очищения" Крыма от других "антисоветских элементов" не заставила себя долго ждать. 22 мая 1944 г. Берия предложил Сталину выселить дополнительно 12 075 болгар, 14 300 греков и 9919 армян, мотивируя это тем, что они поставками продовольствия и в иных формах помогали оккупантам. 2 июня 1944 г. ГКО СССР согласился с предложением, определил соответствующие районы переселения, распорядился о материальном обеспечении акции, и уже 4 июля 1944 г. дело было сделано.

Подобно другим наспех организованным акциям по переселению депортация крымских татар также сопровождалась высокой смертностью в результате эпидемий, голода, истощения и недостаточного обеспечения в тех местах, где их принимали. По донесениям НКВД в 1944 — 1945 гг. умерло 19,6% всех депортированных из Крыма татар, однако смертность в некоторых местах составляла 41%, 46,1% и даже 54,7%. Катастрофическую ситуацию обсуждали прежде всего республиканские партийные органы и органы безопасности, но в большинстве, однако, они не находили иного решения, чем рассредоточение переселенцев на большей территории. В этой связи была проведена, например, повторная депортация татар из Узбекистана в Тад-

inslav

жикистан. Это произошло уже в то время, когда специальные татарские поселения были "усилены" татарами, демобилизованными из рядов Красной Армии, число которых, видимо, не превышало 5 тыс. человек. Более многочисленный контингент представляли лица, служившие в татарских частях вермахта, и члены их семей, которые по согласованию с западными державами были "репатриированы" в СССР до 1 марта 1946 г. в количестве 43 510 человек.

В советских действиях в отношении крымских татар усматривалось колебание между обычной политикой сохранения рабочей силы и определенной тенденцией истребить этот народ как самобытное, осознавшее свое единство целое. Указом Верховного Совета СССР от 30 июня 1945 г. Крымская АССР была не только ликвидирована, но затем и целенаправленно русифицирована. Первые русские и украинские колхозники прибыли сюда уже в сентябре и октябре 1944 г. и до октября 1948 г. число этих колонистов возросло до 186 864 человек. Положение в среде депортированных крымских татар постепенно немного стабилизировалась, в 1949 г. среди них также был зафиксирован рост рождаемости. Но он начался на значительно ослабленной базе, так что еще и в 1953 г. НКВД зарегистрировал лишь 160 732 татарина[53].

Освобождения из специальных поселений дождались первыми крымские греки, болгары и армяне, о чем гласил указ Верховного Совета СССР от 27 марта 1956 г. Но и они не могли возвратиться в Крым и потребовать компенсации за потерянное имущество. Таким же образом 28 апреля 1956 г. были избавлены от статуса специальных поселенцев и крымские татары, но обвинения против них были подтверждены и даже многократно повторены. Только указ от 5 сентября 1967 г. поставил под сомнение принцип коллективной вины, предоставил татарам полные гражданские права и возможность издавать собственную печатную продукцию, но возвращение в Крым не допускал. Выражение "крымский татарин" было даже запрещено и заменено выражением "бывший житель Крыма".

Возвращение домой было разрешено только указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1974 г., но лишь в индивидуальном порядке, что исключало восстановление компактного заселения и территориальной автономии. Только вышеупомянутый указ Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 г., хотя формально и аннулировал все репрессивные меры, на практике сделал единственный важный шаг. 12 февраля 1990 г. Верховный Совет Украинской ССР одобрил восстановление Крымской АССР, хотя в данных условиях это означало лишь усиление позиций русских "доселенцев" и ни в коей мере поддержку татарских аспираций[54].

inslav

Депортация украинцев

Число украинцев, находившихся в эмиграции, пребывавших в местах принудительного поселения и лагерях, в конце сталинской эры достигало сотен тысяч, что явилось следствием искоренения "украинского национального коммунизма", процессов против "украинских националистов", выселения 60 тыс. кулацких семей, страшного голода 1933—1934 гг. Украина стала жертвой усиленных централизации и унификации, которые в 1937—1938 гг. переплелись с массовым террором и чистками "ежовщины".

В течение менее чем года (с сентября 1939 г. до июня 1940 г.) к Украине были присоединены области, ранее принадлежавшие Польше и Румынии, которые хотя и были населены преимущественно украинцами, но совершенно иной политической ориентации и традиций. Наряду с некоторыми умеренными группировками, которые, однако, также стремились к созданию самостоятельной несоветской Украины, существовали и крайние экстремисты во главе с Организацией украинских националистов (ОУН), делавшей ставку на вооруженную борьбу. Организацию основал в 1929 г. полковник [петлюровских войск] Е. Коновалец, а после его смерти в 1938 г. руководство перешло к А. Мельнику. В 1940 г. ОУН разделилась на две фракции, из которых одна осталась лояльной по отношению к Мельнику (ОУН-М), другая выступила за С. Бандеру (ОУН-Б). Хотя Москва в 1939 г. пыталась извлечь для себя выгоду в виде мнимых заслуг в "объединении всех украинцев в едином государстве", но уже в 1940 г. началась ускоренная централизация, которая повела к быстрому разочарованию[55].

После национализации промышленных предприятий, банков и лесов во вновь присоединенных областях началась также коллективизация сельского хозяйства и развернулась новая кампания против "буржуазного национализма", главным носителем которого было объявлено Украинское национально-демократическое объединение (УНДО). Сигнал к репрессиям дал XV съезд КП(б) Украины в мае 1940 г., после которого последовали немедленные аресты даже за простое выражение "симпатий" к национализму. Пиком кампании стал показательный процесс над членами ОУН-Б во Львове в январе 1941 г., результатом которого явились 40 смертных приговоров. На рубеже 1940—1941 гг. начались первые массовые депортации, которые проходили четырьмя волнами вплоть до начала войны. Только в Восточной Галиции (т.е. без Волыни, части Полесья, Черновицкой и Измайловской областей) число арестованных, депортированных и расстрелянных превысило 100 тыс. человек, о чем существуют на сегодняшний день достоверные сведения; об-

inslav

щие же оценки, согласно статистическим данным, которыми располагал митрополит греко-католической церкви А. Шептицкий, превышали эту цифру почти вдвое. Еще 100 тыс. украинцев, призванных в Красную Армию, погибли в первые месяцы войны, попали в плен или отступили вглубь страны. Более точных цифр на сегодня нет, поскольку открытые пока советские документы носят фрагментарный характер, и их использование приводит к многочисленным интерпретациям и спорам.

Ясно только то, что вплоть до мая 1941 г. украинцы составляли примерно половину всех депортированных, а с 22 мая исключительно они стали "пассажирами" эшелонов, направлявшихся вплоть до середины июня в Казахстан. Трудности с идентификацией являются следствием и того, что НКВД не имел достаточного опыта с таким быстрым перемещением массы выселяемых, а так называемый Отдел специальных поселений в комиссариате был создан только весной 1941 г. Хотя небольшому числу украинцев удалось в 1941 — 1942 гг. попасть в армию Андерса, большинство их до 1952 г. причислялось к категории "ссыльнопоселенцев", поскольку подозрение в сотрудничестве с ОУН рассматривалось как особо отягчающее обстоятельство. Переселенцев из Западной Украины было разрешено отнести к более "мягкой" категории "спецпоселенцев" только во второй половине 50-х годов[56].

Хотя почти вся Украина оказалась под немецкой оккупацией, здесь не сложилось сколько-нибудь длительного сотрудничества оккупантов с ОУН, поскольку попытка этой организации провозгласить независимость была удушена в 1941 г. уже в зародыше. Хотя в октябре ОУН-Б организовала вооруженные части Украинской подпольной армии (УПА), они в 1942 г. исчерпали себя в сражениях с советскими партизанами в Восточной Галиции и на Волыни, а в Поднепровье не укоренились. ОУН-М, наоборот, начала после продолжительных колебаний кооперироваться с немцами, и результатом этого пособничества стало формирование в 1943 г. 14-й дивизии войск СС "Галиция". Но дробление сил происходило и далее. Уже в 1941 г. на Волыни возникла так называемая "Польская сичь", которая в 1942 г. трансформировалась в Украинскую повстанческую армию (УПА), которая, однако, не имела ничего общего с УПА, организованной ОУН-Б. Четвертой составной частью были довольно дикие партизаны Тараса Боровца (в просторечье Тарас Бульба), широко известные как "бульбовцы". Они объединились с небандеровской УПА в так называемую Украинскую национально-революционную армию (УНРА), которая, как и сторонники С. Бандеры (часть их перебежала к УНРА), боролась одновременно и с немцами, и с советскими партизанами. Весной 1943 г., когда Москва направляла разведывательные груп-

inslav

пы, действовавшие в тылу у немцев вплоть до Карпат, которые должны были выяснить силы отдельных украинских фракций, большинство украинских отрядов занималось так называемой деполонизацией (изгнанием местного польского населения при помощи террора за Буг и Сан). В период приближения Красной Армии украинцы, таким образом, буквально вынудили к противодействию и польское подполье[57].

В начале 1944 г. части Красной Армии столкнулись в районах Винницы и Подольска с более крупными соединениями бандеровской УПА под командованием Р. Шухевича ("Тарас Чупринка"), что привлекло внимание по двум соображениям. С одной стороны, речь шла о территориях, расположенных уже восточнее от довоенных польско-советских границ, и более того, украинцы явно стремились перейти через фронт далее на восток и укрепиться в тылу еще до того, как он будет очищен силами НКВД. В донесении народного комиссара внутренних дел Украинской ССР В.С. Рясного от 6 марта 1944 г. силы УПА оценивались как превышающие 15 тыс., а УНРА — несколько тысяч человек. Впоследствии оказалось, что эти цифры были неправильны. Украинские исследователи сегодня называют число около 40 тыс. для УПА того времени, а немецкие источники тех лет говорят о 40 — 100 тыс. человек. Немцы в своих оценках были, видимо, ближе к правде, поскольку недавно опубликованные советские документы 1945 г. уже оценивали численность УПА в 90 тыс. вооруженных бойцов.

Поэтому оправдавшему себя тандему Серов — Круглов было поручено сформировать координационный центр для борьбы с вооруженным украинским подпольем, который мог использовать наряду с частями Красной Армии и внутренними войсками НКВД, также пограничников, служащих конвойных войск, части НКВД по охране промышленных предприятий, оперативные группы НКГБ, милиции, бронепоезда, авиацию и т.д. К октябрю 1944 г. лишь части внутренних войск НКВД на Западной Украине насчитывали 26 304 бойцов и 18 тыс. служащих так называемых истребительных батальонов, или "ястребков". Но, несмотря на это, вплоть до 1946 г. операции ограничивались главным образом блокированием частей УПА и их вытеснением в заранее определенные районы, и только затем начиналась ликвидация подпольной сети. С декабря 1944 до 1950 г. этими операциями руководил Особый отдел МВД по борьбе с бандитизмом, возглавляемый генералом А. Леонтьевым. С середины 1945 г. в его распоряжении на Западной Украине имелась почти такая же сеть агентов и секретных сотрудников, что и у УПА, но результаты вначале были ничтожными (в октябре 1946 г. 100 тыс. сотрудников НКВД схватили только 48 "бандитов"). В этой безжалостной и не считавшейся никоим образом с гра-

inslav

жданским населением борьбе до 1953 г. погибло более 25 тыс. советских функционеров и военнослужащих[58].

Чем меньшими были результаты, тем жестче становился террор властей. Хотя депортации нельзя было организовать на территориях боевых действий, но массовые аресты были повседневным явлением, и в конце концов стали арестовывать даже четырнадцатилетних подростков, по обвинениям в принадлежности к "резервным сотням УПА". Обстановка была настолько острой, что в середине 1946 г. даже Генеральная прокуратура СССР вынуждена была обратить внимание на страшные "нарушения социалистической законности". В этот период уже стали сказываться как перевес правительственных сил, так и усталость и изолированность отрядов УПА. После того как были убиты 103 тыс. "бандитов", а другие 110 тыс. пленены или арестованы, некоторые люди начали выходить из подполья и просить о помиловании, которое было обещано в обращении от 12 января 1944 г., подписанном первым секретарем КП(б) Украины Н.С. Хрущевым и председателем Верховного Совета УССР М. Гречухой. Однако о том, что не было и речи о быстром переломе ситуации, свидетельствует тот факт, что генерал Рясный вместе с Хрущевым выступили с подобным обращением еще раз 31 декабря 1949 г.

Ликвидация греко-католической церкви (в два этапа: до 1946 г. и в 1949 г.), мощная пропагандистская кампания и депортации рассматривались как "дополнительные средства в борьбе с бандитизмом". Хрущев направил Сталину уже в марте 1944 г. предложение о выселении подозрительных лиц и их семей из Западной Украины, и Государственный Комитет Обороны СССР одобрил его уже в конце месяца. 31 марта 1944 г. были направлены соответствующие директивы НКВД, а 7 апреля 1944 г. определены места переселения "оуновцев". Депортации начались немедленно, и правовое прикрытие им обеспечили так называемые "особые совещания" (ОСО) или административные суды органов безопасности, которые обладали карательными правомочиями в чрезвычайных ситуациях. Списки депортируемых составлялись командирами объединенных отрядов НКВД и НКГБ на основе агентурных данных, допроса плененных, сведений, поступавших от местных советов и т.д. Хотя Народный комиссариат внутренних дел Украинской ССР и ОСО СССР эти списки формально утверждали, но на практике вмешивались в их составление лишь минимально[59].

Из опасений нападения на эшелоны украинских повстанцев, преимущества отдавались небольшим составам, так что до конца 1944 г. из Западной Украины было депортировано только 13 320 человек, а до 1 марта 1945 г. — еще 16 522 человека. Во второй половине 1945 г. было вывезено 17 597, а в течение

inslav

1946 г. — 35 701 человек. На 1947 г. была запланирована отправка 160 тыс. человек, но в конце концов было депортировано "лишь" 75 тыс. человек. Пик пришелся на октябрь 1947 г., когда для погрузки и конвоирования эшелонов были привлечены 13 600 сотрудников сил безопасности под командованием начальника конвойных войск Министерства внутренних дел СССР генерала Бочкова. В 1948 г. были депортированы уже только 8 274 человека, но в 1949 г. начался новый подъем, когда число выселяемых достигло 21 672 человек, и депортации продолжались вплоть до 1952 г. В местах назначения число переселенцев сокращалось из-за болезней, голода и пр., тем не менее общая цифра — примерно 188 тыс. депортированных украинцев — по всей видимости соответствует правде.

Поскольку депортации были растянуты по времени, уже в 1949 г. возникли проблемы, состоявшие в том, что у некоторых осужденных приближался к концу назначенный срок наказания (ОСО назначали наказания на срок от пяти лет до пожизненного заключения). Поэтому министр внутренних дел Украинской ССР Т. Строкач направил просьбу о продлении срока наказания, что рекомендовал также и Круглов, после чего Совет министров СССР 6 апреля 1950 г. "унифицировал" этот срок для всех "оуновцев", определив его как пожизненный. Мотивировалось это, между прочим, и тем, что среди украинцев по сравнению с другими переселенцами наиболее часто предпринимались попытки к бегству. Особенностью было также то, что число ссыльных украинцев даже отчасти не сокращалось, а возрастало. Согласно данным КГБ Украинской ССР от 1990 г. в 1953 г. было зарегистрировано 203 662 "оуновца". Это явилось следствием того, что к ним, с одной стороны, были причислены украинцы, переселенные "по недосмотру" в составе иных национальных контингентов, с другой — прибывшие украинские "власовцы"[60].

Борьба с вооруженным сопротивлением на Западной Украине затормозила и окончание коллективизации сельского хозяйства, так что "кулацкие" семьи еще выселялись и на основе указа от 23 января 1951 г., которого добились от Сталина тогдашний первый секретарь КП(б) Украины Г. Мельников и украинский премьер-министр Д. Коротченко. Эти "кулацкие" эшелоны кроме того заполнялись членами запрещенных религиозных сект (Свидетелей Иеговы и др.), причем не только с Украины, но и из Белоруссии и Прибалтики. Поскольку в 1953 г. была проведена новая ревизия сроков наказания и "классификации" осужденных, прежний статус выселенных на основе административных решений ("высланные") остался лишь у 23 тыс. украинцев, остальные перешли в категорию "ссыльные", а часть семей была даже освобождена без права возвра-

inslav

щения домой. Число специальных переселенцев из Западной Украины составляло на 1 января 1954 г. все еще 173 714 человек. Только 15 мая 1956 г. было принято решение освободить до конца 1957 г. 65 534 украинца, в том числе 20 043 "оуновцев", 22 497 "сообщников бандитов" и 9111 членов семей "оуновцев".

1 июня 1957 г. в лагерях и специальных поселениях после освобождения части "кулаков-националистов" оставалось еще 89 904 "оуновца", но в результате последующего пересмотра это число к середине 1958 г. сократилось до 37 155 человек. В большинстве речь шла об освобождении членов семей особо опасных "оуновцев", благодаря чему советская практика несколько приблизилась к европейской практике наказаний, однако с тем отличием, что тюрьмы на родине заменяли специальные поселения в изгнании. Вторая волна освобождения началась с принятием указа Верховного Совета СССР от 7 января 1960 г., но и он не позволял освобожденным возвращаться на родину. Таким образом, даже в период хрущевской "оттепели" у властей не возникало желания признать в вопросе преследования украинских националистов принципиальную ошибку, и тем менее такое желание было присуще преемникам Хрущева. Штамп о "нарушении социалистической законности" в данном случае не мог быть применен, и таким образом многие украинские националисты должны были дожидаться своей политической и правовой реабилитации вплоть до распада Советского Союза. Оставшиеся в 70-е и 80-е годы были постепенно отпущены из поселений, а затем и на родину, но лишь при условии проживания на русифицированной так называемой Левобережной Украине, где они и далее находились под надзором КГБ[61].

* * *

Если попытаться оценить депортации военных лет в более широком контексте развития сталинской системы, то тут ясно прослеживается преемственность с довоенным и послевоенным ее развитием. Отличие состояло лишь в том, что военные события создали предлог для гораздо более систематического и целенаправленного проведения депортаций. Методы, которые при этом использовались, соответствовали широко обозначенным задачам, окончательное решение которых относилось в глубину послевоенных лет. Представители наказанных народов, служившие в армии, направлялись в изгнание только после демобилизации, участники польского, литовского, латышского, эстонского и украинского подполья — после ликвидации сопротивления. В 1946—1947 гг. были переведены из "фильтрационных лагерей" в самые тяжелые лагеря ГУЛАГа

inslav

148 тыс. власовцев, а в западных областях в это время завершалась коллективизация сельского хозяйства, которая поставляла свежих "кулаков". О том, что в Закавказье и Средней Азии оживилось также преследование местных националистов (дашнаков, басмачей), до сих пор конкретно мало что известно. Этот массовый прилив, продолжавшийся вплоть до 1952 г., был так силен, что вызвал даже опасение, можно ли эту многомиллионную "империю изгнанников" (только в специальных поселениях на 1 января 1953 г. находилось 2 753 356 человек) удержать под контролем.

Самовольные побеги приобрели такой размах, что указ Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. ввел за это особое наказание (20 лет тяжелых работ), но практически условия во время войны и длительное время после ее окончания были настолько тяжелы, что различия между отдельными категориями осужденных стали фактически стираться, вследствие чего ослаб и страх быть переведенными в худшие условия. Оказалось также, что отдельные категории осужденных и депортированных лиц, которые были введены еще в довоенные годы, не отвечают ни потребностям, ни реалиям военных и послевоенных лет. Проблемой было и чрезмерное дробление лагерей, специальных поселений и мест принудительного пребывания, которое хотя и отвечало намерению разбить этническое единство депортированных, но предъявляло высокие требования к числу надзирателей.

Поэтому с 1953 — 1954 гг. начался длительный процесс упрощения и "похудания" всего репрессивного механизма, что по необходимости несло с собой и формально-правовой пересмотр не только дел отдельных лиц, но и целых крупных групп потерпевших. Однако уже первый опыт показал, как мало влияют чисто формальные решения на фактическое положение вещей. Постановление Совета Министров СССР от 5 июля 1954 г. об освобождении детей до 16 лет и учащихся старше 16 лет, хотя формально снизило число лиц в специальных поселениях на одну треть, но дети здесь остались вместе с родителями и в дальнейшем. Аналогичным постановлением от 13 августа 1954 г. хотя и была освобождена часть "бывших кулаков", выселенных в 1929 — 1933 гг., и прекращены аресты согласно уже подготовленным спискам, но этим подобные методы, собственно, и ограничились. Все последующие меры могли иметь уже не только административный, но по существу политический характер, и здесь в течение двух лет стало ясно, насколько высоки барьеры советской системы при попытках ее реформирования[62].

inslav

[1] Чешский ученый раскрыл тему, опираясь на работы, опубликованные на русском, украинском, польском, немецком и английском языках. Вместе с тем, представляется необходимым при ее освещении более четко провести мысль о том, что среди депортированного населения была часть лиц, вступивших в сотрудничество с оккупантами, служивших в фашистских военных формированиях, в полиции, участвовавших в карательных акциях и пр., и что они понесли заслуженное наказание. Об этом пишут как российские ученые, так и зарубежные исследователи. В частности, журнал "Foreign Affairs" писал, что "во время войны крымские татары официально просили у оккупирующей полуостров Румынии разрешения истребить всех русских, оставшихся в Крыму. Когда в этой просьбе было отказано, Татарский совет сам организовал бойню, во время которой были убиты от 70 до 120 тыс. русских. Вследствие этого Советы в конце войны выслали всех татар из Крыма" (*Bell-Fialkoff A.* A Brief History of Ethnic Cleansing // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72, N 3. P. 115). Другой вопрос, что за предательство некоторых должны были расплачиваться целые народы, включая женщин, детей, стариков и т.д., и поэтому принцип коллективной ответственности сегодня справедливо осуждается. Однако надо помнить, что тогда было другое, более жесткое, более суровое, военное время, когда законы и представления мирных лет не действовали, особенно что касается стран с тоталитарным режимом, в частности СССР (*примеч. В.М.*)

[2] *Некрич А.* Наказанные народы. Нью-Йорк. 1978. С. 83–84.

[3] *Павлова Т.Ф.* Документы ЦГАОР СССР по истории народов в 40–50-е годы // Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). М., 1992. Ч. 1. С. 18–19.

[4] Согласно переписи населения 1926 г., в Казахстане проживало 6 074 тыс. человек, но в январе 1939 г. – уже лишь 5 217 тыс. человек. См.: Статистический справочник за 1928 год. М., 1929. С. 24–25; Перепись 1939 года: Документальные источники Центрального государственного архива народного хозяйства СССР. М., 1990. Ч. 1. С. 809, 816–817. Убыль населения была вызвана главным образом голодом и эпидемией тифа в 1929–1933 гг. См.: *Козыбаев М.К.* Национальные отношения в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны // Вестник Академии Наук Казахской ССР. 1990. № 1. С. 10; *Абулхожин Ж.Б., Козыбаев М.К., Татимов М.Г.* Казахстанская трагедия // Вопросы истории. 1989. № 7. С. 67. Цифры потерь лишь ориентировочные, поскольку во время голода часть населения переселилась в другие советские республики и в Китай, но не известно, сколько из них вернулось в Казахстан и сколько в период 1926–1939 гг. было в эту область переселено. В любом случае чистые потери в данный период составляли 857 тыс. человек, в то время как Абулхожин, Козыбаев и Татимов говорят о потерях к 1933 г. 1 750 тыс. человек.

[5] *Бугай Н.Ф.* Иосиф Сталин Лаврению Берии: "Их надо депортировать". Документы, факты, комментарии. М., 1992. С. 237; *Павлова Т.Ф.* Документы ЦГАОР СССР... С. 24–25.

[6] *Conquest R.* The Nation Killers. The Soviet Deportation of Nationalities. Glasgow, 1970. S. 46; *Бугай Н.Ф.* Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 38; *Он же.* Депортация крымских татар у 1944 г. //Український історичний журнал. 1992. № 1. С. 43–45; *Он же.* "Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселений". Л. Берия – И. Сталин // История СССР. 1990. № 1. С. 150.

[7] *Бугай Н.Ф.* 40–50-е годы: последствия депортации народов (Свидетельствуют архивы НКВД–МВД СССР) // История СССР. 1992. № 1. С. 128, 142.

inslav

[8] *Хутуев Х.И.* Режим спецпоселений // Так это было. Национальные репрессии в СССР. 1919—1952 годы. М., 1992. Т. 2. С. 331.

[9] *Бугай Н.Ф.* 40—50-е годы... С. 124.

[10] *Кулнев Р.* Я помню //Так это было... Т. 2. С. 264; *Некрич А.* Наказанные народы. С. 95—96; *Парсаданова В.С.* Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939—1941 гг. // Новая и новейшая история. 1982. № 2. С. 34.

[11] *Хутуев Х.И.* Режим спецпоселений. С. 330; *Павлова Т.Ф.* Документы ЦГАОР СССР... С. 19—20.

[12] *Walichnowski T.* Deportacje i przemieszczenia ludności polskiej w głąb ZSSR 1939—1945. W-wa, 1989. S. 7—8; Katyń. Dokumenty ludobójstwa: Dokumenty i materialy archiwalne przekazane Polsce 14 października 1992. W-wa, 1992. S. 34—35.

[13] *Chojnowski A.* Koncepcje polityki narodowościowej rzadów polskich w latach 1921—1939. Wrocław, 1979. S. 47; *Prokop M.* Die Ukraine und Moskaus Ukrainepolitik (Zweiter Teil) //Jahrbuch der Ukrainerkunde. 1985. S. 64; Wspomnienia Wandy Wasilewskiej (1939—1944) //Archiwum Ruchu Robotniczeho. W-wa, 1982. T. 7. S. 356.

[14] *Pawlow J.S.* Represjonowanie polskich osadników w zachodnich obwodach Bialorusi (1939—1941) // Polska-Białoruś. 1918—1945: Zbiór studiów i materiałów / Ed. W. Balcerak. W-wa, 1994. S. 126—127; *Билас И.* Репресивно-каральна система в Україні 1917—1953. Суспільно-політичний та історико-правовий аналіз. Київ, 1994. Т. 1. С. 140, 144—145; Т. 2. С. 172.

[15] Там же. Т. 1. С. 139—140.

[16] *Chackiewicz A.F.* Arestowania i deportacje ludności zachodnich obszarów Białorusi (1939—1941) // Polska-Białoruś... S. 136—138; *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы (по документам НКВД—МВД СССР) // Справочник по ГУЛАГу. М., 1991. Ч. 1. С. 5; *Парсаданова В.С.* Депортация населения... С. 32, 35.

[17] *Земсков В.Н.* "Кулацкая ссылка" накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 3—5; *Bugaj N.F.* Specjalna teczka Stalina: deportacje i reemigracja Polaków // Zeszity Historyczne. 1994. N 107. S. 99.

[18] *Proudfoot M.J.* Europian Refugees 1939—1952: A Study in Forced Population Movement. L., 1957. P. 35; *Madajczyk Cz.* Niemieckie dokumenty o sytuacji Polaków pod okupacja radziecką w roku 1940 // Dzieje Najnowsze. 1991. N 3. S. 58; *Wieliczko M.* Migracje przez "linie demarkacyjna" w latach 1939—1940 // Położenie ludności polskiej na terytorium ZSSR i wschodnich ziemiach 2 Rzeczypospolitej w czasie 2 wojny światowej / Ed. A. Marszałek. Toruń, 1990. S. 137.

[19] *Cisielski S., Hryciuk G., Szebrakowski A.* Masowe depotacje radzieckie w okresie 2 wojny światowej. Wrocław, 1994. S. 59—60; *Парсаданова В.С.* Депортация населения... С. 36—37.

[20] *Madajczyk Cz.* Dramat Katyński. W-wa, 1989. S. 17—18; *Siemaszko Z.S.* Jeńcy wojennie, ZSSR 1941 // Zeszyty Historyczne. 1987. N 82. S. 91.

[21] Listy katyńskiej ciag dalszy. Straceni na Ukrainie. W-wa, 1994. S. XI—XIV; *Siedlecki J.* Losy Polaków w ZSSR w latach 1939—1986. L., 1987. S. 160—161.

[22] *Лебедева Н.С.* Катынь: преступление против человечества. М., 1994. С. 134—237; *Kadell F.* Die Katynlüge. Geschichte einer Manipulation. Fakten, Dokumente und Zeugen. München, 1991. S. 20; *Fitzgibbon L.* Katyn. Triumph of Evil. Dublin, 1975. P. 44—58.

[23] *Яковлев А.Н.* Катынь. Пленники необъявленной войны. М., 1997. С. 390—393.

inslav

[24] Maly Rocznik Statystyczny Polski. Wrzesień 1939 — czerwiec 1941. W-wa, 1990. S. 10; Z archivów sowieckich / Ed. W. Roszkowski T. 3: Konflikty polsko-sowieckie 1942—1944. W-wa, 1993. S. 34—35; *Surwiło J.* Rachunki nie zamknięte. Vilnius, 1992. S. 148.

[25] Ewidencja Berii // Karta. 1993. N 11. S. 128—129.

[26] *Cieselski S., Gryciuk G., Szebrakowski A.* Masowe deportacje... S. 72.

[27] Dokumenty i materialy do historii stosunków polsko-radzieckich. T. 7: Styczeń 1939 — grudzień 1943. W-wa, 1974. S. 385; *Siemaszko Z.S.* Jeńcy wojenni... S. 309.

[28] *Głowacki A.* Osalić i repatrować. Opieka nad ludnościa polska w głębi terytorium ZSSR (1943—1946). Lódż, 1994. S. 80—83.

[29] *Głowacki A.* Przemieszczenie obywateli polskich w Związku Radzieckim w 1944 r. //Acta Universitatis Lodziensis. Folia Historica. Lódż, 1989. Z. 32. S. 9—14, 16—21, 118—119.

[30] Dokumenty i materialy... T. 8: Sztyczeń 1944 — grudzień 1945. W-wa, 1974. S. 118—119, 131, 500—504; *Kersten K.* Repatriacja ludności polskiej po 2 wojnie światowej (Studium historiczne). Wrocław, 1974. S. 226, 229.

[31] *Смыков Ф.Н.* Советские немцы: история и современность // Вопросы истории КПСС. 1990. № 2. С. 145; *Штах С.* Очерки по истории и современной жизни южнорусских колонистов. М., 1916. С. 8; *Вормсбехер Г.* Немцы в СССР // Знамя. 1988. № 11. С. 193.

[32] *Dietz B., Hilkes P.* Deutsche in der Sowjetunion. Zahlen, Fakten und neue Forchungsergebnisse // Aus Politik und Zeitgeschichte. Bd. 50, 9. December 1988. S. 3; *Кичихин А.Н.* Советские немцы: откуда, куда и почему? // Военно-исторический журнал. 1990. № 8. С. 33.

[33] *Bohman A.* Menschen und Grencen. Bd. 3: Strukturwandel der deutschen Bewölkerung im sowjetischen Staats- und Verwaltungsbereich. Köln, 1970. S. 56; *Cygański M.* Niemeckie grupy etniczno-narodowościowe w państwach Europy Środkowo-Wschodniej w latach 1945—1988. Opole, 1989. S. 76—77.

[34] *Pinkus B., Fleischhauer I.* Die Deutschen in der Sowjetunion. Geschichte einer nationalen Minderheit im 20. Jharhundert. Baden-Baden, 1987. S. 304; *Vedensky G.* The Volga Germans and Other German Groups // Genocide in the USSR: Studies in Group Destruction. N.Y., 1958. S. 52.

[35] *Земсков В.Н.* Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных (1954—1960 гг.) // Социологические исследования. 1991. № 1. С. 10, 14; *Cisielski S., Hryciuk G., Szebrakowski A.* Masowe deportacje ... S. 104—105.

[36] *Turlejska M.* Prawdy i fikcje: Wrzesień 1939 — grudzien 1941. W-wa, 1968. S. 280—281; Советско-германские документы 1939—1941 гг.: Из архива ЦК КПСС // Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 92.

[37] *Lossowski P.* Tragedie państw baltyckich. W-wa, 1990. S. 28—41; *Siemaszko Z.S.* W sowieckem osaczeniu 1939—1943. S. 353—354.

[38] *Эйдинтас А., Рунис Г.* Новый взгляд на историю Литвы. Каунас 1991. С. 157—158; *Raun T.U.* Estonia and the Estonians. Stanford, 1987. S. 154; Latvian-Russian Relations: Documents / Ed. A. Bilmanis. Washington, 1944. S. 232—233.

[39] *Villemaerst P.F de.* Dostawcy gulagów. W-wa, 1983. S. 201; *Mariański A.* Litwa, Lotwa, Estonia. W-wa, 1993. S. 52, 74; *Błaszczyk G.* Litwa współczesna. Poznań, 1992. S. 106.

[40] *Земсков В.Н.* Рождение "второй эмйграции" 1944—1952 гг. // Социологические исследования. 1991. № 4. С. 21; *Вайтекунас С., Станайтис А., Кудаба П., Аглис П.* Демографические потери. Вильнюс, 1990. С. 115.

inslav

[41] The North Caucasus Barrier: the Russian Advance towards the Muslim World / Ed. M.B. Broxup. L., 1992. S. 220; *Akiner S.* Islamic Peoples of the Soviet Union. L., 1986. S. 17, 42.

[42] *Бугай Н.Ф.* Правда о депортации чеченского и ингушского народов. С. 34—35; *Heller M., Nekricz A.* Utopia u władzy. Wrocław, 1989. T. 2. S. 70; *Kolarz W.* La Russie et ses colonies. P., 1954. S. 252

[43] *Семин Ю.Н., Старков О.Ю.* Кавказ — 1942—1943 годы: героизм и предательство // Военно-исторический журнал. 1991. № 8. С. 35—43; *Dallin A.* German Rule in Russia 1941—1945: A Study of Occupation Policies. N.Y., 1957. S. 228—231; *Karcha R.* The Peoples of the North Caucasus // Genocide in the USSR. S. 37—40.

[44] *Ходжаев Д.* Геноцид // Так это было. Национальные репрессии в СССР в 1919—1952 годы. М., 1993. Т. 2. С. 181; *Бугай Н.Ф.* Правда о депортации. С. 39; *Conquest R.* The Nation Killers. S. 48

[45] *Бугай Н.Ф.* 40—50-е годы... С. 128—130; *Бугай Н.Ф.* Иосиф Сталин — Лаврентий Берия. С. 156—157.

[46] *Земсков В.Н.* Массовое освобождение спецпоселенцев. С. 26; *Базоркина Ф.* Терпение // Так это было. Т. 2. С. 107—110.

[47] *Кожухин В.С.* О численности населения СССР накануне Великой Отечественной войны (неизвестные документы) // Военно-исторический журнал. 1991. № 2. С. 24; *Arbatov D.* The Kalmyks //Genocide in the USSR. S. 33.

[48] *Д.А. Чигарев.* Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма / Отв. ред. М., 1970. С. 280—283; *Conquest R.* The Nation Killers. S. 22; *Dallin A.* German Rule in Russia. S. 93, 231.

[49] *Бакаев П.Д.* Размышления о геноциде. Элиста, 1992. С. 68; *Бугай Н.Ф.* К вопросу о депортации народов СССР в 30-40-х годах // История СССР. 1989. № 6. С. 138.

[50] *Borawski P., Tatarzyńska I.* Z dziejów Krymskiej ASRS (1921—1944) // Obóz. 1992. N 21. S. 117—121.

[51] *Fisher A.W.* The Crimean Tatars. S. 154—157; *Dallin A.* German Rule in Russia. S. 256; *Luther M.* Die Krim unter deutscher Bezatzung im Zweiten Weltkrieg // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. B., 1956. T. 3. S. 28—98; *Литвиа И.А.* Крымско-татарские формирования: Документы Третьего Рейха свидетельствуют // Военно-исторический журнал. 1991. № 3. С. 92—93.

[52] *Басов А.В.* Крым в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1987. С. 228; *Kirimal E.* The Crimean Turks // Genocide in the USSR. S. 24.

[53] *Губогло М.Н., Червонная С.М.* Крымско-татарское национальное движение. М., 1992. Т. 2. С. 42—43; Депортации народов СССР (1930-е—1959-е годы). М., 1992. Ч. 1. С. 113.

[54] *Sheehy A.* The Crimean Tatars, Volga Germans and Meskhetians: Soviet Treatment of Some National Minorites. L., 1973. P. 10; *Максименко М.М.* Переселення в Крим сільского населення з різних районів РФСР 1944—1940 гг. // Українскій історичний журнал. 1990. № 11 С. 53; Из истории без вины виноватых // Аргументы и факты. 1991.№ 7. С. 13.

[55] The Soviet Takeover of the Polish Eastern Provinces, 1939—1941 / Ed. K. Sword. N.Y., 1991. S. 29; *Субтельну О.* Україна. Історія. Київ, 1991. С. 332—368.

[56] *Prokop M.* Die Ukraine und Moskaus Ukrainepolitik (Zweiter Teil). S. 43—49; *Парсаданова В.С.* Депортация населения из Западной Украины. С. 30; *Лукашук А.* За кипучай чекисцкай работай. Минск, 1997. С. 11—12; *Gurjanov A.* Čtery deportacje // Karta. 1994. N 12. S. 124.

inslav

[57] См. подробнее: *Косик В.* Україна и Німеччина у другій свитовій війні. Париж; Нью-Йорк; Львів, 1993; *Torzecki R.* Kwestia ukraińska w polityce III Rzeczy 1933—1945. W-wa, 1970; *Torzecki R.* Polacy i Ukraińcy: sprawa ukraińska w czasie II wojny światowej na terenie II Reczypospolitej. W-wa, 1993.

[58] *Мирчук П.* Українська повстанська армія 1942—1952. Львів, 1991. С. 122; *Potichnyj P.J.* Die Pacifikation der Ukraine: Bekämpfung von Widerstandsbewegungen durch die Sowjets 1944—1956 // Jahrbuch der Ukrainerkunde. 1990. S. 174.

[59] Ed. *Blet P.* et al. Actes et Documents du Saint Siege relatifs a la Seconde Guerre Mondiale / Cita di Vaticano. 1967. T. 3, p. 1. S. 438, 491; *Kosyk W.* Die Opfer der Ukraine wahrend des Zweiten Weltkrieges // Jahrbuch der Ukrainerkunde. 1985. S. 118.

[60] *Шаповал Ю.И.* Сталінізм і Україна // Український історичний журнал. 1992. № 7—8. С. 13—16; *Андрусищин Т.* П'ять документів до історії национально-визвольної боротьби на Львівщині (1944—1947 рр.) // Україна в минолому. Київ; Львів, 1992. Вып. 3. С. 66—67.

[61] *Зима В.Ф.* "Второе раскулачивание" (Аграрная политика конца 40-х — начала 50-х годов) // Отечественная история. 1994. № 3. С. 109; *Шаповал И.* Хрущов на Україні. Київ, 1990. С. 41; *Siwicki M.* Dzieje konfliktów polsko-ukraińskich. W-wa, 1992. T. 2. S. 331—333.

[62] *Земсков В.Н.* Массовое освобождение. С. 10—14; *Ciesielski S., Hryciuk G., Szebratowski A.* Masowe deportacje. S. 217—219.

inslav

Глава 3

ЧЕХИ И СЛОВАКИ В ВОЗРОЖДЕННОЙ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Провозглашение принципа "равный с равным"

В 1918 г. Чехословакия по существу возникла как многонациональное государство. Согласно переписи населения 1930 г., из 14 729 тыс. ее жителей было 7 426 тыс. чехов (50,5%), 2 295 тыс. словаков (15,6%), 3 318 тыс. немцев (22,5%), 720 тыс. венгров (4,9%), 569 тыс. подкарпатских украинцев (русских, русин) (3,9%), 205 тыс. евреев (1,4%), а также менее чем по одному проценту поляков, цыган, румын и югославов[1]. После Мюнхенского соглашения Германии, Италии, Англии и Франции 29 — 30 сентября 1938 г. Чехословакия потеряла значительную часть своих земель на северо-востоке, севере, западе и юге, присоединенных к гитлеровской Германии. В результате первого (2 ноября 1938 г.) Венского арбитража Германии и Италии хортистской Венгрии были переданы территории на юге и востоке Словакии, а также на юге и западе Подкарпатской Руси. Небольшая, но с экономической точки зрения важная Тешинская область отошла к Польше. Так называемая вторая Чехо-Словацкая республика к марту 1939 г. лишилась примерно 30% своей территории (41 тыс. кв. км из 140 тыс.) и около трети населения (4 879 тыс.), в том числе 1 250 тыс. чехов и словаков, но преимущественно немцев и венгров. В марте 1939 г. усилиями гитлеровской Германии и следовавшей в ее фарватере хортистской Венгрии ЧСР была расчленена на три части: Протекторат Богемия и Моравия, включенный в состав "третьего рейха", формально самостоятельное, но по сути полностью зависимое от Германии Словацкое государство, получившее осенью 1939 г. наименование Словацкая республика, и Подкарпатскую Русь, присоединенную к Венгрии на правах автономии[2].

Сложивший с себя полномочия и эмигрировавший в октябре 1938 г. на Запад президент ЧСР Э. Бенеш, возглавив борьбу за восстановление Чехословакии в домюнхенских границах, выдвинул и последовательно в течение всей войны отстаивал идею выселения с территории освобожденной ЧСР немцев и венгров (кроме антифашистов), которых он считал повинными в крушении республики. Воссозданная Чехословакия, по Бенешу, должна была стать государством трех равноправных славянских народов: чехов, словаков и карпатских украинцев. Ре-

inslav

ализовать эту идею после войны в полном объеме оказалось невозможно. Подкарпатская Русь в июне 1945 г. на основе договора между Советским Союзом и Чехословакией была включена в состав СССР на правах Закарпатской области УССР[3]. Выселения венгров из Словакии добиться не удалось, как и произвести полный обмен венгерского и словацкого населения между Чехословакией и Венгрией. Только немцы на основе решений Потсдамской конференции (июль – август 1945 г.) были в 1945 – 1947 гг. переселены в Германию. До конца 1946 г. преобладающая часть немецкого населения — 2 256 тыс. — покинула территорию ЧСР. В 1950 г. в ней проживало 165 тыс. немцев, что составляло 1,3% жителей страны (12 338 тыс.). Основную массу населения ЧСР (более 94%) теперь представляли чехи — 8 384 тыс. (67,9%) и словаки — 3 240 тыс. (26,3%)[4].

Бенеш являлся последовательным сторонником государственного союза чехов и словаков. "Остаться со словаками под одной крышей, — писал он своим сторонникам на родине в августе 1939 г., — категорическое требование политически и экономически сильной Чехословакии. Невзирая на то, что произошло, нужно для этого готовить почву, это требуется и в плане международном"[5]. Данный очерк посвящен вопросу о том, каким виделось различным национальным и политическим силам в конце войны государственное устройство возрожденной ЧСР с точки зрения взаимоотношений чехов и словаков и как эти представления реализовывались на практике в первые послевоенные годы.

Несмотря на чрезвычайную близость чехов и словаков в этническом, культурном и языковом плане, отношения между ними никогда не были простыми. С самого начала существования совместного государства возникло политическое движение за автономию Словакии, которое возглавил католический священник А. Глинка, создавший для этих целей Словацкую народную партию. С того времени и до распада в 1993 г. Чехословакии на два самостоятельных государства — Чешскую и Словацкую республики — взаимоотношения между чехами и словаками развивались, с одной стороны, под знаком борьбы чехов за усиление централизованного, унитарного государства, с другой — борьбы словаков за достижение как можно большей самостоятельности в его рамках. Впервые словаки получили автономию после Мюнхена, когда чехословацкое правительство, чтобы предотвратить окончательный распад государства, предоставило автономию Словакии и Подкарпатской Руси. Так называемая вторая республика стала называться Чехо-Словакией. Но в марте 1939 г. главным образом стараниями гитлеровской Германии и она прекратила существование: чешские земли были оккупированы войсками "третьего рейха" и под назва-

inslav

нием "Протекторат Чехия и Моравия" включены в его состав; Подкарпатская Русь, оккупированная венгерскими войсками, была присоединена к Венгрии; Словакию Гитлер предпочел видеть в качестве формально самостоятельного государства, по сути целиком зависимого от Германии. Осенью 1939 г. оно получило наименование Словацкая республика (СР), которая обладала всеми атрибутами государственности. СР просуществовала до мая 1945 г. За эти годы словаки окончательно ощутили себя сложившейся нацией не только в этническом, но и в политическом смысле. Возросли их самосознание и уверенность в том, что словацкий народ может самостоятельно распоряжаться своей судьбой, не ожидая указаний извне, в том числе и с чешской стороны. После заключения в декабре 1943 г. советско-чехословацкого договора о взаимопомощи в войне против гитлеровской Германии и послевоенном сотрудничестве, когда стало очевидным возрождение на новых основах Чехословацкого государства, активно стал обсуждаться вопрос о взаимоотношении в нем чехов и словаков. Часть политической элиты Словакии поддерживала идею восстановления ЧСР и борьбы против режима президента СР Й. Тисо, следовавшего до последних дней в фарватере гитлеровской Германии. Словацкие коммунисты, активные участники борьбы против существовавших в стране порядков, тоже поддержали идею воссоздания ЧСР, хотя с трудом и сожаление отказывались от лозунга "За советскую Словакию", выдвинутого ими еще в 1940 г. Это касалось и одного из лидеров действовавшей в подполье Коммунистической партии Словакии (КПС) Г. Гусака. Словацкий национальный совет (СНС), созданный в декабре 1943 г. коммунистами и рядом представителей демократических политических сил как орган подготовки антиправительственного восстания, в своей программной декларации заявил о самобытности словацкого народа и его намерении войти в Чехословацкую республику на правах равноправия с чешским народом. СНС ставил цель "в первый подходящий момент взять всю политическую, законодательную, военную и административно-исполнительную власть в Словакии и осуществлять ее в соответствии с волей народа вплоть до того времени, пока свободно избранные представители народа не смогут взять всю власть в свои руки"[6]. В СНС обсуждались и вопросы государственного устройства новой ЧСР. По словам одного из руководителей словацкой компартии и члена СНС К. Шмидке, находившегося в Москве в августе 1944 г., представления о государственном управлении сводились к следующему: "Наряду с автономией чешской (которая бы распространялась на все чешские земли) была бы автономия словацкая и автономия украинская. В то время как автономия чешская имела бы характер только административно-

inslav

политический, автономии словацкая и украинская носили бы помимо этого и характер национально-политический. Это означает, что Словакия и Подкарпатская Украина имели бы свои автономные правительства, а чешские земли управлялись бы только центральным правительством. Автономные правительства в Словакии и Подкарпатской Украине имели бы своих председателей и некоторые ведомства, например, здравоохранения, образования, внутренней торговли, в то время как министерства иностранных дел, национальной обороны, финансов являлись бы общими. Государство следует строить на трех суверенных народах и признать их"[7]. Хотя в официальных заявлениях СНС и КПС о конкретном содержании принципа "равный с равным" ничего не говорилось, Шмидке в беседе с генерал-майором Славиным из разведывательного управления Генштаба советских вооруженных сил, заявил: "Словакия согласна войти в Чехословацкое государство только на федеративных началах"[8]. В привезенной Шмидке информации, подготовленной для руководства КПЧ в Москве нелегальным руководством КПС, о будущем устройстве ЧСР говорилось: "желательнее всего комбинация с СССР, если же ЧСР, то национально-федеративная и социалистическая. О венграх тут никто не желает даже слышать, мало симпатий и к полякам"[9].

Руководство КПЧ в Москве было осторожно в формулировании своей позиции и подчеркивало в первую очередь необходимость равноправного положения словацкого народа в новой ЧСР. Вместе с тем оно не отвергало и идею федерации.

В первые дни Словацкого национального восстания (СНВ) Совет, взявший на себя всю полноту власти на освобожденной территории Словакии, уже открыто заявил о намерении словацкого народа снова связать свою судьбу с чешским народом в едином государстве. "Мы выступаем за братское совместное проживание с чешским народом в новой Чехословацкой республике, — говорилось в Декларации СНС от 1 сентября 1944. — Конституционно-правовые, социальные, экономические и культурные вопросы в республике будут по взаимному согласию окончательно урегулированы избранными представителями словацкого и чешского народов в духе демократических принципов, прогресса и социальной справедливости"[10]. Однако СНС не был уверен в том, что чехословацкое эмигрантское правительство в Лондоне признает самобытность словацкого народа, и опасалось, что чехи попытаются навязать ему свою волю. Бенеш был последовательным сторонником идеи единой чехословацкой нации и не намеревался отказываться от своих убеждений. Еще в декабре 1943 г., встречаясь с представителями Заграничного бюро КПЧ в Москве, он заявил, что рассматривает "словацкий вопрос не так, как комму-

inslav

нисты" и полагал, что "в будущей республике нужно провести административную децентрализацию, но не по национальному признаку". Обращаясь к собеседникам, Бенеш говорил: "Вы никогда не убедите меня в том, чтобы я признал словацкую нацию. Это — моя научная точка зрения, которую я не могу изменить. Защищайте, как коммунисты, свою точку зрения, я ничего не имею против этого, но я все же считаю, что словаки это чехи и что словацкий язык является только одним из наречий чешского языка. Я никому не запрещаю называть себя словаком, но не допущу, чтобы провозглашали существование словацкого народа. Но в основном этот вопрос должен быть решен после переворота (имелось в виду отстранение от власти пронацистских сил. — *В.М.*). Должен вам сказать, что в лондонском правительстве вы по словацкому вопросу не сумели бы привлечь большинство на свою сторону"[11]. Эта позиция Бенеша и эмигрантского правительства была хорошо известна в Словакии и активно использовалась представителями режима Тисо для пропаганды против воссоздания Чехословацкой республики[12]. В Словакии, хотя и были сторонники теории единой чехословацкой нации (например, один из руководителей СНС В. Шробар), но большинство повстанческой элиты являлось решительным ее противником. Так возникла мысль послать в Лондон делегацию СНС, чтобы выяснить отношения с эмигрантским правительством. В ее состав вошли коммунист Л. Новомеский, демократ Я. Урсини и подполковник М. Весел от армии. В середине октября 1944 г. делегация прибыла в Лондон, где имела многочисленные встречи и беседы, в том числе с Бенешем, с представителями правительства и Государственного совета, с отдельными политиками, с английскими, советскими и американскими дипломатами, с журналистами. Недавно В. Пречан опубликовал обширную подборку документов из архива государственного министра МИД чехословацкого правительства Г. Рипки о пребывании делегации в Лондоне и переговорах, которые она вела[13]. Эти и ранее ставшие известными документы свидетельствуют, насколько непростым было некоторое сближение позиций сторон. Немалая заслуга в этом принадлежала Рипке, политику и публицисту, размышлявшему о влиянии Словацкого национального восстания на будущее чешско-словацких отношений. Члены делегации решительно настаивали на необходимости признания самобытности словацкого народа и отказа от идеи "чехословацкого единства в смысле национально-этническом", а также на признании за СНС верховных полномочий на освобожденной территории Словакии и в будущей ЧСР. Однако они не были уполномочены обсуждать вопрос о ее послевоенном государственно-правовом устройстве. Поэтому, отвергая автономию Слова-

inslav

кии, как якобы напоминающую требование глинковской партии, члены делегации и не утверждали, что словаки добиваются федеративного устройства Чехословакии, хотя в некоторых частных беседах говорили именно об этом.

Особое недовольство делегатов вызывало нежелание Бенеша и его окружения признать самобытность словацкого народа. Президент приводил множество аргументов географического, культурно-исторического, международно-политического, социологического плана в защиту своей концепции, подчеркивал опасность, которая может возникнуть в случае отказа от нее, особенно учитывая две различные тысячелетиями складывавшиеся ориентации: в чешских землях — на Запад, в Словакии — на Восток. Последовательное подчеркивание национальных различий, полагал Бенеш, "не только не приведет к сближению, но к развитию, которое будет разделять чехов и словаков, и, наконец, приведет к их отделению друг от друга, к ослаблению республики, а в момент военного конфликта — к поглощению Словакии Востоком, а чешских земель — Западом и к трагической судьбе обеих частей"[14].

Во взглядах на решение национального вопроса после войны Бенеш исходил из своего критического отношения к тому, как были реализованы на практике закрепленные в решениях Парижской мирной конференции 1919—1920 гг. постулаты о праве наций на самоопределение и о защите прав национальных меньшинств. Он полагал, что первый из них и теоретически, и практически может быть доведен до абсурда требованием самоопределения небольших национальных анклавов, ограниченных масштабами района, города и даже села. Выполнение второго, по его мнению, в межвоенный период не контролировалось, как это требовалось, Лигой Наций или какими-либо другими международными организациями, что привело, с одной стороны, к игнорированию защиты прав национальных меньшинств государствами с недемократическими формами правления, такими как Германия, Италия, Венгрия, Польша, а с другой — к неумеренной критике других государств, например, Чехословакии, за недостаточное следование этому принципу. Кроме того, считал Бенеш, защита прав национальных меньшинств на практике зачастую входила в противоречие с правами "государственных" наций, вела к их ущемлению и наносила вред государству в целом. Национальная идея, рожденная, по Бенешу, философией Возрождения и Реформации, исходившая из гуманистических принципов французской революции, которая провозгласила права человека и гражданина, сыграла свою положительную роль после первой мировой войны. Однако, полагал он, эта идея в руках тоталитарных режимов стала одним из главных орудий уничтожения демократии

inslav

и, в конечном счете, порабощения малых наций. Бенеш считал необходимым снова поставить национальную идею на службу демократии. В его теоретических рассуждениях и подходах к решению национального вопроса было нечто общее со взглядами коммунистов, а именно: подчиненность этой сферы человеческих отношений достижению некоей высшей, главной цели. Но, если для коммунистов решающими были интересы пролетариата и развития мировой пролетарской революции, то для Бенеша — совершенствование и укрепление демократии с ее приоритетной защитой прав личности, человека-гражданина. В рамках защиты этих прав, по его мнению, могли быть обеспечены и национальные права каждого[15].

Этот подход нашел отражение и во взглядах Бенеша на чешско-словацкие отношения после войны. Являясь сторонником масштабной децентрализации управления восстановленной ЧСР, он полагал, что в ее основу должен быть положен не национальный, а территориальный принцип: разделение страны на 4 края (земли) — Чехию, Моравию и Силезию, Словакию, Подкарпатскую Русь. Центральная власть была бы представлена общим парламентом, президентом и правительством, компетенции которых предстояло определить по-новому. Каждая из земель должна была иметь свои законодательные и исполнительные органы, которым центральная власть делегировала часть своих полномочий. В свою очередь земли делились на округа с аналогичными органами управления. Затем следовали общины (населенные пункты) с собственной представительной и исполнительной властью. Учитывая ситуацию, сложившуюся в Словакии в результате восстания, и требования СНС о передаче ему всей полноты власти, Бенеш полагал, что будущая децентрализация управления государством будет осуществлена после договоренности о том, какой объем компетенций получит "земское управление Словакии". Свое ви́дение внутренней организации послевоенной ЧСР президент изложил советскому руководству во время своего пребывания в Москве в декабре 1943 г. На вопрос Молотова, получит ли Словакия автономию, Бенеш ответил: "Нет, я хочу провести децентрализацию как административную меру. Я не хочу использовать слово автономия, потому что под этим словом каждый может понимать, что угодно, каждый может придавать этому слову иное значение... Я хочу дать словакам больше, чем в первой республике, но мы должны об этом договориться". Во время беседы со Сталиным 18 декабря 1943 г., записанной З. Фирлингером и правленной затем Бенешем, советский лидер якобы предостерегал президента от возможности словацкого сепаратизма в будущем, заявив: "Следует словаков дома крепко держать в руках. Учитывая их немногочисленность, нельзя допускать никакого

inslav

сепаратизма, это была бы непростительная глупость. Со стороны словаков это просто глупое сумасбродство"[16]. Возможно, Бенеш полагал, что тем самым он получил, если не прямую, то косвенную поддержку со стороны Москвы своих планов будущего внутреннего устройства ЧСР.

Эти представления президента нашли отражение в документе, врученном словацкой делегации после завершения ее переговоров в Лондоне. В нем содержалась и личная точка зрения Бенеша по вопросу единого чехословацкого народа. "Я никогда ни от кого не скрывал и не скрываю сегодня, — говорилось в подписанном президентом документе, — что всегда отстаивал и отстаиваю точку зрения о едином чехословацком народе. Это моя научная социологическая точка зрения. Чехи и словаки являются для меня равноценными, равноправными и вполне зрелыми частями одного и того же народа. Одни говорят на чешском языке, другие — на словацком, оба языка равноправны и равноценны и должны быть одинаково признаваемы. Некоторые национальные черты и особенности у нас тождественны, другие пока отличны. Но обе эти части народа всегда имели и имеют столько общих культурных и идейных ценностей, что нет другого народа или двух других народов, ситуация которых была бы аналогична". Однако Бенеш полагал недопустимым навязывать кому-либо эту точку зрения: "Если в Словакии существует большая часть или большинство населения, которое чувствует себя исключительно словаками, если это большинство называет себя словацким народом, то нужно этот факт просто констатировать и признать; нет смысла вести какой-то терминологический спор о народе словацком и чехословацком". Бенеш считал неприемлемым и абсурдным "предписывать, навязывать или устанавливать законами" существование чехословацкого народа: "Я отстаиваю позицию абсолютной лояльности, честной толерантности и взаимного признания: у нас должен быть полностью и честно признан словак (как народ), чех (как народ), чехословак (как народ)". (Слово národ переводится на русский язык и как народ, и как нация в зависимости от контекста. В данном случае, скорее всего, имелась в виду нация.) Существование чехословацкого народа (нации) Бенеш связывал с более высокой ступенью культурного развития и отсылал своих оппонентов к примеру Англии, где употребляются выражения "английский народ", "шотландский народ", "уэлльский народ", но "с одинаковым основанием и толерантностью — *британский народ*". "Это просто свидетельство высшей ступени развития, — считал он. — Почему бы нам не освоить подобную толерантность? Почему бы нам не понять, не признать и не попробовать приспособиться к этой высшей ступени общественного развития?"[17]

inslav

Таким образом, события в Словакии вынудили Бенеша несколько изменить свой взгляд по сравнению, например, с декабрем 1943 г., когда он безапелляционно заявлял о том, что ничто не заставит его признать существование словацкой нации. Словацкая делегация не добилась от него ясной и недвусмысленной формулировки в этом вопросе, но "подвижки" были налицо, и уже это внушало надежду на то, что в будущем удастся добиться большего. Отсюда, наверное, и достаточно оптимистическая депеша Новомеского на родину 31 октября 1944 г.: "В принципиальных вопросах между СНС, президентом и правительством достигнута договоренность. Некоторые вопросы еще обсуждаем"[18]. Однако Рипка, который из окружения Бенеша, пожалуй, более других склонялся к компромиссу, не был столь оптимистичен. Он понимал и указывал на это членам делегации, что решение вопроса о взаимоотношениях словаков и чехов в новой ЧСР будет зависеть не только от желания первых, но и от позиции вторых. Хотя не вызывало сомнения, что большинство чешского народа поддерживает восстановление Чехословацкой республики, но в то же время относится к словакам весьма критически. Эмигрантское правительство поддерживало тесную связь со своими сторонниками в чешских землях и было осведомлено о существующих там настроениях. В конспективном сообщении МИД о положении в стране в конце 1943 г., например, значилось: "Что касается словаков, то большинство нашего народа злится на них и не может хорошо представить сотрудничество с ними. Люди в Чехии также недостаточно полно информированы о положении в Словакии"[19]. СНВ, вероятно, многое изменило в отношении чехов к словакам, но по-прежнему полной ясности в этом вопросе не было. Впечатления Рипки от беседы с Новомеским 30 октября 1944 г. сводились к следующему: "Я хотел использовать эту возможность для того, чтобы Новомеский, искренний и благородный человек, понял, что их концепция может иметь нехорошие последствия и для словацкого народа, что мир не вертится только вокруг словацкого народа. Думаю, что разговор на него подействовал. Но, несмотря на это, — у меня тяжелое впечатление, что большинство словаков высказывается за республику не сердцем и по внутреннему убеждению, а лишь потому, что освободительная борьба в международном плане ведет к восстановлению Чехословацкой республики. Коммунисты, видимо, приветствовали бы или спокойно приняли присоединение Словакии к Советскому Союзу, а остальные, вероятно, лишь потому, что боятся коммунистов и Советского Союза и будут искать опору против коммунистов в чешском народе. Мне кажется, что не только нацистская пропаганда, но прежде всего само словацкое государство оставит на словаках глубокий отпечаток

inslav

и что, видимо, лишь меньшинство национально-определившихся по убеждению и безусловно хочет Чехословацкую республику. Если я ошибаюсь в этой оценке психологической и политической ситуации в Словакии, тем лучше. Но я очень опасаюсь, что на этот раз и чешский народ не будет так воодушевлен объединением со словаками, как было после последней войны, а также, что и в чешском народе будут скорее лишь расчеты и доводы ума за объединение со словаками в одном государстве"[20]. Думается, что эти впечатления Рипки как нельзя более точно отражали действительное положение дел.

После завершения переговоров в Лондоне словацкая делегация не смогла вернуться в Словакию: восстание было подавлено, повстанцы отошли в горы, деятельность СНС предполагалось возобновить уже на территории, освобождаемой частями Красной Армии. 14 ноября 1944 г. делегация отправилась в Москву, куда прибыла 1 декабря и откуда намерена была перебазироваться на освобожденную территорию Словакии. Это произошло только в середине января 1945 г. Во время пребывания в Москве члены делегации (вместе с оказавшимся здесь чехословацким правительственным делегатом на освобожденной территории ЧСР Ф. Немецом) были приняты руководителями НКИД СССР А.Я. Вышинским, а затем и В.М. Молотовым. Новомеский встречался с членами Загранбюро КПЧ и главой Отдела международной информации ЦК ВКП(б) Г. Димитровым. Кроме того, они плотно общались с чехословацкими дипломатами в Москве, в частности с послом З. Фирлингером. Все это дало возможность составить представление о том, как видится вопрос будущих чешско-словацких отношений в Москве. Чехословацкая коммунистическая эмиграция стояла на позициях безусловного признания самобытности словацкого народа и выступала за его вхождение в ЧСР на основе принципа "равный с равным". Что касается конкретного его наполнения, то тут представления были довольно расплывчаты: говорилось об автономии Словакии, о возможности Краевого национального управления, а также федеративного устройства ЧСР. Впрочем, окончательное решение этого вопроса откладывалось на послевоенное время и оставлялось за законно избранными представителями чешского и словацкого народов. В документе "О некоторых вопросах национально-освободительного движения в Словакии", принятом Загранбюро КПЧ 23 августа 1944 г., подчеркивалось, что "окончательное решение о положении Словакии в едином государстве будет принято по братской договоренности с чешским народом на основе принципа равный с равным и на основе желания самого словацкого народа". Вместе с тем, указывалось, что СНС, согласовав свои действия с правительственным делегатом, возьмет на себя управление

inslav

всей территорией Словакии, а после ее освобождения созовет общесловацкий съезд национальных комитетов, который и решит вопрос о будущем положении Словакии в составе ЧСР[21]. В записке Готвальда "К событиям в Словакии", переданной заместителю народного комиссара иностранных дел СССР С.А. Лозовскому 2 сентября 1944 г., были высказаны и предположения о характере будущего устройства ЧСР: "Политическая платформа Словацкого национального совета: демократическая Чехословацкая республика на основе равноправия словацкого и чешского народов (возможно, на основе федеративных отношений); прочная дружба с Советским Союзом"[22]. Таким образом, Загранбюро КПЧ тогда не исключало возможности федеративного устройства воссозданной ЧСР. В то же время оно настойчиво стремилось рассеять иллюзии словацких коммунистов о возможности включения Словакии в состав СССР. Ранее уже говорилось, что эти представления имели широкое хождение среди членов подпольной компартии Словакии. СНС сообщал об этом, в частности, в своем послании Бенешу и правительству в Лондон в конце июля 1944 г., настаивая на пересмотре чешско-словацких отношений, существовавших в первой ЧСР: "Нельзя забывать о том, что именно под влиянием половинчатости лондонского радиовещания в этом вопросе, а также под влиянием нежелания ревизовать идею чехословацкого национального единства и прежнюю форму чехословацких отношений, в Словакии усиливается стремление добиваться включения Словакии в решающий момент в состав СССР как самостоятельной единицы... Не имеет значения, что в данных обстоятельствах это усилие не имеет шансов на успех на международных форумах. Республика не возродилась бы под счастливым знамением, если бы Словакия была включена в нее с чувством разочарования и принимала ее лишь как неизбежное последствие международной ситуации"[23]. Думается, что нарисованная СНС перспектива возможной потери Словакии в случае отказа учитывать интересы словацкого народа, не могла оставить равнодушными Бенеша и его окружение. Несмотря на все советско-чехословацкие договоренности, такой поворот событий в условиях вступления советских войск на территорию Чехословакии не мог быть исключен, что, кстати, продемонстрировали и события в Подкарпатской Руси осенью 1944 г. Бенеш опасался, что в Словакии может произойти то же самое. Поэтому во время упомянутых встреч чехословацких политиков с Вышинским и Молотовым первые делали упор на уточнении взаимоотношений правительственного делегата и СНС с командованием советских войск. Но в планы Москвы тогда не входило брать Словакию "под свое крыло", что и постарался еще раз довести до сведения чешских и словацких коммуни-

inslav

стов Димитров при встрече с ними 29 декабря 1944 г. "Принял словацкую делегацию (имелись в виду Новомеский, Й. Вало и Э. Фриш. — *В.М.*) вместе с Готвальдом, Копецким и Аппельтом, — записал Димитров в своем дневнике. — Делегаты подробно информировали о положении в Словакии и Закарпатской Украине и изложили позицию словаков в отношении будущего устройства Чехословакии как государства чехов и словаков (двух отдельных народов) в противовес позиции Бенеша о чехословацком народе и чехословацком государстве"[24]. Позиция самого Димитрова в дневнике не зафиксирована, но она нашла отражение в записи беседы, сделанной предположительно Копецким: "Было бы ошибкой, если бы словацкие коммунисты думали, что, может быть, в интересах Советского Союза отделение Словакии от Чехии. Нет! Отделение словаков от чехов не в интересах и было бы во вред самим словакам. Чехи — хороший народ и словаки — хороший народ, и оба народа имеют большое будущее. Когда освободитесь от немцев и снова будете организовывать чехословацкое государство, возьмите, естественно, все, что было в старой республике здорового. И в новом смысле будут, конечно, решены все самые разные вопросы чешско-словацких взаимоотношений. Нужно стремиться, чтобы словаки не жили на более низком уровне, чем чехи". И далее: "Признайте вы, словаки: чехи выше в культурном отношении? Если да, то это вы должны не только признать, но и делать из этого выводы. В чешских землях существуют тяжелая промышленность и развитая экономика, и таким образом жизненно необходимо соединить словацкие земли с чешскими землями. Это объединение имеет для вас, словаков, по-прежнему большое жизненное значение, и это значение еще не исчерпало себя". Что касается государственно-правового устройства Чехословакии, то Димитров видел его следующим образом: "Полагаю, что наилучшим решением вопроса о взаимоотношениях чехов и словаков в освобожденной ЧСР было бы, чтобы чехи и словаки находились в равноправном положении, чтобы в Чехии имелось чешское правительство, а в Словакии — словацкое правительство, и чтобы было совместное федеративное чехословацкое правительство. Чтобы существовал парламент чешский и парламент словацкий и, кроме того, общий парламент чехословацкий"[25].

В середине января 1945 г. Новомеский и Вало отбыли на освобожденную территорию Словакии и соображения Димитрова были, естественно, доведены ими до сведения руководства КПС и восстанавливавшего свою деятельность СНС. В феврале 1945 г. три недели в Москве провел Гусак, который неоднократно встречался с Готвальдом и был в курсе проходивших здесь переговоров о новом чехословацком правительстве и его

inslav

программе. Затрагивались вопросы и будущего положения Словакии в ЧСР. Впоследствии Гусак так вспоминал об этом: «Чехословацкие коммунисты в Москве жили в то время — февраль 1945 г. — под впечатлением точки зрения Г. Димитрова в отношении Чехословакии: у огромного большинства товарищей, с которыми я беседовал, была идея о федеративном решении государственно-правового устройства Чехословацкой республики. Это было коммунистическим решением, по примеру СССР, по этому пути уже пошла в то время и Югославия. Лучшего решения никто не знал. Руководство Коммунистической партии Словакии в период восстания практически отстаивала эту точку зрения, хотя термин "федерация" мы не использовали, имея в виду Лондон. Так полагал в период восстания Шверма, с этим мнением я встретился в Москве. И Готвальд был в то время в принципе за федеративное решение». Далее Гусак пересказал беседу Готвальда со Сталиным 23 января 1945 г., когда, помимо прочего, велась дискуссия по основным вопросам политики КПЧ в период освобождения и в последующий период. "Сталин советовал Готвальду, — вспоминал Гусак, — проявлять максимум осторожности и тактичности при решении словацкого вопроса... советовал считаться и с Бенешем, достигнуть договоренности с ним, как с президентом. После осложнений вокруг польского вопроса, когда разрыв с польским эмигрантским правительством в Лондоне оказал весьма отрицательное воздействие и на совместные действия с западными союзниками, Сталин хотел избежать аналогичных проблем и осложнений с Бенешем и его правительством". Готвальд, по словам Гусака, был за федеративное решение, но опасался того, как к этому отнесутся в чешских землях, где в результате нацистской оккупации обострились национальные чувства и усилились антисловацкие настроения. Эти опасения подогревал Копецкий, который в одной из бесед с Готвальдом и Гусаком защищал концепцию Бенеша об административно-территориальном делении будущей ЧСР. Готвальд, по словам Гусака, не поддержал Копецкого[26].

По возвращении Гусака в Словакию состоялась конференция КПС (28.02—01.03.1945), обсудившая ближайшие задачи партии. Речь велась и о будущем государственно-правовом устройстве Чехословакии. "Исходя из факта существования двух равноправных народов, — заявил выступавший с докладом Гусак, — мы хотим иметь федеративное государство, государство единое и общее, в котором однако каждый из народов правил бы сам". Наряду с общим правительством и общим парламентом, по мнению докладчика, должны существовать "словацкое демократическое правительство" и "словацкий избранный парламент". "С отношением чехословацкого правительства в

inslav

Лондоне к словацкому вопросу, — по словам Гусака, — мало в чем можно согласиться"[27]. Сразу после конференции, 3 марта 1945 г., состоялось заседание СНС, на котором была избрана делегация для участия в переговорах в Москве по вопросам формирования нового чехословацкого правительства и его программы. Делегация включала по три представителя от КПС (Гусак, Новомеский, Й. Шолтес) и демократического блока (Й. Стык, Шробар, Урсини). Главным для СНС на переговорах был вопрос о будущем статусе Словакии в ЧСР. Принятое им решение касалось именно этой проблемы. СНС ожидал от президента и нового правительства, что "перед приездом в Словакию они торжественно заявят о полном равноправии народа словацкого и народа чешского в рамках единой и неделимой Чехословацкой республики", и что правительство официально заявит о своем несогласии с концепцией единой чехословацкой нации. Ожидалось также, что будет подтвержден статус Словацкого национального совета как органа, "исполняющего всю законодательную, правительственную и исполнительную власть на территории Словакии". Определялся и круг вопросов, входивших в компетенцию СНС и центральных органов управления ЧСР. В ведении первого должны были находиться вопросы, касающиеся внутренних дел, школ и просвещения, снабжения, здравоохранения, промышленности и ремесел, сельского хозяйства и земельной реформы, общественных работ, правосудия. Исключительно центральные органы управления должны были заниматься вопросами внешней политики, внешней торговли и национальной обороны, учитывая при этом словацкую точку зрения. Частично совместно, а частично словацкими органами должны были решаться вопросы, касающиеся железных дорог, почт и телеграфа, реконструкции экономики, финансов[28]. Ни на конференции КПС, ни в решении СНС ничего не говорилось о чешских органах управления (видимо, это оставлялось на усмотрение чешского народа) и, следовательно, допускалась возможность асимметричной модели управления страной.

На переговорах в Москве, состоявшихся во второй половине марта 1945 г., участвовали представители лондонских эмигрантских кругов, Загранбюро КПЧ и СНС. В основу обсуждения был положен проект правительственной программы, предложенный Загранбюро КПЧ. Бенеш не принимал участия в обсуждении, но был в курсе того, как оно происходит, поскольку встречался по отдельности с представителями разных заинтересованных сторон. Состоялась его беседа и с делегацией СНС, которая получила от президента обещание не употреблять термин "чехословацкая нация", а говорить чехи и словаки. Казалось, компромисс был достигнут. Начальник канцелярии пре-

inslav

зидента Я. Смутны сообщал в Лондон: "Бенеш не ожидает, что, с этой стороны, по крайней мере в нынешней ситуации, возникнут непреодолимые трудности"[29]. Но он ошибался. Именно раздел проекта программы, касавшийся словацкого вопроса, вызвал наиболее жаркие дебаты, которые продолжались три дня. Сначала в дискуссии участвовали только представители чешских политических партий, потом и члены делегации СНС. Она ознакомилась с проектом программы еще до начала общего обсуждения и приняла его, по словам Гусака, "без существенных изменений". Позиция Готвальда по словацкому вопросу, согласно воспоминаниям Гусака, к этому времени претерпела некоторые изменения. Он должен был договориться с Бенешем, стремился к этому и поэтому "не хотел даже поднимать вопрос о федеративном решении". "То, что у вас имеется в Словакии, сохраните, — советовал Готвальд. — Тем самым положение словаков временно решается. Позднее мы увидим, какова будет ситуация, и сможем опять вернуться к этому вопросу". По словам Гусака, "он настаивал, чтобы мы уступили, чтобы мы не затрудняли достижения общей договоренности. Мы уступили...". Однако словаки потребовали от правительства и чешских политических партий заверений в том, что сложившееся в Словакии положение будет закреплено и в новой конституции государства. В этом духе был отредактирован и раздел проекта программы, касавшийся словацкого вопроса[30]. В нем, в частности, говорилось: "Правительство будет видеть в Словацком национальном совете, опирающемся на национальные комитеты в общинах и округах, не только легитимного представителя самобытного словацкого народа, но и носителя государственной власти на территории Словакии (власти законодательной, правительственной и исполнительной)... Общие государственные задачи правительство, как центральное правительство республики, будет решать в теснейшем взаимодействии со Словацким национальным советом и Корпусом словацких национальных уполномоченных, как исполнительным правительственным органом Словацкого национального совета"[31]. Именно эта формулировка вызвала решительные возражения со стороны представителей национально-социалистической партии (Я. Странский), народной (католической) партии (Ф. Гала) и правых социал-демократов (В. Майер). Гала, например, в предложенном решении усматривал стремление на длительное время закрепить дуалистическую систему (dvoustati) государственно-правового устройства ЧСР, призванную как бы механически объединить Словацкое государство с чешскими землями. "Правительство не может принимать на себя обязательства, которые входят в компетенцию избранного в будущем Национального собрания", — говорил он. Странский поддержал Галу: "Сразу скажу,

inslav

что то, что нас сегодня разводит и в чем между нами нет единства, это не взгляд на нынешнее положение в Словакии, а вопрос, может ли быть нынешняя конструкция образцом для постоянной конструкции". На реплику Готвальда: "Этого хочет словацкий народ, не будем забывать об этом", Странский ответил: "Не исключаю, что это теперешнее состояние может стать в конце концов постоянным, если с этим согласятся словацкий и чешский народы, но не будем брать на себя преждевременных обязательств... решать о форме будущего государственного объединения должны не только словаки, но и чехи". Коммунисты и левые социал-демократы настаивали на предложенных ими формулировках. Копецкий обозначил так называемые четыре пункта Готвальда, от которых они не намерены отказываться: 1) признание самобытности словацкого народа; 2) признание правомочий Словацкого национального совета; 3) признание создания словацких воинских формирований; 4) обещание, что все это не временно и позднее будет конституционно закреплено. Фирлингер апеллировал к опыту Советского Союза, где реализовано право наций на самоопределение вплоть до отделения, и привел в пример украинцев, которые не хотят отделяться, понимая, что "объединение в Союзе для них выгодно". В конце концов, было решено, что несогласные с предложенными формулировками представят свои проекты решения вопроса, которые будут обсуждены совместно с делегацией СНС. Такой проект представили национальные социалисты, в нем, хотя и говорилось о признании самобытности словацкого народа, но решение вопроса о его взаимоотношениях с чешским народом откладывалось до освобождения страны. Если бы это было решено немедленно, то могло бы возникнуть впечатление, что мнение словацкого народа учитывается, а чешского нет, — заявил Странский. Шробар от имени словацкой делегации сказал, что она готова согласиться с некоторой корректировкой проекта. Копецкий решительно поддержал позиции словаков: "Правительство должно ясно заявить, что отказывается от ошибочного понятия чехословакизм и что словаки являются национально, а не только культурно самобытным народом", "каждый должен быть хозяином на своей земле. Словацкий национальный совет заявляет о своем праве быть единственным носителем власти на своей земле". Обосновывал компромиссные формулировки, предложенные словацкой делегацией, Гусак. Отметив, что Копецкий выступил "как хороший адвокат словаков", он сказал: "Сегодня — новое сожительство является браком по расчету, и так будет до тех пор, пока не сложатся более сердечные отношения". "Что касается будущего развития: возможно именно словаки захотят иметь как можно более сильные центральное правительство и центральный пар-

inslav

ламент как только соберется конституционное национальное собрание, — заявил Гусак. — Но сегодня — это не так. Сегодня существуют опасения, что все может вернуться к старому. Правительство должно ясно заявить, что республика будет строиться на новых принципах. Мы хотим, чтобы было дано твердое конституционное обещание нового правительства, что речь идет не о временном согласии, а о твердой линии чехословацкой политики". В конце концов, национальные социалисты, видимо, получив согласие Бенеша, вынуждены были принять формулировки словацкой делегации, которые выглядели следующим образом: "Новое правительство ЧСР приложит усилия к тому, чтобы при конституционном решении отношений между словацким и чешским народами были учреждены словацкие органы власти (законодательной, правительственной и исполнительной), какую ныне словацкий народ имеет в лице СНС. Распределение компетенций между центральными и словацкими органами власти установят законно избранные представители словацкого и чешского народов". Именно в такой формулировке этот спорный вопрос был включен в окончательный текст программы первого правительства Национального фронта чехов и словаков, получившей название Кошицкой правительственной программы[32]. Компромиссное соглашение было достигнуто 26 марта, а 29-го на имя Странского пришла телеграмма из Лондона, подписанная оставшимися там представителями национальных социалистов, в том числе и Рипкой: "До последней минуты в словацком вопросе защищайте нашу точку зрения против дуализма. Принципиально настаивайте на том, что без учета голоса представителей чешских земель никто не уполномочен решать вопрос о будущей структуре государства"[33]. Таким образом, достигнутый на переговорах в Москве компромисс вовсе не означал, что стороны сдали свои позиции. Каждая из них, по сути, осталась при своем видении государственно-правового устройства ЧСР и надеялась реализовать его в будущем, что, естественно, было чревато новыми спорами и столкновениями взглядов. Их острота и результаты зависели от грядущей расстановки политических сил в стране.

Советские руководители были знакомы с проектом правительственной программы, выработанной Загранбюро КПЧ. Готвальд представил его Димитрову, который, судя по сделанным им пометкам, внимательно изучил документ. Раздел о государственном устройстве ЧСР не вызвал его возражений[34]. На одном из экземпляров проекта, переданном в ОМИ ЦК ВКП(б), рукой Димитрова написано "Тов. И.В. Сталину"[35]. Можно предположить, что материал побывал и на столе "хозяина" Кремля. Молотов также ознакомился с проектом. Его немногочисленные пометки на полях документа свидетельствуют, что он обра-

inslav

тил внимание и на раздел о государственном устройстве ЧСР: "Два гос-ва (чехи + словаки)"[36]. Трудно сказать, что при этом имел в виду советский нарком, и уж тем более невозможно понять, положительно или отрицательно отнесся он к планам решения вопроса о чешско-словацких отношениях. Массу замечаний по проекту высказал заведующий IV Европейским отделом НКИД СССР В.А. Зорин, который в конце марта 1945 г. был назначен послом СССР в Чехословакии. Резкой критике подвергся и интересующий нас раздел проекта программы: во всей главе "хотя и говорится о равноправии чешского и словацкого народов, вопрос государственных форм и их дальнейшего существования поставлен очень туманно: не упоминается ни об автономии Словакии, ни о федеративном объединении Чехии и Словакии". И далее: "В интересах преодоления словацкого сепаратизма...необходимо однозначно определить будущие государственные формы положения Словакии в рамках единого Чехословацкого государства. Кроме того, совершенно необходимо сформулировать обязательство об обеспечении прав национальных меньшинств (прежде всего украинцев и русин)"[37]. Делая эти замечания, Зорин, естественно, исходил из опыта государственного устройства СССР. И он, был, конечно, прав, полагая, что расплывчатость формулировок, свойственная этой части проекта, чревата осложнениями в будущем. Но в то же время такая категоричность оценок не поддается разумному объяснению. Зорин, который, конечно, был в курсе противоречивых взглядов на решение вопроса о форме государственного устройства ЧСР, не мог не понимать, что выдвижение требования немедленной федерализации страны может привести к срыву переговоров о создании правительства Национального фронта чехов и словаков, а это тогда противоречило интересам СССР. Возможно, это было личное мнение Зорина, которое предназначалось для "внутреннего потребления" и не подлежало доведению до сведения авторов проекта. Тогда не понятно, почему другие его замечания, например, к разделу о внешней политике ЧСР, были учтены в окончательной редакции программы. Следовательно, авторы проекта, совершенно сознательно, по изложенным выше соображениям, не хотели ставить точку над і и, возможно, разъяснили это Зорину.

Как относилось население Словакии к восстановлению ЧСР? Очевидно — по-разному. Приверженцев режима Тисо, а таких было, по всей видимости, немало, естественно, не устраивала такая перспектива. Они предпочитали сохранить самостоятельное Словацкое государство и запугивали население тем, что чехи опять займут в стране господствующее положение и будут эксплуатировать словацкий народ. Среди коммунистов, как уже говорилось, и, вероятно, среди части беднейших

inslav

слоев населения были довольно широко распространены настроения в пользу присоединения Словакии к СССР. В частности, Гусак в информационной записке о положении в Словакии, составленной им во время пребывания в Москве в феврале 1945 г., писал: "Лишь во время Словацкого восстания (осень 1944 г.) проблема Чехословацкой республики была ясно сформулирована в том смысле, что Чехословакия может существовать только как государство трех равноправных наций (словаков, чехов и закарпатских украинцев). В противном случае словаки вынуждены были бы искать другой выход... Однако надо отметить, что весь словацкий народ желает наиболее тесной связи с Советским Союзом, а идею возрождения совместного государства с чехами он встретил довольно холодно"[38]. Здесь, как это и было всегда принято у коммунистов, Гусак говорил от имени всего народа, хотя, конечно, это было не так. Вот другая оценка настроений словацкого населения на территориях Словакии, занятых советскими войсками. Она исходила от представителей политорганов Красной Армии (конец марта 1945 г.): "Вопросы будущего государственного устройства словацкого народа стоят в центре внимания населения. Хотя в частных беседах и проявляются сепаратистские тенденции, перспектива воссоздания Чехословакии не встречает серьезных возражений. Многие полагают, что с помощью Советского Союза словаки станут действительно равноправным народом в таком едином Чехословацком государстве"[39]. Ясно, что единого мнения не существовало, а установить пропорции между сторонниками разных взглядов сегодня весьма затруднительно, а может быть и невозможно. Я. Рыхлик, исследовавший чешско-словацкие отношения на протяжении 1918—1992 гг., во второй книге своего труда пишет: "Восстановление ЧСР не было принято однозначно положительно словацкой общественностью, в то время как чешская общественность воспринимала восстановление ЧСР с воодушевлением как возвращение национальной свободы. Сегодня нельзя установить, какая часть населения Словакии добровольно согласилась с воссозданием ЧСР, а какая приняла ее по необходимости, как неизбежность"[40].

31 марта 1945 г. сформированное в Москве правительство и Бенеш отправились на освобожденную территорию Словакии в г. Кошице. Из 25 членов кабинета было 9 словаков. По рекомендации Готвальда из словацких коммунистов Гусак, Шмидке и Новомеский, участники СНВ, остались на работе в Словакии якобы для обеспечения преемственности, а в центральные правительственные органы вошли те, кто не принимал участия в восстании: В. Широкий, Ю. Дюриш, В. Клементис. 5 апреля 1945 г. на заседании СНС была обнародована правительственная программа. Готвальд огласил раздел о государственном уст-

inslav

ройстве ЧСР, назвав его Magna Charta ("Великая Хартия") словацкого народа. Гусак впоследствии вспоминал: «Это название, которое, кажется, придумал Копецкий, нас удивило. Оно нам не очень понравилось...слово "великая" нам казалось слишком напыщенным. А Хартии (перечень свобод) феодальные владыки обычно дарили своим вассалам. Такого решения словацкого вопроса, как оно было сформулировано в правительственной программе, словацкий народ добился в борьбе. Никто ему ничего не дарил. Однако название осталось»[41]. Привилось оно и в чехословацкой "марксистской" историографии, где использовалось в течение последующих 45 лет для обозначения равноправия словацкого народа с чешским, полученного в момент восстановления ЧСР.

От формального равенства к фактическому неравенству

До переезда правительства в Прагу после ее освобождения фактическая власть находилась в руках СНС. Прерогативой первого на практике были лишь вопросы внешней политики. Правительство в общем не вмешивалось в дела реорганизованного СНС и созданного его постановлением от 7 апреля 1945 г. нового Корпуса уполномоченных (словацкого правительства). Такое положение как нельзя более устраивало словаков, но не радовало чехов, причем разной политической ориентации. Такой вывод, в частности, можно сделать из бесед Зорина с чешскими политическими деятелями в апреле 1945 г. Например, министр внутренних дел правительства коммунист В. Носек посетовал 11 апреля, что его министерство "фактически не имеет возможности действовать, поскольку вся администрация принадлежит Словацкой народной раде (СНС. — *В.М.*), которая претендует на полное руководство на территории Словакии". "Носек с некоторой обидой говорил, — записал Зорин в своем дневнике, — что словаки рекомендуют центральному правительству Чехословакии заниматься сейчас вопросами обороны и внешними делами, а все остальные дела передать Словацкой народной раде, которая одна вправе решать внутренние вопросы на территории Словакии... Из всей беседы было видно, что Носек чувствует себя еще крайне неуверенно и что между словаками и центральным правительством нет еще должного контакта, причем словаки явно не допускают чехословацкое правительство к проведению активной деятельности на территории Словакии"[42]. В тот же день министр просвещения и школ З. Неедлы жаловался Зорину, что "он чувствует себя несколько чужим в Кошице, тем более что словаки очень

inslav

ревниво относятся ко всякому вмешательству в их внутренние дела. Неедлы сказал, что понимает словаков и не намерен чем-либо мешать им строить по своему словацкие культурные учреждения, но в его тоне чувствовалось скептическое отношение ко всему, что предпринимают словаки... Неедлы добавил, что словаки вообще хотят создать самостоятельные организации, в том числе предполагается создать самостоятельное общество культурных связей с СССР и самостоятельный Славянский комитет. Неедлы заметил, что словаки поступают, как маленькие дети, увлекаясь своей самостоятельностью". Член ЦК КПЧ Р. Сланский в беседе с Зориным 17 апреля также весьма скептически отозвался о руководстве КПС, которое, по его мнению, "недостаточно твердое и допускало ряд ошибок... Гусак — энергичный работник, но еще молодой член партии и требует несомненно руководства. Новомеский — типичный интеллигент и поддается легко влиянию, в частности демократов (ДП. — *В.М.*)". Министр информации коммунист Копецкий в беседе с сотрудником советского посольства Н.Я. Демьяновым упрекал словацкие власти в том, что они "не проявили еще должной настойчивости и решительности, а проявляют склонность отделаться полумерами" в вопросе о наказании "преступников войны и предателей интересов чехословацкого народа". Примерно в том же духе говорил о словаках и заведующий канцелярией президента Я. Смутны в беседе с советским послом 21 апреля: "Смутны пожаловался на то, что словаки очень ревниво относятся к своим автономным правам, не делают, однако, всего того, что следовало бы на территории, только что освобожденной от врага, в частности, словаки ничего почти не сделали для привлечения к ответственности коллаборантов. В высказываниях Смутного о словаках чувствовалась некоторая ирония и желание подчеркнуть, что главная работа предстоит не здесь, а в чешских землях, и что словаки, по существу, играют в управление страной"[43]. Аналогичной была и позиция вице-премьера правительства словака-коммуниста В. Широкого, который во время встречи с Зориным 23 апреля охарактеризовал политическую обстановку в Словакии, деятельность СНС и чехословацкого правительства. Он сетовал на то, что, хотя Словакия в большей части уже освобождена, "политические враги словацкого народа и сторонники сотрудничества с оккупантами еще не наказаны и существует определенная тенденция простить им их преступления". "Словацкая компартия, насчитывающая сейчас 30 тысяч человек, — говорил Широкий, — имеет слишком много молодых членов партии и очень небольшое ядро старых партийных работников, которые только недавно вступили в активную политическую жизнь Словакии, ибо были долгое время в тюрьмах. Вследствие этого в словац-

inslav

кой компартии значительны примиренческие настроения и отсутствует пока острая постановка вопроса о преступниках войны и о коллаборантах". В этом, собственно, его позиция совпадала с оценками Готвальда, высказанными в беседе с Зориным 14 апреля: "Сейчас перед правительством стоит задача организовать суд над изменниками и наказать их. В Словацком национальном совете, однако, не чувствуется решимости провести это мероприятие". "Готвальд думает, — записал Зорин, — что придется произвести сильный нажим на словаков, чтобы осуществить это". Говоря о взаимоотношениях со словаками, Готвальд отметил: "Нельзя сказать, чтобы взаимоотношения со словаками были вполне нормальными. Словаки сделали ряд ошибок в первый период деятельности Словацкого национального совета вследствие того, что словацкое партийное руководство оказалось недостаточно подготовленным к решению серьезных государственных вопросов; кадры руководящих работников из словаков слишком молодые и не имеют достаточного политического опыта, — сейчас приходится их поправлять. Между тем эти руководители очень ревниво относятся ко всякому вмешательству в их деятельность, что мешает взаимопониманию"[44]. Так, одновременно с желанием восстановить единое чехословацкое государство на принципе "равный с равным" уже в самом начале существования третьей республики обозначилось противостояние чехов и словаков, которое в разных формах и с разной степенью напряженности проявлялось затем вплоть до краха Чехословакии. Характеризуя в этой связи будущий чешско-словацкий конфликт, Я. Рыхлик пишет: "Чешская сторона, ограничивавшаяся в своих национальных требованиях восстановлением Чехословакии, стремилась к максимально возможной централизации государства, в то время, как словацкая сторона, наоборот, стремилась удержать максимум из свободных отношений весны 1945 г. или же к этой модели возвратиться"[45].

В чешских землях постепенно, но неуклонно возрастали опасения словацкого сепаратизма и повторения событий марта 1939 г. В связи с этим усиливались критика якобы чрезмерных правомочий словацких национальных органов, требование их ограничения, пропаганда государственно-правового чешско-моравско-словацкого триализма, вновь оживилось внимание к теории единой чехословацкой нации. После обоснования правительства в столице, как это и предусматривалось Кошицкой программой, предстояло более точно определить компетенции центральных и словацких органов власти. Президиум СНС был приглашен обсудить эти вопросы в Праге 31 мая — 2 июня 1945 г. Словацкая делегация получила от СНС инструкции (решение от 26 мая) настаивать на создании чешских националь-

inslav

ных органов и добиваться федерации. 27 мая Шмидке сообщал в ОМИ ЦК ВКП(б): "Принцип равноправия чешского и словацкого народов требует создания федеративных отношений в рамках общего и сильного государства, а не автономии для одного из этих двух народов. Эта наша точка зрения была единодушно подтверждена на пленарном заседании Словацкого национального совета 26 мая 1945 г."[46]. Указанную позицию, таким образом, занимали как КПС, так и оформившаяся к этому времени Демократическая партия (ДП), первый съезд которой состоялся 8 июля 1945 г. Председатель СНС Й. Леттрих (ДП) так заявил на первой встрече с представителями центрального правительства: "Словаки считали бы идеальным решением, если бы чешской стороной был создан равноценный партнер Словацкого национального совета"[47]. Однако чешские политические партии, в том числе и КПЧ, придерживались иного мнения: федерация недопустима. На заседании руководства ЦК КПС и ЦК КПЧ 31 мая была достигнута договоренность, что смыслом переговоров будет не окончательное урегулирование государственно-правовых вопросов, а лишь определение компетенций центрального правительства и СНС. Таким образом, словацкие коммунисты решили подчиниться и пока не поднимать вопроса о федерации. Дело в том, что чешское общество не готово было принять такое решение и не видело надобности в изменении отношений со словаками по сравнению с домюнхенским периодом. КПЧ из-за опасения, что ей не удастся приобрести достаточное влияние в чешских землях в случае поддержки идеи федерализации страны, блокировалась в вопросе о государственно-правовом устройстве ЧСР с партнерами по чешскому Национальному фронту. КПС же, наоборот, могла потерять уже приобретенный в Словакии авторитет в случае отказа от защиты федеративного принципа построения Чехословацкого государства. Отсюда — блокирование словацких коммунистов с ДП в решении национального вопроса. В то же время, КПЧ и КПС связывало нечто большее, а именно — защита классовых интересов пролетариата и стремление к установлению в стране социалистических порядков. Согласно коммунистической доктрине "классовый подход" имел приоритетное значение при решении национального вопроса. С другой стороны, ДП не могла себе позволить вступить в резкое противоречие с чешскими буржуазными, по существу централистскими, партиями, рассчитывая на их поддержку в предстоявшей схватке с коммунистами за влияние в обществе. Такой сложный расклад политических интересов и привел к очередному компромиссу в чешско-словацких отношениях, известному в историографии как первое Пражское соглашение. Словацкая сторона сохранила право на собственные законодатель-

inslav

ные и исполнительные органы, но вынуждена была отказаться от идеи федерализации и согласиться на асимметричную модель государственного устройства, т.е. на то, чтобы в чешских землях правило центральное правительство.

Были определены компетенции словацких и центральных органов управления, причем по сравнению с прежними представлениями СНС или практикой весны 1945 г. значительно расширялся перечень совместно решаемых вопросов, включавший 20 позиций. К ним относились конституция и государственные границы, вопросы внутренней безопасности, обороны, внешней политики и торговли, финансов, государственного бюджета, таможни, гражданства, принципиальной организации школьного дела, транспорта и связи, социальной политики и социального страхования, здравоохранения и др. Отдельным пунктом в соглашении значилось, что президиум СНС внесет на рассмотрение пленума проект предложения о наделении словацких членов правительства полномочиями в решении вопросов, касающихся общегосударственного законодательства[48]. Инициатором этого пункта был Готвальд. В дискуссии о компетенциях центрального парламента словацкая сторона выдвинула требование, чтобы СНС и в дальнейшем получал все проекты законов общегосударственного характера для их предварительного обсуждения. Готвальд считал это ненужным и мотивировал следующим образом: поскольку временного национального собрания еще не существует и законодательную власть осуществляют президент и центральное правительство, в котором представлены словаки, нет нужды по каждому вопросу обращаться в Братиславу, а СНС может уполномочить своих представителей в правительстве действовать от имени Совета. СНС и на этот раз пошел на уступки, приняв 5 сентября соответствующее постановление, которое, однако, содержало ряд оговорок: во-первых, решение словацких членов центрального правительства должно было быть единогласным, во-вторых, они обязаны были во время и по возможности информировать заранее СНС о проектах декретов президента ЧСР, чтобы Совет мог высказать по ним свое мнение, обязательное для словацких членов правительства[49].

Хотя соглашение о компетенциях словацких и центральных органов было подписано, но стороны, по сути, остались на своих старых принципиальных позициях. Об этом, в частности, докладывал Димитрову председатель Всеславянского комитета А.С. Гундоров, посетивший Словакию в начале июля 1945 г. для участия в торжествах по случаю дня славянской письменности в Девине под Братиславой. "Руководящие круги Словакии недовольны задержкой разрешения национального вопроса, — сообщал он в отчете о поездке. — Они считают, что Словакия

inslav

имеет право на самостоятельность в федеративной Чехословакии. Организация государственных органов Словакии и вся их работа направлены на осуществление этого принципа и даже выпускаются свои словацкие деньги. Чехословацкое правительство не считает необходимым создавать федеративную республику, старается не замечать создавшегося положения и не принимает мер к устранению ненормальностей. Не вмешиваясь в дела Словакии, оно вместе с этим и не оказывает той помощи, которая требуется для этой наиболее пострадавшей части государства. Это, конечно, не способствует сближению чешского и словацкого народов и преодолению остатков того сепаратизма, который создан в словацком народе довоенной и гитлеровской политикой". Гундоров сообщал, что в Словакии создан отдельный Славянский комитет, председателем которого является поверенный по просвещению (член Корпуса уполномоченных. — *В.М.*) писатель Новомеский, "авторитетный и положительный человек". Сравнивая КПЧ и КПС, Гундоров отмечал, что первая "по кадрам выше словацкой" и могла бы помочь Словакии "людьми, конечно, не затрагивая национальных чувств словаков"[50].

На упомянутых торжествах в Девине побывала и чехословацкая правительственная делегация, которая вынесла из этой поездки неблагоприятные впечатления о положении и настроениях в Словакии и КПС. До этого в Словакию несколько раз приезжал Широкий, который был не лучшего мнения о руководстве КПС. Особенно раздражал его Гусак, к которому он испытывал личную неприязнь из-за несговорчивости последнего и стремления настоять на своем. Широкий принадлежал к старой когорте словацких коммунистов, не был участником восстания и весьма ревниво относился к возросшему авторитету Гусака. 12 июля 1945 г. состоялось заседание центрального руководства КПЧ в Праге. Из 19 его участников было лишь три словака — Широкий, Дюриш, Шолтес, все — члены чехословацкого правительства. Кроме прочего обсуждалось и "Сообщение Широкого о словацких вопросах". Нарисовав картину бедственного экономического положения Словакии, обусловившего недовольство населения, в том числе рабочего класса и крестьянства, докладчик значительную часть вины за это возложил на руководство КПС, которая якобы не выполняет своей руководящей роли, не направляет деятельность СНС и Корпуса уполномоченных. Дюриш указал на ошибки словацких "товарищей в национальном вопросе", а также на то, что они постоянно подвергают сомнению правильность генеральной линии партии и, следовательно, сползают "на скользкую платформу сепаратистских реакционных кругов в Словакии". Он высказался за оказание

inslav

КПС "политической помощи", чтобы обеспечить "правильную линию в руководстве нашей партии в Словакии", и подчеркнул, что Гусак и Шмидке не могут далее выполнять свои функции. Носек и М. Швермова поддержали выступавших. Широкий еще "подлил масла в огонь", заявив: "Красная Армия очень опасается, что будет после ее ухода из Словакии". Заключавший обсуждение вопроса Готвальд констатировал, что "нарыв созрел к операции" и что ее следует провести с двух сторон одновременно: правительству из Праги и срочно созванной партийной конференции в Словакии, подготовив к этому времени смену словацкого партийного руководства[51].

17 и 18 июля 1945 г. состоялось заседание ЦК КПЧ по словацкому вопросу, на которое было приглашено все руководство КПС. ОМИ ЦК ВКП(б) получил протокол этого совещания на чешском языке. Затем для внутреннего пользования он был переведен на русский язык[52]. В. Пречан с комментариями и приложениями опубликовал этот документ в 1997 г.[53] С основным докладом на заседании выступил Шмидке, который, не ведая о том, что, по сути, подстроена ловушка, что выводы уже предопределены, постарался объективно оценить положение в Словакии, остановившись и на недостатках деятельности КПС. В согласии с ним выступали Гусак и Е. Фриш. Пражские "товарищи" обрушились на своих словацких коллег с уничтожающей критикой. Особенно старались Копецкий, Й. Кроснарж, Широкий и Сланский. Копецкий говорил о словацком сепаратизме, который носит античешский, античехословацкий и антисоветский характер. "Мы должны понять, — заявил он, — что идея словацкой самостоятельности является гитлеровской идеей...Самая лучшая национальная политика Словакии, это политика Чехословакии, а не идея самостоятельности. Словацкая государственная самостоятельность не созрела". Чтобы подкрепить свои утверждения, Копецкий, как он это делал часто, ссылался на якобы известное ему мнение "советских товарищей" и демагогически манипулировал понятиями "безопасность Советского Союза", "угроза для СССР" и т.д. "Не может быть безопасности для Советского Союза, если пособники сепаратизма будут иметь свои резервы в Словакии, — говорил он. — ...Кто задумает сделать что-либо античешское, тот должен рассматриваться как человек, который думает по-антисоветски. Это не соответствует намерениям Советского Союза... В Советском Союзе видные деятели не говорят хорошо о Словакии". Копецкий полагал, что весь режим Словацкого национального совета не наполнен "революционным и народным духом", что это — не демократический и не народный режим, а "режим, который созрел к устранению". Таким образом, выступавший еще три месяца назад как адвокат словаков Копец-

inslav

кий теперь выступил в роли государственного обвинителя. О сепаратистских тенденциях в Словакии говорил и Широкий, также сославшийся на мнение "советских людей", которые якобы не чувствуют себя в Словакии, "как дома, как на родине братского славянского народа". ("На каждом шагу мы слышим со стороны членов Верховного Совета Советского Союза весьма критические замечания о положении в Словакии".) Он решительно не согласился с мнением Шмидке и Гусака, что к руководству ДП пришли представители ее умеренного крыла во главе с Леттрихом, и заявил о победе в этой партии реакции, которая перешла в Словакии в наступление. Сланский поддержал и развил эту мысль, считая, что Словакия "в настоящее время тормозит развитие в чешских областях". Он усматривал в политике КПС "нечто нездоровое" (позднее это было обозначено понятием "буржуазный национализм". — *В.М.*) и клеймил оживление в ней сепаратистских элементов: "Товарищи хотят стать сепаратными от влияния центрального правительства. Они хотят ослабить чехословацкое единство в том смысле, что желают уменьшить влияние центрального правительства в Словакии". "Сегодня ситуация такова, — заявил Сланский, — что, если говорить о соотношении сил демократии и реакции, то более выгодно, чтобы в Словакии центральное правительство имело такое влияние, какое требуем мы". Попытки Шмидке и Гусака защитить свои позиции и опровергнуть предъявленные им обвинения не имели успеха. "КПЧ, — по словам Широкого, — должна требовать взаимную искренность и большевистскую самокритику". Заключавший обсуждение Готвальд заявил: "Вы должны понять, что таким враждебным отношением к центральному правительству, вы только льете воду на мельницу реакционных элементов. Каждое государство должно иметь только одно правительство, которое управляет страной. Речь идет о закреплении результатов революции".

Заседание ЦК КПЧ 17—18 июля 1945 г. имело, на наш взгляд, ключевое значение для определения дальнейшей политики КПЧ в словацком вопросе. На нем, как и предполагалось в разработанном ранее сценарии, были внесены предложения о замене руководства словацкой компартии. Причем их инициаторами в соответствии с составленным ранее планом выступили словаки К. Бацилек и Дюриш, которые считали целесообразным освободить Широкого от его обязанностей в Праге, чтобы он мог сосредоточиться на работе в Словакии. Все произошло так, как и намечалось: на конференции КПС в Жилине в августе 1945 г. Широкий был избран председателем партии вместо Шмидке, который в сентябре возглавил Корпус уполномоченных. Гусаку, потерявшему пост уполномоченного по внутренним делам, было поручено ведомство транспорта и обществен-

inslav

ных работ. Следует отметить, что вскоре после возвращения из Праги, 25—27 июля 1945 г., Шмидке, Гусак и Фриш встречались с советским дипломатом Н.Я. Демьяновым, в беседе с которым пытались снова защитить свои позиции и опровергнуть прозвучавшие в их адрес обвинения. Шмидке, например, высказал удивление по поводу мнения "некоторых пражских товарищей" о словацком сепаратизме и высказывания Копецкого относительно того, что СНС "уже созрел для ликвидации". "Шмидке говорил, — записал Демьянов в дневнике, — что Копецкий и другие отвергают тезис о федерации Словакии и предлагают вместо федерации автономию, что ни в коей мере не удовлетворит словацких коммунистов, ибо Словакия — это нация, а не национальность, для которой достаточно было бы и автономии". "Наша общая линия, — подчеркнул Шмидке, — крепить Чехословацкую республику и не допустить ущемления прав словаков, как это было ранее". Он опроверг также высказанное в Праге мнение о недружественном отношении в Словакии к Красной Армии и Советскому Союзу[54]. Гусак также говорил о мнимом словацком сепаратизме, связав распространенные на этот счет взгляды с тем, что в прошлом, в том числе и во время Словацкого национального восстания, среди словацких коммунистов пользовалась широкой поддержкой "идея создания Словацкой республики с присоединением ее к Советскому Союзу". Теперь, по словам Гусака, обстановка другая и словацких коммунистов нельзя упрекать в том, что они привержены идее сепаратизма "в ущерб укрепления общего престижа Чехословацкой республики". Как и Шмидке, Гусак считал, что реакция в ДП набирает силу, но полагал, что нельзя не видеть различий между отдельными ее лидерами. Фриш был более резок в оценках ДП, видел в ней "враждебную партию", которая готовится к открытой оппозиционной борьбе с коммунистами. Что касается отношения словаков к центральному правительству, то секретарь ЦК КПС полагал: "Общая политика Коммунистической партии Словакии — создание крепкого государства Чехословацкой республики, как надежной опоры СССР и его внешней безопасности в Центральной Европе"[55].

Конец 1945 и начало 1946 г. прошли под знаком подготовки к выборам в Законодательное национальное собрание Чехословакии, которые были назначены на 26 мая 1946 г., и усилившегося в связи с этим противоборства различных политических сил. СНС, президиум которой возглавлял представитель ДП Леттрих, стремился ограничить шедшие из Праги централизаторские тенденции и не допустить осуществления в Словакии некоторых важных декретов, подписанных Бенешем. Хотя компетенции словацких и центральных органов управления были определены первым пражским соглашением, но

inslav

споры между ними продолжались, конфликты множились, росло взаимное недоверие. Словацкие коммунисты (прежде всего повстанческое руководство КПС), вынужденно подчинившиеся решениям пражского центра, открыто уже не выступали с идеей федерализации ЧСР, а ДП все более прокламировала себя как единственную защитницу национальных прав словацкого народа и борца против чешского централизма. В этой атмосфере недовольства и неудовлетворенности, как той, так и другой стороны, решением словацкого вопроса Прага решила пойти на еще большие ограничения правомочий словацких органов. Новые переговоры между представителями правительства и СНС состоялись 9—11 апреля 1946 г. Они также окончились компромиссом, известным под названием "Второе пражское соглашение". В соответствии с ним президент ЧСР получил ряд прав, ранее входивших в компетенцию президиума СНС, в том числе право помилования, награждения иностранных граждан, назначения профессоров в высшие учебные заведения, назначения высших судебных и государственных чиновников. Законодательная деятельность СНС и КУ должна была согласовываться с центральными органами. Признавался принцип единой службы планирования для всей республики, а также единой статистической службы и контроля за государственными хозяйственными объектами[56]. Значение Второго пражского соглашения, считает Рыхлик, состояло в том, "что будущее Законодательное национальное собрание получало законодательную власть на всей территории государства, но должно было считаться с особым положением Словацкого национального совета и Корпуса уполномоченных, которым была оставлена законодательная и исполнительная власть в Словакии при условии координации их деятельности с центральным правительством"[57].

Выборы в парламент в чешских землях принесли убедительную победу КПЧ, которая получила там 40,2% голосов избирателей. В Словакии же большинство (62%) проголосовало за ДП. В среднем по стране коммунисты собрали 38% голосов и получили право на формирование правительства, которое возглавил Готвальд[58]. Значительное укрепление позиций ДП в Словакии вызвало в чешском обществе новую волну антисловацких настроений и усилило подозрения в словацком сепаратизме. КПС, собравшая 30,4% голосов, морально была повержена, напугана победой "демократов" и уже без всякого сопротивления следовала в фарватере пражского руководства, в том числе и в решении словацкого вопроса. "Классовый" подход в действиях и поведении словацких коммунистов стал безусловным и приоритетным. Правительство, поддерживаемое всеми чешскими политическими партиями, настаивало на

inslav

дальнейшем ограничении полномочий словацких национальных органов. На этот раз Готвальд не встретил возражений и со стороны КПС, которая согласилась с мнением "пражских товарищей", что Словакия стала тормозом революционного процесса в стране.

Вопрос о том, как действовать в Словакии, учитывая победу "демократов", был поставлен на чрезвычайном заседании правительства уже на следующий день после выборов, 27 мая 1946 г. Очень резко выступал Копецкий, который заявил о необходимости "подвергнуть ревизии все мероприятия, касающиеся Словакии", и добиться того, чтобы правительство "стало действительным правительством и в Словакии, чтобы министры имели там правомочия и чтобы уполномоченные подчинялись соответствующим министрам"[59]. На заседании президиума ЦК КПЧ 28 мая Широкий и Дюриш получили задание выработать условия вступления ДП в будущее правительство. Вопрос обсуждался на заседании президиума ЦК КПС 29 мая. Широкий говорил о возможности повторения "14 марта 1939 г." и отрицал опасность централизма в случае ограничения полномочий словацких национальных органов. Против дальнейшего урегулирования взаимоотношений СНС с правительством возражений не было. Широкий предложил действовать так: "Товарищ Готвальд на переговорах с представителями Демократической партии, конечно, выдвинет определенные условия. В первую очередь то, что Корпус уполномоченных будет подчинен правительству, а уполномоченные — министрам. Если они с этим не согласятся, то правительство будет создано без ДП"[60]. На следующий день, 30 мая, состоялось заседание ЦК КПЧ, на котором присутствовали Широкий и Дюриш. Выступая по словацкому вопросу, Готвальд заявил: "Мы поставим условие, чтобы уполномоченные были ответственны перед министром, а Корпус уполномоченных — перед правительством. Это будет новинка. Наши словацкие товарищи будут так разумны, надеюсь, чтобы это понять"[61]. Вместе с тем он говорил и об обеспечении национальных прав словаков, но уже с помощью центральных органов власти. Председателя КПЧ поддержал Нееды: "Национальная автономия словаков будет сохранена, мы имеем пример в Советском Союзе". Особого обсуждения не последовало[62].

В дальнейшем словацкий вопрос решался на отдельных заседаниях чешского и словацкого Национальных фронтов, а также на четырех заседаниях Национального фронта чехов и словаков, в которых участвовали Широкий, Дюриш и Ш. Баштёванский (генеральный секретарь КПС). Было принято решение о дальнейшем ограничении правомочий словацких национальных органов. СНС впредь должен был основы своих поста-

inslav

новлений согласовывать с центральным правительством, которое могло не допустить их обсуждения. Центральные министерства получали право прямого действия в Словакии, члены КУ были непосредственно подчинены соответствующим министрам, Корпус уполномоченных — правительству, председатель КУ становился министром. Члены КУ назначались СНС с согласия правительства. ДП, по словам Рыхлика, не имела достаточного простора для маневрирования, поскольку находилась под постоянной угрозой оказаться вне правительства и вообще быть запрещенной[63]. Правительство на своем заседании 28 июня 1946 г. высказало согласие с рекомендациями Национального фронта чехов и словаков. Реорганизация СНС в соответствии с результатами выборов в парламент должна была быть проведена в течение двух месяцев, окружных национальных комитетов — в течение трех, а местных национальных комитетов — в течение четырех месяцев со дня выборов. Принятый 28 июня документ стал известен под названием "Третье пражское соглашение"[64]. Оно было одобрено на заседании СНС 16 июля 1946 г. при активной поддержке представителей КПС и сдержанном, а по сути негативном, отношении ДП. 7 августа 1946 г. был утвержден новый состав СНС, в который вошли 63 представителя ДП, 31 — КПС и 6 — двух других небольших партий. 14 августа правительство утвердило новый состав Корпуса уполномоченных в составе 9 "демократов", 5 коммунистов и одного беспартийного. Председателем КУ стал Гусак.

В чешских землях соглашение было интерпретировано, как возврат к централизованной модели государства. Преобладающая часть чешского общества поддерживала такое решение. Чешский институт по изучению общественного мнения, проведший осенью 1946 г. соответствующий опрос населения, установил следующее: 65% опрошенных полагали, что чехи и словаки являются двумя ветвями одного народа, 21% — два разных народа, остальные — не знали. За сохранение государственно-правовых отношений между чехами и словаками на основе Третьего пражского соглашения высказались 36% опрошенных, 35% предпочитали возврат к довоенному положению, 10% считали возможным усиление самостоятельности Словакии, 19% не имели на этот счет мнения[65]. Третье пражское соглашение сначала предполагалось как временное решение словацкого вопроса, но в действительности это оказалось не так.

Хотя на словах подчеркивалась необходимость урегулирования взаимоотношений между чехами и словаками на основе Кошицкой программы, но одновременно, по словам Готвальда, следовало принимать "во внимание опыт, приобретенный в ходе ее реализации"[66]. Сократилось число словацких представителей в новом правительстве: если до выборов их было девять,

inslav

то теперь только пять. Правительство Готвальда теперь уже при поддержке КПС решило перенести акцент в урегулировании чешско-словацких отношений с государственно-правовой стороны дела на экономические и социальные проблемы. Выравнивание социально-экономических уровней развития чешских земель и Словакии предположительно должно было решить и политические вопросы, несколько уменьшив амбициозные претензии словацкой элиты и устранив вызванное материальными трудностями недовольство народных масс. Правительственная программа Готвальда, получившая название Созидательной, в качестве главных задач включала разработку и утверждение новой конституции, а также принятие и осуществление двухлетнего плана развития экономики на 1947—1948 гг., составной частью которого являлась индустриализация Словакии и улучшение ее положения в целом. В рамках решения указанных задач и предполагалось дальнейшее рассмотрение вопроса о чешско-словацких отношениях. Пленум ЦК КПС (декабрь 1946 г.), обсудивший задачи партии на новом этапе, пришел к выводу о необходимости "создать все политические, экономические и психологические предпосылки для успешного выполнения двухлетней созидательной программы правительства Готвальда, которая является основой экономического прогресса и всестороннего развития самобытного словацкого народа в ЧСР; укреплять в словацком народе сознание общегосударственной принадлежности и общегосударственной ответственности с тем, чтобы Словакия стала опорой новой чехословацкой государственной идеи и славянской взаимности"[67]. Курс на поднятие экономики Словакии поддерживался всем руководством КПС, однако мнения о характере отношений, складывавшихся между Прагой и Братиславой, различались. Об этом, в частности, свидетельствовала беседа Демьянова с Гусаком в феврале 1947 г., когда последний заявил: "Имеется много случаев со стороны чехов пренебрежения интересами словаков, как в смысле конституционном, так и в административном управлении Словакией". "Из слов Гусака явствует, — записал советский дипломат в дневнике, — что чехословацкое правительство весьма неосторожно и поспешно решает национальный вопрос в стране, недопонимая, что применение старых методов к словакам в нынешних условиях неизбежно приводит к решительному сопротивлению словацкой общественности и создает благоприятную пищу для демократов в их антигосударственной деятельности"[68]. Тогда же Демьянов встречался и с одним из представителей умеренного крыла руководства ДП Р. Фраштяцким, который говорил о неудовлетворительном состоянии отношений между чехами и словаками: "Чехи все более и более проявляют свой шови-

inslav

низм и бюрократизм в управлении Словакией... Министры начинают командовать поверенными (уполномоченными. — *В.М.*), связывая их по рукам и ногам"[69]. Таким образом, вопрос, хотя внешне и казался временно решенным Третьим пражским соглашением, не только руководство ДП, но и часть руководства КПС, представлявшая ее в период восстания, были недовольны положением дел и централизаторскими устремлениями Праги. Меж тем президент прямо разделял и поддерживал этот курс, о чем он, в частности, говорил в беседе с представителями Чехословацкого общества в феврале 1947 г. Подчеркнув, что "доверие между чехами и словаками, которое проявилось после восстания, с 1945 г. взаимно ослабло", он сказал: "Мы должны исходить из единого принципиального положения: пока между чехами и словаками будет существовать различный экономический, социальный и культурный уровень, между нами всегда будут противоречия", и в этом президент был прав. Он полагал, что национальный вопрос должен найти окончательное решение не только в новой конституции, но и в практике организации национальной жизни, и что новый кризис в чешско-словацких отношениях неизбежно привел бы к ликвидации Чехословацкой республики. "Я могу ошибаться, — заявил Бенеш, — но я всегда должен иметь это в виду. Ибо после следующего подобного кризиса Словакия ни в коем случае не была бы самостоятельным государством и скорее всего досталась бы России. Я, естественно, не полагаю, что подобное решение было бы совершенно здравым для чехов, словаков и русских, а также для общего положения в Европе. Но о таких вещах надо думать заблаговременно... чехи в будущем ни в коем случае не смогут принять самостоятельную Словакию. Чехи, имея, с одной стороны, 70-тимиллионную Германию, в будущем не могут не быть соседями России. Поэтому они не могли бы принять соседство самостоятельной Словакии. Это является жизненной проблемой существования чехов как нации и государства, и это является уроком Мюнхена". Приоритетным направлением в решении словацкого вопроса Бенеш считал подтягивание Словакии до уровня чешских земель: "Мы должны теперь сделать все, чтобы был нивелирован уровень развития в обеих частях республики, и тем самым были бы уравнены чехи и словаки вообще. Однако это потребует тяжелой работы в течение ряда десятилетий... любой ценой нужно повысить экономический уровень Словакии". "Я не смотрю пессимистически на развитие чешско-словацких отношений. Наоборот, я смотрю на него оптимистически", — заявил Бенеш[70].

Курс на индустриализацию Словакии — иной вопрос, какими методами он проводился и какие имел последствия — и

inslav

улучшение ее положения в целом, с одной стороны, был поддержан и КПС и ДП, но с другой — неизменное недовольство последней и части словацкого коммунистического руководства вызывало то, что он осуществлялся преимущественно руками центрального правительства и без достаточного учета мнения словацкой стороны. Напряженность в чешско-словацких отношениях отмечалась и в справке "Чехословакия", составленной центральноевропейским отделом МИД СССР в конце августа 1947 г. Подчеркивались сильные антисловацкие настроения среди чехов, которые усиливают "сепаратистские тенденции правых кругов Словакии и дают им возможность вести активную пропаганду среди словацкого населения против чехов и чехословацкого правительства". "Даже такое важное мероприятие, как переброска из пограничных областей (бывшей Судетской области) Чехии и Моравии части предприятий в Словакию, предусмотренная двухлетним планом, встречает сопротивление со стороны некоторой части чехов, которые на публичных собраниях допускают такие выкрики: пусть словаки сами себе построят предприятия, мы не отдадим им свои заводы и т.п.", — говорилось в указанной справке. "Таким образом, — делался вывод, — вопрос о взаимоотношениях чехов и словаков остается и до настоящего времени сложнейшей проблемой для чехословацкого государства, и для ее разрешения чешскими и словацкими коммунистам необходимо приложить все усилия к объединению всех прогрессивных сил страны против чешской и словацкой реакции, обратив особое внимание на слабость агитационной работы, которую проводит словацкая компартия в Словакии"[71]. На разногласия в руководстве КПС обратила внимание и С.А. Шмераль, побывавшая в декабре 1947 г. в Чехословакии по линии Славянского комитета СССР. Свои "личные впечатления и наблюдения", почерпнутые "из многочисленных частных дружественных бесед с руководящими работниками КПЧ", она изложила в докладной записке "О положении в Чехословакии". «Компартия Словакии, — говорилось в записке, — очень слаба и не пользуется авторитетом... В партии явно намечаются правое и левое крыло. Во главе правого крыла стоят Гусак, Шмидке, Фриш, находящийся под сильным влиянием Гусака. Левое крыло — большая часть членов партии, которые считают, что они разделяют точку зрения Широкого, руководители партизан и профсоюзных организаций... левое крыло считает, что компартия проводит в Словакии неправильную политику, идя на компромиссы с реакцией. В партии довольно сильны шовинизм и особенно антисемитизм... Очень большое недовольство в партии Гусаком. Дюриш мне сказал: "Гусак — это злой гений словацкой партии". Говорят: "У нас правит клика Гусака, он — способный человек, но

inslav

совсем не коммунист, а карьерист". Председатель суда коммунист Дакснер, осудивший Тисо, обратился ко мне со следующими словами: "Вы возвращаетесь в Москву, скажите там, кому надо, чтобы Гусаку не верили"»[72]. В Праге Гусака не любили, что и привело его (вместе с Новомеским и Клементисом) несколько лет спустя, в период активного поиска "классового врага" внутри компартии, на скамью подсудимых в процессе по делу "словацких буржуазных националистов". Тон в КПС при поддержке пражского партийного руководства задавал Широкий. Именно им и Баштёванским было подписано письмо ЦК КПС ко всем членам партии в связи с подготовкой IX съезда КПС, намеченного на март 1948 г. Помимо прочего в нем говорилось и о принципах новой конституции ЧСР, в том числе и о взаимоотношениях чехов и словаков. Составители письма считали необходимым, чтобы конституция положила конец спорам о самобытности словацкого народа и исходила "из неопровержимого факта, что Чехословакия является государством двух равноправных народов, народа чешского и народа словацкого". Выдвигалось требование, чтобы в духе Кошицкой программы были конституированы словацкие национальные органы законодательной и исполнительной власти: Словацкий национальный совет и Корпус уполномоченных. Однако одновременно конституция должна была "обеспечить неделимость государства и его единое управление". "Эти два основных подхода: равноправные отношения чехов и словаков и упрочение общегосударственного единства, — говорилось в письме, — являются для нас руководством и при определении компетенции словацких национальных органов. В решении этой задачи следует исходить из принципов Кошицкой правительственной программы, из основных положений пражских соглашений и из практического опыта включения словацких национальных органов в общегосударственный организм"[73]. Таким образом, по мысли руководства КПС, будущая конституция должна была закрепить лишь уже существовавшее государственно-правовое устройство ЧСР.

Усиление международной напряженности, приведшее к обострению внутриполитического положения в ЧСР, агрессивное стремление коммунистов к укреплению своих властных позиций в стране, "раскрытие антигосударственного заговора" в Словакии осенью 1947 г., в причастности к которому была обвинена часть руководства ДП, разразившийся в связи с этим политический кризис в Словакии, повлекший реорганизацию СНС и КУ, что несколько укрепило положение КПС, — все это сказалось в дальнейшем на решении вопроса о чешско-словацких отношениях и не могло не привести с согласия руководства словацкой компартии к росту пражского централизма. Пос-

inslav

ле февральских событий 1948 г., приведших по сути к власти коммунистов, ускорилась подготовка новой конституции ЧСР. Бенеш, отказавшийся подписать ее текст, ушел в отставку. Новое Законодательное национальное собрание приняло конституцию в мае 1948 г. В ней признавалось равноправие всех граждан страны, а государство объявлялось народно-демократической республикой чехов и словаков. Компетенции словацких национальных органов ограничивались рамками Третьего пражского соглашения. Асимметрия в урегулировании чешско-словацких взаимоотношений, как и неравноправное положение Словакии и словацких органов в Чехословацкой республике получили, таким образом, и конституционное оформление. "Равноправие обоих народов, — говорил, выступая на заседании СНС 28 июля 1948 г. председатель чехословацкого правительства А. Запотоцкий, — состоит в создании условий для развития экономической, культурной и социальной жизни как чехов, так и словаков"[74].

Все это было непохоже на то, как решался национальный вопрос в СССР, и вызывало критическое отношение со стороны советских партийных функционеров и дипломатов. В объемном документе "О некоторых ошибках Коммунистической партии Чехословакии", подготовленном в Отделе внешней политики ЦК ВКП(б) в апреле 1948 г. для секретаря ЦК ВКП(б) М.А. Суслова, большой раздел был посвящен ошибкам КПЧ в национальном вопросе. КПЧ обвинялась в пренебрежении к ленинско-сталинскому учению по национальному вопросу, в блокировании по этому вопросу с буржуазными партиями и в приспособлении своей политики к настроениям отсталых националистических элементов чешского населения. Особенно острой критике подвергалась политика партии в отношении венгерского и немецкого национальных меньшинств, но давались оценки и ее подходу к решению словацкого вопроса. С одной стороны, авторы записки признавали, что КПЧ, выступая инициатором в урегулировании всех вопросов, связанных с положением словаков в едином чехословацком государстве, добились в течение последних лет известных успехов, которые создают предпосылки для обеспечения в будущем полного равноправия чехов и словаков в рамках единой республики. С другой стороны, подчеркивали, что взаимоотношения чехов и словаков остаются "до сих пор весьма острой политической проблемой" и что руководство КПЧ "все еще недооценивает всей серьезности этого вопроса и политических традиций в Словакии". Подтверждалось же это тем, что в свое время не была оказана необходимая помощь компартии Словакии в деле прочного закрепления ее позиций и влияния в широких слоях словацкого народа. Подчеркивалась необходимость принятия такой

inslav

конституции, "которая бы правильно отражала роль и положение Словакии в едином чехословацком государстве"[75]. В связи с подготовкой заседания Коминформбюро по вопросу об ошибках Коммунистической партии Югославии, которое состоялось в июне 1948 г. в Отделе внешней политики ЦК ВКП(б) был подготовлен ряд материалов о том, какие уроки компартии Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии должны извлечь из ошибок КПЮ. В записке, касающейся КПЧ, помимо прочего, говорилось и об исправлении ошибок по национальному вопросу: «ленинско-сталинские принципы национальной политики были подчинены мнимым "общим" интересам с буржуазией, что неизбежно привело к тому, что компартия оказалась вынужденной идти в национальном вопросе под одним знаменем с буржуазией». Подчеркивалось, что нельзя считать разрешенной "и основную проблему национальной политики в Чехословакии — проблему взаимоотношений чехов и словаков". Давались конкретные рекомендации относительно государственно-правового урегулирования этого вопроса: "Наилучшей формой государственного устройства чехов и словаков было бы создание федерации, построенной не по буржуазно-территориальному принципу, а по национальному принципу"[76]. Того же взгляда, по сути, придерживался и первый секретарь советского посольства в Праге И. Зайцев, следующим образом характеризовавший отношения чехов и словаков в мае 1948 г.: "Отношения чехов и словаков никогда не были вполне удовлетворительны, и до сих пор большинство словаков склонны требовать более широкой автономии. При этом словаки ссылаются на примеры СССР и Югославии, где осуществлено федеративное государственное устройство. В виду относительной слабости прогрессивных сил в Словакии чехословацкое правительство еще не решается доверить словакам такую долю самостоятельности. Поэтому обнародованный текст чехословацкой конституции дает законное оформление лишь существующему положению. Словацкий национальный совет еще не назван парламентом и Совет словацких уполномоченных (Корпус уполномоченных. — *В.М.*) не именуется правительством. Между тем предоставление Словакии федеративного статуса в большей мере удовлетворило бы национальные чувства словаков и сильно подорвало бы националистическую пропаганду словаков на Западе. Реальная власть чехословацкого правительства не ослабела бы от создания федерации. Надо думать, что рано или поздно Чехословакия станет федеративной республикой чехов и словаков, подобно Югославии"[77].

Лишь через 20 лет, 27 октября 1968 г. Национальное собрание ЧССР приняло конституционный закон о чехословацкой

inslav

федерации, который вступил в действие с 1 января 1969 г. Согласно закону, ЧССР превращалась в государство двух равноправных союзных республик: Чешской социалистической республики и Словацкой социалистической республики. После "бархатной революции" 1989 г. в апреле 1990 г. государство получило официальное название — Чешская и Словацкая федеративная республика. Но было, видимо, уже поздно крепить ослабевшие "брачные узы". Кроме того, заразителен был пример распавшихся Советского Союза и Югославии. Из стран бывшего "социалистического содружества" Чехословакия последней решила покончить с федерализмом советского образца, который, возможно, и поддавался совершенствованию, но этот путь сохранения единого государства был отвергнут как чешскими, так и словацкими амбициозными элитами, принимавшими решение от имени своих народов. 1 января 1993 г. в результате "бархатного развода" на свет появились Чешская республика и Словацкая республика. Только будущее может показать, насколько был верен этот шаг, и, возможно, со временем взаимоотношения этих двух действительно очень близких славянских народов обретут какие-то новые интеграционные формы.

[1] Střední a jihovýchodní Evropa ve válce a v revoluci. 1939—1945. Praha, 1969. S. 523.

[2] Ibid. S. 32—33.

[3] См. подробнее: *Марьина В.В.* К событиям в Подкарпатской Руси (Закарпатской Украине) осенью — зимой 1944—1945 гг. //Славяноведение. 2001. № 3.

[4] Střední a jihovýchodní Evropa... S. 520, 523. Подробнее о рождении и развитии концепции решения немецкого вопроса в послевоенной Чехословакии см: Češi a sudetoněmecká otázka. 1939—1945. Dokumenty. Praha, 1994.

[5] Češi a sudetoněmecká otázka... S. 20.

[6] Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. (Далее: ДМИСЧО). М., 1983. Т. 4, кн. 2. С. 31.

[7] Cesta ke Květnu. Vznik lidové demokracie v Československu. I-1. (Далее: Cesta). Praha, 1965. S. 185.

[8] Российский государственный архив социально-политической истории. (Далее: РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 74. Д. 552. Л. 14.

[9] Цит по: *Plevza V.* Československá štátnost' a slovenská otázka v politike KSČ. Bratislava, 1971. S. 167.

[10] ДМИСЧО. С. 122.

[11] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 549. Л. 51.

[12] Slovenské národné povstanie. Dokumenty / Ed. V. Prečan. (Далее: SNPD). Bratislava, 1965. S. 79—81.

[13] Delegace Slovenské národní rady v Londýně (říjen—listopad 1944): Nové dokumenty // Česko-Slovenská historická ročenka. 1999. Brno, 1999. S. 159—294.

[14] Ibid. S. 208.

inslav

[15] *Beneš E.* Demokracie dnes a zitra. Díl 1 a 2. Londýn, [1943?]. S. 31—32, 49, 69, 172—177, 245—248.

[16] Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939—1945: Dokumenty. Praha, 1999. Díl 2. S. 157, 179.

[17] Delegace...S. 265—267.

[18] Ibid. S. 168.

[19] Češi a sudetoněmecká otázka... S. 263.

[20] Delegace... S. 192.

[21] SNPD. S. 310—312.

[22] Советско-чехословацкие отношения во время Великой отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1960. С. 185.

[23] Cesta ...S. 167.

[24] *Георги Димитров.* Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София, 1997. С. 457.

[25] Cesta... I-2. S. 519.

[26] *Гусак* Г. Свидетельство о Словацком национальном восстании. М., 1969. С. 789—790.

[27] Cesta...I-2. S. 518—519.

[28] Cesta...I-1. S. 366—367.

[29] Ibid. S. 378.

[30] *Гусак Г.* Свидетельство.... С. 832—833.

[31] Cesta... I-1. S. 384.

[32] *Cestou Května.* Dokumenty k počátkům naší národní a demokratické revoluce. Duben 1945—květen 1946. Praha, 1975. S. 35—37.

[33] Cesta... I-1. S. 411—434.

[34] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 557. Л. 41—65.

[35] Там же. Д. 714. Л. 3.

[36] Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953. Т. 1: 1944—1948. Документы. М. 1999. С. 177.

[37] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 822. Л. 1—3. Опубл. в: Советский фактор... С. 175—177.

[38] РГАСПИ. Ф. 495, Оп. 74. Д. 557. Л. 38.

[39] Там же. Ф. 17. Оп. 128. Д. 32. Л. 31.

[40] *Rychlik J.* Češi a slováci ve XX století. Česko-slovenské vztahy, 1945—1992. Bratislava, 1998. S. 17.

[41] *Гусак* Г. Свидетельство... С. 847.

[42] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 7. Л. 8, 10.

[43] Там же. Л. 13—14, 26—27, 40.

[44] Там же. Л. 52, 66, 71—73.

[45] *Rychlik* J. Češi a slováci... S. 21.

[46] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 31. Л. 135.

[47] Cestou Května. S. 437—438.

[48] Ibid. S. 196—199.

[49] Ibid. S. 438—439.

[50] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 15. Л. 124—126.

[51] Česko-slovenská historická ročenka 1997. (Далее: ČSHR.1997). Brno, 1997. S. 293—295.

[52] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 30. Л. 1—95.

[53] Záznam o zasedání Ústředního výboru KSČ 17 a 18 července 1945 // ČSHR.1997. S. 203—308.

inslav

[54] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 8. Л. 91, 94.
[55] Там же. Л. 85–88, 106, 110.
[56] Cestou Května. S. 367–370.
[57] *Rychlik* J. Češi a Slováci... S. 39.
[58] *Kaplan K.* Nekrvavá revoluce. Praha, 1993. S. 60.
[59] Komunistická strana Slovenska. Dokumenty z konferencií a plén 1944–1948 (Далее: KSSD) / Ed. M. Vartíková. Bratislava, 1971. S. 421–422.
[60] Ibid. S. 422–423.
[61] *Gottwald K.* Spisy. D. XIII (1946–1947). Praha, 1957. S. 85.
[62] KSSD. S. 424–425.
[63] *Rychlik J.* Češi a slováci... S. 49.
[64] Cestou Května. S. 475–479.
[65] *Rychlik* J. Češi a slováci... S. 52.
[66] *Gottwald K.* Spisy. D. XIII. Bratislava, 1957. S. 123.
[67] KSSD. S. 535.
[68] Советский фактор в Восточной Европе. С. 415.
[69] Там же. С. 414.
[70] АВП РФ. Ф. 0138. ОП. 28. П. 142. Д. 20. Л. 28–35.
[71] Там же. П. 140. Д. 4. Л. 82.
[72] Там же. Ф. 0138. Оп. 29. П. 146. Д. 4. Л. 17–18.
[73] KSSD. S. 664.
[74] Цит по: *Falt'an S.* Slovenská otázka v Československu. Bratislava, 1968. S. 260.
[75] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1162. Л. 44, 60–67.
[76] Там же. Ф. 575. Оп. 1. Д. 50. Л. 50–53.
[77] АВП РФ. Ф. 0138. ОП. 29. П. 146. Д. 4. Л. 177.

inslav

Глава 4

ВЫСЕЛЕНИЕ НЕМЦЕВ ИЗ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Вызревание и интернационализация идеи

Возникшая в 1918 г. на развалинах многонациональной Австро-Венгерской империи Чехословацкая республика (ЧСР) сама в сущности оказалась многонациональным государством. Согласно переписи 1930 г. на его территории проживало 14 749 тыс. человек. Большинство населения страны составляли чехи и словаки (66,1%), в том числе первые 7 428 тыс. (50,5%), а вторые 2 295 тыс. (15,6%) человек. Второй по численности после чехов группой населения являлись немцы, которых было немногим менее четверти населения Чехословакии — 3 318 тыс. (22,5%) и поэтому их лишь условно можно отнести к национальному меньшинству. Кроме того, в ЧСР проживали 720 тыс. венгров (4,9%), 569 тыс. тех, которые считали себя украинцами, русинами или русскими (3,9%), 205 тыс. евреев (1,4%), 100 тыс. поляков (0,7%), а также 33 тыс. цыган, 14 тыс. румын и т.д.[1] Чехи, словаки и украинцы (русины, русские) составляли компактное большинство населения соответственно на территории Чехии и Моравии, Словакии, Подкарпатской Руси. Немцы расселялись преимущественно в пограничных районах Чехии и Моравии, а в Судетской области на северо-западе страны представляли подавляющее большинство. По данным на 1936 г. в Чехословакии проживало уже более 4 млн немцев, что составляло около 30% ее населения[2]. Венгры жили в южных частях Словакии и Подкарпатской Руси. Каждая из населявших ЧСР национальностей обладала своими языком, культурой, традициями и с большей или меньшей настойчивостью пыталась сохранить их. Соседство районов, где проживали немцы и венгры, с их исторической родиной — Германией, Австрией, Венгрией — постоянно провоцировало более или менее сильные вспышки национализма под флагом борьбы за свои национальные права. Этому содействовало и то обстоятельство, что чехословацкие политические лидеры, сначала президент ЧСР Т.Г. Масарик, а затем сменивший его на этом посту Э. Бенеш, ставившие своей целью создание сильного демократического государства чехов и словаков, формально не были приверженцами постулата о защите прав национальных меньшинств, выдвинутого после первой мировой войны. Они полагали, что подобное требование в

inslav

демократическом государстве может быть реализовано в рамках предоставленных отдельным представителям (индивидам) этих меньшинств гражданских прав и свобод. Оба президента считали, что национальный вопрос в Чехословакии имеет второстепенное значение и будет решен по мере углубления демократического характера государства. На самом же деле, как, думается, справедливо полагает чешский исследователь А. Климек, реализации полного гражданского равноправия немцев препятствовали не только языковые барьеры, но и "старо-новые противоречия, свары и подозрения". На высших государственных должностях, в дипломатии, в вооруженных силах "немцы далеко не были представлены так, как это отвечало их численности"[3]. Неравноправие немецкого языка в официальном делопроизводстве, более или менее скрытые попытки поощряемой центром "чехизации" немецкого населения не могли не вызвать его сопротивления.

Несоответствие национальных амбиций и государственной политики в национальном вопросе вело к нарастанию внутренней напряженности в стране, чем не преминули воспользоваться соседи Чехословакии — Германия, Венгрия и Польша, которые выдвинули лозунг защиты "братьев по крови" и возврата территорий, населенных немцами, венграми и поляками, в лоно их исторической родины. Надо сказать, что национальной политикой Праги были недовольны не только эти народы, но также словаки и жители Подкарпатской Руси, которые требовали предоставления им автономии. Национальный вопрос воистину являлся нервическим узлом Чехословакии в межвоенные годы, хотя власти старались этого не замечать.

Положение особенно обострилось во второй половине 30-х годов, когда страна только-только начала приходить в себя после потрясшего ее экономического кризиса. Надо заметить, что от него весьма сильно пострадала Судетская область. В этих условиях ее население оказалось особенно восприимчиво к демагогическим лозунгам и обещаниям, обратившись к идеям тоталитаризма и критикуя недостатки демократии[4]. Атаку на ослабевшую Чехословацкую республику начала гитлеровская Германия, которая, реализуя свои стратегические планы завоевания мирового господства и расширения Lebensraum, выдвинула цель уничтожить Чехословакию, присоединив наиболее развитую в промышленном отношении ее часть, Чешские земли, к третьему рейху. На полную мощь заработала гитлеровская пропагандистская машина, стремившаяся убедить мир, что немцы в ЧСР подвергаются невиданному угнетению и ущемляются в национальных правах. Полной поддержкой Берлина пользовалась Судето-немецкая партия во главе с К. Генлейном, который получал прямые указания Гитлера и других германских лидеров от-

inslav

носительно своих действий. Политика Праги встречала понимание главным образом в чешском обществе; в районах с немецким населением, хотя и существовали силы, готовые сотрудничать с правительством, почти безраздельное влияние имели генлейновцы[5]. На муниципальных выборах 1938 г. они собрали до 88% всех голосов немецкого населения (1 млн 279 тыс.)[6].

В Словакии действовала Немецкая партия во главе с пожизненно избранным фюрером Ф. Кармазином и организованная на принципах национал-социалистской партии Германии. В ней после образования самостоятельного Словацкого государства должны были состоять все немцы, достигшие 18 лет и представившие доказательства арийского происхождения до третьего колена. По данным руководства партии на 1940 г. в ее рядах числилось более 80 тыс. человек. Она имела свои особые вооруженные отряды, молодежные и женские организации, объединявшие примерно по 20 тыс. человек каждая. Как считал советский дипломат С.А. Афанасьев, подготовивший в конце 1940 г. справку "Словацко-германские отношения", партия являлась "значительной силой в политической жизни страны (т.е. Словакии. — *В.М.*)"[7]. Но до раздела Чехословакии ее влияние в Словакии было гораздо меньше, чем влияние генлейновцев в чешских землях.

15 марта 1938 г. Германия произвела аншлюс Австрии, объявив этот акт "семейным делом" немцев. Генлейновцы ликовали. Национальное самосознание судетских немцев поднялось, по выражению Бенеша, на "небывалую высоту"[8]. Генлейн призвал проживавших в Чехословакии соплеменников в течение месяца вступить в Судето-немецкую партию. 24 апреля 1938 г. в Карловых Варах состоялся ее съезд. Он потребовал полного равноправия "немецкой национальной группы" с чешским народом, выделения "немецкой национальной территории", т.е. фактически предоставления широкой автономии для северо-западных районов страны, исправления экономической и национально-политической несправедливости, допущенной по отношению к немцам в 1918 году, признания за ними права исповедовать "немецкое мировоззрение (т.е. нацизм)". Генлейн заявил о необходимости принципиального пересмотра внешней политики ЧСР и ее переориентации на Германию. По словам Бенеша, "в Карловых Варах было поднято знамя мятежа против Чехословацкой республики"[9]. Вслед за немцами об автономии заговорили также проживавшие в ЧСР венгры и поляки; словаки начали борьбу за нее значительно раньше, по существу с самого начала образования республики.

Гитлер готов был осуществить свою угрозу вооруженной защиты "братьев по крови". Нависла угроза войны. Ни Англия, ни Франция не были готовы прийти на помощь Чехословакии

inslav

в случае нападения на нее Германии. Якобы во имя "дела мира" они предпочли "сдать" эту страну Гитлеру и дали принципиальное согласие на прямую аннексию Германией чехословацких пограничных районов, населенных преимущественно немцами. Прага, по существу, была поставлена перед ультиматумом; ее мнением уже никто не интересовался. Собравшись в Мюнхене 29 — 30 сентября 1938 г., Гитлер, Муссолини, Чемберлен и Даладье подписали соглашение, в соответствии с которым пограничные районы Чехословакии с немецким населением до 10 октября должны были быть переданы Германии, а в районах со смешанным населением в ноябре проведен плебисцит. Бенеш в своих воспоминаниях приводит такие цифры: на территориях, которые сразу и безусловно должны были отойти к Германии проживало 820 тыс. чехов, 450 населенных пунктов имели чисто чешский характер, на так называемых смешанных территориях проживало 1 млн 116 тыс. чехов и только 144 тыс. немцев[10]. Части вермахта оккупировали все эти территории в начале октября, плебисцита проведено не было. Одновременно польские войска заняли Тешинскую область. В ноябре на основании третейского решения министров иностранных дел Германии и Италии (так называемый первый Венский арбитраж) к Венгрии отошли южные и юго-восточные части Словакии, а также южная часть Подкарпатской Руси, где венгры составляли большинство населения. Территория Чехословакии с конца 1937 до конца 1938 г. сократилась со 140 до 98 тыс. кв. км, а население — с 15 182 тыс. до 10 627 тыс. человек, т.е. приблизительно на треть. При этом Германия получила примерно 30 тыс. кв км, Венгрия — около 12 тыс. кв км, а Польша — немногим более тысячи кв км[11]. Вместе с тем ЧСР лишилась свыше 40% промышленности, значительной части сырьевых и топливных ресурсов, важнейших шоссейных, железнодорожных и водных коммуникаций, а также мощных оборонительных сооружений на границах. Обкорнанная со всех сторон страна оказалась нежизнеспособной. Гитлер при попустительстве, если не сказать поддержке, Англии и Франции, сделал первый шаг к ее ликвидации.

Чехо-Словакия — так она стала называться — оказалась ввергнутой в состояние глубочайшего политического и морально-психологического кризиса. Чехословацкое общество, особенно чехи, было ошеломлено предательством своих западных союзников, Англии и Франции, что окончательно утвердило впоследствии Бенеша в мысли о необходимости корректировки внешней политики страны и расчета ее по прагматической формуле "50% — на Запад, 50% — на Восток". В не меньшей степени чехи были потрясены предательством немецкого населения пограничных районов страны, большая часть которого, ох-

inslav

ваченная националистическим угаром и верой в "светлое будущее" под эгидой "третьего рейха", приветствовала случившееся. Те же, кому не по душе оказались нацистские порядки, — чехи, словаки, евреи, цыгане, антифашисты, коммунисты и прочие "неполноценные" и несогласные, — были либо арестованы и заточены в тюрьмы, либо самыми варварскими способами изгнаны с мест своего длительного проживания, лишены недвижимого и значительной части движимого имущества. Все это, а также последовавшие затем в марте 1939 г. расчленение Чехо-Словакии и оккупация чешских земель, оставили глубокий след в национальном сознании чехов и словаков и прежде всего того поколения, которое явилось свидетелем случившегося и испытало огромный психологический шок. Вина "чехословацких" немцев в происшедшем представлялась неоспоримой, и это, естественно, сказалось на их дальнейшей судьбе.

И в Протекторате Богемия и Моравия, и в Словацкой республике по сведениям, приводимым советскими дипломатами, в конце 1940 г. проживало немногим менее 5% немцев. На территории Протектората с населением 6 795 247 человек они составляли 4,6%, т.е. примерно 300 тыс. человек. Немцы проживали компактно в районах Чешске Будейовице (52% населения), Йиглава (50—80%), Брно (50—65%), Оломоуц (50—65%), Ростенице (около 90%)[12]. В Словакии по переписи конца 1938 г. значилось 128 547 немцев (4,83% всего населения). По официальным данным на конец 1940 г. здесь жило 130 192 немца, по сведениям германского посольства в этой стране — 160 тыс.[13] По данным Немецкой партии Кармазина их число в 1940 г. составляло 150 тыс. человек. Примерно треть всех "словацких" немцев проживали в Братиславе (27 тыс.) и в деревнях под Братиславой. Остальные — в районах Кремница, Приевидза, Турчанский Св. Мартин, Кежмарок, Левоча, Гельнице[14]. И в Протекторате, включенном в состав "третьего рейха", и в Словакии, фактически контролируемой Германией, немцы ощущали себя привилегированной нацией и вели себя соответственно.

Э. Бенеш, после Мюнхена подавший в отставку с поста президента, эмигрировал сначала в Англию, а затем уехал в Америку, где читал лекции в ряде университетов. Окончательное расчленение Чехо-Словакии в марте 1939 г. заставило его снова активно включиться в политику и возглавить за границей борьбу за восстановление страны в домюнхенских границах. В июле 1939 г. Бенеш вернулся в Европу и обосновался в Лондоне, поддерживая тесные связи с родиной и возникшим там движением Сопротивления. Судя по известным ныне документам, именно в оккупированной стране родилась идея о выселении немцев из восстановленной после войны Чехословакии. Толчком к ее появлению, скорее всего, было следующее: во-первых,

inslav

стало известно о мнении Бенеша, высказанном им в частной беседе в январе 1939 г., о том, что возможен отказ от некоторых пограничных чехословацких территорий в целях снижения численности немцев в ЧСР примерно на 1 млн 400 тыс. человек; во-вторых, летом 1939 г. началось добровольное переселение "чехословацких" немцев в Германию; в-третьих, 23 июня 1939 г. между Германией и Италией было подписано соглашение также о добровольном переселении немцев Южного Тироля на их историческую родину. После ликвидации Польши Гитлер сам полагал, что переселение немцев из восточных и юго-восточных областей Европы относится к задачам "дальновидной организации европейской жизни"[15]. Таким образом, идея, что называется, носилась в воздухе. Надо было лишь перенести ее на "чехословацкую почву", соответственно продумав специфику и детали. Об этом размышляли как в Праге, так и в Лондоне, причем позиция первой была более радикальной. Бенеш, как искушенный дипломат и политик, понимал, что без поддержки мирового общественного мнения реализовать идею выселения немцев, которой он сам был привержен, будет невозможно. Возникла необходимость убедить Запад, а после 22 июня 1941 г. и СССР, в правильности такого решения. И тут, как всегда, Бенеш был осмотрителен и осторожен[16].

Очевидно, определенное влияние на решение вопроса о дальнейшей судьбе немецкого населения в послевоенной Чехословакии оказала политика в отношении "советских" немцев, которую в 1940—1941 гг. проводила Москва. После присоединения к СССР в 1939 г. Западной Украины и Западной Белоруссии, а в 1940 г. — Латвии, Литвы, Эстонии, Бессарабии и Северной Буковины численность немецкого населения в СССР возросла. По договоренности с Берлином, который продолжал собирать немцев "под свое крыло", в августе 1940 г. с присоединенных к СССР территорий было начато их переселение в Германию: 76 857 немцев уехали из Латвии и Эстонии, 51 049 — из Литвы, 136 463 — из бывших восточных районов Польши, 93 329 — из Бессарабии, 95 770 — из Буковины[17]. После нападения гитлеровской Германии на Советский Союз началось насильственное переселение "советских" немцев из мест их длительного проживания в отдаленные, северные и восточные области СССР. Всего свои жилища вынужденно покинули около 800 тыс. немцев[18].

Естественно, все эти цифры и подробности стали известны лишь в последнее время, но слухи о политике Москвы в отношении "советских" немцев проникали на Запад и не могли не оказывать влияния на формирование взглядов, касающихся судьбы немецкого меньшинства в странах послевоенной Европы. Надо сказать, что в тех конкретных условиях советская по-

inslav

литика в этом вопросе не выглядела чем-то странным и не вызывала массового осуждения в странах, воюющих против гитлеровской Германии. Наоборот, она воспринималась по большей части, как должное, и становилась неким образцом для подражания, хотя "официальный" Запад не спешил высказывать свое мнение относительно судьбы немецкого меньшинства в послевоенной Европе, поскольку это могло быть связано с пересмотром вопроса о границах. Что касается Москвы, то ее позиция в отношении послевоенных границ Чехословакии была более определенной. Во время встречи с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом в декабре 1941 г. И.В. Сталин, по словам советника советского посольства в Лондоне К.В. Новикова, подчеркнул, что Советский "Союз желает сильной Чехословакии, в ее домюнхенских границах, включающих также и так называемую Судетскую область"[19]. Англичане в вопросе о границах были очень осторожны. Бенеш пытался давить, заявив в начале 1942 г., что, если они будут упорствовать в своей позиции, то ему "достаточно договориться о границах и о немцах с русскими, и он убежден, что эти переговоры с русскими не будут представлять особых трудностей"[20].

После официального признания Мюнхенских соглашений недействительными англичане более активно стали размышлять над судьбой "чешских" немцев и приходить к выводу о неизбежности "трансфера". (По терминологии того времени под "трансфером" понималось в зависимости от контекста либо выселение населения из страны, либо обмен им между странами на основе договоренностей.) Они, вместе с тем, справедливо полагали, что вопрос неизбежно приобретет международный характер и что в его решении будут заинтересованы также "американцы и русские", поскольку нельзя, чтобы "судето-немецкий вопрос стал для Германии новым предлогом для развязывания новых конфликтов или войн". Из частного, касавшегося только Чехословакии, вопрос о "чешских" немцах перерастал в общий вопрос о политике в отношении национальных меньшинств после войны и становился по крайней мере общеевропейским. Английский представитель при чехословацком эмигрантском правительстве Ф.Б. Николс в связи с этим заявил, что после приобретенного в межвоенный период опыта "не будет желания возвращаться к системе защиты меньшинств". Он считал, что Бенешу в одной из речей следует "развить свою мысль о том, что инонациональные граждане должны иметь лишь индивидуальные общечеловеческие права, а не какие-то коллективные права меньшинств"[21].

Подобных взглядов придерживался и Бенеш, который изложил их в книге "Демократия сегодня и завтра", вышедшей в Лондоне. "Вопрос о меньшинствах, — считал он, — станет од-

inslav

ной из самых больших трудностей на пороге новой организации Центральной Европы". Критически проанализировав концепцию решения вопроса о защите национальных меньшинств, зафиксированную в Версальских договорах, он пришел к выводу, что на практике она не оправдала себя. "Поэтому невозможно восстановить эту абсурдность. Прежде чем будут определяться права меньшинств, надо также определить, с одной стороны, права большинства, с другой, обязанности меньшинств", — полагал Бенеш. Не предлагая никаких "идеальных рецептов" решения вопроса, он считал необходимым исходить из ряда принципов при подходе к нему: во-первых, после войны нельзя будет в Европе "создать национально гомогенные государства"; во-вторых, после войны, вероятно, будет необходимо осуществить перемещение населения в гораздо больших масштабах, чем после первой мировой войны; в-третьих, защита меньшинств в будущем должна основываться, прежде всего, на защите всех *человеческих* прав; в-четвертых, необходимо дать возможность переезда из одного государства в другое, чтобы национальные меньшинства, если они не захотят жить в чужом для себя государстве, могли постепенно соединиться со своим собственным народом. Однако, по мнению Бенеша, все это могло быть реализовано лишь в течение долгого времени и при наличии длительного международного мира. Впрочем, он не исключал и возможность "сосуществования и сотрудничества" при определенных условиях больших и малых народов в рамках национально "негомогенных" государств[22].

Еще более четко и конкретно эти позиции были сформулированы Бенешем в одном из документов конца 1942 г. В нем говорилось, что вопрос трансфера не является лишь чехословацким вопросом. Он касается многих европейских государств и поэтому должен рассматриваться, как имеющий международное, прежде всего общеевропейское значение. "Чехословацкое правительство выработает по отношению к нему окончательную точку зрения на основе событий конца войны, событий у нас дома и в зависимости от того, как отнесутся к нему остальные одержавшие победу государства в ходе своей подготовки к перемирию и миру", — считал Бенеш. Чехословацкий народ, по его мнению, никогда не примет принцип самоопределения трех миллионов немцев, сформулированный так, как это было после первой мировой войны: "Ни президент Масарик, ни д-р Бенеш никогда не скрывали этого, поскольку такое понятие самоопределения априори ликвидирует самоопределение 10 миллионов чехословаков и вообще делает невозможным существование самостоятельного чехословацкого государства"; "немцев 80 миллионов, и малый чехословацкий народ не может жить с постоянно приставленным к его груди револьвером". "Прин-

inslav

цип территориального и коллективного права на самоопределение (Selbstbestimmungsrecht) для национальных меньшинств или национальных групп, уже имеющих свои национальные государства, — по мнению Бенеша, — является политическим динамитом, который вообще не даст возможность существования и мира всем государствам и народам в центральной Европе". Соглашаясь с опасениями меньшинств быть майоризированными, т.е. по необходимости подчиняться решению большинства, Бенеш полагал, что защитой против этого является достижение "наивысшей степени демократии": "в своей политической борьбе меньшинство может использовать все права и методы, кроме одного: территориального и коллективного права на самоопределение, а также угроз и программы отделения от государства. Иначе между ним и большинством никогда согласия не будет"[23]. *События конца XX века показали*, что Бенеш был прозорлив в своих теоретических рассуждениях и прогнозах: Европа под лозунгом права наций на самоопределение продолжала дробиться на мельчайшие национальные государства, хотя одновременно и наметилась тенденция к новым формам их объединения.

К концу 1942 г. официальный Лондон готов был принять идею трансфера судетских немцев, хотя никаких публичных заявлений на этот счет не делалось. Американские политические круги пока предпочитали не афишировать свой взгляд на судьбу Судет и "чехословацких" немцев. Однако эксперты активно обсуждали указанные вопросы. Большинство их полагало, что эта область, как насильственно отторгнутая Гитлером, должна быть возвращена Чехословакии и что желателен обмен населением, особенно на территориях, представляющих взаимный интерес для Польши, Чехословакии и Германии[24].

Еще в мае 1943 г., перед поездкой Э. Бенеша в Америку, Москва не торопилась с определением своей позиции в вопросе о трансфере. Это явствует, в частности, из беседы чехословацкого посла в СССР З. Фирлингера с заместителем наркома иностранных дел СССР А.Е. Корнейчуком 7 мая 1943 г., содержание которой было направлено Бенешу уже в Вашингтон. "Относительно переселения (немцев из ЧСР. — *В.М.*) Корнейчук и Новиков думают, что трудно на Ваш вопрос ответить, поскольку он касается нашей внутренней политики, — писал Фирлингер. .— Само собой разумеется, что мы должны дома навести порядок, и советское правительство нам в этом препятствовать не будет. Я думаю, что это искренний ответ, и Москва лишь одобрит, если мы позаботимся ликвидировать немецкие островки и переселить шовинистическую часть немецкого меньшинства. Как говорит Корнейчук, наш народ сам позаботится о том, чтобы нацисты у нас исчезли"[25].

inslav

27 мая 1943 г. государственный министр чехословацкого эмигрантского правительства Г. Рипка встретился с советским послом при союзных правительствах в Лондоне А.Е. Богомоловым и сообщил ему, что поездка Бенеша в США "проходит весьма успешно", что "американское правительство согласилось на восстановление домюнхенской Чехословакии и на выселение около двух миллионов судетских немцев в Германию", "но без всякой детализации". Это новое обстоятельство позволило Рипке снова поставить перед советским послом вопрос о "перспективах выселения из Чехословакии большинства судетских немцев в Германию". Подчеркнув, что "такое согласие было сделано и со стороны англичан", государственный министр просил и советское правительство "дать принципиальное согласие на такого рода акцию, так как, только имея твердую уверенность в возможности унификации населения Чехословакии, чехословацкое правительство могло бы наметить точно, как свою внешнюю, так и свою внутреннюю политику". Рипка сказал, что его вопрос можно истолковать как зондаж со стороны чехословацкого правительства и в случае благоприятного результата оно "поставит этот вопрос официально". Богомолов, как следует из его дневника, заявил, что этот вопрос может быть поставлен двояко, во-первых, как вопрос "о выселении за пределы страны части чехословацкого населения, которое по тем или иным обстоятельствам нежелательно в Чехословакии", во-вторых, "как вопрос об обмене населением, поскольку на германской территории проживает известное количество германских граждан, чехов или словаков по происхождению". В заключении Богомолов писал: "Я не обещал Рипке поставить этот вопрос перед советским правительством, так как предполагаю возможным, что советское правительство, занятое войной, не ставило еще перед собой такого детального вопроса, как обмен населением между различными странами в послевоенный период"[26]. Сопоставление записей этой беседы, сделанных Богомоловым и Рипкой, позволяет сделать вывод, что у последнего впечатление от встречи было более оптимистичным. "Богомолов мне открыто заявил — записал Рипка, — что, если советское правительство до сих пор колебалось в том, чтобы определенно высказаться, так это, конечно, потому, что еще не знало, какую политику вести в отношении Германии. И это, по его (Богомолова. — *В.М.*) мнению, сегодня уже зреет, и поэтому был проведен внутренний трансфер немцев в Советском Союзе, он думает, что трудностей не будет. Он предложил мне далее, чтобы дело, о котором советское правительство, конечно, уже информировано, было представлено в такой формулировке, что речь идет принципиально не о депортации судетских немцев, а о вынужденном обмене населением, с одной

inslav

стороны, немецкого на чехословацкое, с другой — чехословацкого на немецкое, поскольку и в Советском Союзе трансфер был осуществлен на принципе обмена украинцев на немцев и т.д. Принцип обмена был бы более приемлем для советской общественности, причем вопрос, сколько немцев было бы транспортировано из Чехословакии, рассматривался бы, как конкретное осуществление принципа обмена. Он обещал, что немедленно проведет зондаж таким образом, чтобы вопрос был уже подготовлен перед приездом президента Бенеша в Москву. Богомолов сказал, что хотя дело неспешное, но все же было бы хорошо также подготовить и этот вопрос". Таким образом, налицо расхождение в оценках результатов беседы Рипкой и Богомоловым. Гипотетических версий, объясняющих это, может быть несколько: либо недопонимание Рипкой того, что хотел сказать Богомолов; либо неточное воспроизведение им сказанного (ведь беседы записывались по памяти); либо каждый из собеседников зафиксировал то, что считал для себя наиболее важным; либо советский посол говорил одно, а думал другое; либо, наконец, со стороны Богомолова это был обычный дипломатический прием: говорить вообще, когда вопрос еще не назрел, оставляя в то же время у собеседника надежду на благоприятный для него исход дела. Возможно, имело место всё это, вместе взятое.

Тем не менее Богомолов довел до сведения Москвы пожелания Рипки. 5 июня 1943 г. был получен ответ советского руководства, о чем он немедленно сообщил Рипке, а тот в свою очередь Бенешу в Вашингтон: "В субботу вечером мне за город позвонил Богомолов о том, что как раз получил телеграмму о согласии советского правительства с идеей трансфера немцев. Богомолов буквально попросил, чтобы я немедленно Вам позвонил"[27]. Уверения Рипки в том, что англичане и американцы признали, хотя бы на словах, необходимость трансфера, заставили поторопиться и Москву, которая, будучи внутренне готова к такому решению вопроса, сочла необходимым и своевременным присоединиться к мнению союзников. Судя по имеющимся данным, Англия и США согласовали этот вопрос во время посещения Иденом Соединенных Штатов в марте 1943 г., когда английский министр иностранных дел сообщил о решении своего правительства от 6 июля 1942 г. дать согласие на трансфер немецкого меньшинства в регионе Центральной Европы. В разговоре с Бенешем 22 апреля 1943 г., говоря о своей поездке в США, Иден сказал, что в беседах с американцами он "высказался против восстановления системы международной защиты национальных меньшинств в том виде, как она существовала после последней (т.е. первой мировой. — *В.М.*) войны, и что высказался за трансфер меньшинств всюду там, где это будет не-

inslav

обходимо". Он сказал, что американцы разделяют это мнение[28]. Одновременно с Бенешем в США находился и премьер-министр Великобритании У. Черчилль, который, по некоторым сведениям, в беседах с Рузвельтом также касался вопроса о судьбе немецкого национального меньшинства в ряде европейских стран.

7 июня 1943 г. Бенеш сообщил чехословацкому министерству иностранных дел в Лондон о своей последней встрече с Ф.Д. Рузвельтом, во время которой речь, помимо прочего, велась и о судьбе судетских немцев. По словам Бенеша: "Он (Рузвельт. — *В.М.*) согласен с трансфером (национальных. — *В.М.*) меньшинств из Восточной Пруссии, Трансильвании и от нас. Я буквально снова спросил его, согласятся ли Соединенные Штаты с трансфером немцев. Он ясно заявил, что да. Я сказал ему, что Англия и Советы нам также уже сообщили о своей аналогичной точке зрения"[29]. Бенеш был доволен своими дипломатическими ходами, касающимися вопроса о "чехословацких" немцах: принципиальное согласие союзников по антигитлеровской коалиции на их выселение было получено, оставалось продумать детали и представить в нужный момент соответствующий проект.

18 июня 1943 г. Богомолов посетил Бенеша в его загородном доме, чтобы узнать о впечатлениях президента о поездке в Америку. Бенеш подробно говорил о тех вопросах, которые он обсуждал там не только с Рузвельтом, но и с Черчиллем. В частности, он отметил, что получил от последнего "полное одобрение его (Бенеша. — *В.М.*) намерения выселить часть судетских немцев в Германию", и что также положительно отнеслись к этому и американцы[30]. Вопрос трансфера казался Бенешу принципиально решенным, и он ослабил дипломатический нажим в этом направлении, решив обсудить вопрос более подробно с советскими руководителями во время поездки в Москву для заключения советско-чехословацкого союзнического договора. Поскольку вокруг его подписания закрутилась международная интрига, все силы чехословацкой дипломатии в этот период были брошены на то, чтобы, во-первых, заключить договор, а во-вторых, чтобы Чехословакия при этом не стала яблоком раздора между союзниками по антигитлеровской коалиции, а точнее, между Англией и Россией[31].

В конце концов, все недоразумения были улажены, Англия согласилась на заключение указанного договора, и Бенеш в декабре 1943 г. прибыл с этой целью в Москву, имея при себе подробно разработанный план трансфера судетских немцев из Чехословакии[32]. Этот вопрос, среди прочих, был им поставлен перед Молотовым уже во время их первой официальной встречи 14 декабря 1943 г.[33] В советской записи беседы эта часть разго-

inslav

вора выглядит так: "Бенеш заявил, что англичане дали ему официальную ноту о своем согласии на выселение немцев и венгров из пределов Чехословакии. Заметив, что т. Сталин в беседе с ним (11 декабря. — *В.М.*) также выразил свое согласие с этим, Бенеш изложил свои планы насчет выселения немцев. Проблема выселения немцев, сказал он, очень сложна; английский военный кабинет занимался этим вопросом и вынес решение по нему; Черчилль и Иден заверили Бенеша в согласии с его позицией, но обязали его публично об этом не высказываться. Бенеш подчеркнул, что разработанного плана выселения немцев он дать им не хотел до завершения своих переговоров в Москве. Чехословацкие немцы самая богатая часть населения в Чехословакии. Все они были фашистами. Они являются виновниками войны и должны быть наказаны. Бенеш передал т. Молотову свою записку о принципах переселения нацменьшинств, оговорив ее конфиденциальность, и просил отнестись к ней, как к первому наброску, подлежащему обсуждению. Он не ожидает немедленного ответа на свои предложения, но просит, чтобы вопрос был изучен в Москве. По его мнению, проблема переселения нацменьшинств скоро встанет на обсуждение великих держав, так как она выдвинута поляками и греками на заседаниях мининделов (министров иностранных дел. — *В.М.*) малых держав в Лондоне. По его мнению, его предложение радикально решает вопрос, и он готов выбросить из Чехословакии все 2 800 тыс. немцев, если это будет возможно"[34].

Чехословацкий вариант записи беседы по сути мало отличается от советского, но он более подробный и, вследствие этого, более нюансированный[35]. Следует отметить, что и в первой, и во второй записях значится, что Бенеш говорит об официальной английской ноте относительно трансфера немцев. Однако о существовании подобной ноты на сегодняшний день ничего не известно. Известно лишь, что англичане, в частности Иден, Черчилль, Николс от имени английского правительства неоднократно *устно* заверяли Бенеша и Рипку в согласии поддержать идею трансфера. На этот счет существовало также, по словам президента, личное послание Николса, который заявил, что "англичане за трансфер как можно большего числа немцев из Чехословакии". Возможно Бенеш, мягко говоря, несколько приукрашивал ситуацию, утверждая существование ноты.

Весьма категоричной в чехословацкой записи выглядит позиция Сталина по вопросу о трансфере, якобы изложенная им в беседе с Бенешем (11 декабря. — *В.М.*): "Об этом (трансфере. — *В.М.*) мы также говорили за ужином, если Вы помните, с маршалом Сталиным. Он категорически заявил: мы согласны". Несколько по иному выглядит то место беседы, где говорится о разработанном Бенешем плане выселения немцев и отноше-

inslav

нии к ним в Англии: "Я должен добавить, что эти мои планы казались чересчур радикальными некоторым людям из Форин Оффис, они не очень понравились им. Но я увязываю этот вопрос трансфера с социальной проблемой. Среди наших немцев — 70% богатых; они должны быть удалены прежде всего, все они были фашистами". (В советской записи последнее относится ко всем немцам). О переданном Молотову письменном плане Бенеш говорил: "В нем содержатся принципы трансфера... я хочу только, чтобы вы видели принципы, в соответствии с которыми мы хотим действовать, чтобы вы имели возможность это изучить... Потом нам выскажете свои замечания, свои возражения, и мы это обсудим". В конце беседы Бенеш снова вернулся к этому вопросу: "Я сам считаю это решение радикальным и буду счастлив, если оно осуществится. И хотя я не хотел бы в этом деле идти на компромиссы, я — реалист, и поэтому буду стремиться достичь по крайней мере максимума, если не всего. Немцев у нас примерно 2 800 000. Если можно будет переселить всех, хорошо; если нет, то хотя бы два миллиона. Я готов делать уступки и с нашей стороны, чтобы все это было более приемлемо, осуществимо, я верю, что наш народ это одобрит". Среди тех, кто заинтересован в решении проблемы переселения меньшинств, в чехословацкой записи, помимо поляков и греков, названы также югославы. ("Молотов: соглашается, что для поляков эта проблема будет особенно острой".)

Во время второй встречи Бенеша с Молотовым 16 декабря 1943 г. вопрос о трансфере в разной связи тоже затрагивался, но это не нашло отражения в советской записи беседы[36]. Это следует из более пространной записи, сделанной начальником канцелярии президента Я. Смутным[37]. Бенеш снова говорил о выселении в связи с территориальными проблемами: "Я уже упоминал о том, что, возможно, я захочу поступиться некоторыми частями республики в пользу Германии, если бы это нам могло помочь выселить всех немцев из республики.... Я согласен на компромисс, если это будет необходимо... они (англичане и американцы. — *В.М.*) будут более сговорчивы, если я им объясню, что хочу не только выселить от нас немцев, но уступить вместе с ними кусок территории. (Берет карту и объясняет, где и какие уступки он хотел бы сделать. И, напротив, какие немецкие территории опять присоединить к нам из стратегических соображений, так что территориальная проблема предстала бы как территориальный обмен, и ни в коем случае не только как наша односторонняя уступка.) Молотов выслушал объяснения без всякой реакции". Видимо, Москва считала, что пока еще рано ставить указанные вопросы в практической плоскости. Бенеш снова подчеркнул, что проблему выселения немцев и венгров из Чехословакии обсуждал с Рузвельтом, кото-

inslav

рый высказался за такое решение: "он сказал мне, что не только понимает, но что такое решение должно было бы быть проведено не только в ЧСР, но и в других странах". Молотов поинтересовался, насколько искренни обещания англичан и американцев относительно трансфера. Бенеш ответил утвердительно, но заметил, что за это они потребуют от него определенной платы в виде поддержки нужных им решений: "Они будут действовать так, чтобы сохранить определенное влияние в Центральной Европе". Объясняя отношение Москвы в тот период к проблеме раздела Германии и ее будущего, Молотов как бы косвенно коснулся и вопроса о сдержанной советской позиции в вопросе о трансфере немцев: "Американская и английская печать упрекают нас в том, что мы не хотим сказать, каковы наши намерения в отношении Германии. Мы ведем войну на своей территории, немцы находятся у нас, наши красноармейцы расплачиваются кровью, ведь 90% военных действий ведется у нас, так что мы не можем ради пропаганды говорить, что мы намерены предпринять в отношении Германии. Мы не должны делать ничего, что каким-либо образом помогло бы Гитлеру, хотя бы и на короткое время. И если бы мы заявили, что все хотим Германию разделить, то это помогло бы Гитлеру на короткое время опять встать на ноги, и немцы станут драться до последней капли крови". Очевидно, эти же соображения заставляли Москву пока не делать никаких публичных заявлений относительно судьбы немецкого национального меньшинства в различных европейских странах.

18 декабря 1943 г. состоялась еще одна встреча Бенеша со Сталиным, запись о которой, по всей вероятности, была сделана Фирлингером[38]. Советский руководитель, согласно этой записи, "полностью соглашается с нашим меморандумом относительно трансфера немецкого и венгерского населения и советует нам в связи с этим, чтобы мы выровняли границу с поляками так, чтобы наша пограничная линия с поляками была как можно более продолжительной".

Из записи ясно, что Сталин ознакомился с меморандумом "Выселение части немецкого населения Чехословакии", врученным Бенешем Молотову 14 декабря. Документ был разослан Сталину, Молотову, Ворошилову, Микояну, Берии, Маленкову, Деканозову, Литвинову и Корнейчуку[39]. Чехословацкая версия документа имеет название "Трансфер населения в ЧСР". Сравнение этих двух текстов показало, что по сути они идентичны, но в переводе на русский язык есть некоторые неточности (судя по стилю, перевод был сделан чехословацкой стороной), не меняющие смысл. Состоящий из 10 пунктов меморандум свидетельствовал о том, как представлял себе Бенеш процесс выселения немцев из Чехословакии. Поэтому остановимся на нем

inslav

подробнее. Был принят принцип, установленный законами третьего рейха, что все проживающие в Чехословакии немцы являются гражданами германской империи. Чехословацкое правительство оставляло "за собой право устанавливать, кто из немцев может получить или сохранить чехословацкое гражданство". Предлагалось выселение провести в течение пяти лет, установив, сколько и какое имущество выселяемые могут взять с собой. На оставшуюся часть имущества они должны были получить расписку от чехословацкого государства, которое использовало бы это для погашения репараций, "следуемых Чехословакии от Германии за причиненный немцами на территории Чехословакии ущерб". Германия обязана была дать компенсацию всем переселенцам, "согласно собственного решения и законодательства". Провозглашался принцип, что в Чехословакии не будет населенного пункта, в котором менее 67% населения принадлежало бы к чешской, словацкой или карпато-русской (украинской) национальности. "Чехословакия будет национальным (а точнее — славянским. — *В.М.*) государством, — говорилось в меморандуме. — Граждане, принадлежащие к меньшинствам, будут иметь все индивидуальные, демократические и гражданские права, но по закону они не будут считаться национальным и политическим коллективом". Государственные школы, как предполагалось, будут только чехословацкие и украинские; исключение из этого принципа может быть сделано только для немецких народных школ. Языком делопроизводства в государственных, краевых и областных учреждениях будет лишь чехословацкий (и украинский) язык. Намечалось разработать в рамках общего пятилетнего плана реконструкции республики подробный план выселения немцев, включающий политические, экономические, технические и финансовые аспекты вопроса. Основная часть выселяемого немецкого населения должна была покинуть Чехословакию в течение двух лет, а некоторые лица, если они не будут арестованы для их наказания в республике, — в течение первых же месяцев после разгрома Германии. Таких было пять категорий: а) все бывшие граждане Чехословакии и их семьи, которые служили в гестапо, частях СС, немецкой полиции, а также все чиновники немецкой национальности, которые открыто перешли на сторону нового режима или были назначены на должности после Мюнхена и 15 марта 1939 г.; б) функционеры партии Генлейна, члены её вооруженных формирований, члены союза гитлеровской молодежи; в) те, кто служил во время войны Германии на фронте и в тылу, "за исключением тех, кто сможет доказать свою антигитлеровскую (в чешском тексте: антинемецкую. — *В.М.*) деятельность или же принадлежит к чешской, словацкой или карпато-русской (украинской) национальности";

inslav

г) учителя, профессора, члены нацистских студенческих организаций, юристы, инженеры — участники общественно-политической жизни специальных (в переводе текста на русский: профессиональных. — *В.М.*) нацистских организаций; д) все немцы, которые извлекли или пытались извлечь для себя какую-либо материальную выгоду из факта оккупации Чехословакии. Предполагалось финансирование выселения той части населения, которая не принимала активного участия в деятельности, направленной против Чехословацкой республики. Вознаграждение за оставленное имущество, право на которое будет признано Чехословацкой республикой, будет выплачено из сумм, которыми немцы должны возместить причиненный Чехословакии ущерб. Намечалось принять во внимание (в переводе на русский: "будет предусмотрено". — *В.М.*) возвращение соотечественников из Вены, Австрии и, возможно, из Югославии. Говорилось о выработке плана систематической организации населения пограничных районов в рамках несения государственной, военной, полицейской, таможенной и финансовой службы. Наконец, указывалось, что все эти принципы будут применяться и при трансфере венгерского населения из Словакии и Подкарпатской Руси, причем здесь речь пойдет преимущественно об обмене населением, поскольку на территории Венгрии проживает значительное число словаков и подкарпаторусин[40].

Бенеш, получив заверения Сталина в принципиальном согласии с этим планом, не торопил Москву с официальным ответом на свой меморандум. Дальнейшие переговоры по этому вопросу возлагались на Фирлингера. В тексте заключительного протокола об обмене мнениями между Бенешем, Сталиным и Молотовым, предложенном чехословацкой стороной, но не подписанном, по проблеме трансфера констатировалось: "Президент д-р Бенеш изложил доводы, согласно которым выселение с территории ЧСР немецкого населения, несущего огромную и первоочередную долю вины Германии за эту войну, является как вопросом справедливости в отношении ЧСР, так и гарантией против того, что германская империя в будущем сможет снова использовать немецкие меньшинства для подготовки своих агрессивных планов против мира и против славянства. Выселение значительной части фашистского немецкого населения с пограничных территорий позволит республике обеспечить безопасность ее границ, разрешит проблему репараций за ущерб, причиненный республике, и даст основу для решения больших социальных задач, которым правительство ЧСР замышляет завершить после этой войны дело окончательного национального, экономического и социального объединения республики.... Констатировано, что правительство Совет-

inslav

ского Союза, которому президент д-р Бенеш передал меморандум, содержащий принципы проведения трансфера, также рассматривает с полным пониманием эту жизненную для ЧСР проблему и с этой стороны окажет ЧСР свою полную поддержку в ее решении". Хотя советское руководство сочло ненужным подписание заключительного протокола, но Корнейчук заверил Бенеша, что его содержание "полностью отвечает тому, что говорилось и было согласовано между нами"[41].

Помимо советских руководителей Бенеш встречался также с находившимися в Москве чехословацкими коммунистами. Всего с 13 по 18 декабря состоялось шесть бесед, запись о которых в переводе на русский язык сразу сообщалась в ОМИ ЦК ВКП(б) Г. Димитрову, а затем немедленно передавалась Корнейчуку. Во время последней встречи, состоявшейся в ночь с 18 на 19 декабря, т.е. уже после заключительного приема Бенеша Сталиным, речь, помимо прочего, велась и о выселении немцев из Чехословакии. Надо сказать, что еще до своего приезда в СССР Бенеш пытался обсудить этот вопрос с коммунистами, находившимися в Лондоне. Однако те отнеслись с осторожностью к этой теме. "В разговорах с ним (Бенешем. — *В.М.*), — говорилось в сообщении, подготовленном для Заграничного бюро КПЧ в Москве, — часто поднимается вопрос о судетских немцах. Мы придерживаемся в этом вопросе Ваших указаний и не выдвигаем вопрос о будущем положении судетских немцев на передний план. Но с его стороны проблема будущего положения судетских немцев ставится: у него самого нет относительно него ясности, он полагает, что это можно решить путем трансфера всех тех, кто каким-либо образом провинился против чешского народа, поддерживая прямо или косвенно Генлейна"[42].

Приступая к обсуждению вопроса о выселении немцев с коммунистами в Москве, Бенеш сразу заявил о том, что он обсудил его со Сталиным, и изложил, по существу, содержание меморандума, переданного им советскому правительству. "Восстановленная республика будет государством чехов, словаков и карпатских украинцев. Будет государством национальным и славянским, — сказал он. — Чехословакию должны безусловно покинуть все немецкие учителя, профессора, члены СС, гестапо, гитлерюгенда, все активисты генлейновского движения и в общем немецкая буржуазия, богатые немцы. Должны исчезнуть немецкий университет, два немецких технических учебных заведения, средние школы и т.д. Немецкое имущество, курорты, шахты, предприятия, поместья перейдут в государственное управление. Это будет национальная революция, соединенная с социальной революцией. Через мероприятия национального характера и через мероприятия против не-

inslav

мецких богачей откроется путь к радикальному вторжению в экономику и к социальным преобразованиям в чешских областях.... Из немецкого населения с нами останутся антифашисты, демократы, коммунисты, все, кто и за границей участвовал в антигитлеровской борьбе". Бенеш еще раз подчеркнул, что имеет согласие на трансфер немцев из Чехословакии Советского Союза, и что "уже ранее получил на это письменное согласие Англии и Рузвельта".

Готвальд сформулировал точку зрения коммунистов, акцентировав внимание на тактических вопросах. Он считал, что чехословацкого гражданства должны быть лишены сначала все немцы, а потом судетские немцы могут получить право оптации либо в Германии, либо в Чехословакии, причем во втором случае лишь в индивидуальном порядке. По его словам, "наказание судетонемецких виновников должно проводиться не под национальным знаменем, а под титулом обвинения в деяниях против демократии, республики и человечности и т.д." "Бенеш проявил с этим тактическим подходом согласие"[43].

22 декабря 1943 г. президент сообщил чехословацкому министерству иностранных дел в Лондон, что "со всеми переданными меморандумами Сталин высказал принципиальное согласие"[44]. На обратном пути в Лондон Бенеш встретился в Марракеше (Марокко) с Черчиллем, которому сообщил о результатах своего визита в Москву, и который, по его словам, признал необходимость "полного трансфера немцев из (Чехословацкой. — *В.М.*) республики"[45].

Весной 1944 г. Красная Армия приблизилась к довоенным границам ЧСР. Перед чехословацким правительством встали новые задачи первоочередной важности: организация управления освобожденными чехословацкими территориями, получение окончательного согласия союзников на восстановление ЧСР в ее домюнхенских границах, переезд правительства на освобожденную территорию, проблемы, связанные со Словацким национальным восстанием и событиями в Подкарпатской Руси осенью 1944 г. и пр. Вопрос о судьбе "чехословацких" немцев, казалось, в принципе уже решенный, как бы отодвинулся на второй план. Тем не менее правительственные чиновники продолжали работу по совершенствованию алгоритма выселения немецкого населения из ЧСР. В частности, в мае 1944 г. обширный "Проект решения вопроса о меньшинствах в ЧСР" был подготовлен Я. Цисаржем, сотрудником аналитического отдела министерства иностранных дел[46]. Бенеш продолжал поддерживать связи с "домом", сообщая о состоянии решения того или иного важного для будущей ЧСР вопроса. 15 мая он направил пространную радиотелеграмму своим сторонникам на родине, в которой говорилось и о выселении немцев. "По воп-

inslav

росу наших немцев мы выжидаем, — значилось в депеше. — Каждый знает и признает, что исторические границы, по крайней мере в главных чертах, мы должны сохранить. Здесь и в других местах достаточную поддержку находит принцип переселения меньшинств. Но известно, что три миллиона немцев переселить нельзя, и что, таким образом, у нас снова будут немцы, хотя их будет явно меньше. Известно также, что старые договоры, касающиеся немецкого и венгерского меньшинств, не оправдали себя и не могут быть возобновлены. Это, таким образом, пока все больше негативное. Я работаю с англичанами, американцами и русскими над тем, чтобы из этого всего создать также позитивную программу. Я буду своевременно информировать Вас о всех этих вопросах"[47].

Меж тем в Лондон продолжали поступать сообщения о радикальных настроениях в стране по отношению к немецкому населению и требованиях выселения всех немцев. "Ненависть к немцам страшная, поскольку ни в городах, ни в деревнях нет почти ни одной семьи, которая не потеряла бы кого-либо из своих членов либо в результате казни, либо в результате заключения в концентрационные лагеря. За ножи хватаются, как буржуазия, так и рабочие. Особенно среди наших военных страшное негодование: немцев — вон, всех до единого... Нет лояльных немцев, все одинаковы, и в лучшем случае из детей лояльных немцев опять вырастут пангерманисты", — говорилось в одном из сообщений в июле 1944 г. В другом значилось: "Наш опыт свидетельствует против принятия в этом половинчатого решения... Лояльных немцев народ здесь может представить лишь как гостей, но ни в коем случае, как компактные национальные группы в государстве". Подобные настроения фиксировались и в августе: "Антинемецкие настроения превратились в ненависть... Преобладает мнение, что немцы должны быть выселены, а республика станет национальным государством, без немцев как политических деятелей". В сентябре стали поступать сведения о вооружении гражданского населения Судетской области в целях ведения партизанской борьбы в случае поражения нацистской Германии[48]. В Лондоне не могли не учитывать этих настроений в стране.

В конце сентября 1944 г. министерство внутренних дел чехословацкого правительства в сотрудничестве с аналитическим отделом министерства иностранных дел разработало проект декрета президента о лишении чехословацкого гражданства. В нем намечалось лишить гражданства всех немцев и венгров, за исключением тех, "кто остался верен Чехословацкой республике и активно участвовал в борьбе за ее освобождение". Однако проект декрета, обсужденный и одобренный в начале ноября 1944 г. правительством, не получил заключения Госу-

inslav

дарственного совета и не был подписан президентом. Бенеш пока не мог это сделать в виду уклончивой позиции союзников по вопросу о трансфере немецкого населения из ЧСР[49].

В конце ноября чехословацкое правительство разработало и передало английскому, американскому и советскому правительствам обширный меморандум по вопросу о трансфере[50]. 27 ноября 1944 г. состоялась встреча Идена с Бенешем, Масариком и Рипкой, на которой обсуждались проблемы будущих чехословацких границ и трансфера. Иден не возражал против того, что ЧСР должна избавиться от как можно большего числа немцев, оставив их у себя не более 800 тысяч. На вопрос Рипки, не будет ли Иден иметь в связи с этим каких-либо трудностей в правительстве и парламенте, английский министр иностранных дел ответил, что "больших трудностей не ожидает". Была достигнута договоренность о том, что следует выработать такую формулу, которая может быть использована при трансфере немцев из Польши, а также из других государств[51]. Примерно то же самое говорилось и во время обеда Рипки с Николсом 13 декабря 1944 г. При этом посол заметил, что «выселение следует провести быстро, самое большее в течение двух лет после заключения перемирия, потому что потом опять снова в британской общественности поднимутся симпатии к "несчастным" немцам». И далее он советовал постепенно "чехизировать" немцев, которые останутся в ЧСР, "чтобы вопрос о немецком меньшинстве был окончательно решен и снят с повестки дня"[52]. 21 декабря 1944 г. Рипка беседовал с советским послом в Великобритании Ф.Т. Гусевым и советником-посланником А.А. Соболевым, излагая им доводы, почему трансфер должен быть проведен сразу после капитуляции Германии и в возможно более короткие сроки. Посол согласился и, по словам Рипки, сказал, что "советское правительство уже во время визита президента в Москву определенно высказалось за трансфер немцев из Чехословакии. Со стороны советского правительства, добавил он, мы можем рассчитывать на полную и действенную поддержку в этом вопросе"[53].

3 января 1945 г. поверенный в делах СССР в Великобритании И.А. Чичаев направил заместителю наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому вышеупомянутый меморандум чехословацкого правительства по проблемам немецкого меньшинства в Чехословакии, подписанный Рипкой. Передается "для сведения правительства СССР", — значилось в сопроводительном письме. Далее следовало краткое содержание меморандума: "Это решение предусматривает перемещение приблизительно двух третей немцев из республики путем добровольного или организованного переселения, а также создание условий, которые способствовали бы постепенному слиянию

inslav

оставшегося меньшинства с остальным чехословацким населением, чтобы создать политическое и культурное единство. Этот план основан на следующих трех предложениях: а) правительства Объединенных наций, которые самым непосредственным образом заинтересованы в сохранении мира в Европе, разделяют желание чехословацкого правительства раз и навсегда положить конец очень беспокойной и опасной проблеме, опасной с точки зрения как чехословацкой, так и общеевропейской безопасности, б) решение этой проблемы не должно повлечь за собой каких-либо соглашений, нарушающих территориальную целостность Чехословацкой республики в рамках ее домюнхенских границ, в) условия, предъявленные Германии после ее поражения, обяжут последнюю принять в страну в качестве граждан всех немцев, переселенных из Чехословакии, и найти для них убежище на германской земле, а союзные оккупационные власти в Германии проследят, чтобы Германия соответствующим образом выполняла свои обязательства в этом отношении". В конце содержалась просьба передать меморандум советскому правительству и "сообщить его мнение по этому вопросу, имеющему такое большое значение для Чехословакии"[54]. Далее следовали текст меморандума в переводе с английского на русский язык и резюме, а также текст меморандума на английском языке[55].

Помимо этого, документ сопровождался двумя приложениями, первое из которых было озаглавлено "Пан-германизм немцев в Чехословакии" и представляло собой справку исторического характера, а второе называлось "Обсуждение существующих аргументов против насильственного перемещения". Эти приложения, очевидно, были тоже выработаны чехословацким министерством иностранных дел и составлены на основании тех дискуссий, которые велись по этим вопросам в чехословацких эмигрантских и, вероятно, в английских политических кругах. Остановимся на последнем документе несколько подробнее, поскольку он содержал доводы, как "за", так и "против" переселения немцев.

Первый контраргумент: метод принудительного перемещения является бесчеловечным и насильственным и напоминает о нацизме. *Ответ*: возражение несостоятельно: забывается, что массовая эмиграция, которая является лишь формой принудительного перемещения, если она стала результатом экономической необходимости, всегда была обычным явлением современного человечества. Далее указывалось, что а) это перемещение не должно быть обязательно бесчеловечным, имеются другие формы, чем те, которые избрал Гитлер; б) неизбежная мера неудобств, трудностей, страданий ограничена временем и может быть даже сокращена до минимума эффективной орга-

inslav

низацией. "Если мы допустим, что сохранение меньшинства может стать причиной, или по крайней мере предлогом, для международных конфликтов это будет лишь незначительной ценой одного поколения, одного меньшинства за несравненно большие страдания будущих поколений, целых наций, или даже континента или всего человечества"; в) никто не считает особенно бесчеловечным, когда экономические условия вынуждают словацких, карпатских или далматских крестьян эмигрировать в Австралию или в Южную Америку. Тем не менее люди возмущаются судьбой немцев, которые перемещаются в окружение (среду. — *В.М.*), дружественное по отношению к ним и в основном не отличающееся от того, в котором они жили, более того, окружение, которое гарантирует им полную защиту политической и культурной идентичности, так высоко ценимую ими; г) в конце концов, потомки перемещенного меньшинства будут, возможно, счастливы среди народа своей национальности в стране, в которой они не чувствуют себя, и их не считают, беспокойными иностранцами; д) перемещение население может привести, как это было на примере Греции и Турции, к установлению более дружественных отношений между соседними государствами.

Второй контраргумент: этот метод не предусматривает, куда будут перемещены миллионы немцев, подлежащих перемещению. *Ответ*: можно надеяться, что до окончания войны в Германии будет достаточно свободного места, на которое можно без особых трудностей поселить многие миллионы немцев из соседних стран (имелись в виду потери во время войны. — *В.М.*).

Третий контраргумент: в том случае, когда число лиц отдельного меньшинства составляет миллионы, перемещение представляет проблему, технически почти неразрешимую. *Ответ*: технические трудности, проблемы транспорта, помещения и окончательного поселения не являются неразрешимыми и должны быть преодолены, как и другие трудности, которые возникнут в связи с репатриацией тех миллионов, которых немцы насильно согнали из различных европейских стран в концентрационные лагеря или для принудительного труда в Германию и другие оккупированные страны.

Четвертый контраргумент: насильственное перемещение не делает различия между виновными, менее виновными и невиновными. Оно наказывает даже тех членов меньшинства, которые оставались лояльными демократии и были против нацизма. Более того, было бы несправедливо изгнать немцев и не изгнать квислингов, которые оказались в рядах основной нации. *Ответ*: это возражение было бы действительным лишь в случае тотального, дискриминационного перемещения... было бы невозможно оправдать какое-либо предложение, которое не

inslav

принимает во внимание тех членов данного меньшинства, которые боролись или страдали за Чехословацкое государство, доказав таким образом свою преданность и свое несогласие с теми, кто требует присоединения к рейху. Но никто не намеревается перемещать такие преданные элементы.

Пятый контраргумент: вывоз большого числа квалифицированных рабочих необходимо приведет к серьезному экономическому ослаблению страны. Это представит особо большие трудности в первые послевоенные годы, когда должно будет производиться перемещение и когда недостаток человеческих ресурсов будет наиболее срочной проблемой. *Ответ*: несмотря на понимание этого, Чехословакия готова принести подобную жертву в интересах ее собственной и общеевропейской безопасности. Однако будут предприняты все меры к тому, чтобы минимально сократить неблагоприятное влияние перемещения на экономику. Проведенное соответствующим образом оно не приведет к экономическому ослаблению государства. В некоторых отношениях оно может оказаться даже оздоровительным для экономики страны, в частности для решения проблемы избытка сельскохозяйственного населения в восточных частях республики.

Шестой контраргумент: перемещение не дает гарантии, что государство, очищенное таким образом, сохраняет свой единый характер. Если быть последовательным, то надо запретить свободное движение народов в Европе на все будущие времена. *Ответ*: это является большим преувеличением действительного положения. Вполне возможно сохранение единого характера "очищенного" государства без запрещения движения, если факт перемещения не предусматривает создание особых прав для эмигранта. Немецкий рабочий, инженер или деловой человек может приехать, как гость, пользующийся правами, предоставленными иностранцам во всем мире, или как эмигрант, который желает присоединиться к народу, в среде которого он устраивает свой новый дом. Ни в том, ни в другом случае он не может требовать для себя каких-либо особых прав национального меньшинства или пытаться создать этнографическое или лингвистическое меньшинство. С чехословаком или поляком, требующим подобное по прибытии в Германию, вероятно, разделались бы очень быстро[56].

С приближением конца войны дискуссии о трансфере на Западе, видимо, приобрели особенно острый характер, о чем и свидетельствовали приведенные выше документы. Это не могло не сказаться на позициях западных правительств, предпочитавших пока явную сдержанность в этих вопросах. Кроме того, с одной стороны, приветствуемое, а с другой — пугающее победное продвижение Красной Армии по европейским странам,

inslav

заставляло Запад более пристально взглянуть на проблему трансфера, рассматривая ее в контексте послевоенного мирного урегулирования и своих национальных интересов. 15 января в Москве состоялась встреча Молотова с послом США в СССР А. Гарриманом, советником-посланником британского правительства в СССР Дж. Бальфуром, на которой обсуждались вопросы, связанные с заключением перемирия с Венгрией. На встречу был приглашен и Фирлингер. Помимо прочего речь шла и об обмене населением между Чехословакией и Венгрией, а также вообще о трансфере. Согласно телеграмме, отправленной Фирлингером в Лондон 16 января, Молотов высказался за то, чтобы были приняты чехословацкие предложения по этому вопросу и чтобы союзники обратили на него серьезное внимание. Гарриман решительно протестовал против всего, что "хотя бы отдаленно было похоже на обмен населением". Бальфур считал необходимым отложить решение вопроса "до мирных переговоров"[57]. На следующий день, 16 января, он направил Молотову письмо и меморандум чехословацкого правительства, полученный английским посольством. Суть послания состояла в следующем: предложения чехословацкого правительства связаны со многими другими аспектами послевоенного урегулирования с Германией, по которым окончательное решение еще не принято. Правительство Великобритании не считает возможным высказывать какие-либо замечания до тех пор, пока оно не обсудит эти вопросы со своими главными союзниками. "Британское правительство должно пока зарезервировать свою позицию в отношении предложения чехословацкого правительства"[58]. Письмо было разослано также Сталину, Ворошилову, Берии, Маленкову, Вышинскому, Деканозову. 18 января Бальфур направил его копию также Фирлингеру, о чем тот немедленно информировал свое правительство. Рипка срочно встретился с Николсом, настаивая, чтобы "хотя бы в какой-нибудь форме был принят принцип трансфера". Кроме того, он подчеркнул, что "только СССР с пониманием относится к нашим интересам и поддерживает нас". Рипка информировал об этом также американское посольство в Лондоне и просил поддержать чехословацкие требования[59].

В конце января 1945 г. англичане и американцы все же ответили на вышеупомянутый меморандум чехословацкого правительства, не выдвинув никаких принципиальных возражений против трансфера, но указав на связь этого вопроса со многими другими европейскими проблемами и призвав чехословацкое правительство обождать с выселением до тех пор, пока не будет получено на это официальное согласие союзников[60]. Было ясно, что Форин Оффис намерен пока попридержать "карту трансфера", надеясь разыграть ее в подходящий

inslav

момент. Красная Армия в это время вела бои на территории Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Югославии, и было ясно, что эти страны окажутся в сфере преобладающего влияния СССР. Что касается Чехословакии, то после поездки Бенеша в Москву и заключения союзнического советско-чехословацкого договора, такая перспектива вырисовывалась довольно четко. Черчилль, с одной стороны, благодарил Сталина за масштабное наступление советских войск в середине января 1945 г., которое позволило стабилизировать положение на западном фронте, с другой — во время встречи с Рузвельтом на Мальте в конце того же месяца говорил о нежелательности, чтобы "русские оккупировали в Западной Европе больше, чем это необходимо"[61]. В сложившихся условиях вопрос о выселении немцев стал рассматриваться западными державами, и прежде всего Англией, как возможная сильная карта в большой политической игре за сохранение своего влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе, особенно в Польше и Чехословакии.

Заинтересованная в как можно более скором и определенном решении вопроса о выселении немцев чехословацкая сторона добивалась, чтобы он нашел отражение в документах о капитуляции Германии, которые начали подготавливаться Европейской консультативной комиссией с конца 1944 г. для Ялтинской конференции глав СССР, США и Великобритании. На встрече в Крыму 4—11 февраля 1945 г. вопрос о переселении немцев, хотя и поднимался, но не обсуждался подробно, поскольку, дескать, западное общественное мнение не готово пока воспринять эту мысль. Кроме того, в это время еще не было полной ясности и в том, будет ли существовать Германия как единое государство: западные державы настаивали на ее расчленении[62]. Решения Ялтинской конференции носили компромиссный характер, но были выгодны менее Западу, чем СССР, международный авторитет которого значительно возрос.

Вопрос о переселении немцев остался открытым, и во время двух встреч (13 и 20 февраля 1945 г.) Николс сообщил Бенешу, что у него пока нет "точной формулы" относительно чехословацких границ и трансфера, и что в Форин Оффис идут дискуссии по этим проблемам. Вместе с тем он предупредил президента о необходимости быть осторожным в указанных вопросах, поскольку их решение будет "крайне сложным". Бенеш настаивал на необходимости "ясной и окончательной формулы", базирующейся на а) принципиальном признании трансфера, б) лишении всех немцев чехословацкого гражданства, в) создании органа, занимающегося переселением. Все это, по мнению президента, было нужно, чтобы чехословацкое правительство могло принять соответствующий "закон". После выяснения

inslav

этого вопроса в Форин Оффис Николс настоятельно просил, чтобы "без согласия с союзниками (великими державами) такой закон не принимался". Когда Бенеш объяснил ему, что отсутствие закона может повлечь за собой "резню немцев", Николс рекомендовал заявить эти три пункта в качестве программы правительства, но, прежде, чем начать действовать, договориться окончательно с союзниками о способах и масштабах выселения. Бенеш, согласно его записи о беседах, отвергал подобное решение: "я говорил об этом снова при прощании с Иденом, а затем с Черчиллем, но они оба были уже обработаны Форин Оффис в этом смысле, и говорили также неопределенно, необязательно, и что это возможно только, как программа, и ничего более".

В конце февраля было уже принято окончательное решение о переезде Бенеша на родину, куда он собирался отправиться через Москву. Поэтому президент заявил Николсу, что будет вести переговоры и возможно согласует вопрос прямо с Москвой, после чего "мы проведем это сами". По словам Бенеша, Иден и Черчилль заявили ему, что "во время переговоров в Кремле[63] Сталин сказал, что это дело, скорее всего, не станет предметом переговоров, поскольку немцы из Польши сами бегут или убегут, и что, таким образом, это не займет много времени". Бенеш, согласно его записи, подчеркнул, что "у нас этого, вероятно, не произойдет, и что нам, в конце концов, это дорого бы обошлось. Мы, таким образом, должны настаивать на том, чтобы с нами весь этот вопрос был окончательно, ясно и точно согласован. (Обратить внимание, не означают ли эти действия Великобритании начало отступления!)"[64]

23 февраля 1945 г. чиновник чехословацкого министерства иностранных дел зафиксировал позицию Форин Оффис в отношении чехословацких требований по вопросу о границах и трансфере. Его собеседник с английской стороны заявил: "В Ялте мы проиграли по всем пунктам". Форин Оффис дал прямое указание не поддерживать чехословацкие требования при заключении перемирия с Венгрией, поскольку в последние месяцы чехословацкие позиции по отношению к Форин Оффис стали "холодно негативными" и поскольку "мы (чехословацкое правительство. — *В.М.*) своим излишним сотрудничеством с СССР вызываем недоверие. Таким образом, на отношении к нам сказывается недовольство чересчур сильными позициями Сталина". На вопрос, "не идет ли речь о наказании (нас. — *В.М.*), как школьников", собеседник ответил: "нет, лишь об общем недоверии. Отношение к нам не изменится, пока не исчезнет настроение неопределенности, вызванное чрезмерной силой СССР". Требование трансфера чиновник английского министерства иностранных дел охарактеризовал

inslav

как "империализм малого государства" и сказал: "Это решение, которое не обеспечит европейский мир. Кто должен немцев кормить, кто должен о них заботиться?"[65]. Таким образом, Англия в целях оказания политического нажима на чехословацкое правительство заняла сдержанную, если не сказать больше, позицию в решении жизненно важных для Чехословакии в тот период вопросов.

Это подтвердилось, по сути, и во время последней встречи Бенеша с Черчиллем 24 февраля 1945 г., т.е. незадолго до отъезда президента из Англии, когда английский премьер пригласил его на обед. Разговор касался многих вопросов, в том числе намерений СССР. Черчилль, по словам Бенеша, подчеркнул веру в то, "что русские останутся в пределах своих сил и возможностей" и, "если выйдут за них, то натолкнутся на англичан и американцев", "за будущее Европы он не ручается, только англичане опять устоят, даже, если бы русские все забрали и дошли бы на территории Франции до Атлантического океана". "Мы расстались весьма по-дружески, — записал Бенеш. — Еще перед уходом (явно по настоянию Идена) он рекомендовал, чтобы мы сами без согласия с великими державами не решали вопрос о трансфере, мы должны, дескать, договориться с Великобританией и двумя другими и только затем окончательное решение провести. Мне показалось, что он хотел как бы отказаться от трансфера, ⟨хотя. — *В.М.*⟩ это не было сказано буквально, казалось также, что он лишь повторяет то, что ему сказали, но мне это не понравилось"[66].

С такими впечатлениями о позициях Англии Бенеш и отбыл в Москву, надеясь получить здесь полную поддержку своих планов. Меж тем, из "дома" по-прежнему поступала информация о радикальных настроениях населения в отношении судетских немцев: они "должны быть уничтожены и изгнаны. Когда говорят, что такое решение непрактично, народ обычно приходит в ярость"[67], — говорилось в одном из сообщений, полученных из страны в марте 1945 г., и это поддерживало решимость президента добиваться осуществления своих замыслов при поддержке Кремля. Среди десяти вопросов, которые он намеревался обсудить с советскими лидерами, на первом месте значился вопрос о границах с Германией, Венгрией и Польшей, а на втором — трансфер из Чехословакии немецкого и венгерского населения[68].

Было бы неправильно утверждать, что Бенеш "переметнулся" на сторону Москвы, как это иногда делают его современные критики. Он был искушенный и искусный политик-прагматик, который, как мог и как считал в тех конкретных условиях правильным, отстаивал на международной арене национальные интересы своей страны. К тому же его вера в обещания

inslav

Сталина, усилившаяся после визита в Москву в декабре 1943 г., теперь была подорвана событиями в Подкарпатской Руси осенью 1944 г. и явными намерениями Кремля поддержать там сепаратистское движение, направленное на немедленное присоединении этой области к СССР (УССР)[69]. Никаких иллюзий относительно Сталина у Бенеша уже не было. Об этом, в частности, свидетельствует запись в дневнике его секретаря Е. Таборского, сделанная 13 февраля 1945 г. и касавшаяся мнения президента об итогах Ялтинской конференции: "Если бы это было так в действительности, если бы только половина этих обещаний была выполнена, то было бы все в порядке. Но коммунисты никогда таких обещаний не выполняют, разве что их принудит к этому решительность западных держав. Они выполнят их лишь тогда, когда увидят, что их невыполнением могли бы потерять больше, чем получили бы, (выполнив. — *В.М.*). Я хорошо понимаю, почему Рузвельт и Черчилль придают такое большое значение тому, чтобы получить от Сталина буквальное обещание, что Советы будут придерживаться принципов Атлантической Хартии. Они получат тем самым ясное обязательство Сталина не вмешиваться во внутренние дела стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Но я надеюсь, что они теперь уже понимают, что все зависит не от слов, а от дел; и что проследят за тем, чтобы Сталин эти обещания хотя бы в основном выполнил. Решительная твердость и эффективная реакция на каждое нарушение обещаний, это единственно правильная англо-американская политика в отношении России. И западные союзники теперь это уже могут себе позволить, поскольку война сегодня уже практически выиграна. Я однако опасаюсь, что ни англичане, ни американцы еще не готовы к тому, чтобы справиться с этой суровой реальностью. Они будут говорить о демократии, в то время как коммунисты станут им сворачивать шею, где только смогут"[70]. Думается, Бенеш, хотя и надеялся на поддержку Кремля в ряде важных вопросов, все же был готов к тому, что и его "шея пострадает".

Уже тогда, когда Бенеш был в Москве, 20 марта 1945 г., Рипка беседовал по вопросу о трансфере с Гусевым и высоким чиновником Форин Оффис У. Стрэнгом (W. Strang). Советский посол заявил, что уже во время предыдущего посещения Бенешем Москвы "Сталин ясно высказался за принцип трансфера". Гусев сам полагает, телеграфировал Рипка Бенешу, что будет самым практичным, чтобы чехословацкое правительство уже во время освобождения страны договорилось с советскими военными органами о том, что и как надо делать с немцами, и в первую очередь с теми, которые появились в ЧСР после Мюнхена. Рипка снова повторил, что речь идет не только об этих немцах, а о выдворении примерно 2—2,5 млн немцев, которые

inslav

проживали в Чехословакии и с 1935 г. явно шли за Гитлером. "Чтобы трансфер такого числа мог быть проведен, необходимо, чтобы великие державы обязали Германию принять этих немцев на своей территории", — сказал Рипка. Гусев выразил понимание, заявив, что великим державам нужно договориться по этому вопросу, и что в ЕКК (Европейской консультативной комиссии. — *В.М.*) он будет поддерживать указанный тезис. Стрэнг же, по словам Рипки, "в вопросе о трансфере был крайне сдержан"[71].

Все намеченные Бенешем для обсуждения вопросы были затронуты во время его первой официальной беседы с Молотовым 21 марта 1945 г., на которой с чехословацкой стороны присутствовали Масарик и Фирлингер, а с советской — Вышинский и В.А. Зорин, только что назначенный послом СССР в ЧСР. Судя по записям, сделанным Зориным, Бенеш излагал свои взгляды по каждой конкретной проблеме, а Молотов реагировал на это в форме либо уточняющего вопроса, либо короткой реплики[72]. По вопросу о границах Бенеш напомнил, что он и чехословацкое правительство всегда определяли свои взгляды формулой "домюнхенские границы". Далее Бенеш заявил, что за три дня до его отъезда из Лондона англичане письменно заявили о своем отношении к этому вопросу, "сделав шаг вперед": "к моменту капитуляции Германии они согласны на передачу контроля чехословацкому правительству над территорией, входящей в домюнхенские границы", т.е. на 31 декабря 1937 г. Президент отметил также, что свою формулировку признания границ англичане намерены предложить для обсуждения в ЕКК в Лондоне и обещал передать советскому правительству текст английского заявления по этому вопросу. Молотов спросил, "претендует ли Бенеш на какие-либо территории сверх границ 1937 г." Президент ответил, что "он имеет некоторые претензии в пограничной с Германией области", но этой темы не развил и выразил надежду, что СССР окажет поддержку Чехословакии при обсуждении вопроса о границах в ЕКК.

Бенеш заявил о согласии англичан, с которыми он говорил год-полтора назад по этому "деликатному вопросу", с необходимостью трансфера немцев и венгров из Чехословакии. Однако, по словам президента, англичане, хотя и сообщили об этом официально, но лишь в устной форме, и пока колеблются подтвердить это письменно. Их опасения сводятся к тому, что: а) это касается не только Чехословакии, но и Польши и затрагивает переселение в целом 7—8 млн немцев; б) неизвестно, в какой из четырех зон оккупации Германии могут быть расселены выселенные немцы. Бенеш опасался возможности гражданской войны в Чехословакии в случае отказа от трансфера немцев. Англичане, по словам президента, ожидают мнения совет-

inslav

ского правительства по этому вопросу и не считают его простым. Он сказал также, что в ЕКК в Лондоне этот вопрос уже неофициально обсуждался, и что американцы не будут против выселения немцев.

Молотов заметил, что в принципе "отношение советского правительства к предложению выселения немцев положительное, но сейчас надо ставить вопрос практически, сколько и как надо выселять немцев" и что "по этому поводу хотелось бы иметь соображения Бенеша". По расчетам президента, из Чехословакии необходимо было бы выселить не менее 2 млн немцев, при этом в стране осталось бы 800 тыс.: "Вся немецкая буржуазия и интеллигенция, очевидно, уйдут, останутся рабочие, которые будут размещены среди чешского населения". Что касается венгров, то, по словам Бенеша, из 600 тыс. имеющихся в Чехословакии следовало выселить 400 тыс. Фирлингер заметил, что во время переговоров с Венгрией Молотов оказал в этом вопросе большую поддержку Чехословакии, на что Молотов отреагировал в том смысле, что хотя поддержка и была, но он "провалился" со своими предложениями. Бенеш отметил, что англичане "играли" с Чехословакией по этому вопросу, в частности, во время переговоров с Венгрией в Москве: они информировали, что Керру посланы инструкции поддержать чехословаков и их предложения, на самом же деле такие инструкции посланы не были. На этом обмен мнениями по указанному вопросу закончился. Запись этой части беседы, сделанная Фирлингером, по сути не отличалась от советской[73]. Во время последующих встреч Бенеша с советскими руководителями о трансфере больше не говорилось. В памятной записке о переговорах с Бенешем 21 марта, подготовленной Зориным и завизированной Молотовым 28 марта, значилось: "Переселение из Чехословакии немецкого и венгерского населения. Советское правительство принципиально высказывается за такое переселение, однако свои конкретные соображения может изложить по получении от чехословацкого правительства плана указанного переселения"[74].

Одной из задач, стоявших перед Бенешем во время его пребывания в Москве, было сформирование чехословацкого правительства, которое начало бы действовать на освобожденной территории, и выработка его программы. Проект такой программы, предложенный коммунистами, обсуждался 22—24 марта 1945 г. на ряде встреч представителей Загранбюро КПЧ и прибывших из Лондона представителей политических партий. Раздел, касавшийся выселения немцев и венгров, не вызвал серьезных замечаний. В. Майер (социал-демократ) заметил, что в документах по этому вопросу, разработанных ранее в Лондоне, прямо говорилось о трансфере, а в проекте этот

inslav

термин не упоминается, и "это разумнее". Я. Странский (национально-социалистическая партия) отметил, что иностранные правительства, получившие чехословацкий меморандум о трансфере, дали на него "сухой" ответ. «Западные державы, — сказал Готвальд, — трансфер уже отвергли. На переговорах о перемирии с Венгрией Бальфур и Гарриман отказались включить трансфер в условия перемирия, Молотов был "за". Большую помощь нам окажет Красная армия. Однако, все будет зависеть от того, как пойдут военные действия». На вопрос Странского, "как мы будем формулировать вину немецких крестьян", Готвальд ответил: "Все это произойдет без долгих церемоний". Странский сказал: "Согласен". С небольшими поправками раздел был одобрен[75].

В первой программе Национального фронта чехов и словаков, так называемой Кошицкой правительственной программе, не говорилось, с учетом сдержанной позиции англичан и американцев в этом вопросе, прямо о трансфере и о числе немцев и венгров, которые должны были покинуть Чехословакию. Излагались лишь принципы, подходы к решению вопроса. Правительство намеревалось придерживаться следующих правил: чехословацкое гражданство будет подтверждено и возвращение в страну гарантировано антинацистам и антифашистам, которые еще до Мюнхена вели борьбу против Генлейна и венгерских ирредентистских партий и за это после расчленения Чехословакии попали в тюрьмы, концентрационные лагеря или же вынуждены были эмигрировать и вести за границей борьбу за восстановление ЧСР. Остальные лица немецкой и венгерской национальности будут лишены чехословацкого гражданства, если оно имелось у них ранее. Просьбы об оптации должны рассматриваться властями в индивидуальном порядке. Те немцы и венгры, которые будут осуждены за преступления против республики, будут выдворены за ее пределы навсегда, если против них не будет заведено уголовное дело. Немцы и венгры, которые прибыли на территорию Чехословакии после Мюнхена, будут выдворены немедленно, если не подлежат уголовному преследованию. Исключение составляют лица, которые действовали в интересах Чехословакии[76].

Таким образом, выселение немцев и венгров поддержали все политические силы, которые были представлены в Национальном фронте чехов и словаков, взявшем на себя ответственность за организацию жизни в освобожденной стране. В Кошицкой программе, по сути, были отражены два из трех пунктов, о которых говорилось в вышеупомянутом меморандуме чехословацкого правительства и которые англичане рекомендовали включить в программу, т.е. о принципиальном проведении трансфера и лишении всех немцев чехословацкого гражданст-

inslav

ва. О создании органа, занимающегося переселением, в программе не упоминалось. Возможно, это было связано с надеждами на то, что практически выселение удастся провести с помощью советских военных органов в ходе освобождения страны, как об этом, в частности, говорил Гусев в беседе с Рипкой. С проектом программы еще до его обсуждения представителями чехословацких политических сил знакомились Зорин и Молотов. Раздел, касающийся выселения немцев и венгров, не вызвал у них замечаний[77].

Осуществление замысла

4 апреля 1945 г. сформированное в Москве первое правительство Национального фронта чехов и словаков прибыло в г. Кошице (Восточная Словакия). 5 апреля его программа была оглашена на торжественном заседании Словацкого национального совета. И хотя пока никаких законодательных актов принято не было, это оказалось достаточным, чтобы запустить "механизм выселения" немцев и венгров. На местах программа была воспринята, как "руководство к действию". Произошло то, чего опасался Бенеш: началась "расправа" над немецким и венгерским населением[78], именуемая в историографии "диким выселением", "изгнанием". В сознании чешского и в меньшей степени словацкого населения прочно укрепилось представление, что немцы должны покинуть Чехословакию в интересах ее спокойствия и безопасности, и местные органы, а часто и самозванные группы, как пишет Д. Ковач, "взяли дело в свои руки"[79].

В официальном обосновании необходимости выселения немцев чехословацкое правительство утверждало: "сегодня уже общепризнанно, что национальные меньшинства представляют серьезную угрозу внутреннему и международному миру и постоянную угрозу безопасности государства, в котором живут. Это относится прежде всего к немецкому и венгерскому меньшинствам... Имеющийся опыт, особенно после прихода нацизма и неслыханных жестокостей и массовых убийств, совершенных немцами в отношении чехословацкого населения, не позволяет надеяться, что чехословацкий народ может жить в мире с преобладающим большинством немцев в своем государстве. Республика не может терпеть на своей территории элементы, которые показали, что считают себя не гражданами чехословацкого государства, а членами соседнего враждебного народа и государства, которое они и считают своим культурным и политическим домом. Их присутствие создает постоянную опасность существованию республики... Поскольку не было и нет умысла насильственно ассимилировать или ликвиди-

inslav

ровать немецкими методами от двух до трех миллионов немцев, живущих на чехословацкой территории,.. [чехословацкое правительство] доказало необходимость выселения преобладающей части немецкого населения ЧСР"[80].

Свидетельствами о "диком выселении" немцев располагают и российские архивы. Материалы такого рода, например, имелись в Отделе международной информации (ОМИ) ЦК ВКП(б). В частности, еще в феврале 1945 г. здесь были получены сведения о том, что в Словакии насчитывается 26 тыс. немцев, которые "всецело поддерживают фашистский режим", что "среди всех слоев населения сильно распространены антинемецкие настроения" и что они "более сильны, чем в Венгрии. В немцах видят не только зачинщиков войны, но и грабителей, виновников бедствий, переживаемых населением"[81]. Пропасть между немецким и словацким населением, пишет Ковач, возникла уже в период Словацкого национального восстания и главным образом на повстанческой территории. "Ненависть в отношении немецкого нацизма вызывала у некоторых партизанских групп ненависть ко всему немецкому... На повстанческой территории дело дошло до насилия в отношении немецкого населения, причем в качестве довода насилия иногда было достаточно только быть немцем. После же подавления восстания наоборот представители немецкого меньшинства в сотрудничестве с немецкими военными частями совершали насилия не только в отношении повстанцев, но и в отношении мирного населения"[82].

Для чехов ненависть к немцам была еще более характерна. Вот как описывал это в информации, направленной в Глав-ПУРККА, а затем в отдел пропаганды ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрову в мае 1945 г., начальник политотдела 4-й танковой армии полковник Кладовой: "За время пребывания в Чехословакии бойцы и офицеры наших частей были неоднократно очевидцами того, как местное население свою злобу и ненависть к немцам выражало в самых разнообразных, подчас странных, необычных для нас формах. В районе гостиницы города Прага чехословацкие патриоты, собрав группу до 30 немцев, принимавших участие в подавлении восстания (имеется в виду майское восстание 1945 г. в Праге. — *В.М.*), заставили их лечь на дорогу лицом вниз, и каждого из них, кто пытался поднять голову, избивали палками. Продолжалось это в течение 40 минут. После чего немцы были выведены за город и там сожжены на кострах. Поймав кого-либо из руководителей гитлеровской клики г. Прага, чехословацкие патриоты обычно раздевали их до пояса, обливали краской, заставляли в таком виде работать по исправлению мостовой, разборке баррикад, при этом нередко избивали". Далее перечислялись

inslav

аналогичные примеры, касавшиеся не только Праги, но и других мест. "Все эти факты не единичны, — говорилось в донесении. — Почти в каждом случае в расправе над немцами принимает участие много населения... Все это объясняется огромной злобой и жаждой мести, которые питает чехословацкий народ к немцам за все совершенные злодеяния... Злоба и ненависть к немцам настолько велики, что нередко нашим офицерам и бойцам приходится сдерживать чехословацкое население от самочинных расправ над гитлеровцами"[83].

В беседе с заместителем наркома иностранных дел СССР С.А. Лозовским 20 июня 1945 г. это, по существу, подтвердил и министр просвещения кошицкого правительства, тесно связанный с коммунистами, З. Неедлы, отметивший, что в целом ряде мест "самим народом" были проведены "публичные казни" немцев. На вопрос Лозовского, подтверждаются ли сообщения о том, что "англичане и американцы настроены против проведения провозглашенного Бенешем выселения судетских немцев из Чехословакии", Неедлы сказал: "это абсолютно верно, американские войска всячески противятся этому мероприятию и усиленно защищают немцев". И далее министр добавил: "две проблемы совершенно ясны теперь для всех: необходимость поддерживать тесную дружбу с СССР и очищение Чехословакии от немцев. По этим двум вопросам не имеется между партиями никаких расхождений"[84].

Чехословацкое правительство рассматривало вопрос о трансфере на заседании 8 июня, на котором с докладом о внешней политике ЧСР выступил государственный секретарь В. Клементис (КПЧ). Заместитель председателя правительства Готвальд настаивал на как можно более скором разрешении этого, одного из самых жгучих для ЧСР вопроса. Другой заместитель председателя Й. Шрамек (народная, католическая, партия) выразил сожаление по поводу того, что министерство национальной обороны не дает точной информации о проведении трансфера, но с удовлетворением констатировал, что он "действительно происходит". Готвальд заметил, что речь идет о своего рода "трансфере из-под полы", "поскольку русские не создают трудностей, хотя для них самих такие трудности возникают". В ходе дискуссии утверждалось, что "маршал Конев трансфера желает и что можно ожидать такой же позиции со стороны маршала Жукова", однако необходимо убедить в этом англичан и американцев. Министр информации В. Копецкий (КПЧ) настаивал на решительном разоблачении кампании, ведущейся на Западе и в Швейцарии против Чехословакии в связи с выселением немцев. Правительство поручило министру иностранных дел разработать как можно более подробную мотивацию чехословацкой точки зрения по вопросу о трансфере

inslav

и передать соответствующий меморандум союзной контрольной комиссии (вероятно, совету. — *В.М.*) в Берлине, и, по возможности, совещанию руководителей трех великих держав (в Потсдаме. — *В.М.*), а также советскому послу[85].

КПЧ и КПС, как следует из изложенного выше, активно поддерживали идею выселения немецкого и венгерского меньшинства из Чехословакии. Руководство КПС, в частности, 16 июня 1945 г. приняло решение о необходимости сделать все, чтобы "немцы, проживающие на территории Словакии, кроме активных антифашистов, были собраны в концентрационные лагеря, а затем как можно быстрее отправлены за пределы ЧСР"[86].

Однако "быстрее" не получилось: союзники по антигитлеровской коалиции долго и трудно решали вопрос о том, сколько переселяемых немцев должно быть направлено в отдельные оккупационные зоны Германии. Чехословацкие власти были заинтересованы в скорейшем прояснении ситуации.

23 июня 1945 г. члены прибывшей в Москву для переговоров чехословацкой правительственной делегации Рипка, Клементис и Неедлы были приняты Вышинским. Они поставили перед ним ряд вопросов, которые хотели бы обсудить, в том числе и вопрос "о точке зрения советского правительства на переселение немцев из Чехословакии и возвращении чехословаков на родину". Вышинский отложил этот разговор, сославшись на необходимость предварительно ознакомиться с материалами по указанным вопросам[87].

25 июня возглавлявший делегацию Фирлингер, тогда уже премьер чехословацкого правительства, сделал от его имени заявление о необходимости переселения преобладающего большинства немцев и венгров с территории ЧСР. В нем содержалась просьба к правительству СССР поддержать эту акцию и разрешить переместить выселяемых в советские оккупационные зоны в Австрии и Германии, а также в Венгрию еще до подписания соответствующих соглашений по этому вопросу с остальными союзниками. Речь шла, во-первых, о той части немецкого населения, которая переместилась в Чехию и Моравию в 1938—1945 гг., и о тех, кто, отступая вместе с частями вермахта от приближающейся Красной Армии, оказался на территории Чехословакии; во-вторых, о всех фашистских "элементах", членах национал-социалистской и генлейновской партий, а также их семьях. Что касается остальной части немецкого (и венгерского. — *В.М.*) населения, то, как говорилось в заявлении, "подготавливается план его организованного переселения по этапам". Сообщалось, что в ближайшее время должен вступить в действие специальный декрет президента о чехословацком гражданстве, согласно которому его будут лишены все

inslav

немцы и венгры, кроме активных антифашистов и репрессированных фашистскими властями. Тот, кто пожелает остаться в ЧСР, будет получать гражданство в индивидуальном порядке. В заявлении говорилось, что при своей попытке избавиться от вышеуказанных категорий немецкого населения чехословацкое правительство встретилось со значительными трудностями, поскольку англо-американское главнокомандование "пока не разрешает переселение в те зоны, которые находятся под контролем англо-американских войск". Препятствуют выселению и польские административные органы, которые действуют на части соседней с Чехословакией германской территории. "Австрийское правительство со своей стороны возражает против того, чтобы принимать немецкое население даже в тех случаях, когда это население имеет австрийское происхождение, то есть проживает в областях Южной Чехии и Южной Моравии, тесно связанных с Австрией". Из вышеизложенного ясно, говорилось в заявлении, что единственной возможностью для проведения "немедленного организованного выселения" немецкого населения является его перемещение "в те части Германии и Австрии, которые находятся полностью под контролем и управлением советских военных органов". Далее утверждалось, что чехословацкое правительство намерено продолжать активные переговоры с правительствами Великобритании и США относительно выселения немцев также в зоны, находящиеся под контролем англо-американских войск. "Чехословацкое правительство, сознавая все (связанные с этим. — *В.М.*) для советских военных органов трудности, естественно, выполняло бы все условия организованного переселения, которые советское правительство посчитало бы необходимыми, — значилось в заявлении. — Для практического проведения организованного выселения желательно было бы, чтобы соответствующие чехословацкие административные и военные органы могли обращаться по всем вопросам прямо к соответствующим советским военным органам с тем, чтобы можно было точно установить, через какие пограничные пункты и в каком количестве отдельные группы немцев или венгров будут передаваться"[88].

Когда 28 июня 1945 г. Фирлингера и государственного секретаря Клементиса принимал Сталин, ему уже, конечно, было известно это заявление чехословацкого правительства. Относительно поднятого Фирлингером вопроса о выселении немцев и венгров из Чехословакии, советский лидер сказал: "Мы мешать вам не будем. Прогоняйте их. Пусть испытают на себе, что значит господство над другими". В связи с этим чехословацкий премьер попросил "дать указание советским военным о содействии этому выселению немцев и венгров". Сталин удивился: "А разве наши военные препятствуют этому?". Фирлингер от-

inslav

ветил: "препятствий нет, но хотелось бы иметь активное содействие". Реакции Сталина, как следует из советской записи беседы, не последовало[89]. У автора нет сведений о том, давались ли советским военным органам непосредственные указания о поддержке выселения немцев и венгров. Думается, что, имея в виду *организованный* трансфер, они, скорее всего, либо выполняли роль "регуляторов" процесса, либо "закрывали глаза" на происходящее, либо занимали позицию стороннего наблюдателя, не поддерживая активно, но и не пресекая действий местных властей и населения. По возвращении в Прагу Фирлингер на заседании чехословацкого правительства 2 июля заявил: "у Сталина, безусловно, положительное отношение к нашим требованиям относительно трансфера"[90].

4 июля чехословацкий представитель беседовал с маршалом Г.К. Жуковым относительно "трансфера нацистов" из чехословацкого пограничья в советскую оккупационную зону. Как значилось в чехословацкой записи беседы, "маршал Жуков готов принять нацистов с нашей онемеченной территории, однако необходимо определить пункты перехода, осуществить организацию при передаче, провести настоящий медицинский осмотр переселяемых лиц (из опасения эпидемических заболеваний) и т.д. Жуков добавил, что предпочел бы, чтобы его зоне был передан примерно 1 миллион (немцев. — *В.М.*), а остальные — американской оккупационной зоне". При этом подчеркивались чрезвычайные трудности с продовольствием и транспортом в советской оккупационной зоне, которые "несравнимо хуже, чем в западной, т.е. в английской и американской, зоне"[91]. Однако расчет на организованное выселение не оправдался. Декреты президента республики от 19 июня о наказании нацистских военных преступников, предателей и коллаборационистов и о создании чрезвычайных народных судов, от 21 июня о конфискации и ускоренном разделении сельскохозяйственного имущества немцев, венгров, предателей и врагов народа, а также от 20 июля о заселении сельскохозяйственных земель немцев, венгров и иных врагов народа чешскими, словацкими и другими крестьянами славянского происхождения только подлили "масла в огонь" и усилили стремление избавиться от немецкого и венгерского населения[92].

Меж тем вопрос уже получил широкую международную огласку, что грозило осложнением отношений между союзниками по антигитлеровской коалиции на предстоящей Берлинской (Потсдамской) конференции. Видимо, в преддверии встречи Сталина с новым президентом США Г. Труменом и Черчиллем (его затем сменил новый английский премьер К. Эттли) советское руководство нуждалось в полной информации, касающейся выселения немцев из Чехословакии. Возможно, именно в

inslav

связи с этим подобная справка была подготовлена чехословацким коммунистом Б. Геминдером, в то время директором так называемого НИИ-205, созданного при ОМИ ЦК ВКП(б), и в конце июня 1945 г. направлена Димитрову. Этот обширный документ, озаглавленный "К вопросу о немецком населении в Чехословацкой республике", состоял из двух частей. Первая включала следующие разделы: 1) программа чехословацкого правительства по вопросу о немецком и венгерском меньшинствах; 2) чешские политические деятели и партии об этом вопросе; 3) информация о практических мероприятиях и об отношении к немцам; 4) отклики за границей. Вторая часть включала справку о немецком и венгерском меньшинствах в Чехословакии; документы КПЧ о вине и ответственности немцев за содеянное в ЧСР; справку о лондонской группе Якша; некоторые документы чехословацкого правительства по немецкому вопросу; установки КПЧ, касающиеся немцев в Чехословакии[93]. Какова была дальнейшая судьба этого документа, неясно. Кто знакомился с ним, кроме Димитрова, тоже неизвестно. Возможно, его можно отыскать и среди подготовительных для Потсдамской конференции материалов.

Были и другие каналы поступления информации об отношении к немецкому населению в Чехословакии. В частности, донесение об этом 7 июля 1945 г. получил нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия. Его заместитель И.А. Серов сообщал своему шефу о жалобах граждан немецкой национальности "в адрес тов. Жукова и военных комендантов о том, что чехословацкие власти, выселяя немцев из Чехословакии, исключительно грубо обращаются с женщинами и детьми, не обращая внимания на заявления женщин о том, что их мужья арестованы гитлеровцами и до сих пор находятся в концентрационных лагерях. При этом указывается, что у населения отбирают все личные вещи и деньги, оставляя на дорогу лишь по 100 марок". "Как сообщают наши коменданты и начальники оперативных групп, — говорилось далее в донесении, — выселение немцев с территории Чехословакии происходит неорганизованно и без всякого предупреждения наших командиров. Неорганизованность выселения можно подтвердить такими фактами: в районе г. Эверсбах (Чехословакия) наш оперативный работник встретил командира 28-го стрелкового полка чехословацкой армии. В разговоре с ним оперативный работник установил, что командованию полка никаких указаний от правительства о выселении немцев не дано, но так как чехи, в том числе и он сам, очень не любят немцев, а их полк размещается в немецком районе, поэтому он и принял решение всех немцев переселить в Германию". "В результате такого переселения, — писал Серов, — в районах, граничащих с Чехословакией, собралось не-

inslav

сколько десятков тысяч переселенных немцев, которые ходят попрошайничают и голодают. Имеются случаи самоубийства". Серов считал, что "было бы целесообразно, чтобы чехословацкое правительство ставило в известность советскую военную администрацию в Германии о плане переселения"[94]. Скорее всего, такого конкретного плана тогда еще просто не было, во всяком случае, доведенного до сведения на местах. Да и сама местная власть находилась в процессе формирования. Национальные комитеты, если и возникали, то действовали в меру своего разумения и понимания ситуации, руководствуясь, скорее всего, настроениями населения и эмоциями.

Непосредственные сведения из страны по своим каналам получал и ОМИ ЦК ВКП(б). Так, 20 июля 1945 г. был получен пространный материал от Р. Сланского о положении в Чехословакии. Он давал ответы и разъяснения по ряду ранее поставленных Москвой вопросов, в частности и о переселении немцев. "Широкие массы чешского населения всех слоев, в том числе и рабочие, — писал Сланский, — резко настроены против немцев, они требуют твердого и радикального решения немецкого вопроса, выселения немцев и венгров из республики". Сообщая о начале переселения, он отмечал, что "при этом часто бывают перегибы, особенно со стороны чехословацких военных органов, которые нередко выселяют и антифашистские элементы... В первые недели, пока в пограничных районах находились только военные органы и разные отряды, руководимые авантюристическими элементами, нередко реакционными, шовинистическими чешскими офицерами, было много случаев перегибов по отношению к антифашистам, избиений немцев, разграбления имущества немцев и т.д.". Сейчас, как считал Сланский, "удалось овладеть положением"[95].

"Бюллетень Бюро информации ЦК ВКП(б). Вопросы внешней политики" (№ 16, 15 августа 1945 г.), говоря о внутриполитическом положении ЧСР, писал: "Выселение немцев и венгров из Чехословакии было начато без достаточной подготовки. В ряде мест, особенно в больших городах Словакии, Моравии и Судетской области, органы власти стали проводить насильственное выселение десятков тысяч немцев и венгров неорганизованно и без какой-либо дифференциации. Реакционные элементы развернули активную шовинистическую кампанию против всех немцев и венгров без исключения... Чехословацкое правительство и Словацкий национальный совет своевременно не вмешались в действия некоторых местных органов власти, приступивших к огульному выселению немцев и венгров, и не пресекли методов насилия, применявшихся ко всем немцам и венграм без разбора. Факты огульных репрессий против немцев и венгров вызвали резко отрицательную реакцию в ино-

inslav

странной прессе. Правительство предполагает провести заселение районов, которые будут освобождены от немцев и венгров, путем внутренней переброски в эти районы части чешского и словацкого населения, а также путем репатриации более 700 тыс. чехов и словаков, проживающих в Венгрии, Австрии, Румынии, Югославии и других странах"[96]. Видимо, можно сказать, что местные власти, используя антинемецкие настроения чешского населения и опираясь на негласную поддержку центральных органов, осознавших возможность англо-американского отказа от идеи трансфера, стремились "под шумок", пока вопрос не решен окончательно союзниками, избавиться от как можно большей части немецкого населения. Вопрос о выселении немцев и венгров был использован политическими партиями Чехословакии в борьбе за влияние на массы и за укрепление своего положения в освобожденной стране.

Жестокое обращение с немцами не вызывало осуждения со стороны чешского населения и даже наоборот встречало одобрение. Психологически это вполне объяснимо. Только что окончились война и шестилетняя оккупация чешских земель, коренным образом изменившие условия жизни людей и шкалу исповедуемых ими ценностей, наложившие серьезный отпечаток на их поведение и принимаемые решения. В чрезвычайных ситуациях, — а война и оккупация могут быть отнесены именно к ним, — восприятие "чужого", "враждебного", как считают психологи, происходит совершенно иначе, чем в мирное время. В этих условиях безграничная ненависть распространялась на всех без исключения немцев. Такой была и позиция, озвучиваемая представителями различных политических сил: немец — враг, фашист, нацист, гитлеровец, гестаповец и т.д. Ненависть "туманила мозги" и затрудняла восприятие врага как человека. Изгнание, экспроприация немецкого населения воспринималась в этой обстановке как справедливое и заслуженное возмездие. В первые недели после освобождения оно приобрело форму беспощадного массового интернирования и депортаций.

Аналогичным было отношение к немцам и в Польше. Как сообщало летом 1945 г. VII Управление ГлавПУРККА Димитрову, в верхних эшелонах власти в стране превалировали стремления "до мирной конференции избавиться любым способом от проживающих на территориях Германии, отошедших к Польше, двух миллионов немцев даже, если эту территорию придется превратить в пустыню"[97]. Можно согласиться с мнением многих чешских историков, а также отечественных исследователей Г.П. Мурашко и А.Ф. Носковой, что главной причиной возникновения жестко враждебного отношения со стороны основного населения Польши и Чехословакии к немцам

inslav

была политика фашистской Германии. "Память о поведении немецкого меньшинства, особенно в критических ситуациях кануна второй мировой войны, утрата национальной государственности, национальное унижение, массовое физическое истребление славян в годы войны, страх перед возможностью повторения германской агрессии — все это были факторы, формировавшие реальную атмосферу вокруг проблемы перемещения немцев"[98].

Советские военные власти, фиксируя происходившее, видимо, не препятствовали самочинной расправе над немцами. Во всяком случае, автор не располагает документальными подтверждениями этого. Почему? Здесь тоже пока нет прямых документов, дающих ответ на этот вопрос. Рискнем сделать следующие предположения. Сталин был сторонником сурового наказания немцев за совершенные ими злодеяния; по всей видимости, он также не отдавал приказа советскому командованию пресекать действия местных властей и населения Чехословакии и Польши, направленные против немецкого населения. И первое, и второе следуют из его ответа на вышеуказанный вопрос Фирлингера, заданный им на беседе со Сталиным 28 июня 1945 г. Кроме того, Кремль таким образом лишний раз демонстрировал свое невмешательство во внутренние дела освобождаемых Красной Армией стран. Но если Запад на момент окончания войны был скорее против трансфера, то Москва — однозначно "за". Она располагала к этому времени опытом массовых переселений населения на советской территории (немцы, поляки, украинцы, латыши, литовцы, эстонцы, крымские татары, калмыки, карачаевцы, ингуши, чеченцы, балкарцы) и считала этот метод наиболее действенным в решении политических вопросов, в том числе и международного характера. Наконец, гипотетически можно представить, что в преддверии Потсдамской конференции советское руководство хотело оказать давление на своих западных партнеров, показав им: видите, что происходит, если не ввести процесс в законные рамки и не принять официальных решений о трансфере. Если последнее предположение правильно, то цель была достигнута.

К этому времени были заключены соглашения о зонах оккупации Германии и о контрольном механизме в Германии. 5 июня в Берлине состоялось подписание декларации о её поражении и взятии верховной власти на территории Германии правительствами СССР, США, Англии и Временным правительством Франции. В работе проходившей с 17 июля по 2 августа 1945 г. Берлинской (Потсдамской) конференции вопрос о Германии занял центральное место. Задача конференции состояла в том, чтобы решить основные проблемы послевоенного урегулирования, выработать программу длительного и

inslav

справедливого мира в Европе, не допустить новой агрессии со стороны Германии. В Потсдаме, помимо прочего, была установлена новая польско-германская граница по линии Одер — Западная Нейсе. В связи с этим была достигнута и договоренность о перемещении в Германию немецкого населения или части его, оставшейся в Польше, Чехословакии и Венгрии. Оговаривалось, что трансфер должен производиться организованным и гуманным способом и что Союзный Контрольный совет (СКС) по Германии должен обратить особое внимание на справедливое распределение прибывающих немцев по всем зонам оккупации. Всего из восточноевропейского региона надо было переселить 6—6,5 млн немцев. В связи с масштабностью задачи и увеличением "тяжелого бремени", ложившегося на плечи оккупационных властей, правительствам Польши, Чехословакии и Союзной Контрольной комиссии в Венгрии предлагалось воздержаться от дальнейшего выдворения немцев впредь до выработки СКС предложений о времени и темпах реализации этой акции[99].

Соответствующее постановление СКС было принято 20 ноября 1945 г. В нем указывались маршруты, сроки и численность немецкого населения, подлежащего перемещению в оккупационные зоны Германии. Перемещение населения, но в ограниченных масштабах, должно было начаться еще в конце 1945 г. Наивысшие квоты были установлены на май — июнь 1946 г. Намечалось закончить переселение к 1 августа 1946 г. Из Польши предполагалось выселить 3,5 млн человек, из Чехословакии — 2,5 млн, в том числе в американскую оккупационную зону 1 750 тыс., в советскую — 750 тыс. человек, из Венгрии — 0,5 млн человек. К этому времени значительная часть немцев, проживавших в Судетской области, в районах Восточной Германии, оккупированных Красной Армией, и в Венгрии, уже покинула места своего прежнего жительства. Они уходили с отступавшими частями германской армии и по собственной инициативе, опасаясь мести. По некоторым сведениям таких "добровольцев" было около 5 млн человек[100]. Например, Нееды в вышеупомянутой беседе с Лозовским утверждал: "В Праге до войны было 20 тыс. немцев, во время войны — 500 тыс., но все бежали"[101]. Министр внутренних дел В. Носек (КПЧ) заявил 8 июня, что "многие немцы покидают нашу территорию добровольно, и относительно небольшая часть их возвращается"[102].

Что касается Словакии, то часть немецкого населения, опасаясь приближавшейся Красной Армии, стала покидать Словакию уже осенью 1944 г. по прямому приказу Г. Гиммлера. Эвакуация, иногда и принудительная, была организована Немецкой партией, возглавляемой Ф. Кармазином, а затем её осуществляли непосредственно германские военные органы и СС.

inslav

Эшелоны направлялись преимущественно в Судеты. Из Братиславы многие немцы бежали в Австрию. Согласно данным Немецкой партии перед приходом Красной Армии из Словакии выехало 120 из 130 тыс. проживавших там немцев. Однако примерно 30 тыс. эвакуированных и беженцев, не вынеся трудностей жизни вдали от дома и надеясь на лучшее, возвратились на свое прежнее местожительство в Словакии. Но здесь они были интернированы в так называемые трудовые лагеря, где и ожидали теперь уже организованного официальными чехословацкими властями выселения[103]. В начале 1946 г. в таких лагерях числилось 26 296 человек[104]. Антисанитарные условия, плохое питание, скученность приводили к эпидемиям (тиф) и высокой смертности их обитателей, выданных, по существу, на милость лагерных администраций, которые в большинстве случаев не проявляли особого милосердия к своим подопечным.

3 августа 1945 г. министр иностранных дел ЧСР Я. Масарик информировал правительство о решениях Потсдамской конференции по вопросам трансфера и об отличиях во взглядах американского и английского послов в Праге, с одной стороны, от позиции советского посла — с другой, на указанные решения. В связи с этим Клементис, встретившись с Зориным 13 августа, поинтересовался, почему в Потсдаме было принято решение о временной приостановке трансфера немцев и не сделано ли это по инициативе англичан и американцев. Ответ был таков: "У меня нет более точной информации, но я знаю, что сначала были разные трудности в переговорах, и только после выборов в Англии (Черчилля на посту премьера сменил лейборист К.Р. Эттли. — *В.М.*) по этому вопросу было достигнуто более быстро согласие". Во время беседы Клементиса с английским послом в Праге Николсом, тот заявил, что проведение трансфера возможно самое быстрое в течение двух лет и что поэтому нельзя ожидать, чтобы немедленно было разрешено возобновить временно запрещенное выселение[105].

Бенеш 2 августа, т.е. в день принятия решения Потсдамской конференции о выселении немцев (ходатайство Чехословакии о выселении венгров не было удовлетворено), подписал декрет № 33/1945 (он вступил в силу 10 августа), лишавший чехословацкого гражданства лиц немецкой и венгерской национальностей, кроме тех, кто остался верен Чехословацкой республике, участвовал в борьбе за ее освобождение или стал жертвой нацистского террора. Эти лица в индивидуальном порядке могли подавать прошения о возвращении им гражданства[106]. Таким образом, принцип коллективной вины был закреплен в конкретном правовом акте, создавшем соответствующую законную базу для массового выселения немецкого населения из ЧСР.

inslav

В тот же день чехословацкое правительство приняло решение пригласить в Прагу для обсуждения вопроса о перемещении немецкого населения Командующего советскими оккупационными войсками в Германии маршала Жукова. Тот приглашение не отверг, но просил, чтобы оно было оформлено через Наркомат иностранных дел в Москве. При этом он сказал беседовавшему с ним генералу Ф. Грабчику, что вопросы эвакуации немцев из ЧСР решает теперь СКС, при котором была создана особая комиссия из представителей трех великих держав, и что подготовительные работы будут завершены в течение 1—2 месяцев. "Если будет необходимо, маршал Жуков позаботится о том, чтобы наше правительство получило приглашение Контрольного Совета прислать (своих. — *В.М.*) представителей", — значится в чехословацкой записи беседы. Далее, согласно этой записи, Жуков попросил уведомить чехословацкое правительство о том, что "он будет всемерно содействовать тому, чтобы все немцы были эвакуированы из ЧСР. Однако они должны быть распределены *по всей Германии* (курсив мой. — *В.М.*), учитывая экономические условия зоны, оккупированной Советской армией. Он дал понять, что эвакуация немцев от нас будет проведена, возможно, и вопреки воле союзников, и подчеркнул, что Советский Союз заинтересован в этой эвакуации, как и мы. Когда ему была выражена благодарность за эту помощь, он снова уверил нас в своей поддержке, поскольку, дескать, получил в этом плане указания из Москвы". На просьбу возобновить после двухмесячного перерыва, еще до окончательного решения всего вопроса, частичное переселение немцев (примерно 200 тысяч), Жуков ответил, что пока на это нельзя рассчитывать, поскольку на территорию, оккупированную советскими войсками, нахлынуло огромное количество немцев из Польши, "с которыми много хлопот". Жуков вместе с тем согласился с просьбой избавить ЧСР от 140 тыс. граждан рейха, заметив, что для этого потребуется изучение и решение вопроса его штабом. Относительно создания чехословацкой военной миссии при СКС заместитель Жукова генерал Соколовский заявил, что это не встретит возражений, поскольку принятие бельгийской и голландской миссий было Советом уже разрешено[107].

Таким образом, выселение немцев из Чехословакии временно приостановилось. Оно возобновилось только 25 января 1946 г. и завершилось в основном в октябре 1946 г., хотя последние эшелоны из сборных лагерей покидали Чехословакию еще и летом 1947 г. По словам Готвальда, который после выборов в парламент в мае 1946 г. занял пост председателя правительства, этот вопрос стал носить уже чисто организационный и технический характер[108]. Выяснялись и согласовывались конкретные

inslav

детали: сколько переселенцев, в какую оккупационную зону, когда и по каким маршрутам будет направлено.

4 января 1946 г. на заседании чехословацкого правительства было констатировано, что все готово для организованного выселения немцев, которое должно пройти в три этапа. На первом из них, до июня 1946 г., предполагалось выселить бóльшую часть немецкого населения. На втором покинуть ЧСР должны были лица, работавшие на важных предприятиях в пограничье, в лесном и сельском хозяйстве. На третьем — высококвалифицированные специалисты.

Не прекращались сложные переговоры с союзниками о том, в какую оккупационную зону Германии должны быть направлены выселяемые немцы. Например, 25 января 1946 г. Клементис просил Масарика, находившегося в это время в Лондоне, выяснить у Вышинского, который был там же, некоторые вопросы, связанные с перемещением немцев в советскую оккупационную зону. "Как Вы, конечно, помните, — писал он, — генерал Соколовский, заместитель Жукова в Берлине, прекратил это переселение (кроме принятия 30 000 немецких антифашистов), мотивируя тем, что мы уже давно перекрыли квоту 750 000. Ноту такого же плана мы получили и от Зорина". Клементис полагал, что в данном случае речь идет или о фактической ошибке, или о неправильной интерпретации решения "берлинской Контрольной комиссии" (вероятно, Совета. — *В.М.*)[109].

Вопрос остался открытым, и его обсуждение было продолжено в Москве. 21 марта 1946 г. Вышинский принял посла ЧСР в СССР Й. Горака, который подчеркнул, что "в Чехословакии остается еще большое количество немцев, несмотря на то, что по сообщению советского посольства в Праге от 21 декабря (1945 г.. — *В.М.*) план переселения немцев в советскую зону оккупации уже перевыполнен". "Посольство, очевидно, включает в это число, — сказал Горак, — и немцев, выселенных до 20. XI. 1945 г., тогда как постановлением Союзного Контрольного совета от 20. XI. 1945 г. должно быть выселено из Чехословакии около 2,5 млн человек, в каковое число не должны включаться те, кто был выселен в Германию до этого постановления". Посол просил оказать содействие в том, чтобы в советскую зону оккупации было принято дополнительно до 400 тыс. человек. Вышинский "разъяснил Гораку, что в 2 500 000 немцев входят как уже переселенные из Чехословакии в Германию, так и подлежащие переселению", и что он сомневается "в возможности дополнительного переселения немцев в советскую зону оккупации Германии, так как в эту зону уже переселились 773 тыс. человек, что превышает установленную норму". На вопрос Вышинского, сколько всего немцев подлежит переселе-

inslav

нию и сколько переселено в зоны оккупации союзников, Горак ответа не дал[110].

Но, спустя несколько дней, 24 марта, посол вручил Вышинскому Памятную записку, в которой излагалась история принятия решений по этому вопросу и их понимание правительством ЧСР. В конце октября 1945 г., говорилось в записке, СКС обратился к чехословацкому правительству с вопросом, сколько немцев подлежат *еще* (курсив мой. — *В.М.*) выселению из Чехословацкой республики в Германию. Слово "еще", как будет видно из дальнейшего, несло определенную смысловую нагрузку. Так ли был сформулирован вопрос в запросе СКС, выяснить не удалось. В конце октября 1945 г., значилось далее в записке, чехословацкое правительство передало Контрольному совету свой ответ, в котором уточнило количество бывших граждан Чехословацкой республики немецкой национальности, подлежащих *еще* (курсив мой. — *В.М.*) выселению в Германию, числом 2,5 млн лиц. На основе этого числа Контрольный совет решением от 20. XI. 1945 г. постановил выселить в советскую зону *еще* (курсив мой. — *В.М.*) 750 тыс. и в американскую зону 1 750 тыс. немцев. Кроме того, Контрольный совет постановил, что в декабре 1945 г. можно из совокупного числа выселить 10%, в январе 1946 г. — 5%, в феврале — 5%, в марте и апреле — по 15%, в мае и июне — по 20%, в июле — 10% немцев. Нотой от 21 декабря 1945 г., говорилось в записке, посольство СССР в Праге известило чехословацкое министерство иностранных дел о том, что по приказу Командования советских оккупационных войск в Германии был прекращен прием в советскую зону немцев из Чехословакии ввиду того, что туда прибыло уже значительно больше немцев, чем это было предусмотрено решением Контрольного совета (т.е. 773 840 лиц). Далее разбирался вопрос о том, какую дату надо считать решающей для уточнения количества переселяемых немцев. По мнению чехословацкого правительства, такой датой следовало считать "день упомянутого решения Контрольного совета, т.е. 20. XI. 45". Утверждая, что "советское командование выбрало решающей датой, кажется, месяц май 1945 г.", правительство ЧСР выражало сомнение в правильности такого выбора и считало, что "таким образом невозможно исполнить план выселения 750 000 немцев по решению Контрольного совета". Выражались сомнения и относительно точности числа 773 840, поскольку "невозможно точно определить движение населения в таких исключительно военных обстоятельствах и в первое время после разгрома Германии". Чехословацкое правительство полагало, что на основании собранных им данных с мая 1945 г. "добровольно выселилось или подверглось выселению в советскую зону не более, чем 450 000 лиц". В это число включены не только бежен-

inslav

цы из Чехословакии, но также лица, переселившиеся во время войны из Германии в ЧСР. Этих лиц, полагало чехословацкое правительство, "нельзя включать в число 2 500 000". Наконец, обращалось внимание на то, что "почти 100 000 беженцев из Верхней Силезии находятся до сих пор на территории Чехословацкой республики. Так как главнокомандующий советских оккупационных войск в Германии маршал Советского Союза Жуков в августе 1945 г. обещал выселение этих беженцев в советскую зону, чехословацкое правительство просит, чтобы репатриация этих лиц была произведена без препятствий, несмотря на то, что нынешний приказ прекращает выселение в советскую зону всех немцев вообще"[111].

Поскольку решение вопроса, казалось, зашло в тупик, чехословацкое правительство поручило министру внешней торговли Рипке, направлявшемуся в Москву во главе торговой делегации, обсудить проблему с советскими руководителями. Рипка затронул его во время беседы со Сталиным 11 апреля 1946 г., попросив советского лидера оказать содействие выселению немцев в советскую зону в соответствии с чехословацкими пожеланиями. В телеграмме о ходе беседы, направленной участвовавшим в ней Гораком в Прагу 12 апреля, говорилось: "После подробных разъяснений, сделанных Гораком, Сталин по телефону связался с Жуковым и потом нам сообщил, что выселение оставшихся 675 000 в советскую зону будет определенно проведено, при этом буквально констатировал, что соглашение должно быть выполнено так, как было договорено"[112].

Вернувшись в Прагу, Рипка 16 апреля 1946 г. на заседании правительства доложил о результатах своей поездки в Москву, рассказав более подробно о беседе с советскими руководителями. Во-первых, он упомянул, что до этого Горак был принят Молотовым, которому высказал опасения, что американцы могут снизить дополнительно контингент перемещаемых в их зону немцев. Молотов заявил, что это невозможно и что немцы должны покинуть ЧСР. То же самое, по словам Рипки, говорил и Сталин, который в присутствии Рипки и Горака позвонил Жукову. "Было слышно, как Жуков пытался защитить свою точку зрения о том, что он не должен принимать слишком много немцев. Однако Сталин ему сказал, что он не заинтересован в том, чтобы немцы остались у нас (т.е. в Чехословакии. — *В.М.*); что не стоит прибегать ни к каким увертkам, и потребовал у Жукова, чтобы тот ясно сказал, что перемещение в советскую зону (оккупации. — *В.М.*) в Германии возможно. Жуков на это ответил, что выселение возможно, и Сталин потом сообщил нашему министру (Рипке. — *В.М.*), что вопрос будет урегулирован в соответствии с нашими желаниями". Рипка подчеркнул "жизненную важность" для Чехословакии выселения немцев. "Ста-

inslav

лин полностью согласился с этим. Сам он сказал, что немцам не может верить, что сомнительно, чтобы перевоспитание могло осуществиться на протяжении жизни двух поколений. Видно было, что он так же резко настроен против них, как и во время войны. Он сказал, что это интересный народ. Когда им приказывают, они работают великолепно, они прилежны и исполнительны, но как только команды нет, все это исчезает. Он добавил, что не знает, что произойдет, когда Советы и остальные союзники уйдут из Германии. Германия, хотя и потерпела поражение, но германский вопрос остался... Сталин высказал еще пожелание, чтобы выселение проводилось организованно и полюдски, ни в коем случае не нацистскими методами. Министр его заверил, что так и происходит"[113].

Как видно из приведенных выше документов, мнение Сталина и Молотова по данному конкретному вопросу расходилось с позицией Жукова и Вышинского, который был его политическим советником в СКС. Можно предположить, что такая позиция обусловливалась не только соображениями экономического порядка, т.е. трудностями со снабжением и транспортом в советской зоне оккупации Германии, но и опасениями политико-идеологического плана, а именно того, что на этой территории, где уже развернули активную деятельность немецкие коммунисты во главе с В. Ульбрихтом, прибавиться число "обиженных и пострадавших", возможно, эвентуальных сторонников нацистской идеологии. Как бы то ни было, но желание Сталина являлось законом, и выселение немцев из ЧСР в советскую оккупационную зону продолжилось. Надо заметить, что в условиях, когда Чехословакии отводилась роль "форпоста" укрепления советского влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе[114], Москва была заинтересована в том, чтобы быстрее стабилизировать обстановку в этой стране, не допускать роста социально-политической напряженности, содействовать укреплению влияния коммунистов под национальными и демократическими лозунгами. В первом правительстве Национального фронта чехов и словаков КПЧ занимала весьма сильные позиции. Отсюда и желание Сталина поддержать намерения Бенеша и правительства в целом избавиться как можно скорее от "немецкого элемента", задержка которого на чехословацкой территории могла повлечь за собой дополнительную напряженность в ЧСР, нежелательную с точки зрения советского лидера. Возможно, ему казалось, что перемещенные в Германию и распределенные по всем оккупационным зонам "чехословацкие немцы" не будут столь опасны, как, если бы они остались в местах своего прежнего компактного проживания. 3 мая 1946 г. на переговорах чехословацкого представителя с командованием советской оккупационной зоны в Берлине

inslav

было принято решение о возобновлении с 1 июля приема эшелонов с выселяемыми немцами. 14 мая 1946 г. Рипка информировал правительство, что в течение июня — октября этого года с территории ЧСР в советскую зону оккупации будет перемещено 650 тыс. человек. Если в первой половине 1946 г. эшелоны с выдворяемыми немцами шли преимущественно в американскую зону оккупации Германии, то во второй половине этого года также и в советскую.

С начала 1946 г. велись переговоры о выселении немцев и с американцами, выдвинувшими при этом ряд условий, с которыми чехословацкое правительство в конце концов должно было согласиться. Они состояли в следующем: перемещаться могли только целые семьи во главе со своим основным кормильцем; нельзя было отправлять беременных женщин, рожениц, больных и лиц с подозрением на инфекционные заболевания; каждый эшелон должны были сопровождать врач и медицинский персонал; выселяемые лица должны были иметь при себе соответствующие документы, питание как минимум на три дня и багаж весом до 50 кг[115]. В американскую зону оккупации таким образом предполагалось выселить 1 млн 750 тыс. немцев.

Результаты

Итоговая информация о переселении немцев была заслушана чехословацким правительством 17 декабря 1946 г. Отмечалось, что 150 тыс. лиц немецкой национальности пока остаются в ЧСР: часть в связи с экономическими потребностями (незаменимые специалисты), часть будет перемещена в 1947 г. в американскую оккупационную зону, а оставшиеся распределены по территории Германии[116]. В итоговом официальном сообщении о выселении немцев говорилось, что до конца ноября 1946 г. из Чехословакии было выселено 2 197 286 человек, в том числе в американскую зону 1 447 236, а в советскую 750 тыс. лиц, и что выселение в апреле будет продолжено[117]. Затем эти цифры уточнялись. В материалах, подготовленных для конференции министров иностранных дел, которая должна была состояться в начале 1948 г. в Лондоне, указывалось, что до 31 июля 1947 г. в американскую зону было выселено 1 223 059, а в советскую 636 482 человека. В период неорганизованного переселения в американской зоне оказалось примерно 223 тыс., а в советской — 150 тыс. лиц. Таким образом, всего в Германию из Чехословакии тем или иным способом было перемещено несколько более 2 232 тыс. человек, и чехословацкое правительство надеялось выселить еще 109 000 немцев[118].

inslav

Из Словакии до 1 октября 1946 г. преимущественно в советскую зону оккупации было выселено 32 450 немцев. Немецкое меньшинство в этой части Чехословакии практически прекратило существование. Остались только немногие, да и те, опасаясь преследований, постепенно "словакизировались"[119].

Хотя официально было заявлено, что выселение немцев из ЧСР в основном завершено, переговоры с американской стороной о фактическом его окончании продолжались и далее. Учитывая изменение в международной обстановке, постепенное вползание мира в "холодную войну", различия во взглядах Запада и СССР на решение германского вопроса и заключение мирного договора с Германией, американцы упорно отказывались принимать из Чехословакии новые эшелоны с переселенцами. Они мотивировали тем, что 250 тыс. немцев тем или иным способом покинули Чехословакию и переместились в американскую зону еще до начала организованного переселения. 22 апреля американскому послу в Праге Л.Д. Штейнгарду был вручен меморандум, в котором говорилось, что даже с учетом 250 тыс. немцев якобы перешедших в американскую зону в период "дикого переселения", квота в 1 750 тыс. человек, определенная Потсдамской конференцией для этой зоны, еще не исчерпана, что американцы должны принять еще более 200 тыс. переселенцев, в то время как чехословацкая сторона просит о принятии лишь 103 тыс. лиц[120]. Военная администрация американской оккупационной зоны, не отвергая напрямую решение Потсдамской конференции, тем не менее заявляла о невозможности принятия новых переселенцев из Чехословакии ввиду сильной перенаселенности зоны. Говорилось также о диспропорциях в контингенте переселенцев, 69% которого составляют женщины, а также много детей. Чехословацкая сторона упрекалась в том, что оставила у себя лучшую рабочую силу, а "отбросы" направила в американскую зону. Допускалось, что туда может быть принято еще примерно 50 тыс. человек, но при условии, что из зоны будут выселены беженцы и те, кто перешел в нее из советской оккупационной зоны. А это означало, как пишет Д. Ковач, что выселение откладывалось на неопределенный срок, и рушились планы чехословацкого правительства о том, что в стране не останется ни одного подлежащего выселению немца[121].

В этой ситуации возник план переселения оставшихся немцев из пограничья во внутренние районы Чехословакии и их "распыления" по стране в целях ее безопасности. Министерство обороны предписывало, чтобы вблизи государственных границ на всем их протяжении не оставалось ни одного немца. Отдельные семьи или небольшие их группки направлялись на работы в лесное и сельское хозяйство, а также на шахты, что об-

inslav

легчало процесс ассимиляции, "чехизации" и "словакизации", немецкого населения.

Итак, немцы, проживавшие в Чехословакии, прежде всего в Судетской области, сыграли роль своеобразного "троянского коня" в планах Гитлера ликвидировать республику. Сразу после марта 1939 г. в чешском некоммунистическом движении Сопротивления родилась мысль о выселении после войны немецкого населения из ЧСР. Находившийся в эмиграции президент Э. Бенеш, который возглавил борьбу за восстановление страны в домюнхенских границах, поддержал эту идею, намереваясь возродить республику, как государство трех славянских народов — чехов, словаков и подкарпатских украинцев (русин). Началась разработка и обсуждение планов выселения, именуемого трансфером. Бенеш понимал, что без поддержки союзников по антигитлеровской коалиции такую акцию реализовать не удастся. Так вопрос приобрел международный характер. Англичане и американцы сначала в принципе не возражали против выселения, но в конце войны, ознакомившись поближе с конкретными чехословацкими предложениями, стали проявлять известную осторожность, ссылаясь на неготовность западного общественного мнения к такому решению вопроса и опасаясь чрезмерного укрепления советского влияния в Чехословакии. Советский Союз с самого начала поддержал выселение немцев и в принципе, и в его конкретных способах. В конце концов Запад согласился на выселение немцев из Польши, Чехословакии и Венгрии, что было зафиксировано в решениях Берлинской (Потсдамской) конференции в июле—августе 1945 г. Надо заметить, что эти решения принимались хотя и после окончания войны в Европе, но еще до окончания второй мировой войны в целом. Запад пошел на них под давлением обстоятельств, не желая ставить под угрозу участие СССР в войне против Японии, а Советский Союз, будучи уверен в их правильности и стремясь к стабилизации положения в освобожденной Чехословакии, форпосте своего влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе. Надо иметь в виду, что принимаемые в условиях войны политические решения, не всегда представляются оправданными в условиях мирного времени. Но, как утверждал великий грузинский поэт Шота Руставели, "каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны". А в данном случае, не только со стороны, но и с полувековой дистанции. Правильным, думается, было бы считать, что виновником выселения немцев была политика нацистской Германии, наложившая, к сожалению, черное пятно на весь немецкий народ и имевшая впоследствии нежелательный политический резонанс.

По данным Й. Сламы, изучавшего последствия, согласно его терминологии, "вынужденного перемещения" немцев для Че-

inslav

хословакии, всего ЧСР в первые послевоенные годы покинуло 2 996 тыс. лиц немецкой национальности, в том числе Чешские земли — 2 820 тыс., Словакию — 176 тыс. В процессе неорганизованного переселения было выдворено 660 тыс. человек (из Чешских земель — 650 тыс., из Словакии — 10 тыс.), организованного — 2 256 тыс. (из Чешских земель — 2 100, из Словакии — 156 тыс.), дополнительного — 80 тыс. (из Чешских земель — 70, из Словакии 10 тыс.). Если исходить из того, что в обеих частях восстановленной в 1945 г. ЧСР в конце 1944 г. проживали 15 567 тыс. человек, то ее население в результате трансфера и добровольно-вынужденного переселения немцев сократилось на 19,3%, т.е. почти на пятую часть. Особенно это коснулось Чешских земель. В 1937 г. здесь проживали 10 888 540 человек, в том числе 3 125 555 немцев (29,3%). В 1945 г. из 10 692 912 жителей их осталось 2 809 000 (26,3%), в 1946 г. — из 9 523 266 человек 1 357 000 (14,2%), в 1947 г. — из 8 765 239 — 180 000 (2%), в 1948 г. — из 8 893 104 — 170 000 (1,9%). В последующие годы число немцев в Чехии неуклонно продолжало сокращаться: в 1991 г. из 10 298 731 жителей их насчитывалось уже только 47 789 (0,5%)[122]. Очевидно, за 40 лет "социалистического строительства" оставшиеся в стране либо были ассимилированы, либо "добровольно" покинули Чехословацкую социалистическую республику.

Территории прежнего проживания немцев заселялись чешскими и в меньшей степени словацкими колонистами, а также реэмигрантами и репатриантами. Вот как выглядел этот процесс в Пограничье, где число жителей в феврале 1945 г. составляло 860 000, в августе того же года — 1 240 000, в декабре того же года — 1 730 000, в мае 1946 г. — 2 000 000, в конце 1948 г. — 2 590 149 человек. Й. Слама полагает, что "большие территории государства обезлюдели и до сих пор заселены не полностью"[123]. В социальном плане среди колонистов преобладали сельскохозяйственные рабочие, бедные крестьяне, мелкие городские предприниматели и ремесленники. В политическом отношении, как показали парламентские выборы мая 1946 г., значительная их часть составила электорат КПЧ, активно ратовавшей за предоставление им земли и создание сносных условий существования. В этом сходятся многие современные чешские исследователи. З. Сладек, например, пишет: "Непосредственные последствия выселения (немцев. — *В.М.*) для политического развития после 1945 г. известны: усиление политических позиций коммунистов, особенно среди крестьян в пограничных районах государства"[124]. В ходе колонизации в Пограничье возникло около 130 тыс. новых крестьянских хозяйств. Только 30 тыс. из их собственников имели в прошлом свою землю, но, как правило, не более 2 га. Члены остальных 100 тысяч работа-

inslav

ли на чужой земле и не имели, следовательно, навыков ведения собственного хозяйства, средние размеры которого в Пограничье были довольно крупными и достигали 13 га.[125]

С выселением немцев ЧСР потеряла значительное число высококвалифицированных наемных работников, в том числе технических сил, коммерсантов, рабочих, а также много самостоятельных предпринимателей во всех сферах экономики, начиная с сельского хозяйства и кончая коммунальными службами. Новые переселенцы по сравнению с перемещенным немецким населением были менее квалифицированными и менее связанными с индустрией. Однако экономические последствия выселения немцев тогда не были первостепенно важными с точки зрения упрочения нового, "народно-демократического" режима. Куда более важными являлись непосредственные социально-политические последствия этой акции: предоставление новых рабочих мест для чешского и словацкого населения, конфискация под национальными лозунгами не только крупной, но и мелкой немецкой собственности, перемещение части промышленных предприятий в Словакию в рамках "плана индустриализации" этой менее развитой области страны, создание более однородной национальной структуры ЧСР, что представлялось особенно важным с точки зрения ее внутриполитической стабильности и предотвращения возможных в будущем агрессивных поползновений со стороны Германии. Отдаленные международно-политические последствия выселения немцев в то время, конечно, не просчитывались, да и не могли быть просчитаны. Естественно, никто не мог предвидеть распада в конце XX в. только начавшего тогда строиться после окончания войны "социалистического лагеря", крах "коммунистических" режимов в СССР и в странах зоны его влияния, прекращение существования Чехословакии как единого государства и создание самостоятельных Чешской и Словацкой республик, повернувшихся "лицом к Западу" и стремящихся включиться в его политические, экономические и военные структуры.

В этих новых условиях вновь стал актуальным и вопрос о выселении немецкого населения из Чехословакии в послевоенные годы, который был поднят сначала политиками, а затем уж привлек к себе внимание и историков[126]. И еще несколько слов по поводу ведущихся ныне дискуссий политико-лингвистического, терминологического, плана о том, как называть то, что произошло с "чехословацкими немцами" после войны. В документах исследуемого времени встречаются самые разнообразные термины: выселение, переселение, перемещение, трансфер (главным образом в документах международного характера), изгнание, выдворение и пр. Многие сторонники "восстановления справедливости" на Западе предпочитают

inslav

пользоваться термином "изгнание", с чешской стороны, как представляется, чаще звучит термин "выселение". Й. Слама, как уже говорилось, как будто нашел компромиссный термин "вынужденное переселение". Однако, думается, все же более правильно говорить о выселении (во всяком случае, для периода после Потсдамской конференции), поскольку это понятие более общее и "покрывает" все остальные, которые отражают лишь формы, методы, способы, которыми проводилось выселение. Бесспорного сожаления и осуждения, несомненно, заслуживает "принцип коллективной вины", который применялся в ходе выселения, и особенно в период так называемого "дикого выселения", немцев.

[1] Střední a jihovýchodní Evropa ve válce a v revoluci. 1939—1945. Praha, 1969. S. 523.

[2] Российский государственный архив социально-политической истории. (Далее: РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 128. Д. 49. Л. 170.

[3] *Klimek A.* Cesta k odsunu // Soudobé dějiny. Praha, 1994. N 2/3. S. 257.

[4] *Серапионова Е.П.* Чешские земли, чехи и немецкий вопрос (1918—1945 годы) // Славяноведение. 2000. № 5. С. 49.

[5] См. подробнее: *Марьина В.В.* Выселение немцев из Чехословакии: рождение и модификация идеи, 1939—1943 годы // Славяноведение. 2003. № 1. С. 18—42.

[6] *Панек Я., Пешек И.* Историки против насилия над историей: Точка зрения содружества историков Чешской республики // Славяноведение. 2003. № 1. С. 44.

[7] Архив внешней политики Российской федерации. (Далее: АВП РФ). Ф. 138 б. Оп. 2. П. 1. Д. 4. Л. 14—16.

[8] *Beneš E.* Mnichovské dny. Paměti. Praha, 1968. S. 28.

[9] Ibid. S. 36—37.

[10] Ibid. S. 291.

[11] Střední a jihovýchodní Evropa... S. 519.

[12] АВП РФ. Ф. 138 в. Оп. 1. П. 1. Д. 3. Л. 62—63.

[13] *Kovač D.* Vysídlenie Nemcov zo Slovenska (1944—1953). Praha, 2001. S. 11.

[14] АВП РФ. Ф. 138 б. Оп. 2. П. 1. Д. 4. Л. 12—13.

[15] Češi a sudetoněmecká otázka 1939—1945: Dokumenty / Ed. J. Vondrová. Praha, 1994. S. 14, 19, 21, 23.

[16] См. подробнее: *Марьина В.В.* Выселение немцев из Чехословакии... С. 22—37.

[17] Vnitřní fronta. Sovětský stát a společnost, 1941—1945. Praha, 2000. S. 142.

[18] Ibid. S. 142—143.

[19] Československo-Sovětské vztahy v diplomatických jednaních 1939—1945: Dokumenty. Díl. 1. (Далее: ČSVDJ. 1). Praha, 1998. S. 277.

[20] Češi a sudetoněmecká otázka... S. 147—149.

[21] Ibid. S. 182—183.

[22] *Beneš E.* Demokracie dnes a zítra. Londýn, (1943?). Sv. 2. S.173—177.

[23] Češi a sudetoněmecká otázka... S. 198—204.

[24] Ibid. S. 222.

inslav

[25] ČSVDJ. 1. S. 466.
[26] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 397. Л. 40 – 42.
[27] ČSVDJ. 1. S. 492.
[28] Češi a sudetoněmecká otázka... S. 240 – 241.
[29] ČSVDJ. 1. S. 493.
[30] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 379. Л. 53.
[31] См. подробнее: *Марьина В.В.* Э. Бенеш: второй визит в Москву (декабрь 1943 г.) // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 151 – 165.
[32] Češi a sudetoněmecka otázka. S. 264 – 265.
[33] О пребывании Бенеша в Москве см. подробнее: Переговоры Э. Бенеша в Москве (декабрь 1943 г.): Публ. док. / Предисл. В.В. Марьиной // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 6 – 28; № 3. С. 3 – 20.
[34] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 401. Л. 4.
[35] Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939 – 1945: Dokumenty. Díl. 2: Červenec 1943 – březen 1945. (Далее: ČSVDJ. 2) Praha, 1999. S. 134 – 144. Опубл. в пер. на русс. яз. В.В. Марьиной: Вопросы истории. 2001. № 1. С. 20 – 28.
[36] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 401. Л. 11 – 19.
[37] ČSVDJ. D. 2. S. 148 – 160. Опубл. в пер. на русс. яз. В.В. Марьиной: Вопросы истории. 2001. № 3. С. 3 – 14.
[38] ČSVDJ. D. 2. S. 177 – 182. Опубл. в пер. на русс. яз. В.В. Марьиной: Вопросы истории. 2001. № 3. С. 14 – 19.
[39] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 401. Л. 1 – 7.
[40] Češi a sudetoněmecká otázka. S. 264 – 265; АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 401. Л. 8 – 10.
[41] ČSVDJ. 2. S. 185.
[42] Cesta ke Květnu. Vznik lidové demokracie v Československu. I-1 svazek. Praha, 1965. S. 36. (Далее: Cesta ke Květnu. I-1).
[43] Ibid. S. 56 – 57; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 549. Л. 58.
[44] ČSVDJ. 2. S. 188, 190.
[45] Ibid. S. 197.
[46] Češi a sudetoněmecká otázka. S. 272 – 278, 288 – 293.
[47] *Beneš E.* Vzkazy do vlasti. Směrnice a pokyny československému domacímu odboji za druhé světové války / Ed. J. Šolc . Praha, 1996. S. 130 – 131.
[48] Češi a sudetoněmecká otázka... S. 279, 281, 293.
[49] Ibid. S. 294 – 296.
[50] Češi a sudetoněmecká otázka... S. 303 – 308.
[51] Ibid. S. 309 – 311.
[52] Ibid. S. 312.
[53] ČSVDJ. 2. S. 387 – 390 ; АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. П. 147. Д. 14. Л. 55 – 57.
[54] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 134. Д. 24. Л. 21 – 22.
[55] Там же. Л. 25 – 38, 50 – 73.
[56] Там же. Л. 39 – 49.
[57] *Fierlinger Z.* Ve službách ČSR. Praha, 1948. Díl. 2. S. 544 – 545.
[58] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 10. Л. 21.
[59] *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 546 – 547.
[60] Češi a sudetoněmecká otázka... S. 308.
[61] История внешней политики СССР: 1917 – 1975: В двух т. М., 1976. Т. I: 1917 – 1945 гг. С. 476.
[62] Там же. С. 480 – 482.

inslav

[63] 9—18 октября 1944 г. Черчилль и Иден находились в Москве, где вели переговоры с советским руководством. Именно тогда была достигнута, как теперь известно, негласная договоренность о разделе сфер влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе. Помимо прочего, это подтверждает, например, разговор чиновника чехословацкого министерства иностранных дел Шимунека с сотрудником военного министерства Англии, который сказал: «Я убежден, что на московской конференции Черчилль договорился со Сталиным о послевоенных "сферах влияния". Россия хочет получить ряд государств (сателлитов) с правительством народного фронта, которые находились бы под прямым влиянием Москвы. Это были бы Болгария, Румыния, Югославия, Чехословакия, Венгрия, Польша и Австрия. Англия же опять имела бы свободные руки в Бельгии, Голландии, Испании, Италии, Греции и Турции (но не во Франции). Россия пыталась получить также Македонию (Солоники), но в этом случае мы остались непреклонны, и Греция выиграла битву за Солоники» (ČSVDJ. 2. S. 329).

[64] Dokumenty z historie československe politiky, 1939—1943. Díl. 2. (Далее: DHČP. 2). Praha, 1966. S. 749—750.

[65] Češi a sudetoněmecká otázka... S. 318.

[66] DHČP. 2. S. 750—751.

[67] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 134. Д. 25. Л. 79.

[68] Там же. П. 132. Д. 10. Л. 43.

[69] См. подробнее: *Марьина В.В.* К событиям в Подкарпатской Руси (Закарпатской Украине) осенью 1944 — зимой 1945 года // Славяноведение. 2001. № 3. С. 27—48.

[70] ČSVDJ. 2. S. 488.

[71] Ibid. S. 515—516.

[72] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 833. Л. 1—9. Опубл.: Восточная Европа в документах российских архивов, 1944—1953 гг. М.; Новосибирск. 1997. Т. 1: 1944—1948 гг. (Далее: ВЕДРА. Т. 1). См. также: *Марьина В.В.* Э. Бенеш: последний визит в Москву (март 1945 года): Документальный очерк // Славяноведение. 1966. № 6. С. 77—88.

[73] ČSVDJ. 2. S. 506.

[74] АВП РФ. Ф. 07. Оп. 10. П. 37. Д. 497. Л. 85.

[75] Cesta ke Květnu. I-1. S. 418—419.

[76] Cestou Května. Dokumenty k počátkům naší národní a demokratické revoluce: Duben 1945 — květen 1946. Praha, 1975. S. 37—38.

[77] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 822. Л. 1—3. Опубл.: ВЕДРА. Т. 1. С. 171—172.

[78] *Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Национально-территориальный вопрос в контексте послевоенных реальностей Восточной Европы. 1945—1948 гг. (По новым документам российских архивов) // Национальный вопрос в Восточной Европе. Прошлое и настоящее. М., 1995. С. 235.

[79] *Kovač D.* Vysídlenie Nemcov... S. 34.

[80] Ibid. S. 7—8.

[81] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 32. Л. 2; Оп. 125. Д. 320. Л. 39, 50.

[82] *Kovač D.* Vysídlenie Nemcov... S. 29.

[83] РГАСПИ Ф. 17. Оп. 125. Д. 320. Л. 161—163.

[84] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 5. Л. 13, 16—18.

[85] ČSR a SSSR. 1945—1948. Dokumenty mezivládních jednání. Brno, 1997. S. 54—56.

[86] *Olejnik M.* Hlavna faza odsunu nemeckého obyvatel'stva zo

inslav

Slovenska // Sborník studií k národostní politice Československa. Praha, 2001. S. 106–107.

[87] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 5. Л. 20.

[88] ČSR a SSSR. 1945–1948. S. 71–72.

[89] ВЕДРА. Т. 1. С. 232.

[90] ČSR a SSSR. 1945–1948. S. 80.

[91] Ibid. S. 91–92.

[92] Cestou Května. S. 205–219, 226–233, 253–258.

[93] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 775. Л. 180–212.

[94] Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1: 1944–1948 гг. Документы. М., 1999. С. 212–213.

[95] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 29. Л. 84–85.

[96] Там же. Д. 49. Л. 170 об.

[97] Цит по: *Мурашко Г. П., Носкова А.Ф.* Указ. соч. С. 236.

[98] Там же. С. 235.

[99] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 6: Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. М., 1980. С. 118, 376, 476–497 и др.

[100] *Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Указ. соч. С. 234; *Kovač D.* Vysídlenie Nemcov... S. 43.

[101] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 5. Л. 16.

[102] ČSR a SSSR. 1945–1948. S. 54.

[103] *Kovač D.* Evakuácia a výsídlenie Nemcov zo Slovenska // Od diktatúry k diktatúre. Bratislava, 1995.

[104] *Olejnik M.* Hlavná faza... S. 108.

[105] ČSR a SSSR. 1945–1948. S. 108–109.

[106] Cesta ke Květnu. S. 260–262.

[107] Ibid. S. 122–123.

[108] Ibid. S. 242.

[109] Ibid. S. 184.

[110] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. П. 135. Д. 7. Л. 21.

[111] Там же. Л. 25–29.

[112] ČSR a SSSR. 1945–1948. S. 204–205.

[113] Ibid. S. 214–215.

[114] *Marjinova V.V.* Od důvery k podezíravosti. Sovětští a českoslovenští komunisté v letech 1945–1948 // Soudobé dějiny. 1997. N 3/4. S. 451–467.

[115] *Kovač D.* Vysčdlenie Nemcov... S. 47.

[116] ČSR a SSSR.1945–1948. S. 205.

[117] *Kovač D.* Vysidlenie Nemcov. S. 57–58.

[118] Ibid. S. 63.

[119] *Kovač D.* Evakuácia a vysídlenie... S. 17.

[120] *Kovač D.* Vysídlenie Nemcov... S. 60.

[121] Ibid. S. 61.

[122] *Slama J.* Důsledky nuceného vysídlení Němců pro Československo // Soudobé dějiny. 1994. N 4/5. S. 528–529.

[123] Ibid. S. 529–530.

[124] *Sladek Z.* Vliv nacistické nadvlády na politický vývoj v Čechách a na Moravě // Soudobé dějiny. 1994. N. 4/5. S. 533.

[125] Zemědelské noviny. 1.IV.1948.

[126] См. Гл. 12.

inslav

Глава 5

ПРОБЛЕМА ВЫСЕЛЕНИЯ ВЕНГРОВ ИЗ ЧЕХОСЛОВАКИИ

В истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы XX век ознаменовался крутыми поворотами, кардинальными политическими ломками и переменами, оставившими глубокий след в судьбе народов и стран этого региона. Происшедшие здесь со времен первой мировой войны политические катаклизмы, не раз потрясавшие мир, привели как к существенным переменам во внутриполитическом устройстве стран, так и к изменениям внешнеполитического плана, связанным с перекройкой национальных границ. Именно перекройка политической карты в этом регионе — чаще всего без учета этнических границ — повлекла за собой появление многочисленных национальных меньшинств в ряде стран и стали причиной последующих острых противоречий между сопредельными государствами. Конфликты, возникшие на почве несоответствия этнических и государственных границ, непродуманная национальная политика и ущемления прав национальных меньшинств стали уже в конце 30-х годов XX в. одной из причин второй мировой войны, в которую быстро была втянута вся Европа.

После второй мировой войны в Центральной и Юго-Восточной Европе произошли новые глубинные общественно-политические перемены, приведшие к разделению Европы на долгие десятилетия на два противоположных военно-политических лагеря и противостоящих друг другу политических систем, чтобы затем к концу века, на новом витке исторического развития вновь вступить на путь поиска взаимного сближения и одновременно попытаться найти новые возможности и средства решения национального вопроса в интересах межнационального примирения.

Исходной причиной появления венгерского меньшинства в Чехословакии стал территориальный передел политической карты Европы после первой мировой войны. При создании в 1918 г. Чехословацкой республики (ЧСР) пренебрегли этническими принципами и установили ее территориальные контуры без сколько-нибудь объективного учета реальных, веками сложившихся этнических границ, хотя сам передел осуществлялся именно под лозунгом установления этнической справедливо-

inslav

сти. Передел этот осуществлялся после поражения в войне Германии и распада Австро-Венгрии как двуединого государства. Это обстоятельство и позволило державам-победительницам отчленить от этих государств в пользу создаваемой Чехословакии ряд земель с инонациональным — в большинстве своем немецким и венгерским — населением, которое проживало компактно соответственно вдоль границ с Германией и Венгрией.

Политическое руководство нового чехословацкого государства, стремясь к сплочению чехов и словаков в единую "чехословацкую нацию", в межвоенные годы уделяло недостаточно внимания налаживанию межнациональных отношений в стране, включая не только взаимодействие с национальными меньшинствами, но и между заглавными нациями страны. К концу 30-х годов XX в. сыграл свою роль и менявшийся внешний фактор: фашистская Германия прибегла к использованию национального вопроса в своих политических интересах. Президент Чехословакии Э. Бенеш, подавший в отставку и покинувший страну 5 октября 1938 г., т.е. через несколько дней после Мюнхена, в годы второй мировой войны стал убежденным сторонником необходимости полного очищения возрождаемого в прежних границах государства от всех представителей неславянских народов, считая их виновниками распада Чехословацкой Республики.

В межвоенные годы Чехословакия и Венгрия существенно отличались друг от друга по национальному составу населения. Статистика свидетельствует, что Венгрия после первой мировой войны стала почти мононациональным государством с незначительным национальным меньшинством, но за ее пределами в соседних государствах оставалось более 3 млн венгров, и такое положение сохранилось и после второй мировой войны. На территории Венгрии даже после возвращения ей отдельных областей по решению первого и второго Венского арбитража, нацменьшинства составляли всего 7,1% населения. Чехословакия же, наоборот, хотя номинально провозглашалась национальным государством чехов и словаков, на деле являлась страной многонациональной, где свыше трети жителей составляли представители национальных меньшинств.

По данным официальной переписи 1930 г. в Чехословакии, наряду с чехами (7 426 тыс.) и словаками (2 295 тыс.), проживало 3 306 тыс. немцев, 597 тыс. венгров, 118 тыс. русин, русских и украинцев вместе взятых (статистика четко не разделила эти меньшинства друг от друга), 100 тыс. поляков и 156 тыс. представителей прочих национальностей[1]. В процентном выражении это означало, что 53% населения составляли чехи, 16,4 — словаки, 32,6 — немцы, 4,2 — венгры, 0,7 — поляки, 0,8 — русины, русские и украинцы, 1,2% — прочие (сведения приведены

inslav

без учета населения Подкарпатской Руси — территории нынешнего Закарпатья, где проживало еще 447 тыс. русин, 117 тыс. венгров, 13 тыс. немцев, а также значительное число евреев)[2]. На территории собственно Словакии в то же время картина национального состава была несколько иной. В 1930 г. здесь 68,4% населения составляли словаки, 3,7 — чехи, 17,6 — венгры, 4,5 — немцы, 2,8 — русины-украинцы, 2,0 — евреи[3]. Такой национальный состав при уважении прав меньшинства, казалось бы, должен был заставить политическое руководство страны искать и находить пути решения национальной проблемы, однако ей не уделялось должного внимания. "Чехословацкую республику составляют следующие нации: чехи, словаки, немцы, венгры, поляки, русины и евреи, — с полным правом писал в этой связи преподаватель Карлова университета в Праге, чешский философ Э. Радл. — Права этих наций государством должны быть определены не просто абстрактной формулой, а с учетом специальных потребностей каждой отдельной нации. Ведь представители этих национальностей являются не иностранцами или иммигрантами и даже не меньшинствами, которые более или менее защищены от господствующей нации, а конструктивными элементами государства"[4]. Политическая элита республики в послевоенные годы по ряду причин воспринимала национальные меньшинства, особенно немецкое и венгерское, совершенно по-другому и решала национальную проблему по-своему.

После войны в условиях возрождения Чехословакии, Бенеш и его окружение решили избавиться от этих меньшинств, настаивая на создании "чисто славянского государства". Как известно, вторая мировая война, поражение в ней гитлеровской Германии и ее союзников, в числе которых была и Венгрия, создали совершенно новую обстановку для национальных меньшинств в центрально-европейском регионе, в том числе и на территории бывшей Чехословакии. Это позволяло главе чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне Бенешу активно добиваться избавления возрождающейся в домюнхенских границах Чехословакии от большей части национальных меньшинств путем их массового выдворения и насильственной ассимиляции[5]. Первые шаги, направленные на реализацию таким способом "окончательного решения" национального вопроса, были предприняты Бенешем еще на рубеже 1942—1943 гг. и предусматривали прежде всего полное очищение страны от немецкого меньшинства, а заодно и от венгров, остальных предполагалось ассимилировать. Чехословацкая дипломатия, заручившись поддержкой СССР, вплоть до Парижской мирной конференции (29 июля — 15 октября 1946 г.) методично и последовательно добивалась этого самыми различны-

inslav

ми средствами. В конце войны она попыталась получить согласие великих держав на включение самого принципа о выселении в текст договора о перемирии с Венгрией. Однако это было отклонено представителями Великобритании и США, которые сослались на то, что такой сложный вопрос может быть решен только после войны, в крайнем случае во время подписания мирных договоров.

Повторная попытка Бенеша решить национальный вопрос после второй мировой войны прежними силовыми или даже более жестокими, крайними мерами, как показала история, оказалась малоэффективной, либо результативной лишь на коротком отрезке времени и, причинив живущим в Чехословакии народам немало испытаний и страданий, в конечном счете привела к новому распаду этого государства, в котором две титульные нации так и не нашли взаимопонимания именно из-за нерешенности национальной проблемы.

Проблема выселения национальных меньшинств из послевоенной Чехословакии на московских переговорах Бенеша 1943 и 1945 гг. Согласование вопроса

Получить согласие советского руководства и других представителей великих союзных держав по антигитлеровской коалиции на выселение с территории послевоенной Чехословакии немцев лидеру эмиграционного правительства Э. Бенешу было не так трудно. С согласием на выселение венгерского меньшинства дело обстояло гораздо сложнее. Фактически ему удалось заручиться поддержкой своего плана лишь с советской стороны, и то не сразу. Произошло это после соответствующей работы по дипломатическим каналам во время его поездок в Москву в декабре 1943 и марте 1945 гг. Об этом свидетельствуют воспоминания участвовавших в переговорах лиц и советские архивные документы.

Еще перед отправлением в Москву на переговоры в декабре 1943 года Э. Бенеш имел заверение советской дипломатии о том, что СССР по-прежнему считается с Чехословакией, как самостоятельным государством и согласен добиваться ее восстановления в домюнхенских границах. Чехословацкий посол в Москве З. Фирлингер, занимаясь подготовкой поездки Бенеша в Москву, еще летом 1943 г. после соответствующих консультаций с главой советского внешнеполитического ведомства — Народного комиссариата иностранных дел (НКИД) — В.М. Молотовым, выяснил некоторые принципиальные позиции советской стороны по вопросу о выселении немцев из по-

inslav

слевоенной Чехословакии и сообщил в Лондон. "Немцы будут выселены. Разумеется, в наших краях порядок мы должны будем навести сами, но Советское правительство не будет мешать нам в этом". Посол, выражая свое мнение, при этом добавил также, "Москва только одобрит, если мы позаботимся об уничтожении немецких островков и о выселении немцев-шовинистов"[6].

Прибыв в Москву для подписания советско-чехословацкого договора о дружбе и взаимной помощи (12 декабря 1943 г.), Бенеш в ходе переговоров поднял вопрос и о нацменьшинствах в Чехословакии, инициировав его обсуждение. Особый акцент он ставил, разумеется, на удалении из страны лиц немецкой национальности. Обосновывая необходимость их выселения из Чехословакии, экс-президент мотивировал это тем, что представители нацменьшинств причастны к разрушению государства, поэтому их выселение призвано помешать тому, чтобы кто-либо снова попытался использовать национальный вопрос в целях очередного раздела Чехословакии[7]. Стороны на переговорах признали справедливым удаление из страны "фашистов и значительной части немецкого населения из пограничной полосы Республики", с тем чтобы обеспечить надежные в военном отношении границы для будущего государства. Но Бенешу этого было недостаточно и он заявил, что в интересах "окончательного сплочения нации, экономики и общества", укрепления национального характера чехословацкого государства, он намерен "таким же образом поступать с венгерским меньшинством, проживающим вдоль южных границ республики"[8]. В подытоживающем переговоры советском внешнеполитическом документе в этой связи было записано: "Проблема выселения в значительной степени затрагивает и венгерское меньшинство вдоль южных границ Республики"[9].

Во время своего пребывания в Москве Бенеш передал советскому НКИД памятную записку под названием "О выселении части населения Чехословакии", датированную 14 декабря 1943 г. В этом документе говорилось о его намерении выдворить немцев и венгров из Чехословакии, очистить страну от преобладающей части национальных меньшинств. Подчеркивалось, что "Чехословакия будет национальным государством" и поэтому остающиеся в стране меньшинства по закону "не будут считаться национальными или политическими коллективами". Документом предусматривалось, что в послевоенной Чехословакии не останется ни одного населенного пункта, где бы чехи, словаки или карпаторусы (ныне украинцы) не составляли 67%, т.е. две трети населения. В одном из пунктов документа с подзаголовком "Перемещение мадьярского населения из Словакии и Подкарпатской Руси" подчеркива-

inslav

лось, что венграм будут предъявлены те же требования, что и немцам, но с учетом местных особенностей. В то же время отмечалось, что на территории Венгрии проживает "значительное число словаков и подкарпаторусов" и поэтому "желателен обмен населения" между двумя странами[10]. Здесь же говорилось о том, что все остающиеся на территории Чехословакии "школы будут только чехословацкие и украинские", видимо, по языку преподавания в них. В заключительной части документа подчеркивалось, что будет выработан подробный план выселения национальных меньшинств из страны, и он будет реализован в течение двух лет.

Следует обратить внимание на одну примечательную деталь. Добиваясь советского согласия на выселение нацменьшинств с территории послевоенной Чехословакии, Бенеш аргументировал его тем, что правительство Великобритании в "конфиденциальном письме" якобы уже дало "принципиальное согласие" на выселение меньшинств из Чехословакии (забыв отметить, что такое согласие на деле касалось только немецкого меньшинства) и даже президент Рузвельт высказал ему "свою позитивную точку зрения по этому вопросу"[11].

После подписания договора Бенеш встретился с руководителями Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) в эмиграции. В беседах с ними в связи с послевоенным переустройством страны затрагивалась и национальная проблема. Бенеш поведал деятелям КПЧ, что в ходе переговоров с советским руководством было уделено внимание "решению немецкого вопроса в будущей республике", и подчеркнул, что "поражение немцев дает нам уникальную историческую возможность радикально очистить нашу страну от немецкого элемента"[12]. Коснувшись проблемы венгерского меньшинства, он заявил, что применительно к нему будут приняты такие же меры, как в отношении немцев, и добавил, что "венгерское население можно обменять на словаков Венгрии, и это облегчит дело"[13]. Коммунистическое руководство фактически согласилось с ним и поддержало его.

Подписание советско-чехословацкого договора, и, как следствие, укрепление международной позиции лондонского правительства, позволили ему активизировать свои внешнеполитические действия, добиваться поставленных целей. 24 августа 1944 г. оно сформулировало свои претензии к Венгрии в виде специальной памятной записки, переданной НКИД СССР. В ней отдельным пунктом значилась просьба обязать Венгрию после войны принять всех венгров, которых предполагалось выслать из Чехословакии, "признать их своими гражданами и взять на свое полное попечение до окончания их поселения"[14]. Чехословацким правительством в свое время было выражено

inslav

также пожелание ознакомиться с будущим проектом "Условий перемирия с Венгрией", чтобы оно могло высказать свои замечания и проследить за их учетом. Просьба была удовлетворена и Бенеш пожелал внести в этот документ пункт о массовом перемещении венгерского населения из Чехословакии в Венгрию и словацкого — из Венгрии в Чехословакию. В одном из документов НКИД СССР от 30 декабря 1944 г. в этой связи отмечалось: "Чехословацкое правительство желает, чтобы венгерское правительство в принципе согласилось на обмен и перемещение населения. Рипка* пояснил при этом, что перемещение немцев из Судетской области для Чехословакии является важным вопросом, однако чехословацкое правительство заинтересовано в том, чтобы Советское правительство оказало давление на венгров в вопросе об обмене и перемещении населения, ибо это будет очень важным прецедентом при разрешении вопроса о перемещении судетских немцев"[15].

Бенеш и его правительство, настаивая на восстановлении Чехословакии в ее домюнхенских границах, всегда придавали большое значение своеобразному силовому "решению" венгерского вопроса, усиленно добиваясь удаления этого, в основном компактно проживающего национального меньшинства из страны, равно как и фиксированию такой необходимости советской стороной в каждом из очередных внешнеполитических документов, затрагивавших интересы Венгрии. Лондонское правительство Бенеша оказывало в этом направлении, особенно с конца 1944 г. растущее давление на советское внешнеполитическое ведомство. Перед III и IV европейскими отделами НКИД СССР в связи с этим встал вопрос о том, целесообразно ли вносить данное требование чехословацкой стороны в текст соглашения о перемирии с Венгрией. Мнение руководителей указанных отделов И.М. Лаврова и В.А. Зорина сводились к тому, что в этом нет необходимости. В совместной записке в адрес руководства они подчеркивали, что "выдвинутое Чехословацким правительством требование о переселении мадьяр с территории Чехословакии в Венгрию... подлежит рассмотрению на мирных переговорах"[16]. Такая же позиция нашла отражение и в "Заключении" Зорина на поступившие 31 декабря 1944 г. из Лондона телеграммы: "Перемещение населения из Чехословакии в Венгрию относится к условиям мирного договора, а не к условиям перемирия. Нет нужды сейчас фиксировать это требование Чехпра (чехословацкого пра-

---

* Губерт Рипка — государственный министр чехословацкого правительства в лондонской эмиграции, один из видных руководителей Чехословацкой национально-социалистической партии, идеологом и лидером которой являлся сам Э. Бенеш.

inslav

вительства. — *Б.Ж.*), хотя по существу у нас вряд ли могут быть возражения против перемещения известной части венгерского населения из Чехословакии в Венгрию"[17]. Несмотря на это, правительство Чехословакии продолжало и далее настаивать на том, чтобы выселение венгров из Словакии было документально зафиксировано как принцип еще до согласования проектов мирных договоров великих союзных держав с Венгрией. Получив подготовленный в Москве текст договора о перемирии с Венгрией, чехословацкое правительство 15 января 1945 г. передало через З. Фирлингера новую памятную записку, в которой, в частности, настаивало на включении следующего принципа: "Венгры, имевшие ранее чехословацкое гражданство и будучи лишены его, будут признаны Венгрией венгерскими гражданами и впущены на ее территорию. Венгрия будет заботиться об этих лицах с момента пересечения ими венгерской границы"[18].

С 17 по 30 марта 1945 г. Бенеш снова побывал в Москве, где проводил переговоры с советским правительством по целому ряду вопросов. Вторым пунктом повестки дня на переговорах 21 марта с В.М. Молотовым стала проблема "трансфера (перемещения) немецкого и венгерского населения" из Чехословакии. В беседе участвовали также заместитель наркома А.Я. Вышинский, В.А. Зорин, министр иностранных дел чехословацкого правительства Я. Масарик и З. Фирлингер. Согласно советской записи об обмене мнениями Бенеш убеждал своих собеседников в том, что англичане уже согласились на трансфер немецкого населения, только не знают куда девать "7—8 миллионов немцев", к тому же "еще ожидают мнения Советского правительства". Отвечая на вопрос Молотова, он определил общую численность представителей национальных меньшинств страны в пять миллионов, очевидно, имея в виду кроме немцев и венгров, также поляков, русин, украинцев, русских, евреев, цыган и других вместе взятых. При этом Бенеш настаивал на том, что "нельзя решить польский и внутренний вопрос Чехословакии без трансфера"[19] и тут же сформулировал практическую программу его проведения. Отметим, чехословацкий руководитель с полным правом говорил о принципиальном согласии Великобритании на трансфер немцев из Чехословакии, но умолчал о позициях британского правительства по венгерскому вопросу. Представляется, что в своей беседе с Молотовым он явно преднамеренно связал воедино вопрос о выселении немцев и венгров.

После того как Молотов от имени советского правительства дал согласие на выселение немцев и спросил Бенеша, сколько же немцев намерено его правительство выслать из Чехословакии, тот связал в единый узел проблему трансфера

inslav

немцев с выселением венгров из страны. В советской записи беседы ответ чехословацкого лидера зафиксирован так: "Два миллиона немцев придется выселить, и в Чехословакии останется очевидно до 800 тысяч их. Вся немецкая буржуазия уйдет, останутся рабочие, которые будут размещены среди чешского населения. Сейчас в Чехословакии, по-видимому, до 4 млн немцев, венгров около 600 тысяч. Из венгров до 400 тысяч должно быть выселено"[20]. В заключении этой беседы в Москве Фирлингер выразил Молотову благодарность за содействие и "оказание большой поддержки в этом вопросе" во время переговоров о перемирии с Венгрией.

Собственно эти же сведения повторил в связи с предстоящим практическим осуществлением выселения венгров из Словакии 16 апреля 1945 г. Фирлингер, уже в качестве премьер-министра республики, советскому послу в Чехословакии В.А. Зорину, отметив, что Словацкий Национальный Совет (СНС) вместе с правительством обсудил вопрос о выселении венгров и приняли решение провести эту акцию "как можно быстрее, сделать это до того, как другие союзники начнут заниматься этим вопросом". Он сказал, что СНС уже "подготавливает выселение в течение 3 месяцев до 400 тысяч венгров из южных районов Словакии"[21]. Центральная власть и местные словацкие органы были единодушны в проведении массового выселения, хотя между ними не было единого мнения в отношении этапов проведения данной акции. Об этом свидетельствует запись беседы Зорина с министром внутренних дел Чехословакии В. Носеком в апреле 1945 г. "Словацкая Народная Рада, — сообщал посол в Москву, — предполагает в ближайшее время провести операцию по выселению венгров с территории Словакии, причем словаки намерены выселить всех венгров, что Носек считает неправильным". Министр считал, что хотя и можно венгров "безболезненно выселить в Венгрию", сначала следует "объявить трудовую повинность,... создать концлагеря, куда направить тех из венгров, которые были нелояльны по отношению к Чехословацкой Республике, а затем отобрать тех, кого надо выселить за пределы Чехословакии". "Во всяком случае, Носек считает неправильным проводить сейчас общее выселение венгров"[22], — отмечалось в донесении посла из Кошице. Хотя подготовка к проведению акции массового выселения шла полным ходом, летом 1945 г. Фирлингер, находясь в Москве, снова согласовал вопрос с советским руководством. Встречаясь со Сталиным 28 июня, он снова задал вопрос о том, как быть с выселением немцев и венгров. Он получил такой ответ: "Мы мешать вам не будем, прогоняйте их. Пусть испытывают на себе, что значит господство над другими"[23]. При этом Фирлингер обратился к нему с

inslav

просьбой о содействии советских частей в выдворении венгров, однако такого согласия не было дано[24].

Следует отметить, что Временное Национальное правительство Венгрии ничего не знало о договоренностях Бенеша в Москве и о том, что он заручился советской поддержкой в вопросе о выселении не только немцев, но и венгерского меньшинства из Словакии.

Вопрос о выселении венгров на Потсдамской конференции

В ходе послевоенного мирного урегулирования в центральноевропейских странах, захваченных в годы второй мировой войны гитлеровской Германией, остро встал вопрос об избавлении от немецких меньшинств. Потсдамская конференция великих союзных держав-победительниц (17 июля — 2 августа 1945 г.) специально рассматривала просьбу чехословацкого правительства о выселения этого меньшинства из Чехословакии. Как отмечалось, Бенешу, который настаивал на удалении из страны не только немцев, но и венгерского меньшинства, удалось заранее заручиться поддержкой советского руководства по этому вопросу. Поэтому на конференции данная проблема рассматривалась одновременно и взаимосвязанно.

Чехословацкое правительство в специальной ноте великим державам от 3 июля 1945 г. поставило вопрос о высылке из страны 2—2,5 млн немцев и "около 400 000 венгров"[25]. Конференция обсудила прежде всего немецкую проблему, которая стала основной, и приняла единогласное решение об удалении немцев из трех европейских государств. Представители великих держав, учитывая, что гитлеровская Германия совершила тяжкие преступления против человечности, сочли возможным коллективную ответственность за это возложить на весь немецкий народ, подчинившийся своему фюреру. Великобритания, США и СССР договорились о перемещении "остатков немецкого населения из Польши, Чехословакии и Венгрии" (хотя временное правительство новой Венгрии и не обращалось с такой просьбой) на послевоенную территорию Германии.

Следует отметить, что это решение было принято фактически тогда, когда большие массы немецкого населения уже покинули пределы указанных государств вместе с отступавшими гитлеровскими войсками. Поэтому в пункте XIII "Коммюнике Берлинской конференции трех держав", подписанном С.Р. Этли, И.В. Сталиным и Г. Трумэном, говорилось именно о переселении оставшегося в этих странах "немецкого населения или его части". При этом указывалось на необходимость организо-

inslav

ванного и гуманного проведения этой акции. В документах конференции была определена и численность подлежащих удалению немцев. Проведение переселения из Польши и Чехословакии было доверено правительствам этих стран, а в Венгрии — действующей в этой стране Союзной Контрольной комиссии (СКК) во главе с маршалом К.Е. Ворошиловым.

Союзный Контрольный совет в Германии предполагал переселить из Венгрии 500 тыс. немцев в американскую зону оккупации. Об этом намерении 20 ноября 1945 г. он проинформировал венгерское правительство, что и было принято последним в качестве руководства к действию. СКК в Венгрии, в свою очередь, 30 ноября 1945 г. также довела это до сведения венгерского премьер-министра З. Тильди. Принятое венгерским правительством 29 декабря 1945 г. решение за № 12330 о переселении немцев было довольно радикальным[26]. Достаточно отметить, что выселению подлежали даже швабы области Бачка и Задунайского края Венгрии, которые в годы войны активно выступали против фашизма и национал-социалистской идеологии. Учитывая, что реальная численность немцев в стране была гораздо ниже квоты, определенной в Потсдаме, министр иностранных дел Венгрии Я. Дёндёши срочно проинформировал союзные державы об этом, назвав число, подлежащих выселению немцев в 200 тыс. человек. При этом он отметил, что правительство считает желательным переселить только тех немцев, "которые своим поведением предали Венгрию и перешли на службу к гитлеровцам". Касаясь выселения немцев из Венгрии, следует отметить, что она вообще оказалась в числе стран, откуда немецкому меньшинству пришлось уехать по просьбе правительства Чехословакии, поддержанной СССР. Ведь чехословацкое правительство было заинтересовано в освобождении как можно большего места в Венгрии для размещения там тех словацких венгров, которых чехословацкие власти в массовом масштабе намеревались переселить в эту страну.

В конечном счете, по официальным данным из Венгрии до конца декабря 1946 г. в американскую зону оккупации было перемещено 133 655 немцев, а затем до мая 1947 г. эпизодически еще отправлялись новые группы переселенцев. Правда, американская администрация их уже отказывалась принимать и поэтому около 50 тыс. немцев были размещены в советской зоне оккупации[27]. Дело в том, что процесс переселения немцев из Венгрии с весны 1946 г. по просьбе США был приостановлен, а с конца июня по декабрь практически прекращен, так как венгерское государство в условиях послевоенной разрухи оказалось не в состоянии обеспечивать переселяемых необходимыми средствами (по 300—500 долларов на каждого). С весны

inslav

1948 г. процесс перемещения немцев был продолжен, но уже в советскую зону оккупации, т.е. на территорию будущей ГДР[28]. В дальнейшем, с изменением международной обстановки и принятием в 1949 г. новой Конституции Венгрии, провозгласившей полное равенство всех национальностей страны, проблема переселения была снята окончательно с повестки дня.

Вопрос о венгерском национальном меньшинстве в Словакии и его выселении в Венгрию в Потсдаме был решен иначе. Прежде всего из-за несогласия англо-американской стороны чехословацкому руководству не удалось добиться решения, аналогичного решению о немцах. Хотя западные державы предпочли не вмешиваться в процесс перемещения населения между Чехословакией и Венгрией, они пошли на проведение этой акции по обоюдному согласию заинтересованных сторон и гуманными методами. Представитель США в Будапеште 12 июня 1945 г. передал венгерскому правительству меморандум, в котором было выражено отношение к принципу коллективной ответственности, отметив, что "правительство Соединенных Штатов считало бы неправомерным относиться к представителям этнического меньшинства, словно к государственным преступникам, которых исключительно на почве этнического происхождения намереваются изгнать с мест их проживания", т.е. фактически поддержало венгерскую позицию. Ведь именно на этом основании чехословацкое политическое руководство решило изгнать венгров из страны. В меморандуме подчеркивалось также, что удаление нацменьшинств допустимо лишь в полном соответствии с международными соглашениями. Делалась ссылка на обещание министра иностранных дел Чехословакии Я. Масарика, данное 21 мая 1945 г. в Сан-Франциско, что его правительство намерено "наказывать только тех венгров, которые участвовали в сговоре против Чехословацкой республики и которые воевали на стороне нацистов", а все остальные "могут остаться в стране и пользоваться всеми правами гражданина республики"[29]. Но это были слова, а практика была иной.

Потсдамская конференция также отвергла желание руководства Чехословакии полностью избавиться от венгерского меньшинства. Было предложено решить проблему путем проведения переговоров между двумя странами на принципе обмена населением. Такое решение не могло удовлетворить Бенеша и заставить отказаться от своей первоначальной цели — окончательно ликвидировать венгерское нацменьшинство, но уже другими средствами и методами. Политическая элита Чехословакии решила дождаться начала работы Парижской мирной конференции (сентябрь 1946 г.), с тем чтобы там снова попытаться добиться желаемого. Венгрия же в Потсдаме получи-

inslav

ла передышку для решения вопроса о словацких венграх путем переговоров.

Между тем, чехословацкая дипломатия прибегла и к другим, промежуточным приемам, пытаясь действовать непосредственно через советского руководителя СКК в Венгрии, т.е. сепаратным путем. В частности, имела место попытка обсудить возможность передачи большинства венгров из Словакии Союзной Контрольной комиссии во главе с Ворошиловым. При этом утверждалось, что якобы "в Венгрии проживает 345 000 словаков"[30], которые желают переселиться из Венгрии в Словакию, и поэтому можно переселить в Венгрию соответствующее число словацких венгров.

В конечном счете, основным вариантом решения проблемы действительно стал обмен, но далеко не такого масштаба, как предполагала чехословацкая сторона. К тому же он требовал двусторонней договоренности между обеими странами. Представленный в Потсдаме чехословацкий план исходил из возможности обмена максимального числа словацких венгров на словаков, проживающих в Венгрии. При этом, как отмечал чехословацкий исследователь, специалист по исторической демографии и национальному вопросу Ю. Звара, правительство Чехословакии исходило из того, что возможен почти полный обмен, полагая, что в Венгрии насчитывается почти столько же словаков, сколько венгров в Словакии, а именно 450 тысяч[31]. Здесь следует обратить внимание на разнобой приводимых чехословацкой стороной оценочных данных о словаках в Венгрии, базировавшихся на далеко недостоверных сведениях об их численности (345—550 тыс. человек*)[32]. Явная преувеличенность данных, которыми оперировала на различных форумах чехословацкая сторона для обоснования своих претензий на переселение, не подтверждается материалами чехословацких и венгерских переписей населения 1930 г., зафиксировавших в Чехословакии свыше 500 тыс. венгров, а в Венгрии — всего 100 тыс. словаков[33]. Впрочем, несовпадение или весьма значи-

* Э. Бенеш на мирной конференции в Париже 5 февраля 1919 г. численность словаков Венгрии определил числом 450 тыс. Он же на международной встрече 14 марта 1921 г. говорил о 380 тыс. словаках. В. Клементис 6 июня 1945 г. оперировал числом 350 тыс., а председатель СНС доктор Й. Летгрих называл 346 тыс. Член чехословацкой делегации на чехословацко-венгерских переговорах говорил о 400 тыс. словаках в Венгрии. Словацкий демограф Я. Светонь в 1946 г. определял их численность в 475 тыс. Со стороны венгерских политиков максимальную численность словаков в Венгрии, 180 тыс., называл премьер-министр страны П. Телеки в конце 30-х годов. По официальной же переписи населения в Венгрии в 1920 г. насчитывали 142 тыс. словаков, в 1930 г. — 105 тыс., в 1941 г. — 75 тыс., в 1949 г. — 25 988 чел. (*Dávid Zoltan.* A magyarországi szlovákok száma, 1900—1960 // Medvetánc. 1988. 4.sz; 1989. 1.sz. 88.old.)

inslav

тельные расхождения между численностью словацких венгров и венгерских словаков выявила и последующая практика проведения обмена населением между обеими странами.

Начало реализации чехословацкого плана массового выселения словацких венгров и реакция Венгрии

В программе Национального фронта чехов и словаков, так называемой Кошицкой правительственной программе, провозглашенной в апреле 1945 г., еще не говорилось о всеобщем выселении из страны немцев и венгров, но в местах их компактного проживания уже предписывалось введение особого административного управления[34]. Однако вскоре желание очистить Чехословакию от немцев и венгерского меньшинства стало не только очевидным, но и публично провозглашенным политическим курсом. Национальные предрассудки, предвзятость, огульное осуждение немцев и венгров были возведены в ранг государственной политики, стали своеобразной политической доктриной, вскоре узаконенной. На них возлагалась коллективная ответственность за распад Чехословакии. Исходя из этого, не только немцы, но и все венгерское население Словакии, независимо от его социального статуса, участия или неучастия в политике, вслед за немцами фактически провозглашалось "преступной нацией" и подлежало удалению из страны.

Официальной мотивацией для выселения венгров из Чехословакии служило пропагандистское утверждение о том, что венгерское население после мюнхенского диктата якобы предало республику, "став на службу венгерского ревизионизма", и поэтому до тех пор, пока в стране остается венгерское меньшинство, сохраняется и опасность новых ирридентистских требований со стороны Венгрии. Ратуя за создание "чисто национального", точнее "чисто славянского государства", чехословацкое руководство утверждало, что якобы именно это и позволит в перспективе сохранить мир в регионе[35]. Выступая по радио 16 февраля 1945 г., Э. Бенеш, в частности, произнес: "Мы должны подготовить окончательное решение вопроса о наших немцах и венграх, ибо новая Чехословацкая республика станет национальным государством"[36]. Возложение коллективной ответственности на венгров происходило вопреки тому, что подавляющее большинство венгерского населения Словакии, как до 1938 г., так и после, вполне определенно придерживалось антифашистских взглядов. Венгерское крестьянство края вообще не интересовалось политикой, тем более идеологией национал-социализма, а венгерская интеллигенция, среди которой насчи-

inslav

тывалось немало известных и убежденных демократов, попрежнему оставалась приверженцем гуманизма и демократии. В этой связи примечателен пример председателя Венгерской партии в Словакии, графа Я. Эстерхази. Будучи ведущим политиком венгерского меньшинства, он в условиях тисовского режима Словакии оказался единственным депутатом словацкого парламента, поднявшим свой голос против принятия законов, направленных на фашизацию государства, а затем также единственный голосовал против депортации евреев[37].

Политическая концепция выселения венгров фактически, но в завуалированной форме нашла отражение в Кошицкой правительственной программе. Однако уже ранее были совершены практические действия в этом направлении. Так, постановлением СНС от 6 сентября 1944 г., т.е. в период Словацкого национального восстания, были закрыты даже все начальные школы с венгерским языком обучения[38], в феврале 1945 г. постановлением того же органа власти об аграрной реформе подверглись конфискации венгерские помещичьи землевладения, дополненные вскоре президентским декретом от 21 июня 1945 г. о конфискации и ускоренном разделении земельной собственности немцев, венгров и предателей чешского и словацкого народов. Затем было лишено гражданства все немецкое и венгерское население Чехословакии[39]. Но еще до этого, 5 мая 1945 г. было издано распоряжение уполномоченного СНС по внутренним делам, на основании которого до 1 июля 1945 г. через венгерскую границу были выдворены лишь с ручным багажом 31 780 словацких венгров, которые поселились на территории Словакии после первого Венского арбитража 2 ноября 1938 г., а затем с весны под Братиславой в лагерях для интернированных содержались на протяжении целого года несколько тысяч венгров в качестве "военных преступников"[40], отнесенных к этой категории по далеко неясным критериям. Предпринимались и другие административные меры репрессивного характера. Увидевшие свет распоряжения, указы и декреты 1945 г. привели к выселению чехословацких граждан венгерской национальности из их квартир и домов, к увольнению с занимаемых должностей. Среди этих актов был июльский 1945 г. декрет президента Бенеша за № 27 о расселении венгров по стране. На основании другого декрета Бенеша (№ 108 от 25 октября 1945 г.) подверглось конфискации "вражеское имущество", принадлежащее юридическим и физическим лицам венгерской национальности, за исключением оставшихся верными Чехословацкой республике. При этом пострадали в основном венгерские крестьяне и рабочие, так как крупные и средние землевладения уже были конфискованы еще в марте месяце.

inslav

С целью "поголовного выселения из страны были взяты на учет 138 162 венгерских семей"[41].

Уже в июне 1945 г. на развернутое преследование венгров в Словакии обратило внимание Управление 2-го Украинского фронта, доложив об этом начальнику VII Управления ГлавПУРККА М.И. Бурцеву. В донесении, в частности, подчеркивалось: "В настоящее время в Чехословакии органами власти на местах практикуются неправильные действия в отношении к венгерскому населению. В Чехословакии проживает сейчас 750—800 тысяч венгров. В основном это малоземельные крестьяне, батраки и рабочие... В настоящее время в связи с заявлением Бенеша от 12 мая с.г. о том, что все немцы и венгры будут выселены с территории Чехословакии, местные административные органы принимают меры для практического выполнения этого указания. В этом духе действует и компартия Чехословакии"[42]. В документе обращалось внимание на перегибы местных властей, на вспышку националистических настроений со стороны их представителей и на активизацию словацких шовинистических элементов, приводились конкретные подробности этих проявлений. Отмечалось, в частности, что «в Новых Замках управление завода Батя, на котором работает до 90% венгров, объявлено о запрещении говорить по-венгерски, указано снять лозунги на венгерском языке: "Да здравствует маршал Сталин!", "Да здравствует Красная Армия!"». Был приведен и такой, наиболее характерный пример, когда военный комендант Западной Словакии полковник Я. Чернек издал циркуляр, предписывавший осуществить "переселение венгров в течении суток", причем "из вещей выселяемым разрешалось взять только то, что они могли унести с собой"[43].

Характеризуя ситуацию того времени в Словакии, М.И. Бурцев в своем донесении Г. Димитрову 19 июня 1945 г. сделал следующее заключение: "Выселение венгров проводится грубыми методами. Венграм не предоставляется ни времени для продажи или сдачи на хранение своего имущества, ни транспорта; поэтому дети, старики, больные, беременные женщины вынуждены идти пешком десятки километров до венгерской границы. Старые работники компартии венгерской национальности, не будучи в состоянии прекратить незаконные действия, уезжают в Венгрию... Необходимо отметить, что все действия местных властей, направленные против венгров, не согласовываются с советскими военными комендантами, а иногда местные власти поступают вопреки распоряжениям советских комендатур. Отмечены случаи, когда красноармейцы по собственной инициативе пытаются препятствовать применению грубых методов к венгерскому населению"[44]. При этом Бурцев обращал внимание и на то, что в результате примене-

inslav

ния "неправильных методов в осуществлении национальной политики, в Словакии усиливается деятельность реакционеров, выступающих под прикрытием словацкого патриотизма", что СНС "фактически способствует самочинным действиям местных властей", поэтому "многие организации компартии Словакии, занявшие неправильные позиции в национальном вопросе, лишаются влияния среди венгерских трудящихся".

Представители венгерского меньшинства под угрозой преследования, в целях самозащиты решили обратиться к правительству Чехословакии и Словацкому национальному совету. В поданном ими еще 19 апреля 1945 г. "Меморандуме" подчеркивалось, что "живущие на территории Словакии венгры ни до, ни после 14 марта 1939 г. не совершали предательства против демократии и гуманизма". Они просили справедливо рассмотреть и объективно проанализировать поведение венгерского меньшинства за истекшие годы и если потребуется, выслушать их представителей, прежде чем принимать окончательное решение о словацких венграх. Хотя авторы не отрицали, что в свое время на "улучшение своей судьбы они могли надеяться исключительно посредством ревизии Трианонского мирного договора", но категорически возражали против "отождествления венгров с немцами". В документе отмечалось: "Венгерская партия в Словакии ни в какой мере не была похожа на бывшую Немецкую партию в Словакии. Широко известен факт, что венгры и Венгерская партия не сотрудничали с немцами, с Немецкой партией, и даже со Словацкой Народной партией Глинки, ни с Глинковской Гвардией или их молодежными организациями. Наоборот, немцы и названные словацкие организации преследовали венгров и Венгерскую партию, которая в Словакии была единственной (официально действующей. — *Б.Ж.*) антифашистской политической партией". Отмечалось также, что партия и ее руководитель, Я. Эстерхази, сыграли важную роль в борьбе против фашизма в Словакии. «Общеизвестно, — говорилось в "Меморандуме", — что Янош Эстерхази был единственным (депутатом словацкого парламента. — *Б.Ж.*), кто не проголосовал за словацкий закон, направленный против евреев, кто всегда призывал венгров к конструктивной работе, был единственным, кто осмелился выразить свое отношение к словацкой форме государства и его основателям»[45].

Не получив ответа на свой меморандум, представители венгерского меньшинства Словакии в начале июня 1945 г. подали словацким властям другой документ с подробным описанием положения венгров в условиях тисовской Словакии и послевоенной Чехословакии, который содержал анализ его состояния и развития за последние шесть лет. В нем характеризовались преследования венгров в годы войны, их участие в

inslav

антифашистской борьбе, говорилось о положительной деятельности Венгерской партии, описывалось пребывание более десятка тысяч венгров в застенках "словацкого Гестапо", а затем говорилось о несправедливости депортации и развернувшегося преследования и массового выселения их с родных мест в новых условиях. В Словакии периода правления Тисо, утверждалось в этом документе, лишь Венгерская партия оставалась "единственным оплотом демократического духа, либерального и антигитлеровского поведения, подчеркнутой христианской идеи в борьбе против нацизма, лишь она одна отвергла гитлеровскую форму и практику приветствия"[46]. Характеризуя социальный состав венгерского населения Словакии, авторы описания подчеркивали, что "подавляющее большинство словацких венгров составляют бедные городские слои, промышленные рабочие, пенсионеры, несколько десятков средних и десять крупных землевладельцев, которые вместе с живущими на селе тысячами крестьян и составляют позитивную ценность Словакии".

Специальный раздел в описании занимала характеристика участия венгров в партизанском движении и в Словацком национальном восстании, но основная часть была посвящена их гонениям в конце и после войны. Отмечалось, что в новой Чехословакии «с венграми обращаются так, будто Гитлер прямо из Будапешта "посылал" свои угрозы Чехословакии». Составители документа не снимали вину и ответственность с венгерских фашистов ("нилашистов") за совершенные ими действия в Словакии в конце 1944 г., но при этом подчеркивали, что к этому не имели отношение невинные словацкие венгры, "которые сейчас подвергаются разнузданному и несправедливому наказанию"[47]. Обращалось внимание и на то, что Венгерская партия даже в указе СНС от 25 мая 1945 г. в отличии от Партии Глинки не была обвинена в коллаборационизме. "Но тем не менее, сразу же после освобождения Братиславы, венгров начали мерить одной меркой с немцами и словацкими фашистами", — говорилось в документе. Отмечалось также, что представители словацких венгров уже в апреле 1945 г. подали меморандум руководителям СНС, министрам Гусаку и Тварожеку, с просьбой "объективной проверки 6-летнего поведения венгерского населения Словакии и сохранения за ним прав, а также с предложением позволить ему участвовать в возрождении государства". Приводились слова названных лиц, которые членам делегации словацких венгров, подавших названный меморандум, заявляли, что "словацкие венгры в государстве Тисо вели себя хорошо и не заслуживают, чтобы с ними обращались так, как с немцами", более того, даже заверили делегатов, что те, "кто не был фашистом, следовательно 90% венгров, не пострадают"[48]. На

inslav

деле все вышло наоборот. «3 мая 1945 г., — значилось в документе, — венгерское население Братиславы, неожиданно, без всякого предупреждения, начали интернировать вне города. Полицейские, детективы и солдаты прошлись по кварталам, уводя за собой горожан-венгров в полицейские участки, где им были вручены извещения о выселении с мотивацией "по соображениям национальной безопасности"»[49].

В описании далее говорилось о депортации венгров даже из пролетарских районов словацкой столицы, развернувшейся в канун приезда Бенеша в город. Венгры моментально лишились всего своего имущества и собственности — им разрешалось брать с собой лишь ручной багаж. "Депортировали даже евреев, которые были зарегистрированы, как говорящие на венгерском языке". "Депортация — самое печальное событие, — отмечалось в этом документе, — которое оценивается всеми трезво мыслящими и демократически настроенными словаками, как жестокий, достойный сожаления акт... и, прежде всего, потому, что главным образом он направлен против откровенно антифашистских венгров, которые заслуживали бы как раз противоположного обращения"[50].

Составители "Меморандума" и "Описания положения венгров Словакии" обращались к названным органам послевоенной Чехословакии с просьбой позволить венгерскому меньшинству принять участие в строительстве нового государства, ходатайствовали о сохранении за ним прав, зафиксированных в конституции страны 1920 года. Однако в этом им было отказано.

Были и другие, направленные высокопоставленным представителям чехословацких властей меморандумы, о позициях венгерского меньшинства в часы испытаний. Некоторые из них, например К. Готвальд, В. Широкий, Л. Новомеский, сами должны были помнить о таких фактах, в частности, о массовом митинге, проведенном венграми в Кошицах 31 июля 1938 г., где известный представитель венгерского меньшинства, писатель-антифашист З. Фабри от имени всех чехословацких венгров осудил то давление, которое оказывалось тогда на республику извне. Но после войны, из упомянутых лиц один лишь поэт Новомеский, исполнявший функции поверенного в делах школьного образования, попытался, хотя и несколько нерешительно, возразить против коллективного осуждения венгерского меньшинства. Побывавший во время правления Тисо в илавском концентрационном лагере, З. Фабри и другие представители интеллигенции словацких венгров также писали меморандумы, в которых приводили конкретные доказательства несостоятельности обвинений в адрес венгерского меньшинства, опровергали его коллективную вину, требовали остановить "негласс-

inslav

ную кампанию его истребления", отмечая, что "это в интересах не только граждан Чехословакии, но и мира и стабильности во всем Дунайском бассейне, чему самым серьезным образом угрожает трагедия ошибочных действий Чехословакии как раз тогда, когда измученные и обманутые народы региона освободились от германского ига и расчищают развалы на путях, ведущих друг к другу"[51]. Фабри позже направил еще один обширный меморандум в защиту венгров Словакии, озаглавленный "Слово обвиняемого" и адресованный чешской и словацкой интеллигенции. В переводе оно было разослано нескольким десяткам политиков и литераторов страны, в том числе лично знакомым писателю Л. Новомескому, В. Клементису, а также Г. Гусаку и другим, литературным переводчикам Я. Смреку, Э.Б. Лукачу, чешским поэтам Ф. Галасу и В. Незвалу, близким к окружению президента и министра иностранных дел. Однако ответа и реакции не последовало.

В соответствии с главой VIII Кошицкой программы на возобновление чехословацкого гражданства могли претендовать только активные антифашисты, участвовавшие в борьбе за освобождение страны и те, кто преследовался в годы войны за свою преданность и верность республике. Однако такой подход, как следует из цитированных документов венгерского меньшинства, на практике далеко не всегда соблюдался. Здесь достаточно сослаться на пример упомянутого Я. Эстерхази, который во время чехословацкого кризиса 1938 г., в отличие от словацких политиков, попавших под влияние Гитлера, в одном интервью подчеркивал, что Венгерская партия вовсе не желает выхода Словакии из состава республики, а "стремится только к реализации прав венгерского меньшинства в рамках Чехословацкой Республики". Графа, несмотря на его антифашистские позиции обвинили в том, что он якобы являлся "агентом Хорти в Чехословакии", и уже 20 апреля 1945 г. по личному указанию уполномоченного по внутренним делам Г. Гусака арестовали и передали НКВД. При этом, фабрикуя против Эстерхази ложное обвинение, вовсе не задумывались и не посчитались с такой "мелочью", как предложение, сделанное ему в 1936 г. лично президентом Бенешем, занять министерский пост в чехословацком правительстве. Президент вряд ли предложил бы такой пост агенту Хорти. Другой вопрос, что граф был сторонником налаживания добрососедских отношений с Венгрией и сотрудничества Чехословакии с Западом. Выступая в парламенте, он неоднократно обращал внимание на нараставшую угрозу со стороны гитлеровской Германии, осуждал создание трудовых и концентрационных лагерей режимом Тисо, после взятия власти Салаши в Венгрии отверг предложение правительства этой страны реорганизовать Венгерскую партию в Словакии по ти-

inslav

пу генлейновских национал-социалистов, был арестован, прятался от гестапо.

Арестованный после освобождения Братиславы Эстерхази был отправлен в СССР и приговорен к 10 годам "исправительных работ". В ходе политических процессов против военных преступников в Чехословакии этот видный представитель венгерского меньшинства был обвинен в служении фашизму, в содействии развалу чехословацкого государства и 16 ноября 1947 г. заочно приговорен к смертной казни через повешенье[52]. Весной 1949 г., заболевший туберкулезом граф был выдан чехословацким властям, доставлен в Чехословакию, где К. Готвальд заменил ему смертный приговор на пожизненное заключение. Скончался Эстерхази в 1957 г. после 12 лет проведенных в тюрьме. В апреле 1993 г. посткоммунистическая Россия передала Венгрии архивные документы о реабилитации российскими властями этого видного представителя венгерского нацменьшинства ЧСР и 12 незаконно осужденных вместе с ним венгров.

Это был лишь один из наиболее ярких примеров политической расправы с неугодными словацкими венграми в условиях послевоенной Чехословакии. То, что произошло с Эстерхази, лишний раз убеждает в справедливости слов чешского мыслителя Э. Радля, который писал: «Народные суды имеют смысл лишь в том случае, если им не дано полное право вынесения окончательных решений, если судебный процесс ведется достойными методами. Народ ведь тоже ошибается, как ошибается отдельный человек; поэтому меньшинства тоже должны иметь свои права, и особенно важно, чтобы они всегда имели право на апелляцию даже после "народного суда"... Низменность не может привести к настоящей демократии даже в том случае, если за ней стоит преобладающее большинство»[53]. Ныне, спустя более полувека, политические и идеологические мотивы действий чехословацких властей против представителей венгерского меньшинства могут быть объяснены, но и сегодня вряд ли можно оправдать массовое ущемление прав и свобод, бесчеловечное отношение, жестокие меры, направленные против ни в чем не повинных людей, массовое изгнание их из страны, с мест многовекового обитания их предков. Ведь вся основная масса венгерского населения Словакии, состоявшая главным образом из сельских жителей и городских рабочих, далеких от политики, была лишена чехословацкого гражданства исключительно на основании своей национальной принадлежности.

Лишение словацких венгров гражданства, разумеется, еще не означало их автоматического выдворения из страны, тем более в массовом масштабе, чего столь усердно добива-

inslav

лись Бенеш и все политическое руководство Чехословакии от великих держав.

Э. Бенеш уже 9 мая 1945 г. заявил: "Чехи и словаки решат, и уже решили окончательно, что с немцами и венграми жить в одном государстве в нынешних условиях не могут и не будут. После этой войны...у меньшинств не будет никаких прав. Вслед за наказанием всех виновных из нашей страны должно уйти подавляющее большинство немцев и венгров"[54]. Это заявление Бенеша стало поворотным в публичной оценке венгерского меньшинства в Чехословакии, ведь до этого во всеуслышание никто никогда не связывал напрямую судетских немцев и словацких венгров. Наоборот, оценка этих меньшинств ранее существенно отличалась. Так, в годы войны словацкий коммунист В. Клементис еще сам говорил о существующих различиях между венграми и судетскими немцами, отмечая, что "большинство венгерских рабочих и крестьян политику и культурное развитие республики оценивали достойно"[55], но после выступления Бенеша он предпочел не упоминать об этом. Следует сказать, что и Бенеш в своих воспоминаниях, говоря о развале Чехословакии, жаловался только на немцев и словаков, тогда как о словацких венграх не говорил ничего отрицательного. "Я отчаянно боролся против всего. Против меня стоял внутренний фронт, так называемое движение судетских немцев, затем фронт словаков"[56], — писал он. Следовательно, словацких венгров Бенеш не причислял к тем силам, которые в составе такого фронта противостояли ему. Следовательно можно предположить, что они не вызывали у него беспокойство. После войны это не мешало ему однако добиваться их массового выселения.

Для словацких венгров резкий поворот в их оценке со стороны чехословацкой политической элиты, их огульное осуждение, стали неожиданностью. Недаром один из представителей венгерского МИДа отмечал впоследствии, что "коалиционное правительство Венгрии не могло и предположить, что новое чехословацкое государство откажется от принципов первого президента республики Т.Г. Масарика и, уподобившись нацистской Германии, решится на преследование и расовую ненависть"[57]. Выступление Бенеша в Братиславе стало, однако, не только публичным свидетельством его намерений превратить Чехословакию в "чисто национальное" государство, но и вполне конкретным и четким выражением того, что политическое руководство страны не желало, чтобы чехи и словаки жили вместе с немцами и венграми в одном государстве. Такая позиция означала полный отход от принципов и отказ от заветов Т.Г. Масарика, который еще в первом своем президентском послании заверял народы страны в том, что "в нашей республике не будет насильственной денационализации,... при любых ус-

inslav

ловиях наша политика будет преследовать цель усиления национальной терпимости", с тем чтобы "для меньшинств были созданы исключительно беспрепятственные условия для их национального развития"[58]. Чехословацкая реальность в 1945—1947 гг. была прямо противоположной.

Ситуация, которая сложилась в Словакии после выступления в начале мая 1945 г. чехословацкого президента в Братиславе, характеризовалась вспышкой антивенгерских настроений и массовыми арестами и выселением венгров из своих квартир и домов. Эта акция началась именно с Братиславы. В одной из работ, опубликованной в словацкой столице в середине 90-х годов прошлого века, она описана так: "Многих венгров, возвращающихся с воскресного богослужения уже не пускали в квартиры. Бесчеловечности не было предела. Многих венгров сразу же отправляли в военные бараки на территории концлагеря в Петржалке, остальных в другие города и села. Согласно решению управления национальной безопасности они могли быть размещены однако лишь в постройках, возведенных до 1918 года. Правда, сам лагерь был построен уже после 1918 г. Органы национальной безопасности были беспощадны,... венграм не разрешали брать с собой даже семейные реликвии — настенные фотографии своих родителей, дедов и бабушек, свадебные фото в рамках"[59]. После братиславских арестов и депортаций подобные действия, которыми занимался специальный отдел национальной безопасности — политическая полиция НБ-11, развернулись по всей Словакии. В результате только в петржалском лагере Кошут ко времени его закрытия в 1946 г., насчитывалось свыше 20 тыс. словацких венгров. Многие были просто изгнаны из страны. Число последних, т.е. изгнанных с территории Словакии, по сохранившимся далеко не полным данным, подсчитанным историками, составляло 31 780 человек[60].

Обращение словацких властей с венграми удивило не только самих венгров, но и представителей командования советских войск. Получив в июне 1945 года ряд донесений о депортации представителей этого нацменьшинства из Словакии в Венгрию, о жестоком обращении словацких властей с венграми[61], в июле Г.М. Димитров решил обратить на это внимание высшего руководства ВКП(б), отмечая, что из материалов, которыми он располагает, "видно, что методы, применяемые словацкой администрацией при решении венгерского вопроса, неправильны и могут повлечь за собой неблагоприятные последствия". При этом он счел важным "в соответствующей форме обратить на это внимание представителей чехословацкого правительства"[62]. Произошло ли это на деле, нам не известно. Однако 15 августа Димитров получил очередное информационное

inslav

письмо от Бурцева о продолжающейся "антивенгерской политике чехословацкого правительства" с выдержками из полученных им донесений. Так, в донесении начальника 7-го отдела Политуправления Центральной группы войск говорилось: "В течении мая—июня с.г. чехословацкое правительство провело ряд мероприятий, свидетельствующих о его антивенгерской политике. Несмотря на то, что в декларации, опубликованной правительством, говорится о выселении лишь тех венгров, которые прибыли в Чехословакию после 1938 г., и о наказании тех лиц венгерской национальности, которые в период оккупации Чехословакии сотрудничали с нацистскими оккупационными органами, ряд членов центрального и словацкого правительств, в том числе и сам президент Бенеш, неоднократно (в Братиславе, в Брно 12 мая, а затем в Лидице. — *Б.Ж.*) выступали с речами и статьями, в которых требовали выселения всех венгров из Словакии"[63].

Из письма Бурцева Димитрову вытекало, что такая политика уже отражает не просто перегибы местных властей, но и политику Праги. В связи с публичными выступлениями президента в письме было подчеркнуто, что они "словацкими властями на местах воспринимаются как руководство к действию", что "преследования венгров в Словакии усилились". «Венграм под страхом увольнения с работы запрещают говорить на родном языке, имели место попытки заставить венгров носить на рукаве отличительную букву "М"(мадьяр), — отмечалось в письме Бурцева. — В ряде городов и сел Словакии, где большинство населения составляют венгры, закрыты венгерские школы, из многих городов, напр., из Братиславы, выселяется все венгерское население, причем условия выселения чрезвычайно жестки. Тон чехословацкой печати, особенно словацкой, в отношении венгров стал исключительно резким и агрессивным. Исключения не составляет и центральный орган коммунистической партии Словакии»[64]. В заключительной части письма указывалось, что "события в Чехословакии, затрагивающие судьбу более чем 700 000 венгров, населяющих восточные и южные районы Словакии, вызвали сильное возбуждение среди общественности Венгрии", что "немедленно вслед за последним выступлением Бенеша вся венгерская печать реагировала на них опубликованием ответных статей, в которых выражается негодование по поводу национальной политики чехословацкого правительства в отношении венгерского меньшинства". Среди прилагаемых к письму выдержек из венгерской печати выражалось сомнение в том, что "Бенеш решился на такие действия без предварительного согласования с Москвой", что она "настолько слаба, что допускает подобные заявления Бенеша, если они не соответствуют ее намерениям". Прилагалось и интер-

inslav

вью члена ЦК венгерской компартии М. Фаркаша, который, в частности, заявил: "Нас, коммунистов, чрезвычайно волнуют и возмущают события, которые сейчас происходят в Чехословакии... Пока мы не поднимаем шума вокруг этого вопроса. Надеемся, что Москва заставит виновников этих безобразий прекратить их. Однако, я должен заявить, что, если подобные бесчинства по отношению к венграм будут продолжаться, мы вынуждены будем начать кампанию против Бенеша"[65].

Наиболее заметным актом в отношении венгерского меньшинства в Словакии стал, однако, декрет президента Э. Бенеша за № 33 от 2 августа 1945 г., имевший наиболее тяжелые последствия, и поэтому на нем следует остановиться подробнее. Этим декретом оперативно, собственно в последний день работы Потсдамской конференции, лишилось чехословацкого гражданства наряду с немецким практически все венгерское население республики, насчитывавшее тогда 691 621 человека[66]. Гражданство потеряли и активные антифашисты, и участники освобождения страны. Правда, они могли ходатайствовать о его восстановлении. Декрет можно рассматривать как своеобразный ответ чехословацких властей на отказ указанного международного форума поддержать их просьбу о том, чтобы поступать с венграми таким же образом, как с немцами. Этот, принятый в послевоенных условиях декрет президента, по определению отдельных юристов-исследователей права в современной Словакии целиком и полностью чужд духу и букве Конституции республики 1920 г., противоречил также Уставу ООН, ибо лишил эти общности основополагающих прав человека и гражданина[67].

Декрет Бенеша стал основополагающим и определяющим юридическим документом, открывшим путь политического, административно-силового воздействия на венгерское население. Он создал для него атмосферу нервозности, бесправия и страха за свое будущее, угрожая самому существованию этого национального меньшинства. Бенеш и политическое руководство страны явно полагали, что, имея за собой советскую поддержку, могут обходиться с венграми по своему усмотрению, и этому не может помешать никто.

Венгерское население Словакии, даже в пограничной с Венгрией примерно 60-километровой полосе его компактного проживания, сразу же после освобождения Чехословакии распоряжением уполномоченного по внутренним делам СНС было лишено всякой возможности образовать свои местные органы власти, национальные комитеты. Венгры не могли быть членами никаких политических партий и массовых организаций, их тысячами интернировали и отправляли в концентрационные лагеря. С появлением декрета о лишении их чехо-

inslav

словацкого гражданства прекращалось членство венгров даже в КПЧ. Правда, бывшие коммунисты могли просить рекомендации и добровольно переселиться в Венгрию, где была возможность кооптироваться в венгерскую компартию. Все школы с венгерским языком обучения были закрыты, в том числе частные. Конфискованная у венгров собственность была взята под "национальное управление". Все их культурные, спортивные, социальные и прочие организации и объединения были распущены. Изымались радиоприемники, запрещалась публикация любого печатного издания на языке — газет, книг, журналов, даже молитвенников и пр. На улицах городов, в церквах, в системе почтовой связи было запрещено пользоваться венгерским языком. Специальным постановлением СНС (№ 253/1945 г.) предписывалось закрытие всех венгерских церковных приходов и пробстов, деканатов. Их собственность передавалась во владение словацких церквей. Священники были уволены, служба должна была проводиться "только на государственных языках". Венгры, в одночасье ставшие неграждани, лишились медицинского обслуживания, всех социальных прав и льгот, пенсионерам, равно как и инвалидам и вдовам была прекращена выплата пенсий. Неграждане, как евреи в годы войны, должны были носить отличительный знак — белую повязку на рукаве[68].

Все эти и другие меры были направлены на то, чтобы заставить венгров "добровольно" эмигрировать. В целом, численность таких беженцев уже в начале 1945 г. достигла 40 тыс. человек[69]. Специальными постановлениями СНС (№ 44 и 99 за 1945 г.) были отстранены со своих должностей в системе местной администрации и лишились возможности где-либо трудиться все работники венгерской национальности, а затем даже служащие частных организаций и предприятий (№ 69 за 1945 г.). В городах Словакии и, как отмечалось, особенно в Братиславе венгры в массовом порядке выдворялись из своих квартир и домов, причем с последующим их интернированием и конфискацией имущества. С осени 1945 г. словацких венгров, лишенных гражданства, ожидали другие, не менее жестокие испытания, в том числе начавшиеся перемещения крестьян в чешские провинции.

В одном из обзоров, составленном советским представителем СКК в Венгрии 11 октября 1945 г., в связи с гонениями на венгров в Словакии отмечалось: «В Братиславе и других городах Чехословакии органы национальной безопасности продолжают настоящую "охоту на людей". Собирают венгров, которые не располагают удостоверениями о политической надежности и направляют их в концлагеря. Согласно декрету от 5 мая "все венгры ненадежны"»[70]. В обзоре со ссылкой на централь-

inslav

ную газету ВКП "Сабад Со" отмечалось, что "венгерское общественное мнение рассчитывало на Бенеша тем более, что по мнению некоторых, Бенеш является учеником великого гуманиста и демократа Масарика... Но сам Бенеш подтвердил, что его взгляды не отличаются от взглядов Словацкого национального Совета. Он заявил, что приблизительно 400 тыс. венгров должны оставить Чехословакию и обмен населением между Чехословакией и Венгрией неизбежен". В заключение советский советник СКК приводил следующие слова: "Политика чехословаков относительно венгров является последствием планомерной и обдуманной политики, и в подготовке этой политики принимали одинаковое участие и чехи во главе с Бенешем и словаки... Преследование венгров является официальной программой Чехословакии, которая называет себя демократической страной"[71].

Положение венгерского меньшинства в Словакии, поступившие оттуда сообщения, о намерениях полностью очистить Чехословакию от венгров, вызвали в Венгрии большую озабоченность, как среди населения, так и в политических кругах. Известно, что в послевоенные годы руководитель венгерской компартии М. Ракоши часто информировал международный отдел ЦК ВКП(б) о положении в стране. Среди сохранившихся материалов партийного архива в Москве есть письмо от 5 мая 1945 г., адресованное руководителю отдела Г. Димитрову. В нем генеральный секретарь ВКП выражал беспокойство тем, что выселение венгров из Чехословакии, вызывает в Венгрии "неприятное впечатление". "Общественное мнение ничего плохого не находит в том, что венгры, поселившиеся после 1938 г. в районах, отторгнутых от Чехословакии, будут выселены, — писал он. — Но если будут изгнаны венгерские крестьяне и рабочие (примерно полмиллиона человек), живущие там с незапамятных времен, то это было бы тяжелым испытанием для венгерской демократии. Одновременно это мероприятие лило бы воду на мельницу реакции"[72].

Находясь в Москве и будучи принятым 23 июня Г. Димитровым, Ракоши лично проинформировал его о положении в Венгрии и, естественно, не мог не затронуть вопрос о тяжелом положении венгерского меньшинства в соседней Чехословакии. "Начинаются очень жесткие преследования венгров в Чехословакии, — говорил он своему собеседнику. — Это очень сложный внутриполитический и внешнеполитический маневр чешской реакции. Дело в том, что Бенеш, по всей вероятности, хочет отвлечь общественное мнение от вопросов чистки государственного и экономического аппарата от изменников. Он организует кампанию нападок на немцев и венгров, а у словаков поддерживает преследование венгров, надеясь на

inslav

то, что словаки в таком случае будут предъявлять меньше требований к чехам"[73].

Ракоши выразил озабоченность по поводу того, что из Словакии действительно "выгоняют венгерских крестьян и рабочих, что вызывает огромную (отрицательную. — *Б.Ж.*) реакцию в Венгрии". При этом он обращал внимание своего собеседника на то, что в Словакии "больше преследуют венгерских коммунистов, чем венгерских и своих фашистов"[74]. В стенограмме беседы не зафиксирована конкретная реакция Димитрова, однако спустя несколько дней, когда он принимал в ЦК ВКП(б) З. Неедлы с докладом о положении в Чехословакии, то попросил его охарактеризовать Бенеша и подробно рассказать о своем видении проблемы венгерского меньшинства в стране. Характеристика, данная Неедлы Бенешу, получилась далеко не лестной, развенчивающей демократический ореол его личности. В изображении Неедлы он предстал как "демократ только теоретически", как "очень хитрый человек", опытный адвокат, недовольный на том этапе ходом выселения из страны немцев и венгров[75]. Касаясь венгерского вопроса в Словакии, собеседник Димитрова фактически уклонился от детальной характеристики проблемы, отделавшись формальной, лежащей на поверхности оговоркой. Он сослался на то, что при наступлении Красной Армии на Венгрию с востока и юга, часть фашистов сбежала в Словакию. "Теперь, когда надо их из Словакии выбросить, — отмечал Неедлы, — новая Венгрия говорит, что почему вы посылаете нам этих фашистов"[76]. На самом деле правительство новой Венгрии возражало не против удаления или наказания фашистских элементов или представителей старого чиновничьего аппарата, а против намерения чехословацких властей в массовом масштабе изгнать или переселить венгерских крестьян и рабочих с мест многовекового обитания их предков. Характеризуя ситуацию 1945 года, Ракоши в своих, недавно опубликованных в Венгрии "Воспоминаниях", отмечал, что из освобожденной Чехословакии десятками тысяч уходили в Венгрию люди — венгерские служащие, учителя, врачи, железнодорожники и пр., что "Бенеш, а под его влиянием и компартия начали проводить такую политику в отношении венгерского меньшинства, которая приводила к ухудшению отношений между двумя странами"[77].

Первые официальные протесты Венгрии на преследование венгров в Чехословакии появились в апреле 1945 г. и были направлены руководству СКК в Будапеште. Затем, 4 июля 1945 г. появился меморандум в адрес советского правительства, в котором излагались положения указов и распоряжений пражских и братиславских властей, ущемлявшие права венгерского меньшинства в Чехословакии, говорилось о жестокостях по от-

inslav

ношению к венграм в Словакии, содержалась просьба к Москве о срочном вмешательстве. Но ответа не последовало. С апреля 1945 г. по июль 1946 г. венгерский МИД подал в СКК 184 записки о нарушении прав венгров в Чехословакии[78]. Однако положение не менялось.

Согласно записи советского посла в Венгрии Г.М. Пушкина от 5 июля 1945 г. представитель Чехословакии при СКК в Будапеште Д. Крно признался ему в том, что "венгры имеют некоторые основания быть недовольными, так как словацкие власти выселяют венгров со всей территории страны без предварительного уведомления, отбирают при этом все движимое и недвижимое имущество. Венгерские граждане (имеется в виду чехословацкие граждане венгерской национальности. — *Б.Ж.*) таким образом попадают в весьма тяжелое положение"[79]. Разумеется, такая ситуация только стимулировала "добровольный" отток венгров, заставляла их искать спасения в Венгрии, усугубляла положение оставшихся в Словакии, превращая их жизнь в настоящую пытку.

Отношение к венграм в Словакии стало темой переговоров между компартиями двух стран — ВКП и КПЧ. Летом 1945 г. состоялась встреча их лидеров в Праге, на которой с чехословацкой стороны присутствовали К. Готвальд, В. Широкий, Р. Сланский и ряд министров. Об этой встрече 4 августа Ракоши так информировал Г. Димитрова: «Чешские товарищи аргументировали свою позицию высказыванием тов. Сталина, который на встрече с чехословацкой делегацией в конце июня 1945 года выразил свое мнение в связи с венгерским и немецким вопросом (т.е. в связи с выселением их из Чехословакии. — *Б.Ж.*), предлагая при встрече с венграми "дать им по зубам"»[80]. Иными словами, чехословацкие коммунисты в вопросе выселения венгров апеллировали к позиции "отца народов", который, как отмечалось ранее, уже пообещал Бенешу поддержку. Кроме того, чехословацкие политики аргументировали свои действия стоящей перед ними задачей по созданию "великой славянской федерации".

Реакция Димитрова на высказывание Ракоши не известна автору. Однако остается фактом, что руководитель венгерских коммунистов, озабоченный положением дел, продолжал добиваться ясности в вопросе о выселении венгров из Словакии и защиты их советским руководством. Он написал письмо и Сталину, ходатайствуя о поддержке и прося о помощи. Проект его письма был обсужден 7 августа 1945 г. Секретариатом Центрального Руководства (ЦР) ВКП. Сообщив, что "чехословацкое правительство и компартия решили выселить с территории Чехословакии всех венгров, мотивируя тем, что присутствие в Словакии 600 тысяч венгров мешает им в создании

inslav

сильной великой славянской федерации", Ракоши отметил, что чехи в качестве аргумента ссылаются на согласие Сталина в данном вопросе. «Когда чехословацкая делегация в конце июня посетила Вас, они задали вопрос могут ли они поступить с венграми так же, как с немцами, и Вы якобы дали положительный ответ и даже заявили, что "Дайте им по зубам!"» — говорилось в письме Ракоши. Надеясь на вмешательство Сталина, он мотивировал свою просьбу тем, что ситуация с выселением венгров "может испортить отношения между Венгрией и Чехословакией, станет тяжелым ударом для молодой венгерской демократии", отрицательно скажется на советско-венгерской дружбе и может усилить влияние англичан в Венгрии. Он указывал на то, что даже "обмен населением мало чем поможет, ведь венгерские словаки составляют всего лишь одну пятую часть словацких венгров"[81]. Как отреагировал И.В. Сталин на полученное письмо, автору также неизвестно. Скорее всего оно осталось без ответа, хотя в его завершающих строках содержалась просьба о срочном рассмотрении вопроса и сообщении принятого решения.

Попытка венгерских коммунистов прийти в данном вопросе к какому-то соглашению с чехословацким коммунистическим руководством, не увенчалась успехом, поскольку оно не желало отступать от намеченного политического курса на полное очищение страны от венгров. Это подтверждалось и представителями венгерского нацменьшинства в Словакии, которые при описании своего положения отмечали: «Парадоксально, что акции против венгров возглавляют словацкие коммунисты, газета которых "Правда" разыгрывает крайне националистические ноты в венгерском вопросе, не пренебрегая даже фальсификацией истории»[82]. Подобное положение вещей, разумеется, вызывало беспокойство руководителя ВКП, озабоченного престижем коммунистов. Чехословацкая же сторона, будучи уверенной в советской поддержке, не желала уступать венграм и пойти им навстречу даже во имя сохранения своего престижа.

О том, что руководство КПЧ не намерено помешать процессу выселения венгров из Чехословакии, М. Ракоши доложил на заседании политбюро ЦР ВКП 15 августа 1945 г. "При любых обстоятельствах из Чехословакии будет переселено 200 000 венгров", и хотя "словацкая проблема еще не решена, заботиться об их обеспечении продуктами питания мы должны сами"[83], — говорил лидер партии.

Учитывая, что принимаемые меры не дали результатов, МИД Венгрии в сентябре направил трем великим державам меморандум, в котором излагались меры чехословацкого правительства, направленные против венгерского меньшинства в

inslav

Словакии. Уже после того как премьер-министр ЧСР З. Фирлингер подал Совету министров иностранных дел трех великих держав чехословацкое ходатайство с просьбой дать согласие на выселение венгров из Чехословакии, правительство Венгрии также обратилось к этому международному органу с просьбой выслушать венгерскую точку зрения по этому вопросу и изучить спорные вопросы между двумя странами. В виду ухудшающегося положения венгров в Словакии оно повторило свою просьбу 20 ноября 1945 г.

В арсенале средств чехословацкого руководства по очищению страны от венгров имелись различные средства и формы, в частности такие, как обмен населением между двумя странами, предоставление права негражданам на оптацию или же выбор между гражданством двух стран, Венгрии и Чехословакии, путем так называемой ресловакизации.

Переговоры между Венгрией и Чехословакией: трансфер или обмен населением?

Переговоры между странами об обмене населением фактически инициировал представитель чехословацкого правительства генерал Ф. Дастич, выполнявший в Будапеште сначала дипломатические функции, а позже прикомандированный к СКК. 3 сентября 1945 г. он предложил в два этапа избавиться от венгров, которые, по его мнению, якобы представляли "постоянную угрозу" для Словакии. Для начала Дастич допускал обмен, а если это не приведет к полному удалению всего венгерского меньшинства, то от остальной части венгров предлагал освободиться путем их одностороннего перемещения на территорию Венгрии. Генерал при этом считал недопустимым передавать их Венгрии вместе с территорией, на которой они компактно проживали, т.е. исходил из нерушимости трианонских границ. Вслед за ним 9 декабря 1945 г. с предложением начать переговоры об обмене населением выступил представитель чехословацкого правительства при СКК в Венгрии Д. Крно. До этого, в ноябре представители Венгерской социал-демократической партии, участвовавшие в конгрессе социал-демократов в Праге, также поддержали проведение обмена[84].

Министр иностранных дел Венгрии Я. Дёндёши сначала не принимал идею обмена и согласился на нее лишь под международным и внутренним давлением. При этом он подчеркивал, что ввиду несоразмерности численности обмениваемых — венгров в Словакии гораздо больше, чем словаков в Венгрии — в интересах людей следовало бы подумать над другим вариантом решения проблемы. Дёндёши заявил: "Если

inslav

Словакия ради своей будущей безопасности желает освободиться от венгров, тогда стоит всего лишь соответствующим образом поправить линию границ, и тогда не будет необходимости в антигуманном акте перемещения сотен тысяч жителей с мест их проживания"[85].

Позиция венгерского правительства оставалась неизменной вплоть до осени 1945 г. Оно не было готово к переговорам о приеме больших масс венгерского населения из Словакии на предлагаемых чехословацкой стороной условиях. В октябре—декабре, поддавшись советскому и американскому давлению, после образования нового венгерского правительства во главе с З. Тильди, Будапешт все же принял предложение Праги. Министерство иностранных дел Венгрии мотивировало свое согласие тем, что равный обмен населением будет способствовать улучшению взаимоотношений между двумя новыми демократиями и может привести к изменению положения остающегося в Словакии венгерского населения. Вместе с тем, 28 ноября 1945 г. премьер-министр Венгрии направил письмо в Прагу, в котором от имени правительства выразил протест против мер, ущемляющих права венгерского меньшинства в Чехословакии и подчеркнул, что чехословацкая сторона пользуется этим, чтобы укрепить свои позиции на предстоящих переговорах.

В октябре—ноябре 1945 г. настал момент, когда венгерскому руководству показалось, что Чехословакия начинает склоняться к решению проблемы на двусторонней основе. Дело в том, что в выступлениях чехословацкого президента и премьер-министра З. Фирлингера от 28 октября оно узрело проявление некоей склонности все же делать какие-то различия между венгерским и немецким меньшинством в Чехословакии[86], а отсюда и попытку подойти к решению их проблемы по разному. К сожалению, на практике решимость чехословацкого правительства полностью удалить всех венгров из Словакии не изменилась. Так или иначе, венгерское правительство согласилось принять приглашение Праги на переговоры, и об этом в первые же дни декабря Тильди известил чехословацкого представителя в СКК Д. Крно. Тем самым оно взяло на себя обязательства перед великими державами участвовать в проведении переговоров по обмену населением между двумя странами. При этом Дёндёши исходил из того, что обмен должен осуществляться на добровольной основе и что не может быть речи о привлечении к коллективной ответственности венгерского меньшинства в Словакии и о его выдворении из страны.

Переговоры начались 3 декабря 1945 г. в Чернинском дворце в Праге и продолжались до 6 декабря. Малочисленной венгерской делегацией руководил министр иностранных дел

inslav

Я. Дёндёши, чехословацкую же в отсутствии руководителя МИДа, Я. Масарика, возглавил его заместитель, госсекретарь по внешним делам коммунист В. Клементис. Предложения чехословацкой стороны на переговорах касались, прежде всего, равного обмена населением по принципу добровольного перемещения словаков из Венгрии и вынужденного перемещения такого же числа венгров из Словакии. Но кроме того, они предусматривали также трансфер, т.е. выселение, остающихся в Чехословакии венгров, собственность которых подлежала бы полной конфискации чехословацкими властями. Клементис в своем выступлении при открытии переговоров отреагировал и на будапештское высказывание Дёндёши о возможности изменения границ, заметив, что такое решение вопроса венгерского нацменьшинства в Словакии "не может и не будет иметь место".

Венгерский министр иностранных дел со своей стороны заявил, что он, хотя и считает даже обмен населением "несовместимым с принципами демократии и гуманизма", но в интересах смягчения противоречий между двумя странами демократическая Венгрия с определенными оговорками все же готова согласиться на него. Он предложил провести обмен под англо-американским и советским контролем, аннулировать дискриминационные декреты, указы и распоряжения, лишившие словацких венгров гражданских прав, возвратить им собственность либо выплатить за нее компенсацию. Дёндёши назвал неприемлемым переселение на территорию Венгрии той части словацких венгров, которая останется после обмена, и заявил о необходимости соответствующего урегулирования их положения в самой Словакии[87].

В. Клементис в ответ сказал, что Чехословакия желает стать "национальным государством", и поэтому остающиеся в ней после обмена венгры в подавляющем большинстве так или иначе будут переселены в Венгрию, а те, кто останется, будут полностью лишены всех прав меньшинства. Он аргументировал это тем, что Чехословакия больше не признает ни международные соглашения о защите прав национальных меньшинств, ни двусторонние соглашения по этому вопросу, и вновь подтвердил, что единственным способом решения проблемы остается насильственное выселение венгров. Госсекретарь повторил, что остающимся в ЧСР венграм не следует рассчитывать на сохранение каких-либо прав в будущем. Он открыто заявил, что их ожидает ускоренная ассимиляция. При этом было отмечено, что чехословацкое правительство считает естественным такой процесс и со своей стороны "ставит крест" также на ассимилировавшихся словаках, живущих в Венгрии. В заключение, говоря о выселении венгров и о Чехословакии как будущем "наци-

inslav

ональном государстве", он заявил: "Это наш основной принцип, который мы хотим реализовать как итог нашей 150-летней национальной борьбы".

Венгерская сторона, в свою очередь, исходила из того, что есть принципиальная разница между теми словаками, которые в XVIII в. после изгнания турок добровольно переселились из Словакии на Большую Венгерскую низменность и живут там среди венгров, и теми венграми, которые не по своей воле, а в результате территориального передела очутились в составе нового чехословацкого государства, были отделены искусственно от основной массы венгерского народа и оказались на положении национального меньшинства. Изгнание их с мест многовекового обитания руководитель венгерского МИДа назвал аморальным. Его делегация, кроме того, подчеркивала, что речь идет о несопоставимой численности переселяемых на принципах обмена венгров и словаков. И в самом деле, в Чехословакии в 1945 г., согласно оценочным цифрам чехословацких демографов еще оставалось 652 тыс. венгров (по венгерским данным — 700—800 тыс.). В Венгрии же статистика при переписи населения зафиксировала в 1941 г. 75 920 словаков. Клементис же и его делегация на переговорах исходили из того, что в Венгрии проживает 450 тыс. словаков. Представители венгерской делегации поэтому посчитали, что при равном обмене населением судьба более половины венгров в Словакии остается нерешенной[88].

Я. Дёндёши заявил, что лишение гражданства и уже практикующееся насильственное расселение венгерского меньшинства в Чехословакии под видом отправки на общественные работы, свидетельствуют о том, что "чехословацких венгров исключительно по причине их происхождения, без всякого на то морального и правового основания подвергают коллективному наказанию и хотят выдворить из страны"[89].

В итоговом протоколе о встрече, составленном с венгерской стороны И. Кертесем, в сжатом виде были отражены позиции сторон. Согласно этому документу, венгерское правительство не могло согласиться на обмен населением, так как он противоречил принципам гуманизма и демократии, но при этом отмечалось, что в случае восстановления дружественных отношений между странами Венгрия при определенных условиях могла бы согласиться на обмен. В число граждан, подлежащих обмену, предлагалось включить и тех венгров, которые, являясь гражданами Чехословакии и до 1 ноября 1938 г., уже были изгнаны из страны или сами бежали в Венгрию, опасаясь последствий вышеуказанных декретов Бенеша. Венгрия соглашалась принять и тех словацких венгров, которые будут названы чехословацкими органами "врагами государства".

inslav

Кроме того, в протоколе указывалось, что о перемещении остальных венгров из Словакии стороны могли бы договориться по линии политических партий обеих стран, учитывая место жительства, профессиональную ориентацию, материальное положение будущих переселенцев. Венгерское предложение исходило из необходимости проведения обмена под международным контролем, что было однако отклонено чехословацкой делегацией. Оно содержало требование немедленной отмены дискриминационных мер и, как отмечалось, возмещения имущественного ущерба. Чехословацкое требование к Венгрии согласиться на удаление из Словакии всех венгров было полностью отклонено венгерской делегацией. Дёндёши заявил, что Венгрия может принять словацких венгров сверх обмена лишь вместе с территорией, на которой они живут. Делегация выразила свое согласие на равноценный обмен с оговоркой, что положение остающегося в Словакии венгерского меньшинства будет урегулировано[90].

В сложившихся условиях переговоры зашли в тупик. Дело в том, что Клементис, отвергая предлагаемый венгерской стороной контроль за обменом населением со стороны союзных держав, надеялся на решение проблемы сепаратным путем, договорившись непосредственно с руководителем СКК в Венгрии маршалом Ворошиловым. Он отметил, что выселение немцев из Венгрии освобождает достаточно места для того, чтобы принять всех словацких венгров. Руководитель же венгерской делегации не признал возможным такое решение вопроса и свою позицию выразил словами: "либо предоставление прав меньшинству, либо передача его вместе с землей"[91].

Таким образом делегациям двух стран в Праге так и не удалось договориться и найти взаимоприемлемое решение. В. Клементис, однако, уверенный в советской поддержке чехословацкой позиции, заявил одному из членов венгерской делегации, что Чехословакия все равно выселит всех венгров[92]. Он же 25 октября 1945 г. с полной уверенностью сказал об этом французскому представителю Келлеру, отмечая, что выселение венгров из Словакии зависит не от благого намерения западных держав, а исключительно от согласия советских военных органов, так как именно они ответственны за порядок в Венгрии[93]. Видимо, этой убежденностью чехословацких властей и объяснялась их попытка договориться непосредственно с Ворошиловым о трансфере еще 200 тыс. венгров из Чехословакии, тем более что к тому времени ими уже были сделаны предварительные шаги в данном направлении.

После обмена меморандумами руководители двух делегаций пришли к выводу о невозможности договориться. Переговоры завершились 6 декабря заявлением министра иностран-

inslav

ных дел Венгрии, который снова воззвал к идее гуманизма и демократии, просил чехословацкое правительство отказаться хотя бы от новых дискриминационных мер против словацких венгров и покончить с их преследованием[94]. Примечательно, что стороны не могли прийти к согласию даже о едином тексте совместного коммюнике. Член делегации, бывший сотрудник МИДа Венгрии И. Кертес, с 1945 г. заведывавший отделом подготовки мирного договора и часто встречавшийся с глазу на глаз с В. Клементисом, в этой связи впоследствии писал: "Национальная политика Венгрии, неоднократно подвергавшаяся критике, конечно, имела немало недочетов, однако ее нельзя даже сравнивать с той, руководимой правительством методичной политикой преследования, которая проводилась в новой Чехословакии. Гуманизм Масарика в чехословацкой политике после второй мировой войны был заменен стержневой идеей крайней расовой ненависти. Совершенно очевидно, что руководители чешской и словацкой политики злоупотребили своим благоприятным властным положением и разрушили возможности сотрудничества со своими соседями, и особенно с Венгрией". Он упомянул о словах, сказанных ему лично Клементисом, а именно, что "Чехословакия, которая пользуется поддержкой как Советского Союза, так и западных держав, все равно так или иначе выселит венгров"[95]. Бенеш в беседе с министром Дёндёши даже пошел дальше этого, заявив, что великие державы в Потсдаме якобы уже дали ему "принципиальное согласие на удаление венгров" и одновременно выразил свое удивление "упрямством"[96] венгерского правительства. Скорее всего это был лишь тактический прием, психологическое воздействие на противника, так как утверждение президента не соответствовало действительности и не нашло подтверждения на практике.

Характеризуя позиции сторон на этих первых пражских переговорах, инициированных Чехословакией, стоит обратить внимание на то, как они отразились и оценивались в советских внешнеполитических документах. Один из них, под названием "К вопросу об обмене населением между Венгрией и Чехословакией"[97], был подготовлен сотрудником III Европейского отдела НКИД СССР А. Лаврищевым 5 апреля 1946 г. в форме отчета для руководства этого ведомства. На переговорах, отмечается здесь, чехословацкая сторона "настаивала на полном разрешении вопроса о венгерском меньшинстве", что на деле означало стремление полностью избавиться от всего венгерского населения Чехословакии. Она предлагала, во-первых, провести обмен венгров на словаков, проживающих в Венгрии, а во-вторых, "осуществить выселение венгров, которых лишили чехословацкого гражданства", что фактически касалось всех. Отме-

inslav

чалось, что в случае согласия венгерской стороны на такое "окончательное решение" национальной проблемы венгров в Чехословакии, делегация этой страны была бы готова на отсрочку с выселением словацких венгров и временно ограничила бы мероприятия по его проведению, а также по конфискации имущества изгоняемых венгров. Такая позиция однако не означала согласия чехословацкой стороны оставить часть венгров в Словакии, — говорится в документе. Автор отчета отмечал и то, что реагируя на встречное венгерское предложение о готовности Венгрии принять всех словацких венгров, проживающих компактной массой вдоль границы, но вместе с территорией, чехословацкая сторона ответила категорическим отказом, заявив, что "при решении проблемы венгерского меньшинства не может быть места исправлению чехословацко-венгерской границы в пользу Венгрии"[98].

Венгерская делегация, подчеркивалось в указанном документе, соглашалась "лишь на равный обмен словаков на венгров и возразила против дальнейшего выселения венгров из Чехословакии". Руководитель делегации министр иностранных дел Я. Дёндёши при этом отмечал: "В Словакии проживает около 600 тыс. венгров, в то время как в Венгрии насчитывается от 350 до 400 тыс. словаков (здесь допущена явная неточность, ведь министр знал, что в Венгрии нет такого числа словаков. — *Б.Ж.*) и из них примерно 50 тыс. пожелает переселиться в Чехословакию. Поэтому обмен на такой основе затронул бы лишь одну десятую часть венгерского населения Словакии". Венгерская сторона, согласно документу, заявила о своем согласии провести обмен на равных при условии, "если бы в число венгров, подлежащих обмену были включены те, которые уже выселены или которым Чехословакия не разрешает вернуться в свои семьи (т.е. военнопленные)". Венгерская делегация, отмечал автор, добивалась того, чтобы остающимся после обмена в Чехословакии венграм были возвращены все права, которые они имели до 1938 г. Делегация решительно настаивала также на необходимости отмены так называемого "распоряжения о трудовой повинности, смысл которого, по словам Дёндёши, заключается в том, чтобы выселить венгров в Чехию и Северную Словакию, и таким образом рассредоточить венгерское население"[99]. Венгры возражали против этого, поскольку расселение разрушало не только компактное этно-территориальное единство словацких венгров, но ускорило бы их ассимиляцию. В документе НКИД говорилось, что переговоры не привели к согласию сторон и были отложены.

В конце декабря 1945 г. венгерский МИД, находясь под внешним и внутренним давлением, решился на возобновление переговоров, выработав предварительно модифицированный

inslav

вариант своих предложений. Переговорам предшествовала личная встреча представителя чехословацкого правительства в СКК, коммуниста Д. Крно с И. Кертесем. Крно предложил ему в качестве первого шага выдвигать требование не об отмене чехословацких законов, направленных против словацких венгров, а ограничиться пожеланиями улучшения условий жизни венгерского меньшинства в Чехословакии. Он намекнул также, что чехословацкие власти претендуют на неограниченное право самим определить тех венгров в Словакии, которых намерены обменять на живущих в Венгрии словаков. При этом Кертесу было сказано, что если венгры не согласятся на такие условия, то Чехословакия развернет мощную пропагандистскую и дипломатическую кампанию против Венгрии[100]. К продолжению переговоров с Чехословакией, к принятию ее предложений министра иностранных дел Венгрии склонял и посол СССР в Будапеште Г.М. Пушкин. По имеющимся сведениям, Ворошилов также попытался оказать воздействие на венгерского президента З. Тильди в этом же направлении, заявив, что в случае подписания с Прагой соглашения об обмене населением Венгрия могла бы рассчитывать на более благоприятный для себя исход в вопросе о Трансильвании[101]. В конце концов венгерское политическое руководство согласилось начать новые переговоры с Чехословакией об обмене населением.

Информация об этом 30 января 1946 г. была передана поверенному в делах Чехословакии в Будапеште. И хотя официального ответа не последовало по причине недоработки чехословацкого дипломата, 5 февраля венгерская делегация снова отправилась в Прагу. Только там она узнала о том, что Прага намерена отклонить и новый пакет венгерских предложений, в котором речь шла об образовании совместной комиссии для подбора переселенцев, об участии представителей союзных держав в осуществлении обмена и т.д. Переговоры все же были начаты. Они возобновились 6 февраля 1946 г. на сей раз по инициативе венгерского правительства. Чехословацкая делегация снова хотела решить все проблемы немедленно и по своему усмотрению, чтобы сразу избавиться от всего венгерского национального меньшинства. Венгерская же сторона заявила о своей готовности заняться лишь частью проблемы, а именно обсуждением вопроса о равном обмене населением.

Выступая при открытии этого второго раунда венгеро-чехословацких переговоров, продолжавшихся с 6 по 10 февраля 1946 г., Клементис вновь заявил, что его правительство "желает решить вопрос полностью и окончательно"[102]. В качестве первого шага он, однако, согласился на обсуждение вопроса об обмене населением. Между тем, словацкие власти издали в дополнение к президентскому декрету свое распоряжение о том, что

inslav

проживающие в Венгрии словаки, имеющие народные корни и пользующиеся в быту словацким языком, желающие возвратиться в состав "материнского этноса", могут получить чехословацкое гражданство. По расчетам чехословацкой стороны, "после сбора заявок и проведения обмена населением... в Чехословакии не останется больше 150—200 тыс. венгров". По мнению Клементиса, их можно будет переселить в Венгрию в места, где население в ходе войны понесло большие человеческие потери, и туда, откуда будут "выселены швабы". Последних он предлагал венграм "выставить из страны без всякой материальной компенсации", обещая, что в этом им окажет содействие чехословацкое правительство. "Тем самым для нас полностью был бы решен вопрос, и я заявляю об этом от имени чехословацкого правительства, — отмечал он. — После этого мы больше не проявляли бы никакого интереса к тем словакам, которые останутся в Венгрии, и я считаю естественной их ассимиляцию"[103].

Отвечая на словацкие предложения, Дёндёши заявил, что он имеет полномочия исключительно лишь для обсуждения вопроса о равном обмене населением, изложил проект своей делегации по этой проблеме и просил ее обсудить. Обсуждение было долгим. Стороны после завершения работы экспертов по согласованию формулировок достигли договоренности. Венгерская сторона согласилась с тем, чтобы вынужденных переселенцев из Словакии отобрали чехословацкие органы власти. Варианты текста соглашения каждой из сторон были подготовлены 6 февраля 1946 г., а 10 февраля составлен общий проект об обмене венгерским и словацким населением.

Соглашение о равноценном обмене населением между Венгрией и Чехословакией было подписано 27 февраля 1946 г. в Будапеште. С чехословацкой стороны его подписал В. Клементис, с венгерской — Я. Дёндёши. В упомянутом выше советском отчете отмечалось, что в соответствии с соглашением Венгрия обязалась принять из Словакии столько венгров "сколько словаков выскажут добровольное желание переехать в Словакию". При этом было оговорено, что "в число подлежащих переселению венгров войдут уже выселенные из Словакии венгры"[104]. И хотя принцип равного обмена впоследствии соблюдался не в полной мере, все же следует отметить некоторое смягчение максималистских позиций чехословацкой стороны в этом вопросе. Обратим внимание на то, что она в отличие от своих прежних, явно преувеличенных данных о численности словаков, живущих в Венгрии, здесь уже вела речь только о 200—250 тыс., признавая, что из них лишь около 100 тыс. будут готовы переселиться в Словакию[105]. Дёндёши же, полагал, что в случае соблюдения принципа добровольности из Венгрии пе-

inslav

реселится не более 30—40 тыс. венгерских словаков[106]. Хотя его расчеты оказались также ошибочными, он все же считал необходимым дать согласие на обмен, ибо видел в этом единственную возможность сохранения венгерского меньшинства в Словакии хотя бы до мирной конференции.

Подписание соглашения позволило чехословацкому правительству направить в Венгрию комиссию для организации переселения словаков, проводить там на протяжении трех месяцев работу по вербовке среди них. Соглашением предусматривалась возможность уже высланным из Словакии венграм вернуться обратно, "чтобы забрать оставленное имущество", но если оно уже утеряно, то специальная комиссия должна была установить размер компенсации. Документ давал право переселяемым брать с собой "все движимое имущество и свободно реализовать остающуюся недвижимость"[107]. Расходы на переселение брали на себя правительства, соответственно: на переезд словаков из Венгрии чехословацкое, венгров из Словакии — венгерское. Иными словами, были введены некоторые элементы права вместо прежних методов силового выдворения словацких венгров.

К соглашению об обмене населением прилагался протокол, где было оговорено, что до окончательного решения вопроса, на котором Прага настаивала, чехословацкое правительство "приостанавливает дальнейшее выселение и внутреннее переселение венгров (по Чехословакии. — *Б.Ж.*), а также конфискацию их имущества"[108]. Выступивший при этом Я. Дёндёши отметил: "Оба правительства согласны с тем, что несмотря на подписание соглашения, вопрос о венгерском населении в Чехословакии не разрешен. Поэтому оба правительства вновь подтверждают свое стремление разрешить этот вопрос путем обоюдного согласия. Если это не удастся, то оба правительства оставляют за собой право поставить этот вопрос на рассмотрение мирной конференции"[109].

Чехословацкая сторона не скрывала, что не намерена довольствоваться одним лишь обменом и будет в дальнейшем предпринимать меры в целях "окончательного решения" венгерской проблемы. Об этом заявил руководитель чехословацкой делегации на встрече с лидерами политических партий Венгрии в Будапеште после подписания соглашения. Им было четко повторено, что Чехословакия хочет стать "национальным государством". Клементис настаивал на том, что Венгрия должна подписать еще одно соглашение о дополнительном принятии ею 200 тыс. словацких венгров, но, а если такого согласия не будет, отмечал он, то остающиеся в Чехословакии венгры и впредь не будут иметь никаких прав меньшинства. Он заявил, что все компактно проживающее в Словакии венгерское насе-

inslav

ление будет расселено по различным регионам страны для ускорения его ассимиляции. Дёндёши и лидеры политических партий Венгрии такой подход к решению национальной проблемы сочли неприемлемым, однако Клементис 27 февраля оставил письменное напоминание министру о том, что обмен является лишь частичным решением стоящей перед его правительством задачи, и оно намерено выселить всех венгров из страны.

Обмен населением, "ресловакизация" и новая угроза трансфера

С подписанием соглашения об обмене прекратились насильственное выдворение и бегство лишенных гражданства венгров из Чехословакии, процесс перемещения людей приобрел более или менее организованный характер. Дело в том, что, соглашаясь на обмен населением на паритетных началах, Дёндёши поставил условие — прекратить практиковавшееся до этого одностороннее выдворение венгров и приостановить действие указов и распоряжений чехословацких властей, ущемлявших венгерское меньшинство в Чехословакии[110]. Нельзя утверждать, что эти условия в полной мере соблюдались, однако, чехословацкая сторона обещала на время приостановить одностороннее выселение и дальнейшее расселение венгров, а также конфискацию их имущества. Правда, это не означало, что чехословацкие власти окончательно отказались от использования прочих средств и приемов воздействия на венгерское меньшинство, чтобы способствовать его "добровольному" бегству из страны.

Соглашение в принципе предполагало добровольный и на паритетных началах обмен населением. При этом, однако, оговаривалось, что чехословацким властям будет позволено в одностороннем порядке переселить те венгерские семьи, земельные угодья которых конфисковались как у "военных преступников" и которые фактически уже тысячами содержались в лагерях. Чехословацкие власти с самого начала прикрывались этой формулировкой для максимального очищения от венгров пограничных районов. Притом в категорию "военные преступники" они постарались включить как можно больше зажиточных крестьян, собственность которых отбиралась с целью передачи ее во владение словакам. Такой подход явно предполагал кардинальное изменение и этнического состава населения в пограничном районе[111].

В соответствии с соглашением была образована Чехословацкая комиссия по переселению, которая получила право про-

inslav

водить среди словаков на территории Венгрии агитационно-вербовочную работу в течение марта — апреля 1946 г. Комиссия прибыла в Будапешт 4 марта. Венгерское правительство не мешало ее работе. Оно исходило из того, что если венгерский гражданин словацкой национальности изъявит такое желание, то может свободно уехать из страны, но, если останется, то за ним гарантированно сохранятся все права и свободы, которыми пользуются венгры. При этом предполагалось, что переселение не может быть насильственным, и в каждом конкретном случае должно быть добровольным решением гражданина.

С 8 марта комиссия при широкой поддержке печати и радио развернула активную работу в районах, которые считала местом проживания словаков. Там проводились специальные народные собрания по этому вопросу. О масштабах агитационно-вербовочной работы позволяют судить данные словацкого исследователя Ю. Звары: было использовано 790 тыс. экземпляров газет, 490 тыс. брошюр, 540 тыс. листовок, проведено 60 концертов, 226 специальных радиопередач и 277 собраний в 133 населенных пунктах Венгрии, где, как отмечалось, могли быть словаки[112]. В одном из вербовочных призывов СНС говорилось о торжественности исторического момента для словаков Венгрии, отмечалось, что "осколок словацкой нации может вернуться на свою родину, в демократическую Чехословацкую республику, и занять то место, откуда венгры должны уйти"[113]. Агитаторы, обращаясь к национальному сознанию словаков, нередко ссылались на тяжелое экономическое положение Венгрии, не брезговали и распространением слухов о том, что те, кто откажется от переселения добровольно, позже будут "перемещены насильно на территорию Чехословакии, но тогда уже там не получат земли, а остающиеся в Венгрии словаки будут расселены в Задунайский край"[114]. Правительственный уполномоченный по переселению с венгерской стороны, впоследствии известный историк К. Виг в одном из отчетов о ходе вербовочной компании от 5 сентября 1946 г., в частности, писал: "Наиболее частыми аргументами чехословацких агитаторов были: вывезем всех словаков, хотят они того или нет, кто не явится сам (на пункты регистрации. — *Б.Ж.*), тому будет разрешено брать с собой всего до 30 кг багажа, кто не придет, того русские увезут вместе с венграми в Сибирь"[115].

Работу чехословацкой комиссии можно считать весьма успешной, ведь очень много словаков Венгрии, в конечном счете, согласилось на переселение, во всяком случае таких было гораздо больше, чем предполагал Я. Дёндёши. С другой стороны, вербовочная кампания все же не дала, да и не могла дать таких результатов, на которые рассчитывали ее организаторы. Чехословацкая комиссия 25 июня 1946 г. передала венгерскому пра-

inslav

вительству составленный ею список словаков, готовых переселиться в Словакию. В него сначала было включено 92 390 человек[116]. При проверке совместной комиссией, однако, выяснилось, что часть из них не отвечала условиям соглашения между странами. О том, что чехословацкая сторона не была удовлетворена таким результатом, косвенно свидетельствовала передача ею 25 августа венгерскому правительству своего списка венгров, которых надлежало по итогам вербовки переселить из Словакии в Венгрию на основании эквивалентного обмена. В этом списке фигурировали 105 тыс. словацких венгров, т.е. больше, чем состояло в списке по набору словаков для переселения в Чехословакию.

Первая группа словацких венгров, переселенных организованно, в соответствии с соглашением, покинула пределы Чехословакии 12 апреля 1947 г., о чем чехословацкая печать сообщала под такими заголовками: "Изменится облик нашего Южного края", "И все же они уедут", "Восстанавливается историческая справедливость" и пр.[117] В конечном счете, в рамках обмена населением в 1946 — 1948 гг. из Чехословакии в Венгрию было перемещено 89 660 венгров, а из Венгрии в Словакию 73 187 словаков. Эти цифры, однако, не отражали реальную картину перемещения, поскольку чехословацкая сторона воспользовалась оговоренным в соглашении правом одностороннего выселения тех венгров, которые квалифицировались как "военные преступники". Численность подпадавших под эту категорию лиц, учитывая возможность их беспрепятственного перемещения на территорию Венгрии, чехословацкие власти постарались сделать внушительной. Они представили список, в котором кроме лиц, подлежащих обмену на паритетной основе, значилось еще в общей сложности 108 325 "военных преступников". Именно по этой статье чехословацкая сторона предлагала выдворить 1927 так называемых "малых военных преступников" (на основании VII статьи соглашения) и 106 398 "главных военных преступников" (VIII статья)[118]. Только до конца 1946 г. чехословацкие органы в срочном порядке осудили 75 тыс. чехословацких венгров, часть из них произвели в "военные преступники", чтобы было легче переправить их в Венгрию. Уже 27 августа генерал Дастич, занявший пост посла в Венгрии, передал первый, еще не полный список с фамилиями свыше 23 тыс. "военных преступников", которых предлагалось принять в качестве таковых со ссылкой на пункт соглашения об обмене. Будапешт, реагируя на такое предложение, обратился к Парижской мирной конференции, где на повестке дня обсуждений стояла проблема военных преступников. Выступая 18 сентября 1946 г. на этом форуме, венгерский посланник А. Сегеди-Масак указал на то, что чехословацкое правительст-

inslav

во, пользуясь моментом, «пытается под вывеской "главных военных преступников" переправить в Венгрию 23 192 словацких венгра, которые вместе с семьями составляют около восьмидесяти тысяч человек, лишенных имущества и недвижимости, в одной лишь имеющейся на них одежде»[119]. В своем выступлении он привел и конкретные доказательства того, как проходили в Кошице судебные процессы над так называемыми военными преступниками, указывая при этом на то, что дело 750 словацких венгров было рассмотрено чехословацким судом всего за одну неделю, т.е. в среднем "ежечасно судили по 40—50 человек", вынося им приговор: "главный военный преступник"[120]. Подавляющее большинство этих "военных преступников" составляли крестьяне, т.е. сельское население, которое не играло активной политической роли, но имело земельную собственность. Теперь она и вся их недвижимость передавались словакам-переселенцам[121]. Не добившись в Париже согласия на высылку из Словакии более сотни тысяч "военных преступников", Клементис, находясь еще во французской столице, направил письмо Дёндёши, в котором предложил договориться об отправке в Венгрию "главных военных преступников" численностью в 199 человек, но при этом потребовал, чтобы до конца 1946 г. Венгрия, независимо от результатов переговоров в рамках чехословацко-венгерской комиссии, которые начались в Братиславе 3 июня 1946 г., приняла еще 30 тыс. словацких венгров[122]. В конечном счете между сторонами была достигнута договоренность, согласно которой Венгрия обязалась принять "военных преступников" численностью до одной тысячи человек.

Таким образом, несмотря на то что чехословацким властям не удалось реализовать свои первоначальные цели по полному очищению Словакии от всего венгерского меньшинства, а попытка переправить в Венгрию более ста тысяч словацких венгров под вывеской "военных преступников" также не прошла, дисбаланс в паритетном обмене населением в пользу Чехословакии был очевиден. Ведь Венгрия по линии "равного" обмена населением в итоге согласилась принять больше людей, чем численность выехавших из страны словаков. К тому же в число лиц, перемещенных по официальному обмену, не входили те 20—30 тыс. венгров, которые были обязаны уехать из страны, как поселившиеся в Словакии после 2 ноября 1938 г., равно как и не учтенные представители венгерского административного аппарата и силовых структур, которые в соответствии с соглашением о перемирии должны были покинуть присоединенную в 1938 г. к Венгрии по первому Венскому арбитражу словацкую территорию. Неучтенными оказались в большинстве и те словацкие венгры, которым "добро-

inslav

вольно" пришлось бежать из страны к концу войны и позже под страхом неопределенности и угроз, вызванных декретами и постановлениями официальных чехословацких властей, а затем, от "ресловакизации" и последующей депортации в пограничные районы Чехии. Таким образом, не считая их, только на основании двух соглашений (о перемирии и чехословацко-венгерского соглашения об обмене) было перемещено в Венгрию из Чехословакии более 120 тыс. венгров. Переселенцы были размещены в местах, откуда выселили немцев, а беженцы различного рода были вынуждены в основном сами устраиваться. С другой стороны, венгерской дипломатии, хотя и с немалыми трудностями, все же удалось помешать полному изгнанию всего венгерского населения из Словакии, что можно считать ее несомненным успехом.

Приведенные сведения об обмене населением между двумя странами относятся таким образом лишь к лицам, перемещенным на основании соглашения. Вместе с тем, этим не ограничился арсенал мер чехословацкого правительства, направленных против венгерского нацменьшинства. Вскоре после начала обмена положение венгров в Словакии снова стало стремительно ухудшаться. Была проведена их полная перепись, власти прибегли к таким мерам и рычагам "внутреннего решения" проблемы венгерского меньшинства, как "ресловакизация" и массовое его перемещение в отдаленные районы страны якобы для отбытия "трудовой повинности" на общественных работах. По сути это являлось скрытой формой депортации. С повестки дня не снималось и заявленная ранее проблема о выселении еще 200 тыс. венгров сверх осуществляемого обмена населением. Известие об этом вызвало новые осложнения отношений между двумя странами. Обозначенные три варианта воздействия на словацких венгров представляли в дальнейшем основную угрозу самому существованию этого нацменьшинства Чехословакии.

Распоряжение СНС от 17 июня 1946 г. касались "ресловакизации" венгров Словакии. Оно основывалось на гипотетическом предположении о том, что венгерское население в южных районах Словакии имело словацкие корни, но со временем мадьяризировалось. Хотя несостоятельность такого утверждения в межвоенные годы фактически была подтверждена исследованиями чехословацких демографов, словацкие политики использовали эту идею в своих интересах. В указанных исследованиях было четко определено, что существующая "венгеро-словацкая языковая граница протяженностью в 400 км и глубиной 10—25 км" почти не менялась веками и что "на ее формирование почти не оказывало влияния развитие двух наций"[123], т.е. этническая граница между ними оставалась стабильной.

inslav

Это означало, что в районе проживания словацких венгров в прошлом не было усиленной "мадьяризации", следовательно, не могло быть и речи о какой-либо реальной "ресловакизации", т.е. о каком бы то ни было "возвращении" венгерского населения края в состав словацкой нации. Политики же подчеркивали, что "ресловакизация", возможность "возвращения в материнскую нацию" позволит ему избежать полного выселения из страны[124].

Эта привлекательная с точки зрения властей идея была призвана заставить словацких венгров воспользоваться этой своеобразной "привилегией", отказаться от своей подлинной национальной принадлежности и "добровольно" стать словаками. Так или иначе, распоряжение СНС поставило венгров-неграждан перед выбором: либо признать себя словаками по национальности и в этом случае вернуть себе чехословацкое гражданство, либо готовиться к выселению. По оценкам известного венгерского историка Ш. Балога власти Чехословакии "при помощи этой, объявленной добровольной, но на деле почти не скрываемой, насильственной кампании добивались того, чтобы венгры, даже не понимающие по словацки, в массовом масштабе признавали себя словаками"[125]. Расчет идеологов неонационального государства оправдался. Многие венгры, поставленные в бесчеловечные условия жесточайшего выбора, соглашались на это. Если декрет Бенеша лишил словацких венгров гражданства и сыграл роль кнута, то распоряжение СНС о "ресловакизации" могло им казаться даже своего рода пряником, ибо многие не желали покинуть родные места, где веками жили их предки. Летом 1946 г. 410 820 венгров в добровольно-принудительном порядке обратились к властям Чехословакии с просьбой о "ресловакизации", просили считать их словаками, только бы остаться в родных местах. Из названного числа заявок просьба 326 679 человек была удовлетворена[126], и они могли "возвратиться" в лоно своей якобы "первоначальной" нации. Признав себя словаками, они "получили гражданские права и возможность найти работу", однако после 1948 г., когда выселение было остановлено, большинство "ресловакизированных", как отмечалось в недавно опубликованной в Москве словацкой работе "История Словакии", восстановило свою прежнюю национальность[127].

Характеризуя и оценивая "ресловакизацию", отправку венгерского населения в трудовые лагеря на западные окраины Чехии, чешский исследователь Я. Шинделка, в частности, писал: «Формально "ресловакизация" проводилась на базе представления о том, что большинство венгров Южной Словакии изначально были словаками и поэтому должны вернуться в словацкую нацию. На самом деле, основой всей этой акции яви-

inslav

лось давление на венгров с тем, чтобы заставить их записаться словаками. Им обещали, что тем самым они могут восстановить свое чехословацкое гражданство, получить равные с остальными гражданами права, и тогда принятые против венгров меры не будут на них распространяться... До конца июня 1946 г. было подано около 410 000 заявок на "ресловакизацию". Часть венгров затем взяла свои заявления обратно и до конца 1947 г. около 200 000 были признаны частью словацкой нации. В 1948 г. "этническими" венграми записались уже всего 190 000 граждан, остальные были "ресловакизированы". "Ресловакизация" напоминала о себе еще раз в 1950 г., когда по переписи населения более 368 000 жителей заявили себя венграми (естественно, это тоже показывает, что значительная часть "ресловакизированных" восстановила свою начальную венгерскую национальность). Насильственность и формализм всей этой акции наиболее убедительно показали итоги переписи населения 1961 г., когда уже 534 000 граждан назвали себя венграми по национальности. Эти данные примерно соответствуют переписи населения 1930 г., если считать и тех, кто уехал в ходе обмена населением и был выселен»[128].

Наряду с указанными мерами, направленными против венгров в Словакии, чехословацкие власти прибегли и к принудительному использованию венгерского нацменьшинства в качестве дешевой и даже бесплатной рабочей силы в западночешских областях под предлогом отбытия трудовой повинности. Как отмечается в упомянутой "Истории Словакии", "44 000 венгров было насильственно переселено в чешское Пограничье в целях возмещения немецкой рабочей силы"[129]. На деле это явилось принудительным переселением, фактически депортацией венгров из Словакии в Чехию, и представляло собой целенаправленную акцию по реализации задач национальной политики чехословацких властей. Отправка венгров на эти работы производилась в соответствии со специальным декретом президента № 88 от 1 октября 1945 г. об общественных работах, согласно которому венгерские мужчины 16 — 55 лет, а женщины 18 — 45 лет направлялись отбывать трудовую повинность из Словакии в Западную Чехию. Как только в конце 1946 г. было в основном завершено выселение немцев из Чехии, чехословацкие власти начали направлять в эти места венгров. Их массовую депортацию начали с района Верхней Большой Отмели (междуречье Малого Дуная и Дуная — венгерское наименование Чаллокез). "Села были окружены войсками, а семьи по заранее составленным спискам насильно доставлялись в места сбора (брать с собой разрешалось только самое необходимое). Оттуда поездом в сопровождении вооруженных солдат их увозили в места назначения.

inslav

Оставленные недвижимость, скот и живность, а также инвентарь тут же были конфискованы"[130], — писал очевидец. Достоверность такого описания подтверждает и современный исследователь проблемы из Словакии, который так описывает эту акцию местных властей: "Настоящий ад (для словацких венгров. — *Б.Ж.*) наступил после издания директив Словацкого управления по переселению от 4 ноября 1945 г. ...Главам 9 619 венгерских семей были вручены решения словацких властей, против которых не могло быть никакой апелляции. После вручения жертвам этих бумаг, села тут же были окружены войсками, перед их домами останавливались армейские грузовики и в них погружались несчастные семьи в полном составе, затем сажали их в вагоны для перевозки скота и под конвоем, нередко при 30-градусном морозе, увозили их. Исключение не делалось даже для грудных младенцев"[131]. С 19 ноября 1946 по 25 февраля 1947 г. акция по депортации практически была завершена. Но вслед за ними туда же было отправлено насильственно еще 2154 семьи словацких венгров, "добровольно" завербованных на сельскохозяйственные работы. В целом из 393 населенных пунктов 17 округов Южной Словакии в Чехии и Моравии оказались 11 764 венгерские семьи. Это означало, что в общей сложности такому насильственному переселению в эти районы подверглись 44 129 венгров трудоспособного возраста[132]. По документальным данным, содержащимся в материалах советского НКИД, численность венгров, отправленных чехословацкими властями на работу на промышленные и сельскохозяйственные предприятия этих районов республики, составляла до 50 тыс. человек[133].

В этой связи венгерский историк Л. Ижак с полным основанием отмечал, что в Чехословакии Бенеш "обращался с десятками тысяч венгров, как с военными преступниками"[134]. По имеющимся сведениям отправка в принудительные трудовые лагеря затронула несколько больше словацких венгров — свыше десяти тысяч семей или же до 60 тыс. человек, так как молодые, как правило, не захотели оставлять на произвол судьбы своих близких, престарелых неграждан-родителей и детей. Все они были отправлены в Чехию в те места, где раньше жили немцы. Причем из 44 тыс. молодых и среднего возраста венгров 41 640 были без всякого предупреждения собраны, посажены в вагоны для перевозки скота и вывезены на эти бесплатные работы в Судетской области. В официальном отчете католического священника К. Петё, который в декабре 1947 г. посетил места расквартирования словацких венгров в Чехии и Моравии, говорится: "В ходе депортации в различные районы Чехии и Моравии было вывезено около 70 000 — 75 000 лиц венгерской национальности. Из них на прежние места проживания с осени

inslav

возвратились около 10 000—15 000 человек... Они могли вернуться так как их дома не были еще заняты словаками. В настоящее время, — писал в отчете священник 14 января 1948 г., — вдали от родных мест остается еще около 60—65 000 депортированных"[135]. В связи с массовым перемещением венгров в этот район Я. Шинделка отмечал, что "переселение венгерского населения в пограничные районы Чехии формально проводилось в виде набора рабочей силы, но на самом деле в подавляющем большинстве это было насильственным выселением"[136]. Венгерская историческая литература именует это массовое перемещение венгров из пограничных районов Словакии не иначе как депортацией[137]. В самом деле, люди, отправленные на эти восстановительные или общественные работы, должны были оставлять свои хозяйства, недвижимость, имущество, а в их дома были поселены словаки. Депортация осуществлялась с 10 ноября 1946 по 25 февраля 1947 г., когда властям Чехословакии пришлось ее прекратить в результате сильного международного протеста, вызванного дипломатической активностью венгерского правительства, а также отправкой им 7 января 1947 г. специальной ноты в ООН. Разумеется, депортация давала очередной импульс "добровольному" бегству новых групп венгров на территорию Венгрии[138].

Бывший венгерский социал-демократ В. Бём, после второй мировой войны представлявший правое крыло партии, которого никак нельзя заподозрить в предвзятости или негативном отношении к Бенешу и к Чехословакии, в книге воспоминаний впоследствии писал: "Эта игра продолжалась без малого три года. Сотни тысяч проживающих в Чехословакии венгров были лишены всех гражданских прав. У них отняли школы. Десятки тысяч детей выросли без посещения школ. У многих десятков тысяч имущих крестьян отняли земли и дома без всякого возмещения. Многие десятки тысяч венгров были выдворены из страны. Другие тысячи были уволены со службы в государственных и общественных учреждениях, им почти не давали работать даже на частных предприятиях. И, наконец, на основании какого-то сомнительного декрета многие десятки тысяч южно-словацких венгров с применением самых злостных гитлеровских методов были депортированы в Судетскую область и использованы на принудительных работах. Венгерское общественное мнение с возмущением наблюдало за возрождением этого гитлеровского варварства в демократической Чехословакии"[139]. Беженцы и изгнанные из Чехословакии венгры, создав свой Совет, в свою очередь, направили телеграмму в адрес Парижской мирной конференции, в которой отвергли обвинения чехословацкого руководства в адрес словацких венгров и просили прислать в Словакию комиссию для расследования поло-

inslav

жения венгерского меньшинства. В телеграмме, в частности, отмечалось: "Сотни тысяч словацких венгров, подвергаются угнетению такими варварскими методами, которые напоминают те бесчеловечные методы, которые применялись гитлеровцами против евреев ... Мы протестуем против продолжающихся десятков тысяч массовых и не имеющих под собой никаких реальных оснований приговоров, конфискации имущества, закрытия школ... Мы протестуем против привлечения к коллективной ответственности словацких венгров и отвергаем насильственный обмен населением, который проводится насильственными и негуманными методами"[140].

Политическое руководство послевоенной Чехословакии явно не было удовлетворено плодами своей национальной политики применительно к венгерскому меньшинству (лишение гражданства, проводимый обмен населения, "ресловакизация", депортация и другие антигуманные приемы) и готовилось к дополнительному выдворению оставшихся в стране лиц этой национальности. Оно добивалось дальнейшего выселения в одностороннем порядке сверх произведенного обмена хотя бы как минимум 200 тыс. человек. Напомним, что именно это число было названо главой чехословацкой делегации В. Клементисом еще в Будапеште при встрече с лидерами политических партий Венгрии[141]. Он выразил решимость властей Чехословакии добиваться этого путем заключения еще одного международного соглашения с Венгрией. Именно такое число словацких венгров намеревались они переселить в Венгрию. И хотя Венгрия отвергала такое предложение, Чехословакия продолжала добиваться этого, пытаясь снова решить вопрос с помощью великих держав и прежде всего советской дипломатии. Дело в том что чехословацко-венгерским соглашением была оговорена возможность самостоятельных действий каждой из сторон, чтобы доказать правоту своих позиций и на международных форумах.

Проблема венгерского меньшинства на Парижской мирной конференции

Чехословацкое правительство, не ставя об этом в известность венгров, обратилось со специальным меморандумом к великим державам, добиваясь содействия тому, чтобы Венгрия в течение трех месяцев после вступления в силу мирного договора с ней, заключила с Чехословакией соглашение о трансфере 200 тыс. венгров. В случае же отказа Чехословакия считала бы себя вправе осуществить выселение указанного числа венгров в одностороннем порядке. Трансфер такого числа словацких

inslav

венгров ее правительство фактически уже согласовало с советским внешнеполитическим руководством. Отметим, что для советской делегации, отправлявшейся в Лондон на совещание заместителей министров иностранных дел великих держав, где должны были рассматриваться вопросы подготовки мирного договора с Венгрией, был составлен специальный документ под названием "Дополнение к Директивам от 21 марта 1946 г. по мирному договору с Венгрией". В нем определялись принципы и конкретизировались задачи, которых должна была придерживаться советская делегация по данному вопросу.

Уместно напомнить, что Чехословакия, не добившись согласия великих держав в Потсдаме, не отказалась от намерения выселить венгров в одностороннем порядке и рассчитывала решить этот вопрос на мирной конференции. Поэтому в соответствии с данным ранее Бенешу обещанием НКИД СССР предписывал членам своей делегации: "В связи с Меморандумом Чехословацкого правительства, касающимся мирного договора с Венгрией, Советская Делегация должна руководствоваться следующим: 1. Выселение венгров из Чехословакии. Считать целесообразным в целях урегулирования взаимоотношений между Чехословакией и Венгрией и в интересах поддержания мира и безопасности в Европе переселить 200 тысяч венгров сверх переселенных в порядке обмена населением между Венгрией и Чехословакией". Вместе с тем, не рекомендовалось давать согласия на лишение прав венгерского национального меньшинства в Чехословакии, хотя на этом также настаивало чехословацкое правительство. В инструкции советским дипломатам в этой связи было записано: "Рекомендовать при этом Чехословацкому Правительству сохранить за оставленным на территории Чехословакии венгерским населением права национальных меньшинств"[142].

В упомянутом меморандуме чехословацкое правительство решило заявить также о других претензиях к Венгрии, в частности об увеличении своей территории за счет сопредельного государства якобы в целях обеспечения безопасности словацкой столицы. Это касалось пяти населенных пунктов в Венгрии. Они расположены очень близко к Братиславе, и город в перспективе может развиваться якобы лишь в этом направлении, — говорилось в меморандуме, и к тому же с этих мест столица может легко обстреливаться венгерской артиллерией[143].

Правительству Венгрии ничего не было известно об этих приготовлениях и требованиях Праги. Меморандум вручил 3 апреля 1946 г. заместителю министра иностранных дел Великобритании в Лондоне Д. Крно, незадолго до этого избранный заместителем Генерального секретаря ООН. В документе содержались заявки чехословацкого правительства на получение

inslav

от Венгрии упомянутых пяти населенных пунктов, на "реславакизацию" 250 тыс. и на трансфер 200 тыс. словацких венгров, а также некоторые экономические требования, предъявляемые Венгрии. По мнению М. Ракоши, территориальный вопрос был затеян специально Бенешем и его окружением с целью, "затруднить положение как венгерских, так и чехословацких коммунистов, и тем самым, создать между ними новые трения", ибо эти населенные пункты на самом деле не имели "никакого военно-стратегического значения"[144]. Он считал, что в случае возражения со стороны чехословацких коммунистов по этому территориальному вопросу, Бенеш намеревался обвинить КПЧ в ее непатриотичности, но, поскольку она поддержала президента, то тот все равно оказался в выигрыше, ибо ему удалось столкнуть чехословацких и венгерских коммунистов.

В распоряжении Венгрии было не так много средств и возможностей, чтобы успешно противостоять требованиям ЧСР и нейтрализовать их, чтобы реально воздействовать на обстановку на международном уровне. Тем не менее были предприняты определенные меры в этом направлении, как по государственной, так и по линии межпартийных связей с целью воздействовать на ситуацию, прежде всего у великих держав. Правительство Ф. Надя во время подготовки к подписанию мирного договора попыталась активизировать внешнюю политику страны, но это приносило лишь частичный успех. В начале апреля 1946 г. Дёндёши был принят Молотовым по вопросу подготовки мирного договора. Во время встречи, естественно, была затронута и проблема венгерского меньшинства в Чехословакии. Венгерский министр иностранных дел выразил свое беспокойство судьбой остающихся в Словакии венгров и их массовым расселением в другие регионы страны. Он вновь заявил, что Венгрия "не в состоянии принять этих 450 тыс. венгров (из Чехословакии сверх паритетного обмена. — *Б.Ж.*), как по экономическим, так и по политическим причинам". Отвечая на вопрос Молотова, как он определяет цифру 450 тыс., Дёндёши объяснил: чехословацкое правительство добивается принятия Венгрией именно такого числа словацких венгров, остальных же 200 тысяч примет "в чехословацкое гражданство при условии, если (эти. — *Б.Ж.*) венгры будут считать себя словаками"[145]. Он информировал собеседника о ходе переговоров в Праге и отметил, что если выселить из Чехословакии всех венгров, как того добивается правительство этой страны, то оно "должно дать им землю, так как большинство венгерского населения Чехословакии занимается сельским хозяйством". Он просил не рассматривать его предложение в качестве стремления к территориальной ревизии и отметил, что "вопрос венгерского меньшинства можно решить либо путем предоставления пра-

inslav

вительством Чехословакии равноправия венграм в Словакии, или обеспечением венгров в экономическом отношении"[146].

В апреле 1946 г. состоялась поездка венгерской правительственной делегации во главе с премьер-министром Ф. Надем в Москву, где она встречалась с Молотовым и дважды была принята И.В. Сталиным. В ходе встречи 10 апреля Надь после характеристики положения в Венгрии рассказал, что "Чехословакия хотела ликвидировать национальные меньшинства средствами, до сих пор неизвестными, причем чехословацкое правительство перебросило (с территории Словакии. — *Б.Ж.*) в Венгрию без предварительной консультации с венгерским правительством тысячи венгров". При этом он подчеркнул, что в Чехословакии "проживает 650 тыс. венгров, причем много сотен тысяч из них живет вдоль венгерской границы компактной массой". Излагая свое видение решения вопроса "о судьбе венгерского народа, проживающего в Чехословакии", Ф. Надь назвал два выхода. Первый вариант решения: "мирный договор должен обязать Чехословакию обеспечить для венгерского меньшинства условия равноправия, при котором венгры могли бы свободно жить и развиваться"; учитывая, однако, что чехословацкие государственные деятели "намерены ликвидировать венгерское меньшинство, венгерское правительство ставит вопрос о двух альтернативах". Вторым решением может быть: "часть чисто венгерских областей, населенных компактными венгерскими массами, можно было бы вернуть Венгрии, с тем, чтобы в случае дальнейшего стремления чехословацких властей ликвидировать национальное меньшинство, иметь возможность разместить (там. — *Б.Ж.*) это население"[147]. Глава венгерского правительства заявил о готовности Венгрии принять любое из предлагаемых решений, отметив, что это успокоит венгров и создаст основу для добрососедских отношений с Чехословакией.

В ходе беседы Сталин поинтересовался, не хотят ли венгры стать на путь обмена населением, чтобы словацким венграм не угрожала денационализация. После разъяснений, данных по этому вопросу Дёндёши, Сталин отреагировал фразой: при обмене "качество (населения. — *Б.Ж.*) не играет роли". Затем указал на одну из причин сложившейся ситуации: "Чехи хотят удовлетворить все просьбы словаков, которые неохотно остались в составе Чехословакии. Словаки хотят расправляться с венграми, а чехи не противодействуют этому. Это не справедливо, что венгерскому населению не предоставляют прав, школ и т.д." И тут же назвал обмен населением возможным решением проблемы, как это имело место между Польшей и Латвией. В протоколе беседы записано: "Тов. Сталин говорит, что для Венгрии лучше получить из Чехословакии венгров, так как они будут де-

inslav

национализированы. Таким образом, с точки зрения национальной политики целесообразнее получить этих венгров"[148]. Затем Сталин спросил, как относится к такому решению венгерское правительство, заметив, что он не знает "как думают на этот счет чехословаки". На вопрос ответил Дёндёши, рассказав о достигнутом соглашении по эквивалентному обмену и его начавшейся реализации. При этом министр иностранных дел Венгрии обратил внимание на то, что после обмена населением в Чехословакии остаются еще около 600 тыс. венгров, из которых 200 тысячам чехословацкие власти готовы дать гражданство при условии, "если они объявят себя словаками со ссылкой на словацкое происхождение, и даже в случае незнания словацкого языка", остальных же они "намерены перебросить в Венгрию". Дёндёши подчеркнул, что венгерское правительство не может одобрить такое решение, так как "эти венгры являются древними жителями территории, на которой они... живут уже на протяжении тысячи лет". "Сущность проблемы сводится к тому, — разъяснял Дёндёши, — чтобы обеспечить для венгерского меньшинства гражданские права... Если же Чехословакия намерена перебросить венгров в Венгрию. То в таком случае необходимо обеспечить для них экономические условия жизни, что может быть достигнуто лишь путем передачи Венгрии части территории и экономической компенсации лиц, которые будут переселены"[149].

В ходе переговоров было выражено пожелание венгерской стороны включить в мирный договор положение о венгерском национальном меньшинстве в сопредельных с Венгрией государствах. Премьер-министр Ф. Надь просил Сталина и Молотова рассмотреть этот вопрос и оказать содействие. Сталин в ответ заявил, что "положение об обеспечении венгерскому меньшинству прав является правильным и выразил мнение, что чехословаки не согласятся уступить Венгрии территорию", но пообещал, что советское правительство "постарается уладить это дело, ...постарается содействовать урегулированию этого вопроса"[150].

Хотя Ракоши не входил в состав делегации, но он также встречался с Молотовым и Сталиным, и тоже затрагивал вопрос о венграх в Чехословакии. В своих "Воспоминаниях" о встрече с последним он писал: «Позиция Бенеша в этом вопросе была простой: словацкие венгры для него были такими же фашистами, как судетские немцы, и он собирался их также выселить. Такую же позицию занимали, по сути, и чехословацкие коммунисты. Мы же считали такую позицию неправильной. Мы согласились на обмен населения по принципу один к одному. За каждого словака, желающего переселиться в Чехословакию мы принимаем одного венгра (из Словакии. — *Б.Ж.*). Даже такое решение было

inslav

для нас невыгодным: у нас могли добровольно записываться на обмен, в Чехословакии же сами органы власти определяли тех венгров, от которых хотели избавиться. Поэтому к нам (в рамках обмена. — *Б.Ж.*) присылали не тех, кто был политически ненадежен, а тех, у кого было больше земли и богатства. На таких землях размещали затем словацких колонистов. На счет остающихся у них людей были различные планы: часть из них (чехословацкие власти — Б.Ж.) хотели "ресловакизировать", ...остальных же развеять по стране, в частности, в те места, откуда выселили немцев». "Я рассказал Сталину, — вспоминал Ракоши, — что у нас насчитывается 100 000 словаков, из которых, возможно, около половины согласятся на обмен. В Чехословакии же численность венгров составляет 500—600 тысяч, а это означает, что подавляющее большинство будет подвергнуто преследованиям, что, естественно, затруднит работу венгерских коммунистов"[151].

По утверждению Ракоши, Сталин сначала спросил, "что собой представляют эти элементы, которых чехословаки хотят переселить". Услышав, что они "в подавляющем большинстве хорошие земледельцы и промышленные рабочие", он удивился тому, почему же тогда Венгрия не хочет их принимать. Советский руководитель тут же привел пример с обменом украинского и польского населения, отметив, что из Польши украинцы все выехали в СССР, а большинство поляков в то же время осталось в Советском Союзе, что, в свою очередь, свидетельствует о привлекательной силе страны Советов. По сути, это было предложение Венгрии подражать советскому образцу и принять у себя словацких венгров. Ракоши, однако, тут же разъяснил, что обмен населения между Польшей и СССР затронул не более полпроцента населения Советского Союза, тогда как 600 тыс. составляют "6—7% населения (Венгрии. — *Б.Ж.*), и их негде разместить, не говоря уже о том, каким тяжким политическим грузом станет это для молодой венгерской демократии, и это может вызвать волну шовинизма, вина за что ляжет, прежде всего, на партию коммунистов". Аргументы Ракоши, и особенно, о том, что если венгры будут выселены из Словакии, то этому захотят последовать и румыны, и югославы, что вызовет цепную реакцию и новые большие осложнения обстановки, заставили Сталина задуматься. По словам М. Ракоши, он заявил: "Видимо, вы правы. Проведите обмен населением корректно, но, впрочем, выступайте решительно, по-коммунистически, против преследования словацких венгров. Ведь партия венгерских коммунистов — эта партия венгерских патриотов и, естественно, она не может молчать, если по соседству преследуют венгров "[152].

После этого Ракоши впервые решился выступить публично с осуждением перегибов чехословацких агитаторов и вербов-

inslav

щиков, "сотнями разъезжавших вдоль и поперек по стране на новейших грузовых автомобилях, в которых наряду с водителями сидели группы чехословацких солдат в униформе и с автоматами в руках, что наводило страх на сельское население"[153]. Сразу же после возвращения из Москвы Ракоши, выступая на одном из публичных митингов 22 апреля 1946 г., между прочим говорил: "Молодая венгерская демократия сначала не хотела и слышать об обмене населением. Обмен населением — это тяжелая и очень болезненная операция..., но мы в интересах улучшения отношений между двумя, нуждающимися друг в друге, демократическими странами, Чехословакией и Венгрией, готовы принести жертву и согласились на добровольный обмен. Мы знали, что это окончательно не решит проблему, ибо численность словаков в Венгрии не достигает и ста тысяч, а словацких венгров больше шестисот тысяч... Тем более нас удивляет, что недавно президент Чехословацкой республики Бенеш, в связи с этим соглашением заговорил о большой чехословацкой победе... Для нас в этом вопросе неприятно говорить о победе или поражении, поскольку мы заключили соглашение не в духе борьбы, а в духе взаимопонимания"[154]. Говоря о положении венгров в Чехословакии, лидер венгерской компартии отметил: "Все, что делается с ними в этой стране, ни в коей мере не совместимо с понятием — демократическое государство. Венгры там не имеют никаких прав. Не имеют ни газет, ни политических организаций, не имеют школ, лишены избирательного права, в ходе земельной реформы не получили земли. Все мы знаем о планах Чехословакии перебросить через границу остающихся еще там после обмена венгров, а если это не удастся, то рассеять их по территории Словакии. Венграм не хотят разрешить пользоваться родным языком, развивать свою культуру, свои школы, не позволяют иметь свои газеты"[155].

В июне 1946 г. венгерская правительственная делегация совершила поездку также в Вашингтон и Лондон, с остановкой в Париже, в ходе которой обсуждались вопросы послевоенного устройства, положения венгров в сопредельных государствах. Однако эти переговоры не имели для Венгрии каких-либо положительных последствий[156]. Глава делегации Ф. Надь, выступая в Лондоне, назвал обмен населением между Чехословакией и Венгрией, "ресловакизацию" и последующую попытку выселить из ЧСР еще дополнительно 200 тыс. венгров аморальными[157].

Чехословацкое руководство, готовясь к Парижской мирной конференции, также решило подстраховаться. По проблемам выселения венгров в Париж был отправлен представитель чехословацкого правительства В. Гайду, который вместе с посланником ЧСР во Франции Й. Носеком 30 апреля 1946 г. встречал-

inslav

ся с В.М. Молотовым в Париже, добиваясь его поддержки на мирной конференции по вопросу об удалении всех оставшихся в Словакии венгров. Гайду пожаловался ему, что "лица венгерской национальности, проживающие в Чехословакии, считают Венгрию своей родиной, но не хотят возвращаться в Венгрию, а желают оставаться в Чехословакии", что "никто из венгров добровольно не уедет из Чехословакии". Молотов подтвердил им позицию своего правительства по венгерскому вопросу и посоветовал "принять более энергичные меры, чтобы договориться с венграми на той базе, на которой СССР договорился с Польшей о переселении населения". Затем, отвечая на просьбу Гайду "оказать давление на венгров", отметил, что здесь есть некоторые трудности. Он сказал: "Надо было более энергично действовать (чехословацким органам. — *Б.Ж.*) сразу после окончания войны. Трудно ставить такой вопрос на мирной конференции"[158].

В третьей декаде июля 1946 г. в Москве побывала чехословацкая правительственная делегация, где К. Готвальд, Я. Масарик и В. Клементис вновь добились советского обещания о поддержке выселения из Словакии еще 200 тыс. венгров. Советская дипломатия на открытых международных форумах продолжала поддерживать Чехословакию в этом вопросе, но, в конечном счете, она вынуждена была считаться с принципами принятия решений великой "тройкой", и поэтому, вопреки обещанию, согласилась оставить открытой дверь для двусторонних венгеро-чехословацких переговоров.

Венгерское правительство еще надеялось на решение проблемы венгерского нацменьшинства Словакии в ходе работы Парижской мирной конференции. Министр иностранных дел Венгрии, выступая 14 августа 1946 г. на этом форуме, отмечал, что после обмена населением в Чехословакии осталось еще около полумиллиона венгров и обращал внимание конференции на то, что их дальнейшее выселение не решит проблемы. Он просил обязать Чехословакию обеспечить для венгерского меньшинства в этой стране гражданские права и достойные условия человеческого существования[159]. Венгерская дипломатия в ходе подготовки мирного договора основной упор делала именно на защиту коллективных прав венгерского меньшинства. Проблема затрагивалась и 20 августа 1946 г. в беседе Дёндёши с Молотовым на приеме в советском посольстве в Париже. Дёндёши тогда подчеркивал, что Венгрия будет довольна границей между двумя странами, если Чехословакия "сохранит не только территориальный, но и юридический статус венгерского меньшинства". "Чехословакия поступит неправильно, если оставит без прав венгерское меньшинство, — отмечал глава венгерского МИДа. Он напомнил о том, что "в настоящее вре-

inslav

мя венгры в Чехословакии лишены гражданских прав и гражданства, а собственность их конфискована". Затем выразил мнение своего правительства о том, что "это не внутренний вопрос чехословацкого государства, а международный вопрос, вопрос человеческих прав"[160]. Молотов попытался оказать посреднические услуги, ссылаясь на то, что по мнению чехов на южной границе Чехословакии не будет спокойствия до тех пор пока из Словакии не выселят словацких венгров. На такое замечание Дёндёши отреагировал словами: "Вопрос был бы лучше решен, если бы правительство Чехословакии подошло к этому вопросу вполне искренне. У чехословацкого государства был плохой опыт с национальными меньшинствами. Это не было неожиданностью, так как еще в период учреждения чехословацкого государства Масарик и Бенеш предвидели эту опасность... Если чехословацкое государство хочет стать национальным государством и поэтому стремится освободиться от венгерского меньшинства, то не следует возлагать тяготы решения этого вопроса лишь на венгерское правительство". При этом он отметил, что если чехословацкое правительство якобы "представляющих опасность для Чехословакии венгров" переселит на 50—100 километров от своих границ, то оно может действительно оказаться перед лицом враждебно настроенных к нему людей. И тогда "никакое взаимопонимание и хорошие отношения между Чехословакией и Венгрией будут невозможны". Поэтому, заключал глава венгерского МИДа, "если венгры останутся в Чехословакии и если их права будут гарантированы, это будет лучшим путем к установлению взаимопонимания и сотрудничества между Венгрией и Чехословакией, которые столь необходимы"[161].

Хотя Чехословакия на Парижской мирной конференции настаивала на включении в мирный договор с Венгрией положения о трансфере еще хотя бы 200 тысяч венгров, это требование первой отклонила Великобритания, считавшая, что данная проблема относится к компетенции двух заинтересованных сторон и может быть решена лишь путем венгеро-чехословацких переговоров. Поскольку Венгрия заявила о невозможности принять такую массу людей, представитель США согласился с позицией англичан, и поэтому, в конечном счете, она была поддержана и советскими дипломатами. Однако в вопросе "ресловакизации" чехословацкое правительство получило свободу действий. При этом Запад выразил надежду, что чехословацкое правительство не совершит ничего такого с венгерским населением Словакии, что противоречило бы принципам свобод и прав человека, содержащимся в основополагающих документах ООН. В то же время чехословацкое предложение о включении данного вопроса в текст договора с Венгрией было

inslav

отвергнуто. Советские представители были вынуждены согласиться с позицией своих союзников[162].

Политическое руководство Венгрии не могло смотреть безучастно на продолжавшееся в Чехословакии ущемление прав и ухудшение положения венгерского меньшинства. Правительство Ф. Надя неоднократно пыталось обратить внимание представителей Совета Министров иностранных дел великих держав на эту проблему, хотя его старания и не дали должных результатов. Правда, эти попытки нельзя считать и совершенно безуспешными, поскольку проблема трансфера, вынесенная в сентябре 1946 г. в Париже на публичное обсуждение, все же не получила такого решения, какого ожидало чехословацкое правительство, следовательно, словацкие венгры остались в Чехословакии. Деятельность венгерской делегации на конференции была направлена именно на то, чтобы помешать насильственному выдворению венгерского меньшинства из Словакии. Делегация США 6 сентября поддержала венгерскую позицию, что объяснялось ее попыткой оказать содействие и поддержку венгерским демократическим партиям, и особенно Независимой партии мелких хозяев (НПМХ), а также стремлением избежать привлечения к коллективной ответственности целой этнической группы, чтобы не повторять ошибки Потсдама.

Решающий перелом в обсуждении вопроса о трансфере 200 тыс. венгров произошел 23 сентября 1946 г. Инициатива чехословацких властей получила, таким образом, "вето" со стороны США и Великобритании, в результате чего трансфер был отвергнут парижским международным форумом[163].

В ожидании советского содействия в смягчении венгеро-чехословацкой напряженности. Изменения в национальном составе Венгрии и Чехословакии

Тем временем Я. Дёндёши на возобновившихся венгеро-чехословацких переговорах 29 сентября 1946 г. категорически отклонил предлагаемый чехословацкой стороной трансфер, заявив, что он противоречит, как Атлантической хартии, так и Уставу ООН. Хотя в конечном счете было выработано компромиссное решение, отношения между обеими сторонами продолжали оставаться напряженными. Это касалось как межгосударственных, так и межпартийных отношений по линии утверждающих свое влияние коммунистических партий. Причиной этого по-прежнему оставалось положение венгерского меньшинства в Чехословакии, которое, несмотря на обязательства, взятые на себя чехословацким правительством, фактически не

inslav

менялось к лучшему. Правительство Венгрии, обеспокоенное продолжающимся ухудшением положения венгров в Чехословакии после Парижской мирной конференции, в феврале 1947 г. было вынуждено обратиться меморандумом к великим державам. В этой связи 14 февраля в НКИД был принят посланник Венгрии в СССР Д. Секфью, который в беседе с заместителем наркома В.Г. Деканозовым рассказал, что "чехословаки, используя существующий у них закон о трудовой повинности, проводят массовое насильственное переселение венгров из Словакии в Судетскую область на место высланных оттуда в Германию судетских немцев. Они делают это вопреки венгеро-чехословацкому соглашению от 27 февраля 1946 г., которое предусматривает оставление венгерского населения Словакии на прежнем месте жительства"[164]. Посланник пожаловался на те "несправедливости, которые чехословацкое правительство совершает в отношении переселенных венгров, эксплуатируя их и ставя в положение рабов". При этом, как отмечается в советской записи о беседе, он сослался на заявление Фирлингера "о факте переселения в Судеты 30 000 венгров, которые теперь будут якобы ассимилированы" и сказал, что при таких условиях невозможно говорить о каких-либо двусторонних переговорах по данному вопросу между Венгрией и Чехословакией. Деканозов заверил посланника, что меморандум будет должным образом изучен советским правительством, но настаивал на двустороннем решении проблемы с Чехословакией. О перспективах и результативности такого решения Секфью высказался весьма скептически. Он подчеркнул, что чехословацкое правительство "стремится оттянуть переговоры с Венгрией, чтобы тем временем рассыпать венгерское меньшинство внутри Чехословакии и ассимилировать венгров". В таких условиях быстрого и положительного решения проблемы венгерского меньшинства в Чехословакии трудно было ожидать.

Продолжающийся обмен населением, выдворение значительного числа так называемых военных преступников, "реславакизация" и массовая депортация словацких венгров в западные районы Чехии сопровождалось резким ухудшением отношений также между КПЧ и ВКП, о чем уже упоминалось в беседе Ракоши со Сталиным. Лидер венгерских коммунистов и в дальнейшем выступал против выселения венгров из Чехословакии, стараясь убедить советское руководство в недопустимости такого акта. Он был особенно обеспокоен тем, что выселение венгров ударит по престижу ВКП, которая остро нуждалась в поддержке со стороны трудящихся в целях утверждения своего политического курса, ориентированного на СССР. Поскольку с руководством КПЧ ему достичь договоренности по этому вопросу, взбудоражившему всю венгерскую общественность, не

inslav

удалось, он решил вновь обратится за помощью к советскому руководству.

Прибыв 27 апреля 1947 г. самолетом в Москву, М. Ракоши передал письмо М.А. Суслову в отдел внешней политики ЦК ВКП(б) для вручения И.В. Сталину, В.М. Молотову и А.А. Жданову. "Мы просили бы помощи Советского Союза в деле урегулирования вопроса о венгерском меньшинстве в Словакии, — говорилось в его письме. — По совету американцев Партия мелких сельских хозяев вместо достижения соглашения (с Чехословакией. — *Б.Ж.*) стремится передать этот вопрос на решение Организации Объединенных Наций, а наши чехословацкие товарищи всемерно содействуют осуществлению американского плана. Компартия имела бы огромный успех, если бы по ее инициативе было достигнуто соглашение по этому вопросу". Впрочем сам Ракоши в то же время от имени компартии добивался дальнейшего выселения немцев (швабов) из Венгрии. В своем письме он подчеркивал: "Мы просили бы также Вашей помощи в деле выселения швабов из Венгрии, так как американцы отказались выполнять решения Берлинской мирной конференции по этому вопросу"[165].

Письмо Ракоши имело информационный характер, и два дня спустя стало предметом его беседы с Молотовым. Обсуждалась проблема венгеро-чехословацких отношений, включая обмен населением, взаимоотношения между компартиями обеих стран, а также вопрос об остатках немецкого нацменьшинства в Венгрии. Генсек ВКП утверждал: "Отношения с чехословаками очень плохие. Сейчас идет обмен населением между двумя странами. Это обходится нам в 200 млн форинтов, что составляет 7% бюджета. Чехословаки при переселении берут у нас пролетариев, а нам присылают крестьян-богачей. Мы все делаем, чтобы урегулировать отношения с чехословаками, но до сих пор это не удается". Отметив, "что в Словакии преследуют даже венгерских коммунистов", и по этой причине "мы смотрим на наших чехословацких товарищей, как на сумасшедших", он надеялся получить советскую поддержку. Кроме того, Ракоши сделал акцент на том, что представители венгерских буржуазных партий "добиваются вмешательства в это дело (выселение венгров. — *Б.Ж.*) Объединенных наций"[166].

В ходе беседы с Молотовым Ракоши упрекнул его за недавнюю поддержку Чехословакии, отметив, что там преследуют даже венгерских коммунистов, пожаловался руководителю советского НКИД, что "чехословаки хотели расселить венгров, направив их в Судетскую область", где они "использовались в качестве чернорабочих". "Дело зашло в тупик. Контакта с компартией Чехословакии у нас сейчас нет, создается такое впечатление, что только чехословацкие коммунисты ведут гонение

inslav

на венгерских коммунистов"[167], — отмечал Ракоши. Это было явным желанием добиться помощи Москвы в устранении хотя бы видимости того, что происходящее в Чехословакии является делом рук одних лишь коммунистов. Руководитель ВКП, отвергая чехословацкое требование трансфера венгров из Словакии, доказывая невозможность принятия Венгрией такого числа переселенцев, мотивировал свою позицию тем, что это повлечет "за собой крах демократии и усилие реакции" в Венгрии. Коммунисты не могут поддержать заключение такого соглашения, согласно которому "все словацкие венгры должны быть переселены в Венгрию"[168], — подчеркивал Ракоши.

Касаясь выселения немцев, он отметил, что из Венгрии успели "выселить только одну треть швабов", хотели и остальных, но, "как нам стало известно, американцы против этого". Молотов подтвердил, что американцы в самом деле "препятствуют переселению швабов в американскую зону Германии и поэтому шансов на решение этого вопроса очень мало". "Вы упустили благоприятный момент"[169], — подчеркнул он. Отвечая на это, Ракоши разъяснил: "Ранее мы должны были выселить швабов через Австрию, но советские коменданты вернули их нам обратно в Венгрию и прислали вместе с ними еще и немцев из Австрии". Затем он спросил, нельзя ли договориться об их переселении в советскую зону оккупации. Отметим, что в конечном счете именно по этому каналу и проводилось дальнейшее выселение немцев из Венгрии в Германию, хотя в отличие от коммунистов основные коалиционные партии Венгрии и само правительство вовсе не настаивали на проведении этой акции, подчинившись международному решению, принятому по ходатайству Чехословакии с целью освобождения как можно больше места для перемещения венгров-переселенцев из Словакии.

Активные действия венгерской компартии против ущемления прав и преследования венгров в Словакии, их изгнания с мест исторического ареала обитания, выразились не только в попытках генерального секретаря ВКП выступить в их защиту перед "хозяином" Кремля, но и перед некоторыми другими членами высшего партийного руководства. Так, член политбюро и центрального руководства ВКП Й. Реваи, выступая на совещании представителей компартий в Шклярской Порембе в сентябре 1947 г., проблему противоречий между Венгрией и Чехословакией вынес на этот международный форум коммунистов. Отметив, что в Чехословакии венгров вместе с судетскими немцами считают главным виновником раскола Чехословакии, он заявил: "Я должен сказать, что это весьма односторонняя правда и объяснение причин распада Чехословакии. Я боюсь, что это одностороннее обвинение венгров вело к ослаблению борьбы против чешской и в пер-

inslav

вую очередь против словацкой реакции. Наши чехословацкие товарищи думали, что раздувание ненависти к венграм может служить общей платформой сотрудничества, начиная от КП (компартии. — *Б.Ж.*) и кончая словацкими националистами". Назвав такое сотрудничество выгодным только для националистов, он подчеркнул: "Я отрицаю, что большинство венгров в Словакии не поддерживало во время Мюнхена чехословацкое государство, но также нельзя отрицать того, что значительное демократическое меньшинство было готово защищать Чехословакию против Гитлера и Хорти. Ведь всем известно, что Чехословацкая КП в Словакии имела большое влияние и прекрасные кадры именно в венгерском рабочем движении (этого края. — *Б.Ж.*)". Касаясь бесправного положения венгерского меньшинства в Чехословакии, он отметил: "Я заявляю, что мы охотно пошли бы на такое соглашение (с чехословацким руководством. — *Б.Ж.*), по которому венгры в Словакии получили бы такие же права, как словаки, живущие в Венгрии"[170]. Эти попытки венгерских коммунистических лидеров остановить преследование словацких венгров в Чехословакии далеко не сразу имели ожидаемое воздействие, хотя со временем, видимо, по мере накапливания критического материала, все же оказали определенное влияние на советское руководство.

Перемещение населения между Чехословакией и Венгрией, равно как и "ресловакизация" и насильственное расселение словацких венгров в порядке внутреннего "решения" национальной проблемы для ЧСР, тем временем продолжались. Выступая на заседании чехословацкого правительства в октябре 1947 г., Клементис подчеркивал, что в Словакии не должно оставаться более 100—200 тысяч венгров. По его предложению были утверждены принципы дальнейшего обращения с остающимися в стране национальными меньшинствами. "Эти группы должны быть рассеяны по стране так, чтобы больше не представляли собой единую массу, — подчеркивал заместитель министра иностранных дел Чехословакии. — Если будем проводить разумную политику, эту проблему можем решить полностью и за короткое время... Со временем мы снова могли б предоставить им гражданские, но не национальные права"[171]. Характерно, что Готвальд лишь в начале июня 1948 г. осознал неизбежность сосуществовать с венграми в будущем. Тогда он заявил: "Нашей стране придется считаться и далее с несколькими сотнями тысяч венгров. Мы должны предоставить им какие-то права, ... но никаких прав на создание политических партий или профсоюзов, никакого особого статуса. Но что-то мы должны им дать ради нашего спокойствия. Это необходимо и по внешнеполитическим причинам"[172]. В этих словах находила яр-

inslav

кое выражение позиция лидера КПЧ по национальной политике, проводившаяся во второй половине 40-х годов XX в. Хотя некоторые моменты перемещения населения как по стране, так и между Чехословакией и Венгрией, еще продолжали обсуждаться, работала совместная комиссия по вопросам обмена и после Парижской мирной конференции, к концу рассматриваемого периода серьезно изменился национальный состав населения как одной, так и другой страны.

Первая послевоенная перепись Венгрии 1949 г. зафиксировала уже только 1,5% невенгерского населения. В 1941 г. самым многочисленным было немецкое национальное меньшинство (475 491 чел.), которое составляло 5,1% населения Венгрии. За ними следовали словаки (75 877 чел., или 0,8%), хорваты (21 395 чел., 0,3%), румыны (21 395 чел., 0,2%), сербы (5442 чел., 0,1%) и представители прочих малочисленных национальных групп общей сложностью 21 445 человек, что составляло 0,3% населения. К 1949 г. данная картина национального состава претерпела существенные изменения и привела к сокращению даже этого незначительного удельного веса и численности нацменьшинств. В стране в результате выселения немцев и обмена населением с Чехословакией осталось всего 92 210 граждан страны, принадлежавших, согласно переписи, к другим национальностям, а именно: 22 455 немцев, 25 988 словаков, 14 713 румынов и 30 054 представителя других национальных групп (в том числе 10 тыс. хорватов и 5 тыс. сербов)[173].

Выселение венгерского меньшинства из Словакии, после того как февральский коммунистический переворот 1948 г. создал в стране новую политическую обстановку, было приостановлено, а со временем и прекращено. Отношение к национальному вопросу, к его решению также стало меняться. В Конституции Чехословакии, принятой 9 мая 1948 г., еще не говорилось о присутствии в стране национальных меньшинств. По оценкам, содержащимся в одной из справок Отдела внешней политики ЦК ВКП(б) от 19 июня 1948 г., "новая конституция (Чехословакии. — *Б.Ж.*) обходит молчанием вопрос о предоставлении гражданских прав национальным меньшинствам, закрепив, таким образом, законом политику дискриминации по отношению к неславянскому нацменьшинству"[174]. Но вскоре в ЧСР были сделаны некоторые практические шаги в интересах улучшения положения меньшинств. Венгры, оставшиеся в Чехословакии, были восстановлены в своих гражданских правах, прекратилась прежняя практика обмена и переселения. Более того, после мая 1949 г. начали издаваться газеты, снова открылись школы на венгерском языке. Венграм, оказавшимся не по своей воле в Западной Чехии, постепенно было разрешено возвратиться в родные места.

inslav

Картина национального состава Чехословакии, согласно переписи 1950 г. изменилась и стала следующей. Чехи (8384 тыс.) составляли 67,9% населения, словаки (3241 тыс.) — 26,3%. Число венгров после обмена населением, выселения и "ресловакизации" сократилось до 367,7 тыс., или же до 3% населения (из них 355 тыс. в Словакии, 13 тыс. — в Чехии), немцев — до 165 тыс., или 1,3%. Поляки (73 тыс.) составляли 0,6%, украинцы-русины и русские (68 тыс.) — 0,6%, а представители остальных национальностей (41 тыс.) — 0,3%. В то же время, если взять отдельно Словакию, то национальная палитра была несколько иной, а именно: словаки (2982 тыс.), как основная нация, давали 86, 6% населения, тогда как чехи (40 тыс.) — 1,2, венгры (355 тыс.) — 10,3, украинцы-русины и русские (48 тыс.), — 1,4, немцы (5 тыс.) — 0,1, поляки (1,9 тыс.) — 0,1, а прочие нацменьшинства вместе (9,7 тыс.) — 9,3% населения[175]. Результаты этой первой послевоенной переписи населения свидетельствуют о том, что политическому руководству Чехословакии удалось сделать существенные шаги по очищению страны от нацменьшинств и реализации плана, нацеленного на укрепление национального характера государства чехов и словаков, хотя полностью и не были достигнуты намеченные цели ни в той, ни в другой сфере.

Подвергая анализу положение дел с перемещением населения между Венгрией и Чехословакией в 1945 — 1948 гг., характеризуя национальную политику чехословацкого руководства по отношению к венгерскому национальному меньшинству, направленную на его полное выдворение из страны, нельзя пройти мимо отдельных, важных с точки зрения рассматриваемой проблемы, документов, хранящихся в партийных архивах Москвы. Ведь на несправедливое отношение к венгерскому меньшинству, на ущемление национальных прав венгров в Чехословакии тех лет в конечном счете обратили внимание и в московских кругах, близких к высшему партийному руководству, которому тут же подавались соответствующего рода информационные и аналитические записки о реальном положении дел в национальной политике руководства ЧСР и компартии страны. Правда, создавались эти документы уже весной 1948 г., т.е. после февральского кризиса. Авторы таких записок не раз информировали советские партийные инстанции, характеризовали политику и позицию руководства КПЧ по национальному вопросу, подвергая их весьма нелицеприятной, достаточно резкой критике. Так, в ЦК ВКП(б) 29 марта 1948 г. была подана записка ответственного секретаря Общеславянского комитета СССР И.Н. Медведева, в которой указывалось на ошибочную и, как отмечалось здесь, явно дискриминационную политику руководства КПЧ по отношению к национальным меньшинст-

inslav

вам. Автор записки прямо подчеркивал, что представители партийного руководства «пытались доказать правомочность такой политики в отношении венгров, апеллируя к настроениям словацких народных масс и особенно подчеркивая, что для КПЧ "венгерский вопрос — это не национальный вопрос, а вопрос классовый", и якобы, прежде всего потому, что речь идет о выселении из Чехословакии венгерских кулаков». В действительности же, — отмечалось в записке, — это не так, ибо вопрос переселения венгров в Венгрию и неправильная политика чехословацких властей затрагивает известным образом и пролетарскую часть населения (особенно в Восточной Словакии)"[176].

Среди записок и справок подобного рода Отдела внешней политики ЦК ВКП(б) обращает на себя внимание объемный аналитический документ под названием "О некоторых ошибках Коммунистической партии Чехословакии" от 5 апреля 1948 г., и в первую очередь его раздел "Ошибки КПЧ по национальному вопросу". В нем была подвергнута критике позиция партийного руководства и его отдельных членов за огульное осуждение всех немцев и венгров, за общие позиции и совместное с буржуазными партиями выступление "особенно по отношению к венграм". Было подчеркнуто, что все это "неизбежно привело лидеров КПЧ (а также компартии Словакии) к серьезным ошибкам в национальном вопросе, точнее к такому положению, когда компартия оказалась вынужденной идти в фарватере националистических извращений и политики крайнего шовинизма чехословацкой буржуазии"[177]. В документе осуждалось намерение чехословацких государственных деятелей превратить Чехословакию в страну исключительно "только для чехов и словаков", без каких-либо национальных меньшинств. В документе подчеркивалось и приводились конкретные тому доказательства, что именно "в этом духе были сделаны неоднократные заявления лидеров других партий, включая и президента Бенеша". В Чехословакии велась "открытая антинемецкая и антивенгерская кампания, причем все выступления государственных и партийных лидеров в духе этой кампании неизбежно подогревали и усиливали националистические и крайне шовинистические настроения", — отмечалось здесь. Политикой же "преследования немцев и венгров пытались отвлечь внимание трудящихся масс от необходимости очищения государства от реакционеров"[178]. Готвальд подвергся критике за высказывания о том, что политика Национального фронта должна быть направлена против немцев и венгров, что "жить с этими меньшинствами невозможно", что после проведения обмена населением между Венгрией и Чехословакией "будем добиваться того, чтобы остающаяся часть венгерского населения была выселена в Венгрию". В связи с выселением венгров из

inslav

Словакии авторы записки заняли принципиальную позицию, отметив, что "в действительности речь идет не только о выселении венгерских кулаков, ибо внешняя политика чехословацких властей по отношению к венграм затрагивает и пролетарские слои этого меньшинства.

В документе обращалось внимание на то, что в Венгрии после войны произошли радикальные изменения, а позиция КПЧ "в вопросах отношения к венграм в республике (в ЧСР. — *Б.Ж.*) не изменилась". Критическая оценка национальной политики Чехословакии и руководства компартии по данному вопросу суммировалась следующими словами: «До самого последнего времени в государственной политике Чехословакии оставалась в силе установка на лишение венгров, еще оставшихся в стране, основных демократических прав. По существу реализовалась официальная программа дискриминации венгров, изложенная в конце февраля 1946 года на пресс-конференции в Будапеште статс-секретарем Министерства иностранных дел чехословацким коммунистом Клементисом, заявившем тогда, что "венграм, остающимся в Чехословакии, и в дальнейшем не будет предоставлено никаких прав национальных меньшинств" ...Ошибочная политика руководства КПЧ в вопросах о неславянских национальных меньшинствах, в частности, — в вопросе о политике по отношению к венграм, живущим в Чехословакии, — проистекает прежде всего из того, что видные деятели компартии по существу скатываются на порочный путь приспособления принципиальных основ национальной политики к отсталым националистическим настроениям»[179].

Еще более определенно, с детальными выдержками из отдельных выступлений деятелей чехословацкого государства и КПЧ, были сформулированы критические замечания в их адрес в справке ОВП ЦК ВКП(б) от 19 июня 1948 г., где прямо указывалось: руководство партии "с самого начала освобождения страны от немецкой оккупации в разрешении вопроса о немцах и венграх выступило с общих позиций с лидерами буржуазных партий. Исходным положением, общим как для КПЧ, так и для буржуазных партий в отношении неславянских меньшинств, являлось убеждение в необходимости создания Чехословакии как государства двух славянских народов — чехов и словаков". Здесь же с документальным подтверждением были приведены заявления президента республики, направленные на дискриминацию неславянских меньшинств страны. Приведем выдержку из этого текста: «Бенеш после прибытия на освобожденную чехословацкую землю в г. Кошице заявил: "Наше государство будет государством национальным, государством чехов и словаков, и никого другого"(За свободне Ческословенско. 6.04.1945) ... Центральный орган партии Бенеша "Ческа

inslav

правда" 15.05.1945 г. писала в статье, озаглавленной "Строгое национальное государство": "Мы требуем немедленного выселения всех немцев и венгров, и всех остальных элементов, враждебных государству, со всей территории республики"...»[180]. Далее отмечалось, что вслед за этими заявлениями президента такая "точка зрения неизменно повторялась во всех последующих высказываниях как лидеров КПЧ, так и лидеров буржуазных партий", было налицо "полное единство взглядов" с ними, а пресса всех партий в один голос писала о выселении всех немцев и всех венгров. Этим самым, по мнению составителей документа, «принципы национальной политики были подчинены "общим" интересам с буржуазией», а компартия была втянута "в антивенгерскую и антинемецкую кампанию". В документе был сделан вывод о том, что чехословацкая реакция специально раздувала такую кампанию, преследуя собственные цели, что "руководство КПЧ не случайно оказалось в одном лагере с буржуазными партиями" и допускало "одинаковый подход как к капиталистическим кулацким элементам венгерского населения, так и к другим слоям, в том числе пролетарским". При этом подчеркивалось: «Позиция КПЧ в отношении венгерского меньшинства остается неизменной до настоящего времени. Опубликованная 28 января 1948 г. в центральном органе КПЧ газете "Руде право" редакционная статья "Об отношении КПЧ к Венгрии" подтверждает это»[181].

Представляется, что, отбросив идеологическую оболочку приведенных выводов, нельзя не разделять и ныне, спустя полвека, справедливость и обоснованность критики в адрес руководства КПЧ, приведенной в названных аналитических материалах ЦК ВКП(б), равно как и оценок, которые были даны тогда современниками характеру и состоянию национального вопроса в Чехословакии 1945—1948 гг. Безусловно, это касается не только общего подхода к решению венгерского вопроса. Они лишний раз показывают, что идея массового изгнания не только немецкого, но и венгерского национального меньшинства из Чехословакии, без соответствующего учета социальной принадлежности и конкретного поведения в годы второй мировой войны представителей этих национальных общностей, без анализа и доказательства их причастности к каким-либо антигосударственным действиям, и исключительно на основании их национальной принадлежности, являлась абсолютно антигуманной и национал-шовинистической по своей сущности, даже в случае, если она и реализовывалась ради создания чистого от инонациональных элементов, стерильного национального государства. Хотя сама идея, как убедительно показала В.В. Марьина в одной из своих журнальных статей, зародилась в голове далеко не только одного Э. Бенеша[182], она все же была наиболее

inslav

четко сформулирована и неоднократно выражена именно им. Ведь благодаря его конкретным стараниям и действиям стала эта идея реальной политической доктриной, принятой государством к практической реализации. Впрочем, это вытекает и из изложенного нами материала, подтверждается фактами, в том числе приведенными в документах названного отдела ЦК ВКП(б). Бенеш лично излагал ее, как программу действий, на встречах со Сталиным, в своих публичных выступлениях уже на освобожденной территории Чехословакии весной 1945 г. Его выступления, как вытекает из документов, вызывали соответствующую реакцию и были приняты в Словакии как руководство к действию, уже не говоря о его президентских декретах, лишивших немцев и венгров всех политических и гражданских прав. Национальная политика руководства КПЧ периода 1945—1948 гг. ничем не отличалась от политики других политических партий и самого президента республики. Критическому анализу отдельные аспекты этой национальной политики, как известно, была подвергнута лишь позже и наиболее основательно лишь в 1963 г. на специальном заседании ЦК КПЧ.

Декреты Э. Бенеша и вытекающие из них постановления и решения различного уровня властей, а также конкретные действия государства, претендовавшего на то, чтобы именоваться демократической республикой, хотя и стали по сути ответной реакцией на гитлеровскую политику в регионе, обернулись для миллионов жителей страны тяжелейшим испытанием. Дело в том, что эти декреты предусматривали не только лишение гражданства, но влекли за собой нарушение всех прав человека, насильственное изгнание огромного числа ни в чем неповинных людей — перемещение миллионов с вековых мест их и их предков постоянного обитания. Простые люди подлежали выдворению из страны на основании лишь своей национальной принадлежности: политическое руководство Чехословакии возлагало на них ответственность за действия политической элиты сопредельных государств в предвоенные годы и в период войны, с которым они имели мало общего. Явно дискриминационные меры по отношению к представителям национальных меньшинств, граничившие с национальным шовинизмом, возведенные в ранг официальной государственной политики, даже с короткой исторической дистанции кажутся весьма жестокими, антигуманными, бесчеловечными. Они не только ущемляли права человека, но и влекли за собой длительные страдания и лишения, омрачали жизнь ряда поколений перемещенных, а также отношения между соседними народами, отложились в их исторической памяти черным пятном.

inslav

[1] *Srb V.* Demografická příručka Republiky Československé. Praha, 1967. S. 44; Retrospektivní lexikon obcí Československé Socialistické Republiky, 1850–1970. Praha, 1978. S. 1184.

[2] *Kocsis K., Kocsisné Hodosi E.* Magyarok a határokon túl a Kárpát-medencében. Bp., 1991. 34–35. old.; *Zseliczky B.* Kárpátalja a cseh és szovjet politika érdekterében, 1920–1998. Budapest, 13–15, 23–24. old.

[3] Statistický lexikon obci v Krajine Slovenskej. Praha, 1936. S. 249; *Kocsis K., Kocsisné Hodosi E.* Op cit. 22. old.

[4] *Doležal B.* A demokrácia lehetősegei // Irodalmi Szemle. 1990. 5. sz. 507. old.

[5] "Чехословакия станет национальным государством без национальных меньшинств, – уверенно заявлял Э. Бенеш в начале 1945 г. – Необходимо добиться этой цели, с одной стороны, путем выдворения меньшинств, а с другой, при помощи насильственной ассимиляции" (Католическое обозрение. Рим, 1976 – Цит. по: *Für L.* Kisebbség és tudomány. Budapest, 1989. 19. old.)

[6] *Zseliczky B.* Op. cit. 70. old.

[7] *Fierlinger Z.* Ve službách ČSR. Praha, 1947. Díl 2. S. 193.

[8] *Zseliczky B.* Op. cit., 73. old.

[9] Архив внешней политики Российской Федерации. (Далее: АВП РФ). Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 395. Л. 30.

[10] Там же. Л. 1–4 ; *Zseliczky B.* Op. cit. 73–74. old.

[11] *Zseliczky B.* Op. cit. 75. old.

[12] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 439. Л. 58; *Zseliczky B.* Op. cit. 80–81. old.

[13] Там же.

[14] АВП РФ. Ф. 077. Оп. 24. П. 112. Д. 3. Л. 59.

[15] Там же. Л. 131.

[16] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 29. Д. 388. Л. 9.

[17] Там же. Л. 10.

[18] Там же. Л. 25.

[19] Там же. Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 833. Л. 2; *Zseliczky B.* Op. cit. 135. old.

[20] Там же.

[21] АВП РФ. Ф. 0138. Оп.26. П. 132. Д. 7. Л. 17; Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953. М.; Новосибирск, 1997. Т. 1. С. 226.

[22] Там же. С. 199.

[23] Восточная Европа в документах... С. 232.

[24] *Murashko G.P.* The Fate of Hungarian Minorities in Slovakia after the Second World War: Resettlement and Re-Slovakization: Moscow's Position // The Journal Communist Studies and Transition Politics. Vol. 16. March/June 2000. N 1/2. P. 86.

[25] *Fülöp M., Sipos P.* Magyarország külpolitikája a XX. században. Bp., 1998. 315. old.

[26] Magyarországi Rendeletek Tára. Bp., 1945. II. köt. 1027. old.

[27] *R. Süle A.* A Közép-és Keleteurópai német kisebbségek kitelepitése a második világháború után // Medvetánc. 1988. 4. sz. 112–113. old., 1989. 1. sz. 119. old.

[28] *Izsák L.* A koalició évei Magyarországon 1944–1948. Bp., 1986. 116–117. old.

[29] *Kertész I.* Magyar békeilluziók 1945–1947. Bp., 1995. 239–240. old.

[30] *Fülöp M., Sipos P.* Op. cit. 315. old.

[31] *Zvara J.* A magyar nemzetiségi kérdés megoldása Szlovákiában. Bratislava, 1965. 30–35. old.

inslav

[32] В конце 1939 г. руководитель словацкого ведомства пропаганды Ш. Мах на волнах "Радио Братиславы", например, утверждал, что в Венгрии проживает якобы не менее 550 тыс. словаков.

[33] *Zvara J.* Op. cit. 36. old.; *Dávid Z.* A magyar nemzetiségi statisztika múltja és jelene // Látóhatár. 1980 október. 133—134. old.

[34] *Šindelka J.* A nemzetiségi kisebbségek problémájának megoldása Csehszlovákiában 1945 és 1968 között // Társadalomtudományi Közlemények. 1972. 1. sz. 64. old.

[35] *Zvara J.* Op. cit. 32—34. old.

[36] *Beneš E.* Šest let exilu a druhé světové války. Praha, 1946. S. 17.

[37] *Balogh S.* Kitelepités — Deportálás // Rendszerváltás történész szemmel. Bp., 1992. 277—278. old.

[38] *Balogh S.* A népi demokratikus Magyarország külpolitikája 1945—1947. Bp., 1982. 107. old.

[39] Cestou května. Dokumenty k počátkům naší národní a demokratické revoluce. Duben 1945 — květen 1946. Praha,1975. S. 220—223, 253—260.

[40] *Zaváda P.* Hazátlanok, sorakozó! Forráselemzés 1947—1948-ban áttelepült csehszlovákiai magyarok dokumentumairól // Medvetánc. 1988/4—1989/1. sz.. 51, 79. old.

[41] Ibid.

[42] Восточная Европа в документах... С. 224.

[43] Там же. С. 225.

[44] Там же. С. 225.

[45] Документ "Emlekirat" // Látóhatár. 1990. Április. 180—187. old.

[46] Документ "Helyzetkep a szlovákiai magyarokról" // Látóhatár. 1990. Április. 187—196. old. (Опубликован впервые в Братиславе в журнале "Regio". 1990. № 1, 112—131. old.)

[47] Ibid. 189—190. old.

[48] Ibid. 190. old.

[49] Ibid. 191. old.

[50] Ibid. 192. old.

[51] Népszabadság. 1994. Október 28.

[52] Magyar Nemzet. 1993. Augusztus 27.

[53] *Doležal D.* Op. cit. 507. old.

[54] Цит. по: *Fülöp M., Sipos P.* Op. cit. 315. old.

[55] *Clementis V.* The Czechoslovak — Magyar Relationship // The Central European Observer. 1943. P. 69.

[56] *Beneš E.* Šest let exilu...S. 416.

[57] *Kertész I.* Op. cit. 233. old.

[58] Цит. по: *Balázs S.* Egy hidverési kisérlet — tanulságokkal // Valóság. 1987. 2. sz., 42. old. (автор приводит отрывок из текста послания с ссылкой на изд.: *Masaryk T.G.* Cesta demokracie. Praha, 1923. S. 135).

[59] *Gyönyör J.* A Kassai kormányprogramtól a jogtipró "Benesi dekrétumokig" // Edvard Benes elnöki dekrétumai avagy a magyarok és németek jogfosztása. Pozsony, 1996. 92. old.

[60] Ibid. 93. old.; *Jablonický J.* Slovensko na prelome. Bratislava, 1965. S. 403.

[61] *Murasko G.P.* Op. cit. P. 86—87.

[62] Советский фактор в Восточной Европе 1944—1953. М., 1999. Т. 1: Документы. С.128.

[63] Там же. С. 226.

[64] Там же.

[65] Там же. С. 226—227.

inslav

[66] Népszabadság, 1992. Marcius 7.
[67] *Gyönyör J.* Op. cit. 90. old.
[68] См.: *Balogh S.* A nepi demokratikus... 279—280. old.; *Kertész I.* Op. cit. 236—237. old.; *Izsák L.* Op. cit. 117—118. old.
[69] *Izsák L.* Op. cit. 118. old.
[70] АВП РФ. Ф. 77. Оп. 19. П. 12а. Д. 12. Л. 65.
[71] Там же. Л. 67, 69.
[72] РГАСПИ. Ф.17. Оп. 128. Д. 37. Л. 19.
[73] Там же. Д. 750. Л. 222.
[74] Там же. Л. 223.
[75] Там же. Д. 751. Л. 12.
[76] Там же. Л. 19—20.
[77] *Rákosi M.* Visszaemlékezések, 1940—1956. Bp., 1997. 184. old.
[78] Все они опубликованы в сб. док.: "Hungary and the Conference of Paris. Bp., 1947. T. 2. P. 1—12, 155—163.
[79] АВП РФ. Ф. 012. Оп. 6. П. 77. Д. 60. Л. 16.
[80] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 784. Л. 71.
[81] *Rákosi M.* Op. cit. 591. old. Приводится полный текст письма с ссылкой на фонд партархива ВСРП, ныне Института политической истории (PIA. 274. f., 4. cs., 70. ő. e.).
[82] Helyzetkép a szlovákiai magyarokról. 194. old.
[83] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 786. Л. 23.
[84] *Kertész I.* Op. cit. 241. old.
[85] *Fülöp M., Sipos P.* Op. cit. 316—317. old.
[86] *Balogh S.* Parlamenti és hártharcok Magyarországon,1945—1947. Bp., 1975. 149. old.
[87] *Fülöp M., Sipos P.* Op. cit. 317—318. old.
[88] *Kertész I.* Op. cit.,242. old. Подсчеты дипломата базируются на источниках: Statistický Zpravodaj. Official Bulletin of the Chechoslovak Statistical Office. Praha,1945. N 6. S. 114; Hungary and the Conference of Paris. T. 2. P. 28, 62.
[89] *Fülöp M., Sipos P.* Op. cit. 318. old.
[90] *Kertész I.* Op. cit. 243. old.
[91] *Fülöp M., Sipos P.* Op. cit. 318. old.
[92] *Kertész I.* Op. cit. 85. old.
[93] Ibid. 86. old.
[94] Ibid. 244. old.
[95] Ibid. 245. old.
[96] Ibid.
[97] АВП РФ. Ф. 77. Оп. 20. П. 12. Д. 26. Л. 47—50 (в документе ошибочно указана дата переговоров — 1946 г.).
[98] Там же. Л. 47.
[99] Там же. Л. 47—48.
[100] *Kertész I.* Op. cit. 246. old.
[101] Ibid.268. old.
[102] *Fülöp M., Sipos P.* Op. cit., 321. old.
[103] Ibid.
[104] АВП РФ. Ф. 77. Оп. 20. П. 12. Д. 24. Л. 49.
[105] *Fülöp M., Sipos P.* Op. cit. 318. old.
[106] Ibid. 322. old.; *Kertész I.* Op. cit. 252. old.
[107] АВП РФ. Ф. 77. Оп. 20. П. 12. Д. 24. Л. 49.
[108] Там же. Л. 50.

inslav

[109] Там же.
[110] *Balogh S.* A népi demokratikus... 115. old.
[111] *Izsák L.* Op. cit. 116–117. old.
[112] *Zvara J.* Op. cit. 32. old.
[113] *Závada Pál.* Op. cit. 80. old.
[114] *Balogh S.* A népi demokratikus... 120. old.
[115] Népszabadság. 1992. Március 7.
[116] *Balogh S.* A népi demokratikus... 123. old.; *Zvara, J.* Op. cit. 32. old.
[117] *Balogh S.* Kitelepités – Deportálás... 276. old.
[118] *Závada P.* Op. cit. 80. old.
[119] *Kertész I.* Op. cit. 256, 326. old.
[120] Hungary and the Conference of Paris. T. 4. P. 41–42, 82–83.
[121] Népszabadság. 1992. Március 27.
[122] *Kertész I.* Op. cit., 257–258. old.
[123] Ibid. 235. old.
[124] Подробнее см.: *Vadkerty K.* A reszlovakizáció. Pozsony.1993.
[125] Népszabadság. 1992. Március 7.
[126] *Szerencsés K.* Magyarország története a második világháború után,1945–1975. Bp., 1990. 64. old.
[127] История Словакии. М., 2003. С. 339.
[128] *Šindelka J.* Op. cit. 66. old.
[129] История Словакии. С. 339.
[130] *Zaváda P.* Op. cit. 55. old.
[131] *Gyönyör J.* Op. cit. 94. old.
[132] *Zaváda P.* Op. cit. 55. old.
[133] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 30. П. 160. Д. 107. Л. 102; *Murashko G.P.* Op. cit. P. 90.
[134] *Izsák L.* Op. cit. 120. old.
[135] Приложение к изд.: Edvard Beneš elnöki dekrétumai... Doc. № 10, 291–294. old.
[136] *Šindelka J.* Op. cit. 66. old.
[137] *Balogh S.* Kitelepités–Deportálás... 281. old.; *Izsák L.* Op. cit. 120–121. old.; *Szerencsés K.* Op. cit. 63. old.
[138] Ibid.
[139] *Böhm V.* Másodszor emigrációban... Bp., 1990. 128. old.
[140] Приложения к изд.: Edvard Beneš elnöki dekrétumai... . Doc. № 9. 290. old.
[141] *Izsák L.* Op. cit. 119. old.
[142] АВП РФ. Ф. 12. Оп. 6. П. 106. Д. 171. Л. 5.
[143] *Fülöp M., Sipos P.* Op. cit. 323–324. old.
[144] *Rákosi M.* Op. cit. 449. old.
[145] Восточная Европа в документах... С. 403.
[146] Там же. С. 404.
[147] Там же. С. 413.
[148] Там же. С. 414.
[149] Там же. С. 414–415.
[150] Там же. С. 415.
[151] *Rákosi M.* Op. cit. 264. old.
[152] Ibid. 264–265. old.
[153] Ibid.
[154] Ibid. 266. old.
[155] Ibid. 267. old.

inslav

[156] *Zhelitski B.* Postwar Hungary, 1944—1946 // The Establiment of Communist Regimes in Eastern Europe 1944—1949. Oxford, 1997. P. 73—92.
[157] *Fülöp M., Sipos P.* Op. cit. 325. old.
[158] Восточная Европа в документах... С. 430—433.
[159] *Izsák L.* Op. cit. 121. old.
[160] Восточная Европа в документах... С. 516—517.
[161] Там же. С. 517.
[162] *Fülöp M., Sipos P.* Op. cit. 324—325. old.
[163] Ibid.
[164] Советский фактор... С. 410.
[165] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1019. Л. 14.
[166] Там же. Д. 15—16.
[167] Там же. Л. 17.
[168] *Balogh S.* Parlamenti és pártharcok... 274. old.
[169] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1019. Л. 2122.
[170] Советский фактор... С. 493—494.
[171] *Kaplan K.* Poválečné Československo. München,1985. S. 122.
[172] Ibid. S. 124.
[173] *Dávid Z.* A magyar nemzetiségi statisztika múltja és jelene // Látóhatár. 1980. Október. 144—145. old.; *Kővágo L.* A nemzetiségek a mai Magyarországon. Bp., 1981. 9, 20. old.
[174] Справка ОВП ЦК ВКП(б) "Уроки, которые должны извлечь руководство КПЧ из ошибок руководства ЦК компартии Югославии" // Советский фактор... С. 616.
[175] *Popély Gy.* Népfogyatkozás // Látóhatár, 1991. 5. sz., 182. old. Опубл. также в братиславской газете "Új Szó". 1991, 9. sz. Vasárnapi Melléklet, 3. old.; *Pankovič V.* Etnické meňsiny na Slovensku. Košice, 1991. S. 162.
[176] Восточная Европа в документах... С. 809.
[177] Там же. С. 847.
[178] Там же. С. 848—849.
[179] Там же. С. 850.
[180] Советский фактор... С. 614—615.
[181] Там же.
[182] См.: *Марьина В.В.* Выселение немцев из Чехословакии: рождение и модификация идеи. 1939—1943 годы // Славяноведение. 2003. № 1.

inslav

Глава 6

ВЕНГЕРСКОЕ МЕНЬШИНСТВО В ЧЕХОСЛОВАКИИ И СЛОВАЦКОЕ – В ВЕНГРИИ: РЕШЕНИЕ УЧАСТИ

Чехословакия и Венгрия: разность позиций

До 1918 г. венгры и словаки жили в Венгрии, тогда составной части Австро-Венгерской монархии. После создания Чехословакии часть венгров стала весьма крупным меньшинством в Словакии. В соответствии с Трианонским договором, определившим границы между Чехословакией и Венгрией после распада Австро-Венгрии, к Чехословакии отошли территории сегодняшней Южной и Восточной Словакии, компактно населенные венграми (744 651 в 1921 г.), которые таким образом неожиданно оказались на положении национального меньшинства. Согласно Первому Венскому арбитражу (ноябрь 1938 г.) правительств Германии и Италии указанные территории были переданы Венгрии, но после второй мировой войны снова вошли в состав Чехословакии.

Чехословацкое эмигрантское правительство в Лондоне начало строить планы выдворения венгерского меньшинства из восстановленной ЧСР уже в годы войны. Международная ситуация, однако, не благоприятствовала этому, на полную поддержку великих держав надежды не было. Поэтому эмигрантское правительство стало подчеркивать необходимость обмена населением[1]. Да и среди словацких политиков в Лондоне не было единства в вопросе выселения венгров, они явно сомневались в возможности его осуществления по всей республике в отличие от выселения немцев. Возможно, и морально они не чувствовали себя вправе требовать избавления республики от венгров. Поэтому более приемлемым представлялся путь обмена населением.

23 октября 1944 г. эмигрантское правительство направило правительствам Великобритании и СССР меморандум, в котором речь шла не только о трансфере немцев, но ставился и вопрос о венгерском меньшинстве. Его предлагалось решить путем обмена венгров на, как предполагалось, такое же число словаков, живших на территории домюнхенской Венгрии[2]. Последующие усилия чехословацкого правительства на международных переговорах были направлены на акцентацию трансфера немцев и частичный добровольный обмен венгров из Словакии на словаков из Венгрии. Однако вопрос об обмене населением

inslav

между этими странами предполагалось решить только на мирной конференции. Переговоры государственного министра иностранных дел чехословацкого эмигрантского правительства Г. Рипки с послом Великобритании при этом правительстве Ф.Б. Николсом не подтвердили возможность будущего трансфера венгров.

9 января 1945 г. о выселении венгров из Словакии упомянул в беседе с ответственным работником НКИД СССР В. Зориным чехословацкий посол в Москве З. Фирлингер, который настаивал, чтобы было зафиксировано право Чехословакии на это. По его мнению, венгров необходимо было принудить в ускоренном порядке добровольно выехать в Венгрию. Без согласия венгерского правительства на это они могли бы оказаться, таким образом, в безвыходной ситуации. В. Зорин рекомендовал повременить с решением вопроса о венграх до заключения перемирия с Венгрией, поэтому Фирлингер и Рипка при посещении Зорина 15 января снова подняли вопрос о выселении венгров[3].

Президент Бенеш упомянул о нем во время беседы с наркомом иностранных дел СССР В.М. Молотовым в марте 1945 г. в присутствии В. Зорина, чехословацкого министра иностранных дел Я. Масарика и З. Фирлингера. Президент представил это как просьбу Словацкого национального совета (СНС), который просит о помощи в деле быстрого очищения Словакии от венгров, пришедших туда в качестве оккупантов после 1938 г. Молотов признал просьбу обоснованной[4]. Однако в намерение чехословацкого правительства входило выселение большей части и тех венгров, которые жили в Словакии задолго до 1939 г. Во время пребывания нового чехословацкого правительства в Кошицах снова велась речь о венграх и их выселении из Словакии. Особенно подробно об этом говорил министр внутренних дел коммунист В. Носек в беседе с советским послом в Чехословакии В. Зориным 11 апреля 1945 г., жалуясь на деятельность СНС, который хочет самостоятельно решить свои внутренние проблемы. Совет считал, что центральное правительство должно сосредоточиться на обороне государства и иностранных делах. Носек сообщил, что СНС хочет в ближайшее время осуществить выселение всех венгров и полон решимости сделать это. Носек полагал, что решение это неправильное. По его мнению, необходимо сначала выселить венгерских оккупантов, появившихся в Словакии после 1938 г. Таких, как предполагалось, немного, примерно 3 — 4 тысячи, и их можно выдворить без проблем. Но остальных венгров нельзя выселить без предварительной подготовки. Поэтому Носек предложил, чтобы на всех венгров, как и на немцев, была распространена трудовая повинность, чтобы были созданы трудовые лагеря (по сути концлагеря), куда будут направлены венгры, которые выступали

inslav

против ЧСР. Он также обратил внимание Зорина на то, что в Венгрии живут словаки, которых бы венгерское правительство могло отправить в Словакию[5].

З. Фирлингер также снова говорил о выселении венгров из Словакии при встрече с В. Зориным 16 апреля 1945 г. в Кошицах. На этот раз он сказал о выселении всех венгров и подчеркнул, что их выселять надо очень быстро, пока остальные союзники не начали заниматься этой проблемой. СНС, по словам чехословацкого посла, разрабатывает план, как быстро выселить 400 тыс. венгров. Зорин попросил Фирлингера передать ему указанный план, чтобы информировать о нем советское правительство, которое, в свою очередь, станет координировать действия 2-го Украинского фронта по этому вопросу[6].

В тот же день с Зориным о венграх говорил министр сельского хозяйства нового чехословацкого правительства коммунист Ю. Дюриш, который в разделе недвижимости, оставшейся после ухода венгров, усматривал большую политическую выгоду для словацких коммунистов, а также первый сигнал возможного изменения организации сельскохозяйственного производства в будущем. Поэтому он сразу же попросил одолжить ему специальные книги об управлении сельскохозяйственным производством в СССР[7].

В соответствии с Кошицкой правительственной программой и конституционным декретом Бенеша № 33/1945 г. все венгры на территории Чехословакии утрачивали чехословацкое гражданство, а с ним и все гражданские права. По другим декретам у них было конфисковано имущество и им предписана трудовая повинность (декрет № 88/1945 г.). Они должны были нести ее и в чешских землях, поскольку и в Чехии, и в Моравии обозначилась нехватка рабочей силы вследствие выселения немцев.

Хотя чехословацкое правительство рассчитывало на выселение венгров, Потсдамская конференция не приняла такого решения. Дипломатические круги великих держав не ставили знак равенства между немцами и венграми. Несмотря на то, что Венгрия, как и Чехословакия, относилась к советской сфере влияния, переселение венгров в Венгрию явственно не поддержал и СССР. Великие державы рекомендовали обеим странам достигнуть договоренности о добровольном обмене населением.

Чехословацкое правительство настаивало на принципе коллективной вины венгров. Во многих пограничных районах возникла сложная ситуация. С одной стороны, полным ходом шел трансфер немцев, и обширные пограничные территории в Чехии и Моравии начали обезлюдевать; с другой — выселение венгров было приостановлено, и вследствие возвращения час-

inslav

ти словаков из-за границы особенно Южная Словакия оказалась перенаселенной. Словацкие власти настаивали на выдворении венгров, поскольку хотели весь этот район, так сказать, демадьяризировать путем заселения его словацкими колонистами из разных областей Словакии, а также соотечественниками из-за рубежа (словаками из Венгрии и Югославии). Этому, однако, воспротивились местные (словацкие) венгры, которым некуда было идти (да они и не хотели этого), поскольку венгерское правительство отказалось их принимать, ссылаясь на недостаток сельскохозяйственной земли, перенаселенность территории, инфляцию и голод. Словацкие коммунисты разделом ранее принадлежавшей венграм земли, снискали поддержку своей позиции со стороны крестьянства во всей Словакии, а чешские коммунисты поддерживали эту их линию, поскольку только таким образом можно было перед приближавшимися парламентскими выборами снизить популярность политиков словацкой Демократической партии, соперничающей с КПС.

Единственным быстрым, хотя и частичным решением проблемы, которое чехословацкое правительство в данный момент могло предложить для отлива венгров из перенаселенных областей, было использование распоряжения об общественных работах от мая 1945 г., рекомендованное министром внутренних дел В. Носеком, и тем самым перемещение и рассеивание венгров в чешских землях. Распоряжение первоначально должно было действовать только в чешских землях и касалось мужчин в возрасте от 14 до 60 лет, которые не имели постоянной работы. Однако венгры из Словакии, согласно последующим инструкциям словацких властей, отправлялись на общественные работы в чешские земли вместе со своими семьями. Дома и недвижимое имущество, оставленные венграми, собственно, временно, словацкие переселенческие комиссии сразу передавали словацким колонистам из горных районов Словакии. Первоначально объявленные как кратковременные общественные работы привели, таким образом, к постоянному изменению места жительства без возможности возвращения. С сентября по декабрь 1945 г. в чешские земли переселились 9 247 венгров. Они не могли доказать, что имеют постоянную работу, поскольку речь шла о самостоятельно ведущих хозяйство крестьянах (4 728 человек), сельскохозяйственных рабочих, прислуге, представителях интеллигенции и лицах свободных профессий.

Поскольку Потсдамская конференция не согласилась с выселением венгров из Чехословакии, руководство страны снова стало добиваться обмена населением с Венгрией. Проблема состояла в получении достоверных данных о численности словаков в Венгрии, которая, как ожидалось, должна была соответствовать численности венгров в Словакии. Однако, несмотря на

inslav

все оптимистические надежды, явным было значительное несоответствие: в то время как венгров в Словакии согласно переписи 1930 г. было 571 988 человек, словаков в Венгрии, которые заявили о словацком языке как о родном, оказалось только 104 819 человек, а словаками по национальности считали себя только около 17 тыс. человек[8]. Венгерское правительство предполагало, что на обмен готовы были бы согласиться не более 75 тыс. словаков, которые не могли в этом случае компенсировать переселение из Словакии почти 600 тыс. живших там венгров. Венгерское правительство видело единственную возможность в отказе Чехословакии от словацкой территории, на которой жили венгры. ЧСР, однако, не желала вести переговоры об изменении границ.

Переговоры об обмене населением интенсифицировались осенью 1945 г. и достигли апогея в начале декабря того же года. С венгерской стороны их вел министр иностранных дел Я. Дёндёши, с чехословацкой — государственный секретарь министерства иностранных дел В. Клементис. Из записей бесед, состоявшихся 3—5 декабря 1945 г., явственно видны различия в позициях обоих правительств. В то время как Чехословакия настаивала на обмене населением и последующем выселении венгров, которые не получат чехословацкого гражданства, венгерское правительство возражало против такой миграции. Оно считало, что достаточного количества земли для примерно 600 тыс. словацких венгров нельзя будет получить в результате ухода венгерских словаков со своей территории. Оно не соглашалось также с предложениями, касающимися вывоза движимого имущества из Венгрии, поскольку словацкие венгры были лишены всего своего имущества. Так что условия оказались неравноценными.

Чехословацкое правительство, представленное В. Клементисом, заняло непримиримую позицию в отношении венгерских требований. Он был совершенно одержим мыслью о трансфере немцев и венгров и новыми возможностями, которые в связи с этим открывались перед Чехословакией. Остальные политические партии ЧСР тоже поддерживали идею трансфера.

Венгерское правительство, которое представлял Я. Дёндёши, обращало внимание чехословацкой стороны на недавнее прошлое: "Чехословакия хочет стать гомогенным государством. Это понятное и достойное уважения стремление. Однако нельзя согласиться с методами, которыми Чехословакия думает этого достигнуть. Если Чехословакия желает реализовать этнический принцип, то это приемлемо. Вполне возможно, что это станет ведущей идеей при заключении мирных договоров. Нельзя сравнивать Венгрию с Германией, поскольку поведение

inslav

Венгрии не было ни на йоту худшим, чем поведение тисовцев. В Венгрии был Стояи, там (в Словакии — *примеч. пер.*) Тисо. В Венгрии были нилашисты, в Словакии Глинковская гвардия, которая теперь изгоняет венгров"[9].

Венгерский министр иностранных дел особо коснулся неожиданного заявления президента Бенеша: "Для венгров было сильным разочарованием выступление Бенеша с программой обмена населением, уже и потому, что венгерская оппозиция считала его одним из самых последовательных сторонников демократии. Как он мог позволить себе такую недемократическую позицию? Но главное должны быть решительно осуждены методы, которыми чехословацкие органы хотят осуществить и осуществляют свои планы. У венгров было отнято гражданство. Оповещая об этом плакатами, запрещают венгерский язык. Нет обучения на венгерском языке"[10].

Венгерский министр указывал на неточности словацкой статистики относительно национальной принадлежности населения Венгрии. Особо вводящими в заблуждение он считал данные о знании словацкого языка и подтверждал это на примере своей семьи, когда его жена и золовка указали при переписи 1930 г. также знание словацкого языка, хотя они обе венгерской национальности. Число так называемых лиц словацкого происхождения в Венгрии вследствие подобных недоразумений, по мнению Дёндёши, преувеличено более чем на 200 тыс.; словацкие же политики предполагают, что все те, кто указал знание словацкого языка, являются словаками с сильным национальным самосознанием, на основе чего захотят переселиться на землю предков. Я. Дёндёши предостерегал от этих опрометчивых выводов и призывал политиков самим посетить венгерские районы, населенные словаками, чтобы убедиться в действительном положении дел.

Декабрьские переговоры в Праге не принесли ничего нового. Оба правительства настаивали на своих позициях. Чехословацкое предложение сводилось к выселению венгров. В первую очередь должен был проводиться обмен населением. За каждого словака, который добровольно заявлял о желании вернуться в Чехословакию, предполагалось выдворить одного венгра. Население, подлежавшее обмену, должно было путем обмена получить недвижимость или же могло ее свободно продать, могло взять с собой движимое имущество, всю живность и инвентарь, или же продать их либо обменять на пожитки переселенцев из другого государства. От идеи почти полного избавления от венгерского меньшинства чехословацкие власти не отказывались: "Венгров, которые остались бы после обмена населением, чехословацкое правительство выселило бы в Венгрию, за исключением тех, кто получит чехословацкое граж-

inslav

данство". С целью проведения обмена населением Венгрии предлагалось разрешить деятельность чехословацкой миссии на ее территории и одновременно создать для координации действий смешанную чехословацко-венгерскую комиссию[11].

Венгерский министр иностранных дел заявил: "Венгерское правительство не считает обмен населением ни отвечающим демократическим принципам, ни гуманным, и поэтому со своей стороны с ним не согласно"[12]. Однако, несмотря на высказанное несогласие, он готов к определенным договоренностям, поскольку Венгрия хочет иметь с Чехословакией дружественные отношения. Поэтому венгерская сторона подготовила дополнения, касающиеся обмена населением, в данном случае венгров из Словакии. В них значилось, что часть венгров уже была вынуждена переехать из Словакии, хотя это противоречило международному праву. Дёндёши настаивал, чтобы в комиссии кроме словаков и венгров были также представители СССР, США и Великобритании. Аналогичным образом составленная комиссия должна была действовать и в Чехословакии.

Далее венгерское правительство требовало немедленного прекращения всех дискриминационных мер против венгров в Чехословакии. Оно выступило против намерения чехословацкой стороны выселить тех венгров, которые останутся в Чехословакии после обмена населением. Эти венгры, как считал Дёндёши, могли бы переселиться в Венгрию только в случае передачи ей Чехословакией части населенной ими территории. А если они останутся в Словакии, венгерское правительство будет настаивать, чтобы они не подвергались дискриминации. В заключение оно требовало, чтобы в правовом отношении было восстановлено положение венгерского меньшинства, имевшее место на 1 ноября 1938 г.

Обе стороны снова пришли к заключению, что не могут договориться по принципиальному вопросу — какова будет дальнейшая судьба венгерского населения, которое останется на территории Словакии. Несмотря на все неблагоприятные результаты, чехословацкое правительство полностью полагалось на обещание провести обмен населением и его осуществление в соответствии со своими представлениями, и вследствие этого приняло обязательство восстановить имущественную и правовую безопасность венгерских жителей, которые останутся в Чехословакии.

Переговоры завершились подписанием 27 февраля 1946 г. соглашения об обмене населением, согласно которому за каждого словака и чеха, живших в Венгрии и добровольно согласившихся на переселение в Чехословакию, чехословацкое правительство могло переселить в Венгрию одно лицо венгерской национальности, проживавшее в ЧСР. Те венгры, которые доб-

inslav

ровольно согласились на обмен, могли свою недвижимость продать или же получить за нее компенсацию. Движимое имущество они могли взять с собой в Венгрию или же обменять его на имущество словаков, переселяемых из Венгрии. Венгры, которые не хотели добровольно соглашаться на обмен, относились к числу выселяемых, кроме тех, кто получил чехословацкое гражданство. Получить его могли те венгры, которые не провинились против Чехословацкой республики, и автоматически его получали венгры, согласившиеся на ресловакизацию. И те, и другие могли остаться в Чехословакии, имея все гражданские права, но без каких-либо прав меньшинства. Подобные права, однако, не могло обрести ни одно национальное меньшинство, поскольку новая конституция должна была основываться на гражданском принципе.

Чехословацкое правительство предполагало, что число словаков и чехов, которые готовы будут переселиться в Чехословакию, составляло несколько больше 150 тыс. Одновременно оно полагало, что путем ресловакизации венгерского населения в Чехословакии его численность сократиться еще примерно на 200 тыс. человек; остальных можно будет переселить принудительным трансфером в соответствии с решением мирной конференции.

После подписания соглашения, в первой половине 1946 г. в существовавшем положении дел ничего не изменилось. По мнению чехословацких политиков, венгерское правительство подписало соглашение под политическим нажимом и с самого начала заняло по отношению к нему крайне негативную позицию. Вся венгерская пресса, радио и ведущие венгерские политики систематически выступали против соглашения, а также против трансфера и обмена населением как бесчеловечной акции. Венгерские административные учреждения соглашение тоже не выполняли. Венгерское правительство было уверено, что соглашение никогда не будет реализовано, и не издало соответствующих инструкций.

В феврале 1946 г. словацкая сторона стала готовить венгров к трансферу с южных и восточных территорий. В это время начала функционировать Чехословацкая переселенческая комиссия (ЧПК) в Венгрии. Ожидалось, что так же поступит и венгерская сторона. Однако результат был обратный. Уже 17 февраля Д. Окали, председатель ЧПК, направил В. Клементису личное письмо, в котором писал: "Венгры снова не сдержали слово, специалисты не вели переговоров о транспортах. Венгры упорно стоят на платформе саботажа и оттягивания времени. Следует перейти от угроз к действиям"[13]. В то время он еще не знал, что первый транспорт со словаками будет отправлен из Венгрии только в июле и что в нем будут находиться только не-

inslav

имущие, вследствие чего не может быть реализован принцип взаимного возмещения утраченного имущества.

ЧПК уже в начале своей деятельности рассчитывала найти убедительные аргументы для переселения. К своему огромному удивлению она выяснила, что осознающих себя словаками по национальности в действительности гораздо меньше, чем первоначально предполагали многие политики и культурные организации. Оказалось, что в областях Шарваш, Бекешская Чаба и Словацкий Комлош, хотя и живут словаки, которые выражают желание переселиться, поскольку достаточно хорошо знают словацкий язык и имеют национальное самосознание, однако трудно рассчитывать на первоначально предполагаемое число переселенцев. В других областях словаки в языковом отношении были более ассимилированы, однако не утратили национального самосознания и заявляли о желании переселиться.

Переселенческая комиссия пригласила в вышеуказанные области представителей Словацкой Матицы и Словацкой Лиги. Сотрудники этих организаций роздали местным словакам вопросники, с помощью которых хотели выяснить действительное знание словацкого языка и самосознание. Ведь именно эти словаки должны были сыграть после переселения важную роль в демадьяризации приграничных областей Южной и Восточной Словакии и словакизировать их.

Вопросник не был чересчур обширным, но после его заполнения и анализа можно было получить относительно точную картину национальных взаимоотношений между словаками и венграми в конкретной местности. Вопросник включал вопросы, касавшиеся общественного управления, чиновников, их отношения к словакам и их языку, обстановки в школе и учителям, их национальности, способности обучать словацкому языку, умения детей разговаривать по-словацки, их знания венгерского языка, предпочтительности языка, которым они пользуются, и т. д.

Вторая часть вопросника посвящалась взаимоотношениям между словацким и венгерским населением в месте проживания, общественной жизни словаков и религии. Выяснялось и продвижение по социальной лестнице, включая и возможность получения высшего образования, а также удалось ли при этом избежать мадьяризации. Вопросы касались семейной жизни, национально смешанных браков, их влияния на мадьяризацию, воспитания молодежи[14].

После анализа заполненных вопросников сотрудники Матицы Словацкой и переселенческой комиссии получили представление о владении языком и о национальной жизни словаков в Венгрии. По крайней мере частично они могли

inslav

подготовить план их дополнительного обучения языку, знакомства с чехословацкими реалиями и т.д. еще перед переселением в ЧСР и сразу после него. Часть словаков из Венгрии по-словацки говорила и понимала, однако их речь часто изобиловала старыми словацкими выражениями, а новых терминов они не знали. Поэтому и для них курсы словацкого языка были важны.

Однако вопросник был обоюдоострым оружием. Многие словаки, которые сначала уже решили возвратиться в Словакию, после его заполнения и оценки начали колебаться. Возникшие собственные сомнения, а также венгерская контрпропаганда, нацеленная против обмена населением и обещавшая словакам широкие права как национальному меньшинству, вели к тому, что некоторые из них, особенно землевладельцы, начали отказываться от переезда. Значительная часть словаков, заявивших о готовности к нему, состояла из безземельных, т.е. наемных сельскохозяйственных рабочих, рабочих пищевой промышленности и мелких крестьян.

Словацкие организации также выяснили, что в старинных словацких языковых анклавах обитают едва ли не полностью ассимилированные словаки, которые почти не говорят на родном языке. Несмотря на это многие из них заявили о желании перебраться в Словакию. Хотя они не говорили по-словацки и использовали венгерскую грамоту, но обладали национальным самосознанием и хотели возвратиться на историческую родину. Оказалось, что жители исконных словацких языковых анклавов уже чрезвычайно разнородны. Особенно в степени ассимиляции, а тем самым и в степени национального самосознания наблюдались индивидуальные различия. Указанные организации пришли к выводу, что существенная часть венгерских словаков, собственно, не является и не сможет стать подходящим контингентом переселенцов для мадьяризированных областей Словакии.

Этот вывод оказался на руку двум политическим партиям. Часть представителей Демократической партии и некоторые коммунисты стали настойчиво добиваться возвращения соотечественников из Югославии и их расселения в Южной Словакии. Это эвентуальное решение было в интересах и чешских некоммунистических политиков. Ведь словаки из Югославии казались гарантом не только сохранения и усиления среднего класса в словацком пограничье, но также и будущей чешско-словацкой взаимности[15] (в то время как о словаках в Венгрии чешские политики не имели ясного представления).

Словацкие коммунистические аппаратчики меж тем, не ожидая ухода местных венгров, ускоренно расселяли на юге наемных сельскохозяйственных рабочих из горных районов

inslav

северной, северо-западной и северо-восточной Словакии. Они рассчитывали и на прибытие других словаков из подобных районов, поскольку заинтересованность в плодородной земле юга была огромной. Эти левоориентированные переселенцы, организованные в Коммунистической партии Словакии (КПС), должны были стать опорой коммунистических деятелей именно в этих стратегически важных районах[16]. По мнению коммунистов, венгерских словаков, наоборот, выгодно было отправить в горные словацкие районы Кысуце, Орава, Туриец, Липтов, Спиш, Рудогорье, где они должны были заменить выселенных карпатских немцев, а также тех словаков, которые тогда переселились в Южную Словакию. Таким образом, венгерские словаки могли словакизироваться в чисто словацкой среде, где должны были обрести и новый кров. В то же время входившие в Коммунистическую партию и Антифашистский фронт венгерские словаки могли рассчитывать на расселение как в Южной, так и в Восточной Словакии.

Венгерская контрпропаганда открыто извещала о намерениях словацких функционеров словаков в Венгрии, чтобы отвратить их от решения переселиться. Указания о контрпропаганде исходили от венгерского правительства. Оно делало это при посредстве министерства иностранных дел, министра Я. Дёндёши и других политиков Партии мелких сельских хозяев (ПМСХ), которые были принципиальными противниками миграции[17]. К неприятию ее венгерские власти приводили чисто практические соображения и неутешительное экономическое положение страны. Они предполагали, что число словаков, готовых к возвращению на Родину, будет значительно меньше, чем число живущих там венгров. То обстоятельство, что площадь оставляемой в Венгрии земли будет гораздо меньше предполагаемой, поскольку главной составляющей мигрантов были безземельные и рабочие, побуждала венгерское правительство к решительному отрицанию такого, по их мнению, неравноценного обмена. Деятели Партии мелких сельских хозяев не могли согласиться с тем, чтобы в страну прибывали лишенные всего имущества словацкие венгры, которые приумножили бы, таким образом, ряды пауперизированного крестьянства и рабочих. Они сосредоточили все свое внимание на вопросе о земельной собственности и о движимом имуществе. И того, и другого венгры были лишены, в то время, как словаки, по их мнению, должны были получить значительные материальные выгоды, так же как и вся Чехословакия. Несмотря на это свои практические доводы представители ПМСХ облекали также и в идеологические одежды, в чем им на помощь приходила церковь и политические партии. Новое венгерское правительство поддерживали Великобритания и США.

inslav

Венгерские коммунисты, проповедовавшие национальную терпимость, призывали венгерских словаков не соглашаться на обмен и на переселение. Часть словацких коммунистов действительно решила не покидать обжитые места. Один из них обратился в апреле 1946 г. с призывом к словакам бекешского района остаться в Венгрии, верить венгерской народной демократии и коммунистической партии[18]. Газета венгерских коммунистов "Сабад Неп" настойчиво отговаривала словаков от переселения и практически с самого начала деятельности ЧПК дезавуировала намерения словацких коммунистов. Словацкие жители в Венгрии могли прочитать на ее страницах, начиная с марта 1946 г., что поскольку они долго обитали в Венгрии и говорят по-венгерски, то не будут считаться благонадежными чехословацкими гражданами и, следовательно, не смогут осесть в плодородных районах Южной Словакии, которые предназначены лишь для "настоящих" и благонадежных словаков из внутренних районов. Словаков же из Венгрии пошлют вместо них в горные бедные районы и в Судетскую область, откуда были изгнаны немцы[19].

Столкновение двух политических концепций — венгерской, основанной на пропаганде сосуществования национальностей после войны и выступавшей против переселения отдельных групп населения по этническому принципу, и чехословацкой, настаивавшей на трансфере и обмене неславянского населения и полагавшейся на самоспасительность национального государства, основанного прежде всего на принадлежности к славянству, — приводило к постоянным конфликтам между обоими правительствами.

Венгерское правительство только в июле 1946 г. назначило правительственного комиссара по переселению. По мнению чехословацкой стороны, его основной задачей являлось не перемещение венгров из Чехословакии, а ориентирование деятельности венгерских органов на то, чтобы не соблюдались вытекавшие из соглашения обязательства. Венгерские власти оказывали давление на словаков и чехов, согласившихся на переселение, чтобы они отказались от сделанных заявок. Как выяснили чехословацкие органы, заинтересованные в переселении преследовались, увольнялись с работы без права на какие-либо претензии. Они лишались земельных участков, полученных в аренду по аграрной реформе, продовольственных карточек, изгонялись из своих жилищ, им выплачивалась урезанная заработная плата, у них реквизировался скот, наконец, их даже избивали и подвергали другому физическому насилию. Между венграми и словаками на местах часто возникали мелочные свары[20].

Несмотря на это, начались первые перемещения словаков в Чехословакию. Уже летом и осенью 1946 г. несколько сот семей

inslav

горняков переехало в Гандлову. Однако им не понравились условия жизни там, и они возвратились в Венгрию, став наглядным аргументом для противников миграции и огромным проигрышем комиссии по переселению. Ожидания чехословацкого правительства, надеявшегося на огромный интерес к переселению, не оправдались. На него согласилась только часть словаков из Венгрии. Другие были уже значительно ассимилированы и, согласно некоторым утверждениям прессы, "уже больше венгры, чем словаки"[21].

Случалось, что на переселение решались лица немецкого происхождения либо сотрудничавшие с фашистами: "Есть такие, которые только сейчас заговорили о своем словацком происхождении. Заявки подают и авантюристы, и те, у кого горит земля под ногами. Родственники фашистов, которые таким образом хотят вызволить отца из концентрационного лагеря, швабы, которые так хотят избегнуть ожидающей их участи"[22].

Венгерская пресса также нажимала на словаков, советуя им не соглашаться на переселение или отказаться от уже сделанных заявок. ЧПК, кроме интенсивной пропагандистской кампании по переселению, которую она вела в шестнадцати районах, отслеживала также контрпропаганду венгерской стороны. Комиссия направляла обширную информацию о ней министерству иностранных дел, в которой описывались и настроения словацкого населения. В материалах 1946 г. содержатся сообщения о том, что из-за венгерской контрагитации уже 40 тыс. из 120 тыс. лиц словацкой национальности, первоначально подавших заявления о переселении, взяли их назад, мотивируя тем, что доверяют местному правительству и поэтому останутся в Венгрии. Согласно информации, всю кампанию против переселения словаков в Чехословакию организовало венгерское руководство[23].

В районах, где словаки были не так сильно ассимилированы (Бекешска Чаба, Шарваш), они решительно добивались переселения в Словакию и обращались с просьбой ускорить его к президенту ЧСР Бенешу или председателю венгерского правительства Ф. Надю. Члены Антифашистского фронта словаков в Венгрии написали 20 сентября 1946 г. письмо К. Готвальду, в котором просили его ускорить переселение, поскольку большинство тех, кто хочет этого, осталось без работы и без каких-либо заработков (200 семей). В заключении письма содержалась жалоба на венгерскую контрпропаганду, которая "так сильно влияет на подавших заявления о переселении, что народ не знает, кому, в конце концов, он должен верить, поскольку ЧПК нам с весны обещает возвращение домой, а мы до сих пор не знаем, когда это произойдет"[24].

inslav

Контрпропаганда и ассимиляция, однако, не всегда были причиной потери интереса к обмену населением. Словаки из Венгрии имели возможность посетить места на востоке Словакии, куда должны были переселиться бóльшие или меньшие их группы, а то и целые деревни. Из материалов, хранящихся в фондах областных архивов, можно узнать, что делегации венгерских словаков после осмотра предложенных мест констатировали, что, например, в деревне нет школы, и дети вынуждены были бы ездить в отдаленный населенный пункт; что в деревне не евангелический, а греко-католический костел; что полевые угодья, принадлежащие деревне, чересчур отдалены, неадекватного качества или же, что просто отсутствуют пастбища, и т.д. Новые условия существования для них были менее привлекательны, чем те, в которых они проживали в Венгрии.

В жалобе Союза чехословацких колонистов и переселенцев (Братислава) говорится, что переселенцы находятся в плохом положении. Переселенческая канцелярия в Братиславе им не выплатила обещанное единовременное социальное пособие в размере 500 крон на человека. "Большинство переселенцев вообще не имеют каких-либо финансовых средств и не могут купить даже то, что необходимо для повседневного пропитания. Нищета и голод вынуждают переселенцев искать пищу незаконным способом"[25].

Другие жалобы словаков из Венгрии касались недостатка возможности получить работу, решить вопросы собственности и жилья. "Переселенцы требуют немедленного урегулирования вопросов об окончательной собственности на жилье и землю. И никаких обещаний, что это будет сделано после уборки урожая, осенью, зимой. Сейчас же дать каждому, что ему принадлежит, каждому переселенцу, который имел в Венгрии хороший дом, предоставить и в Словакии соответствующий дом, а не конюшни, разрушенные дома, в которых ютятся венгры. Не селить 2, 3 и даже 5 переселенцев в один дом"[26].

Ресловакизация и "рассеивание" венгров в чешских землях

Словацкое правительство и политики осознавали серьезность ситуации. Против ожидаемого числа 200 тыс. словаков, готовых переселиться, они могли рассчитывать только на 75 тыс. соотечественников, уровень национального самосознания которых им не казался достаточно высоким. Было также ясно, что неимущие переселенцы не оставят в Венгрии достаточно недвижимости для переселенных из Словакии венгров. СНС и Корпус уполномоченных (словацкое правительство. –

inslav

примеч. пер.), которые тогда еще самостоятельно решали словацкие вопросы, искали собственный подход к проблеме демадьяризации южного пограничья и заселения его надежным словацким элементом.

Одной из возможностей была ресловакизация. Ее предварительный план изложил В. Клементис на заседании Корпуса уполномоченных 2 апреля 1946 г. Этот план понимался тогда скорее как научный проект с практической направленностью, целью которого было снова словакизировать столетиями мадьяризированное, но по своему происхождению якобы словацкое население. Его предполагалось расселить, как говорилось выше, в горных районах Словакии. Оставшихся в Словакии венгров намечалось "рассеять" небольшими группками в чешских землях, где они должны были "ославяниться". Настойчивость в этом словацкие политики мотивировали необходимостью прилива рабочей силы в чешские пограничные районы, откуда были изгнаны немцы. Таким образом, они, собственно, хотели решить ситуацию трех групп населения. К первой группе относились венгры, не имевшие чехословацкого гражданства, ко второй — ресловакизанты, а к третьей, наименьшей, — венгерские словаки.

Ситуация на юге Словакии стала катастрофической. Здесь скопилось венгерское население, которое готовилось к обмену, и словацкое население, прибывавшее из Венгрии. Ощущалась элементарная нехватка земли и домов для заселения. В Южную Словакию переезжали также словаки из ее горных районов (так называемые доверенные лица) и размещались в разных пунктах еще до прибытия первых транспортов со словаками из Венгрии, селились прямо в домах, в которых еще жили венгры, лишенные прав и ожидавшие решения своей участи. Словаки из Венгрии оказались в незавидной ситуации: без дома, без крыши над головой и в большинстве также без финансовых средств.

Словацкое руководство летом 1946 г. обратилось к чехословацкому правительству и чешским органам с просьбой принять венгров на чешской территории. Оно ссылалось на свои обязательства перед всеми возвращавшимися в Словакию из разных стран соотечественниками, на собственные усилия по демадьяризации южных областей, на необходимость решить вопрос о положении венгерского меньшинства, за которое чехословацкое правительство приняло на себя ответственность и решение которого, как подчеркивалось, в общегосударственных интересах. Словацкие политики снова указали на тот факт, что пока обмен населением с Венгрией имеет односторонний характер: в то время как в Словакию прибыло примерно 8 600 неимущих словаков разных рабочих профессий, венгры в Словакии оста-

inslav

ются. "Поэтому следует осуществить внутриполитическую акцию, т.е. перемещение венгерского населения в чешские земли, и на первом этапе при строгом соблюдении условий соглашения об обмене населением, т.е. лишь на основе трудовой мобилизации"[27].

Таким способом в Чехию и Моравию должно было быть перемещено примерно 150 тыс. венгров (50 тыс. семей), не имевших чехословацкого гражданства. Большинство из них было лишено имущества, и оказалось, собственно, в положении бездомных. Сотрудники Переселенческой канцелярии в Братиславе чувствовали себя к тому же застигнутыми врасплох прибытием соотечественников из-за границы. В приложенном плане переселения они указали, что ожидают прибытия примерно 18 тыс. хозяйствующих субъектов из Югославии, 7 тыс. из Румынии и 320 из Болгарии. Кроме того, непрестанно возвращались словаки из чешских земель, которые хотели осесть в Южной Словакии.

После обдумывания обстановки правительство и чешские власти согласились с так называемой перегруппировкой и ресловакизацией. Этому способствовало несколько серьезных обстоятельств, в том числе огромная нехватка рабочей силы вследствие выселения немцев. При этом словацкие органы вели речь о кратковременном пребывании венгров и части словаков, включая соотечественников из-за границы, в чешских землях. Они должны были работать здесь до выяснения ситуации в Южной и Восточной Словакии. Расчет делался и на оживление обмена населением с Венгрией, на дальнейшее выселение венгров из Словакии, а также на ее индустриализацию, которая в будущем сделает возможным возвращение словаков из чешских земель, включая венгерских словаков. ЦК КПЧ и его Комиссия по переселению и реэмиграции с перемещением ресловакизантов, словаков из Венгрии и венгров согласились.

Словацкое правительство исходило из предположения, в котором убедило и некоторых чешских политических деятелей, что венгерское правительство питает интерес только к своему компактному меньшинству, обитавшему вдоль границы. Но как только оно выяснит, что это меньшинство стало распадаться вследствие переселения в иные области и оказалось в неблагоприятных условиях, само будет способствовать его трансферу в Венгрию. Это предположение, однако, не оправдалось. Венгерское правительство направило министерству иностранных дел ЧСР ноту протеста, в которой не соглашалось с действиями в отношении венгров и их переселением в Чехию и Моравию[28]. Наиболее же важной была жалоба венгерских коммунистов на политику чехословацких коммунистов (особенно Р. Сланского) в отношении венгерского меньшинства. Й. Реваи

inslav

и М. Ракоши огласили жалобу на заседании Информационного бюро коммунистических и рабочих партий в 1947 г. и тем самым вызвали недовольство Советского Союза чехословацкими коммунистами и их политикой ассимиляции[29].

Чехословацкое правительство не могло предвидеть таких последствий и поэтому согласилось с предлагаемым способом временного переселения. Комиссия по частичному переселению венгерского населения и его включению в сельскохозяйственный процесс установила следующие приоритеты:

"1. Основной целью является привлечение рабочей силы для сельского хозяйства в чешских землях.

2. Переселением хотя бы части венгров из Южной Словакии будет изыскана земля (примерно 30 — 40 тыс. га) для ее заселения словацким элементом, что, несомненно, будет способствовать тому, чтобы словацкие безземельные и хозяева мелких участков почувствовали перемены, которые им принес народно-демократический режим Национального фронта и политика КПС.

3. Венгрия заинтересована в поддержке венгерского меньшинства в ЧСР только при условии, что оно расселено как этническое целое по соседству с Венгрией, поскольку тем самым она получает инструмент для реализации ревизионистских (т.е. реваншистских — *примеч. пер.*) целей. Однако, она не заинтересована в наличии рассредоточенного венгерского населения в чешских землях, поскольку это не дает возможности реализации вышеуказанной цели. Возможно, что посредством предложенного решения будет осуществлен непрямой нажим на Венгрию с тем, чтобы она не оттягивала обмен населением или же согласилось с выселением еще 200 тыс. венгров в Венгрию.

4. Хотя венгры должны быть перемещены в чешские земли прежде всего для их использования в сельском хозяйстве, их размещение должно быть проведено так, чтобы в новой среде они могли как можно быстрее ассимилироваться. Однако предпосылкой этого должно стать положительное отношение всего Национального фронта к указанному требованию и облегчению их слияния с новой средой"[30].

Комиссия поставила цель переместить в чешские земли несколькими волнами примерно 50 тыс. семей. Чтобы все переселение выглядело как добровольное, венграм были обещаны некоторые выгоды. Им давалось официальное обещание получения чехословацкого гражданства. Далее, они обязаны были переселяться в определенное место, где могли получить работу, и с ними должны были обращаться, как с лицами чешской или словацкой национальности. Считалось, что постепенно они смогут приобрести в собственность некрупную недвижимость,

inslav

которая в пограничье осталась бесхозной и приходила в упадок: домишки или же небольшие участки земли в пользование. Им обеспечивался перевоз домашнего имущества, скота и некоторых орудий труда. Наибольшее число венгров в чешских землях было размещено в районах Мелник, Колин, Млада Болеслав, Пардубице, Градец Кралове, Прага, Сланы, Табор, т.е. в чисто внутренних районах[31].

Чешские коммунисты опасались прихода венгров в чешские земли. Они боялись прежде всего реакции чешского населения, которое обращалось в различные местные переселенческие и крестьянские комиссии с жалобами на то, что в пограничье "разрастаются венгерские и цыганские острова, а это не содействует чехизации пограничья"[32]. Социально-политическая комиссия секретариата ЦК КПЧ обратила внимание всех правительственных органов на опасность, которую чуждый элемент мог привнести в нестабилизированное пограничье, а заодно хотела решить не только национальный вопрос. Ее основной целью было ликвидировать имущие слои и вести борьбу против "врагов республики". Она знала, что переселяемые в чешские земли венгры имеют в Словакии недвижимость, которая у них в этом случае будет изъята и перейдет к неимущим колонистам из разных районов Словакии.

В конце декабря 1946 г. в одном из писем чешских политиков к указанной комиссии было сформулировано предположение, что "некоторые из словацких товарищей видели в этой акции возможность избавиться от нежелательных венгерских элементов в Словакии и снискать землю для словацких переселенцев". Более того, в этом же письме предполагалось, что для переселения в чешские земли выбирались политически менее благонадежные люди: "При этом речь может идти буквально о лицах, которые не согласились на ресловакизацию и, кроме того, о лицах, которые были обвинены в преступлениях против республики. И хотя указывается, что речь не идет об осужденных лицах, все же ясно, что эти лица в политическом отношении в наивысшей степени неблагонадежны. То, что Переселенческая канцелярия в Братиславе хочет послать в чешские земли эти наихудшие элементы, видно из того, что из этой категории неблагонадежных лиц Словакия хочет оставить у себя людей относительно наиболее надежных, то есть тех, которые подали заявления о ресловакизации"[33].

По сути, имелось в виду, что венграм, перемещенным в чешские земли, не может быть передана никакая недвижимость, поскольку речь идет о якобы неблагонадежных элементах, враждебных республике, которые могли стать только наемными работниками. Согласно некоторым хранящимся в архивах свидетельствам, переселение, начавшееся в октябре 1946 г.,

inslav

проходило следующим образом: "...23 венгерских района с венгерским населением окружаются часто в течение нескольких дней вооруженными армейскими подразделениями и жандармскими частями. В окруженных деревнях запрещается свободное передвижение, и вручаются предписывающие документы об обязательной трудовой повинности на основе декрета 88/45. В предписаниях указываются также члены семей, которые обязаны следовать за мобилизованным.

Войско и жандармерия, используя оружие, принуждают мобилизованных покидать свои дома в течение нескольких часов.

Погрузка производится насильственно во многих местах уже при помощи словацких колонистов, которым передаются оставленные дома и хозяйства. Особенно в начале дело доходило во многих случаях до насилия над людьми и их избиения. Был разрешен лишь частичный увоз движимого имущества. Судьба оставшегося имущества неясна: перейдет ли оно в руки колонистов или пропадет.

Перегруппировка венгерского населения сопровождается полным материальным крахом мобилизованных лиц, не говоря уже о связанных с трансфером тяжелых последствиях для грудных детей, а также беременных и находящихся в послеродовом периоде женщин, матерей многодетных семей, слабых стариков, инвалидов и нетрудоспособных больных, которых под предлогом определения на общественные работы перевозят в 20-градусные морозы в неотапливаемых вагонах, предназначенных для перевозки скота.

Указанный президентский декрет, не предполагавший его распространения на лиц, занятых в сельском хозяйстве, применяется, в соответствии с упомянутыми словацкими распоряжениями, дискриминационным способом к венгерскому населению. Таким образом не поступали по отношению к лицам словацкой или чешской национальности.

Железнодорожные составы часто направляются не туда, куда указывается в предписании. Вследствие этого во многих случаях не происходит устройства на работу в те чешские хозяйства, которые указаны в предписании, а оно вершится по воле близ живущих хозяев, пришедших на вокзал к прибытию поезда. Для семьи невыгодно, если в ней есть нетрудоспособный член. Очень часто никто не принимает главу семейства со многими детьми или семью, отягощенную нетрудоспособными членами, и такие семьи вместе с детьми сидят по несколько дней на вокзалах.

Вышеуказанные обстоятельства создают у перемещаемых венгров впечатление, что они насильственно депортируются для занятия общественными работами и окончательного переселения"[34].

inslav

Пространная цитата из документа того времени свидетельствует о мере страданий словацких венгров, которыми сопровождалось их перемещение в чешские земли. С ней корреспондируют многие воспоминания переселенных сюда венгров, а также устная история.

Уполномоченный по защите интересов венгерских граждан в Чехословацкой республике в вербальной ноте обобщил некоторые нарушения декрета, имевшего общий характер.

Хотя президентский декрет 88/45, параграф 6, абзац 3, давал, по крайней мере, три дня с момента вручения предписания лицам, направляемым на общественные работы, для сборов, в Южной Словакии оставляли венграм лишь 12 часов. В большинстве даже вручение извещения и выселение производились одновременно. Жандармерия и войска окружали дом вплоть до погрузки скарба и людей в автомобиль.

Случалось, что люди вывозились без извещения о мобилизации или же, если подлежавшие мобилизации лица отсутствовали, вывозили присутствовавших членов семьи, на которых не распространялась трудовая повинность.

Хотя на нетрудоспособных инвалидов, тяжело больных, стариков, беременных женщин, женщин с грудными детьми и т.д. трудовая повинность не распространялась, они были также вывезены. Совершенно не обращалось внимания на возрастные границы. Возраст мужчин, которые подлежали трудовой повинности, составлял 16—55 лет, возраст женщин — 18—45 лет. На это, однако, никто не обращал внимания, и дом должны были покинуть все в нем проживавшие, несмотря на то, имели ли они соответствующий возраст или же были пожилыми либо, наоборот, чересчур молодыми.

Землевладельцы, которые в Южной Словакии вели хозяйство на площади 70—100 га земли, были использованы на работе как батраки и т.д. Однако, согласно декрету, использованы могли быть только те лица, которые не имели работы.

Часто случалось, что целые семьи вывозились лишь потому, что их место сразу занимали словацкие колонисты, которые даже сами грузили в машины имущество прежних собственников.

Депортация осуществлялась во время сильных морозов.

Таким способом в чешские земли в 1945—1948 гг. было перемещено 44 129 венгров. В соответствии с секретными указаниями переселенческой комиссии ЦК КПЧ венгров селили небольшими группками. Тогда это официально называлось "рассеивание неблагонадежного населения". Органы, которые участвовали в этом, выполняли инструкции "по распылению" весьма последовательно. Венгров расселяли по районам и деревням по отдельности, в лучших случаях семьями. Чтобы "рас-

inslav

пыление" было последовательным, им были охвачены все чешские земли, в том числе и внутренние области.

Венгры были направлены практически во все районы чешских земель, как внутренние, так и пограничные. Сохранившиеся списки описываемых лет свидетельствуют, что "распыленные" семьи могли лишь с трудом поддерживать контакты из-за большой отдаленности их друг от друга. Практически в каждом районе Чехии и Моравии проживало несколько семей, однако в изолированных друг от друга местах. Ограничение контактов должно было ускорить процесс чехизации венгров.

Часть венгров попыталась сразу же после начала исполнения трудовой повинности в чешских землях нелегально возвратиться в Словакию. Они выяснили, что их имущество перешло к словацким колонистам, неимущим переселенцам из разных словацких краев, или же словацким соотечественникам, вернувшимся из-за границы. Ввиду того, что словацкие коммунисты последовательно осуществляли свой переселенческий план, они не намерены были допустить возвращения тех венгров, которые прежде владели недвижимостью. Реальной угрозой при возвращении в родные края было их обвинение в принадлежности к кулачеству и классовым врагам, за чем следовало осуждение — заключение в тюрьму или выселение, как правило, в отдаленные места, которые освободились после выселения немцев. В Словакии это были Туриец и Спиш, горные районы и районы, сильно пострадавшие во время войны, в которых не хотел селиться никто из соотечественников, прибывших из-за границы. В чешских землях палитра выбора была более широкой. Поэтому большинство венгров осталось в Чехии и Моравии, трудясь почти на всей их территории и понимая, что возвращаться некуда. Возвращение разрешалось венграм, которые согласились на ресловакизацию.

В 1948—1949 гг. коммунистическое правительство ЧСР разработало новый план перемещения и "распыления" словацких венгров в чешских землях. Он касался как венгров, так и ресловакизантов. План назывался "Акция Юг". Однако этот план уже не был полностью осуществлен[35]. Чешские и словацкие коммунисты после жалоб венгерских коммунистов на заседании Коминформбюро по рекомендации ВКП(б) должны были отказаться от проводимой ими в отношении венгров политики.

11 мая 1948 г. первый секретарь советского посольства в Праге Зайцев посетил чехословацкое министерство иностранных дел с целью выяснить положение венгров, подпавших под декрет о конфискации. Он указал на их неравноправие на рынке труда, на то, что у них нет собственных школ, пытался выяснить, является ли ресловакизация добровольной. Из всей бесе-

inslav

ды было ясно, что СССР на стороне Венгрии и не желает продолжения спора[36].

19 июля 1948 г. состоялось заседание узкого президиума ЦК КПЧ, на котором присутствовали К. Готвальд, Р. Сланский, В. Копецкий, Ю. Доланский, В. Носек, М. Швермова, А. Запотоцкий, В. Широкий, Ю. Дюриш, З. Фирлингер и др. Они обсудили вопрос о венграх в Чехословакии и решили изменить существующую в отношении них политику. Венграм были возвращены гражданские права. Однако они не могли получить статус меньшинства с политическими правами, т.е. не могли создать собственную политическую партию. Венгерские коммунисты должны были приниматься в КПЧ. В школах всех ступеней в Словакии в областях с венгерским меньшинством должны были быть организованы параллельные классы для детей венгров, однако с тем условием, что дети ресловакизантов в венгерские классы не будут приниматься. Это потребовал В. Клементис. Было принято также решение о прекращении выселения граждан из южного пограничья.

27 сентября на заседании ЦК КПС в Братиславе выступил В. Широкий с осуждением "буржуазного и мелкобуржуазного национализма". В связи с этим он пытался оправдать и существовавшую политику в венгерском вопросе. Широкий заявил, что при его решении "побудительным мотивом был не национализм или национальный шовинизм, а стремление раз и навсегда покончить с так называемым вопросом о меньшинствах, который может стать причиной межгосударственных недоразумений". Однако разделение мира на два лагеря, подчеркнул он, ведет, согласно теоретикам марксизма-ленинизма, к необходимости ликвидировать "буржуазный национализм и в подходе к гражданам венгерской национальности, ликвидировать с позиций народно-демократической конституции в духе бессмертных идей ленинско-сталинской национальной политики". Поэтому по решению партии, сказал Широкий, начнется сотрудничество с Венгрией и воспитание венгерского населения в Словакии в духе чехословацкой народно-демократической государственности; примером же станет СССР, где глубокая преданность и верность народа его политике ведет нации и народности к сосуществованию в единой братской семье[37].

Тем самым было решено, что венгры останутся в Чехословакии и что обмен населением завершен. Чехословацкое правительство должно было обеспечить возвращение их в места прежнего проживания, т.е. в южную Словакию, а тем, которые решат остаться в Чехии и Моравии, создать такие же жизненные условия, как у местных чехов и словаков.

Однако затем коммунисты перешли, так сказать, от обороны к наступлению. Секретариат ЦК КПС должен был соста-

inslav

вить список тех венгерских кулаков, которые были осуждены в соответствии с действующими законами, имущество которых было конфисковано и родственники которых вели травлю венгерских бедняков. Таким образом, коммунисты устранили национальную заостренность вопроса и перешли в наступление против так называемого классового врага, по стечению обстоятельств — венгерской национальности[38].

Венгры из чешских земель имели право вернуться опять в Словакию, однако дело с возвратом имущества обстояло гораздо хуже. Уже занятое словацкими колонистами оно не могло быть возвращено. Можно было лишить имущества так называемых кулаков и классовых врагов, что и происходило, и постепенно его передавать венграм, возвращавшимся из чешских земель. Представляется, что эти венгры такое имущество не желали. Они хотели получить обратно свое и, если его не получали, принимали иное решение.

Власти в пограничье чешских земель постоянно боролись с нехваткой рабочей силы и предлагали венграм остаться. Часть из них это предложение приняла. Венгры, которые решили остаться в чешских землях, понимали, что у них в Словакии не осталось никакого имущества. Более того, в Словакии они могли быть обвинены в сотрудничестве с венгерским фашистским режимом, осуждены и снова лишены имущества, если бы что-нибудь получили обратно. Поскольку им было возвращено гражданство, а с ним и другие права, включая право владеть собственным имуществом, они принимали предложение чешской стороны и оставались в пограничье как поселенцы. Хотя они не получили пастбища и сельскохозяйственные усадьбы по аграрной реформе, но получили жилища, как правило, домик с небольшим участком земли размером до 2 га, и постоянную работу на местных промышленных или сельскохозяйственных предприятиях.

Венгры сами старались справиться с послевоенной ситуацией. Они понимали, что их рассматривают как совершенно чуждый, прямо скажем, нежелательный элемент, что их чехи не понимают, не знают их обычаев и традиций. Они ускоренно обучались чешскому языку, поскольку хотели стать постоянными поселенцами пограничного района. И детей своих они посылали в чешские школы. Но венгерскому языку (говорить, читать, писать) их учили дома, что продолжается и по сей день. Дома же они поддерживали свои собственные обычаи и традиции. Часть венгров придерживалась евангелического вероисповедания, отношение к которому, однако, в годы коммунистического режима не было полностью толерантным. Поэтому венгры жили двойной жизнью — одной вне дома, как местное большинство, другой внутри семьи.

inslav

Другая часть венгров состояла из тех поселенцев, которые прибыли как члены семьи со словаками из Венгрии. Словаки из Венгрии также селились в пограничных районах Чехии и Моравии, поскольку и для них в Словакии не нашлось достаточно места. Они проживали сплоченно малыми венгероязычными анклавами и тоже вели двойной образ жизни, опираясь на евангелическую церковь, которая помогала им сохранять традиционные ценности. В чешских землях осело по официальным данным приблизительно 11 тыс. словаков из Венгрии и неопределенное число так называемых черных реэмигрантов. После 1948 г. сюда переселилось еще примерно 8 тыс. венгерских словаков.

Летом 1949 г. чехословацкое и венгерское правительства подписали так называемый Штрбский протокол, согласно которому ЧСР и ВНР не имели по отношению друг к другу каких-либо имущественных претензий, кроме являвшихся частью духовного наследия чехов и словаков предметов искусства, которые Венгрия должна была вернуть Чехословакии.

[1] *Kaplan K.* Pravda o Československu 1945—1948. Praha, 1990. S. 85—130.

[2] Подробнее см.: *Čierna-Lantajová D.* Otázka národnostných menšin vo vzt'ahu medzi Československom a Mad'arskom 1944—1948 // Národnosti na Slovensku. Bratislava, 1993. S. 19—38.

[3] Архив внешней политики Российской Федерации. (Далее: АВП РФ). Фонд Секретариат В.М. Молотова. Оп. 8. П. 54. Д. 889. Л. 2—3.

[4] Там же. Л. 5—6.

[5] Там же. Оп. 7. П. 51. Д. 821. Л. 1—3.

[6] Там же. Л. 4.

[7] Там же. Л. 11—13.

[8] *Čierna-Lantayová D.* Otázka národnostných menšin... S. 27.

[9] Archiv ministerstva zahraničnich vecí České republiky (Далее: AMZV). F. TO-Mad'arsko. K. 21. Výňatky z rozhovoru s ministrom J. Gyöngyösim. Nedatováno.

[10] Ibid.

[11] Ibid.

[12] Ibid. K. 22. Zápisnica k zasadaniu mad'arskej a československej vlády 3—5.12.1945 v Praze.

[13] Ibid. Politické věci, smlouvy 1946—1947.

[14] Slovenská národná knižnica. Martin. Literárny archiv. F. Slováci z Mad'arska. Zápisy presidl'ovacích komisií.

[15] *Nosková H., Váchová J.* Reemigrace Čechů a Slovaků z Jugoslávie, Rumunska a Bulharska (1945—1954). Praha, 2000. S. 15—26.

[16] Státní Ustřední archiv (Далее: SÚA). F 100/1. Sv. 49. A.j. 380. Důverný materiál k řešení národnostní otázky pro generálního tajemnika ÚV KSČ R. Slánského.

[17] Партия мелких сельских хозяев победила на первых послевоенных демократических выборах в парламент. См.: *Čierna-Lantajová D.* Vol'by v Mad'arsku roku 1945 a úvahy slovenských pozorovatel'ov // Barnovský M., Ivaničková E. Prvé povojnové vol'by v strednej a jugovýchodnej Europe. Bratislava, 1998. S. 22—35.

inslav

[18] AMZV. F.TO-Mad'arsko 1945—1959. K. 25. Spis 3.
[19] Ibid. K. 21. Spis 1. Situačni zprávy z mad'arského tisku.
[20] Ibid. K. 22. Spis 2.
[21] См.: *Vrablic E.* St'ahovanie Slovákov z Mad'arska do Česko-Slovenska v rokoch 1946—1948. // Národnosti na Slovensku. Bratislava, 1993. S. 81—99.
[22] AMZV. F. TO-Madarsko 1945—1959. K. 21.
[23] Ibid. K. 22. Spis 2.
[24] Ibid. Smlouvy — výměna obyvatel, 1946—1947.
[25] SNA. Bratislava. F. Povereníctva informácii a osvety. K. 64. Ponosy osídlencov.
[26] Ibid.
[27] SÚA. F. 100/1. Sv. 49. A.j. 380.
[28] AMZV. F. TO-Mad'arsko 1945—1959. Spis 2. Politické věci.
[29] Annali The Cominform. Minutes of the Tree Conferences 1947/1948/1949. Milano, 1994. S. 200—215, 281, 344.
[30] SÚA. F. 100/1. Sv. 49. A.j. 380.
[31] *Nosková H.* Slováci z Mad'arska v národnostní politice Československa v letech 1945—1954 // Sborník studií k národnostní politice Československa (1945—1954). Praha, 2001. S. 71.
[32] SÚA, A ÚV KSČ. F. 100/1. Sv. 49. A.j. 380. L. 8.
[33] Ibid. L. 25.
[34] AMZV. F. TO-Mad'arsko 1945—1959. K. 22. Spis 2.
[35] См. подробнее: *Šutaj Š.* Akcia "Juh". Praha, 1993.
[36] AMZV. F. TO-Mad'arsko 1945—1959. K. 22. Spis 1.
[37] SNA. Bratislava. F. ÚV KSS. K 789. Zasadnutia predsedníctva r. 1945—1948.
[38] SÚA. F. 02/j. Sv 2. A.j. 126.

inslav

Глава 7

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА В ПОЛЬШЕ В 1944–1948 гг.

Из второй мировой войны Польша вышла принципиально новым государством по сравнению с тем, которым она являлась в межвоенный период. Сложившееся на последнем этапе войны новое мировое соотношение сил и обусловленная этим политика великих держав, признавших разделение Европы на сферы влияния, и включение в зону безопасности СССР Восточной Европы привели к радикальным изменениям в Польше. Это выразилось в постепенном утверждении в стране коммунистического режима, изменении в ней политического и социально-экономического строя, внешнеполитической ориентации, а также привело к значительным территориальным и демографическим трансформациям в стране.

Территории, которые отошли к Польше после войны, были заселены многочисленным непольским населением: на Западе страны немцами, на юго-востоке — украинцами и белорусами. Кроме того, в Польше проживали немногочисленные чешские и словацкие национальные меньшинства, а также еврейское население. В то же время около 3 млн поляков остались за пределами страны на территориях, которые после установления восточной границы оказались включенными в состав советской Литвы, Белоруссии и Украины. Большая польская эмиграция находилась в Германии, Франции, Югославии, Чехословакии, в США и Южной Америке.

Политика новой власти, главной составляющей которой являлась партия польских коммунистов — Польская рабочая партия (ППР), в решении национального вопроса в первые послевоенные годы носила многовариантный характер. Параллельно с действиями по возврату поляков в страну (кроме переселений из Западной Украины, Белоруссии и Литвы, осуществлялась их репатриация и реэмиграция) новая власть проводила выселение (депортации) национальных меньшинств из Польши. Наиболее характерным примером насильственных переселений являлись депортации украинцев и немцев из страны. Более умеренные формы носило выселение из страны белорусов. Стратегия польского правительства по отношению к еврейскому населению опиралась на признание его права как на эмигра-

inslav

цию, так и на пребывание в стране. В то же время, вплоть до 1948 г. правительство негласно поддерживало эмиграционные тенденции, создав режим наибольшего благоприятствования для отъезда евреев из Польши.

В результате осуществления этой политики к 1948 г. Польша стала в целом моноэтническим — польским по своему национальному составу государством. Таким образом, разрабатывавшаяся польской политической мыслью, начиная с Версальской конференции, концепция Польши как "национального государства для поляков" оказалась реализованной на практике польскими коммунистами в 1944—1948 гг.

Целью данной главы является анализ национальной политики ППР и реализация ее в отношении украинцев и евреев в первые послевоенные годы.

Становление позиции Польской рабочей партии по национальному вопросу

Оккупация показала необходимость нового решения национального вопроса, принципиально отличного от политики, проводившейся руководством Польши в межвоенный период. Это проистекало из необходимости учета поляризации национальных отношений, усилившейся в стране в период войны. Разработкой подобных решений не занималось ни польское правительство в Лондоне, ни политические силы в Польше, ориентированные на Запад.

Появление у польских коммунистов концепции построения моноэтнического государства (она открыто не декларировалась, но ее элементы присутствовали в партийных документах) являлось следствием изменения границ послевоенной Польши, учета остроты межнациональных противоречий в межвоенный и военный периоды, а также советского опыта депортаций как одного из "методов решения национального вопроса" в СССР. Определяющую роль при формировании этой концепции играло последовательное применение ППР принципа приоритета интересов польского народа при решении национальных вопросов.

Позиция польских коммунистов в национальном вопросе начала оформляться в ходе войны. После июня 1941 г. произошла стремительная эволюция подхода ППР к национальным проблемам: они превратились в предмет пристального внимания коммунистов. Понятия "народ" и "нация" редко употреблялись в документах межвоенной Коммунистической партии Польши. В материалах же Польской рабочей партии в период войны они переросли в основополагающие категории и потеснили другие классовые и социальные понятия.

inslav

Видный деятель и теоретик ППР А. Лампе в 1942 г. подчеркивал, что "целью всех польских патриотов является значительное увеличение роли и значения польского народа в общем фронте борьбы против гитлеризма"[1]. Уже в первом программном воззвании Польской рабочей партии от января 1942 г. национальная фразеология вышла на первый план, а со временем начала доминировать в партийной публицистике.

В своих партийных материалах коммунисты оперировали такими понятиями, как "мнение народа", "народ понял", "враг народа"[2]. Даже если рассматривать подобный поворот в качестве тактического хода, а не отражения радикальной переоценки ценностей и отказа от интернационалистской идеологии, которой польские коммунисты руководствовались в межвоенный период, то необходимо учесть далеко идущие последствия подобных изменений в тактике. Даже если для части коммунистического руководства смена партийной лексики была всего лишь временной необходимостью, которая требовалась в условиях борьбы польского народа против немцев, то рядовые коммунисты воспринимали ее как новую реальность и начинали оценивать процессы, происходившие в стране, в национальных категориях.

Польские коммунисты, которые находились во время войны в СССР, особенно часто подчеркивали, что будущая "народная Польша" должна стать мононациональным государством. При этом делался упор на необходимости решения вопроса о национальных меньшинствах, учитывая межвоенный негативный опыт и отсутствие широкой поддержки коммунистической партии в польском обществе в период оккупации.

Все вышеназванное убеждало ППР в нежелательности присутствия больших непольских национальных анклавов на территории послевоенной Польши. Компактно проживавшие национальные меньшинства, в особенности немцы и украинцы, согласно этой логике, могли привести к общественной дестабилизации, осложнить управление обществом и страной, помешать консолидации будущего коммунистического режима.

Проблема мононациональности послевоенного государства отчетливо звучала у того же А. Лампе, который в своих работах оперировал понятием "национального принципа при построении государства". Так, в одной из статей он утверждал: "Написав на наших знаменах лозунг свободы и независимости Польши, стремясь к объединению и возрождению польского народа в собственном государстве, придерживаясь принципа, что судьбу польского народа и польского государства должен решать польский народ, мы вместе с тем выступаем в поддержку свободы, независимости и национального объединения братских соседних народов"[3].

inslav

Коммунисты, которые в период войны оставались в стране и действовали в подполье, в своих заявлениях делали меньший упор на необходимости построения послевоенного польского общества согласно моноэтническому принципу[4]. Эта осторожность объяснялась условиями вооруженной борьбы внутри Польши, где главным врагом для всех национальностей выступали гитлеровцы, и коммунистам необходимо было расширять круг своих сторонников за счет представителей национальных меньшинств, как это происходило, в частности, с евреями. В первой партийной декларации "За что мы сражаемся" (апрель 1943 г.) об этом, правда, не упоминалось. В ноябрьской же партийной декларации того же года были представлены в развернутом виде два принципиальных положения — об "объединении польских земель" и равноправии граждан независимо от их национальности.

В декларации говорилось: "Все польские земли должны быть включены в польское государство. 1. На западе страны и на Балтике мы вновь должны обрести этнографические польские земли... 2. На востоке страны на землях, веками населенных этническим украинским и белорусским большинством, польский народ, признававший принцип права наций на самоопределение, не может отказать братскому украинскому и белорусскому народам в праве определить свою государственную принадлежность согласно волеизъявлению народа". Одновременно декларировалось: "Граждане государства трактуются одинаково вне зависимости от их национальной принадлежности. Польская национальность не может являться привилегией по отношению к тем национальным меньшинствам, которые живут в границах польского государства"[5].

Со временем второе положение было удалено из программных документов ППР. Оно отсутствовало в Манифесте демократических социально-политических и военных организаций (15 декабря 1943 г.), в декларации Крайовой Рады Народовой (1 января 1944 г.) — подпольного органа власти левых сил в стране, в Манифесте Польского комитета национального освобождения (ПКНО, 1944 г.). В них речь шла о возвращении Польше ее исторических земель на западе и возвращении украинских, белорусских и литовских земель советской Украине, Белоруссии и Литве "согласно волеизъявлению населения, во имя принципа самоопределения наций".

Трудно точно определить, когда в кругах польских коммунистов, находившихся в период войны в СССР, и тех, кто сражался внутри страны, началось увязывание проблемы изменения границ Польши с вопросами массового перемещения населения. В то же время знаменательно, что одним из первых шагов правительства левых сил — Польского комитета национального осво-

inslav

бождения было подписание с руководством СССР советско-польских соглашений о переселении польского населения из западных республик Союза, а также белорусского, украинского и литовского населения — из Польши в Советский Союз.

В сентябре 1944 г. прибыли делегации из трех советских республик, и после переговоров заключены соглашения: 9 сентября — с УССР и БССР, а 22 сентября — с Литовской ССР. Принципы обмена населением во всех трех документах являлись одинаковыми. Было договорено, что "взаимной эвакуации" подлежали польские граждане литовской национальности (из Польши — в Литовскую ССР), польские граждане украинской и белорусской национальностей — в УССР и БССР; в Польшу же возвращались поляки и евреи, которые до 1 сентября 1939 г. имели польское гражданство. Вводился принцип добровольности переселения: в соглашениях было ясно сказано, что лица польской и еврейской национальностей имеют право, а не обязанность выезда в Польшу.

Польская миграционная политика, проводимая по мере освобождения страны и в первые послевоенные годы, основывалась на ряде принципов. Один из них был открыто декларирован в заявлениях новой власти: "Осуществляя великое дело национального объединения, правительство Польши организует возвращение в страну всех поляков, пребывающих вне страны"[6]. Другой принцип реализовывался завуалировано, и на него указывал Б. Берут в своей новогодней речи в 1946 г., где говорилось о том, что "польский народ в результате войны и территориальных изменений перешел из многонациональной страны в мононациональную страну"[7]. Польские представители в УССР, БССР и Литовской ССР делали все возможное, чтобы переселением были охвачены все поляки, которые находились на территориях, присоединенных к СССР. При этом они встречали значительное сопротивление советских республиканских властей (за исключением Украины). Литва особенно отрицательно относилась к отъезду польского сельского населения, так как это приводило к обезлюдению деревни в ряде районов республики. Следует отметить, что часть поляков осталась в этих республиках как из-за отмеченного выше противодействия республиканских властей, так и из-за нежелания оставлять "землю отцов".

Выселение (депортация) украинцев как способ решения национального вопроса в Польше

Кроме мер, направленных на возвращение поляков в страну, новые власти проводили политику переселений (депортаций) национальных меньшинств из Польши. При этом решение

inslav

украинского вопроса являлось одним из ключевых для польских коммунистов, так как от этого в значительной степени зависело создание моноэтнического польского государства.

Перенос восточной границы Польши с Советским Союзом на реку Буг не ликвидировал с точки зрения нового руководства страны украинской проблемы. Противоречия во взаимоотношениях двух народов корнями уходили в межвоенный и военный периоды. В основе напряженности в этих отношениях в межвоенные годы лежали польско-украинский конфликт и борьба за Львов и Восточную Галицию; раздел Украины, подтвержденный Рижским договором 1921 г.; признание в дальнейшем спорных польско-украинских территорий за Польшей.

Проводимая немцами во время войны политика "кнута и пряника" привела к росту надежд со стороны украинцев на получение независимости Украины из их рук. В результате в украинском национально-освободительном движении укрепились крайне националистические силы, которые были враждебно настроены по отношению к полякам, что послужило серьезной причиной истребления польского населения Волыни и Подолии в 1943 г. В результате к концу войны среди украинского населения юго-востока страны продолжали доминировать антипольские настроения, что ясно осознавало руководство ППР.

На основе имеющихся документов трудно установить, когда у польских коммунистов появились планы переселения украинцев из страны. В 1943 г., как явствует из упомянутой выше декларации ППР, предполагалось сосуществование различных групп национальных меньшинств в послевоенной Польше. В более поздних партийных документах ("Манифест" от июля 1944 г.) условия совместного проживания национальных меньшинств в стране не уточнялись. Для определения времени принятия решений по украинскому вопросу следует указать на даты появления ряда советских политических документов. 20 июля 1944 г. тогдашний первый секретарь ЦК Компартии Украины Н.С. Хрущев обратился к И.В. Сталину с предложением об изменении границы в районах городов Хелм, Хрубешов, Замостье, Томашов, Ярослав (с прилегающими к ним территориями) и присоединении их к СССР[8]. Естественно, этот вопрос был тесно связан с проблемой переселения украинского населения. Трудно представить, чтобы инициатива Хрущева при той системе власти, которая существовала в СССР, могла носить личный характер и не была подсказана сверху. Выступление главы компартии Украины можно, скорее, рассматривать как "пробный шар" со стороны советского руководства в вопросе об изменении границы Польши в вышеуказанном районе или же как способ давления на новое польское руководство по тому или

inslav

иному комплексу политических проблем. Это вызвало противодействие польских властей, справедливо указывавших на то, что отмеченные районы являются составной частью польского государства. В результате советское руководство подтвердило решение о сохранении данных территорий за Польшей. Свидетельством этого стало подписание 9 сентября 1944 г. советско-польского соглашения об обмене населением. Таким образом, можно сделать вывод, что окончательное подтверждение решения о переселении украинцев из Польши на Украину, а поляков — с Украины было принято в промежутке от 20 июля до конца августа 1944 г.

Господствовавшие в послевоенный период среди польского и украинского населения настроения неприятия друг друга способствовали тому, что разрешение украинской проблемы пошло по радикальному пути — варианту насильственного переселения украинцев, их депортации. После войны, когда наступило время "платы по счетам", платить — по логике, господствовавшей в тот период в польском обществе, — должны были немцы, украинцы, евреи: все немцы подлежали наказанию за оккупационный режим, установленный гитлеровцами в стране во время войны; все евреи — за активную поддержку коммунистов; все украинцы — за устроенную резню поляков на Волыни, за их выселение из Замостья, за действия Украинской повстанческой армии (УПА). Таким образом, в сознании послевоенного польского общества укоренилась мысль о необходимости переселения потенциально конфликтогенного населения, в данном случае — украинцев, в граничившие на востоке страны советские республики как наиболее простом способе решения национальных противоречий, накопившихся к 1944 г.[9]

За реализацию политики переселения отвечал специальный уполномоченный ПКНО по вопросам репатриации. Этот пост занял коммунист В. Вольский. С советской стороны уполномоченным по вопросам перемещения украинцев в Советский Союз был назначен Н. Подгорный[10]. Организованное в октябре 1944 г. Управление по репатриации занималось сугубо организационными и техническими вопросами. Кроме того, в Польше был создан специальный аппарат, занимавшийся вопросами переселения: районные представительства, польско-украинские комиссии по переселению; в различных местностях были учреждены контрольно-пропускные пункты. В распоряжении этого аппарата находились также армия и силы правопорядка.

Украинцы в Польше жили, главным образом, в Жешовском, Любельском и Краковском воеводствах: именно из этих районов в основном и происходило их переселение. В новых гра-

inslav

ницах страны в 1944 г. проживало около полумиллиона граждан украинской национальности (точных цифр польские власти не имели). В то же время руководство страны считало завышенной цифру в 515 тыс. человек, которой оперировала украинская сторона. Однако, в действительности, эта цифра, по-видимому, была значительно занижена и не соответствовала реальному положению дел, так как после депортации 481 тыс. человек на Украину, еще свыше 100 тыс. украинцев были переселены в 1947 г. в ходе операции "Висла" на западные земли, присоединенные к Польше в результате войны[11].

По данным, которые приводит польский ученый Р. Дрозд, число украинцев в новых польских границах достигало 700 тыс. Эта цифра не включала украинцев, проживавших на территории Подлесья, так как они, являясь католиками, были отнесены властями к белорусам[12].

Одной из основных при выселении стала проблема выбора польскими властями критериев определения национальной принадлежности населения. В то время как администрация на местах соотносила национальность с вероисповеданием, министерство общественной администрации, которое наравне с вышеназванными структурами занималось вопросами переселения, требовало, чтобы установление национальности происходило по документам, выдававшимся населению в период оккупации.

Территории, подлежавшие выселению, были поделены на 15 районов, в которых действовали польско-украинские комиссии. В их функции входили: проведение агитации, подготовка списков переселенцев, прием обращений на выезд из Польши, опись собственности, имевшейся у выезжающих украинцев, организация транспорта.

Согласно первоначальным планам с октября 1944 по февраль 1945 г. должна была пройти регистрация выезжающих из Польши украинцев, а само переселение планировалось окончить к апрелю 1945 г. Однако быстро выяснилось, что намеченные сроки выдержать невозможно, так как проведению операции мешали условия суровой зимы и отсутствие достаточной транспортной базы. В результате окончание данного этапа выселения украинцев из Польши пришлось на середину 1946 г.

Первоначально польские власти рассчитывали на то, что число украинцев, добровольно пожелавших покинуть Польшу, будет достаточно велико. Однако оказалось, что на начальном этапе, который продолжался вплоть до первых месяцев 1945 г. и который можно определить как период добровольного отъезда, темпы выселения были очень низкими. К марту 1945 г. удалось переместить из Польши в республики СССР только 81 313 человек[13]. Украинцы отказывались уезжать, так как они

inslav

рассматривали места своего проживания как родную землю и не воспринимали выселение как возвращение на Родину. Кроме того, УПА, активно действовавшая в этих районах, призывала украинцев к сопротивлению депортации из Польши.

Для поощрения отъезда руководство страны использовало дополнительные стимулы, в частности обещание освобождения от налогов украинского населения, аннулирования его долгов, компенсаций за оставляемое им движимое и недвижимое имущество. В то же время ряд мер, предпринятых официальными властями Польши, должен был осложнить уклонявшимся от выселения украинцам дальнейшее пребывание в стране — это лишение их права на землю, которая подлежала разделу в ходе аграрной реформы; запрещение деятельности греко-католической церкви и ограничение функционирования польской автокефальной православной церкви.

Выселение украинцев происходило в условиях взаимного террора, который был развернут польскими и украинскими антисоветскими подпольными организациями на юго-востоке страны в 1944—1946 гг. Жертвами этого террора оказывалось местное украинское и польское население, зачастую втянутое в конфликт на той или иной стороне. В украинском лагере боевые действия против поляков возглавляли части УПА, а в польском — организации Армии Крайовой (АК), Свободы и независимости (С и Н), Национальных вооруженных сил (НВС). Предположительно в 1945—1946 гг. в Польше действовало около 1500—1600 членов УПА. Отряды Украинской повстанческой армии появлялись на юго-востоке страны по мере того, как советские войска освобождали от оккупации Украину. УПА получила приказ перейти в более безопасные районы — в Польшу — и уйти в глубокое подполье, чтобы в конспирации дождаться прогнозируемого ее лидерами в послевоенный период конфликта между СССР и бывшими западными союзниками. Этот конфликт, по мнению деятелей УПА, мог бы дать шанс созданию украинского государства.

Существовала определенная сложность при определении числа членов УПА, действовавших в тот период на территории Польши, так как в первые 1,5—2 года после войны не существовало проблем для пересечения повстанческими отрядами границы. Кроме того, на юго-востоке страны действовали законспирированные структуры УПА: в "миру" их члены вели обычную жизнь, параллельно собирая разведданные, и по мере необходимости оказывали поддержку боевым подразделениям.

По мере интенсификации темпов выселения (депортации) украинцев из Польши росло число членов УПА — для тех, кто пополнял таким образом повстанческие отряды, это был один из способов остаться в стране или же отомстить за выпавшие

inslav

на их долю испытания. По расчетам польских историков в конце 1946 — начале 1947 г. повстанческие отряды УПА насчитывали от 1800 до 2400 членов. В то же время военные акции против ее законспирированных членов в деревнях, предпринятые новой властью, привели к значительному падению их числа. Однако следует отметить, что на юго-востоке страны против властей и польского населения наряду с УПА выступали несколько тысяч членов военных подразделений Организации украинских националистов (ОУН). Повстанческие украинские подразделения находились в такой глубокой конспирации, что первоначально польские власти считали, что они имеют дело с отдельными бандами. Трудно было представить, что на востоке страны создана хорошо структурированная подпольная сеть, действия которой направлялись из единого штаба.

В регионе существовали не только украинские, но и польские партизанские отряды, но они были настроены крайне враждебно по отношению друг к другу.

Вплоть до апреля 1946 г. отряды УПА действовали практически безнаказанно. Информационная сеть повстанческого движения работала настолько оперативно, что вмешательство войск по поимке виновных в поджогах польских деревень и убийствах, которое происходило по следам событий, не достигало необходимого эффекта.

Отряды УПА широко применяли методы "усмирения" в отношении польского, а часто и украинского, населения, представители которого шли на контакты с польскими соседями.

О поводах, которыми руководствовалась УПА, проводя репрессии против местного украинского населения, свидетельствует рассказ одного из очевидцев убийства семьи в г. Луцк, осмелившейся поставить в конце 1943 г. в своем доме елку во время празднования католического Рождества. Это было расценено как предательство украинского дела[14]. Со своей стороны АК получила от начальства в лице Главной комендатуры согласие на проведение адекватных действий по отношению к УПА. В приказе говорилось, что "в случае увеличения числа убийств приказано использовать ответные акции по усмирению украинских поселений"[15].

Жертвами борьбы, развернувшейся между польскими и украинскими повстанческими организациями, явились в одном только 1945 г. жители таких деревень, как Вежеховины, где польские отряды НВС "Серого", "Сокола", "Романа", "Яцка" и "Месть" в апреле 1945 г. убили 194 украинца, среди которых было 65 детей до 11 лет. В свою очередь 21 апреля того же года польская деревня Боровицы была сожжена отрядами украинской самообороны в ответ на участие ее жителей в нападении на деревню Павлокоме. Кроме того, в качестве ответных мер за

inslav

террор, устроенный поляками в Павлокоме, подразделения УПА "Хроменки" и "Бурлаки" 3 октября 1945 г. сожгли населенные поляками деревни Дылагаву, Барткувку, Лончки, Седльнице[16]. Эти примеры приводятся навскидку, без проведения специальной выборки, в действительности их было намного больше с обеих сторон. Таким образом, политическое польско-украинское противостояние периода войны переросло в послевоенный этнический конфликт.

Несмотря на развернувшуюся на юго-востоке гражданскую войну, в условиях которой приходилось жить украинскому населению, украинцы в массовом порядке уклонялись от выселения: в результате летом 1945 г. акция практически приостановилась. Это было вызвано не только эмоциональными причинами — привязанностью населения к местам многовекового проживания, — но также противодействием переселению со стороны УПА и распространением негативной информации о действительном положении переселенцев в СССР.

Противодействие выселению со стороны УПА усиливалось по мере роста числа выселяемых: к середине августа 1945 г. оно достигло 222 509 человек (однако после этой даты выселение затормозилось)[17]. Отъезд украинского населения с юго-востока страны лишал УПА ее общественной базы и ставил под вопрос дальнейшее существование организации. Тормозя выселение, отряды Украинской повстанческой армии пытались парализовать его проведение: они взрывали дороги, мосты, по которым проходила эвакуация населения, совершали нападения на конвои, сопровождавшие переселенцев.

Сложную проблему для польских властей представляло выселение лемков, так как часть этого народа не относила себя к украинцам. Лемки не были указаны в договоре от 9 сентября 1944 г., что приводило, как правило, к произвольной трактовке этой проблемы как на местном, так и на государственном уровне. Лемки считали, что согласно договору они не подлежат выселению из страны, но польское руководство на всех уровнях считало иначе. Даже переход лемков из греко-католического вероисповедания в римско-католическое не помог положительному решению вопроса. В сентябре 1945 г. местные власти Новосондецкого повета, где проживали лемки, потребовали их выселения в СССР в течение 14 дней[18].

В ситуации, когда новые польские власти встретились с массовым сопротивлением украинцев выселению в СССР, руководство страны решило открыто объяснить свою позицию в этом вопросе. 24 июля 1945 г. состоялась встреча польского премьера Е. Осубки-Моравского с делегатами от украинского населения страны. Польские украинцы настаивали на том, что они являются гражданами страны и в качестве таковых требовали соблю-

inslav

дать их право оставаться на земле, которую они заселяли веками. Представители украинцев настаивали на соблюдении своих конституционных прав и выдвинули программу возвращения в общественно-политическую жизнь страны, которая предусматривала разрешение на создание демократической партии, учет интересов украинского народа при проведении аграрной реформы, восстановление школ на украинском языке в местах компактного проживания украинцев и так далее. Однако польские власти, организовавшие встречу, имели совершенно иную цель: довести до сознания украинцев факт окончательного решения вопроса о выселении их из Польши и в связи с этим побудить их к добровольному отъезду. При этом впрямую (редкий случай) в резкой и открытой форме было заявлено, что Польша стремится стать национальным, а не многонациональным государством, а украинцы должны отправиться в Украину[19].

Надо отметить, что польское население юго-восточных районов по большей части поддерживало решение властей в Варшаве, так как на его позицию оказывал негативное влияние многолетний польско-украинский конфликт. В то же время следует сказать, что имели место случаи укрывания польскими соседями, а также католическими священниками украинцев от выселения.

В ситуации практической приостановки выселения (к середине 1945 г.) из-за продолжавшегося сопротивления украинцев (наиболее общедоступным способом уклонения от него являлся побег в лес) власти решили перейти от добровольно-принудительного выселения к насильственной отправке украинского населения в СССР. Депортация получила в документах того периода название "репатриации". В конце августа — начале сентября 1945 г. Варшава направила три пехотные дивизии Войска Польского на территории, с которых должна была происходить массовая эвакуация. Предполагалось, что войска будут обеспечивать безопасность акции (в том числе бороться с отрядами УПА), конвоировать украинское население и охранять оставляемое им в Польше имущество. В действительности же имело место насилие над гражданским украинским населением со стороны войск. Это выражалось в выселении украинцев целыми селениями, "усмирении" деревень, в массовых расстрелах. Так, например, в ходе депортации 25 января 1946 г. польский 34-й пехотный полк провел "усмирение" деревни Завадки Мораховской. Эту акцию он повторил 28 марта и 13 апреля 1946 г., во время которой было убито 96 украинцев — жителей деревни. 9 июля 1946 г. в деревне Терка погибло 33 украинца. Кроме этих, далеко не полных примеров, имели место и другие формы насилия над гражданским населением со стороны военных: грабежи, реквизиции, изнасилования и т.д.[20]

inslav

В ходе депортации украинцев выявились многочисленные организационные трудности, которые своей тяжестью легли на плечи выселяемых. В первую очередь это касалось отсутствия достаточных транспортных средств (подвод, лошадей) для доставки большого числа людей из деревень на железнодорожные станции, где их должны были помещать в вагоны для перевозки в СССР. Кроме того, сложности усугублялись отсутствием хороших дорог, что особенно сказывалось на темпах депортаций и состоянии депортируемых.

На железнодорожных станциях часто обнаруживалось, что украинцы не имели самых насущных вещей, так как армейские подразделения отводили только два часа на сборы самого необходимого имущества. Бывали случаи, когда депортируемым не давали и этого времени на сборы, и они отправлялись в дорогу без багажа и переселенческих документов. Кроме того, на станциях отправления зачастую отсутствовало необходимое количество вагонов для депортируемых. В результате украинцы вынуждены были ожидать днями и неделями депортации, что приводило к побегам.

В целях увеличения темпов выселения 5 апреля 1946 г. руководством страны была создана специальная оперативная группа "Жешув", в задачи которой входило полное и быстрое завершение депортации украинцев. Она получила приказ до 15 июня 1946 г. ежедневно выселять как минимум 500 семей (до этой даты нормой являлось 100 семей в день). Таким образом, было депортировано 260 тыс. человек, что составило 500 тыс. украинцев за период с 1944 по 1946 г.[21]

Массовая депортация украинцев была связана с возвращением поляков из СССР, проходившем в рамках репатриации, с планами их частичного расселения на "украинских" территориях и передачи им хозяйств депортируемых. Польские власти в Варшаве также стремились таким путем "проредить" перенаселенные сельские районы юго-востока страны. Кроме того, предполагалось, что "чистки" этих территорий лишат опоры украинское повстанческое движение и приведут к его исчезновению. Как известно, последней цели достичь не удалось.

Несмотря на то что в марте 1946 г. к действиям против УПА присоединились польские армейские пехотные подразделения, они не смогли справиться с партизанским движением. Только после создания хорошо организованной мобильной операционной группы "Жешув" (5 апреля — 31 октября) удалось достичь определенных результатов: "выдавить" отряды УПА и бандеровцев в труднодоступные гористые районы, ограничить их боевые действия, (продолжались реквизиции одежды и продовольствия по деревням). Таким образом, можно говорить об ослаблении в этот период украинского вооруженного повстанче-

inslav

ского движения. Однако действительной целью польских властей являлась не только ликвидация угрозы со стороны вооруженных подразделений украинских партизан. Беспокойство руководства страны вызывал тот факт, что число оставшегося украинского населения в Польше после депортации было достаточно велико.

Участие польских войск в акциях по депортации украинцев в СССР не привело к окончательному решению этого вопроса. В конце 1946 г., по различным данным, в Польше оставалось: свыше 14 тыс. украинцев — по сведениям переселенческих комиссий; 117 тыс., не считая детей (цифры о переселенных в дальнейшем на Западные земли); около 200 тыс. — согласно современным подсчетам[22]. Советская сторона не согласилась продлить действие соглашения от сентября 1944 г. о переселении украинцев в СССР. По-видимому, причиной отказа являлось убеждение, что именно оставшееся в Польше украинское население имело связи с повстанческой армией, которая помогла ему избежать депортации. Кроме того, Советский Союз не хотел иметь на своей пограничной территории огромную переселенческую диаспору, настроенную враждебно не только к СССР, но и к местному республиканскому руководству.

В свою очередь, власти Польши не хотели, чтобы оставшееся в стране украинское население расселялось на восточных границах страны. В связи с отказом советской стороны от пролонгирования договора 1944 г. в качестве решения проблемы намечались только варианты переселения внутри польской территории. На первый план была выдвинута идея переселения украинцев на присоединенные к Польше после войны земли на севере и западе страны. При этом официально декларировалась цель переселений — полный разгром украинского повстанческого движения. В действительности же переселение украинцев должно было облегчить полонизацию оставшегося в стране украинского населения в местах их нового проживания и обеспечить реализацию политики построения в Польше моноэтнического государства.

Перемещение украинцев на Западные земли Польши, которое можно рассматривать как "внутреннюю" депортацию, проходило с 28 апреля по 15 сентября 1947 г. и получило название операция "Висла". Эта операция как элемент политики Варшавы по заселению территорий, принадлежавших Германии и отошедших к Польше в качестве одной из стран-победительниц во второй мировой войне, детально описана в соответствующей исторической литературе. Поэтому нет необходимости в ее подробном воспроизведении.

inslav

Еврейское меньшинство в Польше в первые послевоенные годы

В межвоенной Польше евреи являлись одним из наиболее значительных национальных меньшинств. В 1939 г. их насчитывалось 3 млн 460 тыс. человек. Холокост нанес непоправимый удар по польскому еврейству. Сохранилось лишь 10% всего еврейского населения (в границах страны на 1945 г.)[23].

Польское общество в период войны было бессильно в отношении холокоста. Среди оккупированных стран Европы (не считая захваченных гитлеровцами районов СССР) Польша была единственной, где за помощь евреям грозила смертная казнь. Важной помехой для оказания помощи являлась также слабая ассимиляция еврейского населения в межвоенные годы. Подход к войне с немцами как к борьбе только польского народа (исключая другие народы, проживавшие в Польше), принятый в подпольных кругах, ориентированных на эмигрантское правительство в Лондоне и пользовавшихся авторитетом в стране, также оказывал негативное воздействие. Кроме того, в польском обществе с довоенных времен сохранился и был широко распространен антисемитизм.

В этих условиях позиции поляков, которые помогали спастись евреям в период войны, и тех, которые помогали их преследованию, не были характерными для отношения к этой проблеме польского общества в целом. Типичной для него являлась позиция невмешательства. На ее формирование сильное воздействие оказала использовавшаяся гитлеровцами социальная технология: изолировав евреев в гетто, они придали правовое обоснование разделению общества на поляков и евреев, углубив тем самым понятие "своих" и "чужих", что привело к обострению национальных противоречий, имевших место в межвоенный период[24].

Политика ППР в еврейском вопросе в 1944 — 1947 гг. носила двойственный характер: с одной стороны, евреи получили возможность построения некоего подобия общественно-культурной автономии из рук новой власти, а с другой — осуществлялись меры по их "подталкиванию" к эмиграции — легальной и нелегальной. При этом значимость "еврейского вопроса" в национальной политике ППР никак не соответствовала малочисленности еврейского населения по сравнению с другими национальными меньшинствами Польши.

Еврейское меньшинство было единственным, которое пользовалось официальным признанием новой власти. Коммунисты выступали против распространенного в послевоенном польском обществе антисемитизма, рассматривая эту политику как часть борьбы против своих политических противников.

inslav

Народная Польша сняла с граждан еврейской национальности печать "второсортности". Польским евреям была предоставлена возможность активно участвовать в общественной жизни страны, что практически невозможно было себе представить ни в межвоенной Польше, ни при той форме правления, которую могло бы предложить лондонское эмигрантское правительство.

Коммунисты также поддерживали инициативы еврейского населения по самоуправлению, используя фактор обновления жизни еврейского сообщества в пропагандистских целях и рассчитывая на финансовую помощь со стороны американских и международных еврейских организаций. При этом коммунисты ожидали от еврейского населения поддержки нового строя.

Необходимо напомнить, что уже в Манифесте ПКНО (июль 1944 г.) указывалось: "Евреям, которых оккупанты зверски истребляли, будет обеспечено право на жизнь, а также юридическое и фактическое равенство в правах" в будущей возрожденной Польше[25]. Евреи были единственным национальным меньшинством страны, о котором упоминалось в этом программном документе. Кроме того, следует отметить, что в правительство с момента его возникновения входил один из известных межвоенных сионистских деятелей Эмиль Соммерштейн.

В ходе утверждения новой власти она неоднократно подтверждала верность заявленному в июльском Манифесте тезису о необходимости соблюдения национальной толерантности в отношении евреев. Так, отмечая 19 апреля 1945 г. в специальной статье вторую годовщину восстания в варшавском гетто, орган коммунистов газета "Глос люду" декларировала, что "Польская рабочая партия учит трудящиеся массы, что антисемитизм — это фашизм, это враг польского народа, Польши". Затем отмечалось, что действия ППР в этом вопросе шли гораздо дальше пропаганды: она занималась организацией "трудящихся масс на борьбу с реакцией, фашизмом и его последствиями — с расовой ненавистью, национализмом и антисемитизмом"[26]. Отражением особого подхода партии польских коммунистов к еврейскому вопросу являлось существование единственной этнической секции в этой партии, так называемой Еврейской фракции ППР.

В то же время — и это следует подчеркнуть особо — политическая практика партии польских коммунистов была менее однозначной, чем декларации: на ее формирование оказывал влияние целый ряд факторов. Во-первых, среди коммунистического руководства страны отсутствовало единство в подходе к еврейскому вопросу. Это прежде всего касалось взглядов тогдашнего Генерального секретаря ППР В. Гомулки, которого осо-

inslav

бенно не любили на "еврейской улице" за неодобрительное отношение к репатриации польских евреев из СССР, приверженность идее создания в стране моноэтнического государства, отрицательное отношение к восстанию в варшавском гетто и т.д.[27] Гомулку нельзя отнести к антисемитам, но также нельзя его считать, как это делает польский исследователь А. Верблян, бескомпромиссным борцом против антисемитизма[28].

В подходе к еврейскому вопросу Гомулкой двигал прагматизм и политическая сообразность (как он ее понимал). Его аргументация по кадровой политике ППР, в которой широко применялась практика использования еврейских кадров в партийном аппарате, была приведена в декабре 1948 г. в письме Гомулки Сталину. В нем он остановился на одном из вопросов, по которому к нему имелись претензии "на еврейской улице". Гомулка писал: "Персональный состав верхов государственного и партийного аппарата, анализируемого под национальным углом зрения, по моему, создает очень важный заслон, который мешает расширению нашей базы, особенно среди интеллигенции и в деревне, а также — в определенной степени — в рабочем классе.

...Неправда, что только сильный дефицит польских партийных кадров не дает проводить иную, чем проводимая в настоящее время персональная политика. Кадры никогда не вырастут, если партия не создает соответствующие условия, то есть если она не будет выдвигать на соответствующие посты самых способных товарищей из того круга, которым руководит.

На основе ряда наблюдений с полной откровенностью я могу утверждать, что часть еврейских товарищей не чувствует своей связи с польским народом, а также с польским рабочим классом, занимая позицию, которую можно определить как национальный нигилизм. Однако на эту их позицию не обращают внимания при подборе кандидатов на различные высокие посты"[29].

Своеобразие позиции Гомулки по еврейскому вопросу также проявлялось в подходе к такой важнейшей проблеме, как репатриация, где он настаивал на соблюдении принципа "польскости" при возвращении в страну населения. Эта его позиция была отчетливо выражена в обращении от 16 января 1946 г. к советскому руководству (через поверенного польского посольства в Москве В.Л. Матвина). В дневнике наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова была записана просьба польской стороны о снижении процента евреев среди репатриируемого из Советского Союза польско-еврейского населения.

Приводя подробную аргументацию в защиту позиции руководства страны, Матвин передавал, что "Гомулка, занимающийся вопросами западных земель, просил его, Матвина, обра-

inslav

титься к Молотову с просьбой о том, чтобы в феврале, марте и половине апреля, т.е. до начала сева, было вывезено из СССР как можно больше поляков, не менее 600—700 тыс. человек. Матвин говорит, что в первую очередь нужно эвакуировать крестьян, так как это необходимо для успешного проведения сева в западных областях Польши". "Матвин говорит затем, — записано в дневнике Молотова, — что поляки не хотели бы брать из центральных и глубинных районов СССР много евреев, учитывая сильный антисемитизм в Польше и то обстоятельство, что из возвращающихся евреев будут такие, которые получают в Польше свою собственность — предприятия, владельцами которых они являются, и которые не национализируются. А это создает в стране новую почву для антисемитизма. Таким образом, говорит Матвин, его просьба заключается в том, чтобы, во-первых, вывезти в ближайшие месяцы как можно больше людей, предоставив для того как можно больше вагонов; во-вторых, вывезти в первую очередь крестьян и, в-третьих, вывезти поменьше евреев"[30].

Трудно себе представить более неподходящего адресата в этом вопросе, чем Сталин. При оценке процессов, происходивших в кругах польских коммунистов, Сталиным двигало глубокое недоверие к коммунистам-полякам, часть которых во время оккупации участвовала в движении сопротивления внутри Польши, часть же находилась в эмиграции на Западе. Лишь немного польских коммунистов оказались в период войны в СССР. Отсутствие реакции Сталина свидетельствует, по-видимому, о том, что советское руководство в тот период сознательно стимулировало присутствие евреев в польском обществе и в рядах ППР.

Особенностью жизни еврейского населения Польши в 1944—1948 гг. являлось наличие у него (в отличие от других национальных меньшинств) политических организаций и партий. В октябре 1944 г. по инициативе еврейских коммунистов в г. Люблине ПКНО разрешил создание Центрального комитета евреев в Польше (ЦК ЕП), в состав которого в дальнейшем вошли представители практически всех еврейских политических течений, существовавших в стране: еврейской фракции ППР, Бунда, сионистских партий Ихуд, Поалей-Цион (правица) и Поалей-Цион (левица), Хашомер Хацаир и др.

ЦК ЕП играл определяющую роль в организации политической жизни польских евреев: в его задачи входила координация помощи для тех, кто уцелел от холокоста; организация социальной помощи, постановка школьного и религиозного образования, восстановление деятельности в области культуры; организация мест для работы евреям, прибывающим в страну, а также представление помощи в легальной эмиграции.

inslav

Решение о создании ЦК ЕП имело положительный результат как для нового польского правительства, так и для всего еврейского сообщества. В результате государственная администрация могла не заниматься означенными проблемами, которые стали прерогативой ЦК ЕП, а с 1946 г. государство практически не участвовало в финансовой поддержке еврейского населения[31]. Таким образом, в стране было создано нечто вроде еврейской автономии: свободно развивалась еврейская национальная культура, образование, политическая деятельность и т.д. Кроме того, ЦК ЕП пользовался чрезвычайной поддержкой со стороны западного общественного мнения, что представляло огромную важность для новой власти в Польше.

Несмотря на большую степень самостоятельности ЦК ЕП, государственные структуры и ППР имели все возможности для контроля над этой организацией. С этой целью при ней была создана фракция ППР, которая должна была выступать в качестве противовеса Бунду и сионистским партиям. Эти фракции действовали наравне с представителями других партий, входивших в состав ЦК ЕП. Фракция ППР идеологически была тесно связана с партией и в то же время занималась реализацией специфических задач, стоявших перед ЦК ЕП. С конца 1944 г. эта организация представляла интересы еврейского сообщества страны во взаимоотношениях с государством и с зарубежными представительствами. Монополия ЦК ЕП была нарушена в феврале 1945 г. появлением еврейских религиозных обществ (Агуда, Мизрахи): сам комитет носил светский характер и не занимался религиозной деятельностью.

Еврейская фракция ППР при ЦК ЕП, несмотря на тесные контакты с правящей партией, оказалась в 1944—1947 гг. в сложном положении. В этот период сионистские партии всех оттенков приобретали все большее влияние и расширяли свою социальную базу в стране, а представители еврейской фракции жаловались, что они никого, кроме себя, не представляют. Лидеры фракции видели причину данного явления в отступлении ППР от принципов национальной политики, провозглашенной в основополагающих партийных документах, в проведении политики "вытеснения национальных меньшинств из общественной жизни", что неизбежно стимулировало еврейскую эмиграцию. В то время как сионистские партии, проводя в этих условиях пропаганду, направленную на эмиграцию в Палестину, укрепляли свое влияние на еврейские массы, еврейская фракция ППР его теряла. В связи с этим ЦК ЕП требовал от ППР четко определить позицию по отношению к эмиграции евреев из страны и соответственно — к идее создания еврейского государства в Палестине. Кроме того, претензии ППР предъявлялись и по поводу трудностей, возникших при реализации про-

inslav

екта расселения евреев в Нижней Силезии, разработанного ЦК ЕП с согласия ПКНО[32].

Для того чтобы разобраться с вопросом о правомерности этих претензий, необходимо обратиться к некоторым аспектам демографии послевоенного польского еврейства, в частности его численности. Согласно данным ЦК ЕП, в стране насчитывалось 50 тыс. евреев, спасшихся от холокоста. Эта цифра включала освобожденных из лагерей, участников партизанского движения, скрывавшихся по лесам в бункерах, а также спасенных по так называемым "арийским документам". Следует учитывать, что все подсчеты того времени носили приблизительный характер, так как они проводились в условиях постоянной миграции евреев, избежавших холокоста: в поисках своих близких часть из них регистрировалась в различных еврейских территориальных комитетах, а другая часть — в первые же недели эмигрировала из Польши, не будучи учтена в опросных списках. К концу 1945 г., по данным ЦК ЕП, число евреев в стране достигло 91 737 человек, из которых 35 959 возвратились из немецких лагерей, а свыше 10 тыс. — из Советского Союза[33]. В первые послевоенные месяцы еще отсутствовали правовые основы возвращения польских граждан из СССР в Польшу. Документом, дававшим право заинтересованным лицам на возвращение в страну, являлось соответствующее удостоверение, которое выдавало польское посольство в Москве или же Польско-советская комиссия по вопросам эвакуации лиц польской и еврейской национальности. Таким образом, в первые месяцы после войны пересечение границы СССР выезжавшими в Польшу гражданами носило стихийно-индивидуальный характер.

Следующая волна прибывавших в страну евреев была связана, в первую очередь, с репатриацией из Советского Союза. В соответствии с соглашением о репатриации из СССР находившихся там польских граждан (являвшихся таковыми на период до 1 сентября 1939 г.), подписанным 6 июля 1945 г. представителями ПКНО и советской стороны, предусматривалось возвращение в страну наряду с поляками и евреев. С февраля по июль 1946 г. в рамках соглашения в страну въехало 136 579 граждан еврейской национальности[34]. Согласно информации ЦК ЕП, после окончания репатриации из СССР численность еврейского населения в стране достигла 240 тыс. человек. Оно увеличивалось также за счет притока лиц, въезжавших в Польшу из специальных лагерей для перемещенных лиц, находившихся в Италии, Франции, Германии (правда, стоит отметить, что пребывавшие в этих лагерях лица в основном оставались на Западе). По современным оценкам, "на пике репатриации", включая все реэмиграционные потоки, в Польше находи-

inslav

лось от 280 до 300 тыс. евреев, часть из которых сразу же уезжала на Запад. В 1945—1946 гг. из Польши эмигрировали около 120 тыс. евреев[35].

Еврейская эмиграция, которая носила массовый характер и поддерживалась новыми польскими властями, объяснялась комплексом причин. Война привела к тому, что, несмотря на способы избежания холокоста — будь то в СССР или в Польше — тысячи еврейских семей стояли перед дилеммой: остаться ли в стране, которая была их родиной, или начать жизнь на новом месте. Те евреи, которые решали остаться в Польше, верили в возможность организации еврейского сообщества и предоставления им со стороны государства культурной автономии. На подобную модель развития еврейской жизни рассчитывали Бунд и еврейская фракция ППР.

Кроме этой категории лиц, существовала определенная группа евреев, которые связывали продолжение своей жизни в стране с ассимиляцией: для одних она была обусловлена идеологическими мотивами и интернационалистскими идеями польской коммунистической партии, для других — эмоциональной привязанностью к Польше как своей родине. Зачастую оба эти мотива переплетались[36]. Однако большую часть еврейского населения составляли те, кто рассматривал Польшу как страну временного пребывания. Решение об эмиграции принималось под влиянием психологических, личных и политических мотивов.

Отвечая в 1947 г. на вопросы польского социолога И. Хурвиц-Новаковской о причинах отъезда из страны, евреи, в первую очередь, называли такие факторы, как нежелание "жить на кладбище" — так большинство из них воспринимало Польшу, где в период войны погибли их родные и близкие; затем — чувство одиночества, стремление воссоединиться с родственниками в Палестине и в других странах; стремление обрести собственное национальное государство; отсутствие чувства стабильности и безопасности в стране пребывания[37].

В 1944—1947 гг. существовали два типа эмиграции — легальная и нелегальная. При этом доминировала вторая, что было связано со специфической ситуацией послевоенных лет. С 1945 по февраль 1946 г. нелегально покинули Польшу при помощи сионистских организаций свыше 119 тыс. человек. Самая сильная волна эмиграции наступила непосредственно после еврейского погрома в Кельцах (4 июля 1946 г.). С июля по сентябрь 1946 г. массовый исход еврейского населения из Польши, достигший свыше 63 тыс. человек, был направлен в Германию, Австрию и Италию. На основе данных Международной организации по вопросам беженцев, в июле 1947 г. в оккупационных западных зонах оказалось 121 тыс. еврейских беженцев из Польши[38].

inslav

Новые польские власти были настроены преимущественно "проэмиграционно", видя в отъезде евреев из страны возможность решения еврейской проблемы в целом.

Характеризуя период 1945—1948 гг., польский исследователь Й. Адельсон писал: "Отношение правительства к вопросам эмиграции в течение всего описываемого периода было очень благосклонным. Правда, оно часто подвергалось колебаниям, главным образом, под влиянием международных факторов, в особенности отношений с Великобританией, стремившейся воспрепятствовать прибытию евреев в Палестину"[39].

Позиция польских властей в еврейском вопросе, как отмечалось выше, была достаточно двойственной. С одной стороны, правительство призывало евреев возвращаться в Польшу, а с другой — говорило об "открытых польских портах" для отъезда их из страны. Польские историки указывают на определенную эволюцию, которую претерпела политика польских властей в вопросе об эмиграции евреев из страны в 1944—1945 гг. Если вначале правительство страны, скорее, не мешало отъезду еврейского населения, то к 30 декабря 1945 г. оно, устами премьер-министра Э. Осубки-Моравского, поддержало стремление еврейского народа создать собственное государство в Палестине[40], так как именно там можно было разместить десятки тысяч еврейских эмигрантов.

Занятие польским руководством проеврейской позиции в международном конфликте вокруг Палестины объяснялось рядом факторов, важнейшим из которых являлась его изначально проэмиграционная установка в отношении собственного еврейства. В то же время следует отметить, что эта позиция принципиально отличалась от политики межвоенных властей, стремление которых избавиться от еврейского населения путем его эмиграции диктовалось социально-экономическими причинами и существованием огромной еврейской диаспоры в стране. Практически полное истребление евреев гитлеровцами в ходе оккупации Польши уничтожило основание для продолжения подобной политики в послевоенный период. Однако в польском обществе продолжал существовать широко распространенный антисемитизм, который шел вразрез с основополагающими декларациями ППР об обеспечении ею прав еврейского населения. И партия не могла не учитывать этих настроений при проведении политики в еврейском вопросе, в том числе и в вопросе эмиграции евреев из страны, а также в решении палестинской проблемы.

Возвращение евреев после войны в Польшу, усиленное волной польско-еврейской репатриации из СССР, сопровождалось в польском обществе ростом антисемитизма, увеличенного ростом опасений в необходимости возврата евреям разграбленной в период войны собственности.

inslav

Антисемитизм в Польше в первые годы после освобождения приобрел экономический оттенок. В сложившихся условиях власти заняли уклончивую позицию, пойдя на уступки польскому населению в вопросе свертывания процедуры возврата еврейской собственности. Согласно тогдашнему польскому Гражданскому кодексу владельцы собственности, а в случае их кончины наследники по прямой и боковой линиям, могли добиваться возврата собственности, потерянной в период оккупации. Однако принятие закона от 6 мая 1945 г. о покинутом и брошенном имуществе свидетельствовало о том, что власти старались ограничить круг потенциальных наследников наследниками по прямой линии, т.е. родителями, супругами, детьми[41]. Сторонники вводимых ограничений в правительстве ссылались на то, что в случае сохранения старого закона в руках еврейского населения сконцентрировалась бы весьма значительная собственность, а это, в свою очередь, привело бы к росту антисемитизма в стране. Кроме того, хотя в первые послевоенные годы еще имели силу правовые основы сохранения имущества еврейских организаций, которые существовали до войны, а после нее были восстановлены в Польше, только небольшая часть имущества довоенных объединений была возвращена их правопреемникам. Таким образом, возвращение права на еврейскую собственность в 1944—1947 гг. встречало большие препоны.

В сложившихся условиях наиболее остро стояла проблема обеспечения безопасности еврейского населения в связи с ростом в обществе антисемитских настроений. Одним из первых проявлений этих тенденций явился погром 11 августа 1945 г. в Кракове. Это событие застало врасплох руководство ППР. Выступая в печати сразу после погрома, Э. Охаб признал, что польские коммунисты "только в последнее время осознали важность и опасность этой проблемы"[42]. Наряду с краковским наиболее известными являлись погромы в Парчове (5 февраля 1946 г.) и Кельцах (4 июля 1946 г.). Кроме того, человеческими жертвами сопровождались погромы в Радоме, Мехове, Жешове, Хжанове, Рабце. Многочисленные отдельные убийства евреев практически не встречали противодействия со стороны местных властей[43], хотя ППР и Польская социалистическая партия (ППС) использовали все средства для борьбы с антисемитизмом. Так, в Кельцы были посланы войска для наведения в городе порядка, а виновные в гибели 42 евреев предстали перед судом. Позиция обеих левых партий, помимо негативного отношения к любым волнениям на расовой почве, обусловливалась также и тем, что антиеврейские выступления рассматривались как выпады против новой власти.

Учитывая антисемитские настроения в стране, а также множество сложностей, связанных с утверждением власти комму-

inslav

нистов, деятели ППР стремились избавиться от еврейской проблемы. Наилучшим решением этой проблемы представлялась эмиграция оставшихся в Польше евреев, а Палестина — наиболее подходящим местом их нового поселения[44].

По расчетам ЦК ЕП, в Польшу в первые послевоенные годы должно было возвратиться около 150 тыс. еврейских репатриантов[45]. Одним из главных вопросов, который находился в ведении комитета, являлся поиск территории для компактного расселения приезжавшего в страну еврейского населения. Основным местом размещения репатриантов была выбрана Нижняя Силезия, что обусловливалось рядом факторов, в первую очередь, необходимостью обеспечения безопасности евреев, наличием мест для проживания, возможностью получить работу, существованием развитой структуры органов ЦК ЕП.

Все это, а также стремление избежать в польском обществе столкновений с прибывавшими еврейскими репатриантами по вопросам возврата собственности, жилья и т.д., и заставило руководство страны совместно с ЦК ЕП разработать программу их размещения на Западных землях, главным образом, в районах Нижней Силезии. Этот регион, присоединенный после войны к Польше, на протяжении долгого периода был заселен преимущественно немцами. Силезские немцы в ходе наступления Красной Армии в массовом порядке покидали места своего пребывания и двинулись на Запад. Оставшуюся часть немецкого населения Силезии польские власти планировали выселить в Германию в 1945 г.

Следует подчеркнуть, что первыми творцами концепции "еврейской" Нижней Силезии являлись прежде всего евреи, которые были освобождены из гитлеровских лагерей именно на этой территории: в апреле 1945 г. их насчитывалось 7 тыс. человек[46]. Потерпев неудачу при попытках возвратиться в места своего довоенного проживания в Польше, которые частью были заняты поляками, частью — государственной администрацией, они решили начать новую жизнь в местах своего недавнего заключения. В своих расчетах они учитывали наличие в регионе вышеназванных факторов, говоривших в пользу заселения Нижней Силезии прибывающими в страну евреями.

При решении вопроса о размещении еврейского населения в этом регионе ЦК ЕП руководствовался и рядом конкретных соображений. Во-первых, в Нижней Силезии, в Щецинском воеводстве "человекоемкость" территории в 1946 г. оценивалась в 5 млн человек, следовательно, такое число переселенцев можно было разместить в регионе[47]. Кроме того, в отличие от районов центральной Польши здесь большая часть жилого фонда находилась в сохранности, была покинута их владельцами и пригодна для размещения прибывающих. Во-вторых, экономика

inslav

Нижней Силезии носила как промышленный, так и сельскохозяйственный характер. В регионе имелись фабрики, предприятия, шахты, земледельческие хозяйства, которые были покинуты их прежними владельцами. Все это обширное хозяйство нуждалось в свободных рабочих руках, так что евреи, прибывающие в Нижнюю Силезию, в первое время находили себе здесь применение. В-третьих, для создававшегося в регионе нового партийного и административного аппарата требовались служащие, которые бы не были связаны с антикоммунистической подпольной оппозицией, действовавшей в стране в военные и послевоенные годы, что исключалось в случае евреев.

В то же время ППР, которая оценивала политическую ситуацию в регионе как "антидемократическую" (наличие "мелкобуржуазных переселенцев из Львова, Вильнюса и т.д., зажиточного в прошлом крестьянства "кресов" — восточных приграничных районов Польши), рассматривала еврейских репатриантов как противовес другим категориям населения Нижней Силезии, в большинстве своем настроенным против строившегося в стране режима[48].

В конце 1945 г. еврейское население региона насчитывало более 16 тыс. человек и включало, наряду с бывшими узниками силезских концлагерей, также освобожденных из лагерей евреев Западной Европы и репатриантов из центральных и западных районов СССР[49]. В 1944—1947 гг. в Нижней Силезии возник административный, экономический и культурный центр жизнедеятельности польского еврейства.

По договоренности с польскими властями расселением и опекой прибывающих в страну еврейских масс занимался ЦК ЕП. В этом ему помогали все еврейские партии, сотрудничавшие с ЦК ЕП, а также еврейские религиозные организации. В ходе массовой репатриации из СССР Комитет столкнулся с серьезными организационными трудностями, которые были усугублены отсутствием координации в сроках ее проведения с РСФСР и Украиной: репатриация началась преждевременно, и уже в январе 1946 г. поезда с переселенцами прибыли к границам Польши. В сложившихся условиях территориальные комитеты ЦК ЕП оказались не вполне готовы к стоявшим перед ними задачам: предоставлению репатриантам помещений для ночлега, жилья, больниц, организации кухонь, транспорта для перевозки и т.д. В этих условиях финансовая и материальная помощь Американского объединенного распределительного комитета — Джойнта, о которой существовала договоренность, также запаздывала: она начала поступать только в июне 1946 г. В мае и июне 1946 г. ежедневно в страну прибывали 3—4 тыс. евреев. Государственная помощь, несмотря на ее скромный характер (она предоставлялась также и польским репатриантам),

inslav

практически была единственным подспорьем, на которое могли рассчитывать в первые месяцы 1946 г. возвращавшиеся в страну евреи.

Одной из крупнейших ошибок ЦК ЕП, по мнению современных польских исследователей, явился выбор города Щецина в качестве места поселения более 30 тыс. евреев. Этот выбор осуществлялся в условиях дефицита времени и перегрузки Нижней Силезии репатриируемой еврейской массой. В Щецине отсутствовали необходимые условия для размещения прибывавшего населения: не было развитых подразделений ЦК ЕП, которые бы занимались организационными вопросами; наблюдался недостаток рабочих мест ввиду полного разрушения промышленности города; ощущалась нехватка продовольствия и одежды.

В этих условиях часть еврейских репатриантов, которые могли рассчитывать только на свои силы и на незначительную помощь со стороны Государственного управления по репатриации, принимала решение об эмиграции из страны. Подобное же положение складывалось в тех местечках, где отсутствовали представительства ЦК ЕП.

Несмотря на имевшиеся трудности при приеме и расселении еврейских репатриантов, в декабре 1946 г. они размещались по территории страны следующим образом: Катовице — 12 227 чел., Краков — 6667 чел., Лодзь — 30 949 чел., Щецин — 13 494 чел., Варшава — 4666 чел., Вроцлав — 78 147 чел. и т.д. В целом в этих шести воеводствах проживало в тот период 145 550 евреев[50].

На первом этапе, в 1945 г. отношения между евреями и остальным населением Нижней Силезии складывались в целом неплохо. Однако по мере роста числа репатриантов (в регион прибывали переселенцы с востока страны, главным образом, крестьяне с "кресов") экономическое положение в регионе ухудшалось: стал наблюдаться недостаток рабочих мест, жилья, питания. Это частично объяснялось медленными темпами ввода в эксплуатацию промышленного и жилого фонда и, как следствие, вспыхнувшей конкуренцией между переселенцами первого и второго эшелонов.

Весной 1946 г. в городках Нижней Силезии появились антисемитские листовки. Рост антисемитизма в этом районе, где, как предполагалось, евреи должны были способствовать улучшению отношений между властями и другими национальными группами, переселенными в Нижнюю Силезию, объяснялся также, по мнению польских историков, "некритической поддержкой еврейским обществом" нового режима, утверждающегося в Польше[51]. Положительное отношение польского еврейства к власти, как говорилось выше, объяснялось тем, что в

inslav

послевоенной Польше евреям было обеспечено равноправие с другими народами, создано преимущество при продвижении по вертикали власти. Это объяснялось тем, что Польская рабочая партия и администрация ощущали недостаток необходимых, подготовленных ими кадров и рассматривали польских евреев, прибывавших из СССР, как свою возможную опору. Отношение же ППР к собственно польской интеллигенции было довольно сложным: она сильно пострадала во время войны, ее лучшие кадры были уничтожены, а к тем, которые остались живы, новые партийные власти зачастую испытывали недоверие. Открытая поддержка еврейским населением новой власти, как это происходило в Нижней Силезии на праздновании 1 мая 1945 г., усиливало неприязненное отношение оппозиционно настроенных польских общественных слоев в регионе к евреям. В то же время сами власти оказывались в сложной ситуации, пытаясь стереть со строившегося в стране режима клеймо "жидокоммуны".

Нарастание напряженности в экономических отношениях на Западных землях, опасение за собственную безопасность вызвали с середины 1946 г. рост эмиграции еврейского населения региона. Таким образом, общие тенденции, характерные для первого послевоенного этапа жизнедеятельности польского еврейства, неуклонно распространялись и на Нижнюю Силезию.

Учитывая рост эмиграции евреев с лета 1946 г. (так называемую "волну после келецкого погрома"), в том числе и с Западных земель, можно рассматривать "силезский эксперимент" по размещению еврейского населения в отдельно взятом регионе как неудачу. В его ходе властям не удалось изолировать евреев от негативных явлений, характеризовавших отношение к ним польского общества.

В этих условиях лидеры еврейской общественности потребовали от правительства принятия декрета, направленного против антисемитизма и расизма. Казалось, что после келецкого погрома принятие этого декрета является вопросом времени. Однако в правительстве и партии победила точка зрения, что не следует "раздувать" этот вопрос, поскольку не только евреи оказались жертвами противников новой власти. Кроме того, высказывалось опасение, что принятие декрета может затруднить проведение агитации в польском обществе в период подготовки выборов в Сейм в 1947 г.[52]

Среди еврейского населения беспокойство вызывала также тенденция превращения Польши в моноэтническое польское государство, которая, как говорилось выше, начала проявляться сразу после освобождения страны. В 1945 г. опасения по этому поводу встречались у еврейских деятелей, организационно связанных с ППР.

inslav

Таким образом, свобода и даже поддержка еврейской эмиграции — это было единственное обещание новой власти, которое реализовывалось на практике в полной мере. В целом же политика правительства в еврейском вопросе в 1945—1947 гг. характеризовалась прагматическими соображениями: с одной стороны, стремлением избежать трений в польско-еврейских отношениях в стране, а с другой — сохранением элементов общественно-культурной еврейской автономии, провозглашением деклараций о намерениях в решении еврейского вопроса (равноправие, возвращение собственности, борьба с антисемитизмом), что было рассчитано на умиротворение общественного мнения за рубежом.

Во внутренней политике польские власти пытались, как уже сказано, избавиться от ярлыка "жидокоммуны", заручиться поддержкой польского общества и поэтому — с течением времени — все больше отказывались от реального воплощения в жизни провозглашенных ими же в 1944—1945 гг. деклараций по "еврейскому вопросу". В этих условиях политика ППР, поощрение эмиграции евреев, стремление потушить один из очагов политических противоречий, раздиравших польское общество, и намерения сюзерена Польши — СССР, сомкнулись.

Концепция Москвы в отношении польского еврейства вызрела не сразу. Дав разрешение на репатриацию в Польшу большей части польского еврейства, советское руководство, по-видимому, рассчитывало на то, что часть еврейского населения останется в стране и с помощью ЦК ЕП поможет строить там "новую жизнь". Напряженность, возникшая в Польше в результате прибытия большой массы еврейских репатриантов, осложняла упрочение в стране просоветского режима и заставляла Москву снисходительно относиться к возникшей эмиграции, особенно в Палестину. Отсутствие доступа к необходимым советским документам не дает возможности предположить, какие планы в отношении польского еврейства, прибывавшего в Палестину, которая до 1948 г. являлась подмандатной территорией Великобритании, имел Советский Союз в 1945—1946 гг. Польские документы свидетельствуют о том, что если эти планы и существовали, они носили довольно неясный характер или же советская сторона не желала знакомить с ними своего польского партнера. Однако с осознанием неизбежности ухода Великобритании из региона Ближнего Востока Советский Союз начал усматривать в создании еврейского государства возможность укрепления своих позиций в этом регионе. Восточноевропейское, и в первую очередь польское, еврейство рассматривалось Москвой в качестве наиболее предпочтительного — с политической точки зрения — субстрата для

inslav

построения Израиля. Вскоре оказалось, что образованное 14 мая 1948 г. еврейское государство стало проводить независимую от Советского Союза внешнюю политику. Для СССР и его союзников это послужило сигналом к изменению внешнеполитического курса и его переориентации на поддержку арабской стороны в конфликте с Израилем.

* * *

Результатом политики построения мононационального государства в Польше явились массовые переселения и депортации национальных меньшинств. Кроме украинцев, о которых говорилось в главе, депортации в 1944 — 1948 гг. подлежали также немцы и белорусы. После депортаций украинское население Польши уменьшилось в 1947 г. до 200 — 300 тыс. человек. От белорусского населения, насчитывавшего от 1 до 2 млн человек в 1944 г., в стране осталось немногим более 100 тыс. По окончании депортаций оставшаяся в Польше группа немецкого населения продолжала постоянно сокращаться в результате продолжавшихся отъездов немцев в Германию. Таким образом, многонациональная межвоенная Польша превратилась к 1947 г. в страну, где проживали исключительно поляки и имелось незначительное вкрапление национальных меньшинств. Проблема национальных меньшинств потеряла свое значение, и они официально исчезли из общественно-политической жизни государства. В отношении оставшихся в стране национальных меньшинств польское государство проводило политику ассимиляции. Однако на всех этапах переживавшихся страной кризисов, в 1956, 1968 и 1980-х годов этнические проблемы были их существенным элементом, что свидетельствует о том, что эти проблемы продолжают оставаться составной частью национального сознания поляков.

[1] Цит. по: *Kersten K.* Polska — państwo narodowe. Dylematy i rzeczywistość // Narody. Jak powstały i jak wybijały się na niepodległość. W-wa, 1992. S. 493.

[2] Ibid. S. 474.

[3] Armia Krajowa w documentach. L., 1981. T. III. S. 221.

[4] Polska Partia Robotnicza. Documenty programowe. 1942 — 1948. W-wa, 1984.

[5] Ibid. S. 121, 148.

[6] *Kersten K.* Przemiany struktury narodowościowej Polski po II wojnie światowej // Kwartalnik historyczny. № 2 — 5. S. 348.

[7] Glos Ludu. 1946.

[8] Deportacji. Zachidni zemli Ukrajiny kincia 30-tych — poczatku 50-tych rr. / Documenty, materialy, spohady. Lwiw, 1996. T. I. S. 271 — 272.

inslav

[9] *Chojnowska A.* Operacja "Wisla" // Zeszyty historyczne. Instytut literacki. Zeshyt 102. Paryż, 1992. S. 11.

[10] *Drozd R.* Ukraińcy w Polsce // Mniejszości narodowe w Polsce. W-wa, 1998. S. 183.

[11] *Kertsen K.* Przemiany struktury narodowościowej... S. 357.

[12] *Drozd R.* Ukraińcy w Polsce. S. 181.

[13] *Szcześniak A.B., Szota W.Z.* Droga do nikąd. Działalność Organizacji Ukraińskich Nacjonalistów i jej likwidacja w Polsce. W-wa, 1973. S. 223.

[14] Poczta // Karta. 1991. № 3. S. 151.

[15] Ibid.

[16] *Siwicki M.* Dzieje Konfliktów polsko-ukraińskich. W-wa, 1994. T. III. S. 315—319, 332—347.

[17] *Szczesniak A.B., Szota W.Z.* Droga... S. 223.

[18] См.: *Prus E.* Atamania UPA. Tragedia Kresow. W-wa, 1988. S. 302.

[19] См.: Ibid.

[20] *Drozd R.* Ukraińcy w Polsce. S. 188.

[21] *Skrzynecki P.* Wysiedlenie ludności ukraińskiej z Polski w latach 1944—1946. W-wa, 1988. S. 31.

[22] *Drozd R.* Ukraińcy w Polsce. S. 191.

[23] *Tomaszewski J.* Niepodległa Rzeczpospolita // Najnowsze dzieje Żydów w Polsce w zarysie (do 1950). W-wa, 1993. S. 153.

[24] *Hurwic-Nowakowska J.* Żydzi Polscy (1947—1950). W-wa, 1996. S. XVIII.

[25] Manifest PKWN // Załącznik do Dziejów Ustaw RP. 1944. № 1. S. 2.

[26] Цит. по: *Grabski A.* Kształtowanie się pierwotnego programu żydowskich komunistów w Polsce po Holokaustie // Studia z historii żydów w Polsce po 1945 roku. W-wa, 2000. S. 70.

[27] Ibid. S. 73.

[28] Ostatni spór Gomułki ze Stalinem. Nieznana korespondencja z 1948 r. / Opr. A. Werblan // Dziś. 1993. № 6. S. 108.

[29] Ibid.

[30] АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 28. П. 200. Д. 86. Л. 2.

[31] *Adelson J.* W Polsce zwanej Ludową // Najnowsze dzieje żydów w Polsce. W-wa, 1993. S. 426.

[32] *Cala A.* Mniejszość żydowska // Mniejszości narodowe w Polsce. W-wa, 1998. S. 249.

[33] *Grynberg M.* Żydowska spółdzielczość pracy w latach 1945—1949. W-wa, 1986. S. 17.

[34] Ibid. S. 20.

[35] *Stankowski A.* Nowe spójrzenie na statystyki dotyczące emigracji Żydów z Polski po 1944 // Studia z historii żydów... S. 108—109.

[36] *Hurwic-Nowakowsca I.* Żydzi Polscy (1947—1950). W-wa, 1996. S. XVIII—XXVI.

[37] Ibid.

[38] *Stankowski A.* Nowe spójrzenie... S. 109.

[39] *Adelson J.* W Polsce zwanej Ludową. S. 414.

[40] Ibid.

[41] *Pisarski M.* W nowej Polsce // Karta. 1996. № 18. S. 112.

[42] Цит. по: *Kersten K.* Polacy. Żydzi. Kommunism. Anatomia półprawd. 1939—1968. W-wa, 1992. S. 154.

[43] *Blus-Węgrowska D.* Atmosfera pogromowa // Karta. 1996. № 18. S. 88—90.

[44] *Cala A.* Mniejszość żydowska. S. 250.

inslav

[45] *Adelson J.* W Polsce zwanej Ludową. S. 246.

[46] *Shaynok B.* Początki osadnictwa żydowskiego na Dolnym Śląsku po II wojnie światowej (maj 1945-styczeń 1946) // Biuletyn Żydowskiego Instytutu historycznego. № 4/1994-№ 2/1995. S. 45–46.

[47] *Adelson J.* W Polsce zwanej Ludową. S. 392.

[48] Ibid.

[49] *Shaynok B.* Początki osadnictwa żydowskiego... S. 48.

[50] *Adelson J.* W Polsce zwanej Ludową. S. 399.

[51] *Blus-Węgrowska D.* Atmosfera pogromowa // Karta. 1996. N 18. S. 97.

[52] *Pisarski M.* W nowej Polsce. S. 114.

inslav

Глава 8

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В ПОЛЬШЕ

Поляки после второй мировой войны

Польский народ проиграл вторую мировую войну, хотя его военный вклад в победу над нацистской Германией был одним из самых серьезных. Поляки имели самое многочисленное движение Сопротивления. Их военные подразделения, сражавшиеся на Западном фронте, были значительно крупнее, чем французские части. Польские вооруженные силы в составе двух армейских объединений являлись наиболее крупным несоветским формированием на Восточном фронте. Все эти факторы не были использованы в национальных интересах Польши. Столица Польши оказалась полностью разрушенной. Ликвидирован был и суверенитет польского государства. Погибли шесть миллионов польских граждан. Немецкие и советские (1939 — 1941 гг.) оккупанты проводили целенаправленную политику уничтожения польских общественных элит. К этому следует добавить потерю многовековых польских центров культуры к востоку от Буга. Польша после второй мировой войны из суверенной страны превратилась в государство, полностью подчиненное Москве.

Польское общество находилось в состоянии полного распада. Довоенные общественные элиты перестали играть какую-либо роль: их представители либо погибли, либо находились в эмиграции, в ссылке, либо скрывали свое прежнее общественное положение, либо были деклассированны[1]. Кроме того, проигрыш военной кампании 1939 г., а также разгром Варшавского восстания 1944 г. привели к потере после войны бывшими эмигрантами всякого общественного авторитета. Политические элиты, а также руководящие и в значительной степени интеллектуальные слои, утратив прежние позиции, перестали тем самым выполнять роль созидателя и охранителя общественных норм.

Потеря территорий на востоке, необходимость заселения Поморья и Щленска, утрата населением собственного имущества, возвращение польских граждан из эмиграции и административные меры являлись главными причинами послевоенных радикальных территориальных переселений поляков. В 1944 — 1950 гг. около трети из них изменили свое место

inslav

проживание. Часто это означало, что переселенцы оказывались в совершенно ином культурном пространстве. Потеря малой родины этим поколением не означала приобретения им новой родины. Трудности, связанные с адаптацией, усугублялись также полной сменой ранее исповедовавшихся ценностей. Интенсивная индоктринация и пропаганда, проводимые новой властью в Польше, рисовали такой образ мира, который совершенно отличался от ранее признанных ценностей и от индивидуального мироощущения. К этому следует добавить и массовый террор, который осуществлялся как советскими властями — в виде лагерей для солдат Армии Крайовой (АК), депортаций в СССР[2], так и польским министерством государственной безопасности, а также организацией Военная информация (одно из подразделений упомянутого министерства).

В послевоенный период у огромной части поляков оказалось как бы ампутировано ощущение собственного государства и малой родины. Для них перестали быть обязательными и соблюдение социальной иерархии, и сохранение ценностей гражданского общества. Важнейшим для поляков стало обеспечение гарантий безопасности, а также забота о завтрашнем дне. Поляки перестали быть народом и превратились в этническую массу, объединенную общностью языка и существования и вегетативными потребностями.

Отношение поляков к немцам

Отмеченные выше факторы, а также глубокое ощущение угнетенности, в котором пребывал польский народ, должны были вызвать бурную реакцию против представителей народа, представлявшего недавних оккупантов. Немцам, которые остались проживать на территориях на восток от Одры и Нисы Лужицкой, предписывалось носить на рукавах специальные повязки, которые должны были обозначать их национальную принадлежность[3]. Немцы направлялись на принудительные общественные работы, их женщины нередко подвергались насилию, а имущество разграблению.

В стране в массовом порядке были организованы концентрационные лагеря. Проведенные исследования дают возможность предположить, что лагерей, в которых размещали немцев, было около 250, хотя существуют также и другие данные, указывающие на наличие на северных и западных землях 681 лагеря и 227 тюрем[4]. В начальный период лагеря по собственной инициативе создавали как местные милицейские власти, так и органы центрального силового аппарата (министерство

inslav

общественной безопасности). В них направлялась бóльшая часть немцев, находившихся в фольклистах*. К наиболее известным относился лагерь в Ламбиновицах на Ополье, где 4 октября 1945 г. было застрелено свыше 40 человек[5]. Недоброй славой пользовался трудовой лагерь в Швентохловицах-Згодже. Его комендантом был Соломон Морель, против которого власти Третьей Польской республики выдвинули обвинение в геноциде[6]. Менее известен Центральный трудовой лагерь в Потулицах, располагавшийся недалеко от Быдгощи, где убийства и насилия, творимые стражниками, а также голодные продовольственные пайки и отсутствие гигиены привели к гибели — по приблизительным данным различных источников — от 4,4 до 12 тыс. немцев[7]. Похожие лагеря существовали во всех крупных и во многих малых городах[8].

Однако установить точное число немцев, умерших в польских лагерях и тюрьмах нет возможности. В документации, имеющейся в немецком центре Ost-Documentatium, говорится о 60 тыс. погибших немцев. Вместе с тем, согласно данным немецкого Красного Креста, число немцев, скончавшихся в лагерях в Польше, достигает 27 847 человек[9].

Особой проблемой являются убийства гражданского немецкого населения. В настоящее время мы располагаем только результатами монографических исследований, которые касаются отдельных местностей. Так, например, в многотысячном Александрове Куявском начальник милиции (занимавшийся до войны кражей угля из железнодорожных вагонов) основал лагерь, в котором с февраля по ноябрь 1945 г. уничтожил практически всю содержавшуюся там группу в сто немцев, оставшихся после ухода вермахта[10]. Постепенно появляются свидетельства о массовых убийствах работниками местной польской милиции и сотрудниками органов внутренних дел немецкого населения также в других городках западной части бывшего Генерал-губернаторства[11]. Выяснение охвата территорий, на которых имели место расправы с немцами в первые послевоенные месяцы, также должно привлечь внимание исследователей.

Выселение немецкого населения (называемое немцами "изгнанием", в то время как в ПНР утвердившимся термином являлось "выселение") происходило в несколько этапов. Первый из них — это стихийные депортации, организованные военными властями и администрацией в период между окончанием военных действий и принятием соответствующих решений на Потсдамской конференции. Этими депортациями бы-

* Списки лиц немецкой национальности — граждан межвоенной Польши, подлежавших выселению из страны.

inslav

ли охвачены приблизительно 350 — 450 тыс. человек[12]. Второй этап выселения немцев происходил до конца 1945 г. С февраля 1946 до конца 1947 г. выселение носило организованный характер, хотя это не означало отсутствия в ходе него проявлений бесчеловечного отношения к выдворяемым немцам[13]. В литературе по данному вопросу обычно приводится заниженное число лиц, приходившихся на один железнодорожный транспорт. При сопоставлении эшелонов с немцами, выселенными из Поморского воеводства (1946 г.), выясняется, что самый малочисленный из них насчитывал 1527 человек, а наиболее крупный — 2508[14]. Приняв за отправную точку то, что один железнодорожный состав мог насчитывать 40 товарных вагонов, можно сказать, что на один вагон приходилось приблизительно от 40 до 60 и более человек, преимущественно стариков, женщин и детей. Переселенцы имели право взять с собой до 20 кг багажа на человека и питание на 20 дней[15]. Не вызывает сомнения, что это правило не считалось обязательным для соблюдения со стороны властей, организовавших переселение.

С 1948 г. отъезд немцев из Польши происходил на индивидуальной основе. Однако, как и прежде, их перевозили в товарных вагонах, хотя они уже не были столь многочисленными, как раньше. В тот период было выслано согласно польско-советскому договору 3 тыс. шахтеров, которые требовались властям восточной оккупационной зоны в Германии, хотя перед этим они были вычеркнуты из списков на выселение, так как были нужны для работы на польских шахтах.

По существующим оценкам, в Германию было депортировано в целом около 3,6 млн человек[16]. Общее число немцев, погибших во время депортации в СССР, убитых польскими и советскими солдатами, умерших в лагерях и по дороге к месту высылки, — оценивается в 400 тыс. человек.

В 1950 г. в западных и северных землях Польши осталось около 1 071 900 немцев, чаще всего признававших себя поляками. Однако продолжало также существовать и значительное немецкое меньшинство. По некоторым данным, число немцев, пребывавших в Польше в 1950 г., достигало 300 тыс. человек[17]. Большая часть из них покинула страну в связи с акцией по воссоединению семей в 50-е и в 70-е годы XX в.

Массовые убийства немецкого гражданского населения (оно зачастую не бежало от Красной Армии, так как не враждовало со своими польскими соседями и не чувствовало за собой какой-либо вины), насилия и грабежи являлись главным образом делом рук наиболее деморализованных лиц из числа поляков. Именно они с большей легкостью становились рядовыми сотрудниками аппарата насилия. Однако чувство огромной не-

inslav

нависти и проистекавшее отсюда согласие на дискриминацию немцев и лишение их элементарных прав было характерно для всего польского общества в тот период. Повсеместно было распространено настроение удовлетворения от унижения недавних оккупантов. Характерен пример Станислава Оссовского, одного из выдающихся польских социологов, на которого смотрели, как на образец гуманиста и пример честности ученого. В 1945 г. он с удовлетворением писал: "Покорный Herrenvolk разбирает развалины и обслуживает польских пришельцев"[18]. Встречались также отдельные случаи иного отношения к немцам. В Гданьске, где отличались активностью значительные группы немцев, которые не чувствовали себя гражданами "третьего рейха", они пробовали в 1945 г. при поддержке воеводского комитета ППС организовать партийную ячейку Коммунистической партии Германии (КПГ), а также антифашистскую группу. Однако обе эти инициативы встретили решительный отпор руководства ППР и ППС[19].

Украинская проблема

Чаще всего отношение поляков к украинцам, проживавшим в послевоенной Польше, связывается с акцией "Висла". В то же время депортация украинского населения в СССР в 1944—1946 гг. была более важной акцией. Договор об "обмене населением" между Польским Комитетом национального освобождения (ПКНО) и советскими властями от 9 сентября 1944 г. предполагал соблюдение добровольности при отъезде украинцев с их малой родины. Однако в тот момент , когда число отъезжающих украинцев резко уменьшилось, власти начали использовать физическое принуждение для достижения своих целей. Подразделения Корпуса внутренней безопасности (например, 2-й Отдельный оперативный батальон), тридцать четыре полка пехоты, тридцать шесть отрядов пограничных войск занимались усмирением украинских деревень, убивали жителей, порою сжигая их заживо. Принуждение и террор, которые использовали воинские подразделения, заставили покинуть Польшу более половины из 500 тыс. украинцев. В 1944—1946 гг. была проведена не репатриация, а депортация украинцев из Польши[20].

Характерно, что в донесениях военного руководства, отправлявшихся в ходе акции по выселению, отмечалось отсутствие взаимодействия с армией со стороны польского населения. Поляки не хотели выдавать своих соседей-украинцев, проживавших в деревнях по подложным документам или же без необходимой регистрации. Польской администрации на местах удавалось также издавать такие предписания и распоряжения, кото-

inslav

рые вынуждали военные власти освобождать от выселения людей, уже сосредоточенных на сборных пунктах, а часто — и погруженных в вагоны[21].

В то же время были арестованы и выданы советским властям епископ и викарий Пшемысльской епархии греко-католической церкви; были также депортированы 300 священников этой церкви. В связи с тем, что указанная конфессия находилась под запретом в СССР, решение польских властей обрекало ее духовенство на верную смерть или же пожизненное пребывание в лагерях. Подобное решение должно было означать полный паралич деятельности этой церкви в Польше. Для того чтобы дать возможность греко-католической церкви сохраниться в стране, папа римский назначил примаса Польши ее главой. В СССР было выслано также православное духовенство и члены консистории Автокефальной православной церкви в Хелле.

Депортация украинцев не привела к достижению этнической однородности территорий их расселения. В конце 1946 г. на юго-востоке Польши продолжало проживать около 200 тыс. лиц украинской национальности. В этих условиях в польских руководящих кругах родилась концепция выселения украинцев с их родных земель на западные и северные территории Польши.

Официально данное решение мотивировалось необходимостью лишения отрядов Украинской повстанческой армии (УПА) их материальной базы. Кроме того, пропагандистски эта акция обосновывалась фактом убийства генерала Кароля Сверчевского. Созданная 28 апреля 1947 г. для решения задач переселения украинцев оперативная группа "Висла" до 15 августа, т.е. в течение трех с половиной месяцев, выселила 140 660 человек[22]. Переселения украинцев продолжались вплоть до 1952 г.; впрочем, в последний период они уже не носили регулярного характера. Согласно инструкции министерства безопасности Польши, украинцев должны были селить разрозненно, так чтобы они не создавали компактных групп и не превышали 10% от общего числа жителей деревни, куда их направляли. Также запрещалось размещать их в пятидесятикилометровой полосе от сухопутных границ и в тридцатикилометровой полосе от морских границ и от воеводских городов[23]. Этот приказ строго не выполнялся, в частности из-за существования огромных организационных проблем. Однако, как сама акция по выселению, так и способы размещения выселяемого населения, свидетельствуют о существовании четкого замысла по "распылению" украинцев по огромной территории и тем самым — по воспрепятствованию установления связей между ними. Зачем это делалось? Об этом прямо говорилось в инструкции министра воссоединенных земель от 10 ноября 1947 г.: «Основной целью пере-

inslav

селения поселенцев "В" ["Висла"] является их ассимиляция в новой польской среде... Не следует употреблять в отношении этих поселенцев определения "украинец". В случае попадания вместе с переселенцами на Воссоединенные земли интеллигентского элемента, его представителей следует несомненно размещать отдельно и вдалеке от сел, где живут поселенцы операции "Висла"»[24].

Планируемая властями утрата украинцами своей национальной идентичности не смогла проходить эффективно, в частности из-за распространявшегося официальной пропагандой негативного стереотипа украинца-бандита из УПА, что изолировало переселенцев от польских жителей. Многие годы существовала практика устранения украинцев с государственных должностей[25].

Тех лиц, которые подозревались в сотрудничестве с УПА, помещали в Центральном трудовом лагере в Явожне. Среди 3 874 заключенных украинцев насчитывалось 700 женщин и детей, 22 греко-католических и пять православных священников. В результате психических и физических истязаний, а также от недоедания, в лагере погибли не менее 161 человека[26], т.е. 4,16%. Приведенные выше цифры, а также оценки специалистов по этой проблематике, свидетельствуют, что при этом скорее всего отсутствовали случаи массового уничтожения людей.

Евреи и польский антисемитизм

До второй мировой войны, поляки по большей части были антисемитами. Особенно это проявлялось на польских территориях, аннексированных некогда Россией, наряду с классическими межэтническими противоречиями, как следствием сосуществования различных групп, быстро осознававших свою национальную идентичность. Здесь возникали также конфликты из-за насильственного расселения на этих территориях русифицированных и ксенофобски настроенных групп евреев, проживавших прежде на землях царской империи. К данным факторам следует добавить экономическую конкуренцию между еврейскими торговцами и ремесленниками, с одной стороны, и зарождавшимся польским средним классом — с другой. Однако для межвоенного периода был характерен именно антисемитизм преимущественно в области экономики и культуры. В стране в тот период не существовало ликвидаторского или, как его определяет Феликс Тых, "элиминаторского" антисемитизма[27], направленного на уничтожение евреев как народа.

inslav

Попытки немцев вызвать погромы еврейского населения на Пасху в Варшаве в 1940 г. не увенчались успехом. Однако уже в 1941 г., после начала советско-немецкой войны, ситуация изменилась. На территориях, незадолго до этого занятых вермахтом, по меньшей мере в нескольких белостоцких деревнях польское население уничтожило целые еврейские коллективы — своих соседей. Наиболее известным случаем является сожжение 10 июля 1941 г. практически всех еврейских жителей в местечке Едвабно[28].

После советских репрессий, жестокой и коварной ликвидации всех польских организаций, сельские общины на местах оказались лишенными каких-либо элит, всех тех личностей, которые до войны пользовались авторитетом на местном уровне. В тот период жители деревень оперировали понятиями исключительно на уровне этнического самосознания, что позволяло проводить различия только на уровне "свой—чужой", ориентируясь на основные культурные показатели: язык, религия и одежда.

Советская оккупация 1939—1941 гг. связывалась с понятием "жидокоммуны". Устойчивость этого стереотипа объяснялась не только этническим составом новой власти, но и воздействием националистической пропаганды, распространенной в межвоенный период, а также опытом взаимоотношений с евреями-литваками, которых еще царское правительство до первой мировой войны вынуждало покинуть центральные губернии России.

Убийцы евреев в Едвабно не были "обычными поляками": социальный состав этого коллектива, который сжег своих соседей, не являлся типичным для структуры польского общества того периода. Поэтому, основываясь на этом примере, нельзя приходить к тем же выводам, что Кристофер Броунинг и Даниэль Джонатан Голдхаген при исследовании уровня усиления элиминаторского антисемитизма среди так называемых "обычных немцев"[29].

Однако по отношению к послевоенной ситуации в Польше уже нельзя отрицать наличия этих тенденций. В 1945 г., весной, в стране сильно возросло число антиеврейских эксцессов. В июне 1945 г. в Жешове была сделана попытка произвести погром. 11 и 12 августа того же года дело дошло до погрома в Кракове. Большую роль при этом сыграл слух о якобы убитых евреями польских детях. Среди задержанных 145 человек, которые одновременно являлись и подозреваемыми в участии в погроме, было 40 милиционеров. 5 февраля 1946 г. партизанский отряд польской подпольной организации "Свобода и независимость" окружил местечко Парчев, где находились 200 евреев. Из них трое были убиты, один ранен и все

inslav

ограблены. 4 июля 1946 г. толпа жителей Кельц ворвалась в здание, где жили евреи: было убито или же смертельно ранено 42 человека[30]. Отсутствуют доказательства того, что погром в Кельцах был организован какой-либо антикоммунистической организацией, хотя пропаганда ППР обвиняла в нем так называемую реакцию. Это коллективно осудили как примас католической церкви в Польше Август Хлонд, так и оппозиционная по отношению к коммунистической ППР партия Польское Строництво Людове (ПСЛ). Вместе с тем, существуют многочисленные улики, указывающие на целенаправленные действия органов безопасности, а также офицеров НКВД, направленные на то, чтобы возбудить и сделать возможным возникновение погромов. Независимо от факта провокации, несомненным является то, что руководство ППР незамедлительно воспользовалось келецким погромом, чтобы отвлечь внимание мирового общественного мнения от фальсификации результатов референдума, проводившегося в Польше 30 июня 1946 г. Кроме того, перенесение всей вины за погром на антикоммунистические группировки должно было ослабить желание Запада помогать польской легальной оппозиции.

Однако же, чтобы провокация удалась, провокаторы должны были найти отклик у провоцируемых. Именно эти последние и были не только наиболее явными участниками, но и бессмысленными жертвами провокации. Характерным для многих поляков являлось не только ощущение угрозы со стороны новой власти (часто стереотипно она рассматривалась как "жидокоммуна"), но и отчетливое нежелание напоминать себе о времени второй мировой войны.

Из анализа массива послевоенных воспоминаний, которые провел Феликс Тых[31], вытекает, что у поляков в массовом порядке произошло "стирание" из сознания самого факта холокоста, а также поведения тех поляков, которые не содействовали спасению евреев. Одной из многочисленных причин этого могло быть участие поляков в разграблении еврейского имущества, оставленного жертвами холокоста. Появление после войны вновь в стране евреев, создание ими легальных организаций, возникновение внутриэтнических форм еврейской взаимопомощи вызывали в той ситуации не только ненависть, обусловленную привилегированным положением евреев среди новых оккупантов, но также и агрессию со стороны тех поляков, которые не хотели возрождать кошмаров своей совести.

Все доступные нам материалы свидетельствуют о том, что погромщиками являлись молодые и среднего возраста мужчины и женщины — рабочие, крестьяне и ремесленники, кото-

inslav

рые, как правило, имели образование на уровне нескольких классов начальной школы.

Кроме того, активные проявления антисемитизма были характерны для людей, происходивших из народа, и не были типичны для людей образованных, принадлежавших к высшим польским слоям. Послевоенный антисемитизм не носил экономического характера: с 1948 г. в стране отсутствовала частная торговля, ремесло в значительной степени было подчинено государству. Также вряд ли можно говорить и о культурном антисемитизме, так как во время второй мировой войны в массовом порядке происходила "маранизация"** евреев в стране, что было связано с их приспособлением к окружающим условиям и выражалось в принятии польских имен и фамилий, обычаев, отказа от ношения еврейской одежды, демонстрации своих религиозных убеждений и т.д.

Оставалась, таким образом, невротическая реакция части поляков, являвшаяся выражением бессильной агрессии. Это происходило в условиях, когда какие-либо возможности избавиться от советских войск отсутствовали, а с 1947 г. — времени бегства Станислава Миколайчика из Польши — не существовало никакой сколько-нибудь реалистической программы по возвращению Польшей суверенитета. Впрочем, для многих поляков и программа ПСЛ — сохранение хотя бы небольших остатков польской независимости от Кремля — казалась нереальной. В этой ситуации поиск квазиврага, т.е. фигуры, ответственной за безнадежную ситуацию Польши, стал способом возвращения ощущения собственного достоинства. Можно только согласиться с утверждением Кристины Керстен: "В первые годы власти коммунистов не столько еврей был врагом, сколько враг был евреем"[32]. Каждый из тех, на кого можно было возложить ответственность за плохое положение в стране, за неудачи и провалы, становился евреем. Таким образом, появлялась фигура персонифицированного врага, который был ответственен за все зло, творимое в стране. Так, пишет Керстен, появился специфический вид антисемитизма без евреев. И хотя в 1945—1946 гг. среди значительной части низших социальных слоев существовала явная склонность к элиминаторскому антисемитизму, но и тогда, и позднее существовала тенденция подхода к евреям как к объективным врагам.

** От "марраны" (*исп.*) — евреи, вынужденные принять католицизм и таким образом приспособиться к окружению перед лицом преследований в Испании и Португалии в XV—XVI вв.

inslav

Отношение поляков к остальным национальным меньшинствам

В границах послевоенной Польши, установленных на Постдамской конференции и непосредственно советско-польским договором, оказались кроме немцев, украинцев и евреев также и другие национальные меньшинства. Это были прежде всего белорусы, которые населяли главным образом Белостоцкое воеводство. Тогда они не обладали достаточно сильным национальным самосознанием, и поэтому кроме трений на местном уровне (как это было в Супрашле), объясняемых религиозными различиями между православием и католицизмом, отсутствовало основание для создания на общепольском уровне негативных стереотипов в отношении белорусов. Для белорусского населения была характерна очень высокая степень подчиненности по отношению к новой власти. Белорусы во много раз чаще, чем поляки, вступали в ППР[33]. Белорусы рассматривали получение даже низких должностей в органах новой власти как бесспорное общественное достижение, так как считали польский язык проявлением более высокой культуры, а также по причине того, что национальная самоидентификация у них отсутствовала, а защита собственных интересов происходила исключительно по линии индивида и семьи.

До начала 60-х годов по Польше кочевали цыганские таборы. В период нацистской оккупации, согласно нюрнбергским законам, они как "чуждый", с расовой точки зрения, элемент подчинялись, подобно евреям, особым правилам. В Освенциме существовал специальный лагерь для цыган. Однако следы каких-либо острых конфликтов между поляками и цыганами в первые послевоенные годы отсутствуют. Несмотря на это, до настоящего времени продолжает сохраняться большая культурная дистанция между "гаджами" (так "ромы" называют чужих) и цыганами (обиходное наименование "ромов")[34]. Термин "цыганство" подразумевает обман, кражу, "надувательство", попытку продавать низкопробные товары или же занятие гаданием.

Остальные этнические группы (караимы, татары, чехи и т.д.) находились в ведении и в поле правового регулирования местной администрации. Эти народы, много веков проживавшие в Польше, были немногочисленными и в общем не привлекали внимания рядовых поляков. Особой проблемой, которая требует отдельного исследования, является отношение поляков к русским, или шире — к солдатам Красной Армии после второй мировой войны.

inslav

Национальный вопрос и становление тоталитарной системы в Польше

Стереотип "свой—чужой" является одной из основных черт человеческого сознания, дающей возможность формирования групповой идентичности. Его крайней формой является противопоставление своих всем другим, что в отдельных условиях может быть одним из способов выживания. Подобный образ мышления характерен для родоплеменных групп, которые, живя в диаспоре, вынуждены для своей сохранности симбиотически сосуществовать с другими этническими группами. В связи с этим появляются такие общие для всех "чужих" определения, как, например, "гой" или "гаджи".

Только появление тенденций к интеллектуальной контраккультурации и, как следствие, придание этому процессу программного, упорядоченного определенным образом характера, ведут к развитию тоталитарного мышления, которое можно (вслед за Аланом Безансоном и Эриком Вегелином) назвать тоталитарной политической гностикой[35]. Она характеризуется резким, полярным противопоставлением двух миров: с одной стороны — правды, справедливости и счастья, а с другой — фальши, эксплуатации и несчастья. Те, кто не желают присоединиться к первому лагерю или же чья деятельность, в том числе и потенциальная, независимо от их намерений, становятся помехой на пути замыслов лидеров лагеря прогресса и счастья человечества, превращаются для них в объективных врагов. Чем шире будет распространена точка зрения о существовании объективных врагов и чем сильнее она станет воздействовать на другие элементы общественного мышления, тем легче будет утверждение в обществе тоталитарных структур.

Из приведенного выше, по необходимости краткого, обзора отношения поляков к национальным меньшинствам нельзя сделать однозначных выводов. Враждебность к народу — немцам, которые на протяжении почти шести лет оккупировали и уничтожали Польшу, которые активно участвовали или же безучастно позволяли осуществлять геноцид не только евреев и цыган, но и поляков, — эта враждебность должна была быть огромной. Месть со стороны бывших жертв[36] должна была наступить. Ничего удивительного, что в польском обществе повсеместно одобрялись уничтожение и дискриминация тех людей, которые принадлежали еще за несколько месяцев до того к привилегированному народу. Также негласно, но повсеместно существовало согласие на разграбление имущества, оставленного немцами (или же продолжавшего находиться в их владении). Не удивительно, что именно в тот период появились новые слова: "шабер" (мародерство) и "шабровницы" (мародеры) — для

inslav

определения понятий разграбления немецкого имущества и занимавшихся этим лиц.

Польским обществом одобрялось также выселение немецкого населения, особенно после того, как на это было получено согласие великих держав. В тот период никто не стремился вникнуть в вопрос об условиях, в которых происходила депортация немцев в оккупационные зоны Германии, и еще многие годы после войны не делалось попыток затронуть эту проблему в исторических исследованиях[37], хотя даже элементарный анализ источников давал представление о позорном ходе и условиях, при которых происходили сами выселения.

Положение изменилось в последние годы. Ряд работ польских историков (не только молодого поколения) свидетельствует не только об отказе исследователей от оков самоцензуры, но и о сломе многих из существовавших прежде стереотипов. В свою очередь, ряд фактов указывает на наличие сильных добрососедских связей между поляками и местным населением даже в трудные послевоенные годы. Эти факты опровергают утвердившееся представление о якобы врожденной враждебности поляков по отношению к другим народам.

В позиции поляков по отношению к другим народам в первые послевоенные годы можно выделить три подхода, три позиции разных групп. Первой, наименее многочисленной, являлась группа, которую представляли поляки (а временами, евреи — бывшие узники концлагерей, а также солдаты Красной Армии), которые одобряли применявшиеся властями методы кровавого террора. Чаще всего это касалось фактов убийства безоружного гражданского немецкого населения. К этой группе обычно принадлежали рядовые сотрудники милиции и органов безопасности люмпен-пролетарского происхождения, которые были полностью деморализованы войной, не имели никаких нравственных устоев, были убеждены в своей безнаказанности и в абсолютной и никем неконтролируемой власти над полулюдьми-немцами. В сентябре 1945 г. аппарат органов безопасности насчитывал 28 тыс. человек[38]. Сюда включались также сотрудники органов милиции и Корпуса внутренней безопасности (30 тыс.)[39], значительная часть деятелей ППР и тому подобные социальные слои, т.е. группа, насчитывавшая не более нескольких сот тысяч человек, способных на действия по стереотипу существования в обществе объективного врага.

Так как одновременно с приходом коммунистов к власти в Польше начался сильный процесс индоктринации, согласно которой демократия идентифицировалась со странами-победительницами в войне, а фашизм — с теми, кто им противостоял, то стало возможным не только перенесение значения этих по-

inslav

нятий на другие явления, но и создание нового, семантически измененного, понятия врага. Врагом становился не только фашист, которого соотносили с немцем, но и все реакционные силы, все, кто сопротивлялся прогрессу, достижения которого начали отождествлять с Коммунистической партией.

Таким образом, стало возможным толкование категории врага, оправдывавшее и одновременно делавшее возможным террор по отношению к тем, кто находился в оппозиции к системе, создавшейся в стране. Люди, принимавшие эту трактовку и верившие в существование подобной фигуры врага, могли участвовать не только в антиеврейских погромах или в "ликвидации банд Вервольф" (как именовались убийства немцев), но также мучить и убивать поляков. Невозможно утверждать без конкретных и точных исследований, насколько подобного рода позиция была распространена в обществе после второй мировой войны. Однако факт отсутствия желающих — даже среди активистов Союза польской молодежи — использовать террор в отношении крестьян, которые не хотели вступать в кооперативы сразу же после 1948 г., свидетельствует о том, что фундаменталистская позиция в вопросе о "врагах" не была повсеместной — даже среди наиболее преданных новой системе людей. В то же время можно предполагать, что более всего эта позиция была свойственна самой деморализованной части люмпен-пролетариата, т.е. тому его сегменту, который какими-либо моральными нормами или кодексом поведения не руководствовался. При новой власти участие таких людей в органах насилия позволяло им действовать безнаказанно и вести себя так же, как они привыкли это делать до и во время войны.

Вторая позиция в отношении других народов, которая была распространена после войны в среде поляков, характеризовалась тем, что к этим народам относились как к чужакам, но без стремления к их уничтожению. Это было признание факта существования других народов, но при условии, чтобы их не было в "нашем" польском государстве. Принятие концепции моноэтнического польского государства означало согласие с изгнанием украинцев в СССР, отъездом евреев в Палестину и одобрение политики ассимиляции национальных меньшинств. Подобная позиция ксенофобского национализма, поддерживаемая властями, вынуждала ее сторонников терпеть или принять коммунистическую систему, которая способна была ликвидировать угрозу со стороны "чужаков", и делала невозможным существование каких-либо форм сопротивления системе. Однако, если позиция фундаменталистской враждебности к другим народам (о которой говорилось выше), требовала безграничной лояльности от своих адептов, то во втором случае возможен был как отказ от участия в структурах коммунистической системы, так и дистан-

inslav

цирование от выполняемых в ней общественных ролей. Таким образом, наличие ксенофобского национализма, упрощая утверждение коммунистов у власти, мешало полному использованию всех ее механизмов. Существование до второй мировой войны сильного национализма в стране, так же как и наличие травматического опыта самой войны, дают возможность предположить, что позицию ксенофобского национализма сразу после войны могло разделять большинство поляков.

Сравнительно малочисленной в рассматриваемые годы была третья группа поляков, во взглядах которых идеологические, христианские, общечеловеческие и любые иные подходы преобладали над националистическими. Оттеснение национализма на второстепенное место в иерархии исповедуемых этой группой ценностей означало, как минимум, то, что он приобретал более умеренные формы. Этим объяснялись и случаи защиты немцев от функционеров, ликвидировавших "банды Вервольф", факты противостояния на местах погромной атмосфере, отмеченные в ряде случаев, и т.д.

Надо отметить, что жажда мести в среде жертв-поляков со временем снизилась, они начали смотреть на другие народы не как на украинцев, немцев или евреев, а как на соседей, сотрудников на работе, туристов и т.д. Однако эти изменения происходили очень медленно и являлись скорее результатом смены поколений, нежели перестройки сознания военного поколения.

Наличие в польском обществе рассмотренных позиций по отношению к другим народам облегчили его вовлечение в тоталитарную систему, увеличили уровень ассимиляции к новому мышлению (коммунистической замены политической гностики). Но одновременно они позволяли не соблюдать полную лояльность к существовавшему в стране строю, не требовали безграничной преданности по отношению к новой системе со стороны личности. Предубежденное отношение к немцам и (в меньшей степени) к украинцам и евреям, облегчило коммунистам приход к власти в польском обществе, но благодаря сравнительно неглубокому проникновению в него крайних форм фундаменталистического элиминаторского национализма, новая система не смогла охватить все возможные области общественной жизни и все сферы общественного сознания.

[1] Сразу же после второй мировой войны имело хождение понятия bezeci (сокращение от польск.: byli ziemianie = *бывшие помещики*), применявшееся к людям, которые на основании радикальной и незаконной интерпретации постановления о сельскохозяйственной реформе потеряли не только свои земли, но и все имущество.

[2] См.: *Ślaski J., Skrobykow J.* Dzieje obozu NKWD dla żołnierzy AK. 1944 — 1945. W-wa, 1999.

inslav

[3] Как правило, приказы немцам относительно ношения специальных повязок на рукавах, которые обозначали их национальную принадлежность, исходили от местных властей. Чаще всего это было изображение свастики. См.: *Sudzinski R.* Ludność niemiecka w województwie pomorskim w latach 1945 – 1950. Jej liczebność, rozmieszczenie i zróżnicowanie // Problemy narodowościowe i wyznaniowe na Pomorzu Nadwiślańskim i Kujawach w XX wieku. Toruń, 1997. S. 53 – 92.

[4] *Nitschke B.* Wysiedlenie ludności niemieckiej z Polski w latach 1945 – 1949. Zielona Góra. 1999. S. 87 – 90.

[5] Op. cit. S. 93.

[6] Op. cit. S. 96.

[7] В последнем случае речь идет о периоде с февраля 1945 по апрель 1949 г. См.: *Rusmus H.* Schattenjahre in Potulitz 1945. Schicksal in Polnischen Internierungslagern: Eine Dokumentation. Münster, 1995. S.189. Условия жизни в лагере также описывала Хельга Хирш. См.: *Hirsch H.* Die Rache der Opfer. Deutsche in polnischen Lagern, 1944 – 1950. B., 1988. Согласно последним данным, в лагере в Потулицах, а также в подведомственных ему лагерях в районе Рудак, в Торуни и Ленгнове около Быдгощи, по различным причинам умерли 4495 немцев. Эти данные включают первые месяцы 1945 г., когда этот лагерь подчинялся непосредственно советским властям.

[8] *Rusmus H.* Op. cit. S. 189; *Sudzinski R.* Op. cit. S. 59; *Sudzinski H.* Losy ludności niemieckiej na ziemiach dawnych i nowych po zakończenia II wojny światowej (na przykładzie Pomorza Nadwiślańskiego) // Stosunki narodowościowe i wyznaniowe na Pomorzu w XIX i XX w. T. 6. Toruń, 1998. S. 201 – 227.

[9] *Stankowski W.* Dla niemcow mielismy obozy // Gazeta Wyborcza. 2002. 6.XII.

[10] *Pytłakowski P.* Naprzykrzyło się grzebać // Polityka. 2001. T. 27. S. 78 – 81.

[11] См., например, свидетельства об убийстве немцев из Немавы над Вислой: *Rzeszotek R.* Kres ziemi ojczystej // Nowości. Gazeta Pomorza i Kujaw. 2001. 2.II.

[12] *Trosiak C.* Procesy kształtujący pogranicze polsko-niemieckie po II wojnie światowej. Poznań, 1999. S. 80.

[13] Современный польский историк Мацей Хейгер пишет: "Некоторые лица, используя возможности, которые открывались при исполнении ряда служебных обязанностей, нередко допускали грабежи вывозимой немецкой собственности, а также разбои, насилия и другие тяжелые преступления по отношению к выезжающему из страны населению. Отсутствие достаточной охраны при перевозке населения облегчало нападение бандитских групп, которые занимались грабежами вдоль железных дорог." См.: *Hejger M.* Polityka narodowościowa władz polskich w województwe gdańskim w latach 1945 – 1947 // Rocznik Gdański. 1994. T. 54. S. 30 – 31.

[14] *Hejger M.* Polityka narodowościowa władz polskich w województwe gdańskim w latach 1945 – 1947. Słupsk, 1998. S. 91; *Sudzinski R.* Op. cit. S. 77.

[15] *Matelski D.* Niemcy w Polsce w XX wieku. W-wa; Poznań, 1999. S. 227.

[16] Мательски приводит другое число депортированных немцев. См.: *Matelski D.* Niemcy w Polsce... S. 227 – 228. Однако анализ Бернадетт Нитшке выглядит более убедительным. См.: *Nitschke B.* Wysiedlenie czy wypędzienie? Ludność niemiecka w Polsce w latach 1945 – 1949. Toruń, 2001.

[17] *Nitschke B.* Wysiedlenie ludności niemieckiej z Polski w latach 1945 – 1949. Zielona Góra, 1999. S. 230 – 231.

[18] *Ossowski S.* Dziennik Stanisława Ossowskiego // Kwartalnik Opolski. N 3/4. 1995. S. 76.

inslav

[19] *Sudzinski R.* Losy ludności niemieckiej na ziemiach dawnych i nowych po zakończeniu II wojny światowej (na przykładzie Pomorza Nadwiślańskiego) // Stosunki narodowościowe i wyznaniowe na Pomorzu w XIX i XX w. Toruń, 1998. T. 6. S. 216; *Bäcker R.* Problematyka państwa w polskiej myśli socjalistycznej lat 1918—1948. Toruń, 1994. S. 36.

[20] Ukraińcy w Polsce. 1944—1989. Walka o tożsamośc (Dokumenty i materiały) / Oprac. Drozd R., Hałagida I. W-wa, 1999. P. 7—8.

[21] Ibid. P. 43.

[22] Среднее время переезда достигало 7—10 дней; в составах, направлявшихся в Гданьское воеводство, находилось от 199 до 559 человек, а также сельскохозяйственный скот — на 4 человека в среднем приходилась одна лошадь, а при лучшем раскладе — 1 корова и 1 овца. См.: *Hejger M.* Polityka narodowościowa... Slupsk, 1998. S. 218. Таким образом, по сравнению с выселением немцев это были в меру удобные составы, которые давали возможность восстановить по приезде элементарное животноводство и пережить первые месяцы.

[23] *Drozd R.* Droga na zachód. Osadnictwo ludności ukraińskiej na ziemiach zachodnich i północnych Polski w ramach akcji "Wisła". W-wa. 1997.

[24] Ukraińcy w Polsce. 1944—1989. S. 9.

[25] *Hejger M.* Polityka narodowośćiowa... Slupsk, 1998. S. 231.

[26] Ukraińcy w Polsce. 1944—1989. S. 10.

[27] *Tych F.* Długi cień zaglady. Szkice historyczne. W-wa, 1999. S. 159.

[28] *Gross J. T.* Sąsiedzi. Historia zagłady żydowskiego miasteczka. Sejny. 2000.

[29] *Tych F.* Długi cień zagłady. Szkice historyczne. W-wa, 1999.

[30] *Kersten K.* Pogrom żydów w Kielcach 4 lipca 1946 r. War-wa, 1996; *Szaynok B.* Pogrom żydów w Kielcach 4 lipca 1946 r. Wrocław, 1992; Zabić żyda. Kulisy i tajemnice pogromu kieleckego / Oprac. Wiącek T. Kraków, 1992. S. 138—139.

[31] *Tych F.* Długi cień zagłady. S. 9—54.

[32] *Kersten K.* Polacy. Żydzi. Komunizm. Anatomia półprawd 1939—1968. War-wa, 1992. S. 79.

[33] В мае 1945 г. в Белостоцком повете на 228 членов ППР приходилось 175 белорусов, т.е. около трех четвертей от всего состава партии. И это при том, что белорусы составляли лишь одну четвертую часть от всего населения в повете. См.: *Mironowicz E.* Białorusini w Polsce. 1944—1949. W-wa, 1993. S. 173.

[34] *Gerlich M. G.* The Gypsies or the Romany // Ethnic Minorities and Ethnic Majority: Sociological Studies of Ethnic Relations in Poland. Katowice, 1997. S. 257—270.

[35] *Bäcker R.* Gnoza polityczna systemu totalitarniego // Skryte oblicza systemu komunistycznego w Polse: U źródel zła. W-wa, 1997. S. 5—14. *Bäcker R.* Międzywojenny eurazjatyzm. Od intelektualnej kontrakulturacji do totalitaryzmu? Łódź, 2000.

[36] "Месть жертв" — это чрезвычайно меткое название книги Хельги Хирш (Helga Hirsch).

[37] *Banasiak St.* Przesiedlenie niemców z Polski w latach 1945—1950. Łodz, 1968.

[38] Среди них евреи составляли только 1,7%. См.: *Kersten K.* Polacy. Żydzi. Komunizm: Anatomia półprawd 1939—1968. W-wa., 1992. S. 83—84.

[39] *Paczkowski A.* Polacy pod obcą i własną przemocą // Czarna księga komunizmu. W-wa, 1999. S. 352.

inslav

Глава 9

ТРАНСИЛЬВАНСКИЙ ВОПРОС В ОТНОШЕНИЯХ ВЕНГРИИ И РУМЫНИИ В 1940-е ГОДЫ

Обширная историческая область в юго-западных предгорьях Карпат, Трансильвания со времен средневековья развивалась как многонациональное и поликонфессиональное по составу образование, представляя собой сложный конгломерат господствующих и непривилегированных этносов и религий. Усилиями в первую очередь немецких переселенцев (саксов) в ее наиболее значительных ремесленно-торговых поселениях, особенно юго-восточных — Херманнштадте и Кронштадте (совр. Сибиу и Брашов, Румыния), начиная с XIII в. формируется бюргерский урбанистический уклад, характерный для старинных среднеевропейских городов, чей внешний облик по сей день легко просматривается в застройке исторических центров Клужа, Брашова, Сибиу, отчасти и десятка других трансильванских городов. В государственно-политическом отношении в Трансильвании на протяжении многих веков едва ли не безраздельно господствовала венгерская аристократия. Более того, после сокрушительного поражения венгров от турок в 1526 г. и последовавшего за этим распада целостного королевства "св. Стефана" (Иштвана) мадьярская знать, почти беспрерывно управлявшая Трансильванским княжеством, пыталась превратить его в своего рода оплот венгерской государственности. Вплоть до начала XVIII в. (не без поддержки османов) это княжество успешно вело войны против Габсбургов. Позже оно интегрируется в Австрийскую империю, хотя и сохраняет некоторую автономию, со временем все более ограниченную. Лишь с преобразованием Габсбургской монархии в дуалистическую Австро-Венгрию в 1867 г. рудименты автономного управления окончательно исчезают. Вследствие соглашения Венгрии с домом Габсбургов Трансильвания на полвека становится неотъемлемой частью венгерского государства, чья политическая элита (за редкими исключениями) и слышать не хотела о какой-либо автономизации этого края. Между тем, такое требование не утрачивало своей актуальности, причиной чему были как длительная историческая традиция автономного существования Трансильвании, так и пестрота ее этнического состава. В самом деле, наряду с немцами (саксами-протестантами в соб-

inslav

ственно Трансильвании и швабами-католиками в прилегающей к ней с юго-запада, органически связанной с ней исторической области Банат), мадьярами и секлерами[1] в этом крае проживали румыны, составлявшие большинство населения[2] и в XVIII—XIX вв. все более активно заявлявшие свое право на полноценное национальное развитие, пусть даже в рамках сложившегося государственного образования — Габсбургской монархии[3].

В отечественной литературе последних лет усилиями такого авторитетного ученого, как Т.М. Исламов, была нарисована несколько идиллическая, на наш взгляд, картина межэтнических отношений в Трансильвании, в частности в XVI—XVIII вв. Согласно его версии, в течение столетий в этом крае царил "образцовый конфессиональный мир", нарушенный лишь в XIX в., в момент, когда "идеология национализма овладела умами национальных элит народов на востоке Европейского континента"[4]. В этой связи хотелось бы лишь заметить, что законы о веротерпимости, принятые в Трансильванском княжестве необычайно рано по общеевропейским меркам (первый еще в 1568 г.), по крайней мере вплоть до реформ австрийского императора Иосифа II (80-е годы XVIII в.) фактически не распространялись на православных румын. Этническая и религиозная дискриминация румынского этноса сохранялась и после йозефинистских реформ, что не могло не броситься в глаза одному из русских офицеров, побывавших в этом крае во время антивенгерской военной кампании 1849 г.: "Дакоромун, запертый в самые вершины ущелий, в отдаленные предместья города, смотрит с порога своей бедной греческой церкви на великолепные храмы и огромные дома немцев, венгерцев и секлеров и обдумывает планы своего запоздалого мщения. Тут вся история Трансильвании. В Кронштадте осязаешь ее"[5]. Впрочем, российскому очевидцу показались далекими от идиллических и отношения между привилегированными этносами: "Четыре описанные племени, столь разнородные, жили на таком тесном участке земли, чураясь друг друга. Несколько сот лет не могли их сблизить: сосед не узнал языка соседа, ни разу не породнился; один и тот же город называется каждым племенем по-своему. Такие отношения, естественно, породили недоверчивость, вражду, презрение или ненависть одного народа к другому"[6].

Страной поразительных контрастов описывает Трансильванию венгерский философ XX в. Б. Хамваш, попытавшийся выявить в истории этого края устойчивый и особый трансильванский "дух" (или, по его терминологии, "гений"): различия между кастами в Трансильвании "столь же велики, как между византийским императором и его подданными... Утонченный, многослойный мир, процветающий во дворцах и замках, среди

inslav

мебели, изготовленной из дорогой благородной древесины, среди ковров, шелков, драгоценностей, парчи, обильной еды и питья, эта изысканная жизнь резко, без всякого перехода отделена от жизни бедняка-крестьянина, угнетенного и огрубевшего, жителя лесов и гор, у которого на столе — не запеченный целиком... баран, а постная мамалыга, на теле — не бархат, а сермяга". В Трансильвании, продолжает Хамваш, между верхами и низами нет связующего социального звена — широкого и политически самостоятельного среднего слоя; богатство саксонских бюргеров устойчиво лишь при покровительстве высшей власти (в этом философ видит влияние византийских и османских традиций). "Общество Трансильвании — дезинтегрированное общество, с вызывающе выделяющимся высшим классом и с народом, который живет наподобие негров или малайцев, — замечает Хамваш, кстати, почти не акцентирующий внимание на этническом аспекте огромных социальных контрастов в Трансильвании. — С изощренным вкусом украшенный великолепный замок — и курная хижина под его стенами. Трансильвания — не провинция, а противостояние высокой цивилизации и дикости. Есть в этом какой-то тяжелый и мрачный пафос, словно вельможа, наряженный в бархат, — тоже внутри дикарь, который для внешнего мира играет роль утонченного аристократа. И все это — жесткое и неподвижное, словно деревянный истукан". Даже природа в этом горно-лесистом крае под стать разительным социальным и национальным контрастам, "состоит из таких крайностей, которые никогда не сойдутся друг с другом. В нескольких километрах от ухоженных, плодородных участков вы увидите дикую, неосвоенную местность. Аккуратные, теплые сады вдруг сменяются лесом и скалистыми кручами"[7].

Складыванию "образцового мира" между народами в Трансильвании явно не способствовала и первая мировая война. В условиях начавшегося передела Европы, заявив претензии на Трансильванию, Румыния могла достичь поставленной цели лишь при поддержке больших держав, в свою очередь искавших себе союзников среди малых стран. Еще в начале войны Россия обещала посодействовать ей в получении этого богатого природными ресурсами края в случае перехода на сторону Антанты. 17 августа 1917 г. Румынией был заключен договор со странами Антанты, дававший ей право на занятие Трансильвании. Конкретные обстоятельства сложились так, что он фактически не утратил силу и после подписания сепаратного мира Румынии с Австро-Венгрией 7 мая 1918 г. В конце осени 1918 г., после революции в Австро-Венгрии, положившей начало ее стремительному распаду, Румыния, ободренная заявлением президента США В. Вильсона в свою поддержку[8], развязала во-

inslav

енные действия против Венгрии, не только оккупировав Трансильванию, но приняв летом 1919 г. самое активное участие в разгроме Венгерской Советской республики. Еще 1 декабря 1918 г. Народное собрание в Алба-Юлии (в венгерской традиции Дюлафехервар) провозгласило воссоединение Трансильвании с Румынией.

В ходе Парижской мирной конференции 1919—1920 гг. Венгрия пыталась отстоять Трансильванию, ссылаясь на "историческое право" и на хозяйственную целостность этого края, его привязанность к венгерской экономике в качестве источника сырья (такие аргументы сохранялись и позже; если первый из них был отброшен с падением хортизма, то второй фигурировал в выступлениях венгерской делегации на Парижской мирной конференции 1946 г.). Румыния также, хотя и реже, прибегала к историческим аргументам. Речь шла, в частности, о преемственности традициям дакской государственности, о континуитете проживания на территории современной Трансильвании латинского населения со времен Римской империи (тогда как венгры вторглись на эти земли лишь в конце IX в.). Однако главным основанием для румынских притязаний всегда оставался этнический принцип, т.е. акцент делался на численное преобладание в Трансильвании румын.

Державы-победительницы поддержали точку зрения Румынии. "Даже и тысячелетнее положение вещей не должно продолжаться, коль скоро оно признано противным справедливости", — писал в своем обращении к венгерской делегации председатель Парижской мирной конференции А. Мильеран[9]. Принимая решение не в пользу Венгрии, устроители Версальской системы были движимы не только желанием наказать венгров за коммунистический эксперимент и даже не только стремлением достичь любой ценой равновесия сил в Дунайском бассейне в интересах будущей европейской стабильности. Окончательная резолюция была вынесена лишь в результате изучения группой международных экспертов этнических границ в регионе и особенностей расселения разных этносов в тех районах, где (как в Трансильвании) в силу смешанности состава населения было трудно или совсем невозможно провести этнические границы[10]. Несмотря на усилия международных экспертов, установленные границы оказались далеко не идеальными, поскольку в Средней Европе сохранились обширные районы с компактным расселением национальных меньшинств. В частности, за пределами нового венгерского государства оказалось около 3 млн венгров, приблизительно каждый четвертый представитель этого этноса[11].

Державы-победительницы, определявшие послевоенные судьбы народов Центральной Европы, не были заинтересованы

inslav

в существовании сильного венгерского государства, не только потенциального союзника Германии, но и вероятного претендента на гегемонию в Дунайском бассейне. Вопреки всем декларациям о справедливости и работе международной экспертной комиссии, их политику при формировании Версальской системы отличало субъективное (и надо сказать, довольно понятное) стремление по возможности ослабить Венгрию, усилив одновременно позиции ее соседей. Территория нового венгерского государства согласно Трианонскому договору 1920 г. составила около 30% площади исторического Венгерского королевства. На ней в год Трианона проживал всего 41% населения довоенной Венгрии, при этом наряду с землями, где основное ядро населения составляли прежние национальные меньшинства (хорваты, сербы, румыны, словаки, закарпатские русины), к соседним странам отошел и ряд территорий с преобладанием венгерского этноса (в частности, в Южной Словакии и в Восточной Трансильвании, вдали от венгеро-румынских границ)[12]. Неизменно претендовавшая на ведущую роль на востоке Центральной Европы Венгрия после поражения в первой мировой войне была низведена до положения одного из малых государств (соседние Румыния, Чехословакия и Югославия каждая в отдельности превзошли Венгрию по площади и по численности населения).

Как известно, согласно Трианонскому договору Трансильвания и прилегающие к ней области Банат, Парциум (согласно румынской терминологии — Кришана) и Марамуреш перешли во владение Румынии. Общая площадь этих земель превысила 100 тыс. кв. км., что превосходило по территории трианонскую Венгрию (93 тыс.). Хотя для такого решения устроителей Версальской системы имелись весьма серьезные основания (прежде всего преобладание румынского этноса в Трансильвании), проблем в результате не уменьшилось[13].

С одной стороны, прежняя дискриминация румын сменяется новой — объектом притеснений со стороны бюрократии королевской Румынии становится двухмиллионное мадьярское меньшинство. Еще 9 декабря 1919 г. был заключен договор союзных держав с Румынией, согласно которому румынское правительство обязалось обеспечить защиту национальных меньшинств. Договором было, в частности, предусмотрено создание культурной (в том числе школьной и религиозной) автономии для компактных групп в 600 тыс. венгров, проживающих в Восточной Трансильвании на территории в 17 тыс. кв. км. Эта мера, однако, так и не была реализована. Кроме того, многим тысячам венгров было отказано в получении румынского гражданства[14]. Наряду с этим существовало экономическое притеснение определенных категорий венгерского населения. Так, аг-

inslav

рарная реформа первой половины 1920-х годов в Трансильвании не только конфисковала у венгерских помещиков около двух третей принадлежавшей им земельной собственности (11,7 млн га), главным образом в пользу румынских крестьян[15], но и согнала с земли массу венгерского крестьянства[16]. По венгерским данным, в период между двумя мировыми войнами около 200 тыс. венгров предпочли эмигрировать из Румынии[17].

С другой стороны, венгерское национальное сознание крайне болезненно восприняло утрату Трансильвании, края, исторические судьбы которого на протяжении столетий были довольно тесно переплетены с судьбами самой Венгрии. Отрыв венгерской промышленности от важных источников сырья, оставшихся в Трансильвании, а сельского хозяйства от одного из главных рынков сбыта своей продукции, как и утрата некоторыми знатными фамилиями венгерской аристократии своих наследственных земельных владений, стали факторами, в значительной мере способствовавшими эскалации территориальных притязаний Будапешта в отношении восточного соседа. Внешняя политика хортистского режима была изначально направлена на ревизию трианонских границ, восстановление Великой Венгрии, причем, пожалуй, ни одно европейское государство (включая Германию) не выдвигало требований пересмотра версальских мирных договоров в их территориальном аспекте с такой настойчивостью и упорством, как Венгрия. При этом с точки зрения внутренней политики лозунг ревизии Трианона имел огромное консолидирующее значение, будучи важнейшим инструментом достижения национального единства[18]. Надо сказать, что ирредентистский курс хортистских правительств находил поддержку в весьма широких слоях венгерского общества, с большим трудом адаптировавшегося к новой геополитической ситуации. Особенно восприимчивыми к реваншистским, ревизионистским лозунгам оказались 3 млн венгров, волею держав-победительниц оторванных от материродины[19]. Забегая немного вперед, заметим: когда в 1940 г. при поддержке Гитлера и Муссолини Северная Трансильвания была возвращена Венгрии, миллионы венгров как в самой стране, так и в соседних государствах восприняли это как восстановление исторической справедливости[20].

Хорти и его окружение, утвердившиеся у власти в Венгрии вследствие падения Венгерской Советской республики 1919 г., как известно, с крайней непримиримостью относились к коммунистической идеологии и видели в экспансии Советов на Запад главную угрозу мировой цивилизации. "Для человечества нет спокойствия, безопасности и счастья, пока не уничтожим Советы", — такова была позиция регента Венгрии, изложенная в одном из писем[21]. При всем при этом идеологический фактор

inslav

отступал на задний план там, где дело касалось объективного совпадения интересов СССР и хортистской Венгрии. Поскольку ни в Москве, ни в Будапеште решительно не принимали Версальской системы, существовала основа для сближения двух стран, тем более что каждая из них имела свои территориальные претензии к Румынии[22]. По мере того как в условиях второй мировой войны все более реальной становилась перспектива дальнейшего пересмотра границ в Центральной и Юго-Восточной Европе (начавшегося еще в 1938 г.), венгерская политическая элита все больше осознавала общность устремлений СССР и Венгрии, нацеленных на приобретение определенной части румынской территории. Как отмечал в начале 1940 г. в своем рабочем дневнике полпред СССР в Венгрии Н.И. Шаронов, как в политических кругах Будапешта, так и среди иностранных дипломатов, работавших в Венгрии, высказывались предположения о продвижении СССР в обозримом будущем на балканском направлении, первой же страной, стоявшей на пути ожидаемой советской экспансии, была в силу своего географического положения Румыния[23]. В предвкушении столь желательного для хортистской Венгрии развития событий ее министр иностранных дел граф И. Чаки, беседуя с журналистами, депутатами парламента, иностранными дипломатами, с удовлетворением констатировал "нормальный" характер советско-венгерских отношений, отсутствие взаимных претензий. В январе 1940 г., встречаясь в Венеции с министром иностранных дел Италии зятем Муссолини Г. Чиано, он якобы признавался итальянскому коллеге: "мы спокойны за нашу карпатскую границу, никаких разногласий с Советами не имеем вообще и угрожаемыми себя с этой стороны не чувствуем"[24]. Ориентации на сближение (конечно, до известных пределов[25]) с СССР в целом не препятствовало и осознание венгерскими лидерами непрочности советско-германского союза, возникшего вследствие определенного (временного) соотношения сил на международной арене и не имевшего долгосрочной перспективы. Ссылки на высказывания венгерских политиков о недолговечности дружественных советско-германских отношений стали общим местом в донесениях Шаронова, следовавшего официальной линии Наркоминдела и постоянно убеждавшего своих собеседников в том, что две великие европейские державы, якобы не имевшие между собой неразрешимых противоречий, всегда способны договориться[26].

В свою очередь румынская сторона после краха Чехословакии, Польши и начала большой войны за передел европейских границ вполне ожидала оживления великомадьярского ревизионизма и эскалации территориальных притязаний Будапешта[27]. Это заставляло ее принимать меры безопасности, укреп-

inslav

ляя, в частности, западные границы Румынии. Принятию румынскими властями надлежащих мер предосторожности среди прочего способствовали прозвучавшие в феврале 1940 г. чересчур вызывающие публичные заявления некоторых официальных лиц в Будапеште о том, что Венгрия "не потерпит отсрочки разрешения Трансильванского вопроса до греческих календ"[28]. Позиция официального Будапешта особенно ужесточилась вследствие активизации в начале 1940 г. так называемой "Балканской Антанты", включавшей в себя Румынию, Югославию, Грецию и Турцию — страны, заинтересованные в сохранении статус-кво в регионе. Чтобы склонить в свою пользу мнение крупных держав, в венгерском МИДе давали заверения иностранным дипломатам о существующих якобы планах предоставления Трансильвании автономии в составе Венгрии. Боясь, однако, связать себя чересчур далеко идущими обещаниями, представители соответствующих венгерских правительственных структур делали в то же время и существенные оговорки. В прозвучавшей в некоторых заявлениях мысли о том, что установление особого статуса нацменьшинств в будущей венгерской Трансильвании не способно снять остроту существующей проблемы, легко прочитывался заблаговременный отказ в предоставлении румынам такого статуса[29].

Заботы хортистских властей о поддержке своих ревизионистских требований Советским Союзом как одной из больших держав были делом тем более насущным, что позиция Будапешта находила мало понимания не только в Лондоне и Париже (столицах стран-устроителей Версальской системы), но также в Берлине и Риме. Правительство графа П. Телеки хорошо осознавало, что ирредентистские планы Венгрии не могут быть реализованы без согласия держав так называемой "оси" и в первую очередь Германии, после аншлюса Австрии и краха Чехословакии все более явно доминировавшей в Средней Европе. Между тем, накануне войны в Берлине поддерживали эти планы Венгрии прежде всего в той мере, в какой они были направлены против непримиримо враждебной "третьему рейху" Чехословакии. С решением общей задачи (распадом чехословацкого государства) Гитлер и его окружение уже все менее сочувствовали венгерскому ревизионизму, поскольку резонно полагали, что чрезмерное усиление Венгрии будет способствовать проведению ее правительством слишком независимого внешнеполитического курса (такое представление поддерживал и совсем недавний исторический опыт — попытки, пускай и тщетные, официального Будапешта во второй половине 30-х годов через установление тесных связей с Италией, Австрией, Польшей и Югославией создать некоторый противовес германской гегемонии в регионе[30]). Сказывалась также заинтересо-

inslav

ванность "третьего рейха" в некоторых из стран, на которые распространялись венгерские территориальные амбиции, в частности, в Румынии и в "независимой" Словакии. Открытая поддержка венгерских ревизионистских требований исключила бы для Германии возможность вовлечения Румынии в сферу своего влияния, тогда как с точки зрения осуществления германских планов в отношении СССР и на Балканах Румыния была для Берлина не менее, а даже более важной страной, чем Венгрия[31]. К явному негодованию хортистов, "третий рейх" после уничтожения Чехословакии санкционировал образование на коронных землях "Святого Стефана" "самостоятельного" словацкого государства, фактически германского протектората[32]. В свою очередь, оккупация Венгрией всей Подкарпатской Руси[33], произошедшая совсем не по сценарию, написанному в Берлине, вызвала со стороны фюрера гневную реакцию[34].

Недовольство, таким образом, было взаимным. Даже наиболее лояльная Германии часть хортистской политической элиты отличалась далеко не "аншлюссными" настроениями, совсем не собираясь жертвовать в угоду фюреру интересами восстановления Великой Венгрии. При том, что обе страны требовали кардинального пересмотра Версальской системы — и это составляло основу для сближения, — попытки подчинить венгерский ревизионизм дипломатическим играм гитлеровской Германии оказывались поначалу не слишком удачными, поскольку о совпадении интересов речи быть не могло. Как справедливо отмечалось в записке НКИД СССР (июнь 1942 г.), "попытки Германии дальнейшего раздробления Юго-Восточной Европы, политика балканизации Юго-Восточной Европы с целью создания подвассальных Германии государств — находится в вопиющем противоречии с планами венгерского империализма, преследующими цель установления гегемонии Венгрии в Карпатском бассейне"[35].

Почти столь же сдержанную позицию занимал в отношении венгерского ирредентизма официальный Рим[36]. Г. Чиано, встречаясь с И. Чаки в январе 1940 г., по некоторым сведениям, советовал венграм отложить выполнение своих требований до окончания войны на западном фронте, т.е. до поражения Франции и Англии[37]. В принципе Италия выражала готовность поддержать венгерские территориальные претензии к Румынии лишь при мало выполнимом условии, чтобы в результате будущих "поправок несправедливостей Трианона" численность национальных меньшинств во вновь присоединенных к Венгрии районах не превысила бы 30%[38]. Причем позиция Германии и Италии в трансильванском вопросе была, по просочившимся сведениям, согласованной — в ходе встречи лидеров двух стран в Бреннере (на границе Австрии и Италии) в начале весны

inslav

1940 г. было принято негласное решение не потакать "чрезмерным" венгерским амбициям[39]. Весьма проблематичны были для Венгрии поиски надежных союзников и среди менее значимых участников "европейского концерта" (таких, как, например, Югославия или Турция). "С венграми... трудно иметь дело: они одержимы мегаломанией и не могут понять, что все державы на Балканах не хотят видеть старую Венгрию... Ревизионизм и мегаломания оставят их без всяких союзников", — говорил в феврале 1940 г. советскому полпреду Н. Шаронову югославский посланник в Будапеште Рашич[40].

Отрицательное отношение держав "оси" к максималистским планам восстановления Великой Венгрии не могло не вызывать в Будапеште плохо скрываемого раздражения. 13 февраля, еще до бреннерской встречи, Чаки говорил Шаронову: "мы от своего не откажемся никогда и если победят в войне союзники и мы останемся в теперешних границах, мы зажжем пожар во всей Европе"[41]. Правда, в тот же день венгерский министр иностранных дел заверял советского полпреда в том, что для Венгрии все же предпочтителен мирный путь решения трансильванской проблемы: "мы не хотим войны и удерживаемся от всего, что могло бы дать румынам возможность ее спровоцировать"[42]. Речь шла о шумной пропагандистской кампании, развязанной в Румынии в связи с эскалацией венгерских территориальных притязаний, о мерах Бухареста по дальнейшему укреплению западных границ.

С начала июня 1940 г., по мере того, как все очевиднее становился успех Германии на западном фронте, полпредство СССР в Венгрии фиксирует широко распространившиеся в Будапеште слухи о планах СССР по захвату Бессарабии в самом ближайшем будущем. Такая перспектива казалась весьма заманчивой верхушке хортистской армии: один из генералов на приеме в полпредстве 19 июня прямо заявил советскому дипломату, что венгры только ждут занятия Советским Союзом Бессарабии, чтобы самим войти в Трансильванию[43]. Столь откровенным заявлениям военных не противоречили высказывания в венгерских внешнеполитических кругах. Так, заведующий отделом печати МИД Венгрии А. Уллейн-Ревицки 24 июня на завтраке с германскими журналистами говорил, что Венгрия больше ждать не может и должна начать маршировать[44]. В июне все интенсивнее становятся военные приготовления Венгрии на восточной границе, продолжается широкая мобилизация: численность армии 10-миллионной страны к середине июля была доведена до 1,2 млн человек[45]. Сосредоточение по обеим сторонам границы большого количества войск и боевой техники увеличивало вероятность вооруженного столкновения, тем более что предельное обострение дву-

inslav

сторонних отношений не могло не сопровождаться пограничными инцидентами[46].

В сложившейся обстановке официальный Будапешт все более последовательно демонстрирует свое стремление к сближению с СССР. Это проявилось среди прочего в двухкратном посещении (в течение месяца) графом Чаки советского полпредства, что было жестом беспрецедентным, не имевшим аналогов даже в его отношениях с германской миссией. Подобная демонстрация близости с Советами даже породила среди иностранных дипломатов отмеченные в рабочем дневнике Шаронова слухи о том, что вопрос о взаимной акции СССР и Венгрии в отношении Румынии уже решен[47]. Правда, официальные лица Венгрии своими заявлениями тех дней не только ставили под сомнение подобного рода предположения, но и выражали опасения в связи с дальнейшими действиями СССР после аннексии Бессарабии. Так, Чаки в конце июня делился с югославским посланником своими мрачными предчувствиями того, что СССР "хотя и неизвестно когда, но произведет нападение на Венгрию"[48]. Озабоченности венгерского министра несомненно не могли не способствовать развернувшиеся в июне 1940 г. события вокруг прибалтийских стран, завершившиеся в конце концов их советской оккупацией и "добровольным" присоединением к СССР. Советская политика в Прибалтике оживила в хортистской Венгрии комплекс советской угрозы до такой степени, что зав. отделом печати МИД говорил 24 июня немецкому журналисту: "СССР сейчас расправляется с прибалтийскими государствами, а следующим его шагом после установления там советской власти будет, наверное, Венгрия"[49]. Впрочем, в кругу иностранных дипломатов, находившихся в Будапеште, не слишком были склонны разделять (даже в свете прибалтийских событий) опасений относительно судеб Венгрии. Там резонно полагали, что последующая экспансия СССР пойдет в балканском, а не среднеевропейском направлении[50].

Нота с требованием "в интересах восстановления справедливости" приступить "к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу" была направлена румынскому правительству 26 июня[51], через четыре дня после капитуляции Франции, на протяжении долгих лет (вплоть до аншлюса Австрии и краха Чехословакии) выступавшей главным гарантом Версальской системы, одним из важных установлений которой являлась целостность Румынии в ее границах 1920 г. Берлин и Рим посоветовали Бухаресту уступить, дав понять, что речь идет об "уступках временного порядка"[52]. 28 июня Красная Армия перешла Днестр.

Советская акция по присоединению Бессарабии (а также Северной Буковины) вызвала нескрываемое воодушевление в

inslav

венгерских политических кругах. "Население города взволновано. Отношение к нам хорошее", — записал в своем рабочем дневнике полпред Н.И. Шаронов вечером 27 июня[53]. В передовицах правительственных газет от 28 июня выражалось удовлетворение тем, что "целостности Румынии больше не существует", при этом советские требования назывались вполне справедливыми. Зам. министра иностранных дел Венгрии Я. Ворнле, поздравив Шаронова с успешным осуществлением акции, заметил, что они, т.е. венгры, "этому рады больше, чем какоелибо другое государство", так как для них это означает ликвидацию принципа целостности Румынии и "более легкую возможность продолжить то", что начал СССР[54]. Созданный Советским Союзом прецедент существенно облегчал, таким образом, решение самой насущной внешнеполитической задачи, поставленной перед собой хортистским правительством. Венгерский посланник в Москве И. Криштоффи, принятый 29 июня заместителем наркома иностранных дел СССР В.Г. Деканозовым, также в свою очередь выразил удовольствие успешно проведенной операцией. Напомнив собеседнику о том, что у Венгрии имеются свои территориальные претензии к Румынии, венгерский дипломат увидел различие в положении двух стран только в том, что Советский Союз уже разрешил стоящую перед ним задачу, а Венгрия еще нет[55]. Таким образом, соображения реальной политики и осознание объективной общности интересов двух стран заставили хортистскую политическую элиту на время забыть о своем непримиримом отношении к большевизму.

Наркоминдел СССР со своей стороны не охлаждал стремления хортистов к сближению, очевидно просчитывая возможности упрочения советских позиций в этой стране в интересах некоторого, пускай довольно вялого противодействия нежелательной германской экспансии в направлении Балкан. Еще до событий, развернувшихся вокруг Бессарабии, В.М. Молотов заявил итальянскому послу о том, что "советское правительство считает свои отношения с Венгрией нормальными: СССР не имеет никаких претензий по отношению к Венгрии"[56]. Принимая Криштоффи 3 июля, председатель Совнаркома и нарком иностранных дел отметил, что с точки зрения советского правительства претензии Венгрии к Румынии имеют под собой основания; такой же позиции представители СССР будут придерживаться в случае созыва международной конференции, на которой будет стоять вопрос о территориальных требованиях Венгрии[57]. Через полгода, в декабре 1940 г., полпред Н.И. Шаронов в информационно-аналитическом письме, адресованном в НКИД, был вынужден констатировать: "заявление Народного Комиссара подействовало в Венгрии чрезвычайно успокоитель-

inslav

но, и после него до конца года слухи о возможности акции СССР против Венгрии совершенно не появлялись"[58]. Непосредственная реакция в Венгрии на заявление Молотова была тем более позитивной. Поскольку Советский Союз оказался единственной (независимо от принадлежности к тому или иному воюющему лагерю) большой державой, поддержавшей венгерские претензии на Трансильванию, граф Чаки, выступая в середине июля в парламенте, не скупился на сантименты в адрес Москвы, при этом речь его встречалась одобрительными возгласами членов парламентской комиссии по иностранным делам[59]. Любезности, расточаемые Советскому Союзу, носили довольно демонстративный характер, явились жестом, адресованным не только и не столько Бухаресту, который попросту хотели запугать "чудовищной" хортистско-советской коалицией на антирумынской платформе, сколько Берлину. От последнего ждали серьезных подвижек в трансильванском вопросе с учетом нежелательного для держав "оси" роста популярности СССР в Венгрии. В своих попытках разыграть против Румынии советскую карту венгерские лидеры иной раз не останавливались перед явным блефом, давая, в частности, понять румынским дипломатам, что на повестке дня стоит якобы вопрос о заключении союза с СССР, способного обеспечить главенствующее положение Венгрии в Дунайском бассейне[60]. Впрочем, заявленная Молотовым советская позиция хотя и вызвала удовлетворение в Будапеште, отнюдь не казалась бескорыстной. В действиях СССР виделись далеко идущие стратегические цели. Полпред Шаронов в начале августа фиксировал в своем рабочем дневнике звучавшие в политических и дипломатических кругах высказывания о том, что, наладив хорошие отношения с Венгрией, СССР сознательно и целенаправленно толкает ее против Румынии с тем, чтобы, воспользовавшись войной, не ограничиться Бессарабией и Северной Буковиной, заполучить от Румынии и некоторые другие территории[61]. Причем такая тактика в отношении Венгрии рассматривалась как частный случай более широкой стратегии — подтолкнуть Германию и ее союзников против Англии с тем, чтобы после ослабления обеих воюющих сторон занять доминирующее положение в Европе, что уже совсем не отвечало интересам режима Хорти.

При том, что ревизия границ с Румынией стала для хортистской Венгрии неотложной задачей текущей политики (в июне—июле ревизионистские требования, как уже отмечалось, резко усилились), единства в вопросе о методах ее решения не было. Крайне правый депутат Ш. Райниш[62], с которым советский полпред поддерживал особенно тесные, доверительные отношения, говорил ему за дружеским завтраком 28 июня: хотя "венгерская общественность" очень довольна, что СССР

inslav

начал разрушать здание "великой Румынии", к тому же дело обошлось без войны, "но венгры предпочитали бы видеть войну СССР с Румынией, чтобы самим тоже броситься на Румынию, которая в случае двухсторонней войны будет сразу раздавлена, а одной Венгрии будет трудно [это сделать]"[63]. Из беседы с тем же Райнишем 17 июля Шаронов узнал о том, что венгерские генералы отнюдь не ограничивались воинственной риторикой, генштаб даже разработал конкретный план боевых действий с восточным соседом в расчете на то, что Румыния отклонит ультиматум СССР и Венгрия сможет выступить сразу же после начала войны Румынии с СССР[64]. Мирный исход советско-румынского территориального спора вызвал даже некоторое разочарование венгерских военных, предвкушавших (без каких-либо серьезных на то оснований) победоносную кампанию. Впрочем, силовой способ разрешения трансильванской проблемы не исключался и после того, как Советский Союз исполнил свою "освободительную миссию". Существовали планы перехода войсками границы в случае серьезных волнений в Румынии, особенно на этнической основе. Заместитель министра иностранных дел Ворнле говорил советскому полпреду 5 июля о том, что по полученным венгерским правительством сведениям, "румыны вооружают румынское население в смешанных районах, и если хоть один венгр будет там убит, мы немедленно начнем войну"[65]. Подобные заверения отдавали некоторым блефом. Пожалуй, несколько искреннее был в беседе с Шароновым зав. отделом печати МИДа Уллейн-Ревицки, который 27 июня на прямой вопрос советского дипломата, не думают ли венгерские лидеры начать войну с Румынией, ответил, что "Венгрия уже давно готова к войне, но ее начало зависит от разрешения Германии и Италии"[66]. В середине июля Телеки и Чаки были приняты в Мюнхене Гитлером и Риббентропом, очевидно, рекомендовавшими венгерским коллегам не торопиться с разрешением трансильванского вопроса и во всяком случае избрать путь мирных переговоров[67]. Упоминавшийся Ворнле, которому, очевидно, не слишком импонировала зависимость Будапешта от Берлина в принятии ключевых решений, пытался в беседе с полпредом объяснить отсрочку с разрешением вопроса следующим образом: Венгрия не торопится начать войну в ближайшие две-три недели, так как не хочет мешать Германии и Италии покончить с Англией, но после этого венгры начнут действовать, при самом же благоприятном стечении обстоятельств они готовы действовать, оставив без внимания предупреждение держав "оси"[68]. Судя по беседе германского посланника с Шароновым 27 июня (в день, когда Румыния должна была дать ответ на советский ультиматум), немцы ожидали, что Венгрия может выступить с аналогичным ультиматумом, одна-

inslav

ко едва ли начнет войну без согласования с Берлином[69]. Вопреки утверждениям венгерских официальных лиц о неизбежности столкновения с Румынией среди зарубежных дипломатов в Будапеште, встречавшихся с Шароновым, было все же распространено мнение о том, что Венгрия не пойдет на военный конфликт со своим восточным соседом, значительно превосходящим ее по численности населения[70]. Фактором, несколько остужавшим воинственный пыл хортистских политиков и генералов, были опасения вмешательства в конфликт на стороне Румынии третьих стран, и в частности дружественной ей Югославии. Не удивительно, что Криштоффи 3 июля по поручению своего правительства спросил Молотова, не сможет ли советское правительство повлиять на Югославию с тем, чтобы она сохранила спокойствие в случае, если Венгрия будет вынуждена вступить в конфликт с Румынией[71]. Кроме того, хортисты для пущей уверенности хотели заручиться поддержкой Болгарии, также имевшей территориальные претензии к соседней Румынии (в Южной Добрудже)[72].

Хотя аннексия Советским Союзом Бессарабии была осуществлена с ведома и согласия Германии, правящие круги "третьего рейха" не скрывали раздражения в связи с попытками Москвы через участие в разделе Румынии укрепить свои позиции на балканском направлении. Полпред СССР в Румынии А.И. Лаврентьев в информационном письме Молотову от 30 июля привел заявление одного из германских официальных лиц о том, что "с тех пор, как Австрия стала немецкой и Дунай стал немецкой рекой, Германия не допустит, чтобы СССР сделался придунайским государством"[73].

В Румынии проправительственные круги, не теряя надежды на возвращение Бессарабии, рассчитывали на дальнейшее обострение советско-германских противоречий на Балканах и неизбежный в этом случае антисоветский поворот в политике Берлина. 30 июля один из влиятельнейших правых журналистов Румынии П. Шейкару писал в своей газете "Курентул": "не надо забывать, что границы в настоящее время беспрерывно меняются: окончательное их установление будет делом того, кто диктует новое устройство Европы"[74]. Как резюмировало полпредство СССР, "враждебная политика румынского правительства по отношению к Советскому Союзу перешла в скрытую, затаенную форму, с расчетом на перспективное столкновение интересов Советского Союза и Германии"[75].

В Будапеште действия СССР в Бессарабии и Северной Буковине также рассматривались в контексте скрытого советско-германского противостояния на Балканах, знали там и о недовольстве Германии советской оккупацией этих территорий, особенно Северной Буковины, никогда не входившей в

inslav

состав Российской империи. Реакция в Берлине на происходящее могла лишь послужить дополнительным подтверждением распространенному среди венгерской политической элиты мнению о непрочности советско-германского пакта и в этой связи делались важные оговорки также касательно более отдаленных перспектив внешне совсем, казалось бы, безоблачных в июне—июле 1940 г. советско-венгерских отношений. Так, 1 июля, вскоре после ввода советских войск в Бессарабию, Чаки говорил югославскому посланнику Рашичу о том, что отношения СССР с Германией не так хороши, как обе стороны пытаются представить; пока еще Германия вынуждена "терпеть" действия Советов на Балтике и в Румынии, но после окончания войны на Западе (т.е. победы "третьего рейха" над Англией) германо-советские, а вслед за ними и венгеро-советские отношения претерпят большие изменения, поскольку "за хорошего соседа нас надолго считать нельзя"[76]. Обнадеживающее заявление Молотова при встрече с Криштоффи 3 июля могло лишь несколько откорректировать такую позицию, но не изменить ее сути.

Принимая, таким образом, в расчет предстоящее ухудшение отношений СССР и Германии и видя уже первые симптомы такого ухудшения, чреватого принципиальным изменением расклада сил на международной арене (что означало непредсказуемость дальнейшей ситуации в регионе), венгерская политическая элита должна была форсировать решение стоявших на повестке дня задач, максимально используя уже имеющиеся возможности. "Слухи о желании Румынии начать хорошие отношения с нами, вместе с неверием кабинета министров в продолжительность хороших советско-германских отношений, заставляют венгров спешить с разрешением конфликта", — докладывал Шаронов Деканозову 17 августа[77]. Стремление венгерской стороны к ускорению событий было тем определеннее, что внутреннее положение, сложившееся в Румынии к середине августа, справедливо расценивалось венграми как нестабильное, не обеспечивающее для Румынии возможности "нормального" ведения войны. В этих условиях силовой путь казался многим в Будапеште все более предпочтительным. Не надеясь получить путем переговоров сколько-нибудь значительной части Трансильвании, влиятельные силы в Венгрии резонно полагали, что в случае войны и поражения противника у них будет шанс получить всю Трансильванию плюс компенсации за репарации в пользу Румынии, наложенные на Венгрию по итогам первой мировой войны.

Германия, однако, в условиях неразрешенного конфликта с Великобританией желала спокойствия в своем восточноевропейском тылу и поэтому никак не могла допустить венгеро-ру-

inslav

мынской войны. Более того, она стремилась пристегнуть обе противоборствующие стороны к своему внешнеполитическому курсу, сделать и Венгрию, и Румынию младшими партнерами в деле реализации нового порядка в Европе. Под давлением Берлина венгерские и румынские представители сели за стол переговоров, проходивших 16—24 августа в румынском городе Турну-Северине[78]. Каждая из сторон, прекрасно понимая, что война на востоке Центральной Европы совсем не нужна Берлину, имела свои основания надеяться на то, что германское вмешательство в урегулирование трансильванского спора не ущемит ее интересов. Между тем, в ходе состоявшейся встречи делегации двух стран не могли как следует договориться даже о самом предмете переговоров. Румынская сторона была готова вести разговор прежде всего об обмене населением, соглашаясь, правда, уступить западному соседу небольшой пограничный участок в 5—6 тыс. кв. км (из 102 тыс. кв. км, отошедших от королевской Венгрии к Румынии вследствие Трианонского договора). Поскольку в пределах трианонских границ Венгрии не было сколько-нибудь значительного румынского меньшинства, венгры считали возможным говорить об обмене населением лишь после решения территориального вопроса. Их первоначальное требование к румынам возвратить Будапешту около 2/3 утраченных им в результате первой мировой войны и отошедших именно к Румынии земель (свыше 60 тыс. кв. км) хотя и было несколько умереннее выдвигавшихся ранее по крайней мере частью хортистской элиты притязаний на всю Трансильванию, однако никак не могло найти отклика партнеров по переговорам. И даже снова умерив свои требования (до 48 тыс. кв. км), они не смогли заявить позиции, сколько-нибудь приемлемой для оппонентов. Переговоры, как и ожидалось, зашли в тупик, и румыно-венгерские отношения приобрели еще большую остроту, поскольку представители обеих сторон заявили, что мирные способы решения спора исчерпаны[79].

Согласно прогнозам полпредства СССР в Румынии решение по венгеро-румынскому территориальному спору предстояло вынести державам "оси", при этом полпред А.И. Лаврентьев полагал, что оно окажется не в пользу Венгрии. В этом мнении ему помогли укрепиться не только высказывания германского посланника в Бухаресте В. Фабрициуса, постоянно создававшего видимость поддержки Германией румынских требований, и позиция некоторых румынских газет. Решающее значение имел его собственный анализ ситуации. В отличие от своего коллеги Н. Шаронова, который, исходя из незыблемости пакта Молотова—Риббентропа, старался подлаживаться под наиболее оптимистические ожидания Сталина и его окружения относительно перспектив советско-германского союза и

inslav

вплоть до поздней весны 1941 г. не только в беседах с венграми, но, как правило, и в своих донесениях по возможности отрицал антисоветскую направленность тех или иных внешнеполитических акций Берлина[80], Лаврентьев не боялся делать выводов, расходившихся с генеральной линией Кремля. Полпред предполагал, что Германия была более заинтересована в сохранении достаточно мощного и жизнеспособного, целостного румынского государства, поскольку может рассматривать его как потенциальный плацдарм против СССР и стратегический пункт дальнейшей экспансии на Балканы, к черноморским проливам и далее на Ближний Восток[81]. При этом Берлин не мог не считаться с тем, что перед лицом территориальных притязаний трех соседних государств (СССР, Венгрии и Болгарии), стремившихся вернуть утраченные в 1918—1920 гг. земли, Румыния еще несколько лет назад, при министре иностранных дел Н. Титулеску, придерживалась, как уже отмечалось, последовательно профранцузской ориентации, воспринимая Францию и отчасти Англию в качестве главных гарантов своей целостности; настроения в пользу держав-противников Германии были достаточно сильны в ней среди политической элиты и летом 1940 г., даже после поражения Франции. Все-таки с падением Парижа она лишилась своего традиционного покровителя, возникшие в этих условиях новые осложнения по территориальному вопросу с Венгрией, а также с Болгарией, по справедливому замечанию полпредства, "увеличили растерянность правительства и, несомненно, усилили его зависимость от Германского правительства"[82]. Но для того чтобы решительно вытеснить антинемецкие настроения и вообще укрепить позиции Румынии как плацдарма для осуществления германских стратегических планов, Берлину, по мнению Лаврентьева, необходимо было поддержать позицию румын в их территориальном споре с Венгрией.

Румынская пресса, особенно прогерманской ориентации, в своих прогнозах исходила из того, что участие Германии в арбитраже по трансильванскому вопросу негативно скажется на престиже "третьего рейха". Ее комментаторы полагали, что Германия не захочет своим вмешательством создавать ситуацию, которая могла бы вызвать недовольство в обеих странах, что не явилось бы залогом мирных отношений в регионе в будущем, а значит и спокойствия в ее тылу[83]. Германские официальные лица, работавшие в Бухаресте, включая самого посланника, давали основания для таких предположений, поскольку решительно заверяли, что "третий рейх" не станет арбитром в венгеро-румынском споре[84]. 25 августа немецкоязычная газета "Букарестер Тагеблат" опубликовала статью, смысл которой заключался в том, что совсем не в интересах Германии разру-

inslav

бать гордиев узел, который завязали Лига Наций и страны-победительницы в первой мировой войне, поскольку ей не пристало брать на себя ответственность за положение на юго-востоке Европы, сложившееся отнюдь не по ее вине.

Все эти прогнозы оказались, однако, совершенно неверными. Вожди "третьего рейха" после капитуляции Франции чувствовали себя настолько уверенно, что не побоялись лишний раз взять на себя миссию устроителей нового порядка на континенте. Не сомневаясь в том, что в любом случае смогут удержать своих сателлитов в повиновении, они решились выступить в роли арбитров в споре, заранее зная, что не сумеют удовлетворить ни одну из сторон[85].

30 августа 1940 г. в венском дворце Хофбург представители Германии и Италии приняли решение, потребовав в ультимативной форме его строгого исполнения от обеих спорящих сторон. Территория Северной Трансильвании площадью 43 тыс. кв. км передавалась Венгрии и в течение 14 дней ее должны были оставить румынские войска. Румынские граждане, проживающие на этой территории, автоматически переходили в венгерское подданство, а нежелающие получали право в течение шести месяцев ходатайствовать об оптации в румынское гражданство[86]. В случае каких-либо трудностей при проведении в жизнь этого решения обе стороны предоставляли германскому и итальянскому правительствам право урегулирования спорных проблем. В соответствии с санкцией стран-арбитров как Венгрия, так и Румыния обязались гарантировать равноправие своих национальных меньшинств[87]. 5 сентября началось вступление венгерских войск в Северную Трансильванию почти по всей протяженности старой границы. Кинохроника того времени запечатлела редкие кадры: адмирал Хорти на белом коне едет по главному городу Трансильвании Коложвару (Клужу), его встречают рукоплесканиями тысячи венгров.

В день арбитража, 30 августа, Риббентроп провел в Вене пресс-конференцию. Венский арбитраж, по его словам, снова доказал, что в противовес английской политике, направленной на создание очага войны в Дунайском бассейне, "государства оси в состоянии, в сотрудничестве с дунайскими государствами, воспрепятствовать расширению войны в этом районе". Принятое обеими заинтересованными сторонами третейское решение якобы вело к окончательному урегулированию последнего спорного территориального вопроса в Дунайском регионе[88]. Итальянская сторона также была склонна видеть смысл арбитража в нераспространении конфликта[89]. Как Риббентроп, так и Чиано, выступая от имени своих правительств, заявили также о том, что Германия и Италия в условиях общеевропейской войны гарантируют целостность и не-

inslav

прикосновенность румынского государства в его новых (урезанных) границах и готовы представить на этот счет соответствующие письменные подтверждения. В этих словах содержался явный намек на возможность нового советского наступления на Румынию, перед лицом которого она действительно нуждалась в германо-итальянских гарантиях. Декларации министров держав "оси" были призваны убедить румынское общественное мнение в том, что страна избежит участи Польши и Чехословакии.

Будучи опубликованными в румынской прессе утром 31 августа, заявления германского и итальянского министров иностранных дел не могли, однако, подействовать на румынское общество успокаивающе даже в той своей части, где речь шла о гарантиях, ибо слишком велик был контраст между широко распространенными иллюзиями и реальным результатом арбитража. Как отмечала в те дни газета "Тимпул", "перед венским приговором румынский народ окаменел от боли и разочарования". От обещаний румынских лидеров до приговора, вынесенного Риббентропом и Чиано, "такое расстояние, которого ни один румын не мог себе даже представить в воображении"[90].

Когда арбитраж вопреки ожиданиям все-таки состоялся, румынским прогермански настроенным политикам пришлось прилагать немало умственной эквилибристики, дабы объяснить и оправдать произошедшее, затушевав несоответствие между прежними прогнозами и действительной картиной событий. Делая хорошую мину при плохой игре, они вслед за Риббентропом и Чиано утверждали (возможно, не без некоторых оснований[91]), что позитивным следствием арбитража стали германские гарантии сохранения румынского государства в условиях продолжающегося передела Европы. Так, газета "Букарестер тагеблат" в духе своей прежней безудержной апологетики "третьего рейха" отмечала, что "только благодаря нашей разумности в последний момент мы заслужили эту великую честь" и "фюрер простер свою оберегающую руку над румынским народом, получившим, таким образом, честь принадлежать к семье благородных европейских народов"[92]. Эта точка зрения далеко не всем в Румынии казалась убедительной, скептицизм огромной части общественного мнения нашел выражение и в прессе, вопреки все ужесточавшемуся контролю цензуры. Газета "Универсул" в статье, которая долго не могла выйти из-за цензурных препон, замечала: "страна должна знать, каковы те угрозы, которые ставили в опасность существование государства, если бы не был принят арбитраж"[93].

Румынские официальные лица, причастные к принятию важнейших государственных решений, в свою очередь понимали, что общественное мнение ждет от них объяснений в свя-

inslav

зи с согласием принять ультиматум держав "оси". 31 августа Румынское телеграфное агентство опубликовало официальное сообщение, согласно которому Венская конференция "протекала при таких обстоятельствах, что Румыния должна была делать выбор между спасением политического существования нашего государства и возможностью его исчезновения". Угроза войны со стороны противников, отмечалось далее, повлияла на то, что правительство приняло решение в кратчайший срок[94]. Руководитель румынской делегации на переговорах в Турну-Северине В. Поп комментировал события следующим образом: "на одной чашке весов стояла Румыния, уменьшенная территориально и этнически, но зато с новой границей, гарантированной от кого угодно без оговорок и двусмысленности самыми сильными в мире военными державами. На другой чашке весов была бесполезность борьбы не на жизнь, а на смерть... Какой выбор можно было сделать перед этой альтернативой?"[95]. Источник угрозы в публичных заявлениях старались не конкретизировать. Опасность нападения со стороны Венгрии хотя и представлялась достаточно реальной, но не могла считаться достаточным основанием для принятия столь жестких ультимативных требований. По просочившимся в полпредство сведениям, на заседании коронного совета, где обсуждался ультиматум стран-арбитров, приводились ссылки на предупреждение германской стороны о том, что если Румыния не примет предложенных ей условий, то подвергнется нападению со стороны как Венгрии, так и СССР[96]. Едва ли не единственным, кто в прессе открыто указал на реальную угрозу захвата Молдовы Советским Союзом в случае, если не будут приняты условия Германии, явился крупнейший румынский ученый-историк и влиятельный политик правонационалистического толка Н. Йорга[97]. Полпред Лаврентьев, с крайним возмущением отреагировавший на откровения "выживающего из ума старца" Йорги, сделал вместе с тем предположение, что слухи об опасности, исходящей от СССР, якобы претендующего на Молдову и Северную Добруджу (в то время как Венгрия продолжает добиваться Южной Трансильвании и Баната), распространялись немецкой и итальянской дипломатией, чтобы создать видимость экстраординарных условий, в которых состоялся Венский арбитраж[98].

Имеющиеся документы свидетельствуют о том, что согласие принять условия Венского арбитража действительно было дано Румынией в обстановке резкого обострения советско-румынских отношений, связанного с пограничными инцидентами. 29 августа заместитель наркома иностранных дел СССР В. Деканозов вручил румынскому посланнику Г. Гафенку (бывшему министру иностранных дел) ноту в связи с нарушением

inslav

советской границы румынскими самолетами. Возложив на румынскую сторону всю ответственность за возможные последствия этих действий, Советское правительство включило в официальную ноту пассаж, который не мог не быть воспринят в Бухаресте как прямая угроза: "Правда, на советской стороне нет еще жертв, но если эти жертвы будут, то дело может приобрести серьезный характер"[99]. С другой стороны, Берлин вполне мог поделиться с Бухарестом достоверной информацией о реальных планах СССР по захвату Южной Буковины, ставших летом 1940 г. предметом обсуждения в ходе контактов советской и германской дипломатии, и это также не могло не напугать румынских лидеров.

Второй Венский арбитраж и особенно заявление о гарантиях целостности Румынии в ее урезанных границах, став очередным наглядным подтверждением возросшей военно-политической мощи "третьего рейха", вызвали крайне негативный отклик как во враждебном Лондоне[100], так и в "дружественной" Москве. В последней — не только в силу вызывающего нежелания Берлина считаться с мнением Кремля, когда дело касалось непосредственного соседа СССР, но и потому, что в акции Германии (и Италии) вполне распознали ход, сознательно направленный на противодействие дальнейшей советской экспансии на Балканы. 31 августа Молотов заявил послу Ф. фон Шуленбургу о том, что германское правительство нарушило статью 3 договора от 23 августа 1939 г., где стороны обязались консультироваться по вопросам, интересующим каждую из них; причем в Берлине не сочли нужным проконсультироваться с Москвой в вопросе, который самым прямым образом затрагивает интересы СССР, поскольку речь идет о двух пограничных Советскому Союзу государствах[101]. Германия лишь поставила СССР в известность об уже свершившихся фактах. Шуленбург объяснил отсутствие консультаций только большой поспешностью в решении трансильванского вопроса[102]. Тема была продолжена в ходе встречи 9 сентября, когда Шуленбург вручил Молотову ответное письмо своего правительства на заявление советского наркома, сделанное германскому послу 31 августа. Германская сторона, категорически отвергая возможность злого умысла, пыталась объяснить источник возникшего недоразумения тем, что в Берлине якобы не ожидали столь большой заинтересованности СССР в трансильванском вопросе. Молотов в свою очередь напомнил о том, что советское правительство заблаговременно информировало германское правительство относительно своих действий в Прибалтике, Бессарабии и Буковине. Более того, идя навстречу пожеланиям Германии, оно сократило свои претензии к Румынии, ограничив их в отношении Буковины только ее северной частью[103]. Предоставле-

inslav

ние Румынии гарантий дальнейшей неприкосновенности Молотов 9 сентября квалифицировал как действие, противоречащее интересам советской стороны (причем германская сторона в июне в принципе, как обратил внимание нарком, не отвергала советских претензий на Южную Буковину, лишь заявляла о несвоевременности советских планов ее аннексии)[104]. Таким образом, предоставление Румынии гарантий было воспринято в Москве не только как демонстративное проявление неуважения к СССР, но и как ответ на его конкретные территориальные притязания, в частности в отношении Южной Буковины.

Независимо от того, насколько серьезную угрозу представлял собой для Румынии в конце августа 1940 г. советский фактор, попытки властей всецело переключить в восточном направлении недовольство результатами арбитража были поначалу не слишком эффективны. Как не всегда удавалось списать ответственность за серьезную внешнеполитическую неудачу на бездарные действия прежних, англо- и франкофильски настроенных правительств. В сентябре происходят нападения на здания германских и итальянских посольских и консульских учреждений. В Клуже создается комитет сопротивления, призывавший саботировать требования арбитров. Даже в условиях ужесточения диктатуры после отречения короля Кароля II и прихода к власти генерала И. Антонеску 5—6 сентября антигерманские настроения находили открытое проявление, их усилению способствовала целенаправленная деятельность влиятельнейших лидеров оппозиционных "исторических" партий Ю. Маниу, Д. Братиану и др.[105] Резкой критике в обществе подвергается и "отступник латинизма" Муссолини, не пожелавший занять сторону румын в их многовековом споре с Венгрией[106]. Доминировавшим настроениям соответствовало прозвучавшее со страниц отнюдь не англофильской газеты "Курентул" напоминание о том, что задача армии и генералов — мобилизовать нацию на сопротивление[107]. Издатель этой газеты П. Шейкару писал и о том, что Румыния должна собраться с силами и уже весной 1941 г. ей следует начать исправлять "великие оскорбления судьбы"[108]. Силы прогерманской ориентации, к осени 1940 г. овладевшие в Румынии всей полнотой власти[109], не могли не осознавать, что грандиозные территориальные утраты, понесенные нацией в 1940 г., требуют незамедлительной компенсации — без этого правительство быстро утратит ту минимальную общественную поддержку, которая необходима для сохранения хотя бы относительной стабильности в обществе. "Румыния идет до конца с осью, но Румынии нужна справедливость", — таков был лейтмотив выступлений проправительственной прессы во время ноябрьской поездки Антонеску в Рим[110]. Газета "Универсул" несколькими неделями ранее, по

inslav

свежим следам арбитража писала о том, что "мир и спокойствие никогда не восстановятся, пока несправедливость не будет исправлена"[111]. Не желая верить в окончательность установлений арбитров, правая румынская пресса выражала убежденность в том, что все произошедшее есть "только временная мера для обеспечения мира в высших интересах на востоке и в центре Европы", и что Румыния, как и Германия, еще возьмет свой реванш[112].

Необходимость компенсации понесенных Румынией утрат в целях умиротворения ее населения осознавалась и в Берлине, тем более что с подготовкой плана "Барбаросса" эта страна приобретала особенно важное значение в военных планах Германии, выполнение которых требовало от румынского правительства и армии беспрекословного подчинения задачам "третьего рейха". Как и в случае с аннексией Советским Союзом Бессарабии и Северной Буковины, официальные представители Германии не уставали заверять Бухарест в том, что речь идет только о временных уступках. Неблагоприятные для Румынии итоги арбитража хотя и вызвали не слишком долговременный всплеск антинемецких настроений, реально нисколько не ослабили, а даже, как это ни парадоксально на первый взгляд, укрепили позиции Германии, поскольку любые надежды на реванш могли быть связаны при существующем в Европе раскладе сил только с "третьим рейхом". Полпредство СССР в своем сентябрьском донесении в НКИД приводило распространившуюся в политических кругах Бухареста версию о том, что в качестве условия предоставления гарантий Германия потребовала от Румынии скорейшего разрешения на создание ряда военно-стратегических баз вермахта и оккупацию некоторых районов, представляющих особый интерес[113]. Речь шла, в частности, о важном центре добычи и переработки нефти г. Плоешти, который в первую очередь мог стать объектом бомбардировок британской авиации (как это и произошло в действительности в 1942 г.). Реальные события подтверждали достоверность этих предположений — военное и политическое присутствие Германии в Румынии в последние месяцы 1940 г. заметно усилилось. Как сообщало полпредство в Москву, под видом помощи эвакуирующимся немцам в Северную Добруджу и Южную Буковину были направлены немецкие солдаты, чтобы на освобожденной территории организовать военные зоны[114]. Немецкое население, как правило, не выселялось из Румынии, а переселялось по стране таким образом, чтобы составить в отдельных районах компактную массу, что, по замыслу, должно было способствовать усилению германского влияния[115]. В Северной Трансильвании, отошедшей к Венгрии, немцы составляли лишь незначительное меньшинство, тогда как в Южной Трансильва-

inslav

нии и Банате довольно большую прослойку. Таким образом, в пределах новых границ Румынии заметно возросла доля немецкого населения, требовавшего адекватного политического представительства[116]. Значение немецкого фактора во внутриполитической жизни Румынии усилилось на всех уровнях, особенно на местном — в Сибиу, Брашове и ряде других крупных городов немцы заняли ключевые или близкие к ключевым позиции в системе муниципального управления, при этом все более открытой становится связь немецких общественных движений с посольством Германии. Наконец, при активном участии Германии и Италии началось перевооружение румынской армии в целях оснащения ее более современной боевой техникой, причем большая роль в этом деле принадлежала инструкторам из вермахта[117].

Полпредство СССР еще с лета 1940 г. постоянно обращало внимание на усиление прогерманских ориентаций Румынии, что означало не только внешнеполитическое, но и экономическое подчинение страны "третьему рейху"[118]. В начале сентября оно приходит к выводу о том, что Румыния, рассматриваемая Германией как часть ее "жизненного пространства", окончательно сделалась составной частицей "оси" Берлин—Рим, причем державы "оси" все более открыто и настойчиво занимаются ее превращением "в инструмент для выполнения своих далеко идущих целей"; таким образом, румынская политика по отношению к СССР не может не исходить из общей политики стран "оси" на советском направлении[119]. В письме от 20 октября полпред уже имел все основания обратить внимание Москвы на начавшуюся оккупацию Румынии вермахтом, происходящую с согласия ее правительства[120]. Согласно оценке полпредства, своей политикой в Румынии Германия по-видимому "стремится осуществить, с одной стороны, свои империалистические вожделения — продвинуться к берегам Черного и Средиземного морей, и, с другой стороны, создать военные возможности для борьбы с Советским Союзом"[121]. Хотя "третий рейх" закреплял свои позиции на Балканах под флагом нераспространения на этот регион конфликта с Великобританией, на самом деле его усилия имели, по мнению полпреда, антисоветскую направленность. А. Лаврентьев, как уже отмечалось, не строил иллюзий относительно долговечности дружеских советско-германских отношений[122]. При этом нацистская Германия пыталась эксплуатировать в своих интересах реваншистские настроения в Румынии, позаботясь о том, чтобы дать им выход в строго определенном направлении. Если экспансионистские устремления Венгрии она хотела удовлетворить прежде всего за счет соседней Румынии, то компенсировать утраты, понесенные другим своим союзником, Румынией, она собира-

inslav

лась, обратив вектор ее экспансии на Восток, против СССР[123]. Полпред Лаврентьев уже в октябре 1940 г. высказал предположение, что румынское правительство согласилось пойти на размещение в стране германских войск и перевооружение своей армии, поскольку получило твердое обещание держав "оси" поддержать его усилия по возвращению Бессарабии и Северной Буковины[124]. Без подобного обещания и его скорейшего выполнения оказалось бы проблематичным сохранение необходимого германо-итальянского влияния в стране.

Как и в Румынии, в соседней Венгрии во второй половине 1940 г. вследствие военных успехов Германии заметно активизировались общественные движения местных немцев, все более настойчиво претендовавшие на приобщение к власти[125]. Однако там правительство Телеки пыталось, насколько возможно, саботировать требования "третьего рейха" по предоставлению им более широкого поля деятельности[126]. Что же касается результатов арбитража, то если в Румынии они были восприняты как национальная катастрофа, то в Венгрии они вызвали чувство неудовлетворенности в различных слоях общества[127]. Хортистская политическая и финансово-промышленная элита, не устававшая твердить об исторической целостности Трансильвании и ее единстве как хозяйственного организма, не могла примириться прежде всего с тем, что южная, более развитая в экономическом отношении часть Трансильвании осталась у Румынии, ибо в Берлине совсем не были заинтересованы в ослаблении зависимости Венгрии от германской индустрии[128]. Хорошо осознавали в Будапеште и невыгодность новой границы как с военно-стратегической, так и с экономической точки зрения. Вследствие произвольного проведения на карте довольно бессмысленной линии были разрушены издавна сложившиеся экономические связи между районами, перерезаны важнейшие дороги, города отрезаны от пригородов, а следовательно часть населения от мест работы, оставшихся в другой стране. К тому же румыны угнали в пределы своих новых границ весь подвижной железнодорожный состав и другие средства передвижения и в результате в Северной Трансильвании со всей остротой встала транспортная проблема. Как не без оснований отмечалось в справке НКИД СССР о Трансильвании, подготовленной уже после войны, в декабре 1945 г., "с экономической точки зрения раздел Трансильвании не удовлетворил Венгрию, так как не дал необходимых ей источников сырья, и совершенно нарушил экономическую жизнь Румынии, разрезав железнодорожные магистрали, оторвав промышленные предприятия от источников сырья и от потребителей"[129].

При этом в Будапеште прекрасно понимали, что размещение в Румынии германских войск и данные Берлином гаран-

inslav

тии неприкосновенности откладывают на самый неопределенный срок возможность постановки вопроса о более полном удовлетворении венгерских притязаний и даже о некотором исправлении границ в интересах нормализации хозяйственной жизни отдельных районов, преодоления экономической дестабилизации, которую вызвало непродуманное разрезание провинции на две части "по живому телу" без учета всего комплекса сложившихся связей. В целом в венгерских политических кругах расценивали решение венских арбитров как вынесенное в пользу отнюдь не Венгрии, но Германии, путем разделения Трансильвании на две части создавшей для себя рычаги одновременного воздействия на обе страны. Столь явная зависимость результатов арбитража от внешнеполитических интересов "третьего рейха" не могла не наводить наиболее здравомыслящих хортистских политиков на скептические размышления. Широкую известность в стране приобрели высказывания влиятельнейшего англофильски настроенного консервативного политика, бывшего премьер-министра И. Бетлена о том, что Северную Трансильванию легко было получить, однако труднее ее будет сохранить, ибо немцы никак не хотят допустить образования "Великой Венгрии", способной экономически доминировать на Дунае, а политически кооперироваться с Италией[130].

Более широкое общественное мнение в Венгрии также неоднозначно отнеслось к результатам арбитража, о чем полпредство СССР сообщало в Москву. Отнюдь не все выражали воодушевление, напротив, "средний человек с улицы" зачастую демонстрировал еще больший скептицизм, чем те, кто делал политику в Будапеште; нередко от него можно было услышать, что к 10 млн бедняков прибавили еще 2,5 млн[131]. Особенно велико было недовольство народа всеобщей мобилизацией, нарушившей нормальную хозяйственную жизнь страны. Весной 1941 г., в напряженном ожидании грядущего столкновения СССР и Германии, сочувствие масс отнюдь не всегда было на стороне "третьего рейха", о чем свидетельствовали носивший характер своего рода политической демонстрации успех советского павильона на международной выставке в Будапеште, факты открытого возмущения населения передвижением по венгерской территории немецких войск в ходе антиюгославской кампании вермахта[132].

С присоединением к венгерскому государству Южной Словакии, Закарпатской Украины и особенно Северной Трансильвании возникла проблема национального меньшинства, не актуальная для трианонской Венгрии. С румынской стороны был поставлен вопрос о заключении договора о нацменьшинствах (в Южной Трансильвании и Банате наряду с немцами остава-

inslav

лось, согласно венгерской статистике, до 750 тыс. венгров, тогда как в Северной Трансильвании более 1 млн румын), однако в Будапеште не были склонны пойти на это. "Всякий договор должен быть построен на принципах взаимности. Какая же может быть взаимность, если мы пригласим румынских депутатов в парламент и епископа в высшую палату, а у румын ни того, ни другого не существует. Вообще это легионерское государство не является пока что стабильным, и заключать договор о нацменьшинстве с таким государством мы не имеем возможности", — говорил в середине октября 1940 г. полпреду Н. Шаронову один из высокопоставленных хортистских чиновников[133].

Факты указывали на то, что в обеих частях Трансильвании национальный вопрос после Венского арбитража приобретал еще большую, чем прежде, остроту. Хортистское правительство заявило об оставлении в силе результатов румынской аграрной реформы. Венгерские магнаты, имевшие до 1920 г. владения в Трансильвании, должны были, таким образом, лишиться надежды на их возвращение[134]. Правда, вопреки декларациям новые власти все же пошли на частичный пересмотр аграрной реформы в пользу венгерских землевладельцев, что вызвало недовольство румынского населения. В свою очередь, в южной, румынской части Трансильвании правительство Антонеску, чтобы поправить расстроенные финансы, дважды после Венского арбитража провело конфискацию капиталов, жертвами ее стали прежде всего этнические венгры. Это вызвало в Северной Трансильвании яростную реакцию. Созданная ирредентистами в Коложваре так называемая "венгерская ревизионистская лига" обвиняла Румынию в намеренном экономическом разорении венгерского нацменьшинства[135]. Уже осенью 1940 г. официальный Бухарест обратился к арбитрам с жалобой на притеснения румынского населения в Северной Трансильвании, в румынской прессе звучали утверждения о том, что арбитрами должны быть надлежащим образом гарантированы не только целостность страны в ее новых границах, но и существование в венгерской Трансильвании такого политического режима, который бы исключал дискриминацию румын, волею третейского суда ставших в августе 1940 г. венгерскими подданными (зафиксированные в решении арбитража обязательства обеспечить равноправие меньшинств оставались во многом на бумаге). Работавшая в ноябре 1940 г. в Коложваре германо-итальянская комиссия по расследованию взаимных венгерско-румынских претензий составила доклад в пользу Румынии, подтверждая ее обвинения против Венгрии и рекомендуя создать постоянную комиссию по урегулированию конфликта между двумя странами[136]. Все это, однако, мало изменило положение дел: острота национального вопроса в Трансильвании при

inslav

сохранявшейся крайней напряженности в отношениях двух стран не ослабевала. Опасаясь политической активизации румынского населения, Будапешт не решился даже провести парламентские выборы в Северной Трансильвании, депутаты от этого края вошли в парламент по правительственному назначению. Среди них были немцы (хотя немецкое меньшинство осталось главным образом в Южной Трансильвании), но не было ни одного румына, представляющего интересы 1,2-миллионного меньшинства, наиболее значительного в новых границах Венгрии. Система административного управления, выстраивавшаяся венгерскими властями в Северной Трансильвании, с самого начала отличалась от того, что было в самой Венгрии. Так, правительством назначается Верховный комиссар по делам Северной Трансильвании с широкими полномочиями.

Комментируя все происходящее, германский посланник в Будапеште Эрдманнсдорф цинично заявлял полпреду СССР Шаронову: и венгры, и румыны сильно шумят, "но обе стороны великолепно знают, что решить спорные вопросы вооруженной силой им никто не разрешит"[137]. Анализируя ситуацию, сложившуюся вокруг Трансильвании осенью 1940 г., полпред приходил к справедливому выводу о том, что арбитраж фактически не решил, а только осложнил возможность разрешения конфликта[138]. Единственной стороной, сумевшей извлечь несомненную политическую выгоду из результатов Венского третейского решения, оказалась в самом деле Германия. Она не только сумела предотвратить назревавший военный конфликт между своими сателлитами, но получила на более долгий срок дополнительные возможности играть в своих интересах на венгерско-румынских противоречиях[139]. Как отмечалось в одной из отечественных работ по теме нашего исследования, Гитлер, используя национально-территориальный спор между Венгрией и Румынией, венским диктатом прочно привязал обоих своих младших партнеров к колеснице германской военной машины, сократив до минимума свободу их самостоятельного маневра. В то же время он оставил у каждого из них "надежду на то, что берлинский хозяин когда-нибудь в будущем скорректирует в их пользу новые, им же установленные в венском Бельведере границы двух стран. В конечном счете румыны и венгры в равной мере надеялись получить из рук берлинского диктатора всю Трансильванию"[140]. В условиях, когда уже вовсю велась подготовка плана "Барбаросса", это ставило их в еще большую политическую зависимость от Германии, заставляло подчиняться ее требованиям, в том числе относительно посылки войск на Восточный фронт. Таким образом, венгеро-румынские территориальные противоречия сыграли на руку осуществлению военных планов

inslav

"третьего рейха", способствовали втягиванию обеих стран-антагонистов в войну с СССР. С другой стороны, сохранявшаяся в течение всей войны враждебность двух соседних государств (формально союзнических вплоть до 23 августа 1944 г.) порождала в Наркоминделе СССР в 1942 — 1943 гг. определенные иллюзии относительно того, что неразрешенный венгеро-румынский территориальный спор станет важным фактором подрыва стабильности внутри блока фашистских государств, приведет в конце концов к его развалу[141]. Эти иллюзии, однако, основывались на некоторой недооценке военно-политической мощи Германии, ее способности долгое время удерживать в узде обоих своих сателлитов. К тому же маршалу Антонеску удалось обратить взоры значительной части румын на Восток, не то чтобы заставив забыть их боль утраты, но посулив солидную компенсацию за счет украинских земель. (Ситуация стала другой только в августе 1944 г., после решающего изменения соотношения сил на Восточном фронте.)

Официальные советско-венгерские отношения после второго Венского арбитража не претерпели существенных изменений, продолжая оставаться достаточно безоблачными вплоть до антиюгославской кампании апреля 1941 г., когда советская сторона довольно жестко отреагировала на участие Венгрии в балканской операции вермахта в нарушение имевшегося (подписанного всего за несколько месяцев до этого, в декабре 1940 г.) венгеро-югославского договора о мире и дружбе[142]. Полпредству СССР были известны высказывания графа Чаки в беседах с иностранными дипломатами о том, что "Россия является нашим обеспечением против Германии" (т.е. защитой на случай планов аншлюсса). При этом министр не забывал, что "немцы отдали нам не всю Трансильванию, тогда как русские признали справедливыми все наши требования"[143]. С одной стороны, предвидя возможность антисоветского поворота в политике "третьего рейха"[144], венгерские внешнеполитические круги еще менее, чем ранее, были склонны делать длительную ставку на СССР, вопрос о каком-либо договоре с СССР со стороны Будапешта официально не поднимался. С другой стороны, даже после осложнения в начале апреля отношений с СССР у части хортистской элиты сохранялись некоторые надежды на поддержку Советским Союзом их территориальных притязаний и даже на совместную акцию по дальнейшему расчленению Румынии[145].

При том что в силу объективной мощи "третьего рейха" все более доминирующей в Венгрии становилась прогерманская политическая ориентация, опиравшаяся на растущую экономическую зависимость Будапешта от Берлина, не сжигались и мосты к западным демократиям, что проявилось в сохранении

inslav

сильных позиций группы И. Бетлена. Ведя двойную игру, хортистская элита во главе с графом П. Телеки пыталась на случай поражения Германии заручиться доказательствами вынужденности своих внешнеполитических шагов, сделанных под давлением "третьего рейха"[146]. Однако, несмотря на стремление сохранить нейтралитет, Венгрия, подчиняясь диктату держав "оси", все более втягивалась в войну, превращаясь в орудие осуществления планов Германии. В своем информационно-аналитическом письме, адресованном НКИД в декабре 1940 г., Шаронов, комментируя заключенный договор о дружбе между Венгрией и Югославией, отмечал, что этот договор явится весьма незначительным препятствием для осуществления Будапештом при поддержке Германии ревизионистских планов в отношении Югославии (в первую очередь, возвращения Воеводины) в случае, если "третий рейх" нападет на Югославию, используя венгерскую территорию для опорных пунктов вермахта[147]. Примерно так оно и произошло в апреле 1941 г. Самоубийство премьер-министра П. Телеки явилось отчаянным жестом, совсем не воспрепятствовавшим проведению вермахтом балканской операции при непосредственном участии Венгрии в решении германских военных задач[148].

Низведение Венгрии (как несколько ранее и Румынии) до положения сателлита "третьего рейха" означало, что в случае войны Германии с СССР решать вопрос о конкретной функции хортистского режима в реализации планов вермахта на Восточном фронте должны были не в Будапеште, а в Берлине. И сколь бы ни были внешне безоблачными хортистско-советские отношения, базировавшиеся в 1940 г. на платформе антирумынской солидарности, ситуация могла кардинальным образом измениться в течение считанных дней. Надеясь воспрепятствовать непосредственному участию Венгрии в войне против СССР, Молотов на второй день после нападения Германии попытался разыграть в диалоге с Будапештом трансильванскую карту. Вызвав посланника Криштоффи, он заявил ему 23 июня 1941 г.: если Венгрия не вступит в войну против СССР, тогда по окончании войны Советский Союз будет поддерживать венгерские требования в отношении Трансильвании[149]. Этот довольно спонтанно возникший дипломатический ход оказался, однако, безрезультатным — Венгрия сделала выбор в пользу Германии. На следующий день после известной провокации с бомбардировкой г. Кашша (Кошице) 26 июня якобы советской авиацией венгерское правительство под давлением Гитлера объявляет войну СССР. Вступив в войну на стороне "третьего рейха", хортисты рассчитывали в качестве вознаграждения получить содействие в восстановлении "исторической Венгрии" в прежних границах.

inslav

Вопрос о дальнейших судьбах Трансильвании утратил актуальность для Москвы вплоть до начала 1944 г., когда явно обозначилась перспектива победы антифашистской коалиции, что поставило в повестку дня советской политики и дипломатии задачу выработки установок относительно послевоенного переустройства Европы. Как явствует, в частности, из записки И.М. Майского В.М. Молотову от 10 января 1944 г.[150], в советских стратегических планах придавалось гораздо большее значение Румынии, чем Венгрии. С Румынией предполагалось заключить на длительный срок пакт о взаимопомощи с предоставлением СССР на ее территории необходимого количества военных (в том числе морских и воздушных) баз. Причем если применительно к Болгарии и Югославии считалось возможным заключить тройственный пакт между Англией, СССР и соответственной балканской страной, то пакт с Румынией непременно мыслился как двусторонний[151].

В той же записке Майского отмечалось, что СССР не заинтересован в создании сильной Венгрии, которой к тому же, как и Италии, необходимо дать понять, что союзники не забыли ее позиции в нынешней войне. Политика СССР в отношении Венгрии должна была сводиться к тому, чтобы "сохранить венгерское государство, но по возможности сузить его территорию, строго следуя этнографическому принципу. В тех случаях, когда в применении данного принципа возникают какие-либо сомнения, решать вопрос следует против Венгрии". Третейское решение о Трансильвании предполагалось пересмотреть в соответствии с национальным принципом, "но с известным уклоном в пользу Румынии", которая, заключив пакт взаимопомощи с СССР, "станет важным фактором нашей обороны" на балканском направлении. В отличие от Румынии, превращаемой в союзника СССР, Венгрия, "по крайней мере на первые годы после войны, должна быть оставлена в положении международной изоляции"[152]. Таким образом, в балканской стратегии СССР первоочередное значение придавалось заключению пакта с Румынией, и это заставило Наркоминдел существенно пересмотреть свои довоенные установки по трансильванскому вопросу.

Румынская сторона совершала встречное движение в целях добиться от Советского Союза признания прав Румынии на Трансильванию. С 29 марта по 12 апреля 1944 г. посланник СССР в Египте Н.В. Новиков и советник посольства Д. Солод неоднократно встречались с представителем либеральных румынских кругов в эмиграции князем Б. Штирбеем, пытавшимся прозондировать почву относительно условий выхода Румынии из войны. Как было установлено в ходе бесед и передано в Москву, "румыны придают первостепенное значение вопросу

inslav

о возвращении Трансильвании". К этой теме Штирбей возвращался почти в каждой беседе с советскими дипломатами. Так, 29 марта он сказал: "Вопрос о Трансильвании очень дорог сердцу румын, и положительное его разрешение подняло бы дух румынской нации". В следующей беседе он прямо спросил дипломатов, готово ли советское правительство дать заверения о возвращении этой области Румынии. Если бы в текст соглашения о перемирии был бы включен пункт, касающийся передачи Трансильвании Румынии, это, несомненно, подействовало бы на румын весьма ободряюще. Советская сторона в ходе бесед настаивала на разрыве Румынии с Германией, участии ее армии в войне на стороне антифашистской коалиции, восстановлении советско-румынской границы в соответствии с договором 1940 г., возмещении убытков, возвращении военнопленных и интернированных. В свою очередь, СССР готов был взять на себя обязательство аннулировать решения Венского арбитража по вопросу о Трансильвании.

Советские дипломаты в Египте встречались также со своими английскими и американскими коллегами. Как доносил в Москву Новиков по итогам бесед, западные союзники, кажется, не были настроены давать Румынии обязательства по вопросу о Трансильвании. Так, 8 апреля, ознакомившись с проектом советских условий перемирия, они выразили некоторые сомнения в связи с уже включенным туда пунктом, где речь шла об аннулировании решений Венского арбитража по вопросу о Трансильвании. При этом было замечено, что "пожалуй, сейчас преждевременно давать такие ясные и определенные обязательства румынам". Определенный ответ на советские предложения был ими отложен до консультаций со своими правительствами[153].

Сдержанное отношение внешнеполитических кругов Великобритании к передаче Трансильвании Румынии проявилось и в некоторых документах, подготовленных консультировавшими Форин Оффис независимыми экспертами и отражавших их установки по послевоенному переустройству континента. Так, в Наркоминделе СССР стала известна записка, составленная в Оксфорде для британского правительства и датированная 27 декабря 1942 г. В ней рассматривались все возможные способы разрешения трансильванской проблемы, причем явное предпочтение отдавалось превращению Трансильвании в самостоятельное государство, являющееся членом Дунайского союза, в состав которого входили бы и Венгрия, и Румыния[154]. Звучавший в антиправительственных листовках румынской либеральной оппозиции тезис о том, что англичане и американцы гарантируют румынскому народу восстановление старых границ[155], не имел под собой, таким образом, серьезных оснований[156].

inslav

Вариант, связанный с созданием самостоятельной Трансильвании, рассматривался среди прочих Комиссией НКИД СССР по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства, собравшейся в июне 1944 г. на специальное заседание, посвященное будущему этого края. Предметом обсуждения стала записка от 5 июня, подготовленная председателем Комиссии М.М. Литвиновым[157]. Ее автор хорошо понимал, что смешанный состав населения в крае исключал в случае с Трансильванией самый простой способ разрешения национально-территориальных споров — строгое соблюдение этнического принципа при проведении границ. Приходилось изыскивать другие способы. Литвинов осознавал трудность и даже невозможность "найти такое разрешение проблемы, которое удовлетворяло бы и Венгрию, и Румынию. Любое разрешение будет вызывать недовольство одного или другого из этих государств, а то и обоих государств"[158].

Исходным пунктом построений Литвинова явился тезис о том, что державы-победительницы (Объединенные Нации) свободны от каких бы то ни было обязательств в отношении Трансильвании, поскольку Трианонский договор, как и всякие другие установления Версальской системы, утратил свою силу, коль скоро Венгрия и Румыния являются враждебными государствами. Поскольку после Венского арбитража национальный вопрос в Трансильвании так и не был решен, нельзя признать удовлетворительным положение, сложившееся вследствие вмешательства держав "оси" в августе 1940 г. С политической точки зрения, также невозможно было оставить в силе решение, принятое Германией и Италией в условиях до сих пор еще не завершившейся войны, тем более что при таком подходе в выигрыше осталась бы лишь одна Венгрия.

Еще менее правильным было бы, по мнению Литвинова, включение всей Трансильвании в состав Венгрии, т.е. возвращение к положению, существовавшему до первой мировой войны. Венгрия была первым государством, примкнувшим к Антикоминтерновскому пакту. Кроме того, она выступила без малейшего повода на стороне Германии сразу же после нападения последней на СССР. При этом у нее не могло быть даже таких территориальных претензий к СССР, которыми пытаются оправдать свое участие в войне Финляндия и Румыния. "Вознаграждать ее за все это удовлетворением ее основных территориальных вожделений было бы ни с чем не сообразно"[159].

В политике, конечно, тут же сделал важную оговорку Литвинов, "приходится руководствоваться исключительно соображениями целесообразности" и с этой точки зрения "можно было бы мыслить даже воссоединение Трансильвании с Венгрией при условиях, обеспечивающих тесное и длительное сотрудни-

inslav

чество последней с СССР". Такое сотрудничество, однако, признавал он далее, было бы возможно лишь при основательном перевороте в стране,"полном устранении нынешних правящих классов", выходе на первый план тех новых сил, которые были бы способны составить базу обновленных отношений. Поиск таких сил — дело непростое, поскольку все легальные политические партии, включая социал-демократов и партии мелких хозяев, на протяжении всего хортистского периода "соперничали друг с другом в своей враждебности к СССР". Если какая-либо из этих партий взамен получения Трансильвании даже изъявит готовность сотрудничать с СССР, едва ли было бы политически разумным положиться на ее обязательства. Литвинов обращал внимание и на то, что Венгрия, вполне возможно, будет по-прежнему враждовать с дружественной СССР Чехословакией, которая должна получить от нее обратно Закарпатскую Украину и аннексированную хортистским режимом часть Словакии, и с другим дружественным государством — Югославией, которой также должны быть возвращены захваченные Венгрией в течение войны территории.

Бывший нарком принимал, однако, во внимание и то, что "Румыния также является вражеским государством, заслуживающим наказания, а не вознаграждения". Однако учитывая опять-таки большую стратегическую важность Румынии для СССР, передача ей Трансильвании рассматривалась им как вполне мыслимое дело взамен прочной гарантии тесного и длительного сотрудничества с СССР и полного отказа от своих претензий на Бессарабию и Буковину. Литвинов рассчитывал на то, что, получив Трансильванию, Румыния сочла бы себя достаточно компенсированной за потерю Бессарабии и Буковины, обладание которыми (особенно Бессарабией) она не могла не считать для себя делом весьма проблематичным ввиду никогда не скрывавшихся претензий СССР на эти земли. С другой стороны, толкнуть Румынию к сближению с СССР помогла бы ее сильная заинтересованность в защите большой державы против притязаний Венгрии, которая никогда не примирится с окончательной потерей всей Трансильвании. Согласно оценке Литвинова, в отличие от Венгрии, в Румынии еще до войны были влиятельные политические силы, ориентированные на сотрудничество с СССР. В начале лета 1944 г. особые надежды в этом плане возлагались на национал-царанистскую партию во главе с уроженцем Трансильвании Ю. Маниу, которая, как предполагалось, могла бы в случае присоединения Трансильвании выступить в поддержку союза с СССР. По мнению бывшего главы Наркоминдела, идея дружбы с Советским Союзом могла бы найти себе особенно много горячих сторонников именно среди румынского насе-

inslav

ления Трансильвании, "избавившегося наконец от кошмара венгерского угнетения"[160].

Наконец, в пользу воссоединения Трансильвании с Румынией говорила и ожидавшаяся поддержка этой акции мировым сообществом. Как полагал Литвинов, значительная часть Объединенных Наций, входящих в антигитлеровскую коалицию, будет руководствоваться принципом самоопределения народов и с этой точки зрения сочтет предпочтительным способом решения проблемы передачу этого края Румынии, поскольку румыны составляют в нем большинство. Вообще при разрешении территориальных проблем он считал более целесообразным прибегать к этнической, а не исторической аргументации, учитывая, что свои притязания на Западную Украину и Западную Белоруссию Польша обосновывает именно историческими аргументами.

Таким образом, обязательным условием передачи Трансильвании тому или иному претенденту виделось получение от него прочной гарантии сотрудничества. Между тем, как отмечалось далее в записке опытнейшего дипломата, "в политических отношениях благодарность быстро испаряется. С другой стороны, горечь от утери территории сохраняется долго". Учитывая изменчивость ситуации на международной арене, почти не поддающейся долгосрочным прогнозам, Литвинов считал обещания и даже письменные обязательства румын недостаточной гарантией их последовательного сотрудничества с СССР. В случае невозможности получения более солидных гарантий (каких именно, не уточнялось) не исключалось иное, "может быть, даже более удачное" решение вопроса. Речь шла о создании самостоятельного Трансильванского государства вне каких-либо союзов и федераций. Такой вариант считался возможным, поскольку, как отмечалось далее в записке, "при населении свыше 5 млн человек и площади свыше 100 тыс. кв. км Трансильвания была бы больше многих других европейских государств, обладая к тому же значительными экономическими ресурсами"[161]. Впрочем, эта идея, по мнению Литвинова, могла рассматриваться как жизнеспособная лишь при условии гарантий, которые дала бы независимой Трансильвании соседняя большая держава. "Оставаясь яблоком раздора между своими двумя соседями, Венгрией и Румынией, Трансильвания не могла бы существовать без покровительства какого-либо близкого к ней сильного государства, каковым в данном случае являлся бы СССР, имеющий с ней общую границу". Как полагал Литвинов (не приводя, впрочем, никаких аргументов в пользу своей точки зрения), такое решение трансильванского вопроса не только не противоречило бы принципу самоопределения народов, а еще больше отвечало бы этому принципу, нежели пере-

inslav

дача Трансильвании Румынии либо Венгрии. С другой стороны, оно имело бы то преимущество для СССР перед другими решениями, что не укрепляло бы ни одной из соседних с ним стран, каждая из которых, Румыния и Венгрия, занимала во время войны враждебные позиции. По мнению Литвинова, контроль над новым государством позволил бы усилить советское давление как на Венгрию, так и на Румынию и тем самым воспрепятствовать стремлению и той, и другой страны войти в какие-либо враждебные СССР коалиции. Такой контроль, по расчетам опытнейшего внешнеполитического эксперта, усилил бы также советское влияние на балканские государства, особенно на Югославию, граничащую с Банатом, который вошел бы в состав независимой Трансильвании. В конце записки следовало немаловажное уточнение, свидетельствующее о том, что Литвинов рассматривал создание независимой Трансильвании все же как временную меру, вынужденную конкретными историческими обстоятельствами: "Во всяком случае, решение о самостоятельной Трансильвании можно было бы принять хотя бы лишь временно, впредь до выяснения возможности искреннего сотрудничества с нами Румынии или Венгрии и принятия соответственного иного решения"[162].

8 июня 1944 г. на заседании Комиссии НКИД СССР по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства состоялось обсуждение записки Литвинова с участием С. Лозовского, Д. Мануильского, Я. Сурица и Б. Штейна[163]. В черные дни холокоста, когда миллионы евреев Восточной Европы гибли в газовых камерах нацистских концлагерей, пять левых интеллектуалов еврейского происхождения, с юности примкнувших к российскому революционному движению и сделавших выбор в пользу большевизма, проектировали (будучи востребованными Сталиным) новый порядок в Европе, который навсегда исключил бы фашистское варварство.

Суриц назвал явно неприемлемой идею передачи Трансильвании Венгрии. По его мнению, она явилась бы "грубым нарушением интересов большинства трансильванского населения, ничем не оправданным актом вознаграждения одного из наиболее ретивых сателлитов Германии" и к тому же огромной опасностью для союзнической Чехословакии[164]. Сохранение же в силе статус-кво означало бы санкционирование союзниками актов гитлеровской дипломатии. Выбор, таким образом, должен быть сделан между двумя другими вариантами: передачей Трансильвании Румынии и превращением ее в самостоятельное государство. Первый вариант Суриц считал мыслимым лишь при наличии двух основных предпосылок: коренного изменения государственного режима послевоенной Румынии (в частности, создания там дружественного СССР правительства)

inslav

и полного отказа Румынии от претензий на Бессарабию и Буковину, подкрепленного прочными солидными гарантиями.

На первый взгляд, продолжал Суриц, создание самостоятельного государства выглядит более предпочтительным вариантом. "Но у меня вызывают большие сомнения, должны ли мы при реорганизации будущей послевоенной Европы стать на путь ее парцелляции и балканизации, что, бесспорно, немало содействовало усилению анархии в Европе после первой мировой войны"[165].

В отличие от Литвинова Суриц обратил внимание на отсутствие самостоятельной трансильванской нации. Правда, прозвучавший в его выступлении тезис о том, что в Трансильвании так никогда и не сложилась собственная традиция государственности, заметно упрощал реальную историческую картину (достаточно вспомнить ту упорную борьбу, которую вело сильное трансильванское княжество против австрийского владычества в XVII — начале XVIII в). Тем не менее Суриц был прав, утверждая, что борьба за создание независимой Трансильвании так и не смогла сплотить воедино венгров и румын и заставить их забыть свою национальную рознь. История дала куда больше примеров того, как представители обеих составных наций (особенно румын) выступали за присоединение к своей "матери-родине". Идея независимой Трансильвании действительно была довольно утопична хотя бы уже из-за фактического отсутствия самостоятельной трансильванской политической элиты, на которую могли бы опереться покровительствующие такому государству более крупные державы, в частности СССР. Более правильной установкой стала бы, считал Суриц, ориентация на передачу Трансильвании Бухаресту. Такое решение облегчили бы "соображения этнического порядка", ведь большинство населения в крае составляют румыны[166]. Как и Литвинов, Суриц полагал, что, передав румынам Трансильванию, СССР заставит их отказаться от претензий на Бессарабию и, более того, заложит основы для действительно прочной зависимости Румынии от советской политики. Такую перспективу он считал тем более реальной, что Трансильвания с ее богатыми природными ресурсами гораздо более заманчива для Румынии, чем Бессарабия[167].

Признавая, что как Венгрия, так и Румыния, будучи союзниками фашистской Германии, несут свою долю ответственности за продолжение войны, Суриц в то же время призвал "не мазать одним миром" Румынию и Венгрию. Доказывая необходимость более дифференцированного подхода к этим двум странам, он, однако, не шел дальше репродуцирования традиционных для российского политического сознания стереотипов о венграх как об авангарде германизма и орудии уг-

inslav

нетения славянских народов. С гораздо большим аналитическим блеском бывший меньшевик, ставший одним из крупнейших советских дипломатов, обосновал нереальность венгеро-румыно-трансильванской федерации (под эгидой СССР), которую в принципе не исключал в качестве временной меры Литвинов. По мнению Сурица, совсем не могла быть жизнеспособной комбинация двух кровавых врагов плюс некая величина, составленная из двух слагаемых, из которых каждое тянет в свою сторону[168].

Выступивший вслед за Сурицем Лозовский оспорил мнение последнего о том, что СССР не должен повторять ошибок Версаля, идя по пути парцелляции. "Что же нам — создать большие государства и федерации, которые потом будут против нас? Я не думаю, что парцелляция в Европе нам вредна. Чем больше мы отрежем от вражеских стран территорий, тем лучше"[169]. Что касается Германии, то вопрос о необходимости ее парцелляции вообще не вызывал у Лозовского никаких сомнений.

Поскольку СССР не заинтересован в том, чтобы усиливать ни Венгрию, ни Румынию, Лозовский счел предпочтительным пойти по линии создания самостоятельного Трансильванского государства. Ресурсы Трансильвании могут быстро восстановить подорванные силы Румынии, и это представит угрозу для СССР при том режиме, который там сохраняется и, вероятно, сохранится в обозримом будущем (в отличие от Литвинова Лозовский не склонен был питать иллюзий относительно просоветской ориентации румынской либеральной и национал-крестьянской оппозиции). Все зависело, таким образом, от характера правления в Румынии: вопрос о передаче ей Трансильвании (в этом не имелось принципиальных расхождений между участниками дискуссии) был поставлен в самую прямую зависимость от характера политического режима в этой стране.

Как следует из материалов комиссии Литвинова, в начале лета 1944 г. в Наркоминделе СССР рассматривались, таким образом, два возможных варианта решения трансильванской проблемы: создание (хотя бы временное) независимой Трансильвании или передача этого края Румынии. Между ними и предстояло сделать выбор. Имеющиеся в нашем распоряжении документы не позволяют однозначно установить, когда была бесповоротно отброшена идея самостоятельной Трансильвании. Очевидно, что решающее значение для определения окончательной советской позиции имели разрыв Румынии с Германией 23 августа 1944 г. и последующее объявление ей войны. Бывший король Румынии Михай Гогенцоллерн (в августе 1944 г. 22-летний молодой человек, с ведома и согласия которо-

inslav

го вследствие военного переворота был арестован маршал Антонеску) в декабре 1993 г. говорил венгерскому историку М. Фюлепу о том, что в преддверии августовского поворота в румынских политических кругах знали о неготовности Великобритании и США гарантировать право Румынии на Трансильванию. В этих условиях румынская элита особенно рассчитывала на поддержку СССР. Поворот 23 августа, совершенный в момент, стратегически весьма удобный для наступающей Красной Армии, явился актом, осуществленным в первую очередь в расчете на то, чтобы облегчить возвращение Северной Трансильвании[170]. Расчет оказался оправданным. Соглашение трех союзных держав о перемирии с Румынией от 12 сентября 1944 г. аннулировало решение второго Венского арбитража. Одна из статей этого соглашения гласила, что Северная Трансильвания (или значительная ее часть) возвращаются Румынии при соответствующем мирном урегулировании. Это означало, что окончательное решение вопроса должно было оказаться в принципе благоприятным для Румынии и вместе с тем оно откладывалось до заключения мирных договоров как с ней, так и с соседней Венгрией. Порядок и сроки передачи этого края румынской администрации предстояло установить особо. Очень существенная оговорка насчет "значительной части" была включена в соглашение по настоянию британской стороны[171]. Однако и Советский Союз не возражал против этого предложения, так как известная "подвешенность" трансильванского вопроса (вплоть до образования в Румынии приемлемых для СССР правительств) давала возможность оказывать давление на эту страну, о чем речь пойдет ниже. Через год, на Лондонской сессии Совета министров иностранных дел держав-победительниц Молотов говорил о проявленной в сентябре 1944 г. осторожности: если появятся какие-либо новые обстоятельства, руки не должны быть связаны жестким решением в пользу только одной стороны.

В те самые дни, когда велась подготовка соглашения о перемирии, немецкие и венгерские войска предприняли наступление в Трансильвании. Румынская делегация на переговорах о перемирии, происходивших в Москве, от имени своего правительства обратилась в НКИД СССР с предложением о координации боевых действий советской и румынской армий по отражению этого наступления (очевидно, с некоторым расчетом на то, что румынским войскам удастся укрепиться в освобожденных от противника районах Трансильвании). По мнению НКИД, на данной стадии отношений СССР с Румынией вопрос этот не мог быть рассмотрен как дипломатический, а всецело относился к компетенции командования 2-го Украинского фронта[172], которое в свою очередь не было склонно придавать

inslav

сколько-нибудь большое значение участию румынских войск в данной операции, завершившейся осенью 1944 г. полным освобождением Трансильвании[173].

Подобно юному королю Михаю и его ближайшему окружению, регент королевской Венгрии М. Хорти в начале осени 1944 г. также искал путей выхода из войны. Однако надежды на осуществление плана Черчилля относительно наступления англо-американских войск с юга и приближения их к венгерским рубежам оказались несбыточными, а обращение к СССР нерешительным и запоздалым. В письме Сталину, переданном в Кремль 1 октября венгерской делегацией, тайно прибывшей в Москву для ведения переговоров об условиях перемирия, содержалась просьба повлиять на союзников с тем, чтобы выработанные условия перемирия оказались совместимы с "интересами и честью" как Венгрии, так и СССР. Говорилось в письме и о "чудовищном отношении" Румынии к венграм в Трансильвании, которому Венгрия намеревалась положить конец в 1940 г.[174]. Послание регента оказалось мертворожденным, и не только потому, что вопрос о возвращении Трансильвании Румынии был в значительной мере уже предрешен[175]. 15 октября 1944 г. Хорти в результате переворота был отстранен от власти, а пришедшее ему на смену нилашистское правление отодвинуло еще на несколько месяцев перспективу выхода Венгрии из войны[176]. Под властью нилашистов страна оставалась сателлитом Германии даже тогда, когда прочие ее европейские союзники один за другим перекочевали в противоположный стан.

По мере освобождения территории Северной Трансильвании от немецких и венгерских войск правительство генерала К. Санатеску все более настоятельно требовало от советского командования разрешения на формирование в освобожденных районах органов румынской гражданской администрации. Однако советская сторона не торопилась с выполнением этой просьбы, ссылаясь, как правило, на недостаточно тщательное выполнение новым румынским правительством некоторых положений соглашения о перемирии (прежде всего связанных с поставками продовольствия, тыловым обеспечением сражающейся Красной Армии)[177]. Тем не менее, не дожидаясь санкции Союзной Контрольной комиссии (действовавшей под руководством советских представителей), румынские власти направляли из Бухареста в Северную Трансильванию своих полномочных эмиссаров, занимавшихся восстановлением органов местного управления, ликвидированных после второго Венского арбитража[178]. В ряде городов и сел при попустительстве формировавшейся румынской администрации имели место настоящие погромы, приведшие к жертвам среди мирного венгерского населения. Ответственность за них несли воору-

inslav

женные отряды националистического толка, вожаки которых в то же время заявляли о своей ориентации на лидера национал-царанистской партии Ю. Маниу, видного деятеля антифашистской оппозиции в Румынии (сам Маниу всячески отрицал свою причастность к действиям этих отрядов)[179]. Незаконные акции национал-экстремистов явились крайним выражением обострения межэтнических противоречий, проявлявшегося и в других формах. Так, в некоторых случаях румынские власти как в Бухаресте, так и на местах, ссылаясь на одно из положений соглашения о перемирии, пытались добиться от советского командования разрешения на интернирование венгров[180]. Советская сторона не была склонна идти на удовлетворение этого требования, исходя из того, что отмена решений второго Венского арбитража автоматически влечет за собой восстановление в румынском гражданстве всех коренных трансильванцев независимо от национальности. Вопрос этот был окончательно снят с повестки дня лишь после выхода Венгрии из войны в начале 1945 г.[181].

В связи с обострением межэтнических противоречий, нарушавших спокойствие в тылу Красной Армии, командование в ноябре 1944 г. приняло решение о передаче управления во всех уездах Северной Трансильвании в ведение Советской военной администрации. Представители центральных, бухарестских властей удалялись; были заменены также многие чиновники, выполнявшие определенные функции на низовом уровне (сельские префекты, начальники полиции и т.д.)[182]. На первый план в деятельности назначенных советских комендантов выходят задачи налаживания экономической жизни в разоренном войной и разграбленном крае[183]. Возникшее вследствие второго Венского арбитража разрушение хозяйственных связей с Южной Трансильванией и так называемым "Старым Королевством" (т.е. Валахией и Молдовой) только усугубляло остроту экономического кризиса. Нормализация экономики затруднялась также из-за нехватки оборотного капитала, вывезенного крупными бизнесменами венгерского происхождения, бежавшими на Запад вместе с отступающей венгерской армией.

Круг полномочий советских военных комендантов, осуществлявших функции административного управления отдельными уездами Северной Трансильвании, не был определен достаточно четко в юридическом плане. Один из высокопоставленных партийных функционеров, выступая в конце 1944 г. на пленуме ЦК румынской компартии, сетовал на то, что "распоряжения общего порядка, получаемые уездными комендантами", "истолковываются согласно политической способности и умению ориентироваться на месте каждого коменданта"[184]. Нас-

inslav

колько можно судить из имеющихся в нашем распоряжении документов, отсутствовала также удовлетворительно разработанная целостная программа действий по преодолению экономической разрухи, налаживанию общественно-политической жизни в крае; не было единого понимания принципов проведения дефашизации, критериев причисления тех или иных политически активных лиц к фашистам[185]. Все это приводило к несогласованности проводимой политики[186]. Существовала также почва для произвола и злоупотреблений, что вызывало некоторую напряженность в отношениях между советскими комендантами и левыми силами, объединенными в Национально-демократический фронт[187].

Задачи нормализации экономической жизни, стабилизации финансов, необходимость решения проблем со снабжением требовали принятия мер не только по централизации управления Северной Трансильвании[188], но и по укреплению ее связей с другими областями Румынии. При том, что право Румынии на Трансильванию никем в Москве не подвергалось сомнению, в конце 1944 г. в советском руководстве, как выясняется из документов, существовали различные мнения относительно мотивов и перспектив передачи северной части этого края румынской администрации, отражавшие некоторое несовпадение ведомственных интересов. В Генштабе Красной Армии считали стратегически неправильным закрепление за Румынией всей Трансильвании до окончания боевых действий на территории Восточной Венгрии[189]. Эта позиция мотивировалась тем, что в Трансильвании располагались тылы 2-го и 4-го Украинских фронтов, именно здесь заготавливалось продовольствие для личного состава. В случае передачи Северной Трансильвании Румынии румынское правительство сразу стало бы засчитывать заготовки как форму выплаты репараций, что совсем невыгодно для любой армии (даже при самых скромных мародерских аппетитах ее военнослужащих). Кроме того, приходилось учитывать настроения солдат и офицеров двух румынских армий. По оценке Генштаба, эти армии воевали плохо, причем единственным стимулом для участия румынских военнослужащих в боевых действиях было стремление занять Северную Трансильванию. В случае утраты этого стимула их боеспособность еще более снизилась бы[190]. В Наркоминделе принимали во внимание соображения военных, но исходили в первую очередь не из интересов снабжения Красной Армии и подключения румынских войск к ее боевым операциям. В НКИД СССР полагали, что "вопрос о передаче Румынии Северной Трансильвании должен явиться важнейшим рычагом воздействия на Румынское правительство не только в области выполнения экономических обязательств по Соглашению о перемирии, но и в области

inslav

проведения им внутренней и внешней политики"[191]. Этот тезис в концентрированной форме выражал ту политическую линию, которая в реальности проводилась сталинским руководством СССР в трансильванском вопросе в конце 1944 — первые месяцы 1945 г.

Более того, как следует из документов, в Москве не только стремились оказывать давление на действующее правительство, постоянно держа наготове трансильванскую "карту", но и напрямую увязывали окончательную передачу Северной Трансильвании под юрисдикцию Румынии с приходом к власти в этой стране прокоммунистических сил. В начале января 1945 г. Сталин, принимая в присутствии Г. Димитрова румынских коммунистов Г. Георгиу-Дежа, А. Паукер и Г. Апостола, призвал их развивать в средствах политической пропаганды тезис о том, что в случае создания правительства Национально-демократического фронта СССР "поможет, чтобы Трансильвания была румынской"[192]. Очевидно, что речь шла не просто о тактическом ходе в целях достижения успеха в межпартийной борьбе, но о стратегической установке на приведение к власти в Румынии полностью контролируемого Москвой правительства при помощи разнообразных приемов политической технологии, и не в последнюю очередь через эксплуатацию в интересах просоветских сил общей для всех румын независимо от их политических взглядов убежденности в справедливости единения Трансильвании с Валахией и Молдовой. Таким образом, линия СССР, сохраняя внутреннюю преемственность, претерпела за несколько месяцев и некоторую эволюцию. Поначалу (как свидетельствует и упоминавшаяся встреча А. Вышинского с членами правительства К. Санатеску от 12 ноября) вопрос о сроке и порядке восстановления на территории Северной Трансильвании румынских административных органов ставился советской стороной в зависимость от выполнения тех статей Соглашения о перемирии, которые налагали на Румынию обязательства по поставкам в счет репараций. В дальнейшем такая постановка вопроса трансформировалась в другую — о характере власти.

Поставленная Сталиным задача была успешно решена к весне 1945 г. С формированием 6 марта правительства П. Грозы, представлявшего левые силы, объединенные в Национально-демократический фронт, Советский Союз дал согласие на передачу Северной Трансильвании под управление румынской гражданской администрации. Это решение было отнюдь не импровизацией, на которую советское правительство сочло целесообразным пойти вследствие благоприятного для коммунистов разрешения затяжного политического кризиса[193], удовлетворившись новым составом кабинета министров и ожидая,

inslav

что отныне Румыния будет не только проводить последовательно просоветский курс во внешней политике, но и приступит к радикальным социальным реформам. Как видно из приведенных выше слов Сталина, речь скорее может идти о заранее спланированной и успешно осуществленной внешнеполитической акции.

В роли главного "политтехнолога" Москвы на румынском направлении выступал первый заместитель наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинский, неоднократно выезжавший в страну в длительные командировки и оказывавший давление на ее правительство. 12 ноября 1944 г. во время встречи с премьер-министром генералом К. Санатеску и другими румынскими лидерами высокопоставленный советский эмиссар заверил своих собеседников, что СССР также заинтересован в восстановлении справедливости в отношении Трансильвании, и в то же время ясно дал понять, что существует четкая взаимозависимость между статьей 19-й соглашения о перемирии, в которой речь шла о Трансильвании, с другими пунктами того же соглашения (о дефашизации, выплате репараций и т.д.)[194]. 1 декабря 1944 г. Вышинский, находившийся в Бухаресте, в отличие от иных своих западных коллег не побрезговал почтить собственным присутствием богослужение по случаю очередной годовщины воссоединения Трансильвании с Валахией и Молдовой в 1918 г. Поступок зам. наркоминдела был способен принести Советскому Союзу определенные политические дивиденды в Румынии, вызвав известную признательность даже в стане непримиримых антикоммунистов. Так, газета национал-царанистской партии "Дрептатя" не могла не воздать ему должное, справедливо заметив, что жест, совершенный Вышинским, "со всей красноречивостью обращается непосредственно ко всем румынским сердцам", очень чувствительным к судьбе Трансильвании[195]. Как видим, "прокурорская" дипломатия Вышинского отнюдь не исключала дозированного проявления публичных жестов, способных польстить национальному самолюбию румын, и это помогало ей достигать поставленных целей, в конкретном трансильванском вопросе совпавших с государственными интересами Румынии[196].

Умение Вышинского демонстрировать готовность СССР отстаивать право Румынии на Трансильванию выгодно контрастировало в глазах многих румын с поведением западных дипломатов. Последние также рассматривали трансильванский вопрос как средство давления на правительство, руководствуясь в свою очередь интересами сил прозападной ориентации. При этом им не всегда хватало твердости и последовательности в защите румынских национальных приоритетов перед лицом соседней Венгрии. С самого начала допуская возможность

inslav

некоторых уступок в пользу Венгрии, признавая за нею право на частичную ревизию довоенных, "трианонских" границ, и не скрывая этого перед румынской общественностью, они своей слишком открытой политикой иной раз давали повод для обвинений в антирумынской позиции. Так, в марте 1945 г. представители Великобритании и США в Союзной Контрольной Комиссии фактически бойкотировали народные торжества, прошедшие в Клуже по случаю восстановления румынской администрации в Северной Трансильвании. Предпринятая ими демонстрация отрицательного отношения к правительству П. Грозы, пришедшему к власти под диктатом СССР, была совсем не созвучна настроениям, доминировавшим в румынском обществе[197]. Что же касается непосредственного участия А.Вышинского во внутриполитических событиях в Румынии февраля — марта 1945 г., то эти события со всей очевидностью показали: готовность первого зам. наркома иностранных дел публично защищать интересы Румынии перед Венгрией в Трансильвании сочеталась с самым жестким давлением на ее правительство там, где речь шла о фундаментальных интересах сталинского руководства. Так, согласно донесению представителя США в СКК по Румынии от 7 марта 1945 г., Вышинский прямо дал понять королю: если Гроза в сложившейся острой политической ситуации не встанет во главе правительства, Советский Союз не сможет гарантировать сохранение Румынии как независимого государства[198].

Всенародные торжества по случаю установления румынской администрации в Северной Трансильвании стали серьезным успехом левых сил, ибо общественное мнение не могло не связать эту большую внешнеполитическую победу с приходом к власти правительства П. Грозы, поддерживаемого СССР. По сведениям НКГБ и НКВД, 13 марта в демонстрации в Клуже приняло участие свыше 1 млн человек, очевидно съехавшихся со всей Румынии[199]. Отклик на решение Москвы был тем более позитивным, что далеко не все надеялись на столь однозначный результат[200]. Как констатировали в упомянутом донесении представители спецслужб, в самой Северной Трансильвании "лишь представители промышленников и крупных коммерсантов (очевидно, независимо от национальности. — *А.С.*) находятся в состоянии тревоги"[201].

Партия трансильванских венгров Венгерский народный союз МАДОС (по оценке советских спецслужб, наиболее организованная политическая сила в крае) вошла в Национально-демократический фронт, поддержав правительство П. Грозы и став союзником коммунистов. О присоединении к Венгрии в ее программных установках речь, как правило, не шла в силу нереальности этого плана[202]. В марте 1945 г. руководст-

inslav

во МАДОСа окончательно отказалось от прежнего лозунга независимой Трансильвании, довольствовавшись требованием венгерской автономии для тех районов Восточной Трансильвании, где венгры проживали компактными массами, составляя большинство (прежде всего имеется в виду так называемая "земля секлеров"). МАДОС к весне 1945 г. насчитывал 150 тыс. членов, оказывал немалое влияние на профсоюзы в больших городах Трансильвании (где велика была доля венгров среди потомственного пролетариата), обладал довольно значительными позициями как в Национально-демократическом фронте, так и в органах местной власти. Достаточно сказать, что из десяти уездов Северной Трансильвании в четырех во главе администрации встали венгры. Часто именно представители МАДОСа, тяготевшие к левым силам, в ходе выборов в местные органы выступали (причем успешно) главными конкурентами "исторических" национал-царанистской и национал-либеральной партий, перешедших в оппозицию правительству Грозы. Это не только усиливало антивенгерские настроения среди противников коммунистической альтернативы развития, но и давало повод политикам "исторических партий" играть в своих интересах на национальных струнах. Тем самым в деятельности антикоммунистической оппозиции усиливался националистический крен.

Среди сторонников и даже министров нового правительства также находились люди, в сложной обстановке весны 1945 г. так или иначе высказывавшиеся против "венгерского засилья" в Трансильвании. Пожалуй, в наименьшей мере это касалось самого премьер-министра. В молодые годы слушатель Будапештского университета, неплохой знаток и ценитель венгерской культуры, Гроза действительно менее чем кто-либо другой из крупных румынских политиков мог дать основания для обвинений в мадьярофобии. Это сказалось и на проводимой им политике, в том числе культурной. В Клуже в мае 1945 г. был основан Союз венгерских писателей Трансильвании, появились венгерские частные школы, открыл свои двери перед студентами венгерский университет (наряду с румынским)[203].

Взаимная заинтересованность Румынии и Венгрии в экономических, торговых связях (а с венгерской стороны проявлялся особый интерес к богатой природными ресурсами Трансильвании как к источнику сырья) стимулировала постановку вопроса об их активизации. В 1945 г. Гроза в целом ряде своих выступлений говорил не только о многообещающей перспективе румыно-венгерского экономического сотрудничества, но и о том, что можно было бы договориться с венграми об устранении таможенных барьеров[204]. Выдвинутая им идея таможенного союза так и не была, однако, реализована[205]. Вместе с тем в

inslav

октябре 1945 г. было заключено первое в послевоенной истории торговое соглашение между двумя странами.

Сильные позиции партии МАДОС в НДФ, равно как и усилия правительства П. Грозы по нормализации румыно-венгерских отношений, конечно же, отнюдь не гарантировали скорого разрешения проблем венгерского национального меньшинства. Продолжала сохраняться и напряженность в межэтнических отношениях (пускай, конфликты и не принимали такой остроты, как осенью 1944 г.). Если румынские националистические круги были недовольны "мадьярским засильем" в префектурах трансильванских городов, то со стороны этнических венгров, напротив, нередко проявлялась неудовлетворенность степенью представленности венгерского элемента в органах власти[206].

Насколько можно судить из имеющихся документов, недовольство части венгерского населения существующим положением далеко не всегда сопровождалось требованиями ревизии границ в пользу Венгрии. С другой стороны, имела хождение идея независимой Трансильвании, причем ее приверженцы охотно апеллировали к собственной, трансильванской государственной традиции в раннее новое время[207]. Существовали даже сторонники вхождения Трансильвании в СССР в качестве самостоятельной республики, обратившиеся с подобной просьбой к международной конференции в Сан-Франциско[208].

2 апреля 1945 г. румынское правительство обнародовало закон о гражданстве, впоследствии пересматривавшийся в сторону ужесточения. Согласно этому закону права на румынское подданство лишались все, кто не имел его до 30 августа 1940 г. либо оптировал позже иное гражданство. В первую очередь закон коснулся венгров, переселившихся в Северную Трансильванию после Венского арбитража. Заметное место среди них заняли те, кто был направлен Будапештом в качестве госслужащих для осуществления политики мадьяризации. В то же время под эту статью подпадали и уроженцы Трансильвании, в межвоенный период из-за неудовлетворенности своим положением переселившиеся в Венгрию и вернувшиеся в родные края после восстановления там венгерской администрации. Кроме того, согласно указанному закону, гражданства лишались лица, добровольно служившие в армии одного из государств, с которыми Румыния находилась в состоянии войны (в том числе Венгрии после 23 августа 1944 г.), а также лица, добровольно покинувшие территорию Северной Трансильвании вместе с вражескими армиями, "солидаризируясь, таким образом, с ними". При недостаточно точном в юридическом смысле определении того, что следует считать "добровольным", закон открывал широкий простор для произвола властей и рас-

inslav

пространялся на очень большое количество людей, среди которых были те, кто бежал из Румынии в силу необходимости (вследствие разрушения жилищ, утраты собственности, опасений расправы и мародерства и т.д.). Общее число лиц, попадавших под действие закона, оценивалось венгерской стороной примерно в 300 — 400 тыс. человек[209].

Принятие в Румынии такого закона вызвало в Венгрии большое недовольство, что проявилось в довольно резких формулировках писем, адресованных в 1946 г. венгерской стороной Парижской мирной конференции[210]. Румынская сторона, напротив, проявляла последовательность в проведении этого закона в жизнь. "Румынское правительство не намерено предоставлять румынского гражданства этим лицам и оставлять их на жительство в Румынии, поскольку это повело бы к изменению соотношения этнических элементов в Трансильвании в пользу Венгрии и благоприятствовало бы пропаганде венгерского ревизионизма", — говорил советскому дипломату А.А. Лаврищеву в Париже в период мирной конференции, 17 сентября 1946 г., министр юстиции Румынии коммунист Л. Патрашкану[211]. Согласно его представлениям, многие венгры, прибывшие в Трансильванию после 30 августа 1940 г., продолжали там оставаться по директивам будапештского правительства. МВД Румынии приняло распоряжение о выселении из Северной Трансильвании лиц, согласно новому закону лишенных прав на румынское гражданство, хотя на практике его решено было не применять до заключения мирных договоров. "Румынское правительство полагает, что многие из пришлых венгров остаются в Трансильвании в надежде на то, что часть Трансильвании будет передана Венгрии. Когда вопрос о Трансильвании будет решен окончательно, часть венгров, не имеющая права на получение румынского гражданства, сама постарается уйти в Венгрию", — так в беседе с советским дипломатом прогнозировал дальнейшее развитие событий Л. Патрашкану[212].

Упорство румынского правительства в претворении в жизнь данного закона бросало тень на двусторонние отношения, способствовало их постепенному ухудшению. В Будапеште проявлялось также недовольство тяжелым материальным положением части венгерского населения Румынии, особенно секлеров, населяющих бедные гористые районы Восточной Трансильвании (в некоторых политических кругах Венгрии открыто выражалось мнение о сознательной политике, направленной на подрыв экономических основ существования венгров). В преддверии Парижской мирной конференции, открывшейся летом 1946 г., напряженность в венгерско-румынских отношениях с течением времени нарастала. Так, в сентябре 1945 г. министр иностранных дел Венгрии Я. Дёндёши, в беседе

inslav

с политическим советником Союзной Контрольной комиссии (ставшим в те же дни посланником СССР в Венгрии) Г.М. Пушкиным выразив крайнее недовольство курсом чехословацкого правительства на выселение из Словакии большого количества венгров[213], в то же время совсем не поднял вопроса о Трансильвании[214]. Однако через полгода, в апреле 1946 г., тот же Дёндёши, встречаясь с В.М. Молотовым в Москве, все же решился обратить внимание своего собеседника на нелегкое положение в Трансильвании венгерского населения, хотя и не подвергаемого в целом, по его мнению, таким же политическим притеснениям, как в Чехословакии, но обрекаемого на материальное разорение. Венгерский министр дипломатично готов был признать, что "демократическое правительство Грозы занимает дружественную позицию по отношению к венгерскому меньшинству", вину за создавшуюся ситуацию он склонен был возложить на низовые органы власти, не выполняющие, по его словам, распоряжений своего центра. Вопрос этот, продолжал Дёндёши, "является трудным для венгерского правительства, которое не хотело бы причинять трудностей демократическому правительству Грозы. Между тем венгерское население в Румынии жалуется на тяжелые экономические условия, в которые они поставлены"[215].

Беседуя с представителями больших держав, венгерские лидеры постоянно отмечали свою естественную заинтересованность положением соотечественников на территории соседних стран. Так, 20 августа 1946 г. Дёндёши, встречаясь в Париже в дни мирной конференции с Молотовым, отметил, что "Венгрия считает не только своим правом, но и обязанностью заботиться о венгерском меньшинстве" в других странах[216]. В Румынии такое право Венгрии неизменно ставилось под сомнение, воспринимаясь как нечто граничащее с вмешательством во внутренние дела, и это никак не могло способствовать налаживанию отношений доверия между соседними странами.

В сложившейся после второй мировой войны ситуации, когда на повестке дня стояли задачи определения новых границ в Европе, окончательное решение вопроса о положении и статусе венгерского населения Трансильвании не могло, однако, состояться ни в результате исключительно ряда внутриполитических мер румынского правительства, ни даже вследствие двусторонней договоренности Венгрии и Румынии. Проблема нацменьшинств была тесно увязана с проблемами пересмотра границ и переселения народов, находившимися в центре внимания Совета Министров иностранных дел (СМИД) держав-победительниц, а также Парижской мирной конференции. Решающее слово, таким образом, принадлежало лидерам больших держав. Сталин, очевидно, достаточно серьезно воспринял

inslav

джентльменскую договоренность с Черчиллем о процентном соотношении в разделе сфер влияния применительно к некоторым из стран Центральной и Юго-Восточной Европы[217]. Так, зимой 1944/1945 г. он не поддержал стремление коммунистов овладеть властью в Греции, рассчитывая, вероятно, на то, что союзники в свою очередь предоставят ему свободу рук в Румынии[218]. Однако, к разочарованию советской стороны, лидеры Великобритании и США не поддержали правительство П. Грозы в Румынии, оказавшееся у власти вследствие явного советского диктата. Летом 1945 г. в Потсдаме они прямо дали понять, что не склонны подписывать мирный договор с Румынией, пока там не будет создано более представительное правительство[219]. Это вызвало в конце августа серьезный политический кризис, разрешенный в результате нового вмешательства советской стороны[220].

Вопрос о положении в Румынии находился в центре внимания лондонской сессии СМИД в сентябре 1945 г. Сославшись на решение Ялтинской конференции о содействии проведению свободных выборов в странах Восточной Европы, госсекретарь США Д. Бирнс подчеркнул, что участие западных держав в обсуждении проекта договора с Румынией не должно быть истолковано так, что они готовы признать действующее правительство Румынии и подписать с ним договор[221]. Несмотря на столь жесткую позицию Запада, стороны все же обсудили вопрос о будущих границах Венгрии и Румынии. По мнению Молотова, наилучшим способом решения проблемы стало бы восстановление довоенных, трианонских границ[222]. Смешанность населения в крае была, по мнению советского наркома иностранных дел, лишь дополнительным аргументом в пользу такого решения, поскольку делала невозможным "разделить его по какой-то границе, где было бы собрано, с одной стороны, большинство румын, а с другой стороны — большинство венгров"[223].

С альтернативным предложением выступила в своем меморандуме делегация Соединенного Королевства Великобритании. По ее мнению, "вопрос о том, должна ли быть вся Трансильвания возвращена Румынии, не может быть решен лишь на основе поведения Румынии в войне. Делегация Соединенного Королевства считает, что очень важно установить румынско-венгерскую границу, которая являлась бы справедливой сама по себе. Прежде чем взять какие-либо окончательные обязательства, делегация считает, что этот вопрос должен быть тщательно изучен в подкомитете экспертов", которому следует детально рассмотреть притязания обоих государств[224]. Это предложение было поддержано делегацией США. Бирнс полагал, что "границей с Венгрией в основном будет граница, существо-

inslav

вавшая в 1938 году; что же касается Трансильвании, то этническое положение должно быть рассмотрено с целью определения того, не приведет ли передача небольшой части ее Венгрии к существенному сокращению числа лиц, проживающих под иностранным контролем"[225]. Для того чтобы оставить поменьше населения под властью этнически чуждого ему государства, американская сторона предложила "сделать маленькие исправления в линии границы", передав Венгрии территорию в 7—8 тыс. кв. км, главным образом в области Кришана (Парциум), западнее собственно Трансильвании. На лондонской сессии СМИД договоренность в трансильванском вопросе так и не была достигнута.

Позиция западных держав на лондонской сессии вызвала в Венгрии некоторые надежды на получение части Трансильвании, тогда как в Румынии, напротив, породила серьезную обеспокоенность. Иллюзии одних и опасения других стали более явными после 4 ноября 1945 г., когда на свободных выборах в Венгрии убедительную победу одержала в целом прозападная партия мелких хозяев, набравшая 57% голосов. Правда, в крайне сложной экономической ситуации и в условиях диктата Союзной Контрольной Комиссии эта партия не смогла взять на себя всю полноту ответственности за происходящее в стране, пойдя на формирование однопартийного правительства. В новое правительство вошли и представители других партий, причем, к разочарованию Запада, в руководстве силовыми министерствами коммунисты и их ближайшие союзники сохранили ведущую роль. Как бы там ни было, результаты выборов в соседней Венгрии еще более ослабляли позиции правительства П. Грозы в Румынии перед лицом западных держав, продолжавших его не признавать, и с другой стороны, могли стать дополнительным стимулом в пользу провенгерской линии США и Великобритании при окончательном определении новых границ между двумя восточноевропейскими государствами. 15 ноября 1945 г. посол Румынии в СССР И. Йордан говорил Вышинскому: "По имеющимся данным у Румынского правительства, некоторые венгерские политические круги развивают активную деятельность за полное присоединение Трансильвании к Венгрии. Эти круги находят поддержку у англичан и американцев. Венгры надеются поставить этот вопрос на будущей мирной конференции и, основываясь на поддержке англосаксов, решить вопрос о Трансильвании в свою пользу"[226]. Очевидно, в состоянии некоторой обеспокоенности и даже нервозности румынские лидеры П. Гроза и министр иностранных дел Г. Татареску через посла обратились к советскому правительству с просьбой взять на себя роль посредника, который бы выступил с инициативой проведения переговоров между Венгрией и Ру-

inslav

мынией, с тем чтобы оба правительства пришли к единому решению по этому вопросу до начала мирной конференции[227]. Идея таких переговоров была, однако, не слишком реальной уже потому, что венгерская сторона, ожидая от Запада новых шагов в пользу Венгрии, стала подчеркнуто избегать встреч с румынскими лидерами, дабы не связать себя невыгодными, слишком далеко идущими обязательствами[228].

Воспользовавшись непростым внешнеполитическим положением правительства П. Грозы, правые внутри страны активизировали давление в целях включения в правительство Ю. Маниу и его сторонников. Однако прозападная ориентация "исторических партий" давала левым неплохой козырь в борьбе с оппонентами. На соответствующий запрос национал-царанистов Гроза, по некоторым сведениям, ответил, что "Маниу следует сначала добиться от англичан и американцев признания Трансильвании румынской территорией и только после этого вести разговоры о вхождении в правительство"[229]. Выходец из Трансильвании Маниу, чья политическая репутация заметно страдала вследствие несколько провенгерской британо-американской позиции, был вынужден отреагировать на это не лишенное демагогии замечание премьер-министра достаточно серьезно. Его представитель тут же обратился к западным эмиссарам в СКК с просьбой прояснить свои позиции относительно права Румынии на Трансильванию[230].

В декабре 1945 г. на московской сессии СМИД вопросы Румынии, включая трансильванский, снова находились в центре внимания. В Наркоминделе СССР в период работы сессии были подготовлены инструкции для советской делегации, наиболее детально обосновывающие позицию СССР. Во-первых, "географически и исторически Трансильвания представляет единое целое. На протяжении веков в Трансильвании создавались внутренние экономические связи. Раздел Трансильвании оторвет промышленные предприятия от потребителей и от источников сырья, нарушит экономику этой провинции. Раздел Трансильвании в 1940 г. привел к отрицательным результатам в этом отношении"[231]. Второй аргумент, не столь бесспорный, хотя и не лишенный серьезных оснований, заключался в том, что "промышленность Трансильвании развилась главным образом после присоединения ее к Румынии (после 1920 года). Поэтому экономика Трансильвании тесным образом связана с экономикой Румынии, а не Венгрии"[232]. Третий аргумент призван был опровергнуть мнение "западников" о возможности некоторого этнического размежевания в Трансильвании, отличающейся смешанным составом населения[233]. Четвертый, не последний по значимости аргумент заключался в том, что "Румыния первой из сателлитов Германии

inslav

на Балканах вышла из войны против Объединенных Наций, объявила войну Германии и Венгрии. Румынские войска совместно с войсками Красной Армии участвовали в освобождении Трансильвании от немцев. Таким образом, Румыния содействовала делу союзников уже тогда, когда Венгрия еще вела войну против Объединенных Наций"[234]. При этом румынское правительство лояльно выполняет условия Соглашения о перемирии. Наконец, в Наркоминделе учитывали и то обстоятельство, что правительство Грозы декларировало "равные политические, экономические и культурные права и возможности всему населению Трансильвании без различия национальности, языка и вероисповедания[235].

Московское совещание СМИД завершилось компромиссом. Получив согласие Москвы на введение в правительство Румынии по одному представителю от оппозиционных национал-царанистской и национал-либеральной партий[236], Запад пошел на уступку в трансильванском вопросе, перестав с прежней настойчивостью выступать за корректировку границ в соответствии с этническим принципом. Нам представляется, что определенную роль здесь сыграло некоторое разочарование в новом венгерском правительстве, сформированном по итогам выборов 4 ноября 1945 г. — вопреки абсолютной победе партии мелких хозяев левые силы, как отмечалось, сохранили ведущие позиции во власти. По сути дела вопрос о будущих границах был предрешен уже тогда, в декабре 1945 г. И дела нисколько не изменил тот хорошо известный историкам "политический спектакль", который был разыгран Сталиным в апреле 1946 г. во время визита в Москву венгерской правительственной делегации во главе с премьер-министром Ференцем Надем, одним из лидеров партии мелких хозяев.

Ставя перед Сталиным вопрос о целесообразности некоторого пересмотра "трианонских" границ в пользу Венгрии, Ф. Надь не в последнюю очередь приводил аргументы внутриполитического свойства. Демократические силы, стоящие у власти, в интересах упрочения своих позиций, консолидации общества на основе поддержки правительства, нуждались, по его мнению, во внешнеполитическом успехе, который однозначно был бы расценен общественным мнением как восстановление исторической справедливости (причем, благодаря Советскому Союзу). Заметив, что установление нормальных отношений между Венгрией и Румынией является "важнейшей предпосылкой мира в Юго-Восточной Европе", Ф. Надь в беседе со Сталиным решительно отмежевался от шовинистических, ревизионистских устремлений хортистских правительств. Он также подчеркнул, что постановкой вопроса о корректировке границ "венгерское правительство не хочет осла-

inslav

бить румынскую демократию и правительство Грозы". Однако и "полный отказ от территориальных требований в отношении Румынии явится непереносимым бременем для венгерской демократии"[237].

Для того чтобы "территориальное устройство мирного договора успокоило венгерский народ", правительство Ф. Надя считало целесообразным передать Венгрии некоторую часть трансильванской территории — 22 тыс. кв. км, т.е. примерно одну пятую часть площади земель короны "Святого Стефана" в составе посттрианонской Румынии. В результате, согласно подсчетам венгерской стороны, в новых границах Венгрии оказалось бы примерно столько же румын, сколько осталось бы венгров в румынской части Трансильвании. Это существенно облегчило бы осуществление обмена населением. Тем самым, по мнению венгерских политиков, четко обозначилась бы перспектива окончательного решения проблемы — переселение венгров из Восточной Трансильвании в принадлежащий Будапешту Парциум закрыло бы вопрос, исключив на будущее какие бы то ни было основания для предъявления новых требований с венгерской стороны.

Слова Сталина о том, что Венгрия могла бы "кое-что получить, а что именно, какую часть получить, это надо будет посмотреть"[238], внушила венгерским политикам надежды на некоторую корректировку границ с учетом интересов Будапешта. Надежды, однако, нисколько не оправдавшиеся.

В дальнейшем венгерская сторона, реально оценив ситуацию, сложившуюся на Парижской мирной конференции, умерила свои требования. Ее представитель на заседании соответствующей комиссии в Париже в конце августа 1946 г. ограничился постановкой вопросов о самом минимальном исправлении венгерско-румынской границы с целью присоединения к Венгрии пограничных зон с венгерским большинством, о проведении двусторонних переговоров по поводу заключения специальных договоров о защите прав венгерского меньшинства под гарантией Объединенных Наций, о предоставлении широкой местной автономии венгерской этнической группе, компактно проживающей в Восточной Трансильвании[239].

Пожелания венгров относительно корректировки границ не были учтены Парижской мирной конференцией; мирный договор, вступивший в силу в 1947 г., подтвердил границу между Венгрией и Румынией, установленную Трианоном. Внешнеполитическая победа правительства П. Грозы немало способствовала успеху левых сил, и в первую очередь коммунистов, на выборах в ноябре 1946 г. стала тем самым новой вехой в процессе установления однопартийной коммунистической диктатуры в Румынии[240].

inslav

После того как осенью 1946 г. в Париже было принято принципиальное решение в вопросе о границах, Советский Союз, совсем не заинтересованный в эскалации напряженности внутри своей сферы влияния, прилагает определенные усилия в целях примирения левых политических элит двух дружественных себе стран. Мы считаем, что "советское правительство будет проводить в дальнейшем политику дружбы как с Румынией, так и с Венгрией, и думаем, что эта политика дружбы является единственно правильной и для Румынии", — говорил В.И. Молотов румынским лидерам Г. Татареску и Г. Георгиу-Дежу в Париже 13 октября 1946 г.[241]

Обеспокоенность Москвы была тем более понятна, что румыно-венгерские трения в национально-территориальном вопросе не могли не повести к ухудшению отношений двух компартий[242]. Ведь в условиях, когда еще не завершилась межпартийная борьба за власть, существовала достаточно влиятельная оппозиция, коммунистам хотя бы из тактических соображений приходилось доказывать общественному мнению, что они являются не агентурой другого государства, а силой, ставящей во главу угла национальные интересы[243]. Известный далеко за пределами Венгрии теоретик кино и драматург Б. Балаж, посетивший Москву летом 1946 г., в беседе с сотрудниками ВОКСа говорил о том, насколько трудно в условиях Венгрии пропагандировать "добрую волю" СССР. Возможно, в каких-то высших интересах и справедливо, что при решении вопроса о границах Советский Союз встал на сторону Чехословакии и Румынии, рассуждал Балаж. "Но многие венгры чувствуют себя обиженными, оскорбленными. Даже среди венгерских коммунистов есть такие, которые стали немножко националистами и которым трудно себе и другим до конца объяснить, как сочетать национальный патриотизм компартии с защитой действий СССР, направленных на этот раз не в пользу Венгрии... Многие венгры чувствуют себя так, как будто СССР покинул Венгрию в столь трудный для нее период"[244].

Поездка П. Грозы в Будапешт в начале мая 1947 г., тональность его встреч с венгерскими политиками и деятелями культуры свидетельствовала о заметном снижении напряженности в румыно-венгерских официальных отношениях[245]. Ко времени будапештской встречи лидеров двух стран в Румынии уже фактически безраздельно господствовала компартия. Тот же вектор развития определял и динамику ситуации в Венгрии, хотя темпы продвижения к диктатуре были чуть более замедленными, чем у восточных соседей. Буквально через считанные дни после визита румынского премьера в Будапешт его венгерский коллега Ференц Надь (по оценке П. Грозы скрытый "враг" венгерской народной демократии) будет обвинен коммуниста-

inslav

ми в причастности к так называемому "антиреспубликанскому заговору". Он уйдет в отставку и навсегда останется на Западе. Еще через два месяца будет арестован в своей бухарестской квартире харизматический лидер румынской оппозиции 74-летний Ю. Маниу[246]. Судьбу известного антикоммуниста отчасти разделил попутчик коммунистов министр иностранных дел в правительстве П. Грозы Г. Татареску, также арестованный. В конце декабря в Румынии ликвидируется монархическая форма правления. Михай Гогенцоллерн будет вынужден отречься от престола и покинет страну, чтобы вернуться уже в 90-е годы XX в. как умудренное опытом частное лицо, сторонящееся активного вмешательства в текущую политику. С устранением некоммунистической оппозиции трансильванский вопрос становится вопросом не столько все более формальных межгосударственных, сколько межпартийных отношений, развивавшихся под контролем Москвы.

Заключение 24 января 1948 г. договора с Румынией явилось для Венгрии признанием того факта, что проблема положения почти двухмиллионного венгерского меньшинства целиком относится к компетенции Бухареста[247]. Венгеро-румынские отношения вступают в новый этап. Г. Георгиу-Деж, единолично утвердившись у власти[248], корректировал политику партии в интересах обеспечения большей устойчивости своего режима. Пойдя не без влияния Москвы на дозированные уступки венгерскому национальному меньшинству (в частности, разрешив создание венгерской автономии в Восточной Трансильвании), он в то же время крайне ревниво реагировал на любые попытки западного соседа показать свою заинтересованность в делах румынских венгров.

Таким образом, и после 1947 г. трансильванский фактор продолжал оказывать влияние на развитие двусторонних отношений, "трансильванский вопрос" по-прежнему зримо присутствовал в сознании миллионов как венгров, так и румын, в том числе и в форме вопроса об исторической справедливости (несправедливости) решений, принятых в 1946 г. в Париже. Сохранялась также (может быть лишь слегка и на время притупив свою остроту) проблема положения венгров в Румынии — при том что в новых условиях она уже не могла муссироваться официальным Будапештом. Все это, однако, является предметом другого исследования.

Решения Парижской мирной конференции принимались в условиях, когда в европейском политическом сознании еще могли сохраняться иллюзии длительного мирного сосуществования в рамках сложившейся антифашистской коалиции, создающего предпосылки для продвижения (пускай и небезболезненного) стран Центральной и Восточной Европы по пути де-

inslav

мократии. "Холодная война" внесла, однако, в скором времени свои коррективы в ход событий. На ближайшие сорок лет демократическая перспектива оказалась совершенно несбыточной для стран, в соответствии с договоренностью великих держав, отнесенных к сфере влияния СССР. С другой стороны, Советский Союз, как уже отмечалось, был совсем не заинтересован в сохранении, а тем более усилении центробежных тенденций в лагере, в раздувании национально-территориальных противоречий. Венгеро-румынские, как и венгеро-чехословацкие разногласия к концу 40-х годов урегулируются на компромиссной основе под бдительным оком "старшего брата", проблема переселений миллионов людей не слишком отягощала и отношения между Польшей и ГДР. Логика истории посрамила как чересчур пессимистические прогнозы крупного венгерского политолога И. Бибо, писавшего в 1946 г., что еще весьма далеко то время, когда среднеевропейские нации "обретут свои, уже привычные для них и никем не оспариваемые рамки"[249]. Проблема заключалась наверное лишь в цене, которую в 1948 — 1989 гг. предстояло уплатить народам региона за достигнутое видимое спокойствие в общем доме.

Автор искренне благодарит за помощь в работе над статьей, и в частности, за полезнейшие консультации первопроходцев этой темы в отечественной историографии и глубочайших ее знатоков доктора исторических наук Т.М. Исламова и кандидата исторических наук Т.А. Покивайлову. В основе настоящей публикации лежит составленный ими ценнейший сборник архивных документов: Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940 — 1946. Документы / Отв. ред. Т.М. Исламов. М., 2000.

[1] Отличающаяся культурным своеобразием часть венгерского этноса, населяющая гористые районы Восточной Трансильвании.

[2] Данные переписей, проводившихся венгерскими властями до 1914 г. и румынскими после 1920 г., отличаются заметными расхождениями, при этом надо учитывать, что присоединение края к Румынии в 1920 г. сопровождалось оттоком части венгерского населения в пределы новых границ Венгрии и соответственно притоком румын, в том числе большого контингента госслужащих из Валахии и Молдовы. Таким образом, в 1920 — 1930-е годы в сравнении с предшествующим периодом доля румын в составе населения еще более возросла. Сопоставление данных различных переписей в материалах Наркоминдела СССР за 1941 — 1943 гг. см.: Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940 — 1946: Документы / Отв. ред. Т.М. Исламов. М., 2000. (Далее: Трансильванский вопрос). С. 137, 166 — 167, 199 — 200.

[3] До 1918 — 1920 гг. румыны в Трансильвании представляли собой преимущественно крестьянскую нацию, немцы в основном составляли бюр-

inslav

герский слой, хотя в районе Сибиу было и немецкое крестьянство. Венгры были нацией с полной социальной структурой, включавшей в себя аристократию, дворянство, буржуазию и средние городские слои (где были сильно представлены мадьяризированные евреи), крестьянство (прежде всего секлеры в Восточной Трансильвании), пролетариат. В 20—30-е годы среди румын возрос удельный вес буржуазии, чиновничества, интеллигенции.

[4] *Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.* Введение // Трансильванский вопрос. С. 3.

[5] *Дараган.* Записки о войне в Трансильвании в 1849 г. СПб., 1859. С. 67. Цит. по: Европейские революции 1848 года. "Принцип национальности" в политике и идеологии / Отв. ред. С.М. Фалькович. М., 2001. С. 443.

[6] *Дараган.* Указ. соч. С. 5. Цит. по: Европейские революции 1848 года. С. 396.

[7] Венгры и Европа: Сб. эссе / Сост. В. Середа, Й. Горетить. Предисл. и коммент. В. Середы. М., 2002. С. 167—171.

[8] В начале ноября 1918 г. Вильсон заявил, что ему импонирует идея объединения румын и США "не упустит оказать в нужное время свое влияние", для того чтобы "румынский народ получил все принадлежащие ему национальные и территориальные права", застрахованные против всяких иностранных покушений (Итоги империалистической войны. Трианон. М., 1926. Вып. IV. С. X).

[9] См.: Трансильванский вопрос. С. 319. Очевидно, что в основе позиции французского лидера (как и лидеров Великобритании и США) лежало не абстрактное стремление к достижению справедливости, а забота о создании в послевоенной Европе такой системы международных отношений, которая ослабила бы Германию. В этих условиях Трансильвания превращается, по выражению Т.М. Исламова и Т.А. Покивайловой, в "разменную монету" в большой игре великих держав за передел уже поделенного мира (Там же. С. 3—4).

[10] В пользу объективности экспертов свидетельствует следующий небезынтересный факт. Крупный венгерский леволиберальный политик и ученый-политолог Оскар Яси, находясь после 1919 г. в эмиграции, опубликовал в журнале "Foreign Affairs" осенью 1923 г. статью, где сопоставил границы Венгрии, установленные по Трианонскому мирному договору 1920 г., с так называемой "линией Кошута". Речь идет о том, как понимал в конце 50-х—60-е годы XIX в. границы новой Венгрии великий венгерский революционер, строивший в это время планы Дунайской конфедерации, одной из составных частей которой должна была стать его родная страна. Сходство границ Венгрии в представлениях Кошута (в период эмиграции) и архитекторов Версальской системы довольно велико. Карта трианонской Венгрии сопоставляется с "линией Кошута" в кн.: *Bodea C., Cândea V.* Transylvania in the History of the Romanians. N. Y., 1982.

[11] Из новейшей литературы, в которой анализируются последствия Трианонского договора для Венгрии, см.: *Контлер Л.* История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002.

[12] Вследствие Трианонского договора Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Югославия) получило Хорватию (обладавшую ранее автономией в рамках Королевства Венгрия) и Воеводину, Чехословакия — Словакию и Закарпатскую Украину (чаще определявшуюся в то время как Подкарпатская Русь), Австрия — самые западные районы Венгрии, образовавшие после 1920 г. австрийскую провинцию Бургенланд. Наиболее значительны были территориальные приобретения Румынии.

inslav

[13] Трудно не согласиться с мнением Т.М. Исламова и Т.А. Покивайловой о том, что Трианонский мирный договор "заложил бомбу замедленного действия под здание так называемого "мирного урегулирования" в восточной части континента". См.: Трансильванский вопрос. Введение. С. 5.

[14] Согласно упомянутому договору от 9 декабря 1919 г. Румыния обязалась признать своими полноправными гражданами всех лиц, проживающих или родившихся на территориях, отходящих под ее юрисдикцию. Несмотря на это обязательство, румынское правительство законом, принятым в 1924 г., поставило дополнительные условия для получения гражданства, и, используя положения этого закона, отказалось подтвердить подданство около 250 тыс. венгров, проживавших в Трансильвании и относившихся к ее коренному населению. Многие из этих лиц вследствие трудностей, обусловленных непрочностью социального положения, переселились в Венгрию, некоторые вернулись в родные края после передачи Венгрии Северной Трансильвании в августе 1940 г. См. об этом в записке венгерской делегации, адресованной Парижской мирной конференции 1946 г.: Трансильванский вопрос. С. 423.

В связи с незаконными ограничениями официальным Бухарестом прав нерумынского населения, гарантированных международным соглашением, заключенным в декабре 1919 г. и подписанным также румынским правительством, Великобритания и Франция выступили в начале 1938 г. с дипломатическим демаршем, за которым, правда, стояла не столько забота о меньшинствах, сколько недовольство все более намечавшимся к этому времени прогерманским внешнеполитическим курсом Румынии (показательно, что столь решительных протестов такого рода со стороны Лондона и Парижа, как правило, не поступало в условиях, когда Бухарест придерживался последовательно профранцузской ориентации). В противоположном лагере также в зависимости от политической конъюнктуры звучали аналогичные протесты. Характерно, в частности, нашумевшее заявление Муссолини от 1 ноября 1936 г. (в один из моментов особой близости Рима с Будапештом) о миллионах порабощенных венгров в Румынии. См.: Трансильванский вопрос. С. 178, 186.

[15] Там же. С. 180.

[16] Вопрос об ущемлении прав национальных меньшинств при осуществлении аграрной реформы в Трансильвании поднимался венгерской стороной в Лиге наций в 1925—1927 гг.

[17] Трансильванский вопрос. С. 407.

[18] В свою очередь и в Румынии, — в этом можно согласиться с М.М. Литвиновым, — "несмотря на программные различия между разнородными группами и течениями румынской политической жизни, вопрос о сохранении под своим господством территорий, приобретенных после первой мировой войны — Бессарабии, Трансильвании, Буковины, Добруджи — не вызывал между ними значительных разногласий" (Из справки о Трансильвании от 5 июня 1944 г., составленной председателем Комиссии НКИД СССР по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства М.М. Литвиновым. См.: Там же. С. 233).

[19] "Венгерское национальное самосознание было скроено по образцу, вполне соответствовавшему мироощущению граждан среднего по размерам государства с 20—30-миллионным населением, в котором мадьярский приоритет базировался не только на вульгарных принципах статистического большинства и расовой принадлежности, но и на исторических и политических достижениях нации. Такое самосознание испытало ужас ментальной клаустрофобии, когда его заставили втиснуться в узкие пре-

inslav

делы маленькой страны, населенной всего 8 млн граждан", — справедливо замечает в этой связи современный венгерский историк Л. Контлер (*Контлер Л.* Указ. соч. С. 424).

В подготовленной референтом Наркоминдела СССР Б.Я. Гейгером в июне 1942 г. справке «Планы восстановления "исторической Венгрии" в довоенных границах» давался следующий анализ ситуации: "Искусственный отрыв в ряде случаев компактных масс мадьяр от Венгрии сделал неизбежным возникновение сепаратистского движения на территории государств-наследников и сплочение венгерских меньшинств на ирредентистской основе. Это движение на первых порах ставило себе задачей борьбу за сохранение национального единства в чуждом государстве и в конечном счете преследовало цель добиться ревизии трианонских границ и возвращения отторгнутых территорий Венгрии. Со своей стороны, венгерские правители всячески разжигали и поощряли ирредентистское движение в соседних с Венгрией странах, расширивших свои территории после мировой войны за счет Венгрии" (Трансильванский вопрос. С. 171). Готовившиеся во время войны и частично опубликованные в названном сборнике аналитические записки Б. Гейгера по проблемам внешней политики Венгрии, о венгеро-румынском территориальном споре, хотя, конечно, и не свободны от вульгарных классовых схем, соответствующих времени своего написания, вместе с тем представляют собой образцы довольно глубокого политического анализа (Там же. Док. 47, 48).

[20] Объективности ради надо все же заметить, что в 30-е годы, в условиях, когда международная обстановка не позволяла открыто ставить вопрос о возвращении спорных территорий, в венгерской политике наблюдалась и компромиссная тенденция в отношениях с Румынией. Некоторые прогермански настроенные деятели хотели урегулировать трансильванский вопрос таким образом, чтобы Трансильвания либо была превращена в небольшое буферное государство между Румынией и Венгрией, либо, в худшем случае, осталась в составе Румынии с широкими правами автономии. Следствием этой линии в венгерской политике явилось соглашение между Венгрией и странами Малой Антанты, подписанное в Бледе (Югославия) 23 августа 1938 г. В ответ на обещание Венгрии не применять силы оно предусматривало согласие Румынии и Югославии заняться урегулированием вопроса о положении венгерского национального меньшинства в этих странах. В последующие месяцы, с крахом Чехословакии, изменение соотношения сил на международной арене открыло перед венгерским ревизионизмом более благоприятные перспективы, и этим незамедлительно воспользовалось хортистское правительство, вновь активизировавшее антирумынскую кампанию. Подробнее см.: *Пушкаш А.И.* Внешняя политика Венгрии. Февраль 1937 — сентябрь 1939 г. М., 2003.

[21] Цит. по: История Венгрии. М., 1972. Т. 3. С. 292.

[22] Обещание царской России посодействовать Румынии в получении Трансильвании утратило свое значение с выходом России из войны, Румыния получила Трансильванию при помощи Великобритании, Франции и США. С другой стороны, воспользовавшись сложным положением Советской Республики, Румыния в начале 1918 г. оккупировала Бессарабию. Эта акция так никогда и не была признана Советским Союзом в качестве законной. Как неоднократно отмечалось в научной литературе, при установлении дипломатических отношений с СССР весной 1934 г. правители Венгрии руководствовались стремлением добиться сотрудничества с Москвой на основе нерешенного бессарабского вопроса. Те же мотивы сыграли решающую роль при возобновлении отношений осенью 1939 г.,

inslav

вскоре после заключения советско-германского пакта (за полгода до резкого поворота во внешней политике СССР, а именно в феврале 1939 г., они были прерваны по настоянию Москвы вследствие присоединения Венгрии к Антикоминтерновскому пакту). См., в частности: *Покивайлова Т.А., Исламов Т.М.* Трансильвания — яблоко раздора между Венгрией и Румынией // Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий). М., 1994. С. 75—77; *Они же.* Введение / Трансильванский вопрос. С. 6. См. также: *Пушкаш А.И.* Внешняя политика Венгрии. Апрель 1927 — февраль 1934 г. М., 1995; *Он же.* Внешняя политика Венгрии. Февраль 1934 — январь 1937 г. М., 1996; *Он же.* Внешняя политика Венгрии. Февраль 1937 — сентябрь 1939 г. М., 2003.

[23] Трансильванский вопрос. С. 13.

[24] Там же. С. 23 (Из дневника Н. Шаронова. Запись по итогам беседы с Чаки 13 февраля 1940 г.).

[25] Эти пределы были обусловлены не только принципиальной непримиримостью консервативной и отчасти праворадикальной политической элиты Венгрии к коммунистической идеологии, но и сохранявшейся линией правительства П. Телеки на то, чтобы не сжигать окончательно мостов к англо-франко-американской коалиции. Встречаясь с дипломатами Великобритании и Франции, тот же Чаки заверял их в неизменности антисоветского курса Венгрии. Удобным поводом для развязывания в Венгрии массированной пропагандистской кампании антисоветской направленности стала зимой 1940 г. военная акция СССР против этнически родственной венграм Финляндии. Подробнее о венгерской политике в этот период и ее оценке советской дипломатией см.: *Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.* Венгеро-румынский конфликт и советская дипломатия. 1940 — июнь 1941 года // Война и политика. 1939—1941. М., 1999. См. также их раздел в коллективном труде: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939—1941 гг. / Отв. ред. В.К. Волков, Л.Я. Гибианский. М., 1999.

[26] См., например: Трансильванский вопрос. С. 154—155.

[27] В условиях начавшейся второй мировой войны, 30 сентября 1939 г., попытки итальянско-югославского посредничества привели Венгрию и Румынию к обоюдному согласию отвести часть войск, сосредоточенных вдоль границы, однако через несколько месяцев все вернулось в прежнее, крайне напряженное состояние, чреватое возможностью военного конфликта.

[28] Трансильванский вопрос. С. 22 (Из дневника полпреда Н. Шаронова).

[29] На это обратил внимание и полпред Н.И. Шаронов (Там же. С. 23). Надо вместе с тем заметить, что и румынское правительство в предшествующие годы отказывалось пойти на соглашение с венгерским в вопросе об определении особого статуса венгерского меньшинства в Румынии, мотивируя свою позицию сохранявшимися территориальными притязаниями Венгрии.

[30] Из новейшей литературы по проблеме см.: *Пушкаш А.И.* Внешняя политика Венгрии.

[31] Как следует из документов, это понимали и в Наркоминделе СССР. См. записку Б. Гейгера, относящуюся, правда, уже к другому периоду второй мировой войны (17 декабря 1942 г.). См.: Трансильванский вопрос. С. 185.

[32] В первые месяцы после провозглашения в марте 1939 г. словацкого государства недовольство проправительственных кругов Венгрии Германией было столь велико, что любая мысль о союзе с "третьим рейхом" воспринималась значительной частью общественного мнения как измена ро-

inslav

дине (См. об этом в информации полпредства СССР в Венгрии за декабрь 1940 г.: Трансильванский вопрос. С. 120).

[33] Территориальные приращения хортистской Венгрии в 1938—1941 гг. происходили в следующей последовательности. 2 ноября 1938 г. германо-итальянский арбитраж в Вене вынес решение о передаче Венгрии южных областей Словакии и Подкарпатской Руси (Закарпатской Украины) площадью около 12 тыс. кв. км и населением свыше 1 млн человек. Весной 1939 г. венгерские войска оккупировали всю Подкарпатскую Русь. В августе 1940 г. на основании второго Венского арбитража (см. ниже) Венгрия получила Северную Трансильванию (около 43 тыс. кв. км). Весной 1941 г., во время антиюгославской кампании "третьего рейха" и его союзников, венгерская армия оккупировала и закрепила за собой часть территории Югославии общей площадью около 12 тыс. кв. км.

[34] О проблемах международных отношений, связанных с разделом Чехословацкой республики, образованием "независимой" Словакии, а также о планах использования Гитлером Подкарпатской Руси в качестве инструмента давления на Венгрию и Польшу см.: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939—1941 гг.

[35] Из справки референта 3-го Европейского отдела НКИД СССР Б.Я. Гейгера «Планы восстановления "исторической Венгрии" в довоенных границах» (25 июня 1942 г.). См.: Трансильванский вопрос. С. 173. Еще задолго до начала второй мировой войны некоторые лидеры и идеологи "третьего рейха" обращали внимание на несовпадение стратегических целей нацизма и хортизма. Так, А. Розенберг в ноябре 1936 г. выступил в прессе против "венгерских фантастических ревизионистских устремлений", заявив, что "собирание сил против большевизма важнее, чем создание ревизионистского блока". См.: Там же. С. 186.

[36] В 30-е годы поддержка Италией венгерских территориальных притязаний находилась в тесной зависимости от дипломатических игр, которые вел на международной арене режим Муссолини в целях укрепления своего великодержавного положения и сохранения хотя бы относительного равноправия в диалоге с Берлином. Важное место во внешнеполитической тактике Рима занимало установление краткосрочных союзов с некоторыми малыми и средними (как Польша) европейскими государствами, далеко не в последнюю очередь с Венгрией.

[37] Трансильванский вопрос. С. 20 (Из дневника Н. Шаронова).

[38] Там же. С. 27.

[39] Там же. С. 28.

[40] Там же. С. 20—21.

[41] Там же. С. 24.

[42] Там же.

[43] Там же. С. 33.

[44] Там же. С. 35.

[45] Там же. С. 48. С 1 июля в ответ на объявленную в Румынии (из-за имевшихся опасений венгерского нападения) всеобщую мобилизацию начинается всеобщая мобилизация в Венгрии.

[46] Венгерское общество в целом не разделяло эйфории правящей верхушки, не только уверенной в успехе в случае конфликта с Румынией, но и провоцировавшей такой конфликт. Полпредство располагало сведениями о сильных антивоенных настроениях в Венгрии (Там же. С. 41).

[47] Там же. С. 35.

[48] Там же. С. 34—35. Очевидно, граф Чаки, не чуждый, подобно большинству венгерских консервативных политиков, комплекса панславист-

inslav

ской угрозы для Венгрии, преследовал своей целью указать югославскому дипломату на нежелательность сближения его страны с СССР ввиду той опасности, которую представлял для Венгрии большевистский режим. Надо при этом иметь в виду, что в отличие от СССР Югославия не могла служить Венгрии союзником в осуществлении ревизионистских планов, направленных против Румынии, речь могла идти лишь о ее нейтрализации в случае конфликта.

[49] Там же. С. 35.

[50] Так, югославский посланник в Венгрии Рашич, посетивший Шаронова 3 июля, уже после советской оккупации Бессарабии, заметил, что "весь мир следит за расширением СССР и здесь все говорят, что дальнейшее движение СССР будет в направлении к Дарданеллам" (Там же. С. 38).

[51] Краткая история Румынии. С древнейших времен до наших дней. М., 1987. С. 363—364.

[52] Трансильванский вопрос. С. 54, 104.

[53] Там же. С. 36.

[54] Там же. С. 39.

[55] Там же. С. 44—45. Криштоффи в беседе с Деканозовым также прозондировал почву, "как посмотрел бы Советский Союз, если бы такие претензии были предъявлены Венгрией Румынии". Зам. наркома предпочел уклониться от прямого ответа, спросив своего собеседника, а ставится ли этот вопрос Венгрией в настоящее время. Криштоффи ответил, что имеется в виду мирное разрешение вопроса на конференции, не уточнив, о какой конференции идет речь (Там же. С. 45).

[56] Телеграмма В. Молотова Н. Шаронову от 5 июля 1940 г. (Там же. С. 46).

[57] Там же. Хотя Криштоффи на уже упоминавшейся встрече с Деканозовым 29 июня говорил о планах мирного разрешения вопроса на международной конференции, в кругах хортистской элиты существовали и другие мнения о путях разрешения проблемы. Что касается встречи Молотова с венгерским послом 3 июля, то тогда же советская сторона дала согласие на заключение советско-венгерского торгового соглашения (подписано 3 сентября 1940 г.).

[58] Там же. С. 117.

[59] Там же. С. 48 (Из дневника Н. Шаронова).

[60] Там же. С. 51. По сообщению Шаронова, ссылавшегося на свою беседу с турецким посланником, среди иностранных дипломатов, работавших в Будапеште, воспринимались как вполне правдоподобные слухи о том, что венгры получили в Москве некоторые "заверения" о помощи в разрешении трансильванского вопроса в пользу Венгрии (Там же. С. 43).

[61] Там же. С. 58—59. И в последующие месяцы, вплоть до поздней весны 1941 г., среди венгерской политической элиты были устойчивыми слухи о выработанных в Москве планах перехода Красной Армией реки Прут и оккупации румынской Молдовы вплоть до Карпат. Новое продвижение советских войск предполагалось опять-таки использовать (насколько это было возможно) в интересах дальнейшего расширения Венгрии (Там же. С. 156, 161, 163).

[62] Впоследствии министр просвещения в правительстве нилашистов, казненный в 1946 г. как военный преступник.

[63] Трансильванский вопрос. С. 36.

[64] Там же. С. 48.

[65] Там же. С. 40.

[66] Там же. С. 36.

inslav

[67] В дни поездки в Мюнхен о предпочтительности мирного пути речь шла в беседах Шаронова с прогермански настроенными депутатами и журналистами (Там же. С. 47). В те же дни посол зафиксировал в своем дневнике происходившие в дипломатических кругах разговоры о том, что Германия категорически рекомендовала Венгрии подождать с разрешением трансильванского вопроса (Там же. С. 43).

[68] Там же. С. 40.

[69] Там же. С. 36.

[70] См. беседу советского полпреда со словацким посланником от 10 июля (Там же. С. 43. В дипкорпусе также высказывались не вполне обоснованные предположения о том, что Румыния сама уступит Венгрии часть Трансильвании, на всю же Трансильванию венгры и не рассчитывают (Там же. С. 33). Что касается последней части этого утверждения, то Ворнле действительно не уставал заверять своих иностранных собеседников, что Будапешт не требует от Румынии всей Трансильвании (Там же. С. 40).

[71] Молотов воздержался от каких-либо обещаний на этот счет, сославшись на то, что отношения СССР с Югославией недостаточно установлены (Там же. С. 45).

[72] 5 июля Чаки посоветовал болгарскому посланнику "начинать", т.е. предъявить Румынии ультимативные требования в отношении Добруджи (Там же. С. 42). Вопрос о возвращении Болгарии Южной Добруджи, где преобладало болгарское население, был решен в сентябре 1940 г. путем переговоров. Уступчивость Румынии болгарским притязаниям (конечно же, гораздо менее значительным, нежели венгерские) заметно контрастировала с их непримиримостью в трансильванском вопросе. Н. Шаронов в донесении В. Деканозову от 17 августа писал о том раздражении, которое вызвала у венгерской политической элиты тактика Румынии: "удовлетворив Болгарию Южной Добруджей, оставить только одного противника — Венгрию, имея в этом случае в перспективе или только один фронт, или новую затяжку в разрешении конфликта до окончания войны на Западе" (Там же. С. 59—60).

[73] Там же. С. 54.

[74] Там же.

[75] Там же. С. 55.

[76] Там же. С. 37 (Из дневника Н. Шаронова). Все-таки, коль скоро инициатива в советско-германском соперничестве принадлежала Германии, венгерские политические наблюдатели были готовы до известной степени признать оборонительный характер действий СССР. Как говорил Шаронову югославский посланник Рашич, оккупация Советским Союзом Северной Буковины "трактуется как в венгерских, так и в дипломатических кругах, как приготовление СССР к защите против Германии" (Там же. С. 38).

[77] Там же. С. 60.

[78] Этому предшествовали проходившие в период 10—27 июля в Мюнхене, Берлине и Риме встречи румынских и венгерских лидеров с Гитлером, Муссолини, Риббентропом, Чиано.

[79] 17 августа полпред СССР в Венгрии Н.И. Шаронов в своем донесении заместителю наркома иностранных дел СССР В.Г. Деканозову выражал сомнения в благоприятном исходе переговоров. См.: Трансильванский вопрос. С. 60. Аналогичного мнения придерживался полпред СССР в Румынии А.И. Лаврентьев, отправивший 23 августа информационное письмо наркому В.М. Молотову (Там же. С. 65).

inslav

[80] См., в частности, записи его бесед с венгерскими политиками, относящиеся к маю 1941 г. (Там же. С. 155). См. также информационное письмо Н. Шаронова В. Молотову от 28 мая 1941 г. (Там же. С. 160—162). Руководствуясь господствовавшей установкой, Шаронов избегал каких-либо выводов даже тогда, когда сообщал о передвижениях германских войск вблизи советских границ (в Словакии, а также через Венгрию в Румынию), о переброске военной техники, и приводил открытые заявления германских офицеров о том, что они идут воевать с Советами (Там же).

[81] См. его донесения (Там же. С. 66—67, 93). Еще в июльском своем донесении Молотову Лаврентьев прогнозировал усилия Германии и Италии по сколачиванию на Балканах такого блока, который можно было бы использовать против СССР. Это предполагало переориентацию Турции, Греции и Югославии в германо-итальянском направлении, что было делом очень не простым (Там же. С. 53).

[82] Там же. Первым шагом в процессе установления контроля "третьего рейха" над Румынией стало заключение еще в марте 1939 г. кабального экономического договора с Германией. В июле 1940 г. советское полпредство имело уже все основания прийти к выводу о том, что внешнеполитическая ориентация Румынии на "ось" четко выражена. 4 июля было образовано последовательно прогерманское правительство И. Джигурту. В связи с выходом Румынии из Лиги наций ее министр иностранных дел М. Манойлеску заявил, что румыны "твердо решили порвать с прошлым и создать между румынским и германским народами отношения дружеского сотрудничества" (Цит. по письму А. Лаврентьева В. Молотову от 30 июля 1940 г. // Там же. С. 52). В декларации о политике "искреннего включения в систему, созданную осью Берлин—Рим", говорилось, что такой курс является не только выражением политического реализма, но и логическим следствием идеологии, отражающей чувства нации.

[83] См. обзор прессы, подготовленный полпредством СССР в Румынии (Там же. С. 68—69).

[84] См. информационное письмо А. Лаврентьева В. Молотову от 17 сентября 1940 г. (Там же. С. 91).

[85] При этом, как замечал Лаврентьев в письме Молотову от 17 сентября, в дни, предшествовавшие арбитражу, германская и итальянская дипломатия попыталась замаскировать его подготовку, чтобы потом утверждать, что выступила в качестве третейских судей лишь под давлением крайних обстоятельств (Там же. С. 92).

[86] В течение следующего, 1941 г. они могли покинуть Северную Трансильванию, вывезя свое движимое и продав недвижимое имущество.

[87] Текст третейского решения см.: Известия, 1 сентября 1940 г.; Трансильванский вопрос. С. 198—199.

[88] Там же. С. 82.

[89] Как заявил в тот же день, 30 августа, на пресс-конференции Чиано, "Германия и Италия выполнили свою миссию, которая заключалась в том, чтобы не распространить конфликта, в котором они теперь находятся, на страны Юго-Восточной Европы, к чему упорно стремились наши враги" (Там же).

[90] Цит. по обзору румынской прессы (Там же. С. 70).

[91] Вопрос о том, в какой мере слухи о новом советском наступлении на Румынию имели под собой реальные основания, остается открытым, пока историки не получили доступа к соответствующим архивным документам. Можно предполагать, что стремление перехватить инициативу у Германии на балканском направлении не могло перевесить опасений раз-

inslav

рыва союзнических отношений с "третьим рейхом" в условиях, когда СССР не был готов к войне.

[92] Цит. по обзору румынской прессы: Трансильванский вопрос. С. 72.

[93] Там же.

[94] Там же. С. 82.

[95] Там же. С. 92.

[96] Там же.

[97] Там же.

[98] См. его донесения: там же. С. 71, 93.

[99] См. там же. С. 73—75. В ответном письме, врученном румынским послом Деканозову 30 августа, утверждалось, что ответственность за перечисленные в советской дипломатической ноте инциденты, явившиеся следствием "состояния общей нервозности", невозможно возложить исключительно на румынскую сторону (Там же. С. 75—77). В вербальной ноте от 13 сентября, направленной с румынской стороны после тщательного расследования произошедших инцидентов, оспаривались некоторые факты, указанные в советской ноте. В желании не пренебрегать ничем, чтобы сохранить с СССР добрососедские отношения, румынское правительство запретило, начиная с 1 сентября, любые полеты в районе, прилегающем к демаркационной линии между Румынией и СССР. Кроме того, во избежание инцидентов Генштаб румынских войск запретил пограничникам пользоваться оружием за исключением явных нарушений румынской территории (Там же. С. 87—91).

[100] Премьер-министр У. Черчилль, выступая 30 сентября в Палате общин, говорил о том, что территория Румынии подверглась "жестокому изуродованию". "Мы никоим образом, — продолжал он, — не намерены признавать те территориальные изменения, которые произойдут во время войны, если только они не являются следствием свободного согласия и дружеского договора между заинтересованными странами" (Там же. С. 376). 5 сентября аналогичную точку зрения высказал министр иностранных дел лорд Галифакс (Там же. С. 320). Официальная позиция США была выражена лишь в заявлении госдепартамента, сделанном почти через два года, 27 июля 1942 г., о том, что США не признают ни одного территориального изменения, навязанного путем насилия (Там же).

[101] Граница СССР с Венгрией была установлена с оккупацией последней Закарпатской Украины в 1939 г.

[102] Трансильванский вопрос. С. 76—78. Одновременно Шуленбург заверил Молотова в дружественных отношениях Германии с СССР, что проявилось, в частности, в предельно быстром информировании Москвы о принятом в Вене решении.

[103] Правда, советское правительство перед осуществлением своей акции в отношении Румынии выразило надежду, что вопрос о Южной Буковине не является закрытым и к нему можно будет вернуться при соответствующих условиях.

[104] Предпринятый наркомом экскурс в советско-германскую дискуссию относительно судеб Буковины в дни, предшествующие "освободительному походу" Красной Армии, не вызвал возражений германского посла. Запись беседы от 9 сентября см.: Трансильванский вопрос. С. 83—87.

[105] Разочарование не только масс, но и политической элиты в результатах арбитража было тем сильнее, что некоторые группировки, не слишком веря в англо-французские гарантии версальских границ, с середины 30-х годов ориентировались на фашистскую Германию именно как на более

inslav

надежный, по их мнению, потенциальный гарант защиты границ Румынии от опасности венгерского ирредентизма. Под влиянием этих группировок румынское правительство перед войной в качестве перестраховки неоднократно пыталось нащупать возможности для получения гарантий своих границ с Венгрией также и со стороны Германии. Между тем, позиция Берлина была достаточно уклончивой, что нашло отражение в противоречивых заявлениях официальных лиц. Стремясь к включению Румынии в орбиту своего влияния, Германия в то же время опасалась каким-либо неосторожным шагом укрепить позиции проанглийских сил в соседней Венгрии. Аналогично и Италия не могла гарантировать границы Румынии без того, чтобы не потерять опору в Венгрии. Предпринятая ею попытка посредничества между двумя государствами оказалась безрезультатной. Несмотря на отсутствие должных германских гарантий румынских границ, силы, ориентированные на "третий рейх", как уже было отмечено, в 1938—1939 гг. заметно упрочили свои позиции. Наилучшим аргументом в их пользу явился "мюнхенский сговор", вследствие которого союзная с Румынией Чехословакия прекратила свое существование вопреки декларировавшимся на протяжении двух десятилетий англо-французским гарантиям.

[106] Показательны в этой связи прозвучавшие в одной из антиправительственных листовок (январь 1941 г.) слова о том, что у Румынии не может быть иных целей в войне, кроме как сражаться с венграми за Трансильванию, дабы восстановить свои границы (Трансильванский вопрос. С. 130).

[107] Там же. С. 72.

[108] Там же. С. 104.

[109] Полпред А.И. Лаврентьев в информационном письме В.М. Молотову от 20 октября замечал, что листовки, распространяемые сторонниками Маниу и Братиану (о том, что "германофильство — это измена родине", и т.д.), другие проявления недовольства оппозиционеров на данном этапе вряд ли явятся серьезным препятствием для усиления немецкого господства в Румынии (Там же. С. 106). См. там же тексты листовок: С. 127—129, 129—131, 132—136.

[110] Там же. С. 111. Итоги визита пресса назвала обнадеживающими, ибо в результате переговоров были заложены "прочные основы активной политики", которая приведет к значительным результатам в реализации "румынской справедливости" в Дунайском бассейне и к торжеству "латинизма" на Балканах. Что же касается конкретного направления подобного рода активности, то этот вопрос в комментариях, как правило, обходился стороной.

[111] Там же. С. 71.

[112] Там же.

[113] Там же. С. 93.

[114] Там же. С. 105.

[115] Зав. ближневосточным отделом НКИД Н.В. Новиков в записке зам. наркома В.Г. Деканозову от 21 сентября 1940 г., с которой ознакомились также нарком В.М. Молотов и его первый зам. А.Я. Вышинский, обратил внимание на попытки создания "третьим рейхом" на территории Венгрии, Югославии и Румынии своего рода "германского коридора", что дало бы возможность Гитлеру, опираясь на немецкие фольксбунды в этих странах, оказывать давление на правительства в своих интересах (См. там же. С. 97—98).

[116] Есть сведения о том, что германский МИД весной 1941 г. проинформировал венгерских лидеров о рассматриваемых в Берлине проектах

inslav

создания в Южной Трансильвании и Банате некоего автономного (в составе Румынии) государственного образования со швабским управлением. Эта идея вызвала в Будапеште крайне негативный отклик, поскольку в ней увидели малопреодолимое препятствие для осуществления дальнейших ревизионистских планов Венгрии (Там же. С. 154).

[117] Там же. С. 104.

[118] Там же. С. 52.

[119] Там же. С. 73. 17 сентября А. Лаврентьев информировал В. Молотова о дальнейшем приспособлении внешней и внутренней политики Румынии к стратегическим интересам Германии, что проявилось среди прочего в решающем влиянии держав "оси" на внутриполитические изменения в Румынии, в частности на отставку короля Кароля и приход к власти Антонеску. По мнению полпреда, Румыния уже "фактически превращается в провинцию Германии" (Там же. С. 96).

[120] Там же. С. 103.

[121] Там же. С. 104.

[122] Насколько в Москве придавали значение предостережениям полпреда в Бухаресте — предмет самостоятельного исследования. Не углубляясь в детали, заметим лишь: сигналы, свидетельствовавшие о целенаправленном превращении Румынии в военный плацдарм против СССР, не повели к сколько-нибудь существенной корректировке советской политики в отношении "третьего рейха".

[123] Как известно, территориальные притязания режима Антонеску не ограничились Бессарабией и Северной Буковиной, распространились на Транснистрию до Южного Буга, города Одессу, Херсон и т.д. Надо сказать, что цели Румынии в войне формулировались весьма туманно и расплывчато.

[124] Трансильванский вопрос. С. 104.

[125] По настоянию Германии, в день венского арбитража, 30 августа 1940 г., там же, в Вене, был заключен ее договор с Венгрией о статусе немецкого национального меньшинства, предоставивший ему заметные привилегии в сравнении с другими нацменьшинствами. Венгерское правительство обязалось не только пойти на создание новых школ, активизировать культурные движения, но и дать гарантии привлечения представителей немецкого меньшинства в органы власти разных уровней, разрешить создание новых общественных организаций.

[126] Когда застрелившегося в начале апреля 1941 г. графа Телеки сменил на посту премьер-министра прогермански настроенный Л. Бардоши, ситуация изменилась. 1 мая 1941 г. в беседе с советским полпредом Н. Шароновым немецкий посланник О. Эрдманнсдорф на вопрос советского дипломата "относительно старых недоразумений" при проведении в жизнь договора о германском нацменьшинстве ответил, что "в настоящее время в правительстве сопротивления больше не намечается, но в местных самоуправлениях недоразумения еще не исчерпываются" (Трансильванский вопрос. С. 150).

[127] Как отмечалось в этой связи в справке НКИД, подготовленной в июне 1942 г. референтом 3-го Европейского отдела Б. Гейгером, "территориальное переустройство, произведенное державами оси с 1938 по 1941 год, далеко не удовлетворило притязания венгерского империализма. Венгрия осталась недовольна результатами первого Венского арбитража, ибо она претендует на всю территорию теперешней Словакии как основной части довоенной Венгрии. Венгрия требует присоединения Южной Трансильвании и части Баната, оставленной вторым Венским арбитражем за Румынией" (Там же. С. 172).

inslav

[128] По этому поводу развязывается пропагандистская кампания. 1 мая 1941 г. германский посланник Эрдманнсдорф говорил полпреду Шаронову о том, что получил на днях сборник песен, рекомендуемый для венгерских солдат. В этих песнях содержались призывы к занятию городов Южной Трансильвании. Посланник попросил в венгерском МИДе воздержаться от усиленного культивирования антирумынских настроений (Там же. С. 150).

[129] Там же. С. 357. В НКИД СССР еще в декабре 1942 г. обращали внимание и на стратегическую невыгодность для Венгрии решения, принятого в Вене: "Важнейшим последствием венского решения для внешнеполитического положения Венгрии явилось усиление влияния Германии в соседних с Венгрией странах Юго-Восточной Европы, начавшегося с вводом германских войск в Румынию осенью 1940 г. Венгрия, таким образом, хотя территориально расширилась, но одновременно очутилась в полном окружении фашистской Германии" (Из справки по трансильванскому вопросу // Там же. С. 190).

[130] Там же. С. 173, 149. Оценивая сложившуюся к 1940 г. ситуацию, Бетлен исходил из того, что в условиях почти полного подчинения режима Муссолини Германии уже не могла иметь никакого эффекта характерная для второй половины 30-х годов политика балансирования Венгрии между двумя "патронами", позволявшая сохранять определенное поле маневра. Видя в Венгрии не более чем статиста, бывший премьер-министр резонно опасался, что в случае победы Германии ее ждет полная потеря самостоятельности, тогда как в случае поражения — новый Трианон. Поэтому он надеялся на разрыв своей страны с "третьим рейхом". Иностранные дипломаты, с которыми Шаронов встречался в Будапеште, обращали внимание советского полпреда на сильные антигерманские настроения хортистской элиты. Так, югославский посланник говорил ему в марте 1941 г., что "из окружения регента он слышит только анекдоты и насмешки в отношении Италии и выражения недовольства и недружелюбия в отношении Германии, причем передают, что и регент вполне разделяет эти настроения" (Там же. С. 142).

[131] Там же. С. 63, 114.

[132] См. письмо Н. Шаронова В. Молотову от 28 мая 1941 г. (Там же. С. 161).

[133] Там же. С. 100. Декларированные венгерским правительством уступки в пользу немецкого меньшинства стимулировали политически активную часть румынского населения Северной Трансильвании к более настойчивому выдвижению своих требований — о сохранении румынских школ и т.д. При этом румынские общественные организации края рассчитывали на поддержку официального Бухареста.

[134] Важно заметить, что среди венгерских политиков, представлявших в Будапеште интересы Северной Трансильвании, вообще были довольно сильны настроения в пользу некоторой децентрализации, оставления в силе части румынских законов, неприятия скороспелых, непродуманных реформ в целях скорейшей интеграции этого края в Венгрию. При этом они исходили из того факта, что за годы пребывания в составе Румынии Трансильвания укрепила свой экономический потенциал, а потому к ней нельзя подходить с привычными для консервативной хортистской элиты мерками.

[135] Эта акция вызвала некоторое неудовольствие и румынской антигерманской оппозиции во главе с Ю. Маниу, в своих листовках обвинявшей Антонеску в "коммунизации" страны (Трансильванский вопрос. С. 130).

inslav

[136] См. об этом в рабочем дневнике Н. Шаронова (Там же. С. 110).
[137] Там же. С. 101.
[138] Там же. С. 114.
[139] Это хорошо осознавали и в НКИД СССР. В справке по трансильванскому вопросу, подготовленной в декабре 1942 г. референтом Б. Гейгером, отмечалось: "Германия при разделе Трансильвании получила дополнительные средства давления как на Венгрию, так и на Румынию с тем, чтобы, используя их раздоры и противоречия, держать их постоянно в повиновении" (Там же. С. 190). По мнению Гейгера, новая граница была "преднамеренно и с явным умыслом" проведена таким образом, чтобы она "заранее содержала в себе зародыш будущих трений и конфликтов" — разрыв дорог, раздел частных землевладений и невозможность их обработки в силу жесткого пограничного режима, и т.д. (Там же). С этим последним замечанием, впрочем, трудно согласиться. Германия и Италия, как уже отмечалось, не были заинтересованы в раздувании конфликтов в собственном тылу. Арбитры скорее всего просто не считали нужным вдаваться в детали при демаркации границы, преследуя своей первоочередной целью временное снятие напряженности в отношениях Венгрии и Румынии, чреватой непредсказуемыми и нежелательными для Берлина событиями. Не желая чрезмерного усиления ни одного из своих вассалов, вожди "третьего рейха" в то же время больше заботились о сохранении солидного промышленного потенциала за Румынией, так как в этой стране к осени 1940 г. экономика контролировалась Германией лучше, чем в Венгрии, где политическая и особенно финансовая элита даже после присоединения страны в ноябре 1940 г. к Тройственному пакту сохраняла мощное проанглийское крыло.
[140] *Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.* Введение // Трансильванский вопрос. С. 8. В справке 3-го Европейского отдела НКИД СССР «Планы восстановления "исторической Венгрии" в довоенных границах» (автор Б.Я. Гейгер) суть политики Гитлера в регионе характеризовалась следующим образом: "Фашистская Германия держала и держит по сей день вопрос о ревизии договоров в качестве приманки для Венгрии и в качестве орудия вымогательства в отношении стран, против которых направлены территориальные притязания Венгрии. Не подлежит сомнению, что Германия при территориальном переустройстве преследовала цель обеспечить себя союзниками, дать временную добычу своим вассалам, но так, чтобы сохранить собственное господствующее положение и иметь в будущем предлог для пересмотра границ в своих интересах" (Там же. С. 173).
[141] Как отмечалось в справке Б. Гейгера по трансильванской проблеме (декабрь 1942 г.), "гитлеровская Германия нагромоздила такое столкновение интересов между обеими зависимыми от нее странами, что в будущем это может стать немаловажным фактором, подрывающим основы европейского фашистского блока и господство самой гитлеровской Германии". Страх перед Германией "удерживал до сих пор эти страны от нападения друг на друга и не давал им возможности рассчитаться между собой". Однако лишь до тех пор, пока Германия сумеет "держать в повиновении как Венгрию, так и Румынию, противоречия между этими партнерами по оси не приведут к такому столкновению между ними, которое обусловило бы прорыв европейского блока фашистских агрессоров и сепаратный выход этих стран из войны" (Там же. С. 191 — 192). Другой референт НКИД, Н.Т. Федоров, в справке по Румынии, относящейся к 1943 г., писал: "Обострение румыно-венгерских противоречий из-за Трансильвании имеет первостепенное политическое значение. Эти противоречия в

inslav

ходе второй мировой войны еще не раз проявят себя и при известных условиях смогут стать одним из факторов развала гитлеровского блока" (Там же. С. 219).

[142] Первый зам. наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинский имел по этому поводу беседу с венгерским посланником. Вследствие антиюгославской кампании в Будапеште, согласно донесениям посольства, широко распространились слухи о концентрации Красной Армии в Карпатах, вблизи венгерской границы, причем обеспокоенность состоянием советско-венгерских отношений проявлялась в те дни и в широких массах (Там же. С. 148, 152).

[143] Там же. С. 108. С мнением прогермански настроенного министра иностранных дел, прозвучавшим в конце 1940 г., перекликалась еще более определенная, хотя, как показало будущее, вовсе не бесспорная позиция последовательного англофила графа Бетлена, выраженная в дни апрельской антиюгославской кампании: в случае разрыва с Москвой существование Венгрии может закончиться, страна будет неминуемо раздавлена между двумя колоссами — СССР и Германией (Там же. С. 161).

[144] К весне 1941 г. такая перспектива обозначилась особенно явно. Словацкий посланник Спишьяк говорил Шаронову 29 апреля: "венгры считают совершенно неизбежным нападение Германии на СССР... в Словакии все в этом также уверены" (Там же. С. 149). Румынский посланник Крутческу 7 мая сказал ему примерно то же самое: "здесь все говорят о неминуемом выступлении Германии против Вас" (Там же. С. 154).

[145] Один из собеседников Шаронова, принадлежавший к крайне правому политическому лагерю, понимал эту совместную акцию следующим образом: "Советский Союз должен получить Молдавию с тем, чтобы после этого акта или одновременно с ним Венгрия могла бы получить и занять Банат". На вопрос полпреда, "действительно ли они думают иметь повторение того положения, когда Венгрия смогла поставить вопрос о Трансильвании только после возвращения Бессарабии к Советскому Союзу", его собеседники заявили, что "это как раз то, что они ожидают" (Запись беседы от 8 мая 1941 г. // Там же. С. 156). Шаронов не поставил под сомнение возможность подобной акции, что вызвало негодование в Наркоминделе. Молотов на соответствующем донесении пометил карандашом: "сам подбивает". (Там же. С. 159). См. также письмо генерального секретаря НКИД СССР А. Соболева Н. Шаронову от 21 июня 1941 г. (Там же. С. 163–164).

[146] Предполагалась, в частности, широкая публикация заявлений о том, что Телеки был вынужден согласиться на германские требования, только подчинившись силе (Там же. С. 157).

[147] Там же. С. 115.

[148] С конца 30-х годов Венгрия форсировала сближение с Югославией, чтобы парализовать возможность югославо-румынского союза и развязать себе руки для осуществления своих ревизионистских устремлений в отношении Румынии. Поэтому до поры до времени хортистские лидеры предпочитали "забыть" о своих притязаниях на часть югославской территории (в первую очередь, на Воеводину). Так, 5 июля 1940 г. заместитель министра иностранных дел Ворнле говорил полпреду Шаронову о том, что "их возможные требования к Югославии, связанные с Трианонским договором, настолько незначительны, что о них вообще не вспоминается" (Там же. С. 41). 29 апреля 1941 г., после осуществленной операции по разгрому Югославии, тот же Ворнле на запрос Шаронова о мотивах венгерского участия в этой акции довольно резко заявил о том, что Венгрия ни-

inslav

когда не отказывалась от некоторых территорий, отнесенных решением Трианона к Югославии.

[149] *Fülop Mihály.* A királyi Romania és Erdély, 1944—1947 // História. Bp., 1994. N 2. 29.old.

[150] И.М. Майский, до 1943 г. работавший послом в Лондоне, в начале 1944 г. возглавил Комиссию НКИД СССР по возмещению ущерба, нанесенного Советскому Союзу Германией и ее союзниками.

[151] Трансильванский вопрос. С. 220, 224. Особый интерес к Румынии был обусловлен тем, что эта страна воспринималась как главный плацдарм для закрепления Советов на Балканах. М.М. Литвинов в записке от 15 ноября 1944 г. "О перспективах и возможной базе советско-британского сотрудничества" мог констатировать: "Новейший ход военных событий вывел уже Советский Союз за ту границу, которая со времен Крымской кампании неизменно признавалась рубежом, дальше которого Россию пускать нельзя, — за устье Дуная" (Там же. С. 259). Бывший нарком иностранных дел, в 1944 г. возглавлявший Комиссию НКИД СССР по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства, прогнозировал, что нынешняя война изменит расстановку сил на Балканах и вернет там России (в данном случае СССР) роль ведущей державы в этом регионе. Причем построения Литвинова базировались на предположении о том, что Запад, вероятно, будет вынужден смириться с однозначным включением Румынии в советскую сферу влияния.

[152] Там же. С. 222—223.

[153] Там же. С. 232.

[154] Там же. С. 234.

[155] Там же. С. 135.

[156] Планы Дунайской Федерации возрождаются в 1943 г. и в Венгрии, где проанглийски настроенная часть хортистской элиты, ожидая поражения Германии, заботилась о том, чтобы смягчить для своей страны последствия участия в войне на стороне "третьего рейха" и одновременно по возможности обеспечить (в скрытой форме) ее сохранявшиеся амбиции на ведущую роль в регионе. В эту проектируемую под эгидой Будапешта федерацию наряду с Хорватией и Словакией вошла бы на правах равноправного члена Трансильвания. Эта идея вызывала негативную реакцию в антигерманских политических кругах. Так, посланник югославского королевского (эмигрантского) правительства в Анкаре И. Шуменкович говорил 7 июля 1943 г. послу СССР С.А. Виноградову: этот венгерский план показывает, что "Венгрия этой комбинацией хочет заполучить все то, что когда-то потеряла Австро-Венгрия, и демонстрирует то, что дважды битая Венгрия не хочет расстаться со своими империалистическими намерениями" (Там же. С. 193). Турция в свою очередь видела в проектируемой Дунайской Федерации с участием Венгрии и Румынии дружественную себе комбинацию (как противовес возможному союзу Югославии и Греции с участием Болгарии, готовой к далеко идущим уступкам, дабы избежать слишком суровых санкций за прежнюю прогерманскую ориентацию). Поэтому Анкара готова была взять на себя посредническую миссию.

Советская позиция в этот период исходила из того, что "не в интересах СССР, по крайней мере в первый период после войны, способствовать созданию различного рода федераций: Дунайской, Балканской, Центрально-Европейской, Скандинавской и т.п., — о которых сейчас так много говорят на Западе" (Из записки И.М. Майского В.М. Молотову от 10 января 1944 г. // Там же. С. 221—222).

inslav

[157] Там же. С. 233 – 237.
[158] Там же. С. 235.
[159] Там же. С. 236.
[160] Там же.
[161] Там же. С. 237.
[162] Там же. Если бы Советскому Союзу удалось заполучить контроль над Румынией, установить там базы, уточнял свою позицию Литвинов, вопрос о независимой Трансильвании отпал бы сам собой. Но до тех пор, пока этого не будет, сохранялась возможность выделения ее в особое государство под покровительством СССР.

Литвинов был не единственным из советских политических аналитиков, кто выступил в этот период с идеей независимой Трансильвании. Так, выдающийся историк Е.В. Тарле, привлеченный к работе Комиссии НКИД по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства, в своей записке высказал предположение, что поскольку Трансильвания "в руках Венгрии или Румынии не может быть ничем иным, как... вечным яблоком раздора на очень опасном европейском перепутьи и вечным поводом к разжиганию новых войн", то наиболее желательно создание здесь "самостоятельного государства под формальной гарантией будущей (проектируемой) организации держав с целью охраны от агрессий" (Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0512. Оп. 4. Д. 205. Л. 1а). Важно заметить, что идея самостоятельной Трансильвании не была абсолютно утопической, перекликаясь с настроениями определенной части населения, прежде всего венгерского. Об этом свидетельствуют некоторые письма, полученные в 1945 г. советской военной администрацией (Трансильванский вопрос. С. 316).
[163] Запись обсуждения см.: Там же. С. 238 – 245.
[164] Там же. С. 239.
[165] Там же. Образование новых мелких самостоятельных государств могло бы, по мнению Сурица, быть еще оправданным, если бы речь шла о необходимости ослабить мощного врага путем выделения из него части территории, либо "о предоставлении права на отдельное государственное существование нации, входившей в состав другого государства в качестве чужеродного и угнетенного национального меньшинства" (Там же).
[166] Суриц согласился с Литвиновым в том, что в интересах СССР отдавать приоритет этническому фактору над историческим, имея в виду традиционный и до сих пор не утративший актуальности спор с Польшей вокруг принадлежности земель с украинским, белорусским, литовским населением. Отвечая ему, Литвинов сделал, однако, существенную оговорку: "Я сам отметил в своей записке предпочтительность для нас этнической аргументации перед исторической, но и тут мы не должны слишком увлекаться, помня, что будут случаи, когда придется нам выдвигать аргументы от истории, как, например, в нашем предложении о передаче Польше Восточной Пруссии и Верхней Силезии" (Там же. С. 244).
[167] Как следует из разных документов времен войны, в НКИД СССР хорошо осознавали огромное экономическое значение Трансильвании для Румынии. Там понимали также, что "богатейшие сырьевые и экономические ресурсы этой области не в последнюю очередь являются причиной румыно-венгерских раздоров". По мнению аналитиков из НКИДа, Венгрия, не видя для себя реальной наживы от участия в войне на советском фронте, никогда не откажется от притязаний на Трансильванию, согласно непоколебимым убеждениям венгерского господствующего класса, принадлежащую ей в соответствии с "историческим правом" (Из запи-

inslav

ски IV Европейского отдела НКИД о венгеро-румынских территориальных спорах. 1943. Там же. С. 200). Это понимали и лидеры либеральной оппозиции в Румынии Д. Братиану и Ю. Маниу. В своем обращении к маршалу Антонеску с протестом против отправки новых румынских соединений на советско-германский фронт (март 1943 г.) они писали, что "продолжение войны при нынешних обстоятельствах может привести не к восстановлению, а только к полной гибели страны, подвергающейся опасности со стороны Венгрии" (Там же. С. 203).

[168] Там же. С. 240.

[169] Там же. С. 241.

[170] См. интервью с королем Михаем: *Fülöp Mihöly*. Op. cit. N 2. 24—29. old. Согласно оценке тех событий, которую Михай дал через полвека, в 1993 г., ко времени разрыва официального Бухареста с "третьим рейхом" в Москве уже якобы сложилась благоприятная для Румынии позиция по трансильванскому вопросу. Однако, готовя разрыв с Германией, король об этом ничего не знал.

[171] Кроме того, как свидетельствует Михай, именно по инициативе Великобритании и США одна из статей заключенного с Румынией соглашения предусматривала возвращение ей всей или значительной части Трансильвании не сразу же, а в результате мирного урегулирования, сроки которого не оговаривались (Ibid.). Через год, в сентябре 1945 г., на заседании Совета Министров иностранных дел в Лондоне лейборист Э. Бевин, незадолго до этого ставший главой британского внешнеполитического ведомства, мотивировал компромиссное предложение Великобритании относительно "значительной части" Трансильвании стремлением избежать очевидных для него несправедливостей Трианона: "Цель была такая, чтобы установить какую-нибудь справедливую границу, которая бы не допускала возможности возникновения тех недоразумений, которые имели место после заключения прошлого Мирного Договора" (Из стенографических записей обсуждения за 20 сентября // Трансильванский вопрос. С. 325). Вместе с тем, по мнению советских внешнеполитических экспертов, статья 19 соглашения о перемирии могла быть истолкована в юридическом плане и несколько иначе: признание несуществующим второго Венского арбитража означало, что, не дожидаясь окончательного мирного урегулирования, Трансильвания должна быть передана Румынии как стране, ею ранее владевшей (Письмо наркома иностранных дел РСФСР А.И. Лаврентьева первому заместителю наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому от 31 декабря 1944 г. // Там же. С. 287). Именно так толковали соответствующее положение соглашения румынские власти, осенью 1944 г. направлявшие в освобожденные от немецких и венгерских войск районы Северной Трансильвании свою гражданскую администрацию.

[172] См. текст ноты румынской делегации в Москве в НКИД СССР и записку зав. IV Европейским отделом НКИД СССР В.А. Зорина А.Я. Вышинскому от 9 сентября 1944 г. // Там же. С. 249—251.

[173] Поскольку румынская армия не считалась надежным союзником, части Красной Армии в первые недели после 23 августа активно занимались ее разоружением. Об этом среди прочего шла речь 31 августа в ходе беседы В. Молотова с румынской делегацией на переговорах о перемирии (Там же. С. 248). В дальнейшем было сочтено целесообразным использовать румынские войска, однако, по отзывам представителей Генштаба Красной Армии, они сражались в целом малоэффективно (Там же. С. 287).

[174] Текст письма Хорти (Там же. С. 251—252).

inslav

[175] В октябре 1944 г. на переговорах в Москве с венгерской делегацией по вопросам перемирия советская сторона в качестве предварительного условия потребовала немедленной эвакуации всех венгерских войск и чиновников с оккупированных Венгрией территорий Чехословакии, Югославии, Румынии в пределы границ Венгрии, существовавших на 31 декабря 1937 г. В целях осуществления контроля за эвакуацией три союзные правительства должны были направить в Венгрию своих представителей. Предполагалось, что они будут действовать в качестве Объединенной Союзной военной миссии под председательством советского представителя (прообраз будущей СКК, образованной в первые месяцы 1945 г.).

[176] Соглашение о перемирии с Венгрией было заключено только 20 января 1945 г. Статья 19 этого соглашения объявила решения второго Венского арбитража несуществующими. О деятельности СКК в Венгрии см.: Чех Г., Лазар Д., Сюч Л., Вида И. Образование и деятельность Союзной контрольной комиссии по Венгрии (1945—1947 гг.) // Центральная Европа в новое и новейшее время: Сб. к 70-летию Т.М. Исламова / Отв. ред. А.С. Стыкалин. М., 1998. С. 194—204.

[177] О ходе выполнения соглашения о перемирии речь шла 12 ноября 1944 г. в Бухаресте во время встречи первого зам. наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинского и представителей советской части СКК с членами румынского правительства (см. протокол беседы: Трансильванский вопрос. С. 254—258).

[178] Во время вышеупомянутой встречи от 12 ноября с советской стороны выдвигались претензии к правительству Румынии в связи с тем, что переход власти к румынской администрации происходил не организованным порядком, а произвольно, сопровождаясь эксцессами (Там же. С. 256).

[179] Начальник политуправления 2-го Украинского фронта А.Н. Тевченков 4 декабря 1944 г. доносил в этой связи начальнику Главполитуправления Красной Армии А.С. Щербакову о том, что администрация, установленная румынским правительством в Северной Трансильвании, "проводила реакционно-фашистскую политику, как и до 1940 года, поддерживая грабежи и издевательства над венгерским населением, которые проводились бандами легионеров" "вместе с жандармами" (Там же. С. 267).

[180] В соглашении о перемирии от 12 сентября подчеркивалось, что "правительство и Главное командование Румынии обязуются принять меры к разоружению и интернированию вооруженных сил Германии и Венгрии, находящихся на румынской территории, а также к интернированию пребывающих здесь граждан обеих названных держав" (Там же. С. 291).

[181] См. донесение представителей НКВД Л.П. Берии от 5 января 1945 г. о ходе операции по интернированию немцев на территории Венгрии и Трансильвании; записку от 26 января 1945 г., подготовленную в НКИД, по проблемам гражданства и интернирования лиц венгерской национальности на территории Трансильвании; записку А.Я. Вышинского В.М. Молотову от 26 февраля 1945 г. о необходимости пересмотра вопроса об интернировании венгерских граждан в Румынии (Там же. С. 288—292, 297—298).

[182] Венгерский историк М. Фюлеп в беседе с бывшим королем Румынии Михаем (1993 г.) высказал предположение о том, что Советы заранее планировали при первом удобном случае ввести в Северной Трансильвании свою военную администрацию, чтобы использовать ее как средство давления и на Венгрию, и на Румынию (*Fülöp Mihály.* Op. cit. N 2. 24—29. old.). Показательно, что близкий к этому вариант развития считал

inslav

предпочтительным для Трансильвании М. Литвинов, выступавший на эту тему в июне 1944 г. на заседании Комиссии НКИД: "Что касается зависимости Румынии от нас в случае передачи ей Трансильвании, то я думаю, что зависимость будет еще больше, если Трансильвания останется самостоятельной, а от нас будет зависеть в дальнейшем передача ее Румынии" (Трансильванский вопрос. С. 244). При том, что применительно к Трансильвании осени 1944 г. речь не могла идти даже о номинальной самостоятельности, проводившаяся на протяжении ряда месяцев (вплоть до марта 1945 г.) тактика давления имела немало общего с тем, что предлагал Литвинов.

[183] О реальном положении в крае с обеспечением населения продовольствием свидетельствует хотя бы следующий факт. В главном городе Северной Трансильвании Клуже после освобождения от немецких и венгерских войск не было ни одной неполоманной автомашины, снабжение города приходилось осуществлять при помощи немногочисленных крестьянских подвод (Из донесения начальника политуправления 2-го Украинского фронта А. Тевченкова начальнику Главполитуправления Красной Армии А. Щербакову от 4 декабря 1944 г. Трансильванский вопрос. С. 266). Наряду с вышеназванным документом, о состоянии экономической жизни Северной Трансильвании (в том числе о положении в промышленности, сельском хозяйстве, финансовой сфере) дает представление доклад, с которым выступил 30 декабря 1944 г. на пленуме ЦК компартии Румынии секретарь коммунистической организации этого края Н. Гольдбергер (Перевод этого доклада был направлен политотделом СКК А. Вышинскому. См.: Там же. С. 270—286).

[184] Там же. С. 283.

[185] На отсутствие "единого поведения советских комендантов по вопросу чистки в рядах административного аппарата и главным образом по вопросу ареста фашистов" обращал внимание вышеупомянутый Н. Гольдбергер на пленуме ЦК компартии Румынии 30 декабря 1944 г. (Там же. С. 285).

[186] В некоторых уездах советские коменданты установили минимальную зарплату для рабочих на фабриках, обслуживающих потребности Красной Армии, в других же уездах они не решились пойти на этот шаг без согласования с центром. Как заявлял на пленуме ЦК Н. Гольдбергер, "эта проблема носит не только экономический, а и очень важный политический характер, ибо несмотря на всю деятельность профсоюзов, по линии нашей партии, где мы требуем жертв со стороны рабочих, существует, однако, опасность, что фашисты станут утверждать, что, работая в пользу Красной Армии, рабочие живут хуже, чем во времена фашизма" (Там же. С. 284).

[187] Н. Гольдбергер, возглавлявший НДФ Северной Трансильвании, жаловался на то, что советские коменданты "чинят многие и большие трудности при выдаче разрешений на выход демократических газет". Так, в г. Орадя-Маре (Надьварад) близ венгерской границы, где среди рабочих особенно остро проявлялось взаимное недоверие венгров и румын и были трудности с созданием общих профсоюзов, советский комендант не разрешил выпуск газеты антифашистской направленности. Начав издание без его санкции, местные коммунисты рисковали быть арестованными. То же самое произошло и в другом городе — Сату-Маре. В то же время в Марамуреш-Сигете комендант сам потребовал, чтобы организация НДФ издавала газету (Там же. С. 284—285). Жалобы на злоупотребления советских военных комендантов, которые "могут забрать на месте что

inslav

угодно и сколько угодно", звучали с румынской стороны и на встрече членов правительства с А. Вышинским 12 ноября (Там же. С. 257). Из новейшей литературы по проблеме см. монографию, изданную в США: *Salagean M.* The Soviet Administration in Northern Transylvania (Nov. 1944—March 1945). (East European Monographs. Boulder, Columbia University Press). N.Y., 2002.

[188] Организация НДФ Северной Трансильвании ставила перед советским командованием вопрос о создании должности административного комиссара, который бы занимался делами всего этого края и имел бы достаточно широкие полномочия (Трансильванский вопрос. С. 283). Среди советских внешнеполитических экспертов также существовало мнение о необходимости совершенствования механизма административного управления Северной Трансильванией. Так, нарком иностранных дел РСФСР А. Лаврентьев, полагая, что передача этого края Румынии едва ли произойдет в ближайшие месяцы, считал целесообразным образовать Временное административное управление, которое, действуя под контролем Военного Совета 2-го Украинского фронта, способствовало бы не только мобилизации промышленных ресурсов на нужды Красной Армии, но и нормализации финансовой, экономической жизни Северной Трансильвании (Письмо А. Лаврентьева А. Вышинскому от 26 декабря 1944 г. // Там же. С. 269). А. Вышинский, однако, предвидя более скорую передачу этой области Румынии, оспорил мнение бывшего советского полпреда в Бухаресте на том основании, что "вопросы общие для всей Румынии" "должны решаться аналогично другим частям Румынии румынским правительством" (Там же. С. 270).

[189] См. письмо А. Лаврентьева А. Вышинскому от 31 декабря 1944 г. с изложением позиции Генштаба Красной Армии по вопросу о передаче Румынии Северной Трансильвании. См.: Там же. С. 286—287; Впервые опубл.: Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. 1944—1946: Документы российских архивов / Отв. ред. Т.А. Покивайлова. М., 1998. Док. 23.

[190] Даже самые просоветски настроенные румынские политики, встречаясь с московскими эмиссарами, не скрывали, что решающую роль в мобилизации населения на войну с Германией сыграл именно трансильванский фактор. "Благоприятное разрешение вопроса с Трансильванией вдохновляет румынский народ, и он с новым подъемом будет продолжать разгром всех остатков фашистов, которые принесли лишь бедность и несчастье румынскому народу", — говорил П. Гроза на встрече министров правительства К. Санатеску с А. Вышинским 12 ноября (Трансильванский вопрос. С. 256).

[191] Записка А. Лаврентьева А. Вышинскому от 26 декабря 1944 г. (Там же. С. 269; Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. С. 65).

[192] *Димитров Г.* Дневник. 9 март 1933 — 6 февруари 1949. София, 1997. С. 458. Цит. по коммент. Т.А. Покивайловой к кн.: Трансильванский вопрос. С. 298. Очевидно, что вопрос о государственной принадлежности Трансильвании был актуализирован с образованием 22 декабря 1944 г. в освобожденном Дебрецене венгерского правительства антифашистской коалиции — органа, который мог поставить перед Советским Союзом вопрос о защите интересов Венгрии в Трансильвании. Окончательно определиться с государственной принадлежностью Трансильвании необходимо было тем более быстро, что без этого было невозможно наладить финансовую систему, решить проблему с источниками снабжения. Советская принципиальная позиция заключалась в том, что "с точки зрения наших внешнеполитических обязательств Северную Трансильванию нель-

inslav

зя рассматривать в качестве венгерской территории" (Из письма А. Лаврентьева А. Вышинскому от 26 декабря 1944 г. // Там же. С. 270). С другой стороны, как отмечалось в том же письме, при рассмотрении способов решения экономических проблем неминуемо возникали следующие вопросы: "а) Как долго Северная Трансильвания (вся или большая часть) не будет передаваться Румынии; б) вся ли Трансильвания будет передана Румынии, а из большей части именно какая" (Там же. С. 268). В другом письме Лаврентьева Вышинскому за те же дни (от 31 декабря) обращалось внимание на необходимость проработки вопроса о том, "какая именно часть Северной Трансильвании должна быть возвращена Румынии, учитывая этническую сторону этой области" (Там же. С. 287).

[193] О внутриполитическом кризисе в Румынии в феврале — начале марта 1945 г., связанном с обострением противоборства левых и правых, антикоммунистических сил, дают представление документы, включенные в сборник: Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест.

[194] См.: Трансильванский вопрос. С. 256. Несколько позже, в декабре, "на просьбу Румынского правительства о введении в Северной Трансильвании румынской администрации Советское правительство через СКК заявило, что вопрос о сроке и порядке установления на территории Северной Трансильвании румынских административных органов органически связан со всеми другими вопросами, касающимися выполнения Соглашения о перемирии" (Из письма А. Лаврентьева А. Вышинскому от 26 декабря 1944 г. // Там же. С. 269).

[195] Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. С. 60; Трансильванский вопрос. С. 264. Причем, по мнению газеты, этот жест был важен не только "с сентиментальной точки зрения", он стал публичным выражением того фактического положения вещей, что Румыния не просто порвала с Германией, но объявила ей войну, "обратив, таким образом, свое оружие против истинного врага", и приняла участие в боевых действиях за Северную Трансильванию.

[196] Публичный жест Вышинского, может быть не слишком важный сам по себе, был весьма кстати в свете общественного недовольства, вызванного в Румынии передачей Северной Трансильвании в ведение советской военной администрации. Так, газета национал-царанистской партии "Курьерул", крайне негативно отреагировав на решение советской стороны, обвинила ее по сути дела в невыполнении условий перемирия в одном из наиболее существенных пунктов. Вышинский, находившийся в это время в Бухаресте, назвал публикацию враждебной и провокационной и предложил румынским властям за "выпады против СССР и интересов союзников" выпуск этой газеты приостановить, а в дальнейшем установить за ней предварительную цензуру. См. донесение А. Вышинского В. Молотову от 17 ноября 1944 г. // Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. Док. 17; Трансильванский вопрос. С. 262—264.

[197] См. донесение представителей НКГБ и НКВД СССР на имя Л.П. Берии от 16 марта 1945 г. по случаю установления румынской администрации в Северной Трансильвании // Там же. С. 299—300.

[198] См.: *Fülöp Mihály*. Op. cit. N 2. 25. old. Несколько более сдержанно, хотя в то же время и более определенно обозначил в письме Михаю позицию своих советских покровителей сам П. Гроза: Советы, по его словам, обещали окончательно решить в пользу Румынии вопрос о Северной Трансильвании только при условии прихода к власти правительства левых сил (см. Op. cit.). Документы, сидетельствующие о пребывании А. Вышинского в Бухаресте в феврале—марте 1945 г., его встречах с королем, о

inslav

его деятельности в интересах установления прокоммунистического правительства, см. в книге: Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест.

[199] Трансильванский вопрос. С. 299. Если верить свидетельствам очевидцев из НКВД и НКГБ, в ходе массовых празднеств широко демонстрировались просоветские настроения, что правдоподобно, ибо возврат Трансильвании не мог не быть зачтен в актив политике СССР — державы, доминировавшей в Трансильвании. Вышинский и зампред СКК в Румынии генерал-полковник И.З. Сусайков были тепло встречены собравшимися, тогда как монархические лозунги оказались на периферии массовой манифестации; представители оппозиционных национал-царанистской и национал-либеральной партий хотя и участвовали в торжествах, но находились в тени (Там же. С. 299—300).

[200] В письме румынских военнопленных Сталину (май 1945 г.), которое было организовано НКВД и, конечно же, не может восприниматься как аутентичное выражение настроений этой категории лиц, не вызывает, однако, сомнений искренность слов о том, что после участия Румынии в войне против СССР соглашение по Трансильвании, заключенное между советским и румынским правительствами, оказалось "выше всяких ожиданий" (Там же. С. 310). При этом важно иметь в виду огромное значение Трансильвании для румынской экономики.

[201] Там же. С. 299.

[202] Секретарь партийной организации Северной Трансильвании Н. Гольдбергер в своем выступлении на пленуме ЦК компартии Румынии 30 декабря 1944 г. докладывал: "нам пришлось много бороться, пока мы очистили ряды МАДОСа от шовинистических элементов, влияние которых еще и сегодня проявляется в организации" (Там же. С. 279). В донесениях советских спецслужб за март 1945 г. также отмечалось, что в МАДОСе "пока сохранились элементы венгерского шовинизма" (Там же. С. 301). Согласно Гольдбергеру, настроения в пользу присоединения Трансильвании к Венгрии сильнее всего были в г. Орадя-Маре (Надьварад), где имело место наиболее острое противостояние венгерских и румынских националистов.

[203] Среди политических противников премьер-министра распространялись слухи о том, что Гроза, встречаясь с венгерскими официальными лицами, высказал согласие уступить часть Северной Трансильвании Венгрии (что было в принципе самоубийственно для любого румынского политика). Поводом для этого послужила его беседа с делегацией венгерских деятелей культуры, в ходе которой премьер-министр в целях снятия напряженности в двусторонних отношениях не исключил возможности предоставления Северной Трансильвании права административной автономии в рамках румынского государства (Там же. С. 375). Даже этот не слишком радикальный шаг воспринимался значительной частью румынского общественного мнения как чрезмерная уступка, вызывал непонимание.

[204] Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. С. 127; Трансильванский вопрос. С. 351. О заинтересованности Венгрии в обеспечении сырьем из Трансильвании говорил, встречаясь со Сталиным в апреле 1946 г., министр иностранных дел этой страны Я. Дёндёши (Там же. С. 384).

[205] Среди лидеров как Венгрии, так и Румынии возобладала точка зрения о том, что с заключением соглашения о таком союзе следует подождать до подписания мирных договоров с Венгрией и Румынией. Позже, в условиях формирования "народно-демократического" лагеря под эгидой Москвы, эта идея плохо вписывалась в представления сталинского руководства о ме-

inslav

ханизмах поддержания единства в этом лагере, воспринимаясь как шаг на пути к созданию Дунайской федерации. Для Кремля образование этой федерации (как и других региональных союзов в советской сфере влияния) было в корне неприемлемо, поскольку могло ослабить механизмы вертикального подчинения каждой из стран единому центру, усилив в то же время плохо контролируемые Москвой горизонтальные связи. Сам П. Гроза придерживался однозначно просоветской ориентации. Встречаясь в мае 1947 г. в Будапеште с венгерскими лидерами, он рекомендовал им поскорее "забросить разные идеи о придунайских федерациях без Советского Союза — первой придунайской державы" (Из беседы П. Грозы с зампредом СКК генерал-полковником И.З. Сусайковым // Там же. С. 439).

[206] См. письмо жителей одного из уездов Северной Трансильвании к участникам Международной конференции в Сан-Франциско (август 1945 г.) (Там же. С. 314). В этом письме речь шла и о том, что как и в межвоенный период, в Трансильвании многие ответственные должности заняли лица, присланные из так называемого "Старого Королевства", и это вызывает негативную реакцию румын-уроженцев этого края, порождает некоторую напряженность и в отношениях внутри румынского этноса.

[207] В вышеупомянутом письме к участникам Международной конференции в Сан-Франциско говорилось: "По какому праву Румыния хочет слить Трансильванию с основным государством, когда есть исторический пример того, что Трансильвания существовала как самостоятельное государство среди остальных государств, как среднеевропейский центр препятствий турецким завоеваниям того времени. Народы, живущие в Трансильвании, уже столетиями раньше показали, что судьба их едина и что нет никаких препятствий, чтобы они поняли друг друга. Процветанию их мешают всегда посторонние власти, которые хотят управлять ими" (Там же. С. 315). Румынская политика в Трансильвании в межвоенный период называлась в этом письме колонизаторской.

[208] Как отмечалось в письме, "Трансильвания является предметом постоянного спора главным образом двух государств — Венгрии и Румынии, которые жаждут забрать ее в свои руки и использовать трансильванский народ в своих интересах... Поэтому для обеспечения покоя трансильванских народов, а также и для того, чтобы Трансильвания не была больше предметом споров соседних народов, просим утвердить независимость Трансильвании. Эту независимость мы только тогда сможем обеспечить, если Великие державы признают нас независимым членом Советского Союза" (Там же. С. 313).

[209] См. письмо министра иностранных дел Венгрии Я. Дёндёши председателю Комиссии по территориальным и политическим вопросам для Венгрии на Парижской мирной конференции С. Станковичу от 25 сентября 1946 г. (Там же. С. 422).

[210] См., в частности, памятную записку венгерской делегации на мирной конференции о положении некоторых категорий венгров в Трансильвании в отношении их прав гражданства (Там же. С. 422—425).

[211] Там же. С. 413.

[212] Там же.

[213] См.: Национальный вопрос и национальные меньшинства в Восточной Европе. 1944—1948 годы (Материалы Круглого стола) // Славяноведение. 2001. № 5. С. 90—105.

[214] См. письмо Г.М. Пушкина заместителю наркома иностранных дел СССР В.Г. Деканозову от 28 сентября 1945 г. // Трансильванский вопрос. С. 346—347.

inslav

[215] Из дневника В.М. Молотова. Запись приема Я. Дёндёши по вопросам, связанным с подготовкой мирных договоров (9 апреля 1946 г.) // Там же. С. 380–381.

[216] Из дневника В.М. Молотова. Запись приема Я.Дёндёши в посольстве СССР в Париже в связи с подготовкой проекта мирного договора (20 августа 1946 г.) // Там же. С. 400.

[217] Договоренность была достигнута во время посещения британским премьер-министром Москвы в октябре 1944 г. См.: *Аникеев А.С.* Как Тито от Сталина ушел. Югославия, СССР и США в начальный период "холодной войны" (1945–1957). М., 2002. Гл. 1; *Ржешевский О.А.* Операция "Толстой". Визит У. Черчилля в Москву в октябре 1944 г. // Новая и новейшая история. 2003. № 5, 6.

[218] Ведь согласно октябрьской договоренности, в Греции Запад имел 90% влияния, тогда как СССР всего лишь 10%, в Румынии же соотношение было прямо противоположным.

[219] См. об этом в контексте советско-американских и межблоковых отношений: *Печатнов В.О.* От союза – к вражде (советско-американские отношения в 1945–1946 гг.) // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. М., 2003. С. 21–64; *Гибианский Л.Я.* Проблемы Восточной Европы и начало формирования советского блока // Там же. С. 105–136.

[220] См. документы, связанные с деятельностью А.Я. Вышинского в этот период: Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест.

[221] Молотов в довольно демагогической манере попытался объяснить позицию США дружественным отношением правительства П. Грозы к СССР: "Пока там было правительство, враждебное Советскому Союзу... США не поднимали вопроса о том, что это правительство не годится... Теперь в Румынии правительство Грозы, пользующееся поддержкой подавляющего большинства населения... [Оно] честно выполняет условия перемирия, подписанные союзными государствами и Румынией. В чем же дело? Не потому ли Американское Правительство против этого правительства, что это правительство занимает дружественную позицию по отношению к Советскому Союзу?.. Румынскому населению нравится это правительство, Американскому Правительству не нравится. Как же быть? Неужели из-за того, что Американскому Правительству не нравится теперешнее правительство Румынии, нужно его свалить и навязать другое правительство, которое будет недружественно Советскому Союзу? В таком деле мы не можем быть помощниками Американской Делегации" (Трансильванский вопрос. С. 332–333). Заявление Молотова вызвало возражения западных собеседников: "Мы все согласны с тем, что правительства в этих государствах должны иметь дружественные отношения с Советской Россией", – говорил министр иностранных дел Великобритании Э. Бевин (Там же. С. 340). Так что дело состояло совсем в ином – в отсутствии демократических свобод в Румынии, в том числе условий для проведения свободных выборов. По итогам обсуждения вопроса советская делегация сообщала в МИД: "Нами было указано, что теперешнее румынское правительство пользуется доверием большинства румынского народа, являясь безусловно демократическим правительством, выполняет условия перемирия и обеспечивает порядок в стране, и нами была выражена готовность содействовать более благоприятным условиям работы американских корреспондентов в Румынии, так как на это жаловался Бирнс, указывая на некоторые мелочи.

inslav

Тем не менее американцы и англичане потребовали изменения состава румынского (а также болгарского) правительства, на что мы не согласились, считая невозможным по капризу иностранных правительств менять состав демократических правительств в других суверенных государствах.

Расхождение по этому вопросу было весьма важным для обострения разногласий между советской делегацией и англо-американцами" (Там же. С. 338—339). Предложение Бевина о создании особой комиссии для изучения политической ситуации в Румынии и внесения соответствующих предложений в СМИД было отвергнуто Молотовым в прежней фарисейской манере: "Я должен сказать, что в Румынии достаточно комиссий... Зачем создавать новые комиссии?.. Мне кажется, что у союзных правительств нет недостатка по части вмешательства в румынские дела... Насаждать новый контроль сверх того, который предусмотрен, это шло бы вразрез тому, о чем говорит Ялтинская декларация. Надо идти по пути уменьшения вмешательства во внутренние дела других государств, а не по пути расширения этого вмешательства" (Там же. С. 343—344). Руководство СКК в Румынии в соответствии с прежними договоренностями союзных держав находилось в руках СССР и потому любое решение этого органа было заранее предопределено позицией СССР. Стенографические записи обсуждения проблемы мирного договора с Румынией на лондонской сессии СМИД в сентябре 1945 г. см.: Трансильванский вопрос. С. 324—346.

[222] В 1920 г., говорил он, когда принималось решение о передаче Трансильвании Румынии, "наши правительства были с этим решением согласны. Они его приняли. Но не согласен был один Гитлер. Он его отменил. Какой вывод надо сделать из этого? Вывод, мне кажется, очень простой — отменить то, что было принято Гитлером, и принять то, что было принято союзными правительствами" (Там же. С. 326). Кстати сказать, заявление Молотова отличалось некоторой неточностью там, где дело касалось оценки позиции США в Версале, и на это обратил внимание Бирнс. Он напомнил о том, что в 1919 г. США в течение нескольких месяцев выступали за закрепление несколько иной границы, нежели та, что была потом установлена; в момент же установления границы они имели на конференции только наблюдателя. Таким образом, США не могут быть связаны решением 1919 г. (Там же. С. 327).

[223] Там же. С. 325—326.

[224] Там же. С. 329.

[225] Там же. С. 330.

[226] Там же. С. 348: «Общее впечатление от беседы с Иорданом у меня сложилось такое, что Иордан проявляет растерянность и неуверенность в положении Румынского правительства и как бы завидует тому политическому "благополучию", какое, по его мнению, существует в Венгрии. Весь тон беседы, которую вел Иордан по этому вопросу, был такой, будто Иордан сожалел, что в Румынии такое несговорчивое правительство, которое причиняет столько хлопот и беспокойства», — резюмировал Вышинский итоги беседы (Там же. С. 349).

[227] Там же. С. 348. Советское правительство в ответной ноте еще раз подчеркнуло, что "придерживается в трансильванском вопросе благоприятной для Румынии точки зрения". Вместе с тем оно не сочло уместным взять на себя инициативу в этом деле (Запись беседы зав. отделом балканских стран НКИД СССР А.А. Лаврищева с послом Румынии в СССР И. Йорданом от 27 ноября 1945 г. // Там же. С. 351). Как видно из бесед советских и румынских дипломатов, последние и, в частности, тот же Йор-

inslav

дан, осознавали, что обращение румынского правительства к венгерскому по трансильванскому вопросу могло быть расценено некоторыми кругами Венгрии как проявление слабости (Там же).

[228] Это касалось, в частности, представителя партии мелких хозяев министра иностранных дел Венгрии Я. Дёндёши (Там же. С. 349, 350). Румынские дипломаты в Москве при посещении НКИД СССР снова и снова высказывали беспокойство в связи с тем, что Венгрия "сейчас оказалась в более благоприятном положении по отношению к союзникам, чем Румыния". В отказе Дёндёши встретиться с Грозой до начала мирной конференции виделся важный симптом того, что Венгрия не проявит доброй воли в деле улучшения отношений с Румынией (Из записей бесед в НКИД СССР // Там же. С. 350). Без каких-либо особых на то оснований румынские дипломаты связывали именно с партией мелких хозяев оживление ревизионистских тенденций в Венгрии.

[229] См. письмо А.А. Лаврищева В.Г. Деканозову от 3 декабря 1945 г. // Там же. С. 352.

[230] Из докладной генерал-полковника И.З. Сусайкова В.М. Молотову от 4 декабря 1945 г. Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. С. 180.

[231] Трансильванский вопрос. С. 360.

[232] Там же.

[233] "Рассмотрение этнографии Трансильвании показывает, что в пограничных с Венгрией уездах Румынии венгерское население составляет меньшинство. Четыре уезда, в которых преобладает венгерское население, находятся ближе к восточной границе Румынии, чем к западной, что делает невозможным отделение их от Румынии и передачу Венгрии. Это положение было детально изучено и учтено при заключении Трианонского мирного договора, и новая румыно-венгерская граница была признана наиболее справедливой" (Там же).

[234] Там же.

[235] При этом также отмечалось, что Венгерский народный союз (МАДОС) как политическая организация, представляющая венгерское меньшинство Трансильвании и готовая к сотрудничеству с прогрессивной румынской демократией, выступил против раздела этого края между двумя государствами, а также против обмена населением между ними, так как это оторвет собственников от земли (Там же. С. 359–361).

[236] Вышинский, посетив в январе 1946 г. Бухарест, предпринял усилия для того, чтобы в правительстве от этих партий оказались приемлемые для СССР фигуры (Документы, связанные с его пребыванием, см.: Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест).

[237] Запись беседы И.В. Сталина с правительственной делегацией Венгрии 10 апреля 1946 г. Трансильванский вопрос. С. 390. "Венгерское правительство прямо ставит вопрос о территориальном переустройстве между Венгрией и Румынией, но лишь в такой мере, в какой это не явится угрозой делу демократии в обеих странах", – заявил Ф. Надь (Трансильванский вопрос. С. 390).

[238] Там же. С. 391. Сталин сослался при этом на положение соглашения о перемирии, где содержалась оговорка относительно принадлежности Румынии "большей части" (т.е. не обязательно всей) Трансильвании.

[239] См. там же. С. 409–410.

[240] См.: Strategii şi politici electorale in alegerile parlamentare din 19 noiembrie 1946. Cluj-Napoca, 1998.

[241] Трансильванский вопрос. С. 431–432.

inslav

[242] Позиция венгерского коммунистического лидера М. Ракоши, относящаяся к лету 1945 г., нашла отражение в его выступлении в Москве 23 июня на заседании отдела международной информации ЦК ВКП(б). Поскольку в Венгрии происходит демократизация, говорил Ракоши, мы "не жмем", не занимаемся этим болезненным вопросом, "мы говорим о будущем братстве этих мелких народов, которые на основе демократии придут, наконец, к такому положению, которое всех устроит" (Там же. С. 312).

[243] См.: *Стыкалин А.С.* Советская пропаганда и настроения интеллигенции стран Центральной Европы (вторая половина 1940-х годов) // Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы. "Демократическое интермеццо" с коммунистическим финалом. 1944—1948 / Отв. ред. В.В. Марьина. М.: "Наука", 2002.

[244] Архив внешней политики РФ. Ф. 077. Оп. 26. П. 119. Д. 44. Л. 21.

[245] См. письмо И. Сусайкова А. Вышинскому о некоторых итогах визита П. Грозы в Венгрию с приложением записи беседы с П. Грозой в СКК (Трансильванский вопрос. С. 435—440).

[246] В начале 1953 г. он умрет в старой габсбургской тюрьме в г. Мараморош-Сигет на границе Румынии с Закарпатской Украиной. Режим Г. Георгиу-Дежа, осознававший свою неукорененность в обществе, враждебность огромных масс населения и никогда не отключавший машину превентивного террора, использовал эту тюрьму для содержания наиболее видных политзаключенных: в случае беспорядков в Румынии они могли быть в течение часа переправлены на советскую территорию.

[247] Заключению договора предшествовало подписание 5 ноября 1947 г. соглашения о культурном сотрудничестве.

[248] Мы оставляем в данном случае за пределами внимания внутрипартийную борьбу в румынской компартии. Победителем в ней вышел Деж, устранивший своих конкурентов Л. Патрашкану, А. Паукер, В. Луку, Т. Джорджеску.

[249] Венгры и Европа: Сб. / Сост. В. Середа, Й. Горетить. М., 2002. С. 240.

inslav

Глава 10

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ЮГОСЛАВИИ

Многонациональная Югославия в годы второй мировой войны представляла собой сложный клубок этнических противоречий. На состояние межнациональных отношений, которые сложились к моменту образования Федеративной Народной Республики Югославии (ФНРЮ) в ноябре 1945 г., влияли многие факторы, среди которых обращаем внимание на следующие:

1. Нерешенность национального вопроса в королевской Югославии. Хорваты и словенцы помнили, что они не смогли получить автономию, что в государстве господствовали сербы, что не осуществились планы о федерализации югославянского государства, и постоянно опасались доминирования сербов в стране.
2. Нацистская политика стравливания югославянских народов.
3. Кровавые формы межнациональной розни во время второй мировой войны. На территории Югославии она была не только войной с оккупантами, но одновременно и гражданской, братоубийственной войной.
4. Межнациональные противоречия предшествующего периода, получившие дополнительный негативный импульс в годы войны, незримо влияли на взаимоотношения народов Югославии в послевоенный период. Словенцы тяжело переживали фашистский хорватский и немецкий террор. Хорваты были недовольны потерей самостоятельного государства, но радовались, что оказались в стане победителей. Наказания за принадлежность к усташескому движению для многих хорватов не последовало, и они продолжали жить бок о бок с сербами. Сербы в Хорватии не могли забыть резни, которую устроили усташи, но готовы были не вспоминать об этом ради демократической перспективы. Большое количество сербов в населенном преимущественно албанцами Косове было убито или бежало в Сербию. По некоторым данным, эта цифра составляет 100 тыс. человек[1]. Македонцы в Западной Македонии также подверглись насилию со стороны албанцев.
5. Раскол общества. К межнациональным противоречиям добавлялись идеологические, ведь антифашистская борьба и народно-освободительная война под руководством коммунистов объединили только часть общества. Так, противоречия

inslav

по линии "монархизм — коммунизм" не были национально окрашены, но они разделили общество. Иногда идеологические противоречия сложно переплетались по линиям, например, "серб-четник — хорват-партизан" или "хорват-фашист — серб-партизан" и т.д. Противоречие проходило и по линии "югославизм — сербство, хорватство — словенство" и т.д. Это очень усложняло тот фон, на котором начинала формироваться национальная политика нового государства.

6. Сербское национальное пространство в наибольшей степени было разбито и в географическом, и в идеологическом смысле. Четники ("за Дражу"[2]), партизаны, коллаборационисты, монархисты — вот неполный перечень противоположных определений, создававших не только привычный для сербов климат неединства, но и впоследствии наложивших отпечаток на менталитет сербской нации, которая должна была нести на себе часть вины и четничества, и "великосербства", и долгие годы бороться с сербским национализмом и так называемой великосербской гегемонией.
7. Не все народы желали объединения в границах Югославии в 1945 г.: нежелание войти в ее состав выражали, например, албанцы в Косове и Метохии.
8. Религиозная принадлежность на территории Югославии определялась преимущественно национальным происхождением.

Если первое югославянское государство, образованное в 1918 г., было унитаристско-централистским с монархической формой правления, в котором решение национального вопроса не удовлетворяло многие населявшие страну народы, то пришедшие к власти коммунисты стремились сделать свою национальную программу привлекательной для всех участников будущей федерации, обещая полный спектр национальных свобод. Национальная политика Коммунистической партии Югославии (КПЮ) была сформулирована еще в 20-е годы, когда было заявлено о равноправии народов Югославии, об их праве на самоопределение вплоть до отделения как основополагающем принципе решения национального вопроса. В 1924 г. Коминтерн в резолюции о национальном вопросе в Югославии исходил из того, что сербская буржуазия угнетает ее народы, поэтому лозунгом КПЮ должно стать право Хорватии, Македонии, Словении на самоопределение в виде отделения. Национальный вопрос подпитывался страхом перед "великосербской Югославией" и доминированием одной нации, поэтому коммунисты должны были помогать угнетенным нациям в борьбе за самостоятельность. Накануне войны Коминтерн призвал к объединению всех антифашистских сил в борьбе против угрозы фашизма, что сразу поставило под сомнение тезис о необходимости предоставления самостоятельности народам Югославии.

inslav

После 1936 г. КПЮ взяла курс на единство страны и создание Народного антифашистского фронта.

Национальная программа в годы войны приобрела более сложные очертания — к борьбе против "великосербской гегемонии" за свободу всех народов прибавилась задача освобождения страны от фашизма. Чтобы достичь последнего, коммунисты тесно связали с ним и вопрос межнациональных отношений. Более того, национальный вопрос стал серьезным рычагом борьбы за освобождение страны.

В отличие от других национальных политических сил, действовавших на территории Югославии в годы второй мировой войны, коммунисты объединили под своим флагом народы многих национальностей, которые желали освобождения страны от фашизма, выступили с программой критики королевской Югославии и предлагали построить справедливое будущее равноправных народов. Это притягивало в ряды партизан людей разных национальностей и социального положения. Привлекательной была и программа будущего многонационального государства, обещавшая народам равноправие и самостоятельность. В ряды антифашистов звали всех, включая и национальные меньшинства, обещая им осуществление всех прав. М. Джилас в 1944 г. писал: "...национальные меньшинства необходимо привлечь к активной борьбе против фашизма, сделать Югославию их собственной страной и связать их с ней в любом случае. Этого нельзя достичь иначе, как сделать их равноправными гражданами, если будут уважаться их национальные и культурные права, если в экономическом, правовом и всяком другом случае с ними будут поступать так же, как и с остальными гражданами Югославии"[3].

В ходе народно-освободительной войны на территории Югославии был создан высший орган власти — Антифашистское вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ), которое уже на своем втором заседании в Яйце 29—30 ноября 1943 г. приняло решение о принципах формирования многонационального государства после победы. Всем народам гарантировалось право как на самоопределение вплоть до отделения, так и на объединение с другими народами. При этом констатировалось, что все народы выразили волю остаться в единой Югославии. Безусловно, стремление к объединению выражали прежде всего коммунисты, которые возглавляли народно-освободительное движение. Представляя по количеству и составу разные группы населения, хорватские, сербские, македонские и словенские коммунисты стремились к расширению партизанской борьбы и выражали поддержку как идеям руководящих органов партии, так и формирующимся новым органам власти[4]. Так, Антифашистское вече народного освобождения

inslav

Хорватии 14 октября 1943 г. провозгласило, что борется за "новую и демократическую Югославию свободных и равноправных народов", при этом сербы в Хорватии наравне с другими будут пожинать плоды победы и свободы, станут равноправными в братской Хорватии и демократической Югославии[5]. В Манифесте Главного штаба НОБ Македонии (октябрь 1943 г.) тоже говорилось о борьбе за "братский, федеративный союз балканских народов" в рамках Югославии[6]. Антифашистские веча народного освобождения Черногории, Боснии и Герцеговины, Санджака, осенью 1943 г. также заявили о своем желании бороться за новую демократическую Югославию.

Создаваемое государство предполагалось строить на федеративных основах "при полном равноправии сербов, хорватов, словенцев, македонцев и черногорцев"[7]. Жителей Боснии и Герцеговины в этом списке народов нет, поскольку их относили к сербам или хорватам разных вероисповеданий. Вплоть до 1943 г. Босния и Герцеговина рассматривалась как автономная область в составе Сербии. И лишь в конце войны по просьбе коммунистов Боснии Тито решил дать Боснии и Герцеговине статус республики[8]. Соответственно, намечалось создать шесть республик — Сербию, Хорватию, Словению, Черногорию, Македонию и Боснию и Герцеговину. В основу будущей федерации должны были лечь демократические принципы. Об автономных образованиях речь пока не шла, но национальным меньшинствам гарантировалось предоставление всех прав.

Появление национального вопроса в документах КПЮ было связано как с многонациональным характером Югославии, так и с необходимостью объединить как можно большую часть населения в антифашистской борьбе. Нужно было проявить огромную настойчивость, вспоминал И. Броз Тито, "чтобы убедить все национальности в том, что только в национально-освободительной борьбе, в борьбе против оккупантов и внутренних предателей-реакционеров можно завоевать все национальные права, и путь к этому — создание новой Югославии, без старых правителей, на совершенно новой основе". Именно поэтому, по мнению Тито, "национальный вопрос стал одним из мощных рычагов освободительной борьбы"[9]. КПЮ "удалось создать скрепленное кровью братство". Каждый народ формировал свои Антифашистские веча народного освобождения, что явилось зачатком республиканских органов власти. Народам предлагалось на своих территориях самим решать проблемы, используя право на самоопределение, которое в то время звучало скорее как декларативное.

Выступая на учредительном съезде КП Сербии 12 мая 1945 г., И. Броз Тито очертил свое понимание федерации, в которой должны преобладать интернационализм и любовь к "мо-

inslav

нолитной Югославии". Скреплять федерацию, по его мнению, должна идея "единства и братства народов Югославии"[10], которая позже станет доминантой идеологии межнациональных отношений федеративной Югославии.

Вопросы границ

Вопросы границ между будущими республиками для многонациональной Югославии всегда были не только актуальными, но, как показали дальнейшие события, судьбоносными. В документах компартии во время НОБ[11] они не поднимались, хотя некоторые контуры стали уже обозначаться. Видимо, готовясь к акции определения границ между республиками, Тито предупреждал: "Не может быть вопроса, будет ли какое-нибудь село принадлежать той или иной федеративной единице, так как оно принадлежит всей Югославии"[12]. Эта формула о незначимости межреспубликанских границ так и осталась преобладающей за все время существования СФРЮ. На втором заседании АВНОЮ (1943 г.) фактически была поставлена задача построить государство на федеративных началах, создав из пяти народов (сербы, хорваты, словенцы, черногорцы, македонцы) шесть республик (Сербия, Хорватия, Словения, Черногория, Македония, Босния и Герцеговина). Решение вопроса границ было отложено до мирного времени.

Принципы определения границ не были четкими — в одних случаях применяли исторический подход, в других — этнический. По мнению сербского историка Д. Батаковича[13], основным для определения границ, особенно на спорных территориях, был все же не этнический принцип, а география деятельности краевых партийных и военных организаций. Подтверждение этому находим в воспоминаниях Адила Зулфикарпашича, политического деятеля Боснии и Герцеговины. По его словам, на тех территориях, где в годы войны действовали партийные организации во главе с Центральным комитетом, предполагалось создать республики, а на управлявшихся Краевыми комитетами партии — национальные образования в составе республик[14]. Хорватский академик Любо Бобан полагает, что в основе границ лежит использование военно-политической организацией народно-освободительного движения разделения территории Югославии на исторические области[15].

Первое упоминание о внутренних границах Югославии произошло на заседании Президиума АВНОЮ 24 февраля 1945 г. Обсуждался вопрос пропорционального представительства федеральных единиц в органах власти. Кроме прочего, секретарь президиума Миле Перуничич сказал: "Словения берется в границах бывшей Дравской бановины, Хорватия — в

inslav

границах бывшей Савской бановины с 13 срезами бывшей Приморской бановины и Дубровникским срезом из бывшей Зетской бановины, Босния и Герцеговина — в границах, определенных Берлинским договором (1878 г.), Сербия — в границах до Балканских войн со срезами, отошедшими от Болгарии по Версальскому миру, Македония — югославская территория южнее от Качаника и Ристовца, Черногория — в границах до Балканских войн с Беранским и Которским срезом, Плавом и Гусинем"[16].

Коммунисты с революционным энтузиазмом воспринимали границы как нечто малозначащее. Видный сербский революционер, общественно-политический деятель, писатель Родолюб Чолакович уверял, что для боснийских и герцеговинских сербов, которые всегда смотрели на Сербию как на центр сербства, река Дрина никогда не будет границей, а только "межплеменной межой". Для одного из участников тех событий Раде Прибичевича сербский народ в Хорватии должен стать мостом между Хорватией и Сербией, а не рвом[17].

Наиболее сложно проходило разграничение Хорватии с Сербией. Границы между ними определяла комиссия коммунистов из пяти человек во главе с М. Джиласом, созданная ЦК СКЮ 11 июня 1945 г. и поддержанная Президиумом АВНОЮ. Спор разгорелся по поводу срезов: Суботица, Сомбор, Апатин, Оджаци, расположенных севернее и северо-восточнее Дуная (Бачка), Банина, Дарда (Баранья), Вуковар, Шид, Илок, расположенных юго-западнее и южнее реки Дунай (Срем). Чересполосность населения можно видеть на примере Сомбора. Относительное большинство в срезе в 1945 г. имели венгры, а до войны — немцы. В городе большинство составляли сербы, а в селах — хорваты.

Комиссия объездила всю территорию, привлекала к своей работе местные власти всех районов, выслушивала советы и предложения, подсчитывала численность населения. Основополагающим тезисом для рассмотрения отношений между сербами и хорватами для комиссии было то, что сербы и хорваты в новом государстве имеют равные права. Тем не менее комиссии было ясно, что сербы в Хорватии были за Сербию, а хорваты — за Хорватию. Загреб полагал, что венгров Воеводины надо поделить, поскольку они боятся Белграда, а венгры не признавали никакого разделения. Хорватия доказывала, что Срем входил в Третью Славонскую оперативную зону, за которую отвечали соответствующие органы народно-освободительного движения Хорватии. Воеводинцы смотрели на Срем как на часть своей территории. В политических организациях Воеводины преобладало мнение, что к Воеводине должны отойти все территории, которые во время войны подчинялись руководст-

inslav

ву освободительных органов и партийных организаций этого края. А это значит — Баранья, Вуковарский срез и Западный Срем. Как отмечается в литературе, началась "тихая борьба за территории между Хорватией и Воеводиной"[18]. Из-за нерешенного вопроса границ даже откладывались выборы в органы народной власти в Воеводине.

Когда рассматривали вопрос о Вуковаре, то члены комиссии склонялись к тому, чтобы оставить его в составе Хорватии, считая самым важным единство территорий вокруг Вуковара, а не его принадлежность. Объединенный Сремско-Вуковарский срез имел тогда большинство хорватского населения, а отделенный Вуковарский срез — большинство сербского населения. Джилас записывал в тетрадь разные мнения. Один серб, например, полагал, что Сремско-Вуковарский срез нельзя отбирать у Хорватии, так как "тогда не будет братства", а хорваты окажутся в хвосте Хорватии[19]. Опрашиваемая молодежь говорила, что между молодыми отношения хорошие, и вражды нет. Окружной комитет КП Сербии в Среме писал, что в вуковарском срезе за время оккупации значительно уменьшилось количество сербов, а заселено было около 2 тыс. хорватов.

В результате Комиссия предложила следующее разграничение: граница между Сербией и Хорватией от венгерской границы идет по Дунаю, оставляя Вуковар и ряд других сел до Илока в Хорватии, а затем сворачивает на юг, закрепляя ряд сел за Воеводиной. Причем, Хорватии достались несколько сел с большинством сербского населения, а Воеводине — с хорватским[20]. Решения комиссии считались предварительными и временными. До сентября 1945 г. республики могли подготовить свои замечания на проект разграничения между республиками. Даже после принятия первой Конституции ФНРЮ (январь 1946 г.) почти год центральное правительство собирало предложения об изменении границ. На хорватско-сербской границе по инициативе самих сел произошли некоторые перестановки: село Бабска-Новак вошло в Хорватию и было присоединено к вуковарскому срезу, а село Ямена отошло к Воеводине.

В черновых записях Джиласа помечено, что идея автономии Воеводины — это победа "великосербской идеи"[21]. Д. Батакович полагает, что выделение в автономный край территории с таким большим количеством сербов (50,58%), а не венгров (25,78%) — это большая уступка "братскому коммунистическому режиму", который только зарождался в Венгрии[22]. Как пишет хорватский историк Л. Бобан, приняв Конституцию Сербии в январе 1947 г., "высший государственный орган Сербии утвердил разграничение с Хорватией, поэтому в Воеводине больше никогда не говорили о временном разграничении, поскольку те границы стали окончательными"[23]. По его мнению,

inslav

разграничение в Среме проведено не в пользу Хорватии, но зато Хорватия получила Баранью, которая никогда не входила в хорватские земли. А вот создание Автономного края Воеводины в составе Сербии он считает явным приобретением Сербии.

На юге Сербии при проведении границы были учтены решения АВНО Санджака от 29 марта 1945 г. о самороспуске и присоединении шести срезов к Сербии, а двух — к Черногории. В этом решении особо подчеркивалось, что ни сейчас, ни ранее не ставился вопрос о специальном статусе Санджака в будущем государстве, поэтому нет причин, которые бы помешали разделению территорий области[24].

В результате окончательного утверждения республиканских границ большие сербские диаспоры кроме Сербии были расположены еще в двух республиках (Хорватии и Боснии и Герцеговине), а если учитывать и Черногорию, то в трех. В более поздней историографии этот факт, а также создание на территории Сербии двух автономных образований, стали оценивать как намеренное раздробление сербского народа и уменьшение территории Сербии[25]. Как полагает Д. Батакович, постановлениями коммунистов о новых границах были уничтожены, например, решения Черногории и Воеводины еще в ноябре 1918 г. объединиться с Сербией, или решение 42 из 54 общин Боснии и Герцеговины также объединиться с Сербией[26]. Согласно Д. Батаковичу, территорию Сербии значительно урезали и начертили в границах 1878 г. Властям он также вменяет в вину недемократический способ определения границ, без выяснения волеизъявления граждан.

При установлении границ народной республики Македонии возник спор по вопросу территории монастыря св. Прохора Пчиньского, где в августе 1944 г. проходило заседание Антифашистского Собрания Народного Освобождения Македонии. Хотя монастырь располагался на сербской территории, македонцы считали логичным его включение в состав македонской территории. Однако спор решили не в их пользу.

В Боснии и Герцеговине при определении границ произошла небольшая ревизия — по требованию черногорских коммунистов Герцег-Нови са Клеком и Суториной, когда-то турецкий выход к морю, был передан Черногории[27]. Хорватский историк Л. Бобан полагает, что Суторина и Неум, еще в 1718 г. переданные Дубровником Турции, должны были отойти к Хорватии[28].

Во время обсуждения первой Конституции ФНРЮ (1946) был поставлен вопрос об автономии Далмации в составе Хорватии, но он так и не был решен. Обсуждалось также создание автономных единиц в Македонии, Боснии и Герцеговине, ведь объективные условия к тому существовали. Моша Пияде, например, предлагал создать сербские автономные области в

inslav

Хорватии, Боснии и Герцеговине, или сделать Боснию и Герцеговину автономным краем в составе Сербии, но Тито, А. Ранкович и М. Джилас не согласились с этим[29].

Как оказалось позже, определенные в 1945—1946 гг. республиканские границы имели большое значение при распаде федерации и определении территорий будущих государств.

Национальный вопрос в социалистической Югославии

Федеративная Народная Республика Югославия была провозглашена как "союзное народное государство республиканской формы, объединение равноправных народов, которые на основе права на самоопределение, включая право на отделение, выразили свою волю жить совместно в Федеративном государстве"[30]. В 1948 г. численность ее населения составляла 15 901 тыс. человек. В Боснии и Герцеговине проживало 2 582 тыс., в Черногории — 379 тыс., в Хорватии — 3 788 тыс., в Македонии — 1 162 тыс., в Словении — 1 443 тыс., в Сербии — 6 547 тыс. человек[31].

Федерация создавалась по национальному принципу — сколько наций, столько и федеративных единиц (исключением была Босния и Герцеговина). В первой Конституции ФНРЮ 1946 г. закреплялось создание шести республик, а в составе Сербии — автономного края Воеводины и автономной Косовско-Метохийской области. Национальным меньшинствам гарантировались права развития культуры и свободного употребления родного языка, а республикам — суверенитет и безопасность. Гражданам гарантировалось равноправие перед законом невзирая на народность, расу и вероисповедание. К тем правам относились: право на получение образования, пользование всеми учреждениями культуры, права на свободу печати, объединений, собраний и манифестаций, право на защиту страны, на научную работу и художественное творчество. Конституция провозглашала равноправие республик. В первой же статье Конституции народам представлялось право на самоопределение вплоть до отделения. Этот принцип носил скорее декларативный характер, поскольку такое право партия считала лишь гарантией равноправности югославянских народов. Оно должно объединять равноправные народы, а не разъединять их. В последующие конституции Югославии это положение не вошло. Отношения между республиками коммунистическое руководство страны пыталось регулировать по принципу паритетного представительства в органах государственной власти, в КПЮ, в армии. Республики имели своих представителей в од-

inslav

ной из двух палат Скупщины, решения в которой принимались простым большинством голосов. Хотя интересы республик представляло Вече национальностей, уже в скором времени возобладала точка зрения, что нациям в системе общественных отношений не принадлежит какая-то особая роль.

Национальная политика с момента образования ФНРЮ играла важную роль во внутренней жизни государства и его внешних связях. С одной стороны, она регулировала взаимоотношения многочисленных народов и народностей федерации, а с другой — была важным фактором взаимодействия с соседними странами, поскольку представители титульных наций других государств как национальные меньшинства проживали в Югославии, и наоборот — в семи граничащих с Югославией странах имелись национальные меньшинства югославянских народов.

К национальным меньшинствам в Югославии относили албанцев, болгар, чехов, итальянцев, немцев, румын и представителей других народов. Статистика показывает рост их общего числа по отношению ко всему населению Югославии. Так, в 1948 г. из 15,77 млн населения федерации национальные меньшинства составляли 1,98 млн, в 1953 г. из 16,94 млн — 2,52 млн. Наряду с этим наблюдалось уменьшение численности одних и увеличение других. Самый большой рост отмечен у албанцев, у остальных — спад, который особенно заметен после 1961 г.[32]

Федерацию, созданную после 1945 г., стремились сделать федерацией равновесия, в которой учтены интересы всех проживающих в ней народов. Появились и новые нации — македонская и черногорская, обретшие свои республики. А Босния и Герцеговина создавалась из трех наций, одной из которых (мусульманской) были созданы все условия для полного развития. Сербские коммунисты в соответствии с программой партии не стремились к объединению всех сербских территорий, успешно справляясь с поставленной задачей борьбы с великосербским гегемонизмом. Постановка "сербского вопроса" тогда могла, считало руководство страны, нарушить национальное равновесие, которое достигалось с большим трудом. Учитывая это, сербы вынуждены были согласиться с тем, что их соплеменники в Боснии и Герцеговине и Хорватии получили статус государствообразующих народов.

Естественно, встает вопрос, как можно было достичь национального равновесия в Югославии после второй мировой войны, когда в Хорватии, например, еще недавно существовал концлагерь Ясеновац, в котором было уничтожено около 700 тыс. сербов, евреев и цыган, когда в Косове и Метохии число сербского населения сократилось вдвое, когда хорватское, сербское и мусульманское население в Боснии и Герцеговине

inslav

участвовало во взаимном уничтожении? Безусловно, после войны сделать это было трудно. Межнациональные столкновения во время войны оставили глубокий след в душах народов, особенно на территории Хорватии, Боснии и Герцеговины. В первые послевоенные годы еще имели место случаи кровной мести, взаимной неприязни, недоверия[33]. Натянутыми были македонско-албанские, а также сербско-македонские отношения из-за запрета возвращения в Македонию изгнанных во время войны сербов.

Чтобы избежать конфликтов, были найдены принципы, с помощью которых хотели достичь гармонии межнациональных отношений. Согласно одному из них, предлагалось не вспоминать обо всех разногласиях, обидах и ненависти предшествующего периода. Молодое государство с новой программой межнациональных отношений начинало как бы с нуля, с чистого листа, предоставляя всем народам равные права в строительстве нового общества. Для того, чтобы в Хорватии могли жить и сербы, и хорваты, хорватский национал-шовинизм идентифицировался с фашизмом. О геноциде сербского народа в Хорватии не говорили, поэтому Ясеновац стал символом осуждения фашизма вообще. В рассматриваемые нами годы старались забыть о геноциде мусульман со стороны четников, о зверствах албанцев и их преданности фашистскому режиму. Второй принцип касался преодоления понятия "правящая нация", на смену которому приходило понятие новой нации "югославов", складывающейся в процессе построения социализма. Развитие югославянства как выражение политики интернационализма должно было стать основой политического и национального единства страны. Свою же задачу партия видела в предотвращении появления национального эгоизма и шовинизма. Все, что могло поколебать прочность федерации, нарушить национальное единство, клеймилось как "предательство", "контрреволюция", "преступление". Самые сложные и деликатные национальные проблемы ЦК КПЮ решал или на закрытых заседаниях Политбюро в узком составе, или на заседаниях с привлечением ведущих партийных деятелей из республик.

Политическая система югославского общества в начальный после войны период складывалась как однопартийная. Отношения между республиками и федеральными органами строились на приоритете центральной власти. На политическую систему из Устава КПЮ был перенесен принцип демократического централизма, который отражал интересы центра, а точнее — узкой группы руководства КПЮ. Это вело к концентрации власти в руках союзных органов, которые наделялись широкими полномочиями. Отсутствие фактической самостоятельности республик компенсировалось революционной риторикой и эй-

inslav

форией, связанной с провозглашением народной власти и проведением выборов в представительные органы на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

В условиях однопартийной системы федеративный механизм практически не функционировал. Для политической системы, закрепленной Конституцией 1946 г., была характерна концентрация власти в руках партийно-государственной верхушки, укрепление исполнительно-административных органов. Правительство, часто подменяя деятельность Скупщины, обладало правом осуществлять нормативные функции, принимать постановления, имеющие силу закона. Так, например, на основании специального закона (декабрь 1946 г.) оно приняло более 100 постановлений по вопросам экономики и финансов. Доминирование правительства в законодательной деятельности, принижение значения представительных органов являлись характерной чертой командно-административной системы, складывавшейся в Югославии в первое послевоенное десятилетие. Конституционная система отражала и закрепляла высокий уровень государственной централизации, которая рассматривалась как вынужденная революционная мера.

Однако выбранная модель государственного строительства, неумение революционную риторику воплотить в реальные дела, ошибки в проведении практической национальной политики вели к появлению проблем, которые мешали осуществлению задуманной модели братства-единства. Несмотря на провозглашенные высокие идеи в первые послевоенные годы в ряде регионов существовали серьезные проблемы, имевшие и исторические корни, и современные политические предпосылки. Самыми крупными из них были взаимоотношения албанского и православного населения в таких республиках с большинством православного населения, как Сербия и Македония, сербско-хорватские отношения в рамках Хорватии и ряд других. Рассмотрим упомянутые проблемы в ряде югославских республик.

Сербия. Кроме сложных албано-сербских отношений с Сербией связывают еще одну проблему, которая касается непосредственно сербов и часто упоминающегося в литературе понятия "сербский национализм". Дело в том, что во время войны существовал еще один лозунг, который должен был способствовать объединению народов под флагом коммунистов — борьба против угнетателя предшествующего периода. Причем угнетатель имел не социально-классовый облик, а национальный. Тито подчеркивал, что борьба не была бы успешной, если бы народы не объединились не только в борьбе против фашизма, но против тех, кто их угнетал, прежде всего против "велико-

inslav

сербского гегемонизма". Именно в этом Тито видел "национальный смысл" народно-освободительной борьбы, которая несла свободу и равноправие всем народам страны[34]. Он отмечал, что "двадцатилетний период угнетения народов Югославии (хорватов, македонцев, словенцев и других) горсткой великосербских гегемонистов" был одной из причин быстрой капитуляции Югославии и порабощения страны фашистами[35].

Тогда же начинает складываться интересный феномен, который продержался до конца 80-х годов XX в. — речь идет о так называемом "комплексе вины" у сербов. Дело в том, что Сербия при Тито считалась *возможным* носителем идеологии гегемонии. Произошло отождествление Сербии, а затем сербского народа с гегемонистской идеологией, проявлением которой была идея "Великой Сербии". Часто употребляемое выражение "гегемония великосербской буржуазии" в первые послевоенные годы постепенно уступало место выражению "великосербская гегемония". Одну из своих задач СКЮ видел в борьбе с этим явлением. Чтобы никто не обвинил их в национализме, коммунисты Сербии сами готовы были активно сражаться с идеологией "великосербизма" и гегемонизма. В резолюции учредительного съезда КП Сербии подчеркивалось, что одной из основных задач коммунистов республики является "борьба против шовинистических и гегемонистских тенденций, главным образом, великосербских, борьба за братские отношения между всеми национальными группами, которые живут в Сербии, Воеводине, Косове и Метохии"[36]. Сербская нация уже в социалистическом обществе долгие десятилетия несла на себе элемент вины и за четническое движение, и за "великосербский гегемонизм" предшествующей Югославии. Поэтому именно они были главными критиками сербского национализма на протяжении всего послевоенного развития СФРЮ[37]. Это прямо противоположный эффект национальной политики, когда один народ в многонациональном государстве стал "бояться" сделать неосторожный шаг в отношении любой другой нации или слишком открыто проявлять свои национальные чувства. И на этом фоне понятен рост, а затем и успех, например, хорватского национализма в Хорватии, албанского — в Косове. По мнению сербского историка Б. Петрановича, сербы потерпели поражение в Косове в результате национальной политики Тито[38].

Тито упорно повторял, что межреспубликанские границы являются только линиями на граните, которые соединяют народы и меньшинства. Однако Милован Джилас в интервью французскому журналу "Монд" в 1971 г. открыто признавал, почему в Сербии создали два автономных края: разделение Сербии преследовало цель ослабить "централизм и гегемо-

inslav

низм сербов", как самое серьезное препятствие установлению коммунизма[39].

В соответствии с Конституцией ФНРЮ в январе 1947 г. Сербия приняла свою Конституцию, в которой более подробно определила права представителей национальных меньшинств, а также полномочия органов власти в автономных единицах. Национальные меньшинства были представлены в местных органах власти в соответствии со структурой населения этой области. Они должны самостоятельно принимать Уставы автономий и более подробно определять права и обязанности краевых органов власти. Уставы Воеводины, а также Косова и Метохии были приняты в 1948 г.

Косово и Метохия. С началом второй мировой войны в процессе расчленения югославского государства бóльшая часть Косова и Метохии (КиМ) вошла в созданную фашистской Италией Великую Албанию. Немецкие и итальянские войска албанцы встречали как освободителей, так как надеялись осуществить мечту о едином независимом албанском государстве. На территории КиМ албанцы не участвовали в антифашистской борьбе, поскольку думали использовать оккупацию края для его отделения от Сербии. Албанцы-экстремисты, работая на эту идею, активно осуществляли выселение с этой земли неалбанского населения. Мустафа Кроя, премьер-министр албанского марионеточного правительства, в июне 1942 г. открыто заявил, что "необходимо приложить усилия к тому, чтобы всех сербов-старожилов из Косова выгнать.., сослать в концентрационные лагеря в Албанию. А сербов-переселенцев надо убить"[40]. По данным американских спецслужб, с апреля 1941 до августа 1942 г. албанцы истребили около 10 тыс. сербов, а число изгнанных сербов в период всей оккупации составляло 100 тыс. человек[41]. Примерно такое же число албанцев переселилось из Албании в Косово. Э. Ходжа объяснял, что на территории Косова не велось народно-освободительной борьбы, поскольку албанцы не были уверены в том, что, "сражаясь наряду с народами Югославии против фашизма, они этим завоевывают себе право на самоопределение для соединения с Албанией"[42]. Во время войны на территории Косова и Метохии открывались школы на албанском языке, создавалась албанская администрация и возрождалась старая символика, населению раздавалась земля.

Руководство КПЮ в конце войны столкнулось с серьезным сопротивлением албанских националистов и вынуждено было с декабря 1944 по февраль 1945 г. вести с ними вооруженную борьбу. Оперативный штаб сообщал в декабре 1944 г., что на территории Косова орудуют "шиптарские[43] банды", которые находятся большей частью в горах, получая помощь и продукты

inslav

питания в селах, которые их поддерживают. В отношении таких сел предлагалось проводить репрессии. По всему краю действовали албанские контрреволюционные комитеты, которые разжигали дух неповиновения, проводили пропаганду "Великой Албании", организовывали сопротивление народной власти, призывали не вступать в армию Тито. Албанские отряды сопротивления насчитывали, по разным данным, от 10 до 16 тыс. человек[44]. Между восставшими албанцами и партизанской армией, в которой большинство составляли сербы и черногорцы, велись военные действия. Было убито около 3 тыс. албанцев[45]. Восстание удалось погасить, часть албанцев перебралась в Грецию, часть осталась в горах и продолжила сопротивление новой власти[46]. В начале февраля 1945 г. Верховный штаб НОБ ввел в Косове военное управление, заменяющее гражданскую власть в крае. На должности политического комиссара, командующего и коменданта были назначены сербы. Партийные организации Косова и Метохии также возглавляли сербы.

На первом заседании Областного народного комитета Косовско-Метохийской области прозвучали голоса о вхождении КиМ в состав Сербии. Великая Антифашистская Скупщина Сербии в апреле 1945 г. приветствовала такие высказывания[47]. В июле 1945 г. после отмены военного положения косовары, лояльные новой власти, собрали Скупщину и выразили желание "всего населения области присоединиться к федеративной Сербии как ее составная часть"[48].

За время войны территорию Косова, по разным данным, покинули от 100 до 200 тыс. сербов и черногорцев, а заселили многие тысячи албанцев из Албании[49], которые так и остались в этих краях, используя благоприятную политическую обстановку в Югославии в 1944 — 1948 гг. Многочисленные манифестации албанского населения Косова, проходившие в 1945 г., выражали нежелание находиться в составе Сербии. Тито пытался успокоить ситуацию, с одной стороны, заявлением о предполагаемом вхождении Косова в состав Албании, а с другой — освобождением албанцев от ответственности за преступления против сербского населения, совершенные во время войны. Весной 1945 г. И. Броз Тито говорил албанцам Косова: "Мы знаем, что вы пошли в немецкую армию, что вы боролись против нас, но это не значит, что мы призываем вас к ответственности. Мы знаем, что вы были обмануты, что не все из вас убийцы и преступники, что 90% из вас заблуждались, и что сейчас настало наше время вам помочь, объяснить, чего мы хотим. Мы не хотим, чтобы шиптари в Косове были людьми второго или третьего сорта. Мы хотим, чтобы у вас были свои права, равноправие, был свой язык, свои учителя, чтобы вы ощущали себя в своей стране"[50]. Сербские ученые сегодня

inslav

оценивают такую политику как ущемление прав прежде всего сербского населения Косова. Одни полагают, что "для Броза Косово было каналом по овладению Албанией, и одновременно средством разрушения исторического сознания сербского народа"[51], что "создание этой области имело целью помочь объединению Албании с Югославией под властью Тито"[52], другие видят в этом "стратегию ослабления сербского фактора в будущей Югославии"[53], третьи отмечают стремление руководства уменьшить территорию Сербии под влиянием синдрома "великосербской опасности"[54].

Руководство Югославии после войны ничего не сделало для восстановления прежней этнической структуры КиМ. Наоборот, уже 6 марта 1945 г. было принято постановление "О временном запрещении возвращения колонистов в места их прежнего проживания" — в Македонию, Косово, Метохию, Срем и Воеводину. На протяжении нескольких десятилетий этот факт в научной литературе не обсуждался. Однако в последние годы были опубликованы новые документы, которые позволили историкам сделать несколько предположений относительно мотивов появления такого указа.

Известный политик, ученый и писатель, близкий соратник Иосипа Броз Тито Милован Джилас писал в воспоминаниях, что правительства Албании и Югославии в конце войны "в принципе стояли на точке зрения, что Албания должна объединиться с Югославией, что разрешило бы и вопрос албанского национального меньшинства в Югославии". Это "принесло бы не только непосредственные выгоды и Югославии, и Албании, но одновременно покончило бы с традиционной нетерпимостью и конфликтами между сербами и албанцами. И, что... особенно важно, это дало бы возможность присоединить значительное и компактное албанское меньшинство к Албании как отдельной республике в югославско-албанской федерации"[55]. И. Броз Тито намного больше интересовала судьба задуманной им балканской федерации, ядром которой стала бы Югославия, чем область Косово в составе Сербии. Он готов был ею пожертвовать, чтобы сделать эти планы привлекательными для Албании. Э. Ходжа подтверждал такое желание, дословно повторив слова Тито в письме в ЦК ВКП(б) в начале сентября 1949 г.: "Косово принадлежит Албании и должно быть присоединено к Албании. Мы желаем этого ото всей души, но в настоящий момент не можем этого допустить, потому что реакция великосербов еще очень сильна"[56]. Сама идея долго оставалась для Тито актуальной, он все делал для сближения двух стран. В 1946 — 1947 гг. было заключено 46 договоров, которые фактически устанавливали единую экономическую политику Албании и Югославии. Договоры о сотрудничестве и соглашение об отмене виз содей-

inslav

ствовали реализации планов Тито "принять все меры к сближению населения Косова и Метохии с населением Албании"[57].

Таким образом, национальная структура Косова и Метохии в первые послевоенные годы была изменена в пользу албанцев. При этом автору неизвестны данные, которые бы говорили о нетолерантном отношении сербов к албанцам. Свои результаты давали провозглашенная политика национального равноправия, лозунги о братстве и единстве, а также кампания против "великосербского шовинизма". Наделы не возвратившихся сербов и черногорцев отдавались албанцам. По некоторым сведениям, они приобрели около 25 тыс. га земли[58]. Как отмечалось на заседании скупщины Народной Республики Сербии в октябре 1948 г., "в Косове и Метохии исправлена несправедливость, нанесенная еще до войны шиптарам, когда у них отнимали земли"[59]. Албанцы составляли большинство в Косове и Метохии: по переписи 1948 г. их численность равнялась 498 242 человека, или 68,45%, сербов — 171 911, или 23,62%, черногорцев — 28 050 или 3,85%. Численность сербов могла бы быть на 60 тыс. больше, но им возвращаться в КиМ было запрещено. Одновременно 75 тыс. албанцев, которых во время войны итальянцы переселили из Албании, остались на землях бежавших или убитых сербов[60].

Языковое равноправие албанцев на практике подтверждалось административным делопроизводством на албанском языке наряду с сербскохорватским на всех уровнях, начиная с 1948 г. В местных Народных комитетах в 1948 г. работали 64% албанцев, а в районных — 60%, хотя грамотными к концу войны были всего 10% населения края[61]. Косово-Метохийская область на заседании представителей районов 25 мая 1948 г. проголосовала за Устав области, который действовал до февраля 1953 г., когда был принят новый Устав. Он подтверждался Народной скупщиной Сербии. Верховными органами народной власти в КиМ определялись Областной народный комитет и Областной исполнительный комитет. Делегаты КиМ представляли интересы области в Скупщине как Сербии, так и Югославии. Конституциями ФНРЮ и Сербии предусматривалось, что Косово-Метохийская Область посылала 15 своих представителей непосредственно в Вече народов Народной скупщины ФНРЮ, а также в Скупщину Сербии.

Политическая жизнь в Косове и Метохии в послевоенные годы проходила под знаком широкого вовлечения албанцев в общественную жизнь. До 1948 г. Народный фронт в области объединил 227 358 албанцев в более чем 57 тыс. организациях. Хуже дело обстояло с членством в КПЮ. Членами партии были лишь 0,35% всего населения. Из них албанцы составляли 32%, а сербы и черногорцы — 64%[62]. Среди албанцев, даже членов

inslav

партии, как видно из партийных документов, сильны были националистические взгляды. Через весь послевоенный период албанцы пронесли постоянные цели (стремление создать на территории Косова и Метохии самостоятельную республику; выйти из состава Сербии), а также исходящие из этого средства их достижения, которые не менялись с течением времени: нелояльное отношение к югославскому государству и соответственно политической власти; неприязненное отношение к неалбанскому населению края. Эти тенденции отмечает сербский историк Момчило Павлович[63]. К этому можно добавить и конкретные организационные усилия для достижения поставленных политических целей. В Америке в 1946 г. была основана Третья призренская лига — организация, которая ставила задачу создания "Великой Албании" и борьбу албанцев против руководства Югославии за отделение.

Официально "проблемы Косова" в Югославии не существовало. Впервые о ней заговорили в 1966 г., когда партией был осужден руководитель Службы государственной безопасности (СГБ) Александр Ранкович. Среди прочего, ему ставилась в вину и "унитаристская ориентация" в национальной политике, в частности в Косове и Метохии[64]. Руководители Косова и Метохии говорили о том, что СГБ сразу после войны установила в крае контроль над партийными организациями и органами самоуправления, выражала недоверие лицам албанской национальности, устанавливала слежку, заводила досье на ведущих функционеров Косова и Метохии. В дневниковых записях А. Ранковича значится, что ситуация в Косове и Метохии после войны всегда характеризовалась напряженностью, а деятельность враждебных элементов отмечалась высокой активностью. Были раскрыты подпольные организации, которые имели свои политические программы. По мнению А. Ранковича, "это уже не были маленькие и несвязанные между собой группы, но организации с объединенным руководством, способные к проведению враждебных акций", которые поддерживали нелегальные связи с Албанией, распространяли листовки, писали лозунги, вывешивали албанские флаги, планировали покушения на ведущих деятелей[65].

Воеводина была многонациональной территорией, к тому же разделенной в годы войны между Независимым государством Хорватией (НГХ) и оккупированной Сербией. В Воеводине в годы войны сербы составляли 33% населения, венгры — 26, немцы — 21, хорваты — 7%[66]. Во время войны в Воеводине удалось сохранить единую краевую партийную и военную структуру, поэтому уже тогда Воеводина именовалась не иначе как "автономия", без определения, какой республике она будет принадлежать. Например, в партийных документах

inslav

1943 — 1944 гг. говорилось об "автономии Воеводины в составе федеральной Югославии"[67]. Вопрос о Воеводине решался в апреле 1945 г. Хотя выдвигались разные предложения, исходили все-таки из того, что не венгры, а сербы в Воеводине составляют "относительное большинство"[68]. Было решено создать автономную Воеводину именно в составе Сербии, поскольку сербы в ней преобладали, хотя логичнее было бы ожидать создание автономии для национального меньшинства, которое на этой территории находится в большинстве. В июле 1945 г. Первая скупщина народа Воеводины приняла решение о вхождении Автономной Воеводины в Сербию. 1 сентября 1945 г. Скупщина Сербии приняла Закон о создании и устройстве Автономного края Воеводина. В 1948 г. в Воеводине появился первый Устав, который верховными органами власти определял Народную скупщину и Главный исполнительный комитет. Воеводина имела 20 своих представителей в Вече народов Скупщины ФНРЮ, а также в парламенте Сербии. С Воеводиной, плодородным многонациональным краем, тесно связана еще одна проблема — *колонизации земель*, которая позже серьезно влияла на формирование климата межнациональных отношений.

Проводимая земельная реформа сопровождалась переселением сельских жителей. В Югославии этот процесс назывался колонизацией, которой занималось министерство колонизации. В августе 1946 г. была создана комиссия по аграрной реформе и колонизации, которая объединила функции всех других органов, включая министерство. В Воеводине земли сначала конфисковывались, а потом передавались во владение колонистов. Конфискации подверглось имущество и земли тех, кто сотрудничал или кто ушел с оккупантами, военных преступников, буржуазии, немцев, в первую очередь граждан "третьего рейха".

Следует напомнить, что немцы переселялись в Воеводину в течение XVIII и XIX вв., постепенно за ними закрепилось название "воеводинские швабы" или просто "швабы"[69]. Как отмечают сербские ученые, на них в ходе развития оказывали негативное влияние разные исторические события, в частности, территориальные изменения и принадлежность их ареала расселения различным государствам. Немцам пришлось пережить в свое время и венгеризацию, и югославизацию, и национал-социализацию. Согласно переписи 1931 г., в Югославии около 500 тыс. человек называли немецкий язык своим родным[70]. Значительное число немцев (около 28 тыс.) проживало в Словении. Во время войны немецкое национальное меньшинство пользовалось особыми привилегиями на оккупированных территориях. Они получили возможность служить в рядах немецкой армии, занимать должности в иерархии оккупационных

inslav

режимов, обладали рядом преимуществ, не подвергались притеснениям со стороны оккупантов. Решением АВНОЮ от 21 ноября 1944 г. у всех немцев было отнято право гражданства Югославии. По окончании второй мировой войны часть немцев была эвакуирована, часть бежала с отступающими германскими войсками, а остальные, включая стариков, женщин и детей, были помещены в концентрационные лагеря без суда и следствия, где находились до весны 1948 г.[71] Те, кто выжил и вышел из лагерей, были отправлены на три года отбывать трудовую повинность[72].

Недавно опубликованные документы из российских архивов показывают, что депортации немцев с территории Югославии способствовала и Москва. 16 декабря 1944 г. Государственный Комитет Обороны СССР принял постановление о мобилизации и интернировании для использования на работах в СССР "всех трудоспособных немцев в возрасте — мужчин от 17 до 45 лет, женщин от 18 до 30 лет, находящихся на освобожденной Красной Армией территории Румынии, Югославии, Венгрии, Болгарии и Чехословакии"[73]. Мобилизации подлежали немцы, подданные как Германии, так и других стран. Организацию сборных пунктов, прием мобилизуемых, формирование и отправку эшелонов, охрану их в пути брал на себя НКВД СССР. Всех мобилизованных немцев направляли на работы по восстановлению угольной промышленности Донбасса и черной металлургии Юга СССР. Из прибывающих на место работы немцев формировали рабочие батальоны по тысяче человек в каждом. 5 января 1945 г. Берия сообщал Сталину и Молотову об отправке в СССР из Югославии пятью эшелонами 9899 интернированных немцев. "Из их числа, — говорилось в донесении, — 3 эшелона в количестве 5700 человек направляются на ст. Горловка для работы на шахтах треста Сталинуголь и 2 эшелона в количестве 3800 человек направляется для работы на шахтах треста Ворошиловуголь"[74]. Уже к 19 января 1945 г. из Балканских стран было отправлено в СССР 67 930 немцев, в том числе из Югославии — 10 935 человек[75].

В мае 1946 г. Министерство внутренних дел СССР начало отправку военнопленных и интернированных немецкой национальности на родину, которая продолжилась и в следующие годы. Однако нет данных, сколько лиц среди общего числа интернированных немцев, уезжавших из СССР, ранее проживали в Югославии. Так, в апреле 1947 г. из батальонов для интернированных, находящихся в распоряжении Министерства угольной промышленности западных районов, в Германию было отправлено 5 тыс. немцев[76]. Часть военнопленных удерживалась в лагерях по политическим соображениям и в начале 50-х годов. Например, в октябре 1951 г. МИД СССР не

inslav

считал целесообразным передавать югославским властям 115 военнопленных и интернированных граждан, на которых не было никаких компрометирующих материалов, "поскольку клика Тито могла бы использовать их во враждебных Советскому Союзу целях"[77]. По состоянию на 1 марта 1952 г. в лагерях МВД СССР находились еще 24 человека, интернированных из Югославии[78]. Известно также, что югославское правительство препятствовало возвращению немцев в страну, лишая их гражданства. На заседании Народной скупщины Сербии в октябре 1948 г. приводились данные, что в Воеводине немцев осталось чуть больше 1% от общего числа населения края, хотя данные переписи показывают, что в 1948 г. немцев там было 1,9%, а в 1953 — 2,1%[79].

Если вернуться к вопросу об аграрной реформе, то всего в Югославии было конфисковано 119 451 имение или 618 701 га земли. Из этого количества в Воеводине — 87 393 имения или 668 412 га. В связи с тем, что в эту цифру входила и реквизированная земля банков, монастырей, предприятий, то колонистам предполагалось выделить 64% от подлежащей перераспределению земли[80]. Всего в Воеводину планировалось переселить 45 тыс. семей: из Боснии и Герцеговины — 12 тыс. семей, из Хорватии — 9, Черногории — 7, Сербии — 6, Воеводины — 6, Словении — 3, Македонии — 2 тыс. семей[81]. Плодородные земли Воеводины прельщали крестьян из опустошенных и разоренных войной районов Хорватии, Боснии и Герцеговины. Землю обещали тем, кто не смог вернуться в Косово и Македонию, семьям борцов-партизан, инвалидов войны, жертв фашистского террора и т.д. В ходе проводимой аграрной реформы решался и вопрос наделения землей семей национальных меньшинств в самом крае. К 1948 г., как отмечалось на заседании Скупщины Сербии, землю получили 10 578 семей венгров, 4470 — словаков, 4203 — румын, 4402 — русин[82]. Всего же землю выделили 89 833 семьям разных национальностей[83].

Готовившееся переселение народов — самое большое в новой истории Сербии. План начал осуществляться уже осенью 1945 г. Интерес крестьян к этому событию был огромным. Только в Хорватии, например, было собрано 24 тыс. заявлений. До конца 1945 г. на новые земли переехали 34% запланированных колонистов[84]. До середины июля 1947 г. в Воеводину переселились 37 616 семей или 225 969 человек. Всего за время аграрной реформы и колонизации в Воеводину перебралось более 40 тыс. семей[85]. Среди них большинство составляли сербы (16 2447 чел.) и черногорцы (40 176), затем шли македонцы (12 тыс.) и хорваты (7134). Меньше всего среди переселенцев насчитывалось словенцев (около 2 тыс.) и мусульман (1800). Все прибывшие в Воеводину были распределены

inslav

по 114 населенным пунктам или колониям, было начато строительство 14 новых сел[86]. В связи с колонизацией в Воеводине изменился и национальный состав. Согласно переписи 1953 г., сербы и черногорцы составляли уже 53% жителей края, венгры — 25, а хорваты — 7%[87].

В **Македонии** сложность межнациональных отношений определялась присутствием на территории Македонии значительного числа мусульманского населения — турок, албанцев и исламизированных македонцев. По данным переписи 1931 г., население Македонии составляло 949 558 чел. Из них православных было 648 982 (68%), мусульман — 287 820 (30%). Среди мусульман албанцами себя считали 129 545 чел. (13,6% от общего числа населения)[88]. В 1939 г. мусульман было 328 751 человек[89]. В годы войны Болгария присоединила к себе Вардарскую Македонию вплоть до Охридского озера. Западная Македония была оккупирована фашистской Италией, и там была установлена албанская "квислинговская" власть. Здесь действовала национал-фашистская организация Национальный фронт "Балы Комбетар" ("балысты"), выступавший за создание Великой Албании. Балысты имели свои добровольческие отряды, которые вместе с фашистами воевали против партизан не только на территории Македонии, но и в Косове. Их численность доходила до 7—8 тыс. человек[90]. Часть албанцев активно сотрудничала с фашистами, часть сражалась на стороне партизан. В Западной Македонии, согласно имеющимся документам, в конце 1944 — начале 1945 г. преобладали албанцы, которые хотели остаться в составе Албании. В партийных документах отмечались такие же настроения среди албанцев в Тетове, в то время как македонцы в тех краях были достаточно пассивны и далеки от политической жизни[91]. За время войны в Западной Македонии осуществлялся геноцид над македонским населением, оставшихся в живых подвергали албанизации.

В течение всего 1945 г. в горах Македонии продолжалась борьба партизан с теми, кто выступал против новой власти. Албанцы были уверены, что они должны осуществить свои национальные чаяния в рамках самостоятельного государства. После войны, например, продолжала свою нелегальную деятельность созданная в 1945 г албанская организация "Национал Шиптаре Демократик", с центром в Скопье, которая занималась агитацией и националистической пропагандой на территории Македонии, Косова и Метохии, пыталась создавать боевые группы среди албанцев и турок[92].

Правительство Македонии в основу своей национальной политики по рекомендации партии положило лозунг "братства и единства" и особенно боялось шовинизма и сепаратизма, которые ожидало от национальных меньшинств — сербов, болгар

inslav

или албанцев. Представители албанского и турецкого нацменьшинств входили и в состав правительства, избирались и назначались в другие органы власти. В западной части Македонии и после освобождения проживало много албанцев, часть из которых имела гражданство Албании. Налаживая новую жизнь, македонские власти в марте 1945 г. специальным письмом Президиума АСНОМ запретили давать работу албанцам — гражданам Албании — без особого на то разрешения властей и без соответствующей проверки их деятельности в годы войны[93].

Определенное напряжение в межнациональные отношения внес запрет новых властей на возвращение в Македонию немакедонцев. В феврале 1945 г. Президиум Антифашистского собрания народного освобождения Македонии (АСНОМ) разъяснял, что, согласно решению Президиума за № 143 от 1 декабря 1944 г., всем югославским подданным немакедонцам временно запрещено возвращаться назад в Македонию. Приводилось два аргумента в защиту такого решения: 1) чтобы не допустить осложнений в имущественно-правовых отношениях, 2) чтобы случайно не избежать ответственности, если человек был на службе у оккупантов, а хочет укрыться в Македонии[94]. Одновременно македонские власти строго выполняли постановление Белграда "О временном запрещении возвращения колонистов в места их прежнего проживания" — в Македонию, Косово, Метохию, Срем и Воеводину, направив специальное письмо всем окружным и областным народно-освободительным комитетам Македонии 26 марта 1945 г.[95]

В послевоенной Македонии турки, албанцы и исламизированные македонцы составляли достаточно многочисленную прослойку населения. Согласно переписи 1948 г., в Македонии общая численность населения составляла 1 152 986 человек. Из них македонцев было 789 648, албанцев — 197 389, турок — 95 940 человек[96]. По официальной статистике в 1953 г. мусульман в Македонии было 310 469 чел., в то время как македонские ученые приводят цифру 390 949 чел. Из них 12 863 декларировали свою принадлежность к македонскому народу, а 10 623 считали себя "македонскими мусульманами"[97]. В Западной Македонии в первые годы после освобождения исламизированные македонцы в большинстве своем рассматривались как албанцы. Достаточно было иметь мусульманское имя, чтобы в документах их записали как "албанец" или как "турок". В селах со смешанным населением ассимиляция шла намного быстрее. Как считают македонские ученые, религиозный фактор среди мусульман в первые послевоенные годы был значимым. В июне 1945 г. в Скопье прошел конгресс мусульман Македонии, на котором были избраны новые руководящие органы исламского религиозного сообщества области[98]. Общест-

inslav

венно-экономические реформы в стране, коллективизация, национализация и экспроприация в первые послевоенные годы вызвали недовольство у части населения, особенно ремесленников, предпринимателей, зажиточных крестьян, среди которых было много мусульман. В конце 40-х — начале 50-х годов начался процесс массового отъезда турецкого, а частично и албанского, населения в Турцию. Комиссия по международным отношениям при ЦК КП Македонии считала этот вопрос политическим и держала его под постоянным контролем. Цифры уезжавших постоянно росли. По данным Комиссии, с 1951 по март 1959 г. из Македонии выбыло 143 800 мусульман[99]. Среди них имелись и исламизированные македонцы, и албанцы из Косова, Санджака, и мусульмане из Боснии и Герцеговины.

В Македонии существовала и проблема сербского населения. Об этом почти не писали историки социалистической Югославии, но в исторических работах последних лет можно прочесть о том, что после запрета колонистам возвращаться на свои исконные земли, в Македонии произошла искусственная ассимиляция около 140 тыс. сербов, которые были вынуждены менять свои фамилии с "ич" на "ски", если хотели найти работу и нормально жить в республике[100].

Хорватия. Сербско-хорватские противоречия являлись постоянным фактором напряженности в межнациональных отношениях этой республики. В Хорватии сербское население компактно размещалось на 32% территории и составляло 12,2% от общего числа жителей республики. В 1941 — 1945 гг. история засвидетельствовала самые большие этнические чистки сербов на территории Независимого государства Хорватии (НГХ), созданного усташами[101] при поддержке Гитлера и Муссолини. Усташеская программа НГХ, кроме прочего, предполагала истребление сербского народа, евреев и цыган и создание "чистой хорватской нации". Хорватский министр того времени Миле Будак сказал на одном из банкетов в Госпиче: "Одну часть сербов мы уничтожим, другую выселим, остальных переведем в католическую веру и превратим в хорватов. Таким образом скоро затеряются их следы, а то, что останется, будет лишь дурным воспоминанием о них"[102]. Речь другого министра, Милована Жанича, стала программной для многих хорватов в НГХ. 2 июня 1941 г. он говорил на митинге в Нова-Градишка: "Это государство, эта наша родина должна быть только хорватской и ничьей больше. И поэтому те, кто пришли сюда, должны уйти. Наш опыт в течение многих столетий, а особенно последних двадцати лет, показывает, что компромисс абсолютно невозможен. Это должна быть земля хорватов и никого другого. Мы это не скрываем. Такова политика этого государства, и когда мы ее выполним, то осуществим то, что записано в усташеских анна-

inslav

лах"[103]. На территории НГХ начались гонения на сербов. Вторая половина 1941 г. осталась в истории как время массовых убийств сербов. Вырезались целые деревни, не щадились ни старики, ни женщины, ни дети. Их убивали и сжигали в собственных домах и церквах, к мужчинам и священникам применяли самые мучительные пытки. В соответствии с переписью населения 1948 г., количество сербов в Хорватии уменьшилось по сравнению с 1931 г., когда их насчитывалось 636 284 человек, на 92,5 тысячи. Но, по мнению исследователей, эта цифра на самом деле, была намного выше[104].

Партизанское движение в Хорватии, в отличие от усташеского, было многонациональным. Для примера приведем следующие данные: в начале августа 1943 г. в двух партизанских отрядах, насчитывавших 781 бойца, 445 партизан были хорватами, 329 — сербами, 7 принадлежали к другим национальностям[105]. В начале мая 1943 г. в Славонии был сформирован чехословацкий ударный батальон имени Яна Жижки, в середине августа — венгерский имени Шандора Петефи и немецкая рота имени Эрнста Тельмана. Партизанское движение привлекало сербов тем, что давало возможность бороться не только с немцами, но и с усташами, защитить свои дома и семьи. В документах созданного в июне 1943 г. Краевого антифашистского веча народного освобождения Хорватии (КАВНОХ) постоянно подчеркивалось равноправное сотрудничество хорватов и сербов без различия партийной и сословной принадлежности. "Два тяжелых года борьбы наших народов за национальную независимость против фашистских оккупантов и их пособников доказали, что хорватский и сербский народы имеют полное право сами управлять своей судьбой... Хорватский и сербский народы вместе с остальными народами Югославии борются за новую демократическую Югославию свободных и равноправных народов, в которой, на основе самоопределения, будет построена свободная и демократическая Хорватия... Нет и не должно быть Хорватии, в которой сербам не гарантировались бы полное равноправие и равенство", — отмечалось в документах КАВНОХ[106]. Согласно Конституции Хорватии 1947 г., Хорватия являлась республикой хорватского и сербского народов. К национальным меньшинствам относились итальянцы, венгры, чехи, словаки, немцы, украинцы, русины и поляки (всего 5,2%). Сербы национальным меньшинством не считались. Их в Хорватии после войны по переписи 1948 г. насчитывалось 14,5% населения, что было больше, чем численность албанцев и венгров вместе взятых на территории Сербии[107], тем не менее автономии для сербов не предвиделось. В литературе нет данных о школах для сербов в Хорватии, об издании газет и журналов на кириллице в первые послевоенные годы. Отдельные

inslav

школы создавались лишь для перечисленных выше национальных меньшинств.

Единственное национальное меньшинство на территории Югославии, положение которого регулировалось международными актами, составляли итальянцы. В соответствии с мирным договором с Италией, подписанным 10 февраля 1947 г. в Париже, а также итало-югославскому договору 1954 г., Югославия брала на себя ряд обязательств в отношении итальянского населения на территориях, отошедших к Хорватии. Им гарантировалось равноправие со всеми народами Югославии, они получили право издавать газеты и журналы на родном языке, открывать культурные, спортивные и общественные организации, использовать родной язык в детских садах, начальных, средних и специальных школах. В общинах, где представители итальянского меньшинства составляли не менее четверти населения, надписи улиц, поселков и общественных учреждений должны были дублироваться на итальянском языке[108]. По мнению сербского ученого Д. Батаковича, итальянцы могли бы претендовать и на автономию в рамках Хорватии. Однако этого не произошло по идеологическим причинам, полагает Д. Батакович. Аргументом служило то, что Италия, в отличие от Венгрии и Албании, "была идеологическим врагом коммунистической власти"[109].

Сейчас мало пишут о межнациональных отношениях в Хорватии в первые послевоенные годы. Но, возможно, некоторое мироощущение хорватов может передать хорватская эмиграция, представители которой тяжело переживали поражение во второй мировой войне, внимательно следили за событиями в Югославии, надеялись на падение "режима Тито". По мысли юриста из Буэнос-Айреса, активного деятеля хорватской эмиграции И. Корского, хорваты всегда будут стремиться к независимости, так как и в созданной в 1945 г. Югославии сербы вновь главенствовали, используя право победителей в войне. А хорваты после 1945 г. ощущали, что стояли на стороне побежденных, были вынуждены терпеть гегемонию сербов и мечтали о своем государстве[110]. Молодежь в 1945 г. была вынуждена скрывать свои мысли, должна была затаиться, чтобы выжить, писал И. Корски. Ведь "это было первое поколение.., которое ощущало государство (Независимое государство Хорватии. — *Е.Г.*) как нечто свое, которое почувствовало себя частью того государства"[111]. Постепенно, по его мнению, не осталось хорватов, которые были бы за Югославию. Он связывал это с тем, что сербы считали Югославию всего лишь "расширенной Сербией", средством для сбора всех сербских земель под одной крышей и мечтающих сделать сербами всех своих соседей[112]. И если хорваты согласились вновь войти в Югославию, а таковых

inslav

совсем немного, то это потому, что они видели в ней "меньшее зло", а не идеальное решение, что надеются на осуществление права народов на самоопределение. И. Корски обвинял Тито в том, что тот уничтожил хорватское народное сопротивление, хорватскую интеллигенцию, а с ней и хорватское национальное сознание в первые годы существования новой Югославии. По его мнению, "Тито со своими сотоварищами использовал сербов из Хорватии для уничтожения цвета хорватской нации, чтобы сделать Хорватию меньше макового зернышка"[113].

В социалистической Хорватии старались забыть и не вспоминать события второй мировой войны. Совместная жизнь в хорватских городах и селах, выдвижение на руководящие должности обязательно и хорватов, и сербов, смешанные браки, процент которых в республике был высок, редко давали повод для ссор и национальных обид, и скорее отражали ассимиляционные процессы. В 70-е годы XX в. Хорватия вышла на первое месте в СФРЮ по распространению этнически смешанных браков, причем, число их постоянно росло. В 1956 г. 10,9% заключенных браков были смешанными, а в 1972 г. эта цифра возросла до 17%[114].

Босния и **Герцеговина** (БиГ) в годы второй мировой войны входила в состав Независимого государства Хорватии, и поэтому населения этой республики (сербов, мусульман и хорватов) коснулись проблемы межрегионального переселения, взаимного уничтожения, ненависти, разрушения устоев и хозяйственной жизни. Сербы и евреи в Боснии и Герцеговине, как и на территории Хорватии, были подвергнуты страшному геноциду со стороны усташей и немцев, а мусульмане — со стороны четников. Аресты, убийства и выселение невинных людей начались в 1941 г. и продолжались в течение всей войны. За время военных действий в Боснии и Герцеговине погибли 179 тыс. человек, из которых 72% составляли сербы, 16,5 — мусульмане и 4,4% — хорваты. Спасая свои жизни, край покинули до 200 тыс. сербов — коренных жителей этих земель[115]. Партизанское движение объединило представителей всех слоев населения. Для многих это было единственным средством спастись от столкновения с четниками или усташами. Учредительное собрание, создавшее Краевое антифашистское вече народного освобождения Боснии и Герцеговины состоялось в ноябре 1943 г. Собравшиеся на нем представители разных народов и вероисповеданий выступили за братство всех народов, за полное равноправие сербов, мусульман и хорватов, за полную свободу, социальное равноправие, поддержали решение о федеративном устройстве будущей Югославии[116]. Создание отдельной федеральной единицы Боснии и Герцеговины вызывало споры даже среди коммунистов. Однако Тито так объяснял целесообразность

inslav

республиканского статуса Боснии и Герцеговины: "Разные элементы, бывшие писари, секретари говорят, что Тито и коммунисты разделили Сербию. Сербия в Югославии. И мы не думаем, что внутри Югославии создаем государства, которые будут воевать между собой. Если Босния и Герцеговина равноправна, если у них своя федеральная единица, тогда мы не разделили Сербию, а сделали счастливыми сербов в Боснии, как и хорватов, и мусульман. Речь идет только об административном разделении"[117]. Последствия войны еще долго ощущались во многих сферах общественной и экономической жизни республики, однако партийная идеология ставила задачу создания национальной симметрии, и на примере Боснии и Герцеговины формировала общество полного национального равноправия.

Новая коммунистическая идеология принималась не всеми мусульманами. Часть их, воспитанная в традиционном мусульманском духе, была недовольна коммунистической пропагандой, осуждением соблюдения постов и правил ислама, закрытием созданных сразу после войны специальных общежитий и столовых для студентов-мусульман в Загребе, медресе и других культовых учреждений, мусульманских культурных обществ, таких как "Трезвеност", "Мерхамет", "Гайрет" и др. В Сараеве, а затем в Мостаре и Загребе продолжила свою деятельность тайная организация "Молодые мусульмане", выступавшая за соблюдение исламской веры и обычаев мусульман[118]. В 1946 г. руководство группы было арестовано и осуждено. Среди них был и Алия Изетбегович, позже ставший лидером мусульман в борьбе за самостоятельную Боснию и Герцеговину в 1992 г. Он вспоминал: «Организация "Молодые мусульмане", по моему мнению, сыграла важную роль в том, что сегодня называем падением коммунистической системы. Ведь сопротивление, которое "Молодые мусульмане" оказывали в первые годы после войны наступающей коммунистической системе было одним из самых сильных и организованных на территории Югославии»[119].

Выделение Боснии и Герцеговины в самостоятельную федеративную единицу произошло скорее не на этническом, а на территориально-историческом принципе. В то время не существовало "боснийского" этноса, жители республики считались или сербами, или хорватами разной веры. В 1948 и 1953 гг. при переписи населения они могли себя определять или как сербы, или как хорваты, или как "югославы-неопределившиеся". В 1948 г. из 2 847 459 жителей Боснии и Герцеговины сербами себя записали 44,3%, хорватами — 22,9%, неопределившимися — 31,3%[120]. Термин "мусульмане" для определения этнической принадлежности боснийцев на территории республики употребляется, начиная с переписи 1961 г. По пе-

inslav

реписи 1961 г. число неопределившихся югославов уменьшилось до 8,4%, а мусульманами записались 25,6%. В 1971 г. число мусульман уже превысило число сербов. Это позволило ряду авторов говорить о том, что в коммунистической системе после 1945 г. был заложен механизм, позволяющий мусульманам стать главным фактором в общественной и экономической жизни республики[121].

Следует подчеркнуть, что многонациональную Боснию и Герцеговину характеризовала относительно высокая внутренняя стабильность, в том числе и в плане межнациональных отношений. В 1950 г. число смешанных браков составляло 9,1%[122]. Хотя после 1996 г. появились оценки, что "государственность Боснии и Герцеговины в социалистической Югославии была государственностью второго сорта", что мусульмане в СФРЮ до 1961 г. не были признаны как отдельный народ[123], все же боснийцы соглашаются и сейчас, что важной характеристикой Боснии являлась традиция толерантности всех трех религий, которые издавна существовали на ее территории. Кроме того, не оспаривается и то, что став впервые после 1945 г. республикой, Босния и Герцеговина, а точнее мусульмане в ней, уравнялись в правах с сербами и хорватами, могли получать образование наравне с ними, стали представлять свой народ в государственных и партийных органах на паритетной основе[124].

Словения. Расчлененная на три оккупационные зоны, Словения с трудом налаживала движение сопротивления на своей территории. В апреле 1941 г. был создан Освободительный фронт Словении (ОФ), представлявший собой коалицию различных политических партий и групп. Хотя словенские коммунисты играли в нем главную роль, в июне того же года ОФ определил цель своей борьбы как достижение словенского суверенитета, права на объединение и отделение, при этом подчеркивал "единство порабощенных народов Югославии и всех Балкан в их борьбе за освобождение"[125]. О возвращении в Югославию речь пока не шла. В декабре 1942 г. ОФ не мог присутствовать на скупщине АВНОЮ, но Исполнительный комитет ОФ поддержал создание этого органа. В середине 1943 г. видный коммунистический деятель Б. Кидрич дал инструкции о необходимости преодолеть узконациональные словенские интересы и "с большей систематичностью провозглашать Югославию". В 1943 г. словенские коммунисты усилили югославянскую пропаганду и поддержали программу АВНОЮ. Югославская ориентация ОФ постепенно получала все большую поддержку словенских интеллектуалов. После капитуляции Италии в сентябре 1943 г. ОФ принял решение о присоединении Словенского приморья к "объединенной Словении в свобод-

inslav

ной и демократической Югославии"[126]. Становилось ясно, что словенцы рассчитывали на Югославию в осуществлении собственных национальных целей. Окончательное подтверждение ориентации на Югославию произошло в октябре 1943 г. на съезде ОФ. На этом "военном парламенте" ведущую роль играли коммунисты, и, как полагает сербский историк М. Зечевич, хотя съезд не мог представлять собой всю демократическую Словению, большинство делегатов согласились с необходимостью создания новой Югославии[127]. Делегация ОФ участвовала и во втором заседании АВНОЮ (октябрь 1943 г.), поддержав все его решения. Постепенно позиции ОФ встречали все большее понимание у разных слоев словенского народа. Антикоммунистические круги Словении тоже выступали за Словению в составе Югославии, но под династией Карагеоргиевичей: "импровизированный словенский парламент на заседании 3 мая 1945 г. в Любляне провозгласил народное государство как составную часть демократического и на федеративных началах организованного Королевства Югославии"[128].

Словенцы за годы оккупации пережили насильственную депортацию, уничтожение, расселение. Окончание войны ознаменовалось возвращением тысяч словенцев в свою республику. Национальный вопрос в Словении не стоял так остро, как в других республиках, из-за однородности национального состава населения. Лишь по прошествии ряда лет стал проявляться словенский национализм, который не был направлен против национальных меньшинств, а носил выраженные черты сепаратизма. Известный югославский писатель и политический деятель Добрица Чосич в 1958 г. записал в дневнике, что "в Словении до критических, до очень критических размеров развит сепаратизм. Все подряд выражают презрение к ФНРЮ, Сербии, всем нациям... Это шовинизм огромных размеров. Они презирают сербский язык, убеждены, что имеют самую богатую культуру, ощущают себя под угрозой, обворованными, обманутыми. Так думают все — от официанта до Бориса Крайгера, от горничной до Иосипа Видмара[129]"[130]. По его мнению, сразу с формированием нового государства в 1945 г. началась «тайная, кабинетная, кулуарная идеологическая борьба между националистами-сепаратистами и югославскими федералистами-"централистами"»[131]. Под первыми он подразумевал словенцев и хорватов, а под вторыми — сербов.

Постепенно жизнь в многонациональной стране налаживалась. Укреплению федеративного строя способствовало и решение экономических задач по восстановлению разрушенного войной хозяйства. В 1945—1946 гг. существовал Фонд восстановления страны, который кредитовал пострадавшие регионы. Средства выделялись республикам достаточно регулярно.

inslav

В феврале 1946 г. Фонд распределил 1 млрд динаров, в том числе Сербии — 250 млн, Хорватии — 220, Словении — 120, Боснии и Герцеговине — 200, Македонии и Черногории — по 80, Белграду 200 [132].

* * *

Отношение государства к решению вопросов национальных меньшинств хорошо видно в развитии *культуры и образования* в федерации. Власти ФНРЮ сразу после освобождения особое внимание уделяли становлению образования в стране, а также развитию школ для национальных меньшинств в республиках: албанцев, турок, болгар, венгров, чехов и т.д. В период с 1945 по 1949 г. все вопросы образования и просвещения решали федеральные органы власти. Это касалось программ и планов, учебников, подготовки и назначения кадров, развития системы школ и т.д. В 1946 г. был принят закон об обязательном семилетнем, а в 1952 г. — об обязательном восьмилетнем образовании.

В августе 1945 г. на основании постановления АВНОЮ Министерство просвещения издало "Директиву об открытии и работе школ национальных меньшинств". Везде, где есть хотя бы 20 детей одной национальности, но нет школы, можно было открыть школу на родном языке. Если в селе есть школа, то отделение (класс) для национальных меньшинств открывали для 30 детей. Запись ребенка в такую школу проводилась по желанию родителей. В учебном плане предусматривалось обязательное изучение языка, национальной истории и географии той республики, где была расположена школа. Официальная переписка велась этими школами на языке республики, а школьное делопроизводство — на родном языке[133].

Позже, с 1953 г. школы стали организовываться по территориальному принципу. Учащиеся всех национальностей ходили в одну школу и получали образование в соответствии с их национальной принадлежностью — на сербско-хорватском или, например, на албанском или турецком языках. Широкий круг задач в области народного образования, высокие темпы развития школьной сети, резкое увеличение количества тех, кто садился за парты (включая и взрослое население), придали в послевоенной Югославии исключительную остроту и без того сложной и неотложной проблеме подготовки педагогических кадров. Острота ситуации с кадрами была тесно связана с тяжелым наследием войны. Если до войны в начальных школах на одного учителя приходилось около 40 учащихся, то после освобождения эта норма составляла в среднем 60 человек, а в некоторых республиках, например, в Боснии и Герцеговине, она доходила до

inslav

150—200 учащихся. Немало трудностей испытывали средние общеобразовательные и профессиональные школы[134]. Сразу же после войны заработная плата педагогического персонала выплачивалась из республиканских фондов, а впоследствии из средств фондов общин. На первых порах вследствие нехватки квалифицированных учителей возникли огромные трудности в преподавании на албанском языке, поэтому подготовка учителей осуществлялась на всевозможных краткосрочных курсах, куда принимались лица с различным уровнем образования.

Рассмотрим решение проблем образования в многонациональной среде на примере автономных образований и нескольких республик.

У самого многочисленного в Югославии албанского национального меньшинства накануне второй мировой войны не было ни одной школы с обучением на родном языке. То же самое можно сказать и о турецком, болгарском национальных меньшинствах в довоенной Югославии. Кстати, больше всего школ было у немецких жителей[135]. Сведения об уровне образования в Косове и Метохии разнятся. Синан Хасани, один из политических руководителей Косова и член Президиума СФРЮ, писал, что до войны в Косове было 84,3% неграмотного населения, что существовало 294 четырехлетние школы, три гимназии и восемь профессиональных школ, язык обучения которых не уточнил[136]. Согласно другим данным, среди албанского населения неграмотность составляла 90%[137]. На заседании Скупщины Сербии в 1948 г. отмечалось, что до войны в начальных школах края обучалось 11 876 детей албанцев, а уже в 1944/1945 гг. это число выросло до 124 17[138]. Албанцы получили языковое равноправие, которое гарантировалось конституцией и уставом автономной области, подтвержденное ведением административных дел на албанском языке на всех уровнях. Местные власти так широко трактовали свои права, что албанский язык сразу после войны объявили обязательным языком на территории Косова и Метохии. Вмешательство министерства образования остановило этот процесс. На очень короткое время в КиМ сербскохорватский язык был введен как обязательный[139].

В 1945/1946 учебном году в КиМ работали 388 начальных и 11 средних школ, занятия посещали 55 120 учащихся. Из них 24 538 учились на албанском языке, 30 582 — на сербскохорватском[140]. В 1947 г. в Косове и Метохии были открыты еще 243 начальных школы, 1 гимназия и 1 учительская школа, 88 читален. Во всех школах для албанских детей обучение проходило на албанском языке. Всего на территории Югославии в 1946/1947 учебном году на албанском языке обучались 59 403 детей[141]. Однако не все дети албанской национальности посещали даже начальную школу. В среднем среди детей от 11 до 14 лет об-

inslav

разованием в крае были охвачены 72,4% детей, а среди албанцев этот процент был значительно ниже[142]. У албанских семей не принято было отправлять в школу девочек, поэтому в 1948 г. 78,4% женщин автономии оставались неграмотными[143].

В связи с отсутствием кадров учителей правительство разрешило преподавать учителям из других стран, например, Албании, Болгарии, и только после 1950 г. эта практика была запрещена. Как правило, приезжие учителя пользовались албанскими или болгарскими учебниками и программами.

Усилия государства дали достаточно быстрые результаты: за первые десять лет число учащихся начальной школы в Косове выросло до 202 тыс.[144] Доступ выпускников восьмилетних школ во все учебные заведения второй ступени был свободен. Исключение составляли художественные школы, зачисление в которые осуществлялось после успешно сданных специальных экзаменов.

Во втором автономном образовании, в Воеводине, в 1946/1947 учебном году в 208 начальных и 31 средней школах обучались 42 796 детей на венгерском языке, в 1949/1950 г. их численность увеличилась до 47 473 человек[145]. Кроме того, существовали школы на румынском языке (в 1946/1947 учебном году — 37 начальных, 5 средних и одна учительская школы), на болгарском (95 начальных, 2 средних, 1 учительская), турецком (70 начальных, 1 средняя), чешском и словацком (53 начальных, 6 средних и 1 учительская), русинском (8 начальных и 2 средних)[146]. Посол СССР в Югославии А.И. Лаврентьев записал во время беседы с И. Броз Тито в апреле 1946 г. слова лидера Югославии о том, что "в Югославии венгры имеют свои школы, свои гимназии, и никакой дискриминации, как к национальному меньшинству, не проводится"[147].

На языках национальных меньшинств работало 7 театров, 35 культурных обществ[148], выходили книги, журналы и газеты. Значительно выросли тиражи книг на албанском языке и языках других меньшинств. В 1947 г. на венгерском, албанском и румынском языках вышло 45 книг общим тиражом 213 950 экземпляров, в 1949 г. число изданных книг увеличилось до 152. В 1948 г. на венгерском языке выходило 12 газет и журналов, на албанском — 10, на румынском — 3 После 1945 г. существовала тенденция ежегодного увеличения количества изданий. В 1949 г. по сравнению с 1945 г. число изданий на венгерском языке увеличилось на 10 именований, на албанском — на семь, на румынском — на два[149].

В Словении, которая была в годы войны оккупирована фашистами и разъединена, были уничтожены все словенские школы. Вместо них создавалась сеть немецких образовательных учреждений в Штирии и Верхней Крайне, областях, присо-

inslav

единенных к "третьему рейху". Прекумье отошло к венграм, и в школах этого региона насаждался венгерский язык, были уничтожены все югославские учебники. Во Внутренней и Нижней Крайне (включая Любляну), попавших под управление итальянцев, тоже вводились новые правила изучения языков, прежде всего итальянского. После окончания войны все школы Словении были провозглашены государственными, преподавание в них стало вестись на словенском языке. В Любляне и Мариборе восстановлены классические гимназии, с 1947 г. были созданы вечерние рабочие гимназии, с 1948 г. начали работать профессиональные средние школы. Национальные меньшинства в Словении (итальянцы, венгры) имели возможность изучать в школе родной язык[150].

В Хорватии имеются данные по школам для представителей национальных меньшинств в 1951/1952 учебном году. Тогда работали 38 начальных и средних школ, 3 гимназии, 1 учительская школа, 7 специализированных школ для итальянских детей, 27 школ для венгров, 14 — для чехов, 2 — для словаков и 2 для русинов[151]. Эти же национальные меньшинства имели свои газеты на родном языке[152].

В Боснии и Герцеговине не было разделения на национальные школы — все школы работали по единой государственной программе на сербскохорватском языке.

* * *

В разрушенной послевоенной Югославии политическая консолидация как условие быстрого послевоенного восстановления страны затмевала, отодвигала на второй план национальный вопрос. Эйфория построения нового социалистического общества давала многим в стране уверенность в том, что все трудности и противоречия будут преодолены, что страшная война была последней в их жизни. А с ней ушли в прошлое и межнациональные распри, противоречия и раздоры. Из концепции "народного государства" и "народной демократии" вытекала формула о социальной однородности общества. Индивидуализму, который приравнивался к национальному традиционализму, противопоставлялся коллективизм, который сможет преодолеть национальные различия в процессе строительства и упрочения политического строя. КПЮ всегда очень остро реагировала на любые проявления национализма в культуре, науке и политике, полагая, что революционный централизм и "уравниловка" в межнациональных отношениях могут быть гарантией национального равноправия. В стране очень много делалось для создания национальных кадров, для помощи слаборазвитым республикам и краям, для выравнивания экономических уровней регионов.

inslav

В 1948 г. Тито самонадеянно полагал, что "национальный вопрос решен, притом решен очень хорошо, к общему удовольствию всех наших народов". Под этим подразумевалось "внутреннее единство, конструктивное братство и единство народов"[153]. Национальная свобода виделась, таким образом, осуществленной через идею братства, единства и равенства людей всех национальностей Югославии.

Однако последние исследования и документы показывают, что в стране оставались многие нерешенные вопросы, связанные с гетерогенной этнической и религиозной структурой населения почти на всей территории Югославии. Уже в первое послевоенное десятилетие обозначились проблемы, которые можно объединить общим названием "национализм". Последний не был однородным и однозначным на всей территории федерации. Он проявлялся в виде как отношения одних этносов к другим, так и отношений к республиканской или центральной власти, т.е. приобретал вид сепаратизма. Груз копившихся межнациональных противоречий так и оставался грузом, до поры до времени не дававшим о себе знать. Нерешенные или нерешаемые национальные противоречия на территории большинства республик в первые послевоенные годы оставались миной замедленного действия, которая, как это было в Косове и Метохии, взорвавшись в начале 80-х годов XX в., сдетонировала в 90-е годы и привела к серьезным негативным последствиям, которые способствовали, наряду с другими факторами, распаду федерации.

[1] *Богдановић Д.* Књига о Косову. Београд, 1999. С. 236.

[2] Драголюб (Дража) Михайлович — сербский генерал, военный министр югославского эмигрантского правительства в Лондоне, руководитель формирований четников в 1941—1945 гг. См. подробнее: *Јовановић Ж.С.* Неостварени циљеви Драже Михајловића. Београд, 2001; *Димитријевић Б.* Ђенерал Михајловић: Биографија. Београд, 2000; *Николић К.* Савременици о генералу Михајловићу. Нова Пазова, 2002; Движение сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в годы второй мировой войны 1939—1945 гг. М., 1995.

[3] Цит. по : Политика. Београд, 1948. 31 окт. С. 1.

[4] Jugoslavija 1918—1984 : Zbirka dokumenata / Petranović B., Zečević M. Beograd: Rad, 1985. S. 483.

[5] Ibid. S. 537.

[6] Ibid. S. 538.

[7] Ibid. S. 546.

[8] Okovana Bosna: Razgovor / Zulfikarpašić A., Gotovac V., Tripalo M., Banac I. Zürich, 1996. S. 25.

[9] Jugoslavija 1918—1984 : Zbirka dokumenata... S. 546.

[10] Ibid. S. 623.

[11] НОБ — народно-освободительная борьба.

[12] Jugoslavija 1918—1984: Zbirka dokumenata... S. 620—621.

inslav

[13] Нова историја српског народа / Батаковић Д. Београд, 2002. С. 344.
[14] Okovana Bosna... S. 25.
[15] *Boban Lj.* Hrvatske granice od 1918 do 1993. Zagreb, 1993. S. 51.
[16] Цит. по: *Boban Lj.* Op. cit. S. 53—54.
[17] *Петрановић Б.* Југословенско искуство српске националне интеграције. Београд: Службени лист, 1993. С. 83.
[18] *Попов Ч., Попов Ј.* Аутономија Војводине. Српско питање. Сремски Карловци, 2000. С. 83.
[19] *Петрановић Б.* Југославија на размеђу (1945—1950). Подгорица, 1998. С. 364.
[20] Там же. С. 365.
[21] Там же. С. 363.
22.Нова историја српског народа... С. 345.
[23] *Boban Lj.* Op. cit. S. 57.
[24] Jugoslavija 1918—1984: Zbirka dokumenata... S. 620—621.
[25] *Петрановић Б.* Југословенско искуство... С. 84.
[26] Нова историја српског народа... С. 344—345.
[27] Там же. С. 347.
[28] *Boban Lj.* Op. cit. S. 58.
[29] Ibid. S. 92; Нова историја српског народа... С. 347.
[30] Конституция Федеративной Народной Республики Югославии // Конституция и основные законодательные акты Федеративной Народной Республики Югославии. М., 1956. С. 9.
[31] Карманный статистический справочник ФНРЮ 1957. Белград, 1957. С. 40; *Velat D.* Stanovništvo Jugoslavije u posleratnom periodu: Grafički prikaz statistike stanovništva. Beograd, 1988. S. 28—32; *Валев Э.Б.* Югославский клубок // География. М., 1996. Февраль. № 5 (117—118). С. 5, 7—9; № 13. С. 2—4; данные Союзного статистического института.
[32] Stanovništvo Jugoslavije u posleratnom periodu: Grafički prikaz statistike stanovništva. Beograd, 1988. S. 139.
[33] См.: *Петрановић Б.* Југославија на размеђу... С. 368—369.
[34] Savez komunista Jugoslavije i politika nacionalne ravnopravnosti na osnovama socijalističkog samoupravljanja: Izbor tekstova. Beograd, 1982. S. 120—121.
[35] *Иосип Броз Тито.* Избранные статьи и речи. М.: Политиздат, 1987. С. 134.
[36] Jugoslavija 1918—1984: Zbirka dokumenata... S. 624.
[37] Социалистическая Федеративная Республика Югославия (с 1963 г.)
[38] *Петрановић Б.* Југословенско искуство... С. 108.
[39] Цит. по: Нова историја српског народа... С. 347.
[40] Цит. по: *Терзич С.* Историческая подоплека событий в Косово и Метохии // Обозреватель. М., 1998. № 10. С. 40.
[41] Там же.
[42] Письмо Э. Ходжи в ЦК ВКП(б) о предыстории возникновения косовского вопроса и методах его решения // Восточная Европа в документах российских архивов 1944—1953. Т. II: 1949—1953. М.; Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. С. 207.
[43] Албанские.
[44] Косово и Метохија у великоалбанским плановима 1878—2000. Београд: Инст. за савремену историју, 2001. С. 136.
[45] Там же.
[46] Jugoslavija 1918—1984: Zbirka dokumenata... S. 625—626.

inslav

[47] Косово и Метохија у великоалбанским плановима.... С. 141—142.
[48] Jugoslavija 1918—1984: Zbirka dokumenata... S. 628.
[49] *Петрановић Б.* Југословенско искуство... С. 109.
[50] Цит. по: Там же. С. 107.
[51] *Avramov S.* Postherojski rat Zapada protiv Jugoslavije. Veternik: LDI, 1997. S. 123.
[52] Нова историја српског народа... С. 345.
[53] Велика Албанија: замисли и могуће последице. Београд: Инст. за геополит. студије, 1998. С. 35.
[54] *Глигоријевић.* Југословенски национализам и комунизам (бољшевизам) као дезинтеграциони фактори // Европа и Срби. Београд: Историјски инст. САНУ, 1996. С. 506.
[55] *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 96.
[56] Письмо Э. Ходжи в ЦК ВКП(б) о предыстории... С. 211.
[57] Восточная Европа в документах российских архивов 1944—1953. Т. 1. 1944—1948. М.; Новосибирск, 1997. С. 477.
[58] Косово и Метохија у великоалбанским плановима... С. 141, примеч.
[59] Четврто заседање Народне скупштине Народне Републике Србије // Политика. Београд, 1948. 31 окт. С. 1.
[60] Нова историја српског народа... С. 345—346.
[61] Четврто заседање Народне скупштине... С. 1.
[62] Косово и Метохија у великоалбанским плановима.... С. 146.
[63] Там же. С. 134.
[64] См.: *Богдановић Д.* Књига о Косову. Београд, 1999. С. 289.
[65] *Ранковић А.* Дневничке забелешке. Београд, 2001. С. 158.
[66] *Попов Ч., Попов Ј.* Указ. соч. С. 62.
[67] Там же. С. 75.
[68] Jugoslavija 1918—1984: Zbirka dokumenata... S. 622.
[69] *Janjetović Z.* Duhovni profil vojvođanskih Švaba // Tokovi istorije. Beograd, 2000. N 1/2. S. 55.
[70] *Biber D.* Nacizem in Nemci v Jugoslaviji 1933—1941. Ljubljana, 1966. S. 19.
[71] Ibid. S. 66.
[72] *Janjetović Z.* O državljanstvu jugoslovenskih nemaca // Tokovi istorije. Beograd, 2002. N 1/2. S. 33.
[73] Советский фактор в Восточной Европе 1944—1953 гг.: в 2-х т.: Документы. М., 1999. Т. 1: 1944—1948 гг. С. 116.
[74] Там же. С. 132, примеч. 2.
[75] Там же. С. 132.
[76] Военнопленные в СССР. 1939—1956: Документы и материалы. М., 2000. С. 831.
[77] Там же. С. 58.
[78] Там же. С. 790.
[79] Четврто заседање Народне скупштине... С. 2; Stanovništvo Jugoslavije u posleratnom periodu: Grafički prikaz statistike stanovništva. Beograd, 1988. S. 157.
[80] *Попов Ј.* Драма на војвођанском селу (1945—1952). Нови Сад, 2003. С. 14.
[81] *Митровић М.* Србија 1944—1952. Београд, 1988. С. 266.
[82] Четврто заседање Народне скупштине... С. 1.
[83] *Попов Ј.* Указ. соч. С. 15.
[84] *Митровић М.* Указ. соч. С. 266, 269.

inslav

[85] *Попов Ј.* Указ. соч. С. 15.

[86] Там же.

[86] *Попов Ч., Попов Ј.* Указ. соч. С. 93, примеч.

[87] Stanovništvo Jugoslavije u posleratnom periodu... S. 157.

[88] *Тодоровски Г.* Демографските процеси и промени во Македонија од почетокот на Првата балканска војна до осамостојувањето на Македонија. Скопје, 2001. С. 120.

[89] Там же. С. 125.

[90] *Малковски Г.* Политичките партии и организации во Македонија во Втората светска војна 1941 — 1944 година. Скопје, 2002. С. 233.

[91] Антифашистичко собраније на народното ослободување на Македонија. Документи. Скопје, 2001. Т. 1, кн. 6. С. 81.

[92] Македонците и словенците во Југославија. Скопје; Љубљана, 1999. С. 121.

[93] Там же. С. 312.

[94] Антифашистичко собраније... Т. 1, кн. 4. С. 298.

[95] Там же. С. 317.

[96] Stanovništvo Jugoslavije u posleratnom periodu... S. 147.

[97] *Тодоровски Г.* Указ. соч. С. 299.

[98] Там же. С. 293.

[99] Там же. С. 318.

[100] Нова историја српског народа... С. 349.

[101] Члены хорватской фашистской организации.

[102] *Псуњски.* Хрвати у светлости историјске истине. б.м., 1944 (Репринт: Београд, 1992). С. 146.

[103] Там же.

[104] Срби у Хрватској: Насељавање, број и територијални размештај. Београд, 1993. С. 62, 77, 78.

[105] История Югославии. М., 1963. Т. 2. С. 222.

[106] Narodna Republika Hrvatska: Informativni priručnik. Zagreb, 1953. S. 28 — 29.

[107] Нова историја српског народа... С. 346; Narodna Republika Hrvatska: Informativni priručnik... S. 21.

[108] *Обрадовић Ж.* Мањине на Балкану. Београд, 2002. С. 331.

[109] Нова историја српског народа... С. 346.

[110] *Korsky I.* Hrvatski nacionalizam. Zagreb, 1991. S. 84.

[111] Ibid. S. 357.

[112] Ibid. S. 73.

[113] Ibid. S. 107.

[114] *Мартынова М.Ю.* Этнические аспекты современного балканского кризиса: Дисс. д-ра ист. наук. М., 1996. С. 90.

[115] *Валев Э.Б.* Югославский клубок // География. М., 1996. Февр. № 7. С. 9.

[116] *Ćemerlić H.* Postanak i razvoj narodne vlasti i Bosni i Hercegovini za vreme narodnooslobodilačke borbe. Sarajevo, 1951. S. 89.

[117] Цит. по: Нова историја српског народа... С. 346.

[118] Создание организации "Молодые мусульмане" относится к 1939 — 41 гг. См. подробнее: *Trhulj S.* Mladi Muslimani. Zagreb, 1992. S. 12.

[119] Ibid. S. 69 — 70.

[120] *Ćerić S.* Muslimani srpskohrvatskog jezika. Sarajevo, 1968. S. 223.

[121] *Милојевић А.* Етничко и регионално у развоју Босне и Хецеговине // Босна и Хецеговина од средњег века до новијег времена. Београд, 1995. С. 456.

inslav

[122] *Ćerić S.* Op. cit. S. 223.
[123] Okovana Bosna... S. 15.
[124] Ibid. S. 26.
[125] Цит. по: *Зечевић М.* Прошлост и време: Из историје Југославије. Београд, 2003. С. 410.
[126] Там же. С. 412.
[127] Там же.
[128] Там же.
[129] Президент Республики Словении и Президент Словенской Академии наук и искусств.
[130] *Ђосић Д.* Пишчеви записи (1951 — 1968). Београд, 2000. С. 146 — 147.
[131] Там же. С. 216.
[132] *Митровић М.* Указ. соч. С. 107 — 108.
[133] *Стецяк И.П., Мансфельд Д.П.* Школа социалистической Югославии. М., 1976. С. 82 — 83.
[134] Там же. С. 83.
[135] *Емуович Р.* Школьное образование в Югославии. Београд: Междунар. политика, 1964. С. 5.
[136] *Hasani S.* Kosovo: Istine i zablude. Zagreb: Centar za informacije i publicitet, 1986. C. 330.
[137] *Tadić V.* Obrazovanje i kulturni preobražaj Kosova // Kosovo: Prošlost i sadašnjost. Beograd: Međunar. politika, 1989. S. 186.
[138] Четврто заседање Народне скупштине... С. 1.
[139] *Павловић М.* Школство у Србији 1945 — 1950 // Образовање код Срба кроз векове. Београд, 2003. С. 300.
[140] Савез комуниста о недовољно развијеним подручјима. Београд, 1971. С. 190, 193.
[141] Косово и Метохија у великоалбанским плановима... С. 150.
[142] Савез комуниста о недовољно развијеним подручјима. Београд, 1971. С. 191.
[143] Там же.. С. 197.
[144] *Стецяк И.П., Мансфельд Д.П.* Указ. соч. С. 83.
[145] *Павловић М.* Школство у Србији... С. 301.
[146] Там же... С. 302.
[147] Советский фактор в Восточной Европе 1944 — 1953 гг. Т. 1. С. 285.
[148] Там же.
[149] *Стецяк И.П., Мансфельд Д.П.* Указ. соч. С. 151.
[150] *Кириллина Л.А., Чуркина И.В.* Словенская школа в прошлом, настоящем и будущем // Педагогика. М., 1996. № 1. С. 79.
[151] Narodna Republika Hrvatska: Informativni priručnik... S. 320 — 321.
[152] Ibid. S. 331.
[153] Savez komunista Jugoslavije i politika nacionalne ravnopravnosti... C. 123.

inslav

Глава 11

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В БОЛГАРИИ В 1944–1947 гг. ("турецкий" и "македонский" аспекты)

Межэтнические отношения по сей день являются одной из наиболее болевых точек в жизни болгарского общества. Связанные с ними проблемы на отдельных этапах развития страны проявлялись, в силу множества внутренних и внешних факторов, с различной степенью интенсивности, остроты. В одних случаях они, или отдельные их стороны, приобретали взрывоопасный, в других – относительно скрытый, латентный характер, но эти проблемы никогда не исчезали, а неизменно присутствовали и на уровне "высокой" политики, и в повседневной жизни, в массовом сознании населения.

Различны были подходы к их решению. В сфере законодательства правящие верхи, стремясь обрести "европейский имидж", демонстрировали приверженность к утверждению основополагающих гражданских прав и свобод, что нашло свое отражение в конституционных текстах.

Принятая после восстановления болгарской государственности Конституция Болгарского княжества (или Тырновская конституция) действовала с апреля 1879 до декабря 1947 г. (с приостановкой с мая 1934 по сентябрь 1944 г.). В ней были зафиксированы многие универсальные демократические принципы: равенство всех болгарских подданных перед законом, неприкосновенность собственности, недопустимость цензуры и др. Вместе с тем некоторые положения Конституции создавали почву для сращивания межэтнических противоречий с межрелигиозными, что могло привести к их углублению и обострению. Так, в Конституции декларировались свобода вероисповеданий и отправления соответствующих обрядов при соблюдении действующих законов. К последним, в частности, относилась и обязанность каждого болгарского подданного отбывать военную службу. Но, с другой стороны, в отдельной статье Конституции указывалось, что в Болгарском княжестве господствующей религией является восточное христианство (православие)[1]. Тем самым в обществе, где религия играла существенную роль, для православного болгарина создавались некие преимущества при определении своего социального статуса по сравнению с гражданами-"иноверцами".

inslav

Новые правовые нормы, относящиеся к этническим и религиозным правам граждан более развернуто, с учетом перемен, наступивших в стране и в мире, были прописаны в первой республиканской ("Димитровской") конституции, принятой в декабре 1947 г. В ней провозглашалось равенство всех граждан перед законом, недопустимость каких-либо привилегий на основе этнической и конфессиональной принадлежности, происхождения и имущественного положения, запрещались любые проповеди расовой, национальной и религиозной ненависти. Гражданам предоставлялась свобода совести, исповеданий, совершения религиозных обрядов. Национальным меньшинствам было дано право учить родной язык и развивать свою национальную культуру, но при обязательном изучении болгарского языка[2].

Однако конституции определяют лишь правовое поле, в рамках которого должны решаться конкретные проблемы. Способы и очередность их решения устанавливаются нормативными и подзаконными актами (указами, постановлениями, инструкциями и др.), издаваемыми представительной, исполнительной и иной властью в центре и на местах. Для европейских государств, вставших на путь социалистического строительства и оказавшихся в сфере советского ("сталинского") влияния (к таковым относилась и Болгария), главным субъектом управления стали коммунистические партии, действовавшие под "московскую диктовку", хотя и не без попыток сохранить национальное своеобразие, определить собственный путь решения тех или иных проблем общественного развития.

В Болгарии после крушения "реального социализма" политика БКП, в том числе и по национальному вопросу (как в целом, так и по отдельным его аспектам), стала объектом разносторонней критики. Ее носителями стали и откровенные антикоммунисты, и сохранившие верность социалистическому идеалу, но недовольные (или "обиженные") авторитарным режимом Т. Живкова, хотя некоторые из них и входили в свое время в круг его приближенных. Так, бывший секретарь ЦК Болгарской Коммунистической партии (БКП), член-корреспондент Болгарской академии наук (БАН) С. Михайлов писал, что, после того как БКП стала правящей (а произошло это, по существу, 9 сентября 1944 г.), ее политика по этническим проблемам являла собой импровизации, колебания от одной крайности к другой, грубые ошибки. Были здесь и полезные шаги, но, как правило, они были нацелены на исправление ее предыдущих ошибок[3]. Пришедшая к власти в 1944 г. Болгарская компартия не имела ясной программы по национальному вопросу, говорилось в другой публикации[4].

Разумеется, любые политические и управленческие решения, касающиеся и сферы межэтнических отношений, как по

inslav

сути, так и по их практическому осуществлению, не могут быть полностью безошибочными. Но вряд ли в этих ошибках всегда следует видеть некий умысел, сознательное игнорирование национальных интересов. К тому же критиковать задним числом проще.

В рассматриваемый период деятельность БКП как главной составляющей пришедшего 9 сентября к власти Отечественного фронта (коалиции антифашистских общественно-политических сил) и сформированного им правительства протекала в весьма сложных условиях, которые зачастую мало зависели от болгарского руководства. Оно должно было сообразовывать свою деятельность с ведущими силами антигитлеровской коалиции. В конце октября 1944 г. было подписано соглашение о перемирии между СССР, Великобританией и США, с одной стороны, и Болгарией — с другой. По условиям перемирия последняя должна была гарантировать интересы союзников, а эти интересы простирались, помимо прочего, и на некоторые территории Балкан, и, соответственно, на населяющие их этносы. Еще до заключения перемирия Болгария объявила войну Германии, стремясь получить статус "совоюющей" страны в надежде облегчить для себя условия будущего мирного договора. Эти надежды не оправдались, хотя не были удовлетворены некоторые претензии, предъявляемые к Болгарии, особенно со стороны Греции.

Важнейшее значение для Болгарии имело мнение (нередко принимающее форму прямого диктата) советского руководства. Здесь играли роль не только "исторические" факторы: сильные русофильские настроения в болгарском обществе, подогреваемые победами Красной Армии, тесная "привязка" болгарских коммунистов к советским и др., но и реалии, сложившиеся в результате второй мировой войны. Еще до ее завершения между великими державами было достигнуто согласие (главными его субъектами были Сталин и Черчилль) о включении Болгарии в сферу советского влияния, что предопределяло ее будущее как сателлита СССР. Позиции Советского Союза в Болгарии подкреплялись присутствием на ее территории (с сентября 1944 по декабрь 1947 г.) советских войск. Для контроля за выполнением Болгарией условий перемирия была учреждена Союзная Контрольная комиссия (СКК), которую возглавили советские представители. Нужно также учитывать, что интересы СССР на Балканах не ограничивались только Болгарией, простираясь, например, и на Югославию. Они непосредственно касались и некоторых территориально-этнических вопросов, в частности македонского, и болгарское руководство было вынуждено считаться с этим обстоятельством.

inslav

В целом как внутренняя, так и внешняя политика болгарского руководства не была самостоятельной, и причины этого во многом были привнесены извне. Следует также учитывать неоднородность Отечественного фронта, противоречия между входящими в него организациями, наличие оппозиции, которая опиралась на влиятельных зарубежных покровителей и т.д. В этих условиях практически невозможно было привести к общему знаменателю понимание национальных интересов и сообща отстаивать их.

На всем протяжении социалистического строительства в политике БКП по национальному вопросу действительно наблюдались непоследовательность, колебания, смена курсов. Но обычно это происходило в пределах определенной вилки: интернационализм и национализм. На практике между ними не было четко очерченной границы, элементы того и другого могли сочетаться. При этом, несмотря на все колебания в национальной политике, в ней постепенно начал и на практике, и в идеологии осуществляться переход от "священного" для марксизма интернационализма к ранее отрицаемому национализму[5]. Естественно, данный переход поначалу не афишировался и не использовал соответствующих понятий. Выходя за хронологические рамки данной статьи, можно отметить, что в закрытых материалах апрельского (1956 г.) пленума ЦК БКП указывалось на неприемлемость для Болгарии опыта многонационального Советского Союза, ибо у нее свой путь национального развития, направленный на формирование в недалеком будущем "единой болгарской социалистической нации"[6]. Однако в 1944 — 1947 гг., получившие в историографии название периода "народной демократии", в национальной политике все же превалировал "пролетарский интернационализм", правда, не всегда понимаемый и воспринимаемый гражданами и нередко насаждаемый сверху принудительными методами.

* * *

Для Болгарии наиболее сложным, живучим, отягощенным историческим прошлым и не теряющим актуальность вопросом межэтнических и межнациональных отношений является положение в стране турецкого (мусульманского) меньшинства. Рассматриваемый период не был здесь исключением, хотя решение этих вопросов отличалось определенным своеобразием (некоторые подробнее будут изложены ниже).

По данным переписи 1946 г., численность населения в Болгарии составила около 7,3 млн человек, в том числе мусульман — 938,5 тыс., среди которых 675 тыс. (около 9,6% от всего населения) были зарегистрированы как турки. Кстати, в последующих

inslav

переписях, проводимых в социалистической Болгарии, конфессиональная принадлежность граждан не указывалась[7].

За болгарами и их потомками, которые приняли ислам, но сохранили родной язык и элементы национальной культуры, исторически закрепилось наименование "помаки". Они, отмечает Л. Маркова, представляют собой не просто конфессиональное меньшинство, а заняли свою нишу в этническом пространстве страны, находясь в промежуточном состоянии. Помаки дистанцируются и от болгар (по вероисповеданию), и от турок (по языку и культуре). Среди них периодически наблюдаются колебания — от консолидации с турками или же сближения с болгарами-христианами, до усиления тенденции к самообособлению. На "этническое поведение" помаков воздействует их социально-экономическое положение, особенности проводимой в данный момент национальной политики и др.[8]

Среди исследователей не существует единой точки зрения о происхождении турецкого населения в Болгарии и, следовательно, по поводу его национальной идентификации. В. Стоянов считает, что значительная часть этого населения (четко определить ее количество невозможно) — это потомки исламизированного местного населения. Пятивековое османское иго создавало предпосылки для добровольного или принудительного перехода в ислам, причем с течением времени, со сменой поколений, "новообращенные" постепенно утрачивали признаки своей прошлой этнической принадлежности. Но значение исламизации, отмечает автор, не следует абсолютизировать. Большую роль в формировании турецкого — мусульманского меньшинства сыграли пришедшие на Балканы колонисты из Малой Азии. В этом процессе участвовали потомки отуреченных татар, черкесов, цыган, албанцев и других этносов, а также, используя свои методы, представители османской гражданской и военной администрации, мусульманского духовенства[9].

По мнению С. Михайлова, малоазиатские колонисты обрели статус привилегированной народности, но по этническим признакам они не были ни многочисленны, ни однородны. К тому же многие из них женились на болгарках и, таким образом, кровь "пришельцев" и местного населения смешивалась. В целом большинство мусульман на болгарской земле составляли исламизированные болгары (хотя многие из них утратили болгарское самосознание), а после восстановления болгарской государственности их доля в населении страны росла и абсолютно, и относительно[10].

В позиции С. Михайлова достаточно явно просматривается стремление показать, что этнические корни почти всех граждан страны, несмотря на различия в вероисповедании, в родном языке и т.д., являются одинаковыми, конкретнее — бол-

inslav

гарскими. Подобную точку зрения разделяют и некоторые другие авторы. Как, например, отмечают (в негативном аспекте) Н. Крыстева и Б. Асенов, БКП, придя к власти, унаследовала и восприняла тезис о турецком характере болгарских мусульман[11]. Т. Живков, занимавший в Болгарии с середины 50-х до конца 80-х годов XX столетия высшие партийные и государственные посты и стремясь, очевидно, оправдать проводимый им курс на создание единой болгарской нации, писал в своих мемуарах, что Г. Димитров и В. Червенков получили в наследство проблемы, связанные с турками, болгарами-мусульманами и цыганами. Но они не только не нашли решения этих проблем, а, напротив, усугубили их, осуществляя "абсурдную политику" формирования многонациональной Болгарии, что углубляло разделение ее народа и по религиозному признаку, и по образу жизни[12].

П. Младенов, первый президент посткоммунистической Болгарии, а до этого — многолетний член политбюро ЦК БКП и министр иностранных дел, отмечал, что на болгаро-турецкие отношения сильный отпечаток накладывала обоюдная историческая память. Болгары помнили о своем порабощении, а значительная часть турецких националистов, нередко — из правящих кругов, не скрывала свою ностальгию по прошлому, по временам империи. К сожалению, писал П. Младенов, после 1878 г. многие турецкие и болгарские политики не смогли подняться выше взаимной злобы и ненависти[13].

Историческая память не исчезла и поныне. Однако в 1944—1947 гг. отношения между Болгарией и Турцией были, хотя отнюдь и не беспроблемными, но относительно спокойными, без особого "выпячивания" существующих противоречий, взаимных претензий, недоверия, настороженности. И та, и другая сторона были заняты решением более масштабных и актуальных задач, в частности урегулированием своего положения в послевоенном мире, поисками в нем достойного места.

Думается, что именно в период "народной демократии" политика болгарского руководства по отношению к турецкому (мусульманскому) меньшинству была толерантной, довольно благоприятной, во всяком случае по сравнению с годами "реального социализма". Принимались решения и осуществлялись конкретные практические меры по привлечению мусульман к идеям Отечественного фронта, к более активному их участию в общественной жизни. С этой целью БКП в декабре 1944 г. провела конференцию с представителями турецкого меньшинства, в марте 1945 г. — с помаками-коммунистами. Создавались условия для повышения культурного уровня и социального статуса мусульман при сохранении определенных элементов их духовной и бытовой специфики. Открывались новые школы с препо-

inslav

даванием на турецком языке (их содержание взяло на себя государство), расширялись возможности для получения специального и высшего образования. Готовились кадры мусульманского духовенства, функционировали и даже строились новые мечети, создавались турецкие творческие коллективы, велись радиопередачи на турецком языке. В 1945 г. возобновилось издание туркоязычной периодической печати (до этого единственная оставшаяся в стране газета на турецком языке прекратила существование в августе 1944 г.). Местные турецкие крестьяне получили право на пенсию наравне с болгарскими[14]. Все это давало известные основания утверждать, что "демократическое правительство Отечественного фронта поставило национальные меньшинства в отношении родного языка и культуры в равноправное положение с болгарами"[15].

Вместе с тем национальная политика БКП прежде всего по отношению к "своим" туркам носила двойственный характер. Болгарские лидеры не рассматривали (в лучшем случае) Турцию как государство, связи с которым можно строить на основе искренности, добрососедства, а в местных турках не видели граждан, полностью лояльных к власти. Болгарские исследователи Й. Баев и Н. Котев приводят в одной из своих публикаций рекомендации, которые в начале 1945 г. Г. Димитров дал руководству БКП: "Национальным меньшинствам нужно предоставить полные права, но с турками — соблюдать осторожность. Они должны быть равноправными, иметь такие же политические и гражданские права, как и болгары, иметь возможность учиться на своем языке, иметь свои учебники, мечети. Но как турки они не должны представлять никакого особого турецкого национального движения, поскольку иначе будут создаваться условия для турецкой агентуры в стране. А мы хотим вытеснить Турцию из Европы, чтобы она ушла в Азию"[16].

Многие из перечисленных рекомендаций нашли свое отражение в соответствующих статьях болгарской конституции 1947 г. Можно заметить, что в ее первоначальном варианте содержалось положение, согласно которому каждый гражданин может свободно определять свою национальность, однако в окончательный текст оно не вошло[17].

Преобразования, происходившие в Болгарии после 9 сентября, действительно способствовали прогрессивным переменам в социальном статусе турецко-мусульманского меньшинства, улучшали его положение по ряду параметров жизненного стандарта (законодательное закрепление прав и свобод, более свободный доступ к образованию и др.). Но одновременно эти преобразования, часто осуществляемые форсированно, желая обогнать естественное течение исторического процесса, вступали в противоречие с менталитетом мусульман, ломали их веками

inslav

складывавшиеся жизненные устои. Активное привлечение мусульманского населения к строительству нового общества предполагало их участие в различных массовых мероприятиях (вместе с немусульманами и атеистами), включение их в новые формы организации коллективного труда и т.д., что не сообразовывалось с устойчивыми и традиционными мусульманскими традициями. Иногда дело доходило до пропагандистского фарса. Например, на съезде Отечественного фронта представитель 250 тысяч болгарских цыган вызвал турецкое нацменьшинство на соревнование по преодолению неграмотности[18].

Эти и другие подобные явления отторгались значительной частью болгарских мусульман, не способствовали их сближению с болгарами-христианами, подрывали их доверие к власти. Тем самым удобрялась почва для антиболгарской пропаганды, которая осуществлялась как внутри страны (как правило, мусульманскими священнослужителями), так и из-за рубежа, прежде всего из Турции. В литературе отмечалось, что политика Турции по отношению к болгарским туркам отличается последовательностью и целеустремленностью. В ее основе лежат пантюркизм и панисламизм, согласно которым все люди, говорящие на тюркском языке и все мусульмане представляют собой одну нацию. Пропаганда сочеталась с деятельностью на территории Болгарии турецкой военной и политической разведки[19].

Разумеется, это негативно сказалось на болгаро-турецких отношениях, которые стали ухудшаться, особенно с 1947 г. Этому послужило и решение обеими странами своих важных внешнеполитических проблем, задач национальной безопасности. Болгария заключила мирный договор и интегрировалась в зону советского влияния, а Турция в соответствии с "доктриной Трумэна" стала получать помощь от США.

В этой ситуации Турция сочла своевременным актуализировать взятую ей на себя роль покровителя болгарских турок. В 1947 г. турецкая сторона подняла вопрос о положении турецкого национального меньшинства в Болгарии и о возможностях его выезда на "историческую родину". К тому времени среди болгарских мусульман "переселенческие" настроения были достаточно широко распространены, но практическое их воплощение отодвинулось на более поздние сроки.

* * *

Македонская проблема, в которой тесно переплелись этнические и территориальные вопросы, является на Балканах одной из наиболее застарелых и запутанных и вышедшей за рамки названного региона. В ходе освобождения Балкан от турец-

inslav

кого владычества среди главных аспектов этой проблемы обозначились явные или завуалированные претензии ряда государств на македонскую территорию. Обоснованием или оправданием таких стремлений стали, в частности, различные данные о национальном составе ее населения. На это указывает, например, польский историк А. Гиза. В начале XX в. общая численность населения в Македонии составляла примерно 3 250 тыс. чел., и эта цифра считается общепринятой. По сербским оценкам около 2 050 тыс. из них являлись сербами, 230 тыс. — турками, 200 тыс. — греками, 165 тыс. — албанцами и 57 тыс. — болгарами. Напротив, согласно болгарской статистике, Македонию населяли 1 184 тыс. болгар, 490 тыс. турок, 222 тыс. греков, 124 тыс. албанцев и лишь 700 сербов. Иная картина, отличающаяся от первых двух, вырисовывается из греческих данных, по которым в Македонии проживали более 656 тыс. греков, 576 тыс. турок, 455 тыс. сербов. В отдельную категорию "другие" выделены около 92 тыс. чел., к которым причислены "македонские славяне". Наличие болгар не отмечено[20]. Политическая и идеологическая подоплека такой "демографической пестроты" очевидна.

Итоги второй мировой войны закрепили сложившееся ранее разделение Македонии как историко-географической области, занимающей примерно 14% территории Балканского полуострова, и ее населения между тремя государствами. К Греции отошла так называемая Эгейская Македония площадью около 35 тыс. кв. км, к Югославии Вардарская Македония (с сентября 1991 г. — независимое государство Республика Македония) — примерно 26 тыс. кв. км и к Болгарии Пиринская Македония — почти 7 тыс. кв. км.

К наиболее спорным моментам македонской проблемы относятся вопросы о существовании (или отсутствии) самобытной македонской нации и македонского языка. В научной литературе и публицистике по этим вопросам оформился большой разброс мнений, нередко обслуживающих те или иные интересы[21]. В зависимости от внутренней и внешней конъюнктуры меняли свои позиции и отдельные политические и идеологические круги, и "власти предержащие".

Отношение руководства БКП к македонской проблеме строилось прежде всего на установках Коминтерна и указаний советской партийно-государственной верхушки, воспринявшей и отстаивавшей тезис о наличии македонской нации и о будущем решении этой проблемы в рамках Балканской федерации или демократической, социалистической и федеративной Югославии. Как писал по этому поводу болгарский историк профессор Д. Мичев, Коминтерн и советское руководство с начала 20-х годов до начала 40-х годов (этими хронологиче-

inslav

скими рамками ограничивается публикация) никогда не исходили из факта, что Македония была исконно болгарской землей, населенной преимущественно македонскими болгарами, которые "вели кровавую борьбу за свое национальное освобождение и объединение со свободной родиной". Коминтерн и СССР сообразовывались прежде всего с имперскими интересами последнего и тем самым нанесли тяжелый и непоправимый вред "болгарскому национальному делу", — считает Мичев. Значительная историческая вина за это ложится, по его мнению, и на двух генеральных секретарей Коминтерна — болгар В. Коларова и Г. Димитрова[22].

В годы второй мировой войны и после превращения БКП в правящую партию она не внесла принципиальных корректив в свою "македонскую" политику, в определении которой главная роль по-прежнему принадлежала Кремлю, Сталину. Сильное давление испытывала Болгария и со стороны Югославии. Как отмечалось в монографии В. Ангелова, еще во время войны македонский вопрос был объектом закулисных договоренностей между руководствами Югославской, Македонской и Болгарской компартий. Советские верхи пользовались правом "беспристрастного" арбитра по этой "бесспорно несоветской проблеме". Автор утверждает, что БКП предавала национальные интересы, беспрекословно принимая все югославские требования, соглашаясь со всеми "товарищескими" советами, идущими из Москвы и ведя переговоры о будущем Пиринской Македонии за спиной болгарского народа и своих союзников по Отечественному фронту. Вместе с тем югославская позиция по македонскому вопросу являлась четкой и прямолинейной. Была выдвинута идея о создании Южнославянской федерации, в которую могла бы вступить и Болгария, и эту идею полностью (на определенном этапе) разделяла БКП. Что касается коммунистической пропаганды и историографии, то они скрывали факты такого "родоотступного" поведения, защищали версию, по которой партийное руководство ценой больших усилий и компромиссов противодействовало югославскому нажиму и даже отстаивало национальные интересы страны. Подобные утверждения, считает В. Ангелов, лишены аргументов[23].

Другой болгарский автор отмечает, что долгие блуждания БКП в поисках исторической и политической сущности македонского вопроса усилились, когда она стала правящей партией. С одной стороны, БКП восприняла и стала применять на практике доктринерское убеждение, что национальный вопрос (в том числе и македонский) второстепенен, подчинен классовому и интересам социалистической революции. С другой стороны, на БКП и болгарское правительство оказывалось сильное внешнее давление, прежде всего югославским партийным

inslav

и государственным руководством. В результате болгарские правящие круги, особенно БКП, шли на уступки и компромиссы, которые полностью противоречили национальным интересам. Последствия этого недальновидного курса, которые долгое время использовали политики и недобросовестные ученые, и по сей день отягощают отношения между Болгарией и Македонией. В целом же, продолжает автор, политика БКП по македонскому вопросу с 1944 по 1948 г. характеризовалась лавированием, колебаниями, но в конечном счете была воспринята титовская концепция о "македонской" нации в Вардарской Македонии и о "македонском" меньшинстве в Пиринской Македонии. Одновременно София никак не реагировала на репрессии против болгар в Вардарской Македонии. Более того, в Болгарии были закрыты все научные и культурные организации македонских болгар[24].

Между тем, как пишет А. Гиза, после провозглашения (2 августа 1944 г.) в Вардарской Македонии Народной республики Македонии (НРМ) в составе Югославии там поднялся "вихрь македонизма", возведенный в ранг государственной доктрины. Начались "небывалые репрессии против всего болгарского, всех лиц с болгарским самосознанием". Вплоть до начала 90-х годов действовал закон о македонской национальной чести, предусматривающий тюремное заключение каждого, кто "осмеливался ощущать себя болгарином". В течение десятилетий развивалась "бешеная антиболгарская пропаганда", а ввоз или обладание болгарской литературой или прессой рассматривались как преступление. Усиленно внедрялся искусственный "македонский" язык[25]. Указанное А. Гизой можно, очевидно, рассматривать как одно из проявлений реакции на оккупацию Болгарией Вардарской Македонии в годы войны. Болгарские войска и полиция, отмечали македонские авторы, являлись "вершителями террора над македонским народом"[26].

Для резко негативных оценок, осуждения политики БКП по национальному (включая македонский) вопросу в 1944—1948 гг. были и есть весомые и достаточно аргументированные основания, особенно если "подпитывать" их соответствующей идейно-политической позицией. Думается, однако, что при этом не всегда объективно учитываются факторы, которые связывали болгарскому руководству руки и не позволяли ему, как уже говорилось, проводить в этой области полностью независимый курс. В частности, если даже гипотетически отречься от вмешательства и диктата внешних сил в болгаро-югославские отношения, касающиеся македонской проблемы, никак нельзя пренебречь очевидным фактом, что Болгария в результате второй мировой войны оказалась в числе побежденных, а Югославия, Й. Броз Тито пользовались (вполне заслуженно)

inslav

лаврами победителей и соответствующим авторитетом. Естественно, югославская сторона пыталась извлечь из этого определенные дивиденды. Например, югославское предложение присоединить Пиринскую Македонию к Вардарской мотивировалось стремлением освободить население Пиринской области от тягот выплаты репараций, которые ожидали Болгарию как побежденную страну.

Позицию БКП по македонской проблеме вряд ли можно однозначно считать соглашательской, предательской и т.п. Известно, что договоренности с Югославией достигались под воздействием внешнего фактора. Они часто подвергались корректировке, некоторые из них во многом остались лишь благими пожеланиями, не нашедшими серьезной практической реализации. Такова, например, судьба намерений по созданию южнославянской федерации. В конце 1944 г. Болгария и Югославия обменялись проектами о форме и сроках строительства федерации, причем между сторонами выявились существенные разногласия. Болгарии было предложено вступить в югославскую федерацию со статусом одной из составляющих ее республик. Фактически это означало поглощение Болгарии Югославией. Болгарский вариант предусматривал объединение на паритетных началах — между Югославией в целом и Болгарией. Югославская сторона считала, что федерацию нужно осуществить в кратчайшие сроки (к 31 декабря 1944 г.), чтобы поставить мир перед свершившимся фактом. Болгария же настаивала на более длительном, поэтапном решении вопроса, не отказываясь при этом от тезиса о "македонской нации"[27].

С протестом против форсировнной федерализации Болгарии и Югославии выступила поддержанная США Англия. Явно не в их интересах было создание южнославянского государства, включенного в орбиту Москвы и простиравшегося от Адриатики до Черного моря. Англия аргументировала свою позицию тем, что с Болгарией еще не заключен мирный договор и она не вправе проводить самостоятельную внешнюю политику. Сталин не мог игнорировать мнение своих союзников и поэтому Тито и Димитров получили в Москве инструкции, согласно которым были обозначены три этапа развития болгаро-югославских отношений: восстановление в ближайшее время дипломатических связей; заключение с истечением известного времени договора о сотрудничестве и взаимной помощи; и, наконец, создание федерации (сроки при этом не определялись). По существу было одобрено болгарское предложение о поэтапном создании федерации[28].

В то же время БКП, с учетом изменившихся условий, предприняла попытки перевести коминтерновско-сталинские политические и идеологические установки по македонской проб-

inslav

леме в плоскость более конкретную, включая практическую. Официальная София приветствовала создание Народной республики Македонии (НРМ). В программной декларации болгарского правительства от 17 сентября содержался призыв к окончательному решению македонского вопроса путем предоставления македонскому народу права на самоопределение. Один из видных деятелей БКП (член политбюро) В. Поптомов заявил, что македонцы обособились как отдельный народ. Македонские славяне имели нечто близкое с болгарами, но таковыми не являлись[29].

Подобные заявления, а их было немало, представляли важный элемент пропагандистско-разъяснительной работы по обоснованию реального курса БКП в македонской проблеме. Одним из главных пунктов этой политики стал курс на предоставление Пиринской Македонии национально-культурной автономии. Он стал оформляться уже в конце 1944 г., но наиболее полное, концентрированное выражение, как руководство к практическим действиям, получил на X пленуме ЦК БКП в августе 1946 г. В докладе Димитрова говорилось, что основная часть македонского народа уже организовалась в государственном и национальном отношении в НРМ, которой предстоит объединить и другие части этого народа. Неправильно, — заявил докладчик, — употреблять определения "Вардарская Македония", "Пиринская Македония", "Эгейская Македония", ибо нет трех Македоний, а есть только одна. Применительно к Пиринской Македонии недостаточно декларировать, что македонцы — это отдельный народ, что они — не сербы, не болгары, а именно македонцы. Нужно готовить македонское население Пиринского края к предстоящему присоединению к НРМ. Для этого необходимо обеспечивать культурное приобщение болгарских македонцев к НРМ через усвоение македонского языка, популяризацию македонской литературы и истории, осуществление других мер, способствующих развитию македонского национального самосознания и т.д.[30]

При осуществлении мероприятий, направленных на македонизацию Пиринской области, часто использовались принудительные административные методы, угрозы исключения из партии, увольнения с работы, что по существу означало лишение людей жизненных перспектив или, напротив, давало возможность продемонстрировать свою "верность курсу", сделать карьеру. Все это проявилось при проведении переписи населения в конце 1946 г., когда 160,6 тыс. (или 63,6%) жителей Пиринского края зарегистрировались как "македонцы", но 132 тыс. из них указали, что их родным языком является болгарский[31].

Следует добавить, что македонская политика БКП критиковалась оппозиционными силами. Они в своих печатных орга-

inslav

нах утверждали, что македонская нация и македонский язык никогда не существовали, а являются вымыслом сербских "коммунистов-империалистов". В адрес болгарских коммунистов отмечалось, что они говорили о "македонских славянах", но стыдились признать, что это — македонские болгары и в Македонии говорят не на македонском, а на болгарском языке[32]. Но оппозиция не имела достаточных возможностей, чтобы реально повлиять на национальную политику БКП.

После подписания мирного договора курс на культурное сближение македонского населения Болгарии и НРМ продолжался. В Пиринском крае в болгарских школах вводилось изучение македонского языка и истории, открылся македонский театр и др. Не был снят и вопрос о федерации, но публично об этом предпочитали не говорить. Разрыв отношений между Югославией и СССР (соответственно и с Болгарией) отложил этот вопрос на неопределенное будущее (до возвращения Югославии в социалистический лагерь)[33].

* * *

Спустя годы академик И. Димитров заявил, что современному болгарину необходимо чувство национального достоинства, исключающее как высокомерие, так и нигилизм или ощущение малоценности. Сознание болгар еще долго будут угнетать неосуществленное национальное единство. Верно, что и другие народы его не осуществили, но у каждого голова больше болит о своем. Он добавил также, что мирные конференции и договоры — это не академические форумы и научные монографии, и являются выражением силы, военной победы, а не справедливости, истины[34]. Если признать правоту этого высказывания, то национальные проблемы в Болгарии, связанные с отношениями к нацменьшинствам и соседям, не найдут, по крайней мере на уровне массового сознания, полного (если таковое вообще возможно) решения в обозримом будущем.

[1] Български конституции и конституционни проекти. С., 1990. С. 24—26.

[2] Там же. С. 49—51.

[3] *Михайлов С.* Възрожденският процес в България. С., 1992. С. 211.

[4] *Кръстева Н., Асенов Б.* Потурчване-II. С., 1993. С. 7.

[5] *Димитров И.* Всичко тече... Спомени. С., 2000. С. 128—129.

[6] *Маркова Л.В.* Болгары-мусульмане (помаки) // Этнические меньшинства в современной Европе. М., 1997. С. 157.

[7] Очаги тревоги в Восточной Европе. М., 1994. С. 219—220; *Стоянов В.* Турското нселение в България между полюсите на етническата политика. С., 1998. С. 99.

[8] *Маркова Л.В.* Указ. соч. С. 131.

[9] *Стоянов В.* Указ. соч. С. 21—22.

inslav

[10] *Михайлов С.* Указ. соч. С. 40—41, 59—60.

[11] *Кръстева Н., Асенов Б.* Указ. соч. С. 7.

[12] *Живков Т.* Мемоари. С., 1997. С. 444.

[13] *Младенов П.* Животът — плюсове и минуси. Русе, 1992. С. 105.

[14] Турецкое меньшинство в Народной Республике Болгария. С., 1951. С. 12—13, 52—53; Очаги тревоги в Восточной Европе... С. 221; *Стоянов В.* Указ. соч. С. 96—99; *Калинова Е., Баева И.* Българските преходи 1939—2002. С., 2002. С. 81.

[15] Цит. по: Очаги тревоги в Восточной Европе... С. 221.

[16] Цит. по: *Калинова Е., Баева И.* Указ. соч. С. 81—82.

[17] *Стоянов В.* Указ. соч. С. 99.

[18] Отечествен фронт. 04.02.1948.

[19] *Кръстева Н., Асенов Б.* Указ. соч. С. 17, 22—24.

[20] *Гиза А.* Балканските държави и македонският въпрос. С., 2001. С.28.

[21] *Билунов Б.Н.* К истории македонского вопроса // Очаги тревоги в Восточной Европе... С. 170.

[22] *Мичев Д.* Коминтернтът, БКП и македонският въпрос // България в сферата на съветските интереси. С., 1998. С. 283.

[23] *Ангелов В.* Хроника на едно национално предателство. Опитите за насилствено денационализиране на Пиринска Македония. Благоевград, 1999. С. 3—4.

[24] *Германов С.* Опити за македонизация на Пиринския край // Македонски преглед. С., 2001. Кн. 3. С. 97.

[25] *Гиза А.* Указ. соч. С. 115.

[26] История македонского народа. Скопье, 1975. С. 339.

[27] *Калинова Е., Баева И.* Указ. соч. С. 75—76.

[28] Там же. С. 76—77.

[29] *Ангелов В.* Указ. соч. С. 9—10, 16.

[30] Там же. С. 102; *Калинова Е., Баева И.* Указ. соч. С. 77.

[31] *Ангелов В.* Указ. соч. С. 143.

[32] Там же. С. 83.

[33] *Калинова Е., Баева И.* Указ. соч. С. 78—79.

[34] *Димитров И.* Исторически знания, патриотично и интернационално възпитание // Идеологическите проблеми в творчеството на другаря Т. Живков след XII конгрес на БКП. С., 1982. С. 177, 179.

inslav

Глава 12

ГУЛКОЕ ЭХО ПРОШЛОГО. ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итоги войны и изменение национально-государственной конфигурации региона в конце XX века

Прошлое не уходит бесследно. Оно остается в сознании народа, поворачиваясь к современникам то одной, то другой своей стороной, особенно, если появляются амбициозные политики, кровно заинтересованные в том, чтобы поставить это прошлое на службу своим интересам. Канувшие, казалось, в Лету проблемы под влиянием внутренних или внешних факторов подобно возродившемуся из пепла Фениксу обретают новую жизнь. Нерешенные или кажущиеся таковыми проблемы далекого или близкого прошлого в этом случае начинают опасно перемещаться в настоящее и даже будущее. Такую значимость и актуальность приобрела, в частности, проблема политики по отношению к национальным меньшинствам в странах исследуемого региона, после второй мировой войны вошедшего в сферу советского влияния.

Как было показано выше, Гитлер, реализуя планы передела мира и установления мирового господства, ловко использовал остроту национального вопроса в этом регионе. Учитывая взаимные претензии составляющих его стран, он обещал оказать им помощь в создании держав по образцу и подобию Великой Германии: за счет югославских и греческих земель — Великой Болгарии, за счет территории Чехословакии (затем и Словакии), Югославии и Румынии — Великой Венгрии, а также методом территориальных приращений, в том числе и за счет СССР, — Великой Румынии. В целях дестабилизации обстановки и создания предлога для агрессии фашистская Германия в ряде стран опиралась на немецкое меньшинство, оказавшееся после первой мировой войны за ее пределами и насчитывавшее около 10 млн человек. Из них примерно половина проживала в Чехословакии (3,3 млн) и Польше (свыше 1 млн). Будучи недовольной национальной политикой этих государств, что отчасти было оправданным, и пренебрегая принципами лояльности к странам проживания, немалая часть немецкого национального меньшинства оказалась податливой на идеи национал-социализма и ревизии Версальского договора. Прикрытию сути нацистского "расширения жизненного пространства" служила идеологема "восстановления исторической справедливости",

inslav

"исторического права" и т.п. Для ряда стран рассматриваемого региона вторая мировая война, в качестве предлога которой использовался постулат защиты национальных меньшинств, на деле несла в себе ни с чем не сравнимый заряд этнофобии, расизма и человеконенавистничества. Международная система защиты прав меньшинств, и до этого малоэффективная, вообще перестала действовать.

Вслед за ликвидацией Чехословакии и разделом Польши последовала дележка между Германией, Италией и Венгрией территории Словении. Они, а также Болгария и Албания расчленили югославянские земли. В созданное под патронатом "третьего рейха" Независимое государство Хорватия были включены Босния и Герцеговина и сербский Срем. Многим анклавам меньшинств была уготована судьба лакомой добычи и роль разменной монеты во взаиморасчетах стран "оси" и их союзников.

В трагические итоги второй мировой войны были вписаны огромные людские потери, которые проистекали из гигантских, иногда добровольных, но преимущественно насильственных перемещений населения по пространствам региона согласно политической воле руководителей тоталитарных режимов. Главные направления депортаций и их масштабы определялись принятой как лидерами фашистской Германии, так и сталинским руководством СССР, хотя и с разными идейными мотивировками, установкой на изменение государственных границ и мест расселения народов, а также на принудительную унификацию национального состава. Эта политика проводилась при помощи принудительного очищения территорий, т.е., говоря современным языком, этнических чисток, с последующим, ценою огромных потерь, и лишь частичным возвратом "на свои квартиры" в конце войны. Колоссального масштаба основные межстрановые акции периода войны, не считая различных перемещений внутри отдельных стран, включают по некоторым, несколько округленным данным:

— выселение в 1939—1942 гг. 1,7 млн поляков с отошедших к "третьем рейху" польских территорий;

— депортации и перемещения в 1939—1941 гг. около 1 млн поляков из Западной Украины и Западной Белоруссии, а также беженцев из Польши в северные и восточные районы СССР;

— вывоз в 1940—1944 гг. немцами и зависимыми от них режимами в лагеря уничтожения около 6 млн евреев;

— перемещение в 1940—1944 гг. около 500 тыс. немцев из разных частей региона на инкорпорированные в "третий рейх" территории;

— обмен в 1939—1940 гг. в связи с изменением венгерско-румынской границы венгерским и румынским населением (528 тыс. человек);

inslav

— выселение в 1941 г. венграми, немцами и хорватами сербского населения (273 тыс.);

— бегство поляков (около 200 тыс.) в 1943—1944 гг. с Волыни и Западной Украины в генерал-губернаторство в результате террора украинских националистов;

— эвакуацию и бегство на рубеже 1944—1945 гг. перед приближавшейся Красной Армией 4,5—5 млн немецких граждан с территорий на востоке от Одера (Одры) и Нейсе (Нысы Лужицкой)[1].

После второй мировой войны перекройка территорий в регионе и перемещение этносов продолжались. Согласно данным, приведенным тем же П. Эберхардтом, произошли:

— выдворение и плановое выселение в 1945—1947 гг. около 3,3 млн немцев с переданных Польше территорий в Германию;

— выселение в 1945—1948 гг. около 2,9 млн немцев из чешских приграничных районов в Германию и Австрию;

— выселение после войны около 1 млн немцев из Венгрии, Румынии, Словакии и Югославии в Германию;

— репатриация (экспатриация) и переселение в 1945—1948 гг. около 2,2 млн поляков из Западной Украины и Западной Белоруссии в Польшу;

— переселение в 1944—1948 гг. около 4,5 млн поляков на бывшие восточные территории Германии, переданные по Потсдамскому договору Польше;

— заселение в 1945—1948 гг. чешского приграничья преимущественно чешским и словацким населением (около 2 млн человек);

— послевоенное перемещение населения (1944—1948 гг.) между Румынией и Венгрией (425 тыс. человек);

— выселение в 1945—1947 гг. жившего западнее линии Керзона украинского населения на территорию СССР (500 тыс. человек) и на польские Западные земли (140 тыс. человек);

— переселение в 1944—1948 гг. 171 тыс. венгров из Словакии, Югославии и Закарпатской Украины в Венгрию;

— выселение в 1946—1947 гг. 140 тыс. итальянцев из Хорватии в Италию;

— переезд в 1944—1945 гг. 120 тыс. болгар из Македонии и Греции в Болгарию;

— переезд в 1945—1951 гг. 184 тыс. турок из Болгарии в Турцию;

— заселение в 1944—1948 гг. Воеводины сербами и хорватами (255 тыс. человек) и т. д.[2]

Перечисленные выше народы и меньшинства оказались размещены в пространстве исследуемого региона не так, как до войны, но ни одна из входивших в него стран, несмотря на пертурбации военного времени, не была освобождена от

inslav

присутствия национальных меньшинств. По сводным данным П. Эберхардта, карта расселения этносов в регионе выглядела следующим образом :

Поляки (30 456,7 тыс.) обитали в Польше (29 177 тыс.), в Белоруссии (538,9 тыс.), Украине (363,3 тыс.), Литве (230,1 тыс.), а также в Чехии, Латвии, Румынии, Югославии, Словакии и т.д.

Из 33 144 тыс. украинцев на Украине жили 32 158,5 тыс., в Польше 180 тыс., в Белоруссии 133,1 тыс., в Румынии 60,5 тыс., в Югославии 37,4 тыс., в Словакии 35, 4 тыс. и т.д.

Из 7159 тыс. белорусов в Белоруссии проживали 6532 тыс., на Украине 290,9 тыс., в Польше 170 тыс. и т. д.

Венгры (12 459 тыс.) населяли собственно Венгрию (9686 тыс.), а также располагались крупными массивами в соседних странах — в Румынии (1 587,7 тыс.), Словакии (518,7 тыс.), Югославии (502, 2 тыс.), на Украине (149,2 тыс.) и т. д.

Из 6 861,6 тыс. болгар в Болгарии проживали 6 506,5 тыс., на Украине 219,4 тыс., в Румынии 62 тыс., в Югославии 61,7 тыс. и т.д.

Турки и туркоязычное население, насчитывавшие 915,5 тыс., размещались в Болгарии (656 тыс.) и Югославии (259,5 тыс.).

Из числа сербов и черногорцев (всего 7 583,1 тыс., в том числе сербов 7 085,9 тыс.) в Югославии жили 7 532 тыс., в Румынии 46,5 тыс., в Венгрии 4,6 тыс. Хорваты были расселены по республикам Югославии (3 957,5 тыс.) и в Венгрии (33 тыс.). Македонцы (1 086,8 тыс.) жили в трех странах: в Югославии (893,2 тыс.), Болгарии (187,8 тыс.) и Албании (58 тыс.).

Чехи (9 103,7 тыс.) размещались, кроме собственно Чешских земель (9 023,5 тыс.), в Словакии (45,7 тыс.) и Югославии (34,5 тыс.).

Словаки (3 995,2 тыс.) были основным населением Словакии (3560,2 тыс.), проживали в Чехии (276 тыс.), в Югославии (85 тыс.), в Венгрии (30,7 тыс.), в Румынии (23,3 тыс.) и Польше (20 тыс.)

Албанцы (2103,3 тыс.) составляли абсолютное большинство населения Албании (1349,1 тыс.) и значительный анклав в Югославии (754,2 тыс.)[3].

Поднятая глобальным противостоянием с самых мрачных глубин исторической памяти агрессивность, крайняя напряженность разрушительных эмоций в зонах сгона с насиженных мест меньшинств сыграли свою пагубную роль в формировании имевшего политическую обусловленность стремления использовать межэтническое "сведение счетов". Разумеется, после бесчисленных военных преступлений гитлеризма было невозможно рассчитывать на быструю нормализацию межнациональных отношений. Немецкому народу, немецкоязычно-

inslav

му населению война принесла горькую расплату за них. Исход немцев начался значительно раньше, чем конференцией руководителей трех великих держав в Потсдаме в августе 1945 г. было принято соответствующее решение, которое затем было оформлено Союзным Контрольным Советом 20 ноября 1945 г. в виде специального постановления об организации перемещения немецкого населения из Чехословакии, Польши и Венгрии в оккупационные зоны Германии. При проведении этих решений применялся принцип коллективной ответственности, подмявший как виновных, так и невиновных, проводилась встречная этническая чистка, как правило, реализовывавшаяся силовыми методами на волевой, эмоциональной, а не на правовой основе. Метод встречных переселений и этнических чисток приводил к снятию одних антагонизмов за счет появления других в результате нового ущемления прав меньшинств. Оставшиеся немцы и коренные жители принуждались к ускоренной ассимиляции. К концу 40-х годов немцы как главные агрессоры, виновники всех бедствий почти исчезли из региона, покинув исторические места многовекового расселения. Массовый исход немецкого населения с этих территорий увлек с собой почти 13 млн человек. Доля оставшихся немцев среди населения упала до 0,5%. Оставшиеся представители немецкого меньшинства были преимущественно рассеяны, стали бесправными и уже не воспринимались как реальная угроза.

Определенное исключение на общем фоне составляли Венгрия и Румыния. Хотя Потсдамский договор предусматривал выселение всех немцев, венгерское руководство решило освободиться лишь от тех из них, кто не гарантировал соблюдения лояльности. В результате сразу после войны из Венгрии было выселено только несколько более половины немецкого населения. Еще больше немцев — около трех четвертей — осталось в Румынии, в основном в Банате[4]. Отношения с немцами в этих странах не были столь антагонистичными.

Численность национальных меньшинств в тех государствах, которые, как предполагалось, должны были стать моноэтническими, значительно сократилась. В Польше, Венгрии и двунациональной Чехословакии она составила 2—5% населения, хотя в значительной степени номинально в связи с "добровольно-принудительной" ассимиляцией и отказом от их учета. Часть одних меньшинств (украинцы, белорусы, литовцы, венгры, немцы, евреи) оказалась в границах своих государств, другая подверглась ассимиляции. На положении национальных меньшинств после второй мировой войны оказались в Югославии отделенные от основной нации албанцы, венгры, турки, румыны, словаки, итальянцы, русины; в Болгарии — турки, румыны, поляки; в Венгрии — словаки, немцы, румыны; в Румы-

inslav

нии — венгры, немцы, сербы, словаки, русины, армяне; в Польше — украинцы, белорусы, литовцы, словаки; в Чехословакии — немцы, венгры, русины, украинцы, поляки.

Огромные потери в годы второй мировой войны понес еврейский народ. В регионе это относится в первую очередь к польской территории, где в межвоенный период проживало 2,5—3 млн евреев. В новых послевоенных границах Польши их оказалось всего 50—80 тыс. человек. Более 40 тыс. вернулись из СССР стихийно, а 137 тыс. были перемещены в 1946 г. организованно[5]. Еврейское национальное меньшинство отличалось от других меньшинств особой лояльностью к новым властям и было готово их всячески поддерживать, рассчитывая на помощь в восстановлении имущественных и прочих прав. Властные структуры, в свою очередь, признавали среди населявших Польшу меньшинств в качестве компактной группы именно и только еврейское, дав ему возможность с ликвидацией оккупации восстанавливать политические, экономические, культурные и религиозные организации и издавать несколько десятков периодических изданий. В этом решающую роль сыграли политические расчеты Сталина, видевшего в его кадрах социалистический облик будущего Израиля. Важное значение имело и мировое общественное мнение, готовность международного сообщества всячески поддерживать жертвы холокоста. Польское партийно-государственное руководство не смогло выработать последовательной линии в еврейском вопросе[6]. Прилипший к нему стереотип "жидокоммуны" дискредитировал его в глазах поляков, а с его преодолением связывалась ликвидация барьера отчуждения польского общества от власти. Поэтому так и не был подписан декрет о борьбе с антисемитизмом.

Обострение социально-политической ситуации в стране и не получивший решительного отпора разгул антисемитизма и террора в отношении польского еврейства сигнализировали бесперспективность его борьбы за восстановление своих имущественных и прочих прав, включая обеспечение безопасности. В 1946—1947 гг. давление ранее вполне благожелательных властей на еврейские структуры усилилось, что в немалой степени определялось изменением сталинского курса и борьбой с "космополитизмом" в СССР. Появились признаки ухудшения статуса еврейского меньшинства, жесткого очищения политического и социально-экономического поля от еврейских организаций, стимулирования эмиграции в Палестину, а затем в Израиль. Уже в этот период из 244 тыс. евреев выехали из Польши 120 тыс. Решение еврейского вопроса было ускорено также их эмиграцией в Западную Европу и США[7]. В середине 1949 г. в Польше оставалось около 110 тыс. евреев. Это способствовало дальнейшему ограничению и унификации представи-

inslav

тельства польского еврейства в обществе, сужению независимости религиозной жизни. Оставшееся немногочисленное еврейское население должно было ассимилироваться в идеологическом и национальном отношении, растворяясь в "гомогенном" польском обществе[8].

В других странах региона ему была уготована похожая участь. Доля евреев в его населении в целом сократилась до 0,9% [9]. В Венгрии, откуда в лагеря смерти во второй половине 1944 г. последовала череда транспортов, осталось всего 1,5% евреев, в Болгарии — 10%. Относительно благополучнее сложилась судьба части румынских евреев, поскольку правительство И. Антонеску не приняло на вооружение идею холокоста, и 57% из них уцелело[10].

Послевоенное урегулирование этнонациональных и межгосударственных отношений в изменившейся геополитической обстановке сопровождалось постепенным становлением международно-правовой системы, центром которой стала ООН. Оптимальной разработке и внедрению единой системы прав человека, защиты прав национальных меньшинств помешало начало "холодной войны". В рамках ялтинско-потсдамской системы общественная жизнь все более решительно и последовательно сводилась к общему знаменателю при поддержке идеологемы "дружбы народов". Были заглушены, загнаны внутрь национальные конфликты. Казалось, рассматриваемый регион распрощался с ними. Но это было далеко не так. Опыт многих лет показывает, что табуирование трудных проблем в истории межнациональных отношений не только не смогло вычеркнуть их из общественного сознания, но облегчило мифологизацию и искаженную, одностороннюю интерпретацию, сохранение на долгие годы былых предубеждений.

В сложившихся после второй мировой войны условиях в международном сообществе стало преобладать мнение о целесообразности защиты не коллективных, а индивидуальных прав представителей национальных меньшинств. Считалось, что соблюдение всеобщих прав человека повсюду гарантирует одинаковую правовую защиту для всех, в том числе и малых этнических групп. Такой подход к решению проблемы национальных меньшинств по существу исходил из признания положения о том, что они образуют своеобразный резерв, так называемую пятую колонну для реваншистских устремлений, и поэтому не следует считаться с коллективными правами меньшинства. Так или иначе, в результате многочисленных перекроек государственных границ в XX в. в регионе многие, отделенные от основной части своей нации этнические общности долгое время были лишены коллективных прав. Более того, в большинстве стран даже их гражданские права часто зависели

inslav

от произвола политического руководства страны, в пределах которой они оказались. Положение принципиально начало меняться фактически лишь после принятия 16 декабря 1966 г. Генеральной ассамблеей ООН специальной резолюции, в которой говорилось: "В тех государствах, где живут этнические, языковые и религиозные меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, нельзя отказывать в праве иметь совместную с ними культуру, иметь и практиковать свою религию и использовать свой язык"[11].

Таким образом, международная защита прав национальных меньшинств не достигла того уровня, при котором было бы гарантировано их право на выживание в условиях, когда восстановленные после войны государства рассматриваемого региона, стремившиеся к удовлетворению своих национальных амбиций, добивались подчинения и "ускоренного поглощения" этнических меньшинств господствующими нациями.

В одном из аналитических обзоров ЮНЕСКО справедливо отмечалось, что параллельно с созданием национальных государств в регионе проявила себя "денационализация" малых этносов, что, собственно, было равноценно непризнанию права на жизнь для национальных меньшинств[12]. На них здесь оказывалось не только давление, но применялись самые различные, нередко изощренные средства и методы, чтобы ввергнуть их в подчиненное, бесправное положение.

Анализируя положение нацменьшинств в XX в. в указанном регионе, венгерский исследователь М. Хоппал обратил внимание на то, что политическая элита титульных наций часто прибегала к разобщению, нарушению этнического и территориального единства малых этносов. Он писал: "Национальные лидеры новых малых государств Центральной Европы...преследовали цель создания однородного в культурном и национальном отношении национального государства и ради достижения этой цели использовали все возможные средства"[13]. Неоднократные изменения государственных границ в регионе сопровождались еще и преднамеренным изменением конфигурации административных территорий внутри отдельных стран с целью развести компактно живущие национальные сообщества, переместить их так, чтобы в новых территориальных единицах они оказались в меньшинстве и не получили права на формирование своих органов местной власти.

Замедленное регулирование национального вопроса и прав меньшинств в странах региона, далекое от линейной поступательности, с приливами и отливами авторитарно-тоталитарных акций, растянулось на десятилетия, что наряду с прочим препятствовало процессу оптимального демократического развития этих стран. Жизненно необходимым оставался поиск мир-

inslav

ных путей демократического диалога различных национальных сообществ, конструктивного их сосуществования, недопущения конфликтов и геноцида. Разрешение этого противоречия оставалось крайне трудным. Загонявшиеся внутрь национальные проблемы политического, экономического, культурного, конфессионального плана все более кумулировались, усиливая угрозу грядущей геополитической нестабильности региона. На этой "плодородной почве" паразитировала выросшая и окрепшая в годы "социализма" этнобюрократия, все громче заявлявшая о своих политических амбициях.

Не выдержала испытание временем Социалистическая федеративная республика Югославия, которая состояла из шести республик (Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины, Сербии, Черногории, Македонии) и двух автономных краев в составе Сербии (Воеводины и Косова). Похоже, Югославия держалась как единое государство преимущественно на авторитете Й. Броз Тито и коммунистической идеологии, а также на глубоко укоренившихся в сознании ее народов традициях славянского единства и совместной борьбы против нацизма и его пособников в годы второй мировой войны. Тенденции к развалу федерации начали обнаруживаться вскоре после смерти Тито в 1980 г. Сторонники независимости и суверенитета республик постепенно набирали силу. Непосредственным же внутренним толчком (внешним была "кончина" СССР) стал распад на национальные составляющие в начале 1990 г. Союза коммунистов Югославии.

Пионерами в деле выхода из состава СФРЮ стали почти мононациональная Словения и многонациональная Хорватия. Оформление вопроса об их отделении от Югославии проходило примерно с середины 1990 до середины 1991 года. Обе республики в какой-то мере синхронизировали свои действия. Попытка федерального правительства взять вооруженным путем под свой контроль ситуацию в Словении потерпела неудачу. При этом не обошлось без кровопролития. Уже в январе 1992 г. страны Европейского союза признали Словению суверенным государством. Его главой стал опытный коммунистический функционер, в прошлом председатель ЦК СК Словении, активно выступавший за ликвидацию СФРЮ, М. Кучан[14].

Более кровавым было отделение от Югославии Хорватии, которая, согласно новой конституции, объявлялась "национальным государством хорватов", составлявших к тому времени 78% населения. Хорватские сербы (11% населения), проживавшие в автономной области Краина, выступили за ее присоединение к Сербии. Начались вооруженные столкновения между сербами и хорватами, переросшие в затяжную (1991 – 1995 гг.) межэтническую гражданскую войну, которая

inslav

отличалась большими разрушениями и человеческими жертвами. Несмотря на это, в январе 1992 г. страны ЕС признали Хорватию, как и Словению, независимым государством. Первым ее президентом стал Ф. Туджман, в прошлом коммунист, исключенный из компартии за националистические взгляды, а в 1989 г. основавший партию Хорватское демократическое содружество. В марте 1992 г. в Хорватскую республику были введены миротворческие силы ООН, что несколько охладило межэтнические страсти, однако в мае 1995 г. война возобновилась. Сербы потерпели в ней поражение. Гражданское сербское население (около 180 тыс.) бежало в Боснию и Сербию. Всего же Хорватию покинуло около 500 тыс. сербов. Хорватская республика фактически стала моноэтническим государством: в ней оказалось не более 4% жителей, принадлежавших к национальным меньшинствам.

Не менее трагическим и кровавым было отделение от Югославии многонациональной Боснии и Герцеговины, в которой православные сербы составляли 32% населения, католики-хорваты — 17%, мусульмане славянского происхождения — 44% жителей. Осенью 1991 г. население указанных национальных общин заняло разные позиции в вопросе о дальнейшей судьбе республики: сербы высказались за создание обновленного Югославского государства, хорваты и мусульмане — за независимость Боснии и Герцеговины, которая и была провозглашена в начале 1992 г. Главой государства стал А. Изетбегович, в годы войны сотрудничавший с немцами, а в начале 80-х годов ратовавший за создание исламского государства в Боснии. Страны ЕС почти сразу признали и это новое государство. В республике на национальной почве начались вооруженные столкновения. Воевали "все со всеми": боснийские сербы и мусульмане, хорваты и мусульмане, боснийские сербы и хорваты, и даже мусульмане и мусульмане. Гражданская война, продолжавшаяся до 1995 г., отличалась жестокостью и непримиримостью. "Чересполосное" проживание всех боснийских общин привело к тому, что на первый план в их военном противостоянии вышли соединение национальных анклавов и насильственное изгнание с контролируемых территорий представителей других национальностей, т.е., как и более полувека назад, этнические чистки. Международные планы урегулирования военного конфликта в Боснии (1992—1993 гг.) потерпели крах. В 1994 г. НАТО во главе с США без решения СБ ООН начала активные действия против боснийских сербов. В том же году в Вашингтоне была провозглашена Федерация Боснии и Герцеговины, которая объединила контролируемые мусульманами и хорватами территории. Распад Боснии и Герцеговины становился все более очевидным. Боснийское урегулирование при участии пред-

inslav

ставителей спорящих сторон, США, России и ЕС, привели к возникновению двух государственных образований — Республики Сербской и Федерации Боснии и Герцеговины. Однако этнические чистки продолжались. Война, самая разрушительная в Европе за последние полвека, унесла более 200 тыс. человеческих жизней. Из восточной Боснии было изгнано 800 тыс. мусульман, из ее западной и центральной частей — около 600 тыс. сербов, а также около 300 тыс. хорватов. Фактически и Республика Сербская и обе части мусульмано-хорватского образования стали национально однородными. В первой представители несербского населения составляли не более 10%. Мусульмане на контролируемых ими территориях составляли 80—85%, а в хорватской части федерации проживало около 98% хорватов.

Если другие народы Югославии при ее распаде образовывали свои национальные государства, то сербы, самый многочисленный народ СФРЮ, проживавший в пяти (кроме Словении) республиках федерации, оказались разделенными по разным провозгласившим свою независимость государствам. Основная их часть по-прежнему проживала в Сербии, которая в 1992 г. вместе с маленькой Черногорией образовала на равных началах Союзную республику Югославию (СРЮ), стремившуюся, нередко и вооруженным путем, оказать поддержку своим оказавшимся за рубежом соотечественникам. Сербскую республику возглавил С. Милошевич, в прошлом коммунист, переименовавший компартию в социалистическую. Во главе Черногории стал лидер Союза коммунистов Черногории М. Булатович, трансформировавшегося в 1992 г. в Демократическую партию социалистов. Становление "малой Югославии" происходило в условиях антисербских международных санкций, введенных в мае 1992 г. в наказание за участие ее армии в военных действиях в Боснии и Герцеговине.

В самой Республике Сербской постепенно набирал силу этнический конфликт, связанный с положением в населенном преимущественно албанцами (80%) Косово. Они требовали предоставить краю статус республики, снова, как и в период второй мировой войны, сепаратистские силы взяли на вооружение лозунг создания "Великой Албании". Переговоры между югославскими властями и косовскими албанцами об урегулировании отношений (1998—1999 гг.) не дали желаемых результатов. Ситуация в Косово все более обострялась. Начались боевые действия между Армией освобождения Косово и сербской армией, что привело к агрессии НАТО (март—июль 1999 г.) против Югославии. Ее жертвами стали более 2 тыс. югославских граждан. В Косово были введены многонациональные международные силы (50 тыс.) под руко-

inslav

водством НАТО. Несмотря на это, в крае продолжались массовые насилия, бесчинства, убийства мирных жителей, поджоги и погромы неалбанского населения. Край вынуждены были покинуть 300 тыс. сербов и других жителей-неалбанцев. Очередное обострение ситуации и исход сербского населения пришлись на март 2004 г.

В марте 2002 г. были пересмотрены отношения между Сербией и Черногорией, вследствие чего возникло государство "Сербия и Черногория". Процесс распада "малой" Югославии продолжается.

Македония объявила о своем суверенитете в 1991 г. Ее президентом стал старый коммунистический функционер К. Глигоров, работавший еще с И. Броз Тито. Македонской республике — единственной из республик бывшей Югославии — удавалось до конца XX века избегать военных столкновений, связанных с распадом федеративного государства. Однако в марте 2001 г. она перестала быть оазисом стабильности из-за событий в Косово. В связи с усилением албанского сепаратизма кризис распространился и на Македонию, где почти треть населения составляли албанцы. Его удалось погасить с немалым трудом и далеко не сразу.

Подобно многонациональной Югославии распалась, но без кровавых последствий, и восстановленная после второй мировой войны двунациональная Чехословакия. Взаимоотношения между чехами и словаками в ЧСР (ЧССР) были весьма сложными. Они развивались, с одной стороны, под знаком борьбы чехов за усиление централизованного, унитарного государства, с другой — борьбы словаков за достижение как можно большей самостоятельности в его рамках. 27 октября 1968 г. Национальное собрание ЧССР приняло конституционный закон о чехословацкой федерации, которой словаки добивались еще в конце войны. Закон вступил в действие 1 января 1969 г. Согласно ему, ЧССР превращалась в государство двух равноправных союзных республик: Чешской социалистической республики и Словацкой социалистической республики.

После "бархатной революции" 1989 г. в апреле 1990 г. государство получило официальное название — Чешская и Словацкая федеративная республика (ЧСФР), президентом которой стал драматург В. Гавел, диссидент, правозащитник, в прошлом гонимый коммунистами за вольнодумство. Но сохранить в новой обстановке ослабевшие "брачные узы" уже было трудно. Кроме того, заразителен был пример распавшихся Советского Союза и Югославии. Из стран бывшего "социалистического содружества" Чехословакия последней решила покончить с федерализмом советского образца, который, возможно, и поддавался совершенствованию, но этот путь сохранения единого

inslav

государства был отвергнут как чешскими, так и словацкими элитами.

17 июля 1992 г. словацкий парламент одобрил Декларацию о суверенитете Словацкой республики, что и предопределило распад ЧСФР. 25 ноября 1992 г. Федеральное собрание ЧСФР с перевесом в три голоса приняло закон о прекращении существования чехословацкой федерации. 1 января 1993 г. в результате "бархатного развода" на свет появились Чешская республика и Словацкая республика. Президентом первой снова был избран Гавел, президентом второй стал М. Ковач, в 1970 г. исключенный из КПЧ, один из создателей в Словакии в конце 80-х годов движения Общественность против насилия.

Исследовать причины распада многонациональных государств рассматриваемого региона, базировавшихся на принципе федерализма, — дело историков и политологов, задававшихся, в частности, еще в начале 90-х годов прошлого века вопросом, "в какой степени эти процессы стимулировались старой и новой элитой, равно как и народными массами?"[15] Изучавшая распад Чехословакии Э.Г. Задорожнюк, пишет: "Если в ретроспективе посмотреть на этот процесс, то создается впечатление, что лидеры (элита), с одной стороны, и народы (массы) — с другой, только и делали все возможное, чтобы не допустить распада страны". По ее мнению, бывший премьер-министр ЧСФР ультрарыночник В. Клаус, ныне президент Чешской республики, "провозглашая стратегию на выживание сильнейших", «тщательно ставил акценты на экономических проблемах. Он не выдвигал политических лозунгов о необходимости прямого распада. Но мозаика его действий и инициатив, его экономическая стратегия предполагали такие предпочтения для Чехии, которые не могли не вызвать невротической реакции со стороны лидеров Словакии. В свою очередь, и эти лидеры выдвигали собственную программу, предполагающую решение экономических проблем на "суженном" пространстве — в Словакии». Чехословакия разваливалась, приходит к выводу автор, "во многом вопреки воле ее граждан. Амбициозные политики обвиняют в развале друг друга, но делают это тем более страстно, чем сильнее обосновывали линию на сепаратизм". Президент В. Гавел, по словам Э.Г. Задорожнюк, "не проявил политической мудрости и гибкости", чтобы уберечь Чехословакию от развала. Еще летом 1992 г. многие чехи и словаки надеялись: Гавел удержит страну в целостности. Однако приверженцы Клауса, исповедующие философию свободного рынка, считали лучшим выходом именно разделение. В Словакии "срывал аплодисменты" бывший коммунист премьер В. Мечьяр, начертавший на своем знамени лозунг борьбы с "экономическим экспансионистом" Клаусом. Все это представ-

inslav

лялось "как выражение воли народов"[16]. Как коррелировались действия политических лидеров с этой волей, покажут будущие исследования.

В результате многочисленных пертурбаций второй половины XX века большинство государств рассматриваемого региона, и те, которые остались в пределах своих границ, и вновь возникшие, по существу, или усилили свой мононациональный характер, или превратились в таковые. Исключением здесь оказались, пожалуй, лишь Босния и Герцеговина, а также Македония. Об этом свидетельствуют следующие данные конца XX столетия:

в Болгарии из примерно 8 млн населения 85,3% составляли болгары, 8,5% — турки, остальные — македонцы, цыгане, армяне, русские;

в Боснии и Герцеговине из 3,5 млн человек 44% составляют мусульмане славянского происхождения, 32% православные сербы, 17% католики-хорваты;

в Венгрии (более 10 млн человек) 98% считали себя венграми, прочие — цыганами, немцами, хорватами, румынами, словаками, сербами;

в Македонии (более 2 млн населения) 67% относили себя к македонцам, 29,9% к албанцам, остальные к цыганам, сербам, туркам;

в Польше (более 38 млн жителей) было 97% поляков, 1,3% немцев, 0,6% украинцев, 0,5% белорусов;

в Румынии (свыше 23 млн населения) 89,5% относилось к румынам, 7,1% к венграм, 1,8% к цыганам, 0,5% к немцам, остальные — к украинцам, русским, сербам, словакам, болгарам и пр.;

в Сербии и Черногории (Союзной республике Югославии) проживало около 11 млн человек, в том числе в Сербии — около 10 млн, в Черногории — 654 тыс.; кроме сербов и черногорцев, здесь жили венгры и албанцы;

в Словакии из примерно 5,5 млн населения 85,7% составляли словаки, 10,6% — венгры, 1,6% — цыгане, от 0,1% до 0,6% — чехи, мораване, силезцы, русины, украинцы, немцы, поляки;

в Словении (около 2 млн жителей) 87,8% было словенцев, остальные относились к итальянцам, венграм, хорватам, сербам, боснийцам, македонцам, албанцам;

в Чехии, где проживало более 10 млн человек, 81,2% считали себя чехами, 13,2% — моравanами, 3,1% — словаками, 0,6% — поляками, 0,5% — немцами; остальные относили себя к иным этническим группам[17].

inslav

Послевоенное решение национального вопроса в современных политических баталиях

Память о действительных и мнимых несправедливостях, совершенных в отношении национальных меньшинств после второй мировой войны, на протяжении второй половины XX века нередко осложняла отношения не только внутри многих государств региона, что и привело в двух случаях к их распаду, но и между соседствующими странами, конфликты между которыми, к счастью, носили преимущественно политический характер. В центре "разборок" оказались Германия, Чехословакия (Чехия и Словакия), Венгрия, Польша, Югославия, Албания. В каждой из них были свои политические "ястребы" и "голуби". Верх в зависимости от внутри- и внешнеполитической ситуации брали то первые, то вторые.

Стремление покончить с тяжелым наследием второй мировой войны обозначилось уже в 60-е годы. Первый акт польско-германского примирения имел место еще в конце 1965 г., когда заканчивался II Ватиканский собор и отмечалось тысячелетие христианства. Польские епископы направили немецким коллегам свободное от ксенофобии и национализма послание, перечислив многие польские обиды, но взяв также на себя труд гуманно отделить нацизм от немецкой нации и выразить ей сочувствие по поводу страданий, связанных с насильственным выселением. Они констатировали, что бедствия миллионов немецких беженцев и переселенцев — горький плод истребительной войны, разожженной нацистами, и писали: "...мы протягиваем вам руку, даем прощение и просим о прощении", предлагая начать диалог, который может "дать со временем добрые плоды". 10 февраля 1966 г. польский епископат пояснил: "Есть ли у польского народа причина просить у своих соседей прощения? Определенно нет! Мы убеждены, что как народ мы за долгие века не совершили несправедливости по отношению к немецкому народу... Но мы исповедуем христианский принцип..."[18].

Посетив в 1970 г. Варшаву, канцлер ФРГ В. Брандт преклонил колени в знак покаяния перед польским народом. Жест покаяния и примирения повторил в столице Польши и президент Р. Вайцзеккер, что было принято многими поляками с удовлетворением. В целом польское общественное мнение в середине 90-х годов настроилось, о чем свидетельствует опрос по поводу послания польских епископов 1965 г., следующим образом: четверть поляков полностью одобрило формулу "даем прощение и просим о прощении", половина одобрила прощение, последняя четверть даже через несколько десятилетий не приняла ни то, ни другое[19].

inslav

"Бархатная революция" в Чехословакии (ноябрь 1989 г.) актуализировала и вопрос о политике по отношению к немецкому и венгерскому населению после второй мировой войны. Этот вопрос был поднят сначала политиками, а потом привлек к себе внимание и историков. Первым вклад в разрядку напряжения в отношениях с Германией сделал В. Гавел. Сразу после избрания на пост президента в январе 1990 г. он посетил Берлин и Мюнхен и принес извинения судетским немцам за проявления жестокости во время их послевоенного насильственного выселения, предложив примирение. Не остались в стороне от проблемы и политические партии. Так, например, набиравшая тогда силу Чешская социал-демократическая партия в 1993 г. внесла в свою программу следующий пассаж: "В интересах будущего мы отвергаем какие-либо попытки возвращения к вопросам имущественных притязаний судетских немцев. Прощение, понимание, взаимное и взвешенное извинение справедливее и человечнее, чем раздувание нового пламени имущественных и даже территориальных споров". Указывалось на важность того, "чтобы отношения между чехами и немцами были для Центральной Европы одним из стабилизирующих факторов"[20]. В то время эти положения, видимо, отражали мнение значительной части чешского общества.

Второй президент Словакии Р. Шустер, в юности "сам наблюдавший те дикости, которые порой сопровождали изгнание из родных мест представителей немецкого национального меньшинства", в 1991 г., в бытность главой Словацкого национального совета (словацкого парламента), добился принятия им резолюции, "выражавшей извинения перед депортированными и признания, что во время их исхода из Чехословакии жертвами нередко становились невинные люди". Затем, в начале 2001 г., уже будучи президентом Словакии, он направил письмо Судетонемецкой академии, в котором, в частности, подчеркивал, что "страны, из которых граждане немецкой национальности были насильственным путем переселены, время от времени извиняются за эту трагическую ошибку". И тут же добавил, что "они должны признать свою вину, как это было в вопросе холокоста, и тем самым показать будущим поколениям, что Европа может быть построена на принципах уважения, взаимопонимания и человечности". При этом, реагируя на критику в свой адрес со стороны политических оппонентов, Шустер констатировал, что он считает правильными те меры, "которые были приняты в послевоенные годы по отношению к коллаборационистам", так как эти меры отвечали историческому моменту[21].

Партийно-политические споры вокруг проблемы судетских немцев не утихали и были подхвачены средствами массовой

inslav

информации. В обсуждение проблемы включились журналисты, политологи, социологи, историки и т.д. В 1994 г. Институтом международных отношений Чешской Республики был издан упоминавшийся и широко использованный выше сборник документов "Чехи и судетонемецкий вопрос. 1939—1945 гг.", дающий достаточно полное представление о выработке и эволюции взглядов на решение вопроса о "чехословацких" немцах в военные годы. Институт современной истории АН Чешской Республики провел в 1994 г. на страницах издаваемого им журнала "Soudobé dějiny" заочный форум "О судетонемецком вопросе". Свое мнение высказали 14 ученых, в том числе, пятеро из-за границы, главным образом из Германии. Чешский публицист Б. Долежал, чей предварительно разосланный участникам дискуссии текст и был подвергнут обсуждению, отметил, что до ноября 1989 г. эта тема, по сути, находилась в ЧССР под запретом и поднималась либо эмигрантами, либо официально отстраненными от научной работы после 1968 г., но продолжавшими свою деятельность чехословацкими историками. Принявшая участие в дискуссии группа авторов, ядром которой являлись П. Питхард и П. Пржигода, высказались за принципиальное осуждение выселения немцев, оценивая его, прежде всего, в моральном ракурсе и с точки зрения общедемократических ценностей. Критики "морализирования" (М. Гюбл, В. Курал) обращали внимание на то, что моральному осуждению должен предшествовать подробный анализ происшедшего, что историк обязан рассматривать события в их конкретно-исторической обусловленности. Они полагали, что выселение было хотя и трагическим, но необходимым событием, что иного оптимального решения не существовало, что случившееся в истории уже нельзя отменить и что это даже не в чешских интересах. Долежал, соглашаясь с Куралом в том, что ответ на вопросы, которые ставит история, не может быть результатом лишь морального суда, подчеркивал, что "их перед нами ставит не история, а современность, причем в двух смыслах: как внешнеполитическую проблему, которая может иметь большое влияние на дальнейшую судьбу Чешского государства, и как внутриполитическую проблему с аналогичными возможными последствиями. Основной вопрос, следовательно, не в том, что могли чехи делать тогда, в 1945—1947 гг., а в том, что должны делать теперь, сегодня". "Судетонемецкая проблема, — по мнению Долежала, — для нас является внешнеполитической проблемой: наш путь в Европу не ограничивается членством в европейских институтах. Его первой предпосылкой является исповедание общих ценностей. Выселение было основано на иных ценностях, и если мы хотим его защищать, то не встанем обеими ногами на европейскую почву"[22]. Принявший участие в дис-

inslav

куссии Курал обвинил Долежала в том, что он в своих рассуждениях ограничился, по сути, лишь критикой чешской стороны и что из его поля зрения выпала сторона немецкая, ответственность которой за войну скорее преуменьшена. В логике Долежала, полагал Курал, отсутствует причинно-следственная связь, важнейшим изначальным звеном которой является нацистский режим в Германии, задавшийся целью уничтожить демократическую Чехословакию при поддержке судетских немцев, оккупационная система с ее бесчеловечным террором, а также начатая Германией и ведущаяся крайне жестокими методами война. "Эти главные факторы, — по мнению Курала, с которым можно согласиться, — создали ситуацию, на которую реагировали союзники, и именно они инициировали обрушение устоявшихся моральных ценностей"[23].

С инициативой диалога с судетскими немцами ("Примирение-95") выступил вместе с группой интеллектуалов П. Питхард. Проблему рассматривала двусторонняя чешско-немецкая комиссия историков, представившая объективную картину развития взаимоотношений между чешским и немецким народами, начиная с XIX в., и осудившая эксцессы периода второй мировой войны[24]. Была подготовлена совместная чешско-немецкая декларация, подписанная в январе 1997 г. премьер-министром Чешской Республики В. Клаусом и канцлером ФРГ Г. Колем. Немецкая сторона признала свою ответственность за насилие в отношении чехов, за раздел довоенной Чехословакии, за атмосферу, в которой проводилось выселение сразу после войны. Чехи, в свою очередь, выразили сожаление по поводу тех притеснений и несправедливостей, которые пришлось испытать невинным людям во время выселения. "Обе стороны согласны в том, — говорилось в декларации, — что совершенные несправедливости останутся в прошлом и что они [стороны] ...будут ориентироваться в своих отношениях на будущее. Именно потому, что они помнят о трагических главах своей истории, они полны решимости в дальнейшем отдавать предпочтение в своих отношениях договоренностям и взаимному согласию... обе стороны заявляют, что не будут отягощать свои отношения политическими и правовыми вопросами, проистекающими из прошлого". Был учрежден Чешско-немецкий фонд будущего для финансирования проектов, касающихся общих интересов[25].

Декларация с трудом проходила в чешском парламенте. Часть депутатов, в том числе коммунисты и социал-демократы, потребовала, чтобы она содержала заверения, что материальных претензий с немецкой стороны не последует. Крайне правые встречали Коля, посетившего Прагу в январе 1997 г., выкриками "Deutsche, raus!", "Возвращайся домой, Адольф Гитлер!"[26].

inslav

С тех пор вопрос то поднимался (как правило, на пике политических баталий), то исчезал из поля зрения мировой общественности, а точнее — общественности Германии и Австрии.

Накануне принятия в Европейский союз первых четырех стран Центральной Европы и создания единого правового поля путем унификации странового законодательства с "Европой" снова, подобно бумерангу, вернулась и оказалась в центре внимания политика по отношению к национальным меньшинствам после войны в странах бывшего советского блока. Вновь был поднят вопрос о правомерности выселения судетских немцев и венгров из Чехословакии и об оценке в связи с этим соответствующих "декретов Бенеша" 1945 г. Во время избирательных компаний в ряде стран — Австрии, Германии, Венгрии, Чехии, Словакии — этот вопрос был подхвачен и использован во внутриполитической борьбе, обострив ее. Частью политических сил указанная проблема была объявлена препятствием для принятия Чехии в ЕС.

Организации выселенных из Чехословакии немцев, осевших на территории Австрии и Баварии, неустанно призывали власти потребовать от Чехии восстановления их в правах и возвращения имущества под угрозой блокады ее принятие в ЕС. В 1999 г. нижняя палата австрийского парламента обязала правительство поддержанной всеми партиями резолюцией предпринять действия, ведущие к аннулированию декретов Бенеша. Эти требования получили поддержку на самом высоком уровне. Австрийский канцлер В. Шлюссель и вице-канцлер З. Рис-Пассер, министр иностранных дел Б. Феррер-Вальднер предложили для решения проблемы следующие варианты: отмена декретов и возврат имущества, полная или хотя бы символическая компенсация за его потерю, моральная компенсация в форме извинения, подписание чешско-австрийской декларации по этому вопросу.

В ФРГ правые силы также поддержали требование отмены декретов Бенеша, как воплощения принципа коллективной вины. Наиболее радикальные представители судетонемецкой общины настаивают на возвращении имущества, конфискованного у них и у их предков в 1945—1946 гг., и даже возврата судетским немцам гражданских и политических прав в Чехии. Однако ни официальное руководство Германии, ни ведущие представители ЕС эту позицию не разделяли.

Полемика вокруг декретов Бенеша особенно усилилась весной 2002 г. перед парламентскими выборами в ЧР. В январе этого года премьер-министр Чехии социал-демократ М. Земан в одном из своих интервью назвал судетских немцев "пятой колонной Гитлера" и однозначно одобрил депортацию немецкого меньшинства из Чехословакии, добавив, что если бы их не высе-

inslav

лили, то их ждала бы "смерть за измену родине". Опрос в рамках проекта "Наше общество — 2002" на рубеже марта — апреля этого года показал, что 60% чехов признали выселение немцев справедливым, 67% заявили, что декреты Бенеша должны действовать, хотя они ухудшают отношения с соседями (61% — с Германией, 58% — с Австрией, треть — с Венгрией)[27]. Австрийские и немецкие политики ответили резкой критикой заявлений Земана. Был отменен намеченный на апрель визит в Прагу германского канцлера Г. Шредера. Президент ЧР В. Гавел вынужден был дезавуировать наиболее резкие высказывания чешского премьера. В чешских, немецких и австрийских СМИ возобновилось обсуждение судетонемецкой проблемы. В апреле 2002 г. палата депутатов чешского парламента единогласно приняла весьма умеренное по тону заявление, разъясняющее ее отношение к реституции и декретам Бенеша. В нем отмечалось, что "чехословацкое законодательство 1940 — 1946 гг., в том числе декреты президента республики, возникло, как и в других европейских государствах, в результате войны и поражения в ней нацизма", и что "правовые и имущественные отношения, вытекающие из указанных законодательных актов, являются действительными, неприкосновенными и неизменными"[28].

Тогдашний председатель нижней палаты чешского парламента, а ныне президент ЧР В. Клаус заявил, что чехи должны потребовать от Евросоюза введения в европейское законодательство клаузулы с гарантией сохранения действия декретов Бенеша, чтобы не допустить пересмотра отношений собственности и территориального порядка, установленного после второй мировой войны. Официально занимая позицию вступления Чехии в ЕС, Клаус на предвыборном митинге в Праге 23 апреля 2002 г. под аплодисменты собравшихся даже заявил, что возглавляемая им Гражданская демократическая партия не будет рекомендовать избирателям голосовать на референдуме за вступление в ЕС[29], однако, как оказалось в дальнейшем, это был лишь тактический ход.

Чешское руководство обратилось к державам-победительницам во второй мировой войне и получило поддержку. Во время встречи премьера Великобритании Т. Блэра с М. Земаном и председателями обеих палат парламента в Праге в начале апреля 2002 г. он заявил, что позиция британского правительства не претерпела никаких изменений относительно нерушимости результатов второй мировой войны и решений Потсдамской конференции, а декреты Бенеша не являются препятствием на пути вступления Чехии в ЕС[30]. 17 апреля Прага получила поддержку и со стороны Москвы. Президент РФ В.В. Путин во время визита Земана в Россию высказался против попыток пересмотра результатов второй мировой войны.

inslav

В. Гавел, примерно в то же время выступивший на страницах нескольких европейских газет, предупреждал против становящегося модным реанимирования "старого образа врага" и призвал: "Давайте не допустим того, чтобы это стало началом ужасных процессов на нашем континенте". В связи с превращением имени Бенеша в "страшилку" он счел долгом защитить его как подлинного демократа, ставшего трагической фигурой, "капитулировавшей перед злом" и "постепенно прагматически признавшей собственным убеждением, что прочный мир требует выселения немцев". Как показано выше и как свидетельствуют документы, Бенеш был глубоко убежден в необходимости выселения немецкого меньшинства из Чехословакии, дабы предотвратить возможность повторения Мюнхена. Что же касается декретов Бенеша, то, по мнению Гавела, они по сути уже "мертвы"[31]. Эти акты стали недействительными уже после того, как в конце 1992 г. в Чехословакии была принята Конституционная хартия прав и свобод. Президент ЧР, не поддержав предложения о ревизии декретов Бенеша, вместе с тем не оправдывал несправедливости по отношению к немецкому населению послевоенной ЧСР в ходе его массового перемещения.

Против использования исторического прошлого в качестве политического оружия выступило в апреле 2002 г. и содружество чешских историков, подготовивших обстоятельную брошюру о чешско-немецких отношениях на протяжении веков, в которой обоснованной критике подверглись попытки вырывания событий и фактов из конкретно-исторического контекста и их непрофессионального толкования. Авторы брошюры пришли к выводу, что "критика выселения судетских немцев с точки зрения соблюдения прав человека сейчас, разумеется, возможна, но антиисторична. Обстановка, в которой произошло выселение немецкого населения, была усугублена тотальным попранием общественных и этических норм, причем те, кто принимал решение о переселении и реализовал его, не были виновны в их расшатывании, а, наоборот, стремились достичь новой европейской стабильности[32].

Сходную по сути позицию в оценке прошлого занял и президент Польши А. Квасьневский, который в ряде выступлений и интервью заявил: "Если бы тени прошлого, решения Гитлера или Бенеша, или же решения Рузвельта, Черчилля или Сталина заблокировали бы путь наших стран в ЕС, это означало бы, что мы находимся в шизофреническом мире"[33]. Не ставя под сомнение Потсдамский договор, он подчеркнул, что декреты Бенеша не осложнят вступление Чехии в ЕС, и "было бы непростительной ошибкой, если бы прошлое определяло будущее". Что же касается польских границ и перемещенных людей, то, по мнению Квасьневского, Польша не выселяла своих граждан —

inslav

"о переселении немцев из Польши решали союзники", поскольку "Польша была волей держав-победительниц передвинута на Запад" и "вряд ли этот вопрос в отношении Польши кто-нибудь хотел открывать"[34].

Имело место некоторое смягчение и позиции официальных кругов Австрии по вопросу выселения немецкого населения из Чехословакии. Канцлер В. Шлюссель отказался от намерения решать проблему пострадавших соотечественников в Европейском суде в Страсбурге, поскольку декреты Бенеша появились раньше, чем начала действовать Европейская конвенция по правам человека. Австрийский министр иностранных дел Б. Феррар-Вальднер склонилась к поддержке идеи извинения с признанием, что некоторые из декретов Бенеша несли с собой беззаконие, а их жертвы должны получить хотя бы символическую компенсацию. Она предложила провести встречу австрийских и чешских историков и экспертов, а также выразила надежду на то, что в будущем Чехия сама придет к решению о выплате компенсаций подобно тому, как Австрия оплатила пострадавшим за принудительный труд. В пользу символической компенсации как метода нейтрализации конфликта высказался и председатель оппозиционной социал-демократии Й. Цап[35]. Этот путь в принципе не отвергает и нынешний президент ЧР В. Клаус.

Идея пересмотра результатов второй мировой войны не нашла поддержку и в структурах ЕС. Власти Чехии и Венгрии получили рекомендации не возвращаться к этническим спорам прошлого и сосредоточиться на будущности своих граждан в общей Европе. Комиссар по вопросам расширения ЕС Г. Ферхойген прямо заявил венгерскому министру иностранных дел: "Я настоятельно советую властям Чехии, Венгрии и Словакии, чтобы они слишком не концентрировались на проблеме декретов Бенеша"[36]. Встретившись в Праге с Земаном, он заверил, что эти декреты принадлежат прошлому и не окажут влияния на принятие Чехии в ЕС. В совместном заявлении было зафиксировано, что в настоящее время они не имеют никакого политического значения, а реприватизация, реституция могут касаться только того имущества, которое было конфисковано с 1948 г. Центр тяжести переносился на то, что "...Европа имеет перед собой огромный шанс примирения"[37]. Однако это вовсе не означало, что ЕС занял позицию игнорирования всех политических проблем, связанных с наследием второй мировой войны. Его эксперты продолжают их изучение и ищут инструментарий для их решения. Член Европарламента Д. Кон-Бендит выступил с инициативой решить морально-исторические проблемы при помощи широкой международной конференции с участием ученых, политиков и публицистов, которая выработает единую позицию и подведет жирную черту под прошлым[38].

inslav

На левом крыле международного политического спектра усилились конструктивные настроения. Партия европейских социалистов, имеющая мощные позиции в структурах Евросоюза и самую сильную фракцию в Европарламенте, обозначила свое отношение к проблеме сквозь призму того, что историю нельзя игнорировать, но ее следует рассматривать в контексте прошлого, не реанимируя старые битвы: расширение ЕС ориентировано в будущее, а прошлое не создает почвы для отказа в приеме в него Чехии[39].

Германские власти отказались комментировать вышеуказанное постановление нижней палаты чешского парламента, показав тем самым, что тема выселения немцев не будет доминировать в избирательной компании при представлении программы партии Шредера. Однако следует учитывать, что большинство переселенных немцев живут в Баварии, откуда родом главный конкурент канцлера Шредера на предстоящих выборах Э. Штойбер. И с этим нельзя было не считаться: немецкий бундестаг поручил провести экспертизу декретов Бенеша. Так что, по всей видимости, полемика на этом не прекратится и будет возобновляться всякий раз, когда политики в собственных интересах сочтут это необходимым. Современный опыт решения территориально-этнических проблем под этим лозунгом свидетельствует, что восстановление справедливости по отношению к одним ведет, как правило, к несправедливости по отношению к другим, к несправедливости, которую исправлять уже придется будущим поколениям. Поэтому следует внять призыву одного из участников вышеупомянутого форума по судетонемецкому вопросу в ЧР Т. Станека: «Господа, прекратите, наконец, дискуссии, идите в архивы! Неизученных, чрезвычайно интересных материалов о "судетонемецкой проблеме" там свыше головы»[40].

Не менее бурно после падения коммунистических режимов в 1989 г. обсуждалась и политика чехословацких властей по отношению к венгерскому меньшинству в первые послевоенные годы. Особо активно подключилась к этому обсуждению словацкая пресса и политики, анализировавшие положение венгерского населения в современной Словакии и его будущее. Что касается словацко-венгерских противоречий, то мнения зачастую были диаметрально противоположны, начиная со сглаживания острых углов и даже отрицания самой проблемы и кончая преувеличением и раздуванием этих противоречий. Указывалось на серьезность проблемы сосуществования венгров и словаков в пределах Словакии, поскольку "за границей существует сильное эмигрантское движение, добивающееся того, чтобы венгерское меньшинство выделилось из республики". Вновь, как и сразу после войны, осложнились отношения между Словакией, ставшей самостоятельным государством в январе

inslav

1993 г., и Венгрией. Поездка словацких парламентариев в Будапешт в апреле 1993 г. не прояснила позиций по вопросу нерушимости словацко-венгерских границ и положения венгерского меньшинства. Согласно переписи 1991 г. в Словакии, насчитывавшей примерно 5,2 млн жителей, венграми себя считали около 567 тысяч человек, преобладающая часть которых компактно населяла Южную Словакию[41]. Исследовавшая проблему Г.Ю. Харциева отмечала, что пункт о признании нерушимости современных границ стал камнем преткновения в отношениях Венгрии не только со Словакией, но и с другими сопредельными государствами. Отказ венгерского правительства четко подтвердить, что оно исключает всякую возможность изменения границ, в том числе и мирным путем, рождало сомнения и давало козыри националистическим силам соседних стран. В этих условиях всякий намек на территориальную автономию в Южной Словакии вызывал опасения, что может возникнуть угроза территориальной целостности и политической независимости Словацкой республики[42]. Вопрос о положении венгерского населения в Словакии в конце XX века продолжал будоражить общественное мнение, как в стране, так и за ее пределами, обостряясь главным образом в период избирательных кампаний.

В начале 2002 г. в связи с предстоявшими выборами в венгерский парламент премьер-министр Венгрии В. Орбан активно включился в борьбу за отмену декретов Бенеша, поставив вопрос об отказе принять Чехию и Словакию в ЕС в случае непризнания ими этого требования. В определенной степени острота постановки вопроса была спровоцирована политикой словацкого премьера В. Мечьяра в отношении венгерского населения Словакии: изданием закона о запрещении пользоваться венгерским языком в общественных местах, дискриминационной школьной политикой и пр. При этом Орбан попросил поддержки у руководства держав-победительниц во второй мировой войне — России, США, а также Польши, но не получил ее. Новый венгерский премьер П. Медьеши, теперь уже бывший, смягчил позицию своего предшественника. Он считал неправомерным использование декретов Бенеша в предвыборной борьбе, заявив: "Декреты и их последствия я не считаю справедливыми. Но они должны быть предметом изучения историков"[43]. Уже после первого тура выборов Венгрию посетил и обсудил с президентом Мадлем проблемы вступления в НАТО и ЕС председатель чешского сената П. Питхард. Подчеркнув, что "старые болезни не должны перекрывать путь будущему", а "моральные шаги уместны особенно тогда, когда время в юридическом смысле нельзя повернуть вспять", оба государствен-

inslav

ных деятеля призвали обращаться к прошлому со взаимной доброй волей и снимать такие проблемы методом билатеральных или многосторонних соглашений[44].

После 1989 г. и распада СССР проблематика массовых депортаций населения стала актуальной и в налаживании отношений между Польшей и Украиной. В 1990 г. польский сейм осудил «Акцию "Висла"». Проведенный российскими, украинскими, белорусскими и польскими учеными, в том числе в совместных исследованиях, анализ "освободительного похода" 17 сентября 1939 г. показал подлинный масштаб раскрученных тогда национальных репрессий и репрессий в отношении польского населения. Общий вывод был таков: народы стали объектами манипулирования лидеров СССР и Германии. Соответствующие квалификации содержались в украинско-польской декларации "К согласию и единству" от мая 1997 г. Украинский президент Л. Кучма в предисловии к совместной публикации документов резко осудил политику "сговора двух диктаторов", "плановые массовые репрессии против польских граждан" и примененную к ним после инкорпорации Западной Украины "коллективную ответственность"[45]. В том же году Конгресс украинцев в Польше обратился к властям с требованием ликвидации "некоторых негативных последствий «Акции "Висла"».

Украинский посол в Варшаве А. Мищенко заверил в апреле 2002 г., что украинская сторона определилась "в стремлении откровенно говорить о проблемах в украинско-польских отношениях"[46]. Польша со своей стороны сделала дальнейшие жесты примирения в адрес Украины. В апреле 2002 г. президент РП А. Квасьневский в письме посвященной 55-летию «Акции "Висла"» научной конференции однозначно осудил насильственное переселение 150 тысяч украинцев из юго-восточной Польши. Он заявил: "От лица Речи Посполитой я хочу выразить соболезнование всем тем, кто пострадал вследствие этих позорных действий". Польский президент участвовал в целой серии памятных мероприятий, напоминавших о жертвах национальных противоречий. Организации выселенных украинцев поблагодарили Квасьневского в надежде, что урегулирование отношений найдет свое продолжение[47].

На примирение рассчитывает и польское еврейство. Как заметил директор Еврейского института в Варшаве Ф. Тых, "...сейчас обычный американский или израильский еврей носит в себе меньше обид на немцев, чем на поляков, потому что немцы сразу сказали, что произошло..."[48].

Тенденция к примирению и прощению на европейском континенте и, в частности, в исследуемом регионе пробивает себе дорогу через завалы прошлых обид и претензий народов

inslav

этих стран друг к другу, хотя стремление поставить прошлое на службу интересов разных политических сил все еще дает о себе знать, особенно в республиках бывшей Югославии.

[1] *Eberhardt P.* Między Rosją a Nemcami. Przmiany narodowościowe w Europie Srodkowo-Wschodniej w XX w. W-wa, 1996. S. 342—344.

[2] Ibid. S. 342—344.

[3] Ibid. S. 346—347.

[4] Ibid. S. 246.

[5] *Chałupczak H., Browarek T.* Mniejszości narodowe w Polsce 1918—1995. Lublin, 1998. S. 197.

[6] *Pisarski M.* Emigracja Żidów z Polski w latach 1945—1951 // Studia z dziejów i kultury Żydów w Polsce po 1945 roku. W-wa, 1997. S. 28—34; См. также: Najnowsze dzieje Żydów w Polsce w zarysie (do 1950). W-wa, 1993.

[7] Mniejszośti narodowe w Polsce. Praktyka po 1989 r. W-wa, 1998. S. 18.

[8] *Pisarski M.* Emigracja Żidów z Polski...S. 81.

[9] *Eberhardt P.* Op. cit. S. 349

[10] Ibid. S. 242, 246, 313.

[11] *Für L.* Kisebbség és tudomány. Budapest, 1989. 14 old.

[12] Cultural Pluralism and Cultural Identity. The Experience of Canada, Finland and Jugoslavia // Final Report of UNESCO Joint Study on Cultural Developmentin Countries Contatining Different National/or Ethnic Groups. Paris: UNESCO, 1985. P. 8.

[13] *Hoppál M.* A magyar kisebbségek a határokon túl. Az etnicitás dinamikája a szocialista országokban // Látóhatár. 1988, december. 188 old.

[14] Здесь и далее все данные о распаде Югославии взяты из кн.: Центральноевропейские страны на рубеже XX и XXI веков: Аспекты общественно-политического развития. Справочник. М., 2003. С. 185—248.

[15] *Задорожнюк Э.Г.* Любовью или железом достигается единение общества? // Вестник Российской Академии наук. 1993. Т. 63. № 12. С. 1103.

[16] Там же. С. 1104—1109. См. также: *Задорожнюк Э.Г., Харциева Г.Ю.* Алгоритм распада // Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий). М., 1994. С. 137—161.

[17] Центральноевропейские страны на рубеже XX и XXI веков. С. 33, 51, 77, 104, 128, 155, 182,192, 203, 221, 243.

[18] Цит. по: *Михник А.* Польский диалог: Церковь — левые. L., 1980. P. 67, 69.

[19] Cienie przeszłości wciąż kladą się na naszej terazniejszości // Życie. 1.12.2001.

[20] *Задорожнюк Э.* Социал-демократия в Центральной Европе. М., 2000. С. 257.

[21] Независимая газета.1 февраля 2001.

[22] Forum. O sudetoněmecké otázce // Soudobé dějiny. 1994. N 2/3. S. 240—241, 245.

[23] Ibid. S. 259.

[24] Konfliktní společenství, katastrofa, uvolnění: Náčrt výkladu nemecko-českých dějin od 19. Století. Vydala Společná česko-nemecká komise historiků. Mnichov, 1996. Брошюра имеет два титульных листа и тексты на двух языках — чешском и немецком.

inslav

[25] О декларации см. подробнее: *Марьина В.В.* Выселение немцев из Чехословакии: интернационализация и реализация идеи. 1944 — 1946 гг. // Славяноведение. 2003. № 3. Прилож. С. 40 — 43.

[26] Rzeczpospolita. 23.03.2002.

[27] Opinion Poll Institute. 07.05.2002.

[28] *Марьина В.В.* Выселение немцев из Чехословакии...С. 43 — 44.

[29] Mladá Fronta Dnes. 24.04.2002; Lidové noviny. 04.05.2002.

[30] IAR. 08.04.2002.

[31] Gazeta Wyborcza. 15.04.2002.

[32] *Панек Я., Пешек И.* Историки против насилия над историей. Точка зрения содружества историков Чешской Республики // Славяноведение. 2003. № 1. С. 55.

[33] IAR. 12.03.2002.

[34] Hospodárské noviny. 29.04.2002.

[35] ČTK. 16, 17. 04.2002.

[36] IAR. 01.03.2002.

[37] Ibid. 11.04.2002.

[38] Hospodárské noviny. 9,10.05.2002; Pravo. 10.05.2002.

[39] ČTK. 16.04.2002.

[40] Forum. S. 283.

[41] *Харциева Г.Ю.* О положении венгерского меньшинства в Чехо-Словакии (До ноября 1989 г. и в начале 90-х годов) // Национальный вопрос в Восточной Европе. Прошлое и настоящее. М., 1995. С. 273 — 274.

[42] Там же. С. 280.

[43] Českobudejovické listy. 22.04.2002; Lidové noviny. 10.05.2002.

[44] ČTK. 17.04.2002.

[45] Польща та Україна в тридцятих-сорокових роках XX століття. Невідомі документи з архівів спеціальних служб. Польське підпілля 1939 — 1941 рр. Львів; Коломия; Стрий-Золочів; Варшава; Київ, 1998. Т. 1. С. 11, 14; Polska-Ukraina. Trudne problemy. W-wa, 1999. T. 4.; Ibid. Wroclaw, 1999. T. 5.; *Miranovicz E.* Białoruś. W-wa, 1999. S. 113, 114, 130 — 131; *Міранович Я.* Новейшая гісторыя Беларусі. Беласток, 1999. С. 108 — 110, 119 — 121, 126 — 127 и др.

[46] Liga News. 23.04.2002.

[47] О дискуссии вокруг проблемы, кто должен первым извиниться за национальные конфликты, см.: *Harmaszewski W.* Najpierw byl Wołyń // Trybuna. 24.04.2002; *Gadzinowski P.* Sprzedaż wiązana // Ibid. 26.04.2002, и др.

[48] Życie. 11.12.2000.

inslav

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1

Из Программы первого чехословацкого правительства Национального фронта чехов и словаков

5 апреля 1945 г. *Кошице*

[...]

VIII

Горький опыт сосуществования чехов и словаков с немецким и венгерским меньшинствами, которые в большинстве стали послушным орудием захватнической политики, направленной против республики извне, и среди которых особенно чехословацкие немцы прямо содействовали истребительному походу против чешского и словацкого народов, вынуждают возрожденную Чехословакию к радикальным и необратимым действиям. Республика не хочет и не будет наказывать своих лояльных немецких и венгерских граждан, и особенно тех, которые в самые трудные времена сохранили верность ей, но с провинившимися она будет поступать строго и беспощадно, как того требует совесть наших народов, святая память неисчислимых наших мучеников, спокойствие и безопасность будущих поколений. Поэтому правительство будет придерживаться следующих правил:

Из граждан Чехословацкой республики немецкой и венгерской национальности, которые имели чехословацкое гражданство до Мюнхена 1938 г., чехословацкое гражданство будет подтверждено и возможное возвращение в республику гарантировано антинацистам и антифашистам, тем, кто уже до Мюнхена 1938 г. вел активную борьбу против Генлейна и против венгерских ирредентистских партий, выступал за Чехословацкую республику, кто после Мюнхена и после 15 марта немецкими и венгерскими властями за свое сопротивление и борьбу против установленного режима и за верность Чехословацкой республике подвергся преследованиям и был заключен в тюрьмы и концентрационные лагеря или же кто должен был из-за немецкого и венгерского террора бежать за границу и там активно участвовать в борьбе за восстановление Чехословакии.

inslav

Остальные чехословацкие граждане немецкой и венгерской национальности будут лишены чехословацкого гражданства. Эти граждане могут снова ходатайствовать о предоставлении им чехословацкого гражданства, при чем власти республики оставляют за собой право принятия индивидуального решения в каждом отдельном случае. Те немцы и венгры, которые предстанут перед судом и будут осуждены за преступления против республики и против чешского и словацкого народов, будут лишены чехословацкого гражданства и выдворены из республики навсегда, если они не подлежат уголовному наказанию.

Немцы и венгры, которые переселились на территорию Чехословацкой республики после Мюнхена 1938 г., будут немедленно выдворены из республики, если они не подлежат уголовному наказанию. Исключение составляют лица, которые действовали на благо Чехословакии.

[...]

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в кн.: Cestou Května. Dokumenty k počátkům naší národní a demokratické revoluce. Duben 1945 — květen 1946. Praha, 1975. S. 37—38.

№ 2

Из выступления К. Готвальда на собрании актива функционеров Коммунистической партии Чехословакии

12 мая 1945 г. *Прага*

[...]

Коротко еще упомяну о немцах и венграх. Правительственная программа говорит, что за исключением немцев и венгров, которые активно боролись против немецкого и венгерского фашизма, которые боролись за Чехословацкую республику либо в стране, либо за границей, все остальные будут лишены чехословацкого гражданства. Те, которые провинились, а это означает все активные немецкие фашисты, будут арестованы, а с остальными поступят соответственно обстоятельствам. Это не будет легкой проблемой главным образом потому, что господа на Западе, несмотря ни на что, немцев защищают (выражения негодования), но я думаю, что мы не должны будем на это оглядываться, и то, что сможем сделать в рамках своей собственной компетенции, т.е. в рамках нашего чехословацкого государственного суверенитета и с помощью нашей государственной чехословацкой власти, сделаем. Мы, коммунистическая партия, будем защищать всех настоящих немецких и венгерских антифашистов, особенно рабочих, наших с вами товарищей, но про-

inslav

тив остальных, большинство которых, как вам известно, ужасно вело себя по отношению к нам, будем проводить немилосердную и безжалостную политику. (Аплодисменты.)
[...]

Перевод с чешского языка

Опубликовано в кн.: Cestou Května. Dokumenty k počátkům naší národní a demokratické revoluce. Duben 1945 — květen 1946. Praha, 1975. S. 140.

№ 3

Из Декрета президента республики о прекращении действия некоторых имущественных юридических актов периода несвободы и о национальном управлении имуществом немцев, венгров, предателей, коллаборационистов и некоторых организаций и институтов

19 мая 1945 г. *Прага*

[...]

§ 2

(1) Имущество государственно неблагонадежных лиц на территории Чехословацкой республики переводится под национальное управление в соответствии с последующими установлениями данного декрета.
(2) Имуществом государственно неблагонадежных лиц считается также имущество, приобретенное этими лицами после 29 сентября 1938 г., если даже приобретатель не знал о том, что речь идет о таком имуществе.
[...]

§ 4

Лицами государственно неблагонадежными считаются:
а) лица немецкой или венгерской национальности,
б) лица, которые развивали деятельность, направленную против государственного суверенитета, самостоятельности, целостности, демократическо-республиканской формы государства, безопасности и защиты Чехословацкой республики, которые такую деятельность инициировали или хотели привлечь к ней других лиц и намеренно поддерживали каким-либо образом немецких и венгерских оккупантов.
[...]

Перевод с чешского языка

Опубликовано в кн.: Cestou Května. Dokumenty k počátkům naší národní a demokratické revoluce. Duben 1945 — květen 1946. Praha, 1975. S. 162—170; Dekrety Prezidenta Republiky 1940—1945. Č I—II. Brno, 1995. S. 216—221.

inslav

№ 4

Из Декрета президента республики о конфискации и ускоренном разделе сельскохозяйственного имущества немцев, венгров, а также предателей и врагов чешского и словацкого народов

21 июня 1945 г. *Прага*

Идя навстречу желанию чешских и словацких крестьян и безземельных о последовательном проведении новой аграрной реформы и руководствуясь стремлением раз и навсегда отобрать землю у иностранных немецких и венгерских помещиков, а также у предателей республики и передать ее в руки чешского и словацкого крестьянства и безземельных, по предложению правительства постановляется:

§ 1

(1) Немедленно и безвозмездно конфискуется на цели аграрной реформы сельскохозяйственное имущество, которое находится в собственности:

а) всех лиц немецкой и венгерской национальности, невзирая на гражданство,

б) предателей и врагов республики любой национальности и гражданства, проявивших эту враждебность особенно во время кризиса и войны в 1938 — 1945 гг.

в) акционерных и иных обществ и корпораций, правление которых умышленно и намеренно содействовало ведению немцами войны или поддерживало фашистские и нацистские цели.

(2) У лиц немецкой и венгерской национальности, которые активно участвовали в борьбе за сохранение целостности и освобождение Чехословацкой республики, сельскохозяйственное имущество, указанное в пункте 1, не конфискуется.

(3) О том, можно ли допустить исключения согласно пункту 2, решение принимает по предложению крестьянской комиссии соответствующий районный национальный комитет. Сомнительные случаи районный национальный комитет передает на рассмотрение земского национального комитета, который после соответствующей экспертизы передает вопрос об окончательном решении министерству сельского хозяйства, действующему в согласии с министерством внутренних дел.

§ 2

(1) Лицами немецкой или венгерской национальности считать тех, которые во время любой переписи населения с 1929 г. заявили о своей немецкой или венгерской национальности

inslav

или же стали членами национальных групп, либо организаций, либо политических партий, объединяющих лиц немецкой или венгерской национальности.

(2) Исключения из установлений пункта 1 будут определены особым декретом.

[...]

Перевод с чешского языка

Опубликовано в кн.: Cestou Května. Dokumenty k počátkům naší národní a demokratické revoluce. Duben 1945 – květen 1946. Praha, 1975. S. 226–233; Dekrety Prezidenta Republiky 1940–1945. Č I–II. Brno, 1995. S. 276–281.

№ 5

Из Конституционного декрета президента республики об оформлении чехословацкого гражданства лиц немецкой и венгерской национальности

2 августа 1945 г. *Прага*

По предложению правительства и по договоренности со Словацким национальным советом постановляется:

§ 1

(1) Чехословацкие граждане немецкой или венгерской национальности, которые в соответствии с предписаниями иностранных оккупационных властей получили немецкое или венгерское гражданство, лишаются со дня получения такого гражданства чехословацкого гражданства.

(2) Остальные чехословацкие граждане немецкой или венгерской национальности лишаются чехословацкого гражданства со дня вступления в действие данного декрета.

(3) Этот декрет не распространяется на немцев и венгров, которые в период повышенной угрозы для республики...официально заявили о себе как о чехах и словаках.

(4) Чехи, словаки и лица иных славянских народов, которые в это время заявили о себе как о немцах или венграх, будучи принуждены к этому насилием или обстоятельствами особого рода, не рассматриваются в соответствии с данным декретом как немцы или венгры, если министерством внутренних дел будет подтверждена их государственная благонадежность, о чем принимает решение соответствующий районный национальный комитет (районная комиссия по управлению) после изучения представленных обстоятельств и фактов.

§ 2

(1) Лица, подпадающие под установления § 1, которые докажут, что остались верны чехословацкой республике, никогда не

inslav

провинились перед чешским и словацким народами и либо активно участвовали в борьбе за их освобождение, либо пострадали от нацистского или фашистского террора, сохранят чехословацкое гражданство.

(2) Просьбу о подтверждении того, что чехословацкое гражданство сохраняется, можно подать в течение шести месяцев со дня вступления в силу данного декрета в соответствующий районный национальный комитет (районную комиссию по управлению), или же, если проситель живет за границей, в представительное учреждение. Решение принимает министерство внутренних дел по предложению земского национального комитета, в Словакии — Словацкого национального совета. Эти лица вплоть до принятия решения считаются чехословацкими гражданами, если районный национальный совет (районная комиссия по управлению) или же представительное учреждение подтвердит обстоятельства, указанные в предыдущем параграфе.

(3) О сохранении чехословацкого гражданства участниками чехословацких воинских формирований, принадлежащих к лицам немецкой или венгерской национальностей, будет в ближайшее время решать в соответствии с его официальными функциями министерство внутренних дел на основе предложения министерства национальной обороны. Вплоть до принятия официального решения они должны рассматриваться как чехословацкие граждане.

§ 3

Лица, утратившие чехословацкое гражданство на основе § 1, могут в течение шести месяцев со дня, определенного специальным извещением министерства внутренних дел, опубликованном в Сборнике законов и постановлений, подать соответствующему районному национальному комитету (районной комиссии по управлению) или представительному учреждению просьбу о его восстановлении. По этой просьбе примет решение, взвесив все соображения, министерство внутренних дел, опирающееся на предложение земского национального комитета, в Словакии — Словацкого национального совета.

[...]

Перевод с чешского языка

Опубликовано в кн.: Cestou Května. Dokumenty k počátkům naší národní a demokratické revoluce. Duben 1945 — květen 1946. Praha, 1975. S. 260–262; Dekrety Prezidenta Republiky 1940–1945. Č I–II. Brno, 1995. S. 345–348.

inslav

№ 6

Из Декрета президента республики о национализации рудников, шахт и некоторых промышленных предприятий

24 октября 1945 г. *Прага*

[...]

§ 7

(1) За национализированное имущество, которое в период фактического окончания оккупации и нацистского либо фашистского режима без сомнения находилось или находится в собственности далее указанных субъектов, компенсация не предоставляется:

а) Германской империи, Венгерскому королевству, юридическим лицам согласно немецкой или венгерской юрисдикции, немецкой нацистской партии и венгерским политическим партиям, а также иным учреждениям, организациям, предприятиям, объединениям граждан, фондам и имуществам целевого назначения указанных и связанных с ними режимов, как и иным немецким и венгерским юридическим лицам,

б) физическим лицам немецкой или венгерской национальности, за исключением тех, которые представят доказательства того, что остались верными Чехословацкой республике, никогда не провинились перед чешским и словацким народами и либо активно участвовали в борьбе за ее освобождение, либо пострадали от нацистского или фашистского террора.

[...]

Перевод с чешского языка

Опубликовано в кн.: Cestou Května. Dokumenty k počátkům naší národní a demokratické revoluce. Duben 1945 — květen 1946. Praha, 1975. S. 288—289; Dekrety Prezidenta Republiky 1940—1945. Č I—II. Brno, 1995. S. 481—482. (В тот же день президентом были подписаны декреты о национализации некоторых предприятий пищевой промышленности, о национализации акционерных банков и частных страховых компаний.)

№ 7

Из Декрета президента республики о конфискации вражеского имущества и Фондах национального обновления

25 октября 1945 г. *Прага*

По предложению правительства и по соглашению со Словацким национальным советом постановляется:

inslav

Часть 1

Конфискация вражеского имущества

§ 1

(1) Конфискуется без возмещения — если этого еще не произошло — в интересах Чехословацкой республики движимое и недвижимое имущество, преимущественно и имущественные права (как дебиторская задолженность, ценные бумаги, вклады, нематериальные права), которое ко дню фактического окончания немецкой и венгерской оккупации находились или еще находятся в собственности:

а) Германской империи, Венгерского королевства, юридических лиц согласно немецкой или венгерской юрисдикции, немецкой нацистской партии и венгерских политических партий, а также иных образований, организаций, предприятий, объединений граждан, фондов и имуществ целевого назначения указанных и связанных с ними режимов, как и иных немецких и венгерских юридических лиц,

б) физических лиц немецкой или венгерской национальности, за исключением тех, которые представят доказательства того, что остались верными Чехословацкой республике, никогда не провинились перед чешским и словацким народами и либо активно участвовали в борьбе за ее освобождение, либо пострадали от нацистского или фашистского террора.

[...]

Перевод с чешского языка

Опубликовано в кн.: Cestou Května. Dokumenty k počátkům naší národní a demokratické revoluce. Duben 1945 — květen 1946. Praha, 1975. S. 319–320; Dekrety Prezidenta Republiky 1940–1945. Č I–II. Brno, 1995. S. 848–849.

№ 8

Из выступления К. Готвальда на заседании ЦК КПЧ

9 июня 1948 г. *Прага*

[...]

Мы должны считаться и в дальнейшем с существованием у нас нескольких сотен тысяч венгров. Мы должны будем предоставить им некоторые права, примерно такие, какие имеют поляки и украинцы; это означает гражданские права, избирательное право, [возможность иметь] какие-то школы, [создавать] какие-то объединения, правда, никаких самостоятельных политических партий, никаких профсоюзных организаций, никакого особого статуса и т.д. Что-то мы должны им дать, чтобы нас это больше не беспокоило. Это необходимо и

inslav

по внешнеполитическим причинам. Это — дыра во всей системе. Это — постоянно открытая рана, которую мы должны, безусловно, залечить.

[...]

Перевод со словацкого языка

Опубликовано в кн.: Komunistická strana Slovenska. Dokumenty z konferencií a plén 1944—1948. Bratislava, 1971. S. 699—700.

№ 9

Из решения президиума ЦК КПЧ по венгерскому вопросу

8 июля 1948 г. *Прага*

[...]

В десятидневный срок в сотрудничестве с соответствующими партийными и правительственными органами разработать подробно все политические, организационные и законодательные мероприятия. В основу положить:

а) предоставление всех гражданских прав;

б) не допустить введения особого статута меньшинства;

в) не допустить создания какой-либо политической организации и партии, учитывая, что венгерские коммунисты будут приниматься в КПЧ;

г) в школах всех ступеней будут созданы параллельные классы для венгерских детей. Заявления детей ресловакизантов в венгерские классы приниматься не будут (обеспечение по внутренней линии).

[...]

Перевод со словацкого языка

Опубликовано в кн.: Komunistická strana Slovenska. Dokumenty z konferencií a plén 1944—1948. Bratislava, 1971. S. 701.

№ 10

Резолюция пленарного заседания Центрального комитета Коммунистической партии Словакии об урегулировании положения лиц венгерской национальности в Чехословацкой республике

28 сентября 1948 г. *Братислава*

Центральный комитет коммунистической партии, исходя из того факта, что и после проведенного обмена населением значительное число лиц венгерской национальности остается в ЧСР, что в Венгрии рабочий класс и прогрессивные силы ликвидируют экономические и политические оплоты феодализма

inslav

и буржуазии, а тем самым и устраняют ревизионистские и империалистические умыслы против нас, исходя из потребности усилить мировой лагерь народно-демократических наций во главе с Советским Союзом и базируясь на идее пролетарского интернационализма и сталинском учении о равноправии народов, постановил следующее:

1. Одобряет доклады товарища Широкого и товарища Гусака по вопросу урегулирования положения лиц венгерской национальности в ЧСР, как и конкретные мероприятия, содержащиеся в докладах.
2. Соглашается с тем, чтобы лицам венгерской национальности, которые не провинились перед нашим государством, было предоставлено чехословацкое гражданство, все гражданские, политические и демократические права, и была дана возможность полного национального, экономического и культурного развития.
3. Вменяет в обязанности всем своим организациям при осуществлении этих принципов устранять недоверие и предрассудки между словацкими и венгерскими трудящимися, бороться против шовинистических и националистических перегибов и укреплять братство и сотрудничество словацких и венгерских трудящихся.

Центральный комитет КПС, принимая это решение, убежден, что тем самым наилучшим образом служит не только делу мира, прогресса и социализма, но и собственным интересам словацких трудящихся.

Перевод со словацкого языка

Опубликовано в кн.: Komunistická strana Slovenska. Dokumenty z konferencií a plén 1944—1948. Bratislava, 1971. S. 754—755.

№ 11

Чешско-немецкая декларация

Правительства Чешской Республики и Федеративной Республики Германия, памятуя о Договоре между Чешской и Словацкой Федеративной Республикой и Федеративной Республикой Германия о добрососедстве и дружественном сотрудничестве от 27 февраля 1992 года, которым чехи и немцы подали [друг другу] руку; имея в виду длительную историю плодотворного и мирного сосуществования чехов и немцев, в ходе которого возникло богатое культурное наследие, существующее и поныне; будучи убеждены, что совершенные несправедливости нельзя исправить, но, самое большее, смягчить, и что при этом не должны быть совершены новые несправедливости; сознавая, что Федеративная Республика Германия полностью

inslav

поддерживает принятие Чешской Республики в Европейский Союз и организацию Североатлантического пакта в уверенности, что это в их взаимных интересах; заявляя о доверии и открытости во взаимоотношениях, как предпосылке длительного и рассчитанного на будущее примирение, совместно заявляют:

1. Обе стороны сознают свои обязанность и ответственность за дальнейшее развитие чешско-немецких отношений в духе добрососедства и партнерства и содействуют тем самым созданию объединяющейся Европы.

   Чешская Республика и Федеративная Республика Германия сегодня исповедуют общие демократические ценности, уважают права человека, основные свободы и нормы международного права и привержены принципам правового государства и политике мира. На этой основе они полны решимости дружески и тесно сотрудничать во всех областях, важных для взаимных отношений.

   Обе стороны также сознают, что общая дорога в будущее требует ясной оценки прошлого, причем причина и следствие в развитии событий не могут быть опущены.
2. Немецкая сторона признает ответственность Германии за ее роль в историческом развитии, которое привело к Мюнхенскому соглашению 1938 г., к бегству и изгнанию людей из чехословацкого пограничья, а также к развалу и оккупации Чехословацкой Республики.

   Она сожалеет о страданиях и несправедливостях, которые были совершены по отношению к чешскому народу в результате злодеяний немецких национал-социалистов. Немецкая сторона воздает честь жертвам национал-социалистского правительства насилия и тем, кто этому правительству насилия оказывал сопротивление.

   Немецкая сторона понимает также, что национал-социалистская политика насилия в отношении чешского народа содействовала созданию почвы для послевоенного бегства, изгнания и принудительного выселения [немцев].
3. Чешская сторона сожалеет, что в ходе послевоенного выдворения, как и принудительного выселения судетских немцев из тогдашней Чехословакии, экспроприации и лишения гражданства было принесено много страданий и совершено много несправедливостей в отношении невинных людей, при этом и в результате определения характера вины как коллективной.

   Особенно [чешская сторона] сожалеет об эксцессах, которые противоречили элементарным принципам гуманизма и действующим тогда правовым нормам, и, кроме того, сожалеет, что на основе закона № 115 от 8 мая 1946 г. была дана возможность не рассматривать эти эксцессы как бесправие и что вследствие этого эти деяния не были наказаны.

inslav

4. Обе стороны согласны в том, что совершенные несправедливости останутся в прошлом, и что они (стороны. — *примеч. пер.*), таким образом, будут ориентироваться в своих отошениях на будущее. Именно потому, что они помнят о трагических главах своей истории, они полны решимости в дальнейшем отдавать предпочтение в своих отношениях договоренностям и взаимному согласию, причем каждая из сторон исходит из своего правопорядка и уважения к тому, что другая сторона имеет иные правовые воззрения. Поэтому обе стороны заявляют, что не будут отягощать свои отношения политическими и правовыми вопросами, проистекающими из прошлого.
5. Обе стороны подтверждают свои обязательства, вытекающие из статей 20 и 21 Договора между Чешской и Словацкой Федеративной Республикой и Федеративной Республикой Германия о добрососедстве и дружественном сотудничестве от 27 февраля 1992 года, в котором зафиксированы права представителей немецкого меньшинства в Чешской Республике и лиц чешского происхождения в Федеративной Республике Германия.
   Обе стороны понимают, что это меньшинство и эти лица играют важную роль в [их] взаимоотношениях, и констатируют, что их поддержка и в дальнейшем в интересах обеих сторон.
6. Обе стороны убеждены, что вступление Чешской Республики в Европейский Союз и свободное передвижение в этом пространстве в будущем облегчат сосуществование чехов и немцев.
   В этой связи они выражают пожелание, чтобы на основании Европейского договора о присоединении между Европейским сообществом и государствами, его членами, и Чешской республикой был достигнут значительный прогресс в области экономического строительства, включая возможность предпринимательской деятельности согласно статье 45 этого Договора. Обе стороны готовы в рамках своих правовых норм при рассмотрении просьб о пребывании [в стране] и о доступе на рынок труда особо учитывать гуманитарные и иные доводы, особенно родственные отношения, а также семейные и прочие взаимосвязи.
7. Обе стороны учреждают чешско-немецкий фонд будущего. Немецкая сторона заявляет, что готова вложить в этот фонд 140 млн немецких марок. Чешская сторона заявляет, что готова вложить в фонд (20 или 25) млн немецких марок. Обе стороны подпишут особое соглашение о совместном управлении фонда. Этот общий фонд буде служить для финансирования проектов, касающихся общих интересов (встреч молодежи, заботы о стариках, строительства и деятельности лечебных учрежде-

inslav

ний, заботы об архитектурных памятниках и кладбищах и их реконструкции, поддержки меньшинств, партнерских проектов, чешско-немецких дискуссионных форумов, совместных научных и экологических проектов, обучения языку, приграничного сотрудничества).

Немецкая сторона заявляет о своих обязательствах и ответственности в отношении всех, кто стал жертвой национал-социалистского насилия. Поэтому проекты, которые предназначены для этого, должны быть выгодны, прежде всего, жертвам национал-социалистского насилия.

8. Обе стороны согласны в том, что история развития отношений между чехами и немцами, особенно в первой половине XX века, требует совместного изучения, и поэтому позаботятся о продолжении успешно действующей чешско-немецкой комиссии историков.

Обе стороны рассматривают также поддержку и заботу о культурном наследии, которое объединяет чехов и немцев, как важный вклад в возведение мостов в будущее. Обе стороны договорятся об организации чешско-немецкого дискуссионного форума, который будет поддерживаться, прежде всего, из средств чешско-немецкого фонда будущего, и на нем (форуме. — *примеч. пер.*) будет под покровительством обоих правительств и при участии [представителей] всех кругов, заинтересованных в тесном и добром чешско-немецком партнерстве, развиваться чешско-немецкий диалог[1].

Перевод с чешского языка

Декларация опубликована в: Český dialog. 1997. Č. 1 – 2.

№ 12

Постановление палаты депутатов, касающееся послевоенных президентских декретов*

Палата депутатов Парламента Чешской республики

— не признавая попыток открыть вопросы, связанные с окончанием и результатами второй мировой войны,
— отмечая позитивное значение Чешско-Германской декларации и выраженного в ней стремления не отягощать будущее двусторонних отношений политическими и правовыми вопросами, корни которых уходят в прошлое,
— подтверждая, что добрососедские отношения и полноправное членство в Европейском союзе остаются внешнеполитическими приоритетами Чешской республики,
— исходя из того, что содержание и условия законодательства о реституции всецело и полностью находятся в ведении чешских конституционных органов,

inslav

провозглашает, что:

1) чехословацкое законодательство 1940—1946 гг., в том числе декреты президента республики, возникло, как и в других европейских государствах, в результате войны и поражения в ней нацизма;
2) послевоенные законы и декреты президента республики были реализованы в период после их издания таким образом, что в настоящее время на их основании не могут возникнуть какие-либо новые правовые отношения;
3) правовые и имущественные отношения, вытекающие из указанных законодательных актов, являются действительными, неприкосновенными и неизменными"

* Под таким названием заявление было опубликовано в Парламентском вестнике (Parlamentní zprávodaj. 25.VI.2002)[2]. Документ в переводе на русский язык предоставлен Я.В. Шимовым.

№ 13

Из Декларации о государственном суверенитете Республики Словения

2 июля 1992 г. *Любляна*

В соответствии с волей всех политических партий и депутатских групп, представленных в Скупщине Республики Словения, Скупщина Республики Словения на совместном заседании палат 2 июля 1990 года приняла и провозгласила "Декларацию о государственном суверенитете Республики Словения".

Статья 1

Исходя из права словенского народа на самоопределение и в соответствии с поправками X, XI, LXXII, XCII к конституции Республики Словения, а также с положениями международного пакта о гражданских и политических правах Скупщина Республики Словения провозглашает суверенитет Республики Словения.

Статья 2

Политическая, экономическая и правовая системы Республики Словения основаны на Конституции и законах Республики Словения. Конституция СФРЮ, союзные законы и другие союзные нормативные акты действуют на территории Республики Словения, если они не противоречат Конституции и законам Республики Словения.

[...]

inslav

Статья 5

Скупщина Республики Словения в течение одного года осуществит предписанную процедуру для принятия новой Конституции Республики Словения.

Статья 6

Настоящая Декларация вступает в силу со дня ее принятия и торжественного провозглашения на совместном заседании палат Скупщины Республики Словения.

Скупщина Республики Словении
Председатель *Д-р Франце Бучар*

Перевод с словенского языка

Опубликовано в кн.: Словения: Путь к самостоятельности. Документы / Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М., 2001. С. 163–165.

№ 14

Из Декларации по случаю провозглашения независимости

25 июня 1991 г. *Любляна*

Исходя из права словенского народа на самоопределение, из принципов международного права, из Конституции доныне существовавшей СФРЮ и из Конституции Республики Словении, население Республики Словения на плебисците 23 декабря 1990 года абсолютным большинством голосов приняло решение, определяющее его жизнь в будущем, — создать суверенное и независимое государство — Республику Словения, которая более не будет частью Социалистической Федеративной республики Югославия.

В соответствии с этим решением Скупщина Республики Словения на заседании обеих палат 25 июня 1991 г. на основании единогласного предложения всех парламентских партий и депутатских групп приняла конституционный акт о суверенитете и независимости Республики Словении.

I

Словения во взаимодействии с Республикой Хорватия еще до проведения плебисцита о суверенитете и независимости предложила остальным югославским республикам проект соглашения о союзе суверенных государств, или модель конфедерации, в рамках которой члены доныне существовавшей федерации и в будущем сотрудничали бы в экономической, оборонной, внешнеполитической и других областях. Предложение не встретило должного отклика. Скупщина Республики Словения

inslav

назначила проведение плебисцита, на котором население Словении подавляющим большинством голосов высказалось за суверенное и независимое государство — Республику Словения.

Резолюцией о предложении по договорному разъединению Социалистической Федеративной Республики Югославия и другими актами и сообщениями Словения информировала югославские республики и общественность Югославии о своих планируемых шагах, предпринять которые обязывал ее плебисцит, и предложила Югославии и югославским республикам как конституционным субъектам федерации договорное разъединение на два или более суверенных государств, которые взаимно признали бы международную правосубъектность друг друга. Одновременно она выразила также готовность к договоренности о долгосрочных и институциональных формах сотрудничества, включая урегулирование взаимоотношений в возможной югославской конфедерации или экономическом сообществе или каком-либо ином соответствующем объединении на благо ее народов и граждан.

Предложение о договорном разъединении и начале переговоров о новых формах объединения на основе проведенного ранее договорного разъединения и создания суверенных государств за исключением Республики Хорватии не было принято в ожидаемые разумные сроки, и Скупщина Республики Словения должна была принять конституционный акт о суверенитете и независимости Республики Словения.

[...]

Перевод со словенского языка

Опубликовано в кн.: Словения: Путь к самостоятельности. Документы / Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М., 2001. С. 218 – 219.

№ 15

Из Декларации о Суверенитете Социалистической Республики Македонии

25 января 1991 г. *Скопье*

Статья 1

Настоящей Декларацией выражается Социалистический суверенитет Республики Македонии в соответствии с конституционными положениями о независимости и территориальной целостности македонского государства, а также право македонского народа на самоопределение, включая право на отделение.

[...]

inslav

Статья 4

Социалистическая Республика Македония как суверенное государство самостоятельно принимает решение о будущих отношениях с государствами других народов Югославии в соответствии со своими интересами и демократическим путем.
[...]

Статья 6

Собрание СРМ и соответствующие органы Республики могут до принятия новой конституции самостоятельно предпринимать меры по защите прав и развитию тех групп македонского народа, которые проживают в качестве национальных меньшинств в соседних странах, македонцев в других странах, эмигрантов из Македонии и граждан, находящихся на временной работе за границей.

Статья 7

Если демократическим и договорным путем не решаются вопросы взаимоотношений суверенных республик СФРЮ или это будет сделано способом, угрожающим суверенитету Республики, то Собрание СРМ примет конституционный закон, утверждающий другие вопросы конституционно-правового характера, на основании которых СРМ как самостоятельное и независимое государство возьмет на себя реализацию суверенных прав, осуществляющихся через органы СФРЮ, и утвердит способ договоренности с другими республиками о правовом наследстве СФРЮ и взаимоотношениях в соответствии с положениями международного общественного права.

Статья 8

Настоящая Декларация вступает в силу со дня принятия...

Перевод с македонского языка

Опубликовано в кн.: Македония: Путь к самостоятельности: Документы / Сост. и отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М., 1997. С. 107—108.

№ 16

Из Декларации

17 сентября 1991 г. *Скопье*

Собрание Республики Македонии констатирует, что граждане Республики Македонии на референдуме, состоявшемся 8 сентября, подтверждая государственность и суверенитет Республики Македонии, выразили свою волю и отдали свой голос

inslav

за создание Республики Македонии в качестве суверенного и самостоятельного государства Македония с правом вступить в будущий союз суверенных государств Югославии.

Тем самым граждане Республики Македонии демократическим путем вписали новую страницу в многовековую македонскую историю окончательного обретения самостоятельности и суверенитета Республики Македонии в виде государства.

[...]

Статья 3

... Республика Македония выступает за всестороннее развитие добрососедских отношений, сотрудничество со всеми своими соседями, а также за развитие и сотрудничество со всеми европейскими и другими странами и международными организациями. В этом смысле Республика Македония жизненно заинтересована во включении в интеграционные процессы в Европе, а также в более широком участии в двусторонних и многосторонних формах сотрудничества в регионе, которые под влиянием современных тенденций будут все более крепнуть в интересах всех стран и народов, проживающих в этом регионе.

Статья 4

Республика Македония, строго уважая принцип неизменности границ как гарантии мира и безопасности в регионе и мире, и в этот раз подтверждает свою политику отсутствия и невысказывания территориальных претензий в отношении любой из граничащих с ней стран. В то же время Республика Македония будет решительно выступать против какого бы то ни было неуважения или угрозы ее территориальной целостности и суверенитету. Республика Македония будет строго придерживаться принципа, предусматривающего решение любых проблем во взаимоотношениях мирным способом, путем переговоров и на основе взаимного уважения.

Статья 5

Опираясь на нормы Конституции, касающиеся заботы о положении и правах групп македонского населения, проживающих в качестве национальных меньшинств в соседних странах, Республика Македония будет продолжать проводить политику, которая будет опираться на международные нормы и основная цель и сущность которой состоит в признании и уважении основных прав и свобод человека, а в эти рамках — свобод и прав македонцев, проживающих в качестве национальных меньшинств в соседних странах. Республика Македония понимает это вопрос как вопрос, который может решаться только мир-

inslav

ными, демократическими средствами, в духе европейских цивилизованных стандартов.

[...]

Перевод с македонского языка

Опубликовано в кн.: Македония: Путь к самостоятельности: Документы / Сост. и отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М., 1997. С. 109–110.

№ 17

Декларация о суверенитете Словацкой республики[3]

17 июля 1992 г. *Братислава*

Мы, демократически избранный Словацкий национальный совет, торжественно провозглашаем, что тысячелетняя борьба словацкого народа за самобытность увенчалась успехом. В этот исторический момент мы заявляем о естественном праве словацкой нации на самоопределение так, как это закреплено во всех международных договорах и соглашениях о праве наций на самоопределение.

Признавая это право, мы подчеркиваем, что также хотим самостоятельно разработать способ и форму национальной и государственной жизни, при этом будем уважать права каждого гражданина, к какой бы этнической группе, нации, национальному меньшинству он ни принадлежал; будем содействовать гуманистическим устремлениям Европы и всего мира.

Данной декларацией Словацкий национальный совет провозглашает государственную независимость Словацкой республики как основу суверенности словацкой нации.

Перевод со словацкого языка

Опубликована в кн.: Dokumenty Slovenskej národnej identity a státnosti. Bratislava, 1998. S. 578–579; Центральноевропейские страны на рубеже XX–XXI веков. Аспекты общественно-политического развития. Справочник. М., 2003. С. 173.

[1] Text česko-německé deklarace // Český dialog. 1997. Č. 1–2.

[2] Usnesení sněmovny k poválečným prezidenzským dekretům // Parlamentní zpravodaj. 25.VI.2002.

[3] Dokumenty Slovenskej národnej identity a státnosti. Bratislava, 1998. S. 578–579. Перевод со словацкого см: Центральноевропейские страны на рубеже XX–XXI веков: Аспекты общественно-политического развития. Справочник. М., 2003. С. 173.

inslav

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВНО — Антифашистское вече народного освобождения

АВНОЮ — Антифашистское вече народного освобождения Югославии

АК — Армия Крайова

АСНОМ — Антифашистское собрание народного освобождения Македонии

АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика

БАН — Болгарская Академия Наук

БиГ — Босния и Герцеговина

БКП — Болгарская коммунистическая партия

БССР — Белорусская Советская Социалистическая Республика

ВКП — Венгерская коммунистическая партия

ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)

ГКО — Государственный Комитет Обороны

ГлавПУРККА — Главное политическое управление Рабоче-крестьянской Красной Армии

ГУЛАГ — Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний

ДП — Демократическая партия

ЕКК — Европейская консультативная комиссия

ЕС — Европейский Союз

КАВНОХ — Краевое антифашистское вече народного освобождения Хорватии

КГБ — Комитет государственной безопасности

КиМ — Косово и Метохия

КП — Коммунистическая партия

КП(б)У — Коммунистическая партия (большевиков) Украины

КПГ — Коммунистическая партия Германии

inslav

КПС — Коммунистическая партия Словакии

КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза

КПЧ — Коммунистическая партия Чехословакии

КПЮ — Коммунистическая партия Югославии

КРН — Крайова Рада Народова

КУ — Корпус уполномоченных

Лит ССР — Литовская Советская Социалистическая Республика

МАДОС — Венгерский народный союз

МВД — Министерство внутренних дел

МИД — Министерство иностранных дел

НВС — Национальные вооруженные силы

НГХ — Независимое государство Хорватия

НДФ — Национально-демократический фронт

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел

НКГБ — Народный комиссариат государственной безопасности

НКИД — Народный комиссариат иностранных дел

НОБ — Народно-освободительная борьба

НПМХ — Независимая партия мелких хозяев

НРМ — Народная Республика Македония

ОМИ — Отдел международной информации

ООН — Организация Объединенных Наций

Операция "В" — Операция "Висла"

ОСО — Особое совещание

ОУН — Организация украинских националистов

ОФ — Освободительный фронт

ПКНО — Польский комитет национального освобождения

ПМСХ — Партия мелких сельских хозяев

ПНР — Польская Народная Республика

ППР — Польская рабочая партия

ППС — Польская социалистическая партия

ПСЛ — Польское Стронцитво Людове

РККА — Рабоче-крестьянская Красная Армия

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

inslav

СБ — Совет Безопасности

СГБ — Служба государственной безопасности

СиН — Свобода и Независимость

СК — Союз коммунистов

СКК — Союзная Контрольная комиссия

СКС — Союзный Контрольный совет

СМЕРШ — Смерть шпионам (советская военная контрразведка)

СМИ — Средства массовой информации

СМИД — Совет министров иностранных дел

СНВ — Словацкое национальное восстание

СНС — Словацкий национальный совет

СР — Словацкая Республика

СРЮ — Союзная Республика Югославия

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

СФРЮ — Социалистическая Федеративная Республика Югославия

США — Соединенные Штаты Америки

УНДО — Украинское национально-демократическое объединение

УНРА — Украинская национально-революционная армия

УПА — Украинская подпольная армия

УПА — Украинская повстанческая армия

УССР — Украинская Советская Социалистическая Республика

ФНРЮ — Федеративная Народная Республика Югославия

ФРГ — Федеративная Республика Германия

ЦК — Центральный комитет

ЦК ЕП — Центральный комитет евреев в Польше

ЧПК — Чехословацкая переселенческая комиссия

ЧР — Чешская Республика

ЧСР — Чехословацкая Республика

ЧССР — Чехословацкая Социалистическая Республика

ЧСФР — Чешская и Словацкая Федеративная Республика

inslav

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абакумов В.С. 52
Абашидзе А.Х. 29, 43
Абдурашидов Д.А. 97
Агурский М. 30
Адамский С. 47
Адельсон Й. 331
Александров Г.Ф. 186
Алпатов В.М. 29
Андерс В. 102
Ангелов В. 491
Аникеев А.С. 439
Антонеску И. 380, 385, 387, 397, 426. 427, 503
Апостол Г. 401
Аппельт 124
Асенов Б. 487
Афанасьев С.А. 155

Баев Й. 488
Байракумов К. 91
Балаж (Балаш) Б. 413
Балинов Ш. 95
Балог Ш. 256
Бальфур Дж. 177, 184
Бандера С. 101, 102
Бардошши Л. 426
Батакович Д. 447, 449, 450, 468
Бауэр О. 28
Бацилек К. 139
Баштёванский Ш. 142, 147
Бевин Э. 432, 439, 440
Безансон А. 352
Бекер Р. 11
Бём В. 259
Бенеш Э. 40, 43, 113, 114, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 123, 124, 125, 126, 127, 129, 131, 140, 145, 148, 153, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 169, 170, 171, 173, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 185, 196, 201, 204, 212, 213, 214, 216, 217, 218, 220, 222, 223, 224, 225, 226, 229, 230, 232, 234, 235, 237, 238, 239, 244, 246, 256, 258, 259, 261, 262, 264, 266, 268, 276, 277, 278, 279, 286, 287, 290, 297, 515, 516, 517, 518, 519, 521
Берия Л.П. 37, 52, 69, 72, 75, 78, 79, 80, 81, 83, 84, 88, 92, 93, 96, 98, 99, 167, 177, 191, 433, 436, 462
Берлинг З. 78
Берут Б. 41, 45, 314
Бетлен И. 384, 388, 427, 429
Бибо И. 415
Бирнс Дж. Ф. 41, 408
Блэр Т. 517
Бобан Л. 447, 449, 450
Богомолов А.Е. 162, 163, 164
Боровец Т. 102
Бочков М.И. 105
Брандт В. 511
Братиану Д. 380, 425, 432
Броунинг К. 345
Будак М. 466
Булатович М. 507
Булдаков В.Б. 30
Бульба Т. 102
Бурцев М.И. 226, 234
Бухарин Н.И. 33, 34
Бучар Ф. 537

Вайцзеккер Р. 512
Вало Й. 124
Ваннер Я. 10
Варский Л. 33
Вдовин А.И. 29
Вегелин Э. 352
Верблян А. 326
Весел М. 117
Виг К. 252
Вида И. 433

inslav

Видмар И. 472
Виерба О. 95
Вильсон В. 360, 416
Виноградов С.А. 430
Волков В.К. 419
Вольский В. 316
Ворнле Я. 369, 371, 429
Ворошилов К.Е. 167, 177, 221, 223, 245
Вышинский А.Я. 122. 123, 173, 177, 182. 188, 198, 199, 201, 218, 401, 402, 403, 409, 425, 429, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 439, 441, 442

Габсбурги 458
Гавел В. 508, 509, 510, 512, 516, 517
Гайду В. 266, 267
Гала Ф. 127
Галас Ф. 230
Галифакс Э.Ф.В. 424
Гарриман А. 177, 184
Гафенку Г. 378
Гейгер Б.Я. 418, 420, 426, 428
Геминдер Б. 191
Генлейн К. 154, 155, 168, 170, 184, 523
Георгиу-Деж Г. 401, 413, 414, 442
Гибианский Л.Я. 419, 439
Гиза А. 490, 492
Гиммлер Г. 195
Гирко Ф. 88
Гитлер А. 20, 21, 22, 29, 30, 35, 36, 38, 115, 154, 155, 156, 158, 161, 167, 174, 182, 204, 228, 273, 363, 365, 371, 386, 388, 420, 422, 425, 428, 440, 466, 497, 515, 516, 518
Глигоров К. 508
Глинка А. 114, 227, 228
Голдхаген Д.Д. 348
Гольдбергер Н. 434, 437
Гомулка В. 325, 326
Горак Й. 198, 199, 200
Горетить Й. 416, 442
Готвальд К. 43, 123, 124, 125, 127, 128, 129, 131, 134, 136, 138, 139, 141, 142, 143, 144, 171. 184, 187, 197, 229, 231, 239, 267, 273, 297, 306, 524, 530
Грабчик Ф. 197
Гречуха М. 104
Гроза П. 401, 403, 404, 405, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 435, 436. 437, 438. 439, 441, 442
Гундоров А.С. 136, 137
Гусак Г. 115, 124, 125, 126, 127, 128. 129, 131, 132, 133, 137, 138, 139, 140, 143, 144, 146, 228, 230, 532
Гусев Ф.Т. 173, 181, 182, 185
Гуськова Е.Ю. 14
Гюбл М. 513

Дакснер И. 147
Даладье Э. 156
Даниэль А. 43
Дараган 416
Дастич Ф. 241, 253
Деканозов В.Г. 167, 177, 270, 369, 373, 378, 421, 422, 424, 425, 438, 441
Демьянов Н.Я. 133, 140, 144
Деникин А.И. 90
Дёндёши (Дьендьеши) Я. 221, 241, 243, 244, 245, 246, 247, 249, 250, 251, 252, 254, 262, 263, 264, 267, 268, 269, 289, 290, 291, 295, 406, 407, 437, 438, 439, 441
Джигурту И. 423
Джилас М. 445, 448, 449, 451, 455, 458
Джорджеску Т. 442
Димитров Г. 34, 36, 37, 44, 49, 122, 124, 125, 129, 136, 170, 191, 193, 226, 233, 234, 237, 238, 239, 401, 435, 487, 488, 491, 493, 494
Димитров И. 495
Доланский Ю. 306
Долежал Б. 513, 514
Долл О. 95
Дрозд Л. 317
Дугин А. 30, 32
Дюриш Ю. 131, 137, 139, 142, 146, 287, 306

Жанич М. 466
Жданов А.А. 36, 271
Желицки Б.Й. 11, 14
Живков Т. 483, 487
Жижка Я. 467
Жуков Г.К. 187, 190, 191, 197, 198, 200, 201

Завадский А. 47
Задорожнюк Э.Г. 509, 510
Зайцев И. 149, 305
Запотоцкий А. 148, 306
Звара Ю. 223, 252

inslav

Зедов С. 91
Земан М. 516, 517, 519
Зечевич М. 472
Зорин В.А. 130, 132, 133, 134, 182, 185, 196, 198, 217, 218, 219, 286, 287, 432
Зудинов Ю.Ф. 14
Зулфикарпашич А. 447

Иден А. 159, 163, 165, 173, 179, 180, 209
Ижак Л. 258
Изетбегович А. 470, 506
Исламов Т.М. 359, 415, 416, 417, 419, 428, 433

Йорга Н. 378
Йордан (Иордан) И. 409, 440

Каменев Л.Б. 34
Кармазин Ф. 155, 195
Кароль II Гогенцоллерн 380, 426
Касаткин П.В. 96
Каутский К. 28
Квасьневский А. 518, 522
Келлер 245
Керр А.Д.К. 183
Керстен К. 39, 350
Кертес И. 244, 246, 248
Кидрич Б. 471
Кладовой 186
Клаус В. 509, 510, 514, 516, 518
Клейст Э. 98
Клементис В. 131, 147, 187, 188, 189, 196, 198, 289, 223, 230, 232, 243, 244, 245, 246, 248, 249, 250, 251, 254, 260, 267, 273, 277, 292, 299, 306
Климек А. 154
Кобулов Б.З. 73, 93, 98, 99
Ковач Д. 185, 186, 203
Ковач М. 509
Коларов В. 491
Коль Г. 514, 515
Кон-Бендит Д. 519
Конев И.С. 187
Коновалец Е. 101
Контлер Л. 416, 418
Копецкий В. 124, 125, 128, 132, 133, 138, 140, 142, 187, 306
Корнейчук А.Е. 161, 167, 170
Коротченко Д. 105
Корски И. 468, 469
Кот С. 80
Котев Н. 488
Коциловский Ю. 55
Кошут Л. 416
Кравчук М. 74
Крайгер Б. 472
Кристева Н. 487
Криштоффи-Юнгерт И. 369, 372, 373, 388, 421
Крно Д. 239, 241, 242, 248, 261
Кроснарж Й. 138
Кроя М. 456
Круглов С.Н. 88, 103, 105
Крутческу 429
Куглинов Б. 95
Курал В. 513, 514
Кучан М. 505
Кучма Л.Д. 521

Лаврентьев А.И. 372, 374. 375, 378, 382, 383, 422, 423, 425, 426, 432, 435, 435, 475
Лаврищев А.А. 246, 406, 440, 441
Лавров И.М. 271
Лазар Д. 433
Ленин В.И. 22, 23, 24, 26
Леонтьев А. 103
Леттрих Й. 135, 139, 140, 223
Литвинов М.М. 167, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 417, 430, 431, 434
Лозовский С.А. 123, 187, 195, 394, 396
Лука В. 442
Лукач Э.Б. 230
Лямпе А. 312

Майер В. 127, 183
Майский И.М. 389, 430
Маленков Г.М. 92, 167, 177
Мамулов 93
Маниу Ю. 380, 392, 399, 410, 414, 425, 427, 432
Маннергейм К.Г. 78
Манойлеску М. 423
Мануильский Д.З. 32, 394
Маркова Л. 486
Маркс К. 32
Марьина В.В. 11, 14, 278, 442
Масарик Т.Г. 153, 160, 232, 246, 268
Масарик Я. 173, 182, 196, 198, 218, 222, 237, 243, 267, 286
Матвин В.Л. 326, 327

inslav

Медведев И.Н. 275
Медьеши П. 521
Мельник А. 101
Мельников Г. 105
Меркис А. 87
Меркулов В.Н. 73, 75, 80, 98
Мечьяр В. 510, 521
Миколайчик С. 350
Микоян А.И. 167
Милошевич С. 507
Мильеран А. 361
Милякова Л.Б. 11, 14
Михай Гогенцоллерн 396, 398, 414, 432, 433, 436
Михайлов С. 483, 486
Мичев Д. 490, 491
Мищенко А. 521
Младенов П. 487
Молотов В.М. 35, 36, 69, 72, 83, 92, 119, 122, 129, 164, 165, 166, 167, 169, 177, 182, 183, 184, 185, 200, 214, 218, 262, 263, 254, 267, 268, 271, 326, 327, 369, 370, 372, 373, 374, 379, 380, 388, 389, 397, 407, 408, 413, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 429, 430, 432, 433, 436, 439, 440, 441, 462
Мольнар И. 44
Морель С. 343
Мощелков Е.Н. 28
Мунтян В.В. 25
Мурашко Г.П. 44, 193
Муссолини Б. 30, 156, 363, 364, 380, 417, 420, 422, 427, 466

Надь Ф. 262, 263, 264, 266, 269, 297, 411, 412, 413, 441
Неедлы З. 132, 133, 142, 187, 188, 195, 238
Незвал В. 230
Немец Ф. 122
Ненароков А.П. 25, 30
Николс Ф.Б. 159, 165, 173, 177, 178, 179, 196, 286
Новиков К.Н. 159
Новиков Н.В. 383, 390
Новомеский Л. 117, 121, 122, 124, 126, 131, 133, 137, 147, 229, 230
Носек В. 132, 138, 195, 219, 286, 306
Носек Й. 266
Носкова А.Ф. 44, 193
Носкова Х. 11

Окали Д. 292
Олексюк М. 74
Орбан В. 520
Оссовский С. 345
Осубка-Моравский Е. 320, 331
Охаб Э. 46, 332

Павлович М. 460
Патрашкану Л. 406, 442
Паукер А. 401, 442
Перуничин М. 447
Петё К. 258
Петёфи Ш. 467
Петранович Б. 455
Печатнов В.О. 439
Пётс К. 87
Питхард П. 513, 514, 521
Пияде М. 450
Подгорный Н. 316
Покивайлова Т.А. 415, 416, 417, 419, 428, 435
Поп В. 378
Поптомов В. 494
Пречан В. 117, 138
Пржигода П. 513
Прибичевич Р. 448
Путин В.В. 517
Пушкаш А.И. 418, 419
Пушкин Г.М. 239, 248, 407, 438
Пчиньский П. 450

Радл Э. 213, 231
Райниш Ш. 370, 371
Ракоши М. 237, 238, 239, 240, 262, 264, 265, 266, 270, 271, 272, 301, 442
Ранкович А. 451, 460
Рашич 373, 421, 422
Реваи Й. 272, 300
Ржешевский О.А. 439
Риббентроп И. 35, 371, 374, 376, 377, 442
Рипка Г. 117, 121, 129, 162, 163, 165, 173, 177, 181, 182, 185, 188, 200, 202, 217, 286
Рис-Пассер З. 515
Родионов А.И. 25
Розенберг А. 420
Рузвельт Ф.Д. 164, 166, 171, 178, 181, 216, 518
Руставели Ш. 204
Рыхлик Я. 131, 134, 141, 143
Рясный В.С. 103, 104

inslav

Салаши Ф. 230
Санатеску К. 398, 401, 402, 435
Сверчевский К. 346
Светонь Я. 223
Сегеди-Масак А. 253
Секфю (Секфью) Д. 270
Середа В.Т. 416, 442
Серов И.А. 73, 75, 87, 93, 98, 99, 102, 191, 192
Славин Г.М. 116
Сладек З. 205
Слама Й. 204, 205, 207
Сланский Р. 133, 138, 139, 192, 239, 300
Сметона А. 87
Смерек Я. 230
Смутны Я. 127, 133, 166
Соболев А.А. 173, 429
Соколовский В.Д. 197, 198
Солод Д. 389
Соммерштейн Э. 325
Спишьяк 429
Сталин И.В. 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 34, 35, 36, 41, 42, 44, 52, 69, 72, 74, 75, 79, 92, 98, 99, 104, 105, 119, 125, 129, 159, 165, 167, 169, 170, 171, 177, 178, 179, 181, 189, 190, 194, 200, 201, 209, 219, 220, 239, 240, 263, 264, 265, 270, 271, 279, 315, 326, 327, 374, 398, 401, 402, 407, 411, 412, 420, 437, 439, 441, 442, 462, 484, 491, 502, 518
Станек Т. 520
Станкович С. 438
Стояи 290
Стоянов В. 486
Странский Я. 127, 128, 129, 184
Стрэнг У. 181, 182
Строкач Т. 105
Стык Й. 126
Стыкалин А.С. 14, 433
Султан-Галиев 25
Суриц А.З. 394, 395, 396, 431, 442
Сусайков И.З. 437, 438, 441, 442
Суслов М.А. 148, 271
Сюч Л. 433

Таборский Е. 181
Тарле Е.В. 431
Татареску Г. 409, 413, 414
Тварожек 228
Тевченков А.Н. 433, 434
Телеки П. 223, 365, 371, 388, 419, 426
Тельман Э. 467
Тильди З. 221, 242, 248
Тисо Й. 115, 117, 130, 147, 228, 229, 230, 290
Тито Й. Броз. 439, 446, 447, 451, 454, 455, 457, 458, 459, 463, 469, 470, 475, 492, 493, 505, 508
Титулеску Н. 375
Трумэн Г. 40, 43, 190, 220
Туджман Ф. 506
Тых Ф. 347, 349, 522

Уллейн-Ревицки А. 367, 371
Ульбрихт В. 201
Ульманис К. 87
Урбсис Ю. 87
Урсини Я. 117, 126

Фабри З. 229, 230
Фабрициус В. 374
Фалькович С.М. 416
Фаркаш М. 235
Феррер-Вальднер Б. 515, 518
Ферхойген Г. 518
Фёдоров Н.Т. 428
Фирлингер З. 119, 122, 128, 161, 167, 169, 177, 182, 183, 188, 189, 190, 194, 214, 218, 219, 241, 242, 270, 286, 287, 306
Фраштяцкий Р. 144
Фриш Э. 124, 138, 140, 146
Фюлеп М. 397, 433

Хамваш Б. 359, 360
Харциева Г.Ю. 520
Хасани С. 474
Хлонд А. 349
Ходжа Э. 456, 458
Хоппал М. 504
Хорти М. 230, 273, 363, 370, 376, 398, 432
Хрущев Н.С. 104, 106, 315
Хурвиц-Новаковская И. 330

Цанава Л.П. 52, 75
Цап Й. 518
Цисарж Я. 171

Чаки И. 364, 366, 367, 368, 370, 371, 387, 419, 420, 422
Чемберлен Н. 156
Червенков В. 487
Чернек Я. 226

inslav

Черчилль У. 40, 41, 43, 164, 165, 171, 178, 179, 180, 181, 190, 196, 209, 398, 408, 424, 439, 484, 518
Чех Г. 433
Чиано Г. 364, 366, 376, 377, 422, 423
Чичаев И.А. 173
Чолакович Р. 448
Чосич Д. 472
Чупринка Т. 103

Шамиль 90
Шаронов Н.И. 364, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 385, 419, 420, 421, 422, 423, 426, 427, 428, 429
Шверма Я. 123
Швермова М. 138, 306
Шейкару П. 372, 380
Шептицкий А. 102
Шимов Я.В. 536
Шимунек 209
Шинделка Я. 256, 259
Широкий В. 131, 133, 137, 138, 139, 142, 146, 147, 229. 239, 306, 532
Шлюссель В. 515, 518
Шмераль С.А. 146
Шмидке К. 115, 116, 131, 135, 138, 139, 140, 146
Шолтес Й. 126, 137
Шрамек Й. 187
Шредер Г. 516, 519
Шробар В. 117, 126, 128
Штейн Б.Е. 394
Штейнгардт Л.Д. 203
Штирбей Б. 389, 390
Штойбер Э. 519
Шуленбург Ф. 379, 424
Шуменкович И. 430
Шустер Р. 512
Шухевич Р. 103

Щербаков А.С. 433, 434

Эберхардт П. 499, 500
Эрдманнсдорф О. 386, 426, 427
Эстерхази Я. 225, 227, 230, 231
Эттли К.Р. 190, 196, 220

Яжборовская И.С. 11, 14
Якеш 191
Яси О. 416

inslav

Научное издание

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СТРАНАХ ФОРМИРУЮЩЕГОСЯ СОВЕТСКОГО БЛОКА 1944–1948

Утверждено к печати
Ученым советом
Института славяноведения
Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *В.Н. Токмаков*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *З.Б. Павлюк*
Корректоры *Г.В. Дубовицкая, Е.Л. Сысоева*

Подписано к печати 16.06.2004
Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура Балтика.
Печать офсетная
Усл.печ.л. 34,5. Усл.кр.-отт. 34,5. Уч.-изд.л. 36,9
Тираж 560 экз. Тип. зак. 3386

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

ГУП "Типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

inslav

inslav